

Университет Культуры

Литературно-художественный альманах

2015 г.

Университет Культуры 2015

Дмитрий Левин. Скульптура святого князя Владимира.
Территория Знаменского собора в г. Кемерово

См. статью Людмилы Оленич «Князь Владимир в церковном искусстве 2015 года» на с. 290

Евгений Тищенко. Крещение Руси.

Фрагмент росписи Владимирского храма на территории оздоровительного центра «Каимское», Алтай

Иконописная мастерская Михаила Прошкина.

Евхаристия. Фрагмент росписи алтаря Владимирского (нижнего) храма Знаменского собора в г. Кемерово

Кемеровский государственный институт культуры

Университет Культуры

Литературно-художественный альманах

2015

Кемерово 2015

Редакционный совет

Е. Л. Кудрина – ректор Кемеровского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

А. В. Шунков – проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, доцент.

В. И. Бедин – советник при ректорате, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Редакционная коллегия

И. А. Куралов – главный редактор, член Союза писателей России, заместитель председателя Союза писателей Кузбасса, руководитель литературной студии КемГИК, лауреат премии имени В. Д. Фёдорова.

М. В. Литовченко – заведующая кафедрой литературы и русского языка КемГИК, кандидат филологических наук, доцент.

Е. А. Мироненко – доцент кафедры литературы и русского языка КемГИК, кандидат филологических наук.

А. А. Лушпей – старший преподаватель кафедры литературы и русского языка КемГИК.

Адрес редакции: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17; тел.: (3842) 73-30-64;
e-mail: nir@kemguki.ru

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры».

Адрес: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17; тел.: (8 384 2) 73-28-08;
e-mail: priemnaya@kemguki.ru

Издание осуществлено в рамках проекта «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций», реализуемого кафедрой литературы и русского языка КемГИК.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ТУ 42-00219**, выданное Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области от **07 мая 2010 г.**

Свободная цена

Редактор *О. В. Шомшина*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Дата выхода в свет 21.12.2015. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Уч.-изд. л. 26,0. Усл. печ. л. 35,8. Тираж 500 экз. Заказ № 3.

Отпечатано в издательстве КемГИК: 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19 А. Тел. 73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru

ISSN 2079-1917

16+

© Кемеровский государственный институт культуры, 2015
© И. А. Куралов, А. В. Шунков, составление, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Содержание

Екатерина Кудрина. Альманах открытий продолжается 4

Поэзия

Борис Белаиш. Как мог не замечать я счастья еще в недавних мирных днях? 7

Иван Волосюк. Там, где лежат пластами времена 11

Вера Агаркова. Все истории – о прощании, все истории – о спасении 14

Наталья Выборная. Многолуние 18

Евгений Капшук. Из полей потянуло простором 23

Александр Морозов. Я хочу, чтоб не было войны! 26

Владимир Шевчук. Когда вернешься, постучи в окно 32

Андрей Шталь. Козье болото 36

Проза

Глеб Бобров. Мергельные окопы Станицы. Саня Лютый и его Фермопилы. Три пули разведчика Унгера. *Фронтвые очерки* 40

Ирина Жужнева. Елки-палки. *Рассказ* 53

Эдауш Кауш. То, что никогда не войдет в легенду. *Рассказ* 56

Юрий Лиховидов. Совесть или то, что от нее осталось. *Рассказ* 61

Андрей Чернов. Ветер с Майданека. *Очерк* 67

Елена Настоящая. Убежище. *Рассказ* 72

Александр Мухарев. Великолепная семерка из Днепропетровска и Запорожья. *Эссе* 76

Виталий Крёков. Наказание. Сухая Речка. Царство Божие. Воробьёв. Третий приступ. Воспитание кривых бревен. На Дурноезжем. Федор Григорьевич, Дерик и другие. *Рассказы и повести* 89

Литературная мастерская

Русский мир. Диалог культур. Эссе победителей и участников конкурса творческих работ обучающихся образовательных учреждений Кемеровской области 162

Поколение Next. Стихи, проза, публицистика, журналистские тексты участников детского пресс-центра «Поколение Next» 190

Литературоведение, критика

Галина Карнова. Статьи о творчестве поэтов Кузбасса 250

Изобразительное искусство

Людмила Оленич. Князь Владимир в церковном искусстве 2015 года 290

Музыка

Валерий Плющев. Музыкант из Кемерова. *Интервью с Марком Фуксманом* 294

Альманах открытий продолжается

2015 год – год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и Год литературы в России. Эти два события не только стали главными приоритетами года, придали ему неповторимые исторические черты, значение, окраску, но и позволили по-особому взглянуть на историю и современность нашей страны, увидеть, что многое, если не все, что сегодня есть у нас – народа России, – это результат Великой Победы.

Не правы те, кто считает, что два главных события текущего года не связаны между собой. На самом деле их внутренняя связь вполне очевидна: Год литературы – один из результатов Победы. Без одного не было бы другого.

И очень важно, что в 2015 году Россия активно напоминает своим гражданам о необходимости знать литературу и читать книги. Ведь

именно это – привлечение внимания общества к литературе и чтению – и является, в соответствии с Указом Президента России, главной целью Года литературы.

Не менее важно и то, чтобы люди помнили о чтении не только в Год литературы, но и после него, каждый день. На решение этой задачи работают высшие и средние учебные заведения, библиотеки, союзы писателей, литературные журналы. Не стоит в стороне и наш вуз с альманахом «Университет Культуры».

2015 год стал для альманаха, как и прежде, годом открытий. В портфеле редакции появились произведения как известных писателей, так и литераторов, совсем неизвестных читателям. Обширны и тематика, и жанровое разнообразие нового номера: стихи, проза, публицистика, литературоведение, критика, изобразительное искусство, музыка.

Редакции удалось найти полные, несокращенные варианты прозы Виталия Крёкова, известного поэта, которого многие его коллеги по праву считают одним из талантливейших поэтов России. Не менее талантлива и проза Крёкова. Ни на кого не похожая, своеобразная, местами неказистая, она – подробная энциклопедия городской окраины и деревни с сороковых до девяностых годов XX века, картина жизни простых и не очень простых людей того времени.

Особый раздел альманаха составляют произведения русских писателей Украины. Это современные поэты, прозаики, публицисты, в том числе живущие в Донбассе. Во многих произведениях зримо присутствуют реалии гражданского конфликта, начавшегося с антиконституционного государственного переворота в феврале 2014 года в Киеве. Что бы ни говорили сегодняшние официальные украинские идеологи, произведения, представленные в нашем альманахе, реально показывают: русский мир Украины, в частности русский писательский мир, творчески силен и талантлив.

В номере есть две подборки детско-юношеского литературного творчества. В одной представлены эссе победителей и участников проведенного нашим вузом регионального конкурса творческих работ обучающихся образовательных учреждений Кемеровской обла-

сти «Русский мир. Диалог культур». В другой – стихи, проза, публицистика, журналистские материалы участников Кемеровского детского пресс-центра «Поколение Next».

Раздел «Изобразительное искусство» связан с именем крестителя Руси святого князя Владимира. В нем представлены памятник князю, открытый на территории Знаменского кафедрального собора в Кемерове в 2015 году, и работы кемеровских художников. В посвященной этим работам статье сказано: «В нашей истории совсем немного тысячелетних дат, имеющих общекультурное значение. 2015 год несет в себе память о кончине святого князя Владимира десять веков назад. Это событие стало поводом для строительства новых Владимирских церквей, создания пластических изображений крестителя Руси. И, судя по всему, великий князь до сих пор привносит в жизнь потомков созидательное начало, вдохновляя художников к творческим свершениям». С этим нельзя не согласиться, потому что памятник князю и посвященные ему работы художников – очевидный результат созидательного начала.

Здесь – не полная картина открытий нашего альманаха. Читатель увидит полную. И убедится: альманах открытий продолжается.

*Е. Л. Кудрина,
ректор Кемеровского государственного института культуры,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник культуры Российской Федерации*

Русские писатели Украины

Наш журнал предлагает читателям обширную подборку произведений современных русских поэтов, прозаиков, публицистов Украины, в том числе писателей, живущих в Донбассе. Во многих произведениях зримо присутствуют реалии гражданского конфликта, начавшегося с антиконституционного государственного переворота в феврале 2014 года в Киеве.

Произведения русских писателей Украины представил редакции литератор Александр Мухарев, еще недавно живший в Днепрпетровске и вынужденный покинуть город и страну из-за начавшихся гонений на людей, не согласных с политикой новых правителей, незаконно пришедших к власти. Сегодня Александр живет в Кемерове.

Собирать тексты пришлось по электронной почте. Не все авторы предложили свои фотографии и развернутые справки о себе. Но авторские подборки от этого не стали хуже. Они состоят из талантливых, искренних, честных стихов и прозы о мире, о войне, о душе, о себе, о любви.

Редакция журнала благодарит Александра Мухарева за помощь в создании подборки «Русские писатели Украины».

Борис Белаш

Белаш Борис Федорович – украинский прозаик и поэт, заслуженный деятель культуры Украины, народный депутат Верховной рады, почётный гражданин города Святогорска.

Родился в 1941 году. Детство и юность прошли в Горловке. Учился в Горловском индустриальном техникуме им. К. А. Румянцева, работал забойщиком на знаменитой шахте «Кочегарка». Позже окончил Харьковский педагогический институт и Литературный институт им. Горького. Публиковался в литературных журналах, коллективных сборниках, антологиях. Автор более двух десятков книг. Лауреат премии «Золотое колесо фортуны» и многих других. Член Национального союза писателей Украины. В честь 20-летия независимости Украины поэту Борису Белашу в августе 2011 года было присвоено звание «Герой Украины». Живет в Донецке.

Как мог не заметить я счастья еще в недавних мирных днях?

Новогоднее утро 2014 года

Снегами даль занесена.
И над моим рассветным краем
Стоит такая тишина,
Как будто он необитаем.
И никому еще не знать,
Что скоро так оно и будет.
Ну, а пока что – благодать.
И спят, не зная горя, люди.

Обычное

От бомбы, сверху сброшенной
подонком,
Направившим на хату штурмовик,
Зиять осталась черная воронка.
О Господи, кому мешал старик?
Погасла поминальная свеча.
Могила одинокая просела.
И только дух витает по ночам
Невинного
На пустоши горелой.

В порочном круге

Мир полон радости и света,
Любви, цветов и тишины.
И трудно верится,
Что где-то
Раскачен маховик войны.
Какое счастье на рассвете
Соловушки услышать трель.
В песочнице играют дети.
В пыльцу цветка зарылся шмель.
И так всегда.
И кто ответит,
Что близь,
Жестока и слепа,
Работает машина смерти,
Круша людские черепа?

Предполагаемое

Нам кажется, творится беспредел.
Клубится дым, не уносимый ветром.
И каждый день бомбежки и обстрел.
И нет числа ни в чем невинным
жертвам.
А может,
Как хозяин огород,
Так и Господь,
Нас сталкивая лбами,
Тем самым человеческий чистит род
Старательно незримыми граблями.

В осажденном городе

Штурмуют самолеты боевые,
Стирая мирный город в порошок.
Мы дожили до дня,
когда живые
Завидуют всем тем,
кто отошел

В незыблемый покой иного мира.
Где за стабильность отвечает Бог.
Сырой подвал надолго стал квартирой
Для тех,
кто убежать от взрывов смог.
Пока кварталы содрогают пушки
И горло перехватывает страх...
Друг к другу жмутся дочкины игрушки,
Оставленные ею впопыхах.

Сева

Хозяин маленького друга,
Когда тот радостно к нему,
Встречая, прыгнул,
Был напуган
И, сам не зная почему,
Назвал кота сепаратистом,
Скорей всего, что сгоряча.
Котенок с шерсткой серебристой
Дал из квартиры стрекача,
За что? –
Не выходя свирепо,
Всегда игрив,
потешен,
мил...
Он, все ж,
смирился с кличкой Сева
И оскорбление простил,
Когда обед был подан...
Он
Любил с курятиной бульон.

Четыре месяца

Жируют дети сатаны.
Скорбит по павшим Украина.
Четыре месяца войны.
Донбасс в обугленных руинах.
Лютуют «грады», «ураган»
По городам без передышки.

Распаривает небо вспышки,
Пугая мирных горожан.
И это все во имя мира.
Ни днем покоя,
 ни в ночи...
Когда грохочут пушки,
 Лира
В косынке траурной молчит.

Современное

В час, когда выходят волки
На охоту,
За стога,
Предложила на метелке
Прокатиться мне Яга
Над рекой,
Березняком,
Поймами,
Лугами.
Да с пригигом,
Ветерком.
Как откажешь даме –
Подсмотреть чужие сны,
Взвиться над землею
И при этом край луны
Зацепить метлою.
Не успев за край села
Вырваться со свистом,
Задымилась вдруг метла...
Кто? – сепаратисты.
Выдал их старшой, кажись,
Дядька в черной маске:
«Неча было вам местись
За границу сказки...».

Не дай бог

Бомбят и рушат.
 Явственные признаки
Того, что скоро
 среди сорняков

В краю родном
 останутся лишь призраки
Недавно процветавших городов.
И содрогнется в ужасе потомок.
Услышав, как
 взывают в небеса
Из выжженных руин здесь
 и воронок
Невинно убиенных голоса.

Стереотип

Из кармана вор извлек
У старушки кошелек.
Но нарвался на отпор,
Получив по «дыне»,
С перепугу крикнул вор:
«Слава Украине!»

Типичный образ

Ни разума,
 ни совести,
 ни чести,
Зато есть вышиванка у него
И прет патриотизм из всех отверстий,
Которые даны не для того.

Вещий сон

Сотнями вертящихся голов,
Разномастные,
 за скопом скопище,
Вырываясь из пучины снов,
Расползались злобные чудовища.
Я открыл испуганно глаза:
Дымом наполнялись небеса.
Содрогалась около земля
И, уже готовые к атаке,

Громыхая,
 лязгая,
 пыля,
 Мирный город окружали танки.

Утешение

Не утихает кононада.
 В подвалы прячется народ.
 Дома бомбят и лупят «градом»,
 Мосты курочат,
 водовод,
 заводы,
 храмы,
 ясли,
 фермы...

И утешает то весьма,
 Что прежде чем убьют нас,
 Все мы
 Сойдем до этого с ума.

«Градом» по «счастью»

От за зари до темна с пристрастьем
 Лупят «градом» свои,
 не враг
 По селенью с названьем Счастье,
 Разнося его в пух и прах.
 Грохот. Дым.

 Все дома в руинах.
 Нету целого ни одного.
 Счастье стерто с земли...
 Украина,
 Как же сможешь ты без него?!

Цена

Ужели на имущих нет креста?!
 Снаряды рвутся.
 Льется ложь бесстыдная.

Откуда эта злость и слепота
 Не видящих сегодня очевидное?
 Довольны ль тем,
 За что вчера дрались
 Клички, Яценюки и Порошенки?
 В театр абсурда превратилась жизнь,
 Не стоящая ломанной копейки.
 Над свежими могилами страна
 Исходит в плаче
 Материнской скорбью.
 Не слишком ли высокая цена
 За вашу Штатам
 Преданность холопью?

Эпизод

Когда бомбить селенье стали,
 Хозяйке страх затмил глаза,
 Сбежав,
 Она уже в подвале
 Хватилась,
 Что забыла пса.
 Когда развеялось ненастье
 И наступила тишина,
 Увидев, что он жив,
 От счастья
 Впервые плакала она.

Запоздалая оценка счастья

Идут бои. Донецк в кольце.
 Повсюду танки, бэтээры.
 У близких ужас на лице.
 Пустынны улицы и скверы.
 И в этом сгустке лихочасья
 Кольнет прозренья через страх:
 Как мог не замечать я счастья
 Еще в недавних мирных днях?

Иван Волосюк

Волосюк Иван родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области в семье шахтера. Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета. Автор шести сборников стихов. Публикации в журналах «Знамя», «Воздух», «Юность», «Литературная учеба», «Союз писателей», «Крещатик», «Слово/Word». Участник XII Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Липки, 2012). Живет и работает в Донецке.

Там, где лежат пластами времена

* * *

От полыни воздух горче,
спи, окраинная Русь.
Я во сне неразговорчив –
проболтаться не боюсь.

Разорвется, как ни штопай,
наливай себе да пей.
Спит российский Севастополь
и Луганск – пока ничей.

* * *

Максиму Щербакову

Почти одинаковы: род, рать,
деревьями в белых шарфах спать.

Добро с кулаками: под дых, влет,
нескладного времени кровь, пот.

Потом устаканится: рвань, хлябь,
а в Киеве весело – гробь, грабь.

А если зацепит (февраль – лют),
Затянется рана, как льдом пруд.

* * *

За приметамы старого быта, такими, как
 Молоко в пирамидке (картонный
 четырёхгранник),
 Уезжаю в провинцию: глушь, духота,
 тоска
 Раскаленная, как алюминиевый
 подстаканник.

Но и здесь живут люди, и вечный
 офлайн ничто
 По сравнению с этим страданием и
 укором,
 Но врывается в жизнь, как склоняемое
 «пальто»,
 «Непоганный фильмец» и бумажный
 стакан с попкорном.

И, когда засыпаю, ночных электричек
 гул –
 Вездесущему мату подспорье и
 дополнение.
 Нестоличное время, в тебя, как в пожар,
 шагну,
 Чтобы вынести слово живым,
 невредимым, цельным.

* * *

Если будет ложь, если будет злость
 На меня смотреть сотней глаз,
 Мне за край родной отвечать пришлось,
 И еще придется не раз.

Чтобы был Донецк – не моей судьбой,
 Чтобы стал Донбасс – так, ступенькой
 вверх,
 Я оставлю дом и пойду с тобой,
 Чтобы Бог меня опроверг.

Станет четок слог, как чеканный шаг,
 Телеграфный стиль черной дробью
 вбит,

Я один из тех, кто не бросит флаг,
 Даже если будет убит.

* * *

Приходи сюда вечером,
 Понасыпано гор – тьма,
 Темнота изувечена
 Резким светом костра.

Отследи траекторию,
 Пусть звезда упадет там,
 Все мы станем историей,
 Если вспыхнет метан.

Из завалов разрозненных,
 В час, когда уже смысла нет,
 Нас, как есть, неопознанных,
 Доставали на Божий свет.

Там богатства несметные
 Миллионами тонн впрок.
 Поголовно бессмертные,
 И у каждого – свой срок.

* * *

Смерть сама по себе. Что июль ей, что
 август – без отпуска.
 И не то, что на юг, отсыпного – и то
 не дают.
 Но зато, куда хочешь, проходишь
 без спросу и пропуска,
 И везде тебе хлеба отрежут и водки
 нальют.

И не то чтобы рады, – привыкли
 оказывать почести,
 Жгут дешевые свечи и тряпкою моют
 полы.

Но куда ни посмотришь – за нею идет
 одиночество
 Да забытые ставни и дома кривые углы.

* * *

Я руны под древесною корой
Пытался отыскать в лесу сегодня,
Потом у рек, измученных жарой,
На глиняных табличках мелководья.

И в поле, где нетронута земля,
Где ветер мне нашептывает тайны
И видятся штрихи календаря
На каждой палке и на каждом камне.

Я узнавал чужие письмена
Речений, выразительных и кратких,
Там, где лежат пластами времена
В простом хронологическом порядке.

* * *

Аукнется мне, откликнется,
Сидится мне и не пикнется
Который уж год подряд.

От серости и от пресности
Заплеванные окрестности
И черный, как уголь, сад.

Такая судьба мне выпала,
Голытьба и та мне «тыкала»,
Друзья не пускали в дом.

И сам я – не ножкой шаркаю,
С Петровкой и Пролетаркою
Я думаю об одном.

* * *

Противлюсь сам, тебя учу тому же
И буду с теми, кто был против нас.
А снег разглажен, будто проутюжен
В последний, может быть, последний
раз.

И на меня ее наденут тоже –
Последнюю рубаху бытия,
Но вырвется и улетит, быть может,
Душа непостоянная моя.

За то, что видел дальше, поплачусь я,
А близкого и даром не возьму.
И я хотел прославить захоlustье,
Но не прославил, судя по всему.

Я видел мир в просветы между досок,
Чердачной пылью тридцать лет дышал,
Полжизни задавал себе вопросы
И сам на них полжизни отвечал.

И в мире не найдя себе подобных,
Я, если говорить начистоту,
Противиться готов, чему угодно,
Кому угодно – только не Христу.

Вера Агаркова

Агаркова Вера родилась 19 февраля 1982 года в Магаданской области России, жила в Тихвине Ленинградской области, последние годы – на Украине, в пгт. Старобешево Донецкой области. Печаталась в альманахах, коллективных сборниках, литературных журналах Украины, России, Австралии. Член Национального союза журналистов Украины, Межрегионального союза писателей, литературного объединения «Стражи Весны». Автор поэтического сборника «Отшельник».

Все истории – о прощании, все истории – о спасении

Тень петли

Когда-нибудь придется умирать,
И, в общем, надо прекращать

стесняться

Морщин и живота, и лопнувших подошв,
И каждого стиха, что не похож
На стих.

Когда-нибудь придется провалиться
В петлю

И в тень петли,
И в тень стены, хранящей тень петли.

И тень страны накроет наш погост
На мирном кладбище в немирный год.
Распустятся цветы, как и сейчас цветут.

Когда-нибудь
Придется всем уйти.

Так что же так тревожит ум беда – куда
уйти и, главное, – когда?

Нам всё равно не жить, а выживать,
Нам всё равно полынь – траву жевать
И горевать, и горечью блевать,
И помнить всё,
И ни-че-го не знать.

Голова голове говорит

Голова голове говорит: смотри –
смерть.

Голова голове говорит: не смей
смотреть.

Смерть не имеет смет, смерд,
Но в этом и сон, в этом и суть
Города спящего столько лет.

Головы в городе чешут небесный бред.
Головы спят, не закрывая глаз –
Головы смотрят, не отрываясь, «телеки».
Это не правда, это помимо нас.
Это не больно, это совсем не страшно.
В это не верится, этого как бы нет.
Стекла дрожат,
Ставнями окон машут.
Стекла ломают выбитый взрывом свет.
Это не кровь, это кисель домашний.
Это не слёзы, это червячный след.

Но окна разбиты – в окна глядит
смерть.

Окна разбиты – и стекла вырастают
в головы.

Некому верить, есть кого убивать.
Стекла вырастают в зданий пустые
коробы,

В мокрые шеи, в память и в повесть
города,

В повесть, которую некому дописать.

* * *

«Цей дощ надовго»

Дождь – неистовый, плотный, длинный.
Холод – лезет за воротник.
Дождь не стихнет, пока не сгинут
В поле тощие колоски.

Ветер свалит их, изувечит,
Ветер вывернет им нутро –
Мясо жаркое, человечесьё
Поле русское обожжет.

Дождь – блаженный, болящий,
стонущий,

Как юдоль моя – на юру,
Бесноватая, Богу молится.
Этот дождь – не пройдет к утру.
Этот год никогда не кончится,
Этот град обмолотит рожь.
Лягут рядом в родное полюшко
Брат мой колос и брат мой нож.

Танцор б҃҃то

Здесь не страшно и здесь – не больно:
Я забыла, где боли край.
В мирном Питере всё спокойно –
Город выстрадал этот рай.

В мирном Питере – дождь, а дома...
Дома – реки с кровавой пеной.
Дома – поле не пахнет сеном.
Дома – поле клубится паром
Жаркой бойни, скосившей злак.

Дождь без усталости – это знак:
Кровь не высохнет, сель не кончится,
Дом потоками унесёт.
Будут грязные длиться игрища,
Пепел – таять в скупой горсти,
Будет взрыто и будет выжжено
Поле маково до кости.

Пока зверем бездомным тащится
По дорогам моим АТО,
Пока допьяна, всласть напляшется
Смерть – незрячий танцор б҃҃то.

Нонейм

Кости гниют в овраге, смерть затевает
 Всякий, угодный году, тоже заводит
 Тысячи вечно мертвых, вечно живых

пляс.
 джаз.
 нонейм

Мясом питают мякоть вечно родных
 полей.

Вдовая мать-кликуша, как ее ни проси,
 Не унимая прыти, матерно голосит:
 «Кто тебя, моя ненька, выменял
 Прыгает в вышиванке по городам
 Кто тебя обездолил и сыновей

на гроши, –
 Руси, –
 скосил?».

Кости молчат в овраге, кости не помнят
 Трупным сочится ядом вечно нетленный

слов.
 ров.

Двор мой ветхий

Двор мой ветхий, дом разбитый.
 Псинка старая моя.
 Видишь, папа, наши квитки
 «Стёрла» мёрзлая стерня.
 Чёрный ветер ночью грозной
 Выдул память из щелей.
 Видишь, папочка, берёзки
 Наклонились до корней.
 Стало холодно и жутко
 В том краю, где пел наш птах.
 В поле выжженном и жухлом –
 Человечьи кровь и прах.
 Двор мой милый, дом мой отчий,
 Кто хранит ваш детский сон?

Выйду босой, выйду ночью
 На чужой хромой балкон.
 Вижу сквозь туман лохматый
 Край, измученный войной.
 Вижу: в поле ангел – папин –
 Ищет стежечку домой.

Будь осторожен, друг

Будь осторожен, друг,
 Город изрядно болен – в лицах людей
 Горлом выходит осень, горлом выходит

испуг.
 мать.

Будь осторожен – путь
 Может быть слишком долгим и
 Город тебя не ждет, люди тебя не ищут.
 Люди надели маски, люди заводят пляс,
 Не открывая глаз, не размыкая рук,
 не издавая звуков,

одиноким – дом.

Люди вступают в танцы.
 Будь осторожен, друг,
 Призраки где-то тут.
 Все, кто включился в пляску, все,
 кто надели маски,

Слишком больны и слепы,
 Город заклеит окна, город откроет
 склепы, выпустит вороньё.
 Нет ни тепла, ни света, нет ни глотка
 воды.

Друг, не ходи за реку, не доставай
 ружьё.

Тихо ступай по пеплу,
 Тихо считай следы.

Моя первая осень в Питере

Моя первая осень в Питере.
Мне бы свитер – плетённый, свитый ли
Спящей Эльзой, сучащей пальцами.
Мне бы шарф – в три кольца Юпитера.
Эльза ткёт травяные нити, – и
Эльза пачкает кровью пяльца.
Сонной полночью колкой ниткою
Капля к капельке будет свитер, – и
Будет грустно и будет весело,
Будем жить – и молиться Месяцу,
Спать под песенки «Крематория»,
Греться чаем и грогом с перцем.
Все истории – о прощании, все
истории – о спасении.
В доме странно витые лестницы,
В окнах – виды на акваторию.
Бесприютное чувство холода,
Чувство чьей-то ничьей вины
В мирном городе
В год войны.

Они скажут вам: вечер свят...

Они скажут вам: вечер свят,
Кто нас помнит, тот будет рад.
Мы голодные и хромые, мы замёрзшие
и нагие,

Мы из выгоревших окопов,
из расстрелянной в лоб пехоты.
Наши ружья достались небу, наши
годы – воде и ветру.
Наши матери – степь и камень, плачут
камни в степи слезами.
Наши сёстры взрослее лета, вяжут
в косы цветные ленты.
Наши жёны рожают молча, наши дети –
подобье полчищ.
Мы, забывшие род и племя, из костей,
из хрящей, из тлена
Собираем родное имя –
Нашей Родины –
И не сложим!
Оно билось у нас под кожей, оно было
на лбы нанесено,
Но во лбах у нас светят месяцы.

В Рождество, ближе к лунной полночи,
Вам дозволятся ваши братья,
позабывшие мир и свет.
Братья станут молить о помощи.
Это мясо – родные мощи, этот голос –
шуршанье недр, эта память –
Кромешный страх.

Осторожно снимайте трубки,
Осторожно дышите в такт.

Наталья Выборная

Выборная Наталья так пишет о себе: «Родилась и живу в Днепропетровске. Работаю хореографом, организую детские фестивали искусств. К поэзии души пришла, вероятно, через поэзию тела. Процесс творчества представляю в виде сложного медитативно-гипнотического явления неясного происхождения. Верю в судьбу и предназначение человека, интуитивно убеждена, что “дверь к счастью” открывается наружу».

Многолүние

* * *

Мне пустота стеклянной тары
Дороже всякого напитка.
Пусть не Евангелие, не Тора,
А философия избытка,
Пессимистического «ничто»
В слезинках водки, где помада
На сколах рюмки умирая,
Визгливо требует: «Не надо».

* * *

Еще не я, еще не ты...
Мы в геометрии событий
Непараллельные миры,
Косой пунктир небесных нитей,
Что проливаются дождем
На губы жаркие пустыни,
И шепчет древний астроном:
«Dum spigo, sprego», – по-латыни.
Еще не я, еще не ты,
Но где-то там, в XX веке,
В кабриолетах-облаках
Мы проплывем как человеки.
Истратив чувственный бензин
И приумножив хромосомы,
Мы станем именем реки,
Легки, прозрачны, невесомы
Уже не я, уже не ты...

* * *

Я села в поезд... Прошлое с перрона
Размазалось по грязному стеклу,
И рельсы под колесами вагона
Заплакали: могу, могу, могу.
Стекляшки в подстаканниках вопили,
Пейзажные наброски и холсты
Транс наводили кадром 25-м,
Вид из окна страдал от пустоты.
Петляло время тощею змеею,
Катился поезд к чьим-то городам,
Наполненный постельною трухую
И актами банальных светских драм.
Штормило чай в стакане и желудке,
Толпа напоминала саранчу..
Могу, могу – печаталось в рассудке,
Могу – могу, но, знаешь, не хочу.

* * *

Убереги от нирваны,
Переходящей в раны,
От сочинений пустых
Без бороды Толстых.
От бородатых, толстых
Плачут на рельсах скользких
Анны, размазав грим:
Поезд ушел к другим.
Виснет над горизонтом
Небо каренинским зонтомЪ –
Знак уступить дорогу.
Живы? И слава богу!

* * *

Господи, прости за графоманство,
За убийство чистого листа,
Не прими признание за жеманство
У литературного креста.
Я печаль вводила внутривенно,
Не за эти ль, Боженька, грехи
Умерщвлял мои ты, внутривенно,

От любви зачатые стихи?
Не Пегасом жизнь, хромая кляча,
К Непарнасу рифмы понесла,
Видно, ведьма, косы в травах пряча,
Подменила лошадь на осла.
Господи, прости за графоманство,
За убийство чистого листа,
Стихоплетство, бред и хулиганство
У литературного креста.

* * *

Февраль полощет мокрое белье,
И снега одеяло прохудилось.
Вновь умирая, возродилось
Святое нежелание мое
Твоим богам молиться в упованье
На райский сад до самого утра
На астмю измученном диване,
С периной из «ни пуха, ни пера»
Мне и другим, и третьим, и десятым
Двадцать девятым високосным днем,
Сводя повествованье к многоточью,
А рифмы – к оправданию «живем».

Странная

Все ж в ней была особенная
странность,
Порыв с надрывом в отзвуке пустом,
Сказал бы пессимист: «Не состоялась».
Соседка из-за шторы за окном
(На щедрости довольно близорука),
Храня пустоты в лифе дорогом,
Глаза сощуриив, процедила: «Сука», –
И, может, не права была бы в том,
Когда с позиций детски бестолковых
Съедался пред котлетой шоколад,
И превращенье кофточек неновых
В какой-нибудь магический наряд

Искателей вводило в возбужденье,
Порхало рыжей бабочкой вокруг,
А Господи с дешевенькой иконы
Ей все прощал, как старый добрый друг.

Масштаб

В координатах «работа – дом»
по гиперболе ли параболе
на шар земной нацарапали
меня в масштабе таком:
Одна к миллиону, тобой открытая,
с тех пор существую точкой,
глупенькой девочкой, дочкой,
дурой – любовницей, шлюхой,
женой, боевой подругой.

...Л ю б л ю

и не верь топографии карт
глянцевой неохимерики,
нет там не только моих координат,
юга там нет, Америки!

* * *

Мой мир – диван, и стол с листьями
Мне заменяет белый хлеб.
Бог говорил мол-де... словами,
Но как далек тот Назарет,
А современные иисусы
Столь не распяты и безусы,
Что им прощается вина,
Вода творится из вина,
И тридцать сребреников много,
Чтобы из бога сделать Бога.

* * *

Человек человеку – так, приключение.
Елена Шварц

Человек человеку Бог,
Преподобие Образа
С парой ног.
Человек человеку нечёт
Или чёт – может быть, ни чета́,
Дается по вере...
Не понять ни черта,
Отнимается просто так,
Человек человеку – дурак,
Тварь дрожащая
И порог – вышел вон
И исчез в паутине дорог.

Фантазмы

Ах, если бы я стала балериной,
Battement tendu, passe, demi-plie,
В конвульсии предсмертно-лебединой
В партер свалилась в бешеном пикé.
Нет, перебор!
В позиции, с осанкой,
Втянув живот, на мелком пуантэ
Развратной мельтешила бы вакханкой,
Крутя ногой в призывном фуэте.
Опять не так!
Под бляенья свирели
Frappe, прыжок, tombe, pas de bourree,
В костюме обезумевшей Жизели.
Ждала не в полночь принца – на заре!
В коротком и стремительном glissando
Под хабанеру страсти и измен
Я мстила бы мужчинам беспощадно
С испанскою горячностью Кармен!

* * *

На мои берега не ступала нога
Соль печали, желаний и муки...
На моих берегах у скалы в трех шагах
Только ветер целует мне руки.
Вот судьба берегов – ни друзей,
ни врагов,
На ржавеющем колышке, в тире,
Балансирует солнце, как грязный
кружок,
В коммунальном одесском сортире...

Обычный день

Обычный день под солнца позолоту,
Подделка мастера, фальшивый
дубликат
С намеком на сизифову работу,
Адамов рай с проекцией на ад,
Квадрат Малевича – Джоконда
для слепого,
Чекушка в пониманье алкаша,
Подаренная богом погремушка
В безжалостных ручонках малыша.

* * *

Наступает время одиночества
И о стену лба разбитого,
И вопросов кровотокащих,
На которые у вселенной
Почему-то нет желания отвечать.
Бить посуду или в колокола –
Без разницы.
Кровотечение времени.
Звезды ходят по кругу.
Бог не берет трубку,
Но ты звони-звони...

* * *

Зачем бессмертная вам слава,
Лавровый веник на плечо?
Бог высоко, а здесь облава,
И дышат в спину горячо
Певцы родной фонетики
С готовыми котомками,
Их жизнь возьмет в наследники
И назовет потомками.
Зачем лавровая вам слава
С терновым привкусом любви,
Гвоздики, розы и держава
С привычной рифмой на крови?

Смотрю

Смотрю на лист и жду прихода букв –
Маленьких, колченогих язычников,
Заведут они хороводы веселые,
Заманят в дебри, разведут огонь
жертвенный,
Закрутят, заговорят, защекочат
до смерти
И давай в костер прыгать,
Им ничего, а мне больно...

Б. Б.

Не сбылось ромашковое чудо
Бенефисом главного листка,
И кочуют по пескам верблюды
В поисках последнего глотка.
В пирамиде огненного лета
От лихой молвы и от времен
Спрятаны последние монеты,
И в фальшивой маске фараон.
Не сбылось пророческое чудо
Торжеством заветного листа.
В новой сказке новые иуды
Предавали вечного Христа.

Воспоминание о 80-х

В забытых богом закоулках
 Заплесневелых тупиков
 Все тлеет памяти окурок
 На перекрестье тех веков,
 Когда еще носили джинсы
 Не просто так, а с верой в то,
 Что завещал Великий Череп
 В кургузой кепке и пальто.
 За комсомольским горизонтом
 Всех поджидал не бум, а БАМ,
 Хвала рабочим и студентам,
 Врачам, дояркам, поварам!
 Их в красно-джинсовой тусовке
 Спасали юность и задор,
 Любовь к отчизне и кроссовки,
 Что сохранились до сих пор.

* * *

Одиноко, одиноко...
 Одно око слезы видит,
 А другое – лишь Его.
 Белой дымкою обиды
 Занавешено окно,
 А за ним – извечный триллер,
 Хладнокровный ветер-киллер
 Из фрамуг и чердаков
 Убивает стариков,
 Воробьев, сорок-воровок,
 Оставляя дам «за сорок»
 За чайком и кофейком
 О любви вздыхать тайком.

* * *

...в стихах моих ночует Пастернак.

М. Бородин

В моих стихах ночует кто попало,
 Таверны мыслей полнятся от слов,

За десять золотых мне не хватало
 Отправиться в страну для дураков,
 Будильников словесной пантомимы,
 Пьеро, мальвин и прочих буратин,
 Часов с кукушкой, съездов и путины
 В Союз писателей, аминь!
 В моих стихах нет Цезаря и грека,
 Нет Бродского, великий Пастернак
 Ушел с другой еще в начале века.
 Как быть? Возможно, это знак
 Моим стихам, рожденным в Интернете,
 Среди мертвых душ, нечитанных томов,
 Невинно-беспризорным, словно дети
 Случайных, нежелательных отцов.

* * *

Тиха украинская ночь,
 Полей бледнеющие нивы
 В молочной дымке еле живы,
 По берегам текут рентгены,
 Но не меняют люди гены,
 Все по привычке что-то ждут,
 Темнее нету этой ночи,
 Клинок о небо месяц точит
 И вспоминает те часы,
 Когда Украина волновалась,
 В ней искра битвы разгоралась,
 Неслась полтавская гроза,
 И раздавались голоса
 Петра, Мазепы, Кочубея,
 За землю бились, не робея,
 И не щадили кровных уз.
 А нынче что? Евросоюз!
 Полтаву шведы одолели,
 Из банков раздают кредит,
 Страною правит порох... Петр спит,
 Истлело славы покрывало,
 Народ притих, его не стало,
 Европе ль ждать от нас гостинцев?
ТАК РАЗБУДИТЕ УКРАИНЦЕВ!
 Темна украинская ночь.

Евгений Капшук

Капшук Евгений родился 21 декабря 1983 года в Днепропетровске. В 2006 году окончил Украинский государственный химико-технологический университет. Стихи начал писать примерно с 13-летнего возраста. Первая литературная публикация состоялась в 2012 году на страницах журнала «Литера-Днепр» (Днепропетровск).

Из полей потянуло простором

Оттенки

Напомни мне о том, каким я был.
Такое чувство, будто я меняюсь...
Гляжу в дневник – и снова удивляюсь
В пустой строке отсутствию чернил.

Заранее на всё даю «добро».
Я проиграл решающую схватку.
Теперь пишу спокойно, по порядку,
Не тороплюсь, не мучаю перо.

Размеренно читаю, по слогам,
Вытягивая губы музыкально,
Но всё-таки тоскливо и печально,
Что всех оттенков я не передам.

Церквушка

Вечер тает за церквушкой
Тихо, робко и послушно.
Воздух струнно-неподвижен,
Словно был, да весь и вышел.
В темно-розовом багрянце
Купола растут, струятся,
Ищут высь, вонзаясь в небо,

И теряются бесследно.
Легкий холод. Ночь подкралась.
Как озноб, сквозит усталость.
Мир в безмолвии застыл,
Мысли кротки и чисты.

* * *

Колышутся лунные нити
В чернеющей, мутной воде.
Тревогою воздух насытив,
Октябрь, заплутавший в листве,
Рассыпался желтой поземкой,
Невидной, скользкой, пустой,
И песней, протяжной и тонкой,
Застыл над туманной рекой.
Песчаные сонные доки
Простерлись в унылую даль –
Там с гулом, глухим и глубоким,
Грохочет портовая сталь.
А где-то внизу, как в провале,
Мерцают сквозь муть огоньки –
Какой там сегодня снискали
Улов на Днепре рыбаки?

* * *

Дождь-развратник
целует стены,
шепчет:
«Люблю, люблю...»
А я – всё так же, – всё неизменно:
болею, пишу, не сплю.
Вот он,
проворный и юрко-хлипкий,
забрался ко мне в трубу.
Я бросил ручку, сижу с улыбкой,
как будто чего-то жду.
Да что мне, правда?... Какое дело?

Крутись, клокочи, реви!..
А дело в том,
что не все так смело,
как он,
говорят о любви...

* * *

Плотный и вязкий туман,
Сырость промозглая, едкая...
Ввысь тополей терема
Тянутся голыми ветками.
Рыхлый, взлохмаченный снег
Мягко и сонно-беззвучен...
Дело как будто к весне,
К синим разливам излучин,
К запаху терпких садов,
К свежему трепету ветра...
Медлен февраль и суров
В сумерках серого света...

* * *

Почернела земля, обнажились холмы,
Из полей потянуло простором,
И всё глуше звучат отголоски зимы
За далеким лесным косогором.

Заострились, как спицы, полотна дорог,
Упираясь в черту горизонта,
И приятен, и легок степной ветерок,
Напевающий тихо и тонко...

* * *

Слушай ночь!
Вдохни поглубже –
И замри...
Этот звук проникнет в душу

Изнутри.
Он рожден в тебе сначала,
Как и всё,
Как и ты рожден случайно
И спасен.
Не пиши, едва подумав,
Помолчи –
Этот звук не терпит шума
Без причин.
Голоса земли и неба –
Тонкий строй:
Он как будто слышен где-то
За рекой.
Дивных струн многоголосый
Унисон
Незаметно ночь пронесит
Через сон...

* * *

Терпким медом плещет в сад
Полноликая луна.
Угасающий закат
И речная пелена.

Бледным зеркалом рябит
И тускнеет серый плес.
Из распахнутых орбит
Сеет ночь крупинки звезд.

Писательское

Нас так много, что нет ни покоя, ни сна.
У кого-то зима, у кого-то весна.
У меня – ничего. Чем я хуже других?
Значит, нужно, как все, – за двоих,
за троих,
За царя и народ, и за бога-нужду.
Ничего, я опять, как всегда, подожду,
Перекинусь, как тюк, в дармовое седло,
Подтяну стремяна и нахохлю чело,
Наострю, как кинжал, непослушный

язык

И под яростный свист и неистовый гик,
Прислонившись к спине вороного коня,
Как тугая стрела, понесусь в зелена.

Александр Морозов

Морозов Александр – член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Автор более двух десятков книг. Председатель Дебальцевского городского литобъединения им. В. Н. Сосюры. Лауреат Международной литературной премии «Серебряный стрелец», литературной премии им. В. Н. Сосюры. Организатор литературных фестивалей «Рыцари слова». Живет в Дебальцево.

Я хочу, чтоб не было войны!

* * *

Сочельник перед Рождеством,
Ему сейчас не сильно рады...
Здесь не кутью приносят в дом,
А разрываются снаряды.
Опять в Дебальцево бедлам,
Алтарь из крови человеческой...
Наверное, другим богам
Убийцы молятся в свят вечер...

Доскакались

Люди год назад сошли с ума,
Привели во власть шакалью стаю,
А теперь – разрушены дома,
А вокруг крушат и убивают...

Этим летом «осчастливив» нас,
(Мы об этом вовсе не просили),
Разрушают до основ Донбасс,
Показать хотят безумья силу

Те, кто, если ходит в Божий храм,
Только для публичной показухи.
Создаётся новый мощный клан,
Позабыты дети и старухи.

Снова взрыв, обратно пулемёт
Тарахтит который день над ухом.
По подвалам прячется народ
И давно уже не верит слухам,

Что придёт и к нам когда-то мир,
По TV – кривляния паяцев.
По стране – чума, а в Раде – пир,
Новые пришли – спешат нажраться

И набить карманы поплоней.
Наплевать на то, что обещали
Нищей и разграбленной стране...
Доскакались? В общем, доскакали...

Я хочу, чтоб не было войны!

Всё о'кей в Америке с Европой,
Процветают Лондон и Москва,
А в Дебале, ну, не то, чтоб ...опа,
А, примерно, хуже раза в два.

Навалило нам проблем по пояс,
И маячит новая беда.
Я хотел от горя лечь под поезд,
Но у нас не ходят поезда.

Тяжело не только в понедельник,
Без «лавэ» сегодня не прожить...
Мне друзья хотели выслать денег,
Только мне их негде получить.

Нас бомбили первый раз в июле,
А сегодня – во дворе зима,
Но опять летят над нами пули,
Гибнут люди и горят дома.

И народ, добро своё спасая,
Уезжает в дальние края,
Отлетели к югу птичьи стаи,
Разлетелись по миру друзья.

Здесь у нас практически – Освенцим,
Ежедневно выстрелы слышны.
Этой ночью мне приснились немцы,
А хотелось просто тишины...

Я хочу ни много и ни мало –
Посидеть с друзьями у ставка*,
Чтоб гуляли вечерами пары,
Чтоб проснуться утром от гудка.

Ощутить хочу прикосновенье
Не взрывной, а ласковой волны,
Насладиться вдоволь птичьим пеньем –
Я хочу, чтоб не было войны!

* * *

Нам ни дня нельзя без стресса,
Хоть сегодня выходной –
Снова залпы с ПМСа,
Пулемёты со Второй**.

Откровенно надоело
Повышать адреналин,
Уворачиваясь телом
Под осколками от мин.

Просвистела пуля-дура,
И пустил её – дурак.
Снова самокрутки курим
И дела у нас – табак.

И не пашем, и не сеем –
В окружении? В плену?
Мы вдвоём с зелёным змее
Погутарим про войну.

Змей – он умный, он расскажет,
Он же дока и знаток.

* Ставо́к – диалектное название пруда (прим. ред.).

** ПМС – Путевые Дорожные Мастерские, Вторая – пос. Октябрьский – микрорайон города Дебальцево.

Змей обмотан патронташем,
Тычет дуло мне в висок.

Перегаром дышит близко
И шипит паскудно он, –
Потому что пьем не виски,
А обычный самогон.

Лишь под утро всё утихло,
Змей зелёный сполз на стул,
Где ещё три раза шикнул,
Матюкнулся и уснул.

Да и я уснул на стуле
В стол упершись головой.
И во сне свистели пули
И гремел далёкий бой.

* * *

Здесь наступили холода,
Но канонада не смолкает.
Хрипит военная беда,
А снег идёт, мороз крепчает.
Казнит преступников зима –
Не оправдает, а осудит.
Я видел, как горят дома,
А где-то рядом гибли люди...
Убийцы на моей земле
Когда-нибудь за всё ответят.
И перед Господом в суде
Я буду вызван, как свидетель.

* * *

Мы сегодня, увы, не те,
Мы сегодня с тобой другие.
Распинают нас на кресте,
Перерезать стремятся выю...
Страх прошёл, как полночный бред.
Нам сегодня уже не страшно.
Мы оставили яркий след,
Просто боязно за домашних.

Просто хочется мира им
И счастливой и долгой жизни...
Мы с тобою ещё горим,
Рассыпая цветные брызги...

Пружина

*А все или почти все сейчас понимают,
что ничего не понимают
в военной политике.
Всё закручивается по спирали.
Осталось пару витков, и спираль
рванёт. По закону физики ли,
по человеческим законам,
но наступает всему предел.
Понимаю, что война –
вот тот предел, но нет!
Есть еще беспредельщики.
Ирина Горбань*

Пружина лопнет
и разлетится
Всё на кусочки
и на осколки.
Воронья стая
вверху кружится.
Да где то рядом
завыли волки.
Летят на падаль,
бегут на падаль.
Им пир и радость,
нам боль и слёзы.
Опять под утро
проснулись Грады,
Опять прибило
виски морозом.
А помнишь, раньше
смеялись люди
И танцевали,
и песни пели...
Мы засыпаем
под гул орудий

И спим в подвалах,
 а не в постели...
 Держись, подруга,
 крепись, подруга,
 Война не вечна
 и мир настанет.
 Со свистом мины
 играют фугу,
 Запоминает
 разрывы память...

07.10.2014 г. г. Дебальцево

* * *

Сидим по хатам,
 как мыши в норах.
 Но стережёт нас
 совсем не кот.
 Земля трясётся
 и за забором
 Стреляют пушка
 и пулемёт.
 Настало утро,
 ещё с рассвета
 Нас оглушают
 в который раз.
 Здесь вам не стрелы
 из арбалета –
 Опять ровняют
 с землёй Донбасс.
 Хренчат, суки,
 прицельно рядом,
 Ложится кучно
 вокруг снаряд.
 А мне сейчас бы
 осенних яблок...
 Но оборвал их
 в округе Град.
 Стреляют гады,
 стреляют рьяно.
 В руинах город
 в осколках – жизнь...

Прогрохотало
 из Ураганов.
 Держитесь, люди,
 Донбасс – держись!

Капуста

*Вчера ко мне на огород залетело
 два «гостинца».
 Капусты как не бывало.
 Только две воронки на огороде.
 Вот такое у нас интенсивное
 перемирие...*

От разрывов уныло и грустно –
 По посёлку работает «Град».
 У меня в огороде капуста
 Нашинкована в мелкий салат.

Прилетели нежданные гости,
 Порезвились немного, и вот –
 На погосте валяются кости,
 Изворонили мой огород.

Приготовлено ложе Прокруста,
 Я с трудом подбираю слова.
 Лишь бы с плеч кочерыжкой капустной
 Не скатилась моя голова...

Голубьянка-Икар

Пусть у нас не работают банки,
 От прогнозов икота и шок,
 Но летает Икар-Голубьянка,
 Это значит, что всё хорошо.

Несомненно, у нас очень жарко –
 То налёт, то погром, то пожар,
 Но летает Икар-Голубьянка,
 А верней – Голубьянка-Икар.

Где-то рядом пролязгали танки,
И окрасился дымом восток...
Но летает Икар-Голубянка,
Принеси нам покой, мотылёк.

* * *

Хочется мира и пива...
Вечер алеет закатом,
Нам бы дожить до рассвета,
Рядом взорвалась граната,
И пролетела ракета.
Чуткое ухо настрою:
Слышу, как рвутся снаряды,
Эхом от ближнего боя
Громко гремит канонада...
Мы привыкаем к разрывам, –
Снова стреляют на трассе...
Хочется мира и... пива...
Хочется мира в Донбассе...

Сегодня продолжается война

Сегодня продолжается война,
Крушит и тех, кто был прочнее стали.
Запомнят ли, забудут имена?
Не только дети – взрослые устали...
Признаюсь, мы устали от атак,
Они ужасно действует на нервы.
Поэтому в Донбассе любят так,
Как будто каждый миг у нас последний.
Пройдут бои, наступит мир в стране,
Сожрут друг друга бешеные звери.
Я расскажу внучатам о войне,
И пусть детишки деду не поверят.

* * *

Я вышел из дому, ночь разбросала
звёзды,
Ползёт по небу полная луна.

Какой простор! Какой прозрачный
воздух!

Здесь был бы Рай,
когда бы не война...

* * *

Рядом бахает «Град», мы с женою
копаем картошку.
На Майдане обратно зловонно
покрышки дымят.
Где-то мир и покой, а Донбасс
разрывает бомбёжка...
Мы – копаем картошку, а рядом
шарахает «Град»...

* * *

Цветут пионы и картошка,
Мой сын пока что ходит в школу.
Идёт война не понарошку, –
Смерть составляет экзитполы.
Вещает зомбоящик тупо
И сильно действует на нервы.
Под Славинском обратно трупы.
Теперь уж точно станет первым
Король конфетный по доходам.
Своё теперь он не упустит.
А в Крым не поставляют воду
И как-то грустно, очень грустно...

* * *

На мусорке цветут объедки.
Могилы пожирают кости.
К кому сегодня с черной меткой
Придут непрошенные гости?
Стоят закрытые заводы,
Стоит невспаханная пашня.
Вокруг кровавые разводы.
И многим страшно. Очень страшно.

* * *

В Донбассе вновь идут зачистки,
И их масштабы поражают.
Возьму с картофеля очистки
И посажу, для урожая.
Вокзал отгрохали в Донецке,
Вложили денежек немало.
Вчера стреляли не по-детски –
Пожар не пощадил вокзала...
А вечером не дозвониться
И не отправить СМСки,
Чтоб разузнать о судьбах близких.
И как-то мерзко, очень мерзко.

Половина собаки

Намечается новая драка,
Перерезана пуповина.
На соседском заборе – собака,
А вернее – ее половина.

По поселку стреляют с востока,
Вновь на прочность проходим проверку.
На оборванной линии с током
Провода коротят фейерверком.

Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...

Слышал здесь я и правду, и враки,
Видел здесь и Христа, и Иуду,
Но глаза половины собаки
Я навряд ли когда-то забуду...

Вчерашнее

Не уберёт Бог
нас от лукавых,
Войну назвали
они АТО.
Грохочет слева,
стреляют справа.
И крыша в дырах,
как решето.
Земля Донбасса –
сплошная рана,
Воронка злобно
открыла рот,
А кукловоды
ужасно рады,
Забрал бы чёрт их,
да не берёт.
Лежу в кровати –
гляжу на небо,
Сквозь дыры в крышах
видна луна.
Всем было вдоволь
вина и хлеба,
Сегодня – вдовья
моя страна.
Приносят горе
любые войны.
Смерть забирает
и тех, и тех...
Воронку скоро
вода заполнит,
Людей погибших
присыплет снег.

Дебальцево

Владимир Шевчук

Шевчук Владимир родился 12 сентября 1977 года. Поэт, прозаик, программист, системный администратор. Создатель «ТЕРМИТника поэзии» – одного из первых литературных русскоязычных интернет-ресурсов (был запущен 30 мая 2000 года), который от начала и до конца является уникальной разработкой его автора. С электронных страниц этого сайта начинали свой творческий путь многие известные ныне литераторы. Встречи «термитов» регулярно проводятся в формате различных творческих мероприятий, а также периодически издаются сборники с лучшими произведениями. Владимир Шевчук ушел из жизни 6 мая 2015 года, совсем немного не дожив до 15-летнего юбилея созданного им детища. Жил в Днепропетровске.

Когда вернешься, постучи в окно

Некуда спешить

Я опоздал мечтать.
Надежда упорхнула
Желтеющим листком,
Исчерканным до дыр.
Любовь была грязна,
Устала и сутула.
Теперь же в горле ком,
А вместо мыслей – дым.

Я опоздал искать.
Немыслимы потери,
Когда на веру всем
Ссужаешь часть души.
Мне так охота встать
И гордо хлопнуть дверью,
Но я уж опоздал,
Мне некуда спешить.

Смерть

Смерть. Девушка с косой,
Идущая ко мне навстречу.
Я уж привык. Мне не впервой,
Так происходит каждый вечер.

Я дома спал, тяжело больной,
 Но кто-то меня за плечо потряс.
 Я открыл глаза и понял: за мной,
 И, сквозь сон улыгнувшись, сказал:
 «Сейчас».

Я молча благословил друзей,
 Со всеми врагами мир заключил,
 А девушке в черном сказал: «Скорей,
 Расставанье забирает много сил».

Она улыбнулась. Махнула косой
 И шепнула на ухо мне:
 «Я сегодня пришла не за тобой,
 Я сегодня пришла к тебе».

Перед глазами цветной хоровод,
 Танцуют враги и друзья,
 А кто-то встретил последний восход,
 Кто-то, но не Я.

Наручники

Ветер веером,
 А успеем ли?
 Мысли клевером
 Разложив,
 Между жарким югом и севером
 Все, что сбудется, пережить?

Ветер временем,
 Лица – племенем,
 Мы – два дерева
 Во степи,
 В плеть закрученные бременем,
 Заблудившиеся в пути.

Соплеменники,
 Иже пленники,
 Сообручники,
 Мы в наручниках.

Весна!!!

Мне хорошо с тобой, сегодня крупным
 планом
 Снимали женщин грязные дороги,
 болит в виске, незаживающая рана –
 стрелялся, в драке поломали ноги,
 страна на костыли, на ладан дышит
 грудная клетка, схаркиваю водкой,
 а ты молчишь, таишься, и не слышно –
 еще жива, или прямой наводкой
 в глубокий сон,
 решетка давит в спину, и тишина,
 но я спасен,
 из грязного камина ползет весна!!!

Дворники

Усталые дворники вилами снег
 собирали,
 Ботинки скрипели, забегалась
 в проводах осень.
 Сквозь дырку на крыше в нас падали
 капли печали,
 Мы видели небо, мы верили – все-таки
 скосит

Мгновение срока усталой рукою
 художник,
 Зима не продлится, и наши надежды
 успеют
 Дожить до весны, и еще один год мы
 отложим
 В сырую копилку усталости, холодом
 веет

Из щели в стене, одевайся теплее
 и жди.
 Я скоро вернусь, как и все, кто куда-то
 ушел,
 Ведь все-таки где-нибудь там впереди
 Должны были дворники сделать
 для всех хорошо.

Проще быть

Твой антитеррор, врываясь в мое
 сознание,
 Разрушает границы, ранее
 установленные.
 Ты не любовь, не ненависть –
 наказание,
 Желанье вселенной увидеть меня
 изломанным,
 Раздавленным, плачущим,
 полузадушенным,
 На пути к петле, в ней болтающимся
 на площади.
 Я закрываю душу, я больше тебя
 не слушаю
 И понимаю, мне б успокоиться –
 проще быть.

Преступление

Дождь весенний, осенний, летний,
 Никуда не спешащий, летящий мимо,
 Я тебя обнимаю при свете,
 В темноте нас другие обнимут,

Приласкают, остатками нежности
 Не разбрасываясь, – уверенно,
 Все известно давно и изъезжено
 и, конечно, благими намерениями

Жизнь размерена, разлинеена.
 Вырываюсь к тебе на мгновение,
 Прижимаюсь, мы снова пленники,
 Не совершившие преступления.

Еще немножко

Еще немножко и доживу до Твоего,
 Буду ходить по воде, отпустить грехи,

Главное, руки не опускать, не сушить
 мозги,
 Не искать вчера, будто и не было его.

Еще бы немножко просто спокойно
 пожить,
 Душу не рвать, не лепить прозрачного
 И призрачного не кроить. Есть, спать,
 пить,
 Думать, что жизнь-то еще не начата.

Еще немножко. Пережить Тебя хоть
 на день.
 Все веками молятся на тень Твою.
 Я говорю другим, что Тебя не люблю,
 Я просто не знаю – как, и учиться лень.

Наверняка

Когда вернешься, постучи в окно.
 Мы будем ждать. Бессонница и Я.
 Она – плести свое веретено,
 Я... Просто не могу спать без тебя.

Когда вернешься, дверь не заперта,
 Сам долго не летал, лежу без сил.
 Спокойно заходи, запрыгивай, влетай,
 Я с грустью жил, лелеял и копил,

Не спал. Теперь, как старый плед,
 Такой же теплый, ветхий, как труха,
 Забывший и отрекшийся от бед
 Последний раз. Уже наверняка.

Разлюблю

Давит усталость. Все время смотреть
 во тьму
 Не заставляли, я сам выбирал этот
 путь.

Я выбирал, как бороться, как жить
в плену,
Я понимал, что потом не смогу уснуть,

Тело свое не смогу уложить, запрячь,
Словно дешевый мяч, прыгать
по пустырю.

Ты меня видишь еще во тьме. Не плачь.
Верь, не вернусь и когда-нибудь
разлюблю.

Ангел

Пьяный угрюмый ангел
На самом краю карниза
Стреляет во тьму глазами,
Ему так охота взлететь!
Вся жизнь – чужие капризы
И странные пожеланья,
Искусственные улыбки...
Как хочется их стереть!
Мерзнет усталый ангел:
Согреться – значит сгореть.

Весна в окно стучится

Весной лечи.
Будь проливным дождем,
Смывай с меня остатки зимних вьюг
И холод не дотронувшихся рук,
Лечи меня тоской чужих разлук
И упрекай, за то, что не вдвоем.

Лечи огнем, так ярко каждый луч,
Черты узоры на растерзанной земле,
Влеки меня доступностью своей,
Усталой ночью будь других грешней,
Я постараюсь просто быть всех лучше.

Лечи быстрее,
Перерздай права.

Трава через мгновенье колосится,
А через день мы забываем лица,
Через неделю забываем сниться,
Хотя, как боевого друга, чтим кровать.

Пора вставать. Весна в окно стучится.

Анно

Плюнуть и не растереть,
Как уходят в рейс, – уходить в запой.
Для тебя, мой брат, – это так легко,
Как в замочную скважину подсмотреть.
Подсмотри хоть раз за самим собой

И заплачь, если сможешь узнать.
Твоя боль – моя, я – как ты:
Не всегда доносил до могил цветы,
И порою совсем не хотелось жить,
Не хотелось после ударов вставать.

Посмотри на...
Предпоследний вздох лежащей рядом
с тобой.

Я как будто стоял у кровати,
Пил, подносил, косил, искал корень
боли.

Не проси, не спасись,
Если не успокоиться. Если
не простить...

Я так далеко и надолго,
Безвременно. Соберешься в гости –
приезжай (едь),

Только привози себя другого,
На которого можно смотреть,
И возьми с собой ту, ради которой хотел
умереть,

А не очередную – которой болен...

Андрей Шталь

Шталь Андрей родился 10 января 1974 года в пгт Колпны Орловской области. С 1977 года живет на Украине. Работает в газете «Краматорская правда». Автор двух поэтических сборников, участник и лауреат многих фестивалей поэзии и авторской песни. За стихотворения антивоенного и антимайдановского содержания 31 августа 2014 года был схвачен вооруженными людьми из территориального батальона «Днепр-1», вывезен в Днепропетровск. После нескольких дней пыток и издевательств выпущен на свободу без предъявления каких-либо обвинений.

КОЗЬЕ БОЛОТО

Энергия. Про тесто

Масса поднималась и бурлила,
Больше становилась на дрожжах,
В ней жила неистовая сила,
Вес ее и мощь не удержать!

Убегая дальше за пределы,
Масса не пугалась крепостей
И округу подчинить хотела
Силе одноклеточных дрожжей.

Вот она – энергия протеста,
Что заполонила города!
Жаль, что из утраченного теста
Хлеб уже не выйдет никогда.

Нежить Козьего болота

*Старое название Майдана
Независимости – Козье болото*

Сатане сегодня много чести,
Дела вышел скорбный оборот,
Из болота выпрыгнули черти
И давай мутить честной народ.

Обещали всех любить и нежить
В гордой, независимой стране.
Но, собравшись воедино, нежить
Литургию служит Сатане.

Нелюди из Козьего болота
Дружно скачут с ночи до утра.
Держат всех вокруг за идиотов
И рядятся в воинов добра.

Бесы слева, а гнилушки справа
Зажигают факелов огни,
Ждет того жестокая расправа,
Кто не скачет так же, как они.

А народ тем временем нищает,
Кто-то получает пулю в лоб.
Травушка болотная – не щавель,
А дурман колючий – не укроп.

Кто истлел, тому, возможно, лучше,
Можно жить без веры и души...
Нет креста на скачущих гнилушках!
Некому болото осушить!

Пьяный корабль

С момента диких танцев на Майдане
Меня не покидает злая мысль:
«Моя страна похожа на “Титаник”,
Ее хотят с лица планеты смыть».

Нет никакого шанса на спасенье!
Гнилые наступили времена!
За все грехи, за наши преступленья
Мы все теперь расплатимся сполна.

У большинства из нас есть руки, ноги,
Грудная клетка, печень и живот.
Вот только голова есть не у многих,
А если есть, в ней разум не живет....

Одну и ту же пищу все едим мы,
Есть у людей два глаза, две ноздри.
Мы все в одной стране, но не едины,
Хотя зачем об этом говорить?

Матросы, ополченцы и солдаты...
Ты, до потери памяти пьяна,
Дрейфуешь от Гайдарики куда-то,
В Европу устремленная страна.

Обрубленные тросы у причала.
По скатерти небес – Чумацкий Шлях.
Меж красным и коричневым началом
Скажи, какой ты выбираешь флаг?

Кого назначишь новым капитаном?
Кого готова усадить на нож?
Кому ты завтра памятник поставишь?
Кому сегодня памятник снесешь?

Что ты оставишь нам в духовных
скрепах,
И что ценить сегодня и сейчас?
Любой наш выбор кажется нелепым,
Любой наш выбор делают без нас.

Чего нам только не наобещали,
Раскладывая карты на столе...
Мы верили в богатство и нищали,
Мы путь искали в беспробудной мгле.

К несчастью, шлях не оказался
Млечным,
И, если верить нашим новостям,
Кого-то непременно время лечит,
А Украину рубит по частям.

Мы на ее корме кричим и спорим,
Мы даже не пытаемся остыть.
Бушует сатанеющее море,
Вгоняя пену в бешеные рты.

То черта помянем, то Бога молим,
А палуба тем временем в огне.
Бушует сатанеющее море,
Бушуют страсти в тонущей стране.

Мы здесь паны, а не босота!
Мы победили! Мы народ!
Пусть меж могил Небесной Сотни
Несушка лапками гребет.

Кому-то смех, кому-то слезы...
Майдан покажет всей стране
Свободу с запахом навоза
И разведение свиней.

Свобода с запахом навоза

*Активисты Евромайдана,
которые до сих пор остаются
на площади, посадили огород
на Майдане Незалежности
в центре Киева и планируют
на этой неделе закончить
строительство свинарника...*

Из новостей

Весна. В столице все в порядке.
Майдан стоит, а жизнь идет.
Там, где вчера была брусчатка,
Сегодня садят огород.

Земля родная даст харчи нам,
Позволит заготовить впрок.
Там, где вчера горела шина,
Растут редиска и укроп.

Не будет здесь исчадий ада!
Всем клятым москалям назло
Мы в Киев завезем рассаду!
Мы будем возрождать село!

Ночное факельное шествие

Сгорает осень по чуть-чуть,
Как факел. Будут холода, но
Среди зигующих каштанов
Отнюдь не ярко виден путь.

Как в кадрах старого кино
Идут нацисты в балаклавах.
Они кричат: «Героям Слава!»
Тиха ль украинская ночь?

Зеленый человечек

Меняем флаги, как портянки,
Страна трещит, как теремок.
Я передал с попутным танком
Тебе последнее письмо.

Сквозь блок-посты иду на вече.
До рубежа совсем чуть-чуть.
На светофоре человечек
Зеленый указал мне путь.

Украпатриотическое

Утром конвой уводил соседей.
Сколько вас – жертв АТО?
Всем в СБУ проведут беседу,
Главное – будь готов!

Стуком ритмичным живет держава!
Сепаратизму – нет!
Хочешь, я крикну: «Героям Слава»?
Лишь бы помочь стране!

Хочешь, покрашу я желто-синим
Крышу и унитаза?
Главное, чтобы не быть с Россией!
Примут в Европу нас!

Хочешь, я дам Ильичу веревку,
С песней про «ла-ла-ла»
Буду скакать в шароварах ловко?
Лишь бы страна жила!

Можно сидеть без тепла, без газа,
С ветром из всех щелей,
Кушать в неделю не больше раза,
Лишь бы без москалей!

Стану правее, чем сектор правый,
Здесь, навсегда, сейчас.
Только позволь избежать облавы!
Поздно, уже стучат...

Глеб Бобров

Бобров Глеб Леонидович – писатель и журналист, председатель Союза писателей ЛНР, главный редактор сервера военной прозы окорка.ru, автор романа «Эпоха мертворождённых» (выдержал шесть изданий). Родился в городе Красный Луч (ЛНР) в 1964 году. Публикуется с 1995 года. Живёт в Луганске.

МЕРГЕЛЬНЫЕ ОКОПЫ СТАНИЦЫ

Под колесами редакционного бусика крошится и осыпается мергель. Мы, старательно объезжая ухабы, карабкаемся в гору. Внизу под нами – поселок Пионерское, вокруг дачи, а прямо по курсу – сразу за ведущим к Донцу обрывом – раскинувшаяся за рекой «зеленка», где расположился ударный бронетанковый кулак Вооруженных сил Украины, ныне бесцветно именуемый ополченцами «противник».

Едем в гости к командиру разведвзвода 1-й отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района Виктору Плешакову с позывным «Дон». Мужик хорошо за пятьдесят, сам добровольцем приехал на войну из Питера и с лета 2014 года находится на передовой. За последние бои в районе Дебальцево два бойца его подразделения получили правительственные награды. Рассказывает обстоятельно и при этом по-военному четко.

О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ, МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЯХ И БИЛЕТЕ В ОДИН КОНЕЦ

Люди во взводе разные. За два наши корреспондентских приезда мы видели здесь и мужиков под 60, и совсем зеленых мальчишек. Все добровольцы, других людей здесь нет. Есть и местные, и ребята из России. Все добирались за свой счет, ехали в неизвестность, толком не зная, в какое конкретно подразделение они попадут. Кто-то что-то услышал, посоветовал, так и прибывались. Добирались своим ходом. Вот как командир рассказывает об одной из таких историй.

«Был у нас парнишка из Комсомольска-на-Амуре. Сейчас он в отъезде, решает домашние проблемы, но скоро должен вернуться. Так вот он, чтобы приехать сюда, на войну, продал машину. С Дальнего востока дорога недешевая весьма. Что-то оставил жене и поехал – в никуда, не зная даже, к кому и куда попадет. А когда случились у него семейные проблемы, то мы всем миром ему деньги на обратную дорогу домой собирали. В один конец парень билет взял».

С местными, судя по всему, отношения чуть ли не родственные. Когда корреспондентская группа прибыла на позиции разведвзвода в первый раз, практически одновременно с нами пришла хозяйка дачного участка, – принесла миску домашних пирожков. И пока мы записывали интервью, она пошла с одним молоденьким бойцом в сад – учить его, как и где подвязывать виноград. «Самой уже тяжело, а ему еще пригодится», – смеется пожилая женщина.

О БОЕВЫХ ЗАДАЧАХ РАЗВЕДВЗВОДА

Основными задачами подразделения являются разведка и ведение наблюдения за действиями противника. Район постоянной дислокации взвода для этого более чем удобный. Наш берег – это господствующие высоты, вся «зеленка» противника – как на ладони. На высотах оборудованы наблюдательные пункты. Разведка ведется круглосуточно. Но и встретить незваных гостей взвод вполне может: и сами не с пустыми руками, и техника соответствующая тоже присутствует.

«Задачи меняются от ситуаций по периметру. С той стороны – Станица, здесь – река Северский Донец, – рассказывает взводный. – Этот берег наш, тот берег их, вплоть до реки Деркул – границы с Россией. Вот я здесь с августа, когда здесь линия фронта стабилизировалась по Донцу. Мы периодически туда-сюда ездим, где не хватает народу, приезжаем, помогаем. Например, в феврале было всем жарко под Дебальцево, мы отправляли людей туда. Три недели стояли в Санжаровке, а на четвертую поехали уже в Дебали».

О КОНЦЕНТРАЦИИ УКРАИНСКИХ ВОЙСК

В районе Станицы Луганской, в непосредственной близости от передовой, ВСУ сконцентрировано сотни единиц бронетехники, установок залпового огня, самоходной и ствольной артиллерии. И это ни для кого не секрет. Так, например 27 марта за одну ночь украинские силовики стянули к линии соприкосновения порядка 200 самоходных артиллерийских установок. Тем более, когда никто особо не прятается.

«У нас здесь доминирующие высоты, этот берег высокий, тот берег низкий, видно всё очень хорошо километров на 10, – говорит командир разведвзвода. – Тем более в “зелёнке”, когда еще листа не было, видно великолепно. ВСУ достаточно казённо выполняют задачи по маскировке, реально люди воюют из-под палки. Если смотреть внимательно и день за днём, можно увидеть практически всё, так вот, то, что должно было выводиться на 50 км, здесь, в углу Деркула и Донца, всё наспиговано техникой. Бронетехники не меряно. Лично видел 2 «Смерча», а это даже не «Град». В одну ночь танковый батальон зашел. Тут удобное место, дороги есть хорошие для армейской техники и «зелёнка». Капониры у них ещё с осени, мы наблюдали, как они это всё себе рыли. Очень интересное у них ноу-хау: чтобы скрыть передвижение метров в 300, выкапывается траншея, куда техника заходит, и капониры, как ячейки, стоят».

О Минских договорённостях и ОБСЕ

Все Минские договоренности с украинской стороной, а также откровенная игра ОБСЕ «в одни ворота» здесь, в окопах, воспринимаются исключительно матерно. Бойцы увере-

ны, что для Украины все эти дипломатические потуги – лишь дымовая завеса для перегруппировки и сосредоточения сил.

Вот, что о реальном выполнении Минских договоренностей рассказывает командир разведвзвода: «До нас доходила информация, что 200 САУшек загоняли. Батальон танков я видел лично, две большие колонны, минут сорок шум движков – это приличная колонна, машин на 100. Танки, «Уралы», службы обеспечения, связисты, все подряд. Батальон зашел, обеспечение, кроме этого, личный состав на чём-то возится. Например, мы отсюда видим кусок поляны, туда заезжает «Урал» с полевой кухней, он её отцепляет и уходит. Полевая кухня – это минимум рота, понятно, что полевая кухня просто так на поляне стоять не будет. Там есть люди, их надо кормить. Вот таких вторичных признаков очень много, если их анализировать, то складывается вполне реальная картинка – техники много».

Вот рассказ разведчика о миссии ОБСЕ: «ОБСЕшники к нам приезжали, куриц считали на предмет того, как живут местные жители, – смеется Виктор. – Еще ездили по магазинам. Я спрашиваю, а вас не интересует техника украинская? Вот в трёх километрах, дам бинокль, покажу. Если не поленились полдня посидеть, увидите передвижения. Утром прогревают технику, видно дымы. Никто особо не таится, тем более от ОБСЕшников, потому что, было бы желание увидеть, они бы увидели. Естественно, никакого желания они не проявили. Они и так это всё знают. Тут сплошное нарушение Минских соглашений. Все про это знают, кто должен интересоваться. И ОБСЕ в том числе».

Об опасностях для Луганска

В Луганске настроения предгрозовые, – все знают, что война возобновится, но никто не знает, когда именно. Люди со страхом смотрят репортажи из Донецкой Республики и задаются простым вопросом: «Когда же полыхнет у нас?».

Здесь, на передовой, напротив, царит спокойное ожидание, – то, что боевые действия начнутся с новой силой – для бойцов аксиома. Разведчики считают, что на этом участке фронта, в треугольнике между Донцом и Деркулом, техника накапливается как в отстойнике, а для Луганска опасны только системы залпового огня.

«САУ-шки ещё здесь поработать могут, а «Смерчи» нацелены на Луганск. Тому же «Граду», например, чтобы на боевой взлёт стала ракета, надо 7 км. Чтобы разбомбить город, этого не хватит. Это только в кино за минуту рушится всё. Чтобы разрушить город, это надо проводить бомбардировки. Думаю, что эта группировка не атакующая. Пока, на мой взгляд, это просто отстойник, потому что, если перегонять ту же танковую колонну на 50 км, при том состоянии техники, которая у них, то половина танков просто не дойдёт. А потом, если их нужно будет вернуть, ещё половина от дошедших в пути сломается. Так же большой расход ГСМ. Технику же вводят не ландыши нюхать, а для боевого применения. То есть, как я вижу, их цель – сохранить технику в непосредственной близости от потенциального театра военных действий».

Разговоры о возможном понтонном форсировании Донца и слухи об украинских учениях взводный не поддерживает: «Понтоны у них точно есть, без вопросов, но река разделена, тот берег их, этот наш. Чтобы проводить учения, надо два своих берега, это не соответствует действительности».

О режиме прекращения огня и огневой разведке

Огневые налеты и перестрелки, переходящие иногда в серьезные бои с привлечением артиллерии, на всем протяжении фронта в Луганской и Донецкой республиках происходят постоянно. Также с обеих сторон фронта активно действуют различные диверсионно-разведывательные

группы. Ни о каком перемирии речи не идет, единственно дело не дошло пока до начала полномасштабных боевых действий. И здесь, на позициях, ситуация не сильно отличается от других участков фронта – обстрелы, огневая разведка, беспокоящий огонь.

«Обстрелы по нашей территории ведутся постоянно, – рассказывает Виктор. – У нас, грубо говоря, каждую ночь весело. Работают миномёты, БМП-1, ЗУшки. Дистанция самая рабочая – до 2 км. Они знают, что у нас есть ПТУРы. Вот периодически их танчик выйдет на полянку и стоит “заманухой”. Постоял, мы не повелись, он и уехал. А так стандарт 82 мм, – “Васильки”, наводчик у них, кстати, хороший. Гоняли тут нас на карьере – выехали 3 “Василька”, отработали по 5–6 залпов. Мы бегали по окопам, как сайгаки. Там много чего есть и серьёзного калибра. Правда, ночью идентифицировать невозможно. Периодически, чаще, чем хотелось бы, некая неопознанная бронетехника обстреливает наши НП. Они прекрасно понимают, где мы сидим. Тем более, здесь мергель, глина, – мы с осени окапывались, и наверняка у них есть опытные наблюдатели. Периодически им надо нас пинать, чтобы мы не расслаблялись».

О боях между ВСУ и «нациками»

О том, что между ВСУ и подразделениями Национальной гвардии, а также территориальных батальонов постоянно идут стычки и перестрелки, перерастающие иногда в полноценные боестолкновения, общеизвестно. Здесь же, в окопах, считают, что между армией и нацформированиями идет реальная война.

Вот что рассказывает разведчик: «А ночью тут вообще концерты бывают. У них возникают перестрелки своих со своими. ВСУ с Нацгвардией. Тут нелюбовь конкретная, неделю назад 2 ПК работало, из «семёрки» выстрелов 12, автоматной трескотни немеряно. По-

том выехал неопознанный БМП, отработал боекомплект, и всё затихло. Но это их тёрки между собой, и это происходит регулярно. В Станице постоянные ночные бои у них были зимой. До нас доходила информация, что ребятам ВСУ нужно получить корочки УБД. Не ручаюсь за достоверность, но у меня такая информация: чтобы получить корочку, надо поучаствовать в боестолкновении. Поэтому ночью начинают пулять по берегу, отражать атаку «сепаратистов». Поотражали – всё нормально. Сделали записи, расчёт БК, отчитались. Потом приезжают нацгвардейцы и начинают выяснять, не было ли это инсценировкой.

Об ужасах оккупации и разделённых семьях

Возможно, вражда между военнослужащими частей украинской регулярной армии и националистическими военизированными формированиями кроется, в том числе, и в отношении бойцов тербатов и нацгвардии к мирному населению, которое иначе как карательным назвать нельзя. Грабежи и беспредел принимают неконтролируемые масштабы.

«Мы все знаем, что творится на той стороне, – рассказывает Виктор. – Здесь же война юных тимуровцев по телефону. Мы шагнули, они знают через 20 минут: бабуля посмотрела, набрала телефон, позвонила зятю, тот побежал, сказал полициям. У нас та же история с той стороны. Везде идет обмен информацией постоянно. Все с мобильными, какие-то незаметные перемещения – нереальны. Или как грабят. Раньше усадьбы выносили, сейчас два БТРа заезжают, купорят улицу с двух сторон и все дома улицы выносят. А как людей вывозили и били смертным боем лишь по подозрению в иных взглядах. Повыбили зубы, поломали ребра, расстрел имитировали. Все всё знают. Не будет тут мира. Слишком много крови с обеих сторон, война прокатилась по селу, по конкретным семьям».

О честности

Украинских СМИ

Украинские медиа на фронте тоже читают. Интернет на позициях редко, но все же есть. По прочтении комментируют: «Читал хохму в Интернете, как сепаратисты хотели захватить Станицу, но доблестные воины ВСУ отразили атаку и с многочисленными ранеными наши покинули территорию. На самом деле, это была наша разведка – 26 человек. Мы по любому не смогли бы взять Станицу. Потом на этой волне в Инете пошла следующая информация, мол, через три дня в Станицу вошли сепаратистские танки. Наверно, на Украине народ и это съест, потому что они не представляют себе, что здесь всего один мост, который они взорвали, и по нему танки не проедут. Он и до войны был в аварийном состоянии. Больше мостов нет, понтонов тоже нет. Откуда взялись в Станице три сепаратистских танка, для меня осталось большой загадкой», – смеется Виктор.

О констатации фактов

Вот такой у нас получился разговор с разведчиками 1-й отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района: «На сегодня можно констатировать массовые нарушения Минских договоренностей – серьезную концентрацию бронетехники, личного состава, а также возросшую интенсивность перестрелок и огневой разведки. Высокая вероятность возобновления боевых действий сохраняется. Нам же, жителям Луганской Народной Республики, остается все-таки уповать лишь на мужество наших защитников, их стойкость, верность воинскому долгу и готовность сражаться за каждую пядь земли Луганщины».

БАНЯ ЛЮТЫЙ

И ЕГО ФЕРМОПИЛЫ

Первый раз вживую Лютого я увидел 6 июля 2015 года на возложении цветов луганскими писателями к памятнику Пушкина. Среди разношерстной толпы журналистов и съемочных групп в тот раз вдруг мелькнуло до боли знакомое лицо. Подошел, поздоровались: «Кто-что? Какими судьбами?». Оказалось, мы хорошо, хоть и заочно, знакомы. И вот он снова в Луганске – очередной кульбит военной карьеры. Всё такой же некрупный, но кряжистый, основательный, словно вжимающийся в жизненный окоп. Весь внешне суровый, но удивительно правильный мужик. И при этом живая легенда – один из «трехсот запорожцев», впоследствии буквально пропахавший на пузе в качестве командира штурмового взвода всю летнюю военную кампанию, а после тяжелой контузии – упрямо вернувшийся в строй. Это – Александр Агапов с позывным Лютый.

Россия – Украина

Довоенная биография проста и незамысловата. Родился Александр чуть больше сорока лет назад в российской Самаре. Там же окончил школу, потом ПТУ. Начал работать в геолого-разведке – бурильщиком. Как и все сверстники, честно пошел служить – попал в войска ПВО. Тут его и настиг развал Союза – начинал службу в рядах Советской армии, а демобилизовался уже из «Збройних сил України». В 1995 году переехал на постоянное место жительства в Донецкую область – к маме. И новая, традиционная для Донбасса работа – машинист горно-уборочных машин на шахте Красноармейская-Западная № 1.

В 2010 женился и вместе с женой Татьяной перебрался в Запорожье. Двое детей – мальчики

девяти и четырех лет. На линейный вопрос: «Какая Родина важнее?» – отвечает просто: «Скорее Россия, но здесь у меня дети, – как это поделить?!»

300 запорожцев

22 февраля 2014 года Агапов пришел на площадь Ленина в Запорожье. Поначалу, можно сказать, попал он туда случайно. Увидел массу людей, заинтересовался: «Что думают другие?». Рассказывает: «К тому времени голова гудела от вопросов». Говорили на площади о том, чем в тот момент болела душа у каждого здравомыслящего человека. В этот раз произошло и первое для него столкновение с боевиками «Правого сектора» и сторонниками «майдана». Стычки продолжились и на следующий день. Националисты хотели демонтировать памятник Ленину, но запорожцы тогда монумент отстояли.

Так Александр влился в ряды движения сопротивления хунте и набирающему разгон национальному помешательству под знаменами «майдана». В числе тридцати запорожцев уже 6 апреля Лютый прибыл в Луганск в поддержку активистов Луганщины, штурмовавшим здание местного СБУ.

– У нас было очень сильное движение сопротивления в Запорожье, поэтому мы считали своим долгом приехать в Луганск помочь нашим соратникам, нашим луганским братьям, – рассказывает Александр.

Оттуда вернулись в Запорожье и на следующий день, 13 апреля, в светлый праздник Вербного Воскресенья, вновь вышли на митинг к памятнику Ленину. Там их уже ждали. Как выяснилось впоследствии, все последующие события были заранее распланированы противником.

– Как только закончился митинг, мы оказались окружены боевиками «Правого сектора», ультрас, сторонниками «майдана» и неонацистами организации «Белый молот», – говорит Агапов. – В нас полетели камни, яйца, пакеты с мукой, флаконы с «зеленкой». Периодически

звучали выстрелы, и ведь стреляли не только с резинострела, «флоберов» и пневматики. Мне, например, пулей прострелили куртку.

Под градом всего, что боевики принесли заранее, и что попадалось им под руку потом, под этим шквалом камней, злобы и ненависти запорожские активисты выстояли более шести часов. Вокруг бесновалась озверевшая толпа.

– Они пришли на митинг, хорошо подготовившись: в касках, вооруженные битами, арматурой, дубинками и молотками, – рассказывает Лютый. Периодически нацикам удавалось прорываться сквозь жидкий заслон милиции, и тогда вспыхивали яростные драки.

Священник, ставший в один ряд с «тремястами запорожцами», подвергся хуле и оскорблениям. В него кидали камни и яйца, плевали в лицо и в икону. Кричали, что он «московский поп» и крыли гнусным матом только лишь за то, что он служил священником Украинской православной церкви Московского Патриархата. Бесновавшихся молодчиков не остановила даже поднятая панаягия Богородицы.

Милиция еле сдерживала толпу. Как ни странно, силовики нашли поддержку среди «промайданных» неонацистов «Белого молота» – они вместе с правоохранителями помешали «Правому сектору» начать резню. Чуть позже, буквально через две недели после запорожской репетиции, точно таким же завезенным молодчикам все же удалось устроить кровавую баню в Одессе.

– Страх не чувствуют только идиоты. В те часы я реально осознавал, что если они прорвут оцепление, то нас там просто разорвут. Среди нацистов было огромное количество агрессивно настроенных вооруженных людей, целенаправленно свезенных к нам именно для этого – устроить бойню. Но деваться было некуда. Мы – стояли, – говорит сегодня Агапов.

Когда людей удалось вывести и оттеснить боевиков, всех антифашистов задержали и отвезли в отдел милиции. Поголовно переписали, зафиксировали данные и отпустили. Теперь запорожским активистам оставалось ждать лишь неминуемого ареста. Александр не стал испытывать судьбу – 30 апреля уехал в Донбасс и вступил в ополчение.

Летние бои 2014-го

Поначалу Агапов прибыл в Донецк, под стены госадминистрации. Оттуда 11 мая боец Лютый вступил в ряды батальона «Восток». Вначале рядовым механиком-водителем БМП-2, потом дорос до командира штурмового взвода. Участвовал в обороне аэропорта, Карловки, Песков, Михайловки и Саур-Могилы. После гибели взвода «Медведь» участвовал в выводе выживших героев обороны Саур-Могилы – они туда пешком ходили из Снежного.

– Первый раз понял, что мы бьемся с нелюдьми, летом 2014-го под Песками, – рассказывает Лютый. Мы держали оборону в районе СТО «Renault». Ночью началась очередная атака. Они пёрли, что дурные, где-то с полуночи и, считай, до рассвета. Мы стояли жестко, ни шагу назад. Выкашивали их пехоту раз за разом. А они всё прут и прут. Под утро, уж как они выдохлись, выкатили танк ВСУ, что отработал по нам свой боекомплект. Как затихло, мы выдвинулись вперед посмотреть результаты. И что видим? Дострелянные раненые, раздетые убитые. Стянули не только разгрузки и бронники со своих, даже берцы снимали с трупаков. Своих же павших боевых товарищей раздели. Потом нашли, почему они пёрли, как бессмертные. В карманах у всех упаковки с метадоном. Они же все обдолбленные шли в атаку! Нам потом объяснили, что это мощный психотроп такой, который применяют для лечения наркоманов, замещая настоящие наркотики. Вот они, напичканные этой дурью, и пёрли, выпучив глаза, – вспоминает он.

После, в августе – сентябре, Агапов участвовал в боях за Ясиноватую.

– Потом началось наступление, – рассказывает Александр. – Мы прорвали или, скорее, начали выравнивать линию фронта, у Пантелеймоновки соединились с отрядами Безлера. Обычная боевая работа.

По сути, Лютый прошел через самое пекло, побывав в наиболее драматичных точках фронта, в самой мясорубке летней военной кампании 2014 года.

– Не люблю рассказывать, прости. Война – это грязь, пот, кровь и слезы. Нет там никакой романтики.

И, тем не менее, он и дальше рвался в бой. Поэтому после перемирия Лютый ушел из батальона «Восток», и вступил во второй моторизованный батальон 5-й бригады «Оплота». Вновь стал командиром боевой машины пехоты, где и прослужил до 15 января 2015 года до массированного артобстрела, поставившего, как выяснилось, запятую в его боевой карьере. Пришлось уволиться – последствия тяжелой контузии не давали возможности нормально служить, потребовалось срочное лечение.

Ростов – Луганск – Донецк

30 января 2015 года Агапов прибывает в госпиталь Ростова-на-Дону. Там подлатали, а что делать дальше – неизвестно. Помощь пришла со стороны. Известный журналист и волонтер Ева Меркурьева, узнав о судьбе Агапова, выходит на своих луганских коллег. Журналисты государственного информационного агентства «Луганский информационный центр», в свою очередь, связываются с писательской организацией ЛНР, а те – с российскими ветеранами «афганцами». Ростовские «файзабадцы» (ветераны легендарного 860-го отдельного мотострелкового полка ОКСВА, дислоцировавшегося в г. Файзабад, провинции Бадахшан, ДРА – прим. ред.) не подвели – у Лютого сразу появилось и жилье, и работа. Восстановившись, он даже успел поработать по своей последней, как он говорит, «блатной» специальности промышленного альпиниста.

Вообще, разговаривать с ним трудно. Он закрыт, душа как будто зажата между двумя плотно стиснутыми, словно упрямыми губы, створками. Неудивительно: отстояв личные Фермопилы в апреле 2014-го, Лютый потом тяжелым колуном прошел на броне и пёхом сквозь жаркий кошмар Песков и Саур-Могилы, зимний ужас

артиллерийских обстрелов и свинцовую тяжесть болезни. Украинская Гражданская закалила эти створки, превратив их в кованые спартанские щиты. Отбоявшийся, задубевший, отлитый в горниле боев, лазаретов и лишений, этот немногословный, суровый мужик вернулся на свою войну. Для него теперь это – просто еще одна тяжелая, местами опасная, но лишь привычная теперь работа – как в шахте, как на высоте. Ведь долг, на самом деле, все равно, по-прежнему выше личного: здесь остались дети, боевые товарищи и незаконченное дело – освобождение его второй родины от засилья неонацистов и вооруженной хунты. Как сказали бы древние, «дело дошло до триариев»: с июня 2015-го Саня Лютый снова в строю.

ТРИ ПУЛИ РАЗВЕДЧИКА УНГЕРА

Посреди письменного стола лежит маленький марлевый квадратик. Точнее – операционный конверт, в который завернута пуля калибра 5,45 мм. С виду мелкая и неказистая. Самая последняя из трех и... самая проблемная. Я ее видел раньше, правда не так – вживую, а на рентгеновском снимке, где она, словно стартующая ракета, застыла острым кончиком вверх, аккурат между позвонками шейного отдела и гортанью. Тогда, пробив под острым углом обвес и срикошетив о пластину бронезилов, она вошла в тело, пройдя сквозь рёбра ниже подмышечной впадины. Перебив по пути ключицу, каким-то чудом кувыркнувшись меж сонной артерией, позвоночником и ярёмной веной, она остановила свой путь в мягких тканях горла.

Именно из-за этой «пульки» моего собеседника хоронили трижды: вначале киевские каратели, принявшие в оптику прицелов недвижимое тело за 200-го «ватника». Потом однополчане, встретившие вышедшего к своим полумертвого бойца, как посланника с того света. И, наконец, врачи легендарной питерской Военно-медицинской академии им. Кирова, где эту пулю наконец из-

влекли. И лишь потом, после успешной операции, сказали: «Саша, мы не хотели тебя пугать, но раз всё обошлось, то знай – с такими ранениями не живут».

МЕБЕЛЬЩИК

Началось все сорок лет назад в далеком августе 1975 года в городке Свердловск Ворошиловградской области – в простой советской семье родился маленький Саша Унгер. Обычный город, обычная семья. Отец – милиционер, как мог боролся с экономической преступностью. Видимо, боролся эффективно, так как был предательски застрелен ночью 1979 года. Удивительно, но сын, несмотря на возраст в четыре годика, помнит тот прощальный папин поцелуй заступавшего на свое последнее ночное дежурство. Утром пришли сослуживцы и принесли страшную весть. Мать, инженер-конструктор ряда промышленных предприятий Свердловска, тянула семью на себе. Надорвалась, – в 2004 году ей удалили почку. Сейчас пенсионер, инвалид II группы.

Мальчик звезд с неба не хватал, но и не бездельничал – добротная середина и самая рядовая биография донбасского школьника: учился без провалов – «хорошист», активно занимался спортом. Как юный рапирист выступал на городских соревнованиях. Позже увлекся боксом, правда, уже не для спортивных достижений, а ради умения защитить себя и близких.

После школы поступил в Международный институт управления, бизнеса и права на базе Коммунарского горно-металлургического института (ныне Донбасский государственный технический университет. – Прим. ЛуганскИнформЦентра). Однако по серьезным семейным обстоятельствам окончить университет так и не удалось.

Пока учился, подрабатывал водителем. Потом полученные знания и упорство помогли занять управленческие должности на ряде промышленных производств – работал на кирпичном заводе и заводе автоклапанов.

С 1993 года перебрался в Луганск. За это время женился, а в 2000 году у Унгеров родилась дочь Елизавета. Родители вкладывались в ребенка как могли – образовательные кружки, танцы, спорт. Сегодня она – успевающий в учебе, образованный и развитый подросток.

В 1998 году Александр решил начать свой бизнес. Много и тяжело работали. Как он образно говорит: «Да – пахали, но ведь на себя!». Делали мебель, столярные изделия, инкрустации из шпона. При этом производство было социально ориентированным: продукцию выпускали массовую и не дорогую, неимущим и малообеспеченным делали серьезные скидки, со своих работяг три шкуры ни драли. Результат, при такой бизнес-модели, был вполне прогнозируемым: крепкое производство практически не развивалось и рынка не захватывало, а собственник ездил на скромной машине ВАЗ 2121 «Нива», от которой впоследствии и получил свой боевой позывной: Саня Нива. Ведь бизнес Унгера устоял, это сама страна рухнула – началась война.

Доброволец

В ноябре 2013 года Унгер со своим напарником поехал в Ровно заключать договор с заводом-производителем исходных материалов для мебельного производства. Возвращались 20 ноября в самый разгар майданных страстей. До вечера блукали, пытались проехать Киев. Там, говорит, он воочию увидел первые признаки национального беснования. Страна день за днем слетала с катушек. Уже в феврале 2014 года в Луганске бывшие бандюки, в очередной раз срочно перекусившись в новые политические цвета, устроили стрельбу в самом центре города.

Сегодня Александр рассказывает о том времени так: «Все происходящее я воспринимал как чистое безумие. Почему никто не хотел замечать очевидного – попрания наших безусловных прав? Права на язык, на веру, на родственные отношения с братской для нас Россией. Почему отстаивание своих исконных прав и

свобод или, например, то же неприятие наглого переписывания истории, с их стороны воспринималось как тяжкое преступление? И главное – ведь с нами никто даже не пытался разговаривать. Ведь ни разу! Нас просто пришли тупо ставить в стойло! Ну, конкретно, как скот!».

Тем временем кровавый шабаш нарастал, ежедневно повышая ставки. Корсунь. Запорожье. Потом Одесса. И вот Луганск – бомбоштурмовой удар по зданию Областной государственной администрации. А следом, еще кровь на ступеньках не остыла, как стеной поднялись неистовый свидомый* вой и циничные вопли СМИ о взорвавшемся кондиционере. Это и стало последней каплей. Унгер понял, что – всё, мира не будет. На следующий день после удара по обл администрации он пошел записываться в ополчение.

На тот момент в Луганске насчитывалось всего два легитимных боевых подразделения: батальон «Заря» и военная комендатура. Унгер, не выбирая, просто пришёл и записался в разведку, подчинявшуюся комендатуре. Вскоре начались боестолкновения. И тут, как и на любой войне, разведподразделения по умолчанию оказались на самом острие. В критические моменты, как, например, в летних боях обороны Луганска, их стали бросать на усиление – в первую линию, в самое пекло.

Вместе с бойцами разведки Унгер принимал участие в боях за Металлист, Юбилейный, Сабовку, Георгиевку. Ко времени стабилизации фронта они уже в основном ходили в глубину линий противника: вскрывали координаты обстреливающих Луганск артиллерийских батарей противника, фиксировали точки расположения складов, транспорта.

Были и нестандартные задачи. Так, Александр участвовал в захвате выживших лётчиков самолета Ан-26, сбитого в районе Давыдо-Никольского. Одного пилота взяли местные Краснодонского ополчения, а вот второго – как раз разведчики комендачей. Причем взяли в буквальном смысле слова, – скрутив при попытке застрелиться. К уроженцу Винницы бортмеханику Сергею потом приехала мама – Мария

* Свидомый (укр. свідомий) – сознательный (прим. ред.).

Васильевна. Прибыв в подразделение комендантского полка, женщина была просто ошарашена (в медицине это называется «когнитивный диссонанс»), а на улице «разрыв шаблона» – её ожидания и реальность вошли в неразрешимое противоречие. Бедная женщина, уже оплакивающая своего, наверняка кастрированного и безусловно изувеченного «сыночку», увидела того в полном здравии – сытого-умытого, одетого в новенькую гражданскую одежду. А ведь она морально уже была готова лицезреть толпы озверевших русско-башкирских спецназовцев и, главное, украинскую страшилку номер один: злобных чеченов, непрестанно насилующих женщин и детей.

Вместе с матерью пленного сына разведчики провезли по всему Луганску – показали город, разрушения, дали поговорить с горожанами. И... отпустили домой. Расставаясь, бортмеханик молчал, мать плакала. Когда их посадили в автобус, Сергей вдруг сказал: «Я за штурвал самолета больше не сяду никогда. Клянусь!».

После на связь выходила его жена Людмила. Тоже плакала, тоже благодарила. Говорила, что если Бог даст им сына, то назовут они его в честь командира разведчиков Михаила Гончарова с позывным Дубки. Правда, если случится такое, ему об этом уже не узнать – Миша погиб через полгода.

Артразведка

СВОЯ И ЧУЖАЯ

Тем временем сержант Унгер, что называется, не вылезал с передовой. В ноябре 2014 года в Станично-Луганском районе его группа выявила позиции ВСУ в районе Валуйского. В декабре они обнаружили склады в Камышном и Верхней Ольховой. По данным разведки Унгера и его группы, нашей артиллерией было уничтожено порядка 50–60 единиц бронетехники и артиллерийских установок противника. Все обнаруженные склады наши также накрыли.

Офицеры-артиллеристы, имевшие за плечами советскую армейскую школу, смеялись: «Сань, тебе бы в Союзе уже с орденом Красного Знамени ходить, если б не «Героем»...».

В январе разведчики комендатуры успешно провели операцию сопровождения и обеспечения безопасности работы большой группы журналистов вдоль всей линии фронта – от Свердловска до Фащевки. Противодествовали вылазкам вражеских диверсионно-разведывательных групп (ДРГ), проходивших на снегоходах почти до ВВАУШа (военный городок бывшего военно-авиационного училища штурманов, юго-восточные окраины города. – Прим. ЛуганскИнформЦентра) и запускавших оттуда беспилотники ВСУ, ведших безнаказанную артразведку. Потом по выявленным целям Луганск несколько дней расстреливали из «Градов» и «Ураганов». Не стало ДРГ противника – кончились и обстрелы.

Поселок Октябрьский

Потом начались бои за Дебальцево.

Туда Саша попал 5 февраля. Комендантский полк держал правый фланг обороны стратегически важного поселка Чернухино.

11 февраля ими была предпринята первая попытка провести штурмовую группу численностью до взвода. Унгеру поручили проводку этих 24 бойцов. Входили грамотно – в стык между подразделениями ВСУ. Должны были занять оборону под мостом. Однако при заходе они обнаружили замаскированные позиции киевских силовиков: слева мощные огневые точки, а справа танки, открывшие огонь прямой наводкой по соседям – еще одной прорывавшейся группе, возглавляемой командиром комендантского полка Сергеем Грачевым. Осознавая риск уничтожения, Унгер принимает решение об отходе и выводит из-под трехчасового перекрестного огня всех своих 24 бойцов без единого убитого и раненого. До цели в тот раз не дошли буквально 300 метров.

В ночь с 11 на 12 февраля была повторная попытка завести штурмовую группу. Они первые вошли в поселок Октябрьский на окраине города Дебальцево. Это была сборная в составе бойцов комендантского полка, батальона «Заря» и группы бойцов командира с позывным Добрый. Следом под прикрытием нашей артиллерии вошла еще одна штурмовая группа комендачей под командованием Сергея Новомлинского с позывным Пуля. Заведя свои группы, Унгер с бойцами сопровождения вывел в расположение штаба полковника Грачева и еще несколько офицеров полка. А уже утром был получен новый приказ: обеспечить проводку пешей колонны новобранцев с ящиками боекомплекта для вошедших в Дебальцево штурмовых подразделений.

Унгер был ведущим. Двое бойцов обеспечили боевое охранение десяти человек «шерпов» – необстреленных носильщиков – в караване боеприпасов.

В точке прибытия под мостом выйти на связь с встречающей группой не удалось. При этом отсутствие боекомплекта могло сорвать основную задачу штурмовых подразделений: доразведку позиций противника и ночной штурм с прорывом обороны в точках своих боевых задач. Оставить ребят без боекомплекта было равно предательству, и Унгер принял решение двигаться дальше. Два бойца успешно выдвинулись в поселок и предупредили, что группа с боеприпасами идет в Октябрьский.

Двигались скрытно, не обозначаясь. Первая двойка прошла удачно и вошла в точку прибытия. Следом Александр возглавил выдвижение основной группы.

Около 9 часов утра, не доходя до первой линии домов, они были накрыты массированным огнем. В первое мгновение на группу обрушился огневой шквал всех средств, имевшихся на позициях ВСУ, – минометы, станковые и подствольные гранатометы, снайперы и пулеметики буквально смели редкую цепочку разведчиков. Унгер почувствовал глухой удар и, оставаясь в сознании, рухнул в снег. Им в целом повезло, если можно так сказать, что шли грамотно: рассредоточено, тройками, – поэтому и удалось избежать больших потерь. Помимо раненого Александра, один двадцатилетний

боец – Дмитрий – был убит сразу наповал. Остальные успели залечь.

Ребята стали кричать: «Саша! Дима!», – но Унгер понимал, что они сейчас прекрасно видны в снайперские прицелы и, не шевелясь, выкрикнул команду «отход». Те сразу не послушались, сидя в относительном прикрытии насыпи кричали: «Комендатура?! Кто живой?!» В ответ старший группы кричал: «Не подходить! Держитесь от меня подальше». И лишь когда вокруг стали плотно ложиться разрывы минометных мин и ВОГов (гранатометные выстрелы для станковых и подствольных гранатометов – Прим. ЛуганскИнформЦентра), ребята на счет «три» рванули под огнем к спасительным постройкам. Завязался бой, длившийся до вечера. Киевские каратели поверили, что оба лежащих на открытой местности бойца мертвы.

Умереть – предать родных

Поначалу он притворился мёртвым, понимая безнадежность своего положения. Потом начал замерзать. Временами путалось сознание, и он уже ощущал себя то убитым, то парализованным. Унгер не мог перевернуться, мешали два автомата, висящие на простреленном в нескольких местах правом плече. Неподъемный бронезилет вдавливал в промерзшую землю. Позже он поймет, что этот тяжелый «бронник» в общем-то и спас ему жизнь: помимо изначально приторможенной пули, натворившей с ним столько бед, на тяжелой спинной бронепластине бойцы позже обнаружат несколько насечек и деформаций – она приняла на себя как минимум два серьезных осколка.

Рядом на позициях ВСУ «под парами» стоял БТР, но противник не торопился выходить в простреливаемое поле. Но самой большой опасностью был холод. Саша согревался, разминал руки, сжимая-разжимая пальцы, напрягал мышцы тела, попеременно на счёт качая мышцы спины и пресса.

Он потом рассказывал: «Я прекрасно понимал, что если потеряю сознание или, не дай Бог, провалюсь в дремоту, усну, то это всё – кранты. Где-то рядом, в сознании держала Янка (имя жены – Прим. ЛуганскИнформЦентра), а под сердцем грели мысли о дочери. Умереть сейчас – это как предать своих девчат. Вот я и работал, качал мышцами все эти 13 проклятых часов...».

Так Унгер продержался до темноты. Когда окончательно стемнело, попробовал перевернуться и... не смог. Поначалу, говорит, дико испугался, словно вспышкой смертной боли обожгло: «Парализовало!». Но потом отдышался и понял, что он просто примерз к земле. Просто. Примерз к земле...

Сантиметр за сантиметром он сбросил с простреленного плеча два автомата. Потом вытащил левой рукой отточенный штык-нож – срезал разгрузку. Также выгрызая по сантиметру, вырубил из смерзшегося от крови снега и льда немую правую руку. Следом вырвал, вырубил ватные, чужие ноги. И пополз...

Сейчас он смеется: «Полз вначале, как Маресьев в кино – в левой здоровой руке пистолет, нож на боку, вот и всё оружие. Ну, воин-разведчик, чё там...»

Воскресший

Дополз до насыпи, как-то перекатился да встал на корточки. Потом поднялся и побрел, смутно угадывая направление. Чуть разогревшись, почувствовал ноги, пошел более осмысленно. Двигался, как пьяный, шатаясь, ежесекундно рискуя упасть и больше не подняться. Желание, говорит, было просто пойти, да и сам этот поход он вспоминает с очевидным содроганием – как пытку. Через два-три часа, счет времени он давно потерял, его грубо окрикнули: потребовали назваться, в ночи громко клацнули автоматные предохранители. Разведчик каким-то иным, запредельным чутьем уловив, что это свои, ответил:

– Я из раненых комендачей. Унгер моя фамилия...

В ответ прозвучало обнадеживающее:

– Не гони, тварь... Унгера убили!

Значит, точно свои...

Стрелять сразу не стали – подошли, сняли капюшон и чуть не затискали в объятиях. Под мост спускался, уже поддерживаемый с двух сторон однополчанами. Однако сил хватило лишь на этот последний рывок. Саша начал проваливаться и прямо сказал: «Мне не дойти».

Приговор

Далее все вспоминается им через матовое стекло полузабытья – носилки, двести метров чуть ли не бегом до машины. Полевой лазарет в Зорянке. перевязка, эвакуация, больница в Алчевске – там удалили первую пулю из правого плечевого сустава. Оттуда перевод в Луганскую республиканскую клиническую больницу, еще одна операция – удалили вторую пулю, которую невозможно было заметить без аппаратного обследования из-за развившейся огромной гематомы во всю правую половину туловища. Там же нашли и третью пулю, извлечение которой в условиях блокадной Республики, отсутствия набора узкоспециализированных инструментов и препаратов не представлялось возможным.

Поначалу он хотел переждать до окончания войны, так как видимых неудобств засевшая в теле пуля ему попервах* не доставляла. Разведчик прошел полный курс лечения. Возвратился в строй. Александра Унгера торжественно наградили медалью «За отвагу» II степени. Он начал тренировать непослушную руку и потихоньку встраиваться в службу, но вскоре появились первые грозные симптомы. И главное – не оставляющая ни на минуту боль. Дополнительное обследование и приговор: «Без операции возможен частичный или полный паралич с непредсказуемыми последствиями. Пулю надо удалять».

* Попервах (укр.) – поначалу (прим. ред.).

Не чужие

Помощь пришла с неожиданной стороны. Первыми от командира полка, полковника Сергея Грачева, о проблеме Александра узнали журналисты Государственного информационного агентства «Луганский Информационный Центр». Следом подключились творческие союзы. В ходе X Санкт-Петербургского Международного книжного салона секретарь правления Союза писателей ЛНР Андрей Чернов при посредничестве российских писателей провел успешные переговоры с нейрохирургами питерской Военно-медицинской академии им. Кирова. Следом подключилась тяжелая артиллерия: главные врачи двух Луганских научно-медицинских центров Олег Вольман и Александр Торба помогли с последними освидетельствованиями и документами, а министр здравоохранения ЛНР Лариса Айрапетян подготовила именное обращение к главе Военно-медицинской академии. Все финансовые затраты на эту командировку взял на себя трудовой коллектив одной московской компании. Ее руководитель – равнодушный человек, писатель, легендарный в среде прошедших Афганистан, Югославию и ветеранов ВДВ человек – как-то вскользь обмолвился перед коллегами о предстоящей операции. Вердикт сослуживцев был неумолим: «А почему это только Вы хотите ему помочь? А мы, что, Донбассу – чужие?!».

В строй

Через неделю после операции Александр Унгер сидит рядом и рассказывает о будущем.

– Понимаешь, я с этими госпитализациями, переездами, перевязками и так много времени потерял. Ребята служат, воюют, я не могу выпасть из процесса. Война не закончена, да и без боевых действий работы тут на десятилетия. Нельзя мне из строя выпадать. Никак нельзя...

* * *

Слушая, записывая рассказ Александра, я думаю: и это что – реально таких людей победить? Купить, прикормить печенками с рук, прельстить кружевными трусиками, что там ещё обещали со сцены Майдана? Вот неужели на «той» стороне до сих пор нет понимания, что они столкнулись с окончательным выбором людей Донбасса? И любой язык силы здесь может решить лишь одну проблему: высвобождение невиданной энергии противостояния. Возьмем одну конкретную судьбу: жил себе – растил ребенка и работал простой луганский мебельщик. Вы ему бомбардировку мирного города – он вам запись в ополчение. Вы ему «Едыну Крайыну» – он вам полсотни сожженных единиц бронетехники. Вам мало?! Вы ему три пули в корпус и несовместимое с жизнью ранение – он назло вам выползает и становится в строй с непогашенным больничным. Так, может, все же хватит повышать ставки?

Ирина Жужнева

Жужнева Ирина – прозаик. Родилась в Казахстане, школьные годы провела в Зауралье, студенческие – на Украине. После вузовского распределения живёт в Луганске, который считает родным городом. Пишет прозу для детей и юмористические рассказы. Член Луганского клуба фантастики «Лугоземье». Член Союза писателей ЛНР.

ЄЛКИ-ПАЛКИ

Рассказ

В тесной коморке было тихо. В центре облезлого потолка медленно собиралась крупная капля вязкой грязной жидкости. Около стены за дряхлым столом на качающемся стуле сидел начальник среднего звена и строго рассматривал подчинённых, которые сиротливо толпились в темном углу. Наконец, капля сорвалась, шлёпнулась в лужу и издала звонкий «бульк» на всю комнату.

– Я вас собрал по причине падения производительности труда. Ваши подопечные пропускают смены безо всяких на то уважительных причин, – начальник обвёл присутствующих злобным взглядом и вдруг заорал, – я к вам обращаюсь, девятый котёл!

Подчинённый от испуга подпрыгнул на месте, потом весь сжался и что-то тихонько залепетал в своё оправдание.

– Огонь гаснет, – игнорируя подчиненного, вновь заголосил начальник. – Убежавшие грешники шатаются по коридорам, ругаются матом и пугают беременных бесовок!

Он сделал небольшую паузу, а потом совершенно спокойным тоном сообщил:

– Для поднятия духа и заинтересованности объявляю о начале соревнований. Приз – час пребывания на земле в человеческом образе. Это вам не через зевающие рты залазить в людей, это полноценные ощущения! – Начальник ухмыльнулся и подмигнул. – Я-то знаю, о чём говорю!

Подчинённые ещё плотнее прижались друг к другу.

– Марш по рабочим местам! – гаркнул руководитель и добавил крепкое словцо, подслушанное у грешников.

Раздался торопливый цокот копыт: подчинённые удирали из кабинета начальника, устроив в дверях пробку. А руководитель уже встал. Он взял стул, замахнулся и запустил его в спину последнего убежавшего. Стул перекосялся, в нескольких местах вылезли ржавые гвозди. Начальник уверенными ударами копыт отремонтировал предмет интерьера и с чувством удовлетворения уселся за своё рабочее место. За дверью закипела работа, заголосили грешники, грязно заругались черти. Соревнование началось.

Жизнь перестала радовать сорокалетнюю Аглаю Купидоновну, то есть на работе у неё всё было отлично: она безжалостно «вертела» подчинёнными, заставляла их следовать её сумасбродным правилам. Но вот личная жизнь как-то не задалась: хотелось большой и светлой любви, а её всё не было. Женщина перепробовала уже все доступные способы: угощала пирогами мужчин различных возрастов и положений, приглашала их на лекции и концерты. Но результат был плачевным: долгими вечерами Аглая Купидоновна по-прежнему смотрела телевизор в одиночестве. И тут вмешалась сама Судьба. Она бросила в почтовый ящик женщины красочный листочек с рекламой салона «Мечты и грёзы». Аглая Купидоновна воспряла духом. Вот её шанс! Здесь ей обязательно помогут обрести счастье.

Начальник участка распахнул дверь своего кабинета. На его любимом стуле раскачивался неизвестный молодой бес. Появление хозяина кабинета ничуть не смутило наглого гостя, который по-прежнему расшатывал стул с довольной ухмылкой.

– Кто такой? – гневно спросил начальник.

– Самый лучший! – улыбаясь, произнёс чертёнок.

«Ах ты, выскочка, – подумал руководитель. – Ну, я тебе покажу!». И залепил непрошенному гостю увесистый подзатыльник. Тот подскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Так вот он какой, наш чемпион! – произнёс начальник, разглядывая короткую шелковистую шерстку и маленькие рожки победителя.

«Да, – грустно подумал руководитель. – Когда-то и я был таким». Он посмотрел на свой обвисший живот и сморщился от вида свалывшейся длинной шерсти. Тут он вспомнил, что занимает достаточно высокую должность, и приободрился.

– Тебе мой совет, – прошептал он победителю. – Приударь за хорошенькой девушкой! Те ещё встречаются бесовки, – и он закатил глаза, изображая удовольствие. – Запомни, такое путешествие возможно лишь один раз.

Выдав эти наставления, начальник достал из ящика стола печать и со всего маху приложил её ко лбу победителя. На лбу засветилась надпись: «Один час», а рядом появился циферблат со светящимися точками.

– Это тебе напоминание, – проговорил начальник, схватил беса за хвост, раскрутил и бросил в отверстие на потолке.

Сильный поток воздуха подхватил рогатого и понёс вверх. В узком туннеле, цепляясь за шершавые стены, победитель потерял всю свою чертовскую красоту: шерстку, копытца, маленькие рожки и даже хвост. Он вылетел наружу из открытого люка и упал около зеркальной витрины большого магазина. Теперь он был высок и красив, по человеческим меркам, в шикарном дорогом костюме. «Нужно поторапливаться», – подумал бес, разглядев на своем лбу сорок пять красных точек.

Аглая Купидоновна на следующий день отправилась в агентство для осуществления своей мечты. Она подошла к небольшому зданию. Над дверью на железных кольцах со скрипом болталась деревянная табличка с надписью «Мечты и грёзы». Вера в чудо скрыла от женщины обшарпанное помещение с паутиной по углам и заставила поверить в волшебный мир магии с огромным шаром на круглом столе посреди комнаты.

– А вот и вы, – неожиданно раздался скрипучий женский голос за спиной Аглаи Купидоновны.

Возникшая из ниоткуда сгорбленная старуха в поношенном жилете, одетом на разноцветное ситцевое платье, взяла посетительницу за руку и уколола её палец иголкой. Капелька крови странным образом взмыла в воздух, понеслась к шару и залетела внутрь. Там она заметалась и вскоре пропала.

– Шар согласен тебе помочь. Жди. Будет тебе счастье, – сказала старуха и растворилась в воздухе.

Аглая Купидоновна обессилено опустилась на стул и заревела. Причину её слёз не знал никто, даже сама Аглая.

По улице торопливо шёл красивый молодой человек. Он вглядывался в лица молоденьких привлекательных девушек и гадал: «Которая же из них моя?» Тут черт очутился под скрипучей вывеской, которая приглашала в заведение «Мечты и грёзы», и внезапно почувствовал лёгкое недомогание. Он облокотился на дверь,

которая неожиданно поддалась, и очутился в жутком помещении. Здесь пахло сыростью, на стенах болтались обрывки обоев, на облезлом журнальном столике стояла грязная лампа с плафоном в виде шара. Бесу стало совсем худо, но уйти он не смог – не слушались ноги. И в этот момент к нему подошло существо женского рода с опухшим, мокрым лицом и крепко обняло его тонкими руками. Ужас охватил работника ада! Оставшиеся тридцать точек на лбу кричали о том, что не видать ему счастья с местной красавицей, и его единственный час потрачен впустую. На язык просились длинные предложения из крепких слов, но волшебство и присутствие дамы позволили ему вымолвить только:

– Вот ведь ёлки-палки!

А начальник среднего звена тем временем довольно потёр руки и принялся стаскивать с себя ситцевое платье и поношенный жилет...

Эдауш Кауш

Кауш Эдауш – прозаик. Родился и вырос в Луганске. Публиковался в периодических изданиях Луганска и Симферополя.

ТО, ЧТО НИКОГДА НЕ ВОЙДЕТ В ЛЕГЕНДУ

Рассказ

*Елене Настоящей –
другу и литературной соратнице*

Тарлагы кричал двое суток. Но огнем горящая боль не отпускала его ни на миг, не оставляла ни одной мысли, кроме как о скором избавлении от мучения. Да, Тарлагы ждал смерти. Его крик был призывом смерти.

На третий день Тарлагы замолчал. Горло будто онемело и, несмотря на широко открытый рот, ни звука Тарлагы не мог проронить. Он умолк, но боль не отступила и всё так же съедала его сердце, выпаливала внутренности, парализовала его разум. Мысль об избавлении от муки настолько заслонила собой всё остальное, что Тарлагы даже не замечал происходящего вокруг. Поэтому не заметил, когда появился рядом жухмыралы.

В один из бесконечных мучительных миггов, мало отличный от череды подобных, Тарлагы посмотрел на полог, закрывающий вход в шат. На корточках у входа сидел жухмыралы и не сводил с него немигающих глаз.

Желто-зеленая морда жухмыралы выражала жадное нетерпение. Так смотрят голодные собаки на хозяина, собравшегося, наконец-таки, их покормить. Синие губы жухмыралы то сжимались, то разжимались в страшной усмешке. Левая губа была крупнее, её верхний край казался припухшим.

Несмотря на боль, Тарлагы попытался приподняться на ложе, но силы его покинули, руки и ноги не слушались. Он хотел крикнуть:

«Пошел вон! Падальщик душ! Отродье степи!» Но не мог проронить ни звука. Маленькие глазки-точки жухмыралы, казалось, выразили еще большее торжество и презрение к нему, человеку беспомощному и обреченному стать его добычей.

Полог шарата колыхнулся, и у его левого края показалась голова. Затем она скрылась, снаружи донеслись негромкий топот, голоса, кричащие и пронзительно разговаривающие. Тарлагы смогли разобрать лишь одно слово «молчит». Жухмыралы внезапно вскочил и отбежал в сторону, ковыляя кривыми лапами. Через мгновение полог шарата широко распахнулся, вошел кыйсан Нал-Гисар, Сураг, его служка, еще несколько слуг Тарлагы. Один из слуг подошел и приложил к губам умирающего влажную шерстяную ткань. Тарлагы не ощутил вкуса.

Полог сняли, слуги начали разбирать закрывавший дымовое отверстие навес. Стало значительно светлее, прохладный воздух ударил в лицо Тарлагы, и он попытался спросить вошедших: зачем они разбирают навес? Но голоса не было.

Спешно окончив, слуги удалились. Кыйсан, не нарушая тишину, стал разбрызгивать небольшой метелкой воду из деревянного ведерка, которое держал его служка. Жухмыралы отбегал всякий раз, когда люди к нему приближались. Его черненькие глазки не отрывались от лица Тарлагы. Наконец Нал-Гисар остановился, отдал метелку Сурагу и запел гнусавым голосом. Сураг отбежал ко входу и свободно вздохнул. В сторону лежащего на ложе он старался не глядеть.

Гнев охватил Тарлагы: кыйсан пел песню о нём, Тарлагы, восхваляя его победы и богатство. «Сучьи дети! – кипело в голове Тарлагы, – я еще жив, а это недостойное отребье меня отпекает!» Гнев заставил отступить боль, ставшую тупой и не столь мучительной.

Нал-Гисар пел о Степи, Великой Степи, немилосердной к слабым и великодушной к сильным и храбрым. Что сильнее Степи? Что может быть могущественней её Воли? Что богаче её Щедрости? Что краше её Лица? Огромный и всемогущий зверь – Степь. От дали к дали разлётся он,

выгнул спину – и стали горы, где процарапал когтями – потекли реки, глаза Зверя – небо, жгущее зрачком Солнца.

Голос Нал-Гисара глух и заунывен, но слова, слова пробуждали Видения. И вот уже гнев Тарлагы стих, пред взором встают образы, за долгую жизнь врезавшиеся в его память. Сквозь эти образы прошли десятки лет, что-то они оставили в них, а что-то исчезло. Но сейчас он слышал песнь...

*От красного солнца – тени бегут
В стерегущий их покой горы.
Над Степью Великий когут
Испепеляет врагов взором...*

И племена, живущие по обе стороны от Хребта, слабы пред Великим когутом, никто не в силах бросить ему вызов. Непокорному – смерть! Племени, породившему непокорного, – смерть! Ненависть и отчаяние правят Степью. Дети Степи выродились в трусов, стерегущих не свой стада, охотящихся не на своих зверей и птиц, спящих не со своими женами, рожающих не своих детей. Ибо все – рабы Великого когута, без воли исполняющие его Волю.

Но вот дрогнула Степь, и даже река Хвора захлебнулась, повернула и потекла назад к горам, где брала свой исток, где правил могущественный властелин гор и степей, властелин всего мира – Великий когут.

А в далёком племени, у Закатных гор, родился Искупитель, которому суждено бросить вызов Великому когуту... Долго поёт кыйсан, в шарате пахнет Степью и кровью, встают ратники, гибнут богатыри, мелькают годы, рождающие Великого воина, Сына Степи, Искупившего поражения предков великой победой, Торжеством Степи.

Внезапно Нал-Гисар прерывает пение, Сураг, отряхнув с плеч оцепенение, подбежал и смочил губы Тарлагы водой. Бросив на умирающего старика тяжелый взгляд, кыйсан вышел быстрым шагом из шарата. Только сейчас Тарлагы заметил, как стемнело. Вошли слуги и разожгли костер. Полог на входе вешать не стали.

«Неужели пришел конец?» – мелькнуло в голове Тарлагы. Нет, эта мысль не вызвала паники или страха. Слишком долго он ждал смерть – освободительницу от страданий и немощи тела. Но Тарлагы удивляло, что он становился свидетелем собственного отпевания, начала похорон.

Боль, не отступавшая несколько дней, казалось, стала утихать. И Тарлагы, великий богатырь Степи, забылся сном.

Было темно, угли в кострище едва тлели. Из открытого полога и дымового отверстия в шарат втекало синее утро. Свежее, полное степного чистого воздуха утро.

Тарлагы проснулся от того, что ощутил тяжесть на своей груди. Открыв глаза, он увидел лишь синий прямоугольник входа в шарат – его голова была повернута на бок. Чья-то маленькая лапка с острыми коготками коснулась лица. «Жухмыралы!» – пронеслось в голове старика. Тарлагы напряг все силы, но не мог пошевелить даже пальцем. Сон не дал Тарлагы так необходимых ему сил.

Тарлагы с надеждой глядел в проем входа – скорее бы кто-нибудь вошел. Неужели о нем все забыли, и он станет падалью для безобразной нечисти?

Жухмыралы коснулся когтистой лапкой уха Тарлагы. Ухо обдало жаром. Если бы Тарлагы мог, он бы кричал, но онемевшее горло превратилось в пробку, не пропускающую даже шипение. Сердце старика колотилось. Голову пронзила боль и Тарлагы потерял сознание.

Очнулся старик от голосов. В глаза ударил яркий свет. «О Мать-Степь! – с облегчением думал Тарлагы. – Хотя бы не дали меня сожрать...» Окружающие звуки были подобны волнам, медленно набегающим одна за другой. Из-за этого слов говорящих старик не мог разобрать.

К губам поднесли прохладную ткань. Что-то холодное положили на голову. Боль отступила – одно это вселяло надежду в уставшую душу старика: «Лишь бы боль ушла... Спокойно бы умереть».

Шарат Тарлагы уже начали разбирать – часть войлока и шкур сняли, оставались жерди. Яркий свет слепил глаза, поэтому старик закрыл

их, пытаясь разобрать речь окружающих людей. Этого не получилось. Неожиданно голоса стали стихать. Но появились странные звуки, будто дети играли в бубенчики.

Открыв глаза, Тарлагы увидел треугольную фигуру. Темное одеяние колыхалось на ветру, рождая перепев маленьких блестящих бляшек. К треугольной фигуре приблизилась другая фигура, держащая длинный предмет на вытянутых руках. Неожиданно запели. Казалось, пели десятки голосов, рождающих дивные волны, от которых солнечный свет становился то сильнее, то слабее. Вокруг Тарлагы замелькали темные колышущиеся фигуры.

Треугольная фигура также колыхалась, её руки взлетали, звеня бубенцами. Чудный голос взлетал ввысь. Остальные фигуры двигались мерно и, казалось, были эхом треугольной, будто тень, повторяя за нею, но в чем-то совершая особенное, не схожее с изначальным. Дивное пение летало над Степью. Тарлагы вначале не мог разобрать слов. Казалось, что это было вовсе не пение. Голоса колышающихся фигур выплетали странные нити, летящие к небу. Им навстречу сбегали солнечные лучи, они переплетались с пением.

«Какое великолепное чудо! – думал Тарлагы. – Что же ткут они? Что поют?» Понимание песни пришло неожиданно. То ли старик расслышал всё же слова, то ли узнал мелодию. Это была «Песнь о мече Тарлагы», которую пели по всей Степи, во всех племенах, во всех шаратах.

Волшебное пение продолжало ткать, нитей становилось всё больше, вот они переплелись, рождая необыкновенные, удивительные узоры, в которых можно было узнать и летящих орлов, и бегущие стада, и колыхание ковыля, и быстрый бег коня, на котором восседает всадник.

Вот приблизился этот всадник, спрыгнул с коня, отпустил его, похлопав по жаркой воронной шее. Воин высок и широкоплеч, за спиной его – лук, на бедре – колчан и меч. Воин поворачивается лицом к Тарлагы. У него спокойное лицо отважного человека. Добрая улыбка и такие же добрые глаза у воина. Он идет к Тарлагы, идет...

Тарлагы знает, кто это, он узнал его и ничуть не удивлен его появлением. В груди Тарлагы защемило, весь мир колыхнулся, пропали странные видения Степи, умолкли голоса, золотистые нити истаяли. Темнота поглотила все, все, кроме молодого воина. Воина окружает мрак, но фигура источает свет, иногда свет становится ярче, иногда глуше. Когда свечение усиливается, Тарлагы видит образы живой Степи: будто спряталась Степь в свете волшебного богатыря.

Воин подошел к лежащему Тарлагы, улыбнулся ему и положил свою светлую ладонь на голову старика.

Мать ли Великая Степь шлёт эти наваждения? Будто воздух колыхнется, выплетая видения прошлого, кажется, давно уже ушедшего, канувшего в пропасть беспомыслия. Или, может быть, кто-нибудь хранит эту память? Кто из смертных может знать то, что осталось за чертой? Смертный ли...

Ушедшие в темных кибитках не будут тревожить живых, оставшихся в ладонях Матери-Степи. Они навеки теперь безучастны к правде или лжи. Их покой честен и праведен, и с каждым годом память отступает от них. Новая трава растёт на прежней, новые стада приходят её топтать, новый охотник вскидывает свой лук, дабы пронзить стрелой шею зверя.

За что эти муки? За что? Тарлагы будто бы очнулся. Он стоит на твердых, молодых ногах. Посмотрел на руки: сильные руки воина, сжимающие кованый меч. Он стоит на террасе высоко в горах. За спиной – полускрытые в расветной сини просторы степи. Справа серебряной ниткой – река Хвора. Сердце Тарлагы похолодело. Вихрь воспоминаний охватил его, из рук выпал меч. Шесть десятков лет минуло, а эти воспоминания не оставляют его, они выныривают из памяти и, будто волчьими челюстями, вцепляются в горло.

Непослушными руками подняв меч, Тарлагы, подчиненный наваждению, стал идти. Несмелые шаги привели его в обширную пещеру. Стены пещеры были испещрены барельефами, высокие колонны взлетали к своду, рождая бутоны

капителей. У дальней стены находится высокий трон. Он хорошо освещен колдовским светом, сотворенным Великим когутом.

Властелин сидит на троне и пристально глядит на Тарлагы.

– Я жду тебя, Тарлагы, жду давно...

– Я знаю, – мямлит слабым голосом степной богатырь.

– Нам о многом нужно поговорить...

– Я знаю...

Тарлагы посчитал бы себя сумасшедшим, если бы двинулся с места. В лицо ему пахнуло жаром, стены скрылись маревом, в уши степняка вонзился оглушительный шепот дремуче-древних голосов. Когда всё прошло, он стоял напротив когута. Они оказались на горной вершине, у ног их – пропасть, но Тарлагы не сводил глаз с бледного лица колдуна.

– Тебе не интересно знать, что бы было, если бы ты ударил меня мечом?

– Нет.

– Ты ведь собирался.

– Это было давно, – осипше прошептал Тарлагы и выбросил в пропасть свой меч.

– Да, ты прав, – сказал колдун, и его тонкие губы тронула улыбка. Он повернулся к Тарлагы спиной. Из спины когута торчал нож. Самый обыкновенный нож, засапожный нож степняка. Тарлагы почувствовал, что сердце его сейчас выпрыгнет из груди.

– Я ведь всё понимаю. И то, что тебе было страшно тогда – понимаю. Я даже понимаю, почему ты не рассказал правды о своей победе надо мной. Но я не могу понять твоего страха... Что ты боишься?

– Я... – губы Тарлагы еле шевелились. – Я ничего не боюсь.

– В чем же дело?

– Мне стыдно, стыдно, что я, воин, убил тебя не в открытом бою.

Когут повернулся и спокойно смотрит на Тарлагы, его синие глаза глядят бесстрастно и внимательно.

– Мне было стыдно все эти годы... Но моя неправда – это долг перед Степью и моим народом. Я терпел... Прости меня.

– Тебе стыдно перед мифом, который ты создал?

– Мне стыдно перед всеми воинами Степи... И перед тобой... Прости меня! Прости!

Огненное марево окружило Тарлагы, стало нечем дышать. Воин закрыл лицо руками и ощутил, что проваливается.

Пред взором Тарлагы открылась Степь. Огромные ковыльные просторы колыхались в мареве степного горячего воздуха, пропитанного запахом полыни, так радостно щекочущего ноздри степняка. В мареве жары Степь еле-еле движется, будто взмахивает серебряными крыльями ковыля. Облака кажутся недвижимыми скалами, мимо которых проплывает Степная земля. Всегда живая, наполненная необыкновенной мощью, сотканной из трав, солнца, простора и ветра, который проносится между крыльев Степи, высекая в них серебряные искры. Вот – оторвались они, будто в унисон поднялись над летним зноем, воспарили и поплыли дальше, дальше – мимо белоснежных скал, завистливо глядящих на быстрокрылый лёт Степи.

Тарлагы вдохнул этот степной воздух, наполняющий его силой – Степи, предков и той, личной, его собственной, которая питает каждого степняка, как питает младенца молоко матери.

Он восседает на коне, уставшем, но тоже наполняющимся силой жаркой Степи. Оглянувшись, Тарлагы увидел за собой горные хребты Марлаха. С неблизкого склона скатывалось небольшое облачко пыли. Это погоня – воины когута преследуют его, дерзкого и подлого убийцу. «Как они нашли меня? Ведь прошло шесть десятков лет?»

Прижавшись к шее коня, Тарлагы, будто послушный приказам памяти, зашептал коню о том, что вот, скоро всё закончится, что они выбрались из горного логова, а теперь мы в Степи, совсем рядом – свобода, в которой и умереть не страшно...

В нечеловеческом порыве несется всадник. Грудь коня разрывает волны ковыля, ноздри с шумом выбрасывают горячий воздух. Тарлагы,

прижимаясь к шее коня, оглядывается. Нет, погоня не прекращена.

Дальше. Дальше! Быстрее летит всадник. Серебристые искры поднимаются, окутывая, скрывая Тарлагы. Конь хрипит. Всем телом Тарлагы чувствует усталость коня, потому как это и его усталость. Тарлагы уже и не поймёт – куда несутся они сквозь серебристое облако? От кого бегут? Где преследователь?

Внезапно конь падает, переворачивается. Крик вырывается из уст воина – в нём и отчаяние, и горечь, и боль, и страх. Падение Тарлагы наполнило уставшее тело сотнями молний, тяжесть огромной каменной плиты придавила богатыря. Но сознание не покинуло его.

Ориентируясь на тяжелый, предсмертный хрип коня, Тарлагы пополз, как только каменная плита отпустила его полуживое тело. Что значит смерть коня для воина народа Степи? Смерть. Ибо нет жизни степняку без коня: беззащитен и бессмыслен человек в Степи на одних своих ногах.

Животное еле дышало. Тарлагы прижался к телу коня: огненный жар кипел в груди умирающего друга. Друга? Нет, больше чем друга. Конь и степняк – одно целое. И сейчас умирала часть Тарлагы.

Воин прижал своё ухо к груди коня. Как же кипит сердце, удары все реже и реже. Дыхание Тарлагы вдруг свело судорогой, он выронил из себя крик, из глаз, не ронявших слёз даже от сухого песчаного ветра предгорий, заструилась горькая влага.

Сейчас Тарлагы не думал о себе, не думал о преследователях. Он оплакивал смерть части себя.

Ковыльные стебли еле колыхались, солнце упало до горизонта. Тарлагы лежал на спине и глядел ввысь. Необъятное небо вглядывалось в его глаза, заглядывало в самые глубины человека. Опустошенность и тихое спокойствие поселились в богатыре. Он чувствовал себя в объятиях Степи, принявшей, простившей его и скрывшей от всех посторонних.

Юрий Лиховидов

Лиховидов Юрий (псевдоним Лиан Дэр). Прозаик. Родился в 1982 году в Ворошиловграде (ныне Луганск). Основные жанры – сказка, фэнтези, фантастика. В 2007 году закончил Луганский университет им. Владимира Даля по специальности «Издательское дело и редактирование». Публиковался в киевском еженедельнике «2000», рассказы печатались в Луганском журнале клуба фантастов «Лугоземье». В 2013 году занял I место в номинации «Проза» конкурса «Молодые голоса» (Луганск). Призовое место позволила занять сказка «Великий Полоз», написанная по мотивам и под влиянием Уральских сказов Павла Петровича Бажова и озвученная группой энтузиастов портала vibo.org. Является членом Луганского клуба фантастов «Лугоземье». Живёт и работает в Луганске.

СОВЕЕСТЬ ИЛИ ТО, ЧТО ОТ НЕЕ ОСТАЛОСЬ

Рассказ

Он сидел в тёмной тесной камере совершенно один. Сколько дней прошло, он не знал. Он сбился со счёта. Ему казалось, что в этом замкнутом тёмном пространстве он находится уже целую вечность. День и ночь смешались воедино. Он их уже не различал. Да и соображал он не особо ясно. Видимо, постоянная темнота и недоедание притупляют мыслительные процессы. А кормили его всего-то один раз в день. И то какой-то непонятной кашей не кашей, супом не супом. В общем, в миске была какая-то смесь, от которой несло, порой, протухлой рыбой. Даже хлеба не давали ему. Не заслужил. Даже этого было для него много. Ведь каждый должен отвечать за свои поступки. И ему пришлось ответить...

Когда-то давно этот человек пришёл к власти в одном государстве. Причём пришёл не совсем законным путём. Да чего там греха таить. Со всем незаконным путём. Но об этом чуть позже. Не скажешь, что государство это процветало. Народ государства этого в большинстве своём бедствовал, но терпел эти лишения. Но однажды появился он. Тот, который обещал государству развитие и процветание, а народу его – достойную жизнь. И люди поверили ему. Они, ведомые его сладостными обещаниями беззаботной и богатой жизни, восстали против действующего правительства. Много людей полегло в этой войне. Но они свергли правителя, властвовавшего на тот момент в государстве. И народ возрадовался. Он заплясал. Запел. Он верил, что наконец-то

жить станет лучше. Ведь коррумпированных чиновников свергли. И к власти пришёл честный, добропорядочный правитель.

Все бедствия разрухи новый правитель свалил на предыдущее, коррумпированное правительство. И именно оно пролило народную кровь, чтобы удержаться на вдруг расшатавшемся троне. Но им не удалось этого сделать. Народ, как это казалось самому народу, победил. И смёл с поста правления продажные и коррумпированные власти. И теперь народ ждал воплощения в жизнь обещаний нового и честного правителя.

Прошло время. Но вместо обещанного процветания государства и сытой беззаботной жизни новый правитель привёл его к такому невероятному краху, что людям даже в самом кошмарном сне такого не снилось. Новый правитель вверг государство в страшную гражданскую войну, прикрывая всё это лживыми лозунгами, что на них, мол, напало агрессивно настроенное по отношению к ним соседнее государство, и теперь они вынуждены защищаться, дабы сохранить свои пределы и не отдать врагу и пяди своей земли. Но сам правитель новый продолжал под этот шумок цинично и нагло грабить государство, которым правил и которому обещал процветание. А тех, кто начинал возмущаться, обращая внимание на объективную реальность в стране, того сразу отправляли воевать с вымышленными врагами. Свобода слова, свобода выбора, право на достойную жизнь, да даже право просто на жизнь ушли в прошлое. Никто в открытую не мог выступить с критикой действующего режима. Ибо людей лишили права голоса, ввергнув тем самым их в рабское существование. Да, теперь жизнь при старом правителе, который был жестоко свергнут, казалась людям просто раем по сравнению с той, к которой привёл государство новый правитель.

Война была разыграна для того, чтобы отвлечь недалёковидный народ от экономических и политических проблем государства, которые усугублялись с каждой секундой. Был выдуман некий несуществующий агрессор, силь-

ный и жестокий, против которого и вели войну люди государства этого, защищая свои пределы. Но на самом деле люди государства этого воевали друг против друга. При этом считали друг друга непримиримыми врагами. Пропагандистская машина работала отлично, успешно промывая людям мозги.

Но однажды приходит осознание. Рано или поздно, но приходит. И оно пришло к обманутому народу государства. Люди увидели всю правду. Они больше не захотели терпеть всё это. И гибнуть за то, чтобы чья-то незаконно пришедшая к власти задница дальше грела государственный трон. Людям пришло осознание того, кто на самом деле является истинным врагом государства. Суд народа был быстрый и жестокий... Но справедливый...

Вот так гнусный и подлый правитель, которого нарекли за его страшные деяния Кровавым, оказался в этой тёмной тесной камере совершенно один. Это было наказание. Казнить его было слишком просто и легко. И поэтому народ постановил обречь его на одиночество до конца его дней. Он должен прожить их в темноте, голоде и холоде, чтобы на себе ощутить то, на что он обрёк народ своего государства. Его лишили жизни, но саму жизнь сохранили. И правитель Кровавый жил в этой тёмной камере. Жил – и мучился. Терзался угрызениями совести за то, что оказался здесь, за то, что вовремя не сбежал. А ведь ситуация накалялась с каждой минутой. Но он был уверен, что совладеет с ней, что успеет сбежать. Но не успел. И теперь он был заперт в этой тёмной и сырой камере. Именно за это он упрекал себя. Именно из-за этого он терзался угрызениями совести.

Он сбился со счёта. Он больше не считал дни. Ему казалось, что он находится здесь уже целую вечность.

Однажды, обняв руками свои колени, сидел он на скамье, погружённый в свои размышления, когда в углу что-то вдруг зашевелилось и заскреблось. Неохотно подняв голову и направив в угол свой взгляд, он ничего там не увидел.

И он снова положил голову на руки и погрузился в свои мысли. Но в углу снова что-то зашевелилось и заскреблось. Он опять поднял голову и в очередной раз посмотрел туда. В этот раз он увидел там какое-то серое мохнатое существо. Из-за темноты Кровавый не мог рассмотреть его более детально. Он лишь спросил:

– Кто здесь?

Существо повернулось к нему неприятной физиономией. Кожа на нём была обвисшая, глаз один был ниже другого и немного косил. Какая-то шишка на лбу, кривой нос с большой бородавкой и перекошенный рот с кривыми и поломанными зубами.

– Не ждал меня?! – ехидно спросило существо, испуская изо рта зловонный запах.

– Кто ты и как сюда попал? – спросил Кровавый, находясь в недоумении от появления у себя в камере какого-то непонятного и страшного существа, изо рта которого довольно сильно воняло. Кровавый даже прикрыл нос ладонью.

– Да не закрывай ты нос, – с кривой ехидной улыбкой сказала существо. – От тебя воняет не меньше.

– Кто ты?

– А ты разве не узнаешь меня? – поинтересовалось существо.

– Да откуда я знаю, кто ты, – выпалил Кровавый. – Я не узнаю тебя.

– Да как ты меня узнаешь, если ты меня даже не знаешь, – каламбуром ответило существо с некоторой горестью в голосе. – Ты ведь ни разу мной даже не воспользовался.

– Я тебя не понимаю.

– Ты никогда меня не понимал. Или же не хотел понять.

– Да кто ты такой, ответь, чёрт возьми! – злобно бросил Кровавый. – Или я позову охрану.

– Они тебя не услышат, – ответило существо. – А если даже и услышат, то не придут. Им просто нет до тебя дела. Ты ведь сам знаешь, почему ты здесь очутился. И к тебе нет никакой жалости от народа, которому ты принёс столько горечи и страданий. И им всё равно, что будет сейчас с тобой происходить.

– А что со мной будет происходить? – тихо спросил Кровавый.

– Наверное, раскаяние. Если тебе вообще знакомо значение этого слова. И если ты вообще на это способен, – говорило существо, прыгнув на край скамьи, где сидел Кровавый. Тот отодвинулся подальше, ближе к другому краю скамьи. – Я, конечно, в этом очень сомневаюсь, учитывая тот факт, что ты меня загнал в такую глубину своего сознания, что мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы выбраться из той бездны, куда ты меня вверг. Но я выбралась. Хоть меня довольно сильно потрепали твои презренные пороки Алчность, Жестокость и Безразличие.

– Кто ты?! – продолжал со страхом выпрашивать у существа Кровавый. – Я хочу это знать.

– Я та, которую ты пытался заглушить и не слышать всю свою жизнь, – с гневом бросило существо. – И вот теперь куда тебя всё это привело. В эту тёмную камеру, – развело существо своими кривыми руками в стороны. – Люди придумали для тебя очень жестокое наказание – лишили тебя жизни ещё при жизни. Ты живёшь, и в то же время не живёшь.

– Ты женщина? – не нашёлся ничего лучшего спросить Кровавый, как только это.

– В плане рода, да, я женщина.

– Как зовут тебя?

– Меня зовут Совесть. Я есть у всех. Правда, не все меня слышат. А некоторые даже могут привести вот в такой вот вид, – жестом рук указала Совесть на себя. – Это ты меня сделал такой. Такой ужасной и совершенно непривлекательной. Это всё сделали твоя Жадность и Безразличие. Неважно, сколько людей погибло. Важно то, сколько ты на этом заработал. Неважно, что государство по твоей милости разрушено. Важно то, сколько ты на этом заработал. Неважно, сколько людей ты обокрал. Важно то, сколько ты на этом заработал...

– Хватит! – крикнул Кровавый. – Замолчи! Тебя просто не может здесь быть. Совесть – это не физическое тело. Это просто понятие.

– Конечно же, просто понятие, – не скрывая своего раздражения ответила Совесть. – Понятие, определение которого ты совсем не знаешь. А соответственно, ты и не знаешь, какие формы я могу принимать.

– Это всё бред. Это галлюцинации. Я просто схожу с ума, – причитал Кровавый, пытаясь себя успокоить.

– Вполне возможно, что ты сходишь с ума, – ответила Совесть. – И вполне возможно, что именно благодаря этому я смогла выбраться из глухой бездны твоего сознания.

– Ты сейчас исчезнешь, ты сейчас исчезнешь, ты сейчас исчезнешь, – неустанно повторял Кровавый, в надежде на то, что неведомое и мерзкое существо наконец-то исчезнет.

А существо насмешливо смотрело на него. У него даже на лице появилось некое подобие ехидной улыбки. Видимо, напрасные причитания узника доставляли ему огромное удовольствие.

– Да не старайся ты, – наконец-то махнула Совесть на того рукой. – Не исчезну я, ибо я реальна. Не исчезну, пока сама не захочу, – уточнила далее Совесть. – А твой разум уже не такой сильный, чтобы удерживать меня.

– Чего ты хочешь? – крикнул Кровавый. – Убирайся отсюда и оставь меня в покое!

– Когда-то и тебя просили о таком, – говорила Совесть в ответ с упреком в голосе. – Тебя просили, призывали прекратить войну против собственного народа, тебя призывали прекратить грабить государство, но ты на всех наплевал. Твоя собственная жажда наживы не могла тебя остановить. Да ты и не хотел этого.

– Тебе-то откуда знать?! – с гневом в голосе крикнул Кровавый.

– Я всё время была внутри тебя. Ты разве уже забыл? Ведь я твоя совесть и знаю всё о тебе. Ты не сможешь мне солгать, ибо я знаю всю правду о тебе. Всю.

– Зачем ты явилась ко мне?

– Чтобы посмотреть в твои лживые глаза. Но сейчас в них я вижу только лишь страх. И раскаяние.

– Да, я раскаиваюсь, – тут же выпалил Кровавый. – Раскаиваюсь в том, что совершил. Я сожалею, что допустил такую ошибку, как война. Мне жаль тех людей, которые погибли в ней. Но былого уже не вернёшь.

– Не лги мне, лицемер, – строго заявила Совесть. – Ты продолжаешь врать даже тому, кто знает правду. Ты привык лгать. Ты даже сам веришь в свою собственную ложь. И посему ты никогда не раскаешься, ибо ты всегда найдёшь себе оправдание. Лживое, но оправдание. И ты поверишь в него, потому что ты боишься правды и потому что ты не способен раскаяться. Ты просто тварь, презираемая всеми людьми и всем миром. Да, ты сожалеешь о сделанном, – кивнула Совесть. – Но сожалеешь не потому, что действительно сожалеешь, а потому, что ты оказался сейчас в нынешней ситуации. Потому, что ты оказался в этой камере и пробудешь здесь до конца своих дней. От меня ничего не скроешь. Ведь я твоя Совесть. Ну, или то, что от меня осталось.

– Уйди, не мучь меня! – взмолился Кровавый. – Оставь меня в покое. Уйди!

– Нет, я так быстро не уйду, – категорично заявила Совесть. – Не для того я тебе явилась, чтобы так быстро уйти. У нас с тобой теперь много времени. И спешить нам некуда. К тому же я пришла не с пустыми руками. Я принесла тебе картинки. – Вдруг в её руке появилась стопка картонок. – Возьми и посмотри их, – протянула их Совесть узнику.

– Здесь темно, – заметил тот. – Я не смогу рассмотреть, что там.

– А ты не переживай! Я включу свет.

И в этот миг на потолке появился светящийся шар, такой яркий, что осветил всю камеру.

– Возьми и посмотри! – снова протянула Совесть узнику карточки. – Думаю, тебе будет интересно.

Узник осторожно взял карточки и неспешно начал просматривать. В основном на них были изображены дети, кто постарше, кто помладше. Но у всех у них были печальные глаза. И узнику

казалось, что все они смотрели именно на него. На каждой картинке ребёнок смотрел на него печальным, на некоторых картинках даже презрительным взглядом. Узнику стало даже как-то не по себе. Ком к горлу подкатил. Стало тяжело дышать.

– Забери их от меня! – швырнул он картинки на скамью, подальше от себя, не досмотрев их до конца. – Не могу я больше смотреть на них.

– А ты знаешь, кто это? – с презрением в голосе спросила узника Совесть.

– Нет, не знаю и знать не хочу! – крикнул тот в ответ. – Убери их от меня, – махнул он рукой.

– А знаешь, почему ты не хочешь этого знать? – с укором в голосе спросила Совесть.

– Почему? – грубо отчеканил узник. – Расскажи-ка мне это, если ты всё знаешь.

– Да потому что ты боишься знать правду, – ответила Совесть, – и ты боишься принимать тот факт, что рано или поздно тебе придётся предстать перед Божьим судом. И эти дети, которые изображены на карточках, с нетерпением ждут тебя там. Им есть, что тебе сказать... – Совесть сделала паузу, пристально смотря на узника. – Ты так и не хочешь знать, кто изображён здесь? – спросила его Совесть.

– Это дети. Ты только что сама сказала, – язвительно бросил узник.

– А что это за дети, ты не хочешь знать? – с укором в голосе спросила того Совесть.

– Ну и что это за дети? – раздражённо спросил узник.

– Это те, кто не родился из-за тебя. Из-за той войны, которую ты бездумно разжёл в своей стране, – гневно говорила Совесть. – Неужели их жизни стоили тех денег, которые ты наворовал? Они принесли тебе счастье?

– Нет, не принесли, – скороговоркой произнёс узник. – Но только причём тут эти дети?! – возмутился он. – Не родились, значит не судьба, – просто и спокойно заявил он далее.

– Теперь всё можно спихивать на судьбу, да?! – упрекнула Совесть. – Чуть что, сразу судьба виновата. Ну, или не судьба. Ответственность

тяжело на себя брать, так давай спихивать её на другого, давай искать оправдания. Это в твоём стиле. Только скажи мне, война, которую ты разжёл, это тоже судьба виновата? Или всё-таки ты?

Узник молчал. Он не сказал в ответ ни слова.

– А я скажу тебе, что виноват во всём этом именно ты, а никакая не судьба, – заявила Совесть. – Ты разжёл войну, а не судьба. И только ты виноват в том, что эти дети, – указала она на карточки, – не родились. Именно ты виноват, а никакая не Судьба.

– Меня от тебя тошнит, – с презрением бросил узник. – Исчезни. И перестань меня мучить.

– Теперь ты не избавишься от меня, – насмехаясь, самодовольно заявила Совесть. – Теперь я сама решаю, когда к тебе приходиться, а когда уходить. И не надо мне больше указывать, – огрызнулась она далее. – А теперь дослушай меня до конца... Эти дети многое могли дать Государству. Очень многое. Вот этот вот мальчик, – взяла Совесть своими корявыми руками одну из карточек и показала её узнику, – должен был стать выдающимся политиком, который провёл бы революционные реформы и заложил бы основы процветания Государства. Теперь этих реформ не видать. А вот эта рыжая девчонка стала бы первоклассным врачом и не одну бы человеческую жизнь спасла. Но ты всё это разом перечеркнул своим преступным и коварным решением. Только ты виноват в том, что всему этому теперь не сбыться.

– А, может быть, никто из них и не стал бы тем, о ком ты говоришь! – огрызнулся узник. – Ты этого не можешь знать наверняка.

– Но я знаю, – ответила Совесть. – Не стоит себя этим успокаивать. Ты украл у этих детей жизнь. И соответственно, ты украл у своего Государства будущее. Великое, прекрасное, светлое и радужное будущее. Ты вверг его в такую помойную яму, что я сомневаюсь, выберется ли оно теперь из неё вообще когда-нибудь, – с гневом продолжала говорить Совесть. – А ещё, манипулируя сознанием своего народа и промыш-

вая ему мозги заведомо ложной информацией, ты извратил прошлое своего Государства и испоганил его настоящее. И ради чего, спрашивается, ты, презренный червь, это сделал?! Чтобы побольше набить свои карманы золотом?! Или чтобы угодить своим заморским кукловодам?! Скажи мне, ради чего ты всё это сделал? Ради чего ты уничтожил столько невинных жизней, ради чего ты извратил прошлое своего Государства и лишил его будущего? Ради чего всё это ты натворил?

Узник немного помолчал, отведя свой взгляд от Совести.

– Я не ведал, что творил, – тихо, еле слышно наконец-то промычал Кровавый.

– Не ведал, что творил, – с презрением повторила его слова Совесть. – Все вы так говорите, когда приходит час расплаты, – гневно выкрикнула она и тяжело посмотрела на узника.

– Да лучше бы меня прибили и следа не оставили, чем жить так, – прошептал тихим голосом Кровавый.

– Но ты будешь жить так, – самодовольно заявила Совесть. – Жить и мучиться. Жить и не видеть жизни. Жестокое наказание придумали для тебя люди. Жестокое. Но ты достоин его. Ты его честно заслужил. И это единственное, что ты честно заработал.

Кровавый молчал. Он не сказал в ответ ни слова. В глубине души он понимал, что Совесть была права. Но он не хотел признавать этого. Ведь тогда он признает свою вину. А он не хотел этого делать.

– Ну, пошла я, – заявила неожиданно Совесть.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнул Кровавый. Это очень обрадовало его. Наконец-то это поганое существо уйдёт и перестанет его мучить, перестанет досажать своими упрёками. Наконец-то настанет покой.

– Но ты не обольщайся, – ехидно промолвила Совесть с лукавой улыбкой на кривых губах. – Я завтра приду. А может быть, даже ещё и сегодня явлюсь к тебе. Ведь я теперь свободна, – издеваясь, напомнила Совесть. – Мы ещё не раз увидимся.

– Я тебе не рад, – заявил узник.

– Я это знаю, – ответила Совесть. – Но я всё равно приду, – добавила она. – Мы ещё обязательно поговорим с тобой о том, что ты хотел разжечь войну и в соседнем государстве, – строго и с упрёком говорила Совесть. – Но, благо, у их правителя хватило ума не отвечать на твои гнусные провокации. Какая же ты всё-таки тварь. И это говорю тебе я, твоя собственная совесть. Хотя мне очень стыдно, что я являюсь именно твоей совестью, а не чьей-либо другой.

– Уйди, не мучь меня! – раздражённо крикнул узник. – Ты мне уже надоела.

– До скорой встречи! – самодовольно промолвила совесть и неспешно растворилась в воздухе, будто её и не было.

– Наконец-то исчезла, – тихо промолвил узник, радуясь наступившему спокойствию. – Надо немного отдохнуть, а то опять что-то померещится, – подумал он, после чего лёг на скамью и тут же заснул.

Андрей Чернов

Чернов Андрей Алексеевич родился в Луганске в 1983 году. Окончил Луганский университет им. Т. Шевченко. Литературовед, критик, публицист. Занимается изучением русской литературы XX века. Историк литературы Донбасса. Публиковался в Луганске, Киеве, Москве, Перми, других городах. Автор более 100 публикаций. Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья».

ВЕТЕР С МАЙДАНЕКА

Очерк

«Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить», – так просто и лаконично начал свой очерк о страшном «лагере смерти» Борис Горбатов. Так просто и ясно сказал Горбатов о покорном смирении поляков перед силой захватчика. Силой наглой и чудовищной в своей самоуверенности. «Весь Люблин, – пишет в очерке Б. Горбатов, – знал о фабрике смерти. Весь город знал, что в Крембецком лесу расстреливают русских военнопленных и заключённых поляков из Люблинского замка. Все видели транспорты обреченных, прибывающих из всех стран Европы сюда, в лагерь. Все знали, какая судьба ждёт их: газовая камера и печь». Скованный политическим тактом, Борис Горбатов не пишет только об одном: о том, что люблинцы беспрекословно терпели это «знание», знание того, что где-то рядом убивают людей.

Может быть, они не знали этого? Может быть, Горбатов ошибался? Нет, это в Варшаве или Кракове могли не знать того, что творилось под Люблином. Сами же люблинцы всё прекрасно знали. И отгораживались от этого назойливого, удушающего «знания» закрыванием окон. Точно так же герой рассказа Всеволода Гаршина «Четыре дня» только тогда осознал, какой поступок он совершил, когда, лишенный возможности ходить, оказался практически прикованным к разлагающемуся трупу убитого им человека...

Безусловно, люблинцы успокаивали себя: «Я не еврей» или «Я не коммунист/социалист»,

«Я не состою в запрещенных организациях»... «Меня не за что отправлять на смерть»... Одним словом: я благонадёжный для Рейха человек. «ЛИШЬ БЫ НЕ Я!» Это надежда? В какой-то степени – да. Истерическая надежда человека, согласного стерпеть всё, лишь бы выжить. Человека, в котором уже умер Человек. Здесь нет ничего удивительного, просто сталкиваются два мира – мир жертвы и мир не жертвы. И тот, кто пока ещё не жертва, всегда будет надеяться, что судьба жертвы – это не его судьба. И от этого – упорное отрицание причастности своего невмешательства и равнодушия к убийству людей.

Отравленный мертвечиной воздух взывал к совести, к евангельскому: «Бог есть любовь» и «Возлюби ближнего своего». Но люблинцы закрывали окна и терпели просачивающийся трупный запах в своих жилищах. А совсем рядом – почти в черте города – убивали людей. Ещё живыми они были убиты, потому как были лишены надежды. И опять перед нами предстаёт гаршинский герой из «Четырёх дней»: «Передо мною лежит убитый мною человек. За что я его убил?»

Очень страшно осознавать, что если бы в августе 1944 года в Люблин не вошли советские войска, то Майданек продолжал бы существовать неопределённое время. Может быть, до сего дня... Но эту мысль, как и память о советских освободителях, гонят прочь «благодарные» европейцы.

Сейчас, когда прошло 70 лет со Дня Победы над фашизмом и нацизмом, когда мы осознали, что победа эта оказалась, мягко говоря, не полной, когда вовсе не внезапно нацизм с ужасающей уверенностью возродился на славянской земле Украины, мы совершенно по-новому смотрим на события тех далёких дней: «Что мы сделали не так? Где не дожали? Почему?» Рассуждения о недодавленной нацистской гадине до 2014 года были исключительно теоретическими. После Майдана – 2014 мы увидели, что эти рассуждения подкрепились невероятными вещественными доказательствами.

Майдан... Майданек... Я свою жизнь посвятил Слову и не верю в случайность созвучий. Смрадный, «словно жирный» дым крематориев Майданека поразительно схож с дымом горящих покрышек в Киеве зимой 2013–14 годов. Удивительно ли, что в мае, уже в Одессе, этот дым стал по-настоящему дымом крематория...

Майдан = Майданек?

* * *

Как это было? Как мир узнал правду о Майданеке?

Почти случайно. Даже не в первый день освобождения Люблина от немецких войск. Военная спешка не располагала к неспешному осмыслению всего обнаруженного.

Мир увидел Майданек глазами трёх советских писателей-военкоров. Вот как об этом пишет Евгений Долматовский:

«Нас было трое – Симонов, Борис Горбатов и я, корреспонденты “Красной звезды”, “Правды” и фронтовой газеты “Красная армия”.

Заняли большую комнату, затопили камин. Борис нашел колоду карт и увлёкся раскладыванием пасьянса. Это было его любимое занятие, не раз вызывавшее насмешки. Он тихо разговаривал с королями, валетами и с самим собой. Симонов засел за стихи; я, кажется, тоже.

Если взглянуть со стороны, странная возникла картина: трое военных что-то шепчут и бормочут – каждый сам с собой разговаривает. Один опустил глаза, а двое вздымают взоры к потолку...»

Совершенно рутинная, тривиальная зарисовка походного досуга писателей на фронте. Писателей, уже привыкших ко всем ужасам войны – на дворе август 1944 года, все трое успели насмотреться и на страдания, и на смерть, и на чудовищную жестокость гитлеровцев. Уже освобождена от захватчиков Родина и, кажется, что лицо нацизма было рассмотрено во всех гримасах. Уже несколько дней Люблин освобождён советскими войсками, писатели

пользуются выхваченными у войны часами для отдыха и творчества.

«...Наше “молитвенное” состояние, – пишет далее Долматовский, – скоро было нарушено: вошел польский врач и спросил, знают ли панове о страшной, совершенно секретной фабрике, находящейся на восточной окраине города. Из трубы в течение целого дня определёнными порциями выходил черный жирный дым, обладающий тошнотворным запахом. Очень страшные слухи ходят об этой фабрике, но толком никто ничего не знает... К неудовольствию Бориса Горбатова, Симонов собрался немедленно: едем туда!»

И вот в Майданеке оказались первые журналисты-военкоры. Люди, которые прожили не один год на войне, увидевшие достаточно ужасов нацизма.

...Был уже вечер. И в предночном сумраке перед тремя выдавшими многое военными людьми предстало то, что можно назвать лишь «фабрикой смерти». Казалось, что всё созданное здесь не принадлежит человеческим рукам. Всё это в своём размахе давило дьявольщиной, нереальностью происходившего и происходящего. В скупых строчках мемуаров Долматовского атмосфера Майданека выражена вполне чётко: «Шли потрясённые, оглушенные. Взяли друг друга за руки, уже не знаю почему. Может быть, нужна была цепь человеческого тока...»

Уже несколько дней как Майданек освобождён. Но здесь по-прежнему остаются заключённые. Нет ни охраны, ни электричества в колючей проволоке, ничто не держит людей. Но идти им некуда, да и незачем. Они ещё не заметили, что свободны. И их быт воспроизводит привычки многих дней заточения. «С наступлением ночи, – пишет Долматовский, – нам пришлось прервать осмотр: электричество было выключено, в одном из бараков группа оставшихся в живых полупомешанных узников, не понимающих, что они освобождены, затеплила лампы, похожие на лампы. Невыносимо!»

«Невыносимо!» – кричит человек, задавленный ужасом Майданека. Три военкора, прошед-

шие, казалось бы, через все круги ада войны, неосознанно держат друг друга за руки, видя в этом необъяснимую связь с реальностью, противоречащей действительности Майданека.

Вернувшись уже ночью, молчали, не в силах полностью осмыслить увиденное. Ехали за диковинкой, поглядеть на «секретную фабрику», но столкнулись с невыносимым по размаху преступлением. «Симонов стал записывать, – вспоминает Долматовский, – поднял лицо – всё в слезах...»

Обширные, по меркам газет, очерки Константина Симонова и Бориса Горбатова увидели свет буквально через несколько дней. Симонов опубликовал очерк с 10 по 12 августа 1944 года в главной армейской газете СССР «Красная звезда», Борис Горбатов – в газете «Правда» 11 и 12 августа.

* * *

Военкоры, привыкшие видеть смерть в бою, видеть казни, даже массовые расстрелы, потряс размах Майданека, занявшего 25 квадратных километров. Чёткая планировка, немецкая аккуратность в постройках, мощных дорожках, подстриженной траве, лавочках для отдыха у домов персонала. Был там и «зольдартенхауз» – бордель, для обслуживания солдат и охраны. И лазарет – идеальной чистоты, на случай «международных комиссий», в котором, правда, не было даже лекарств, впрочем, и больных там никогда не было, да и комиссиям так и не довелось сюда приехать. Так солидно строят заводы и фабрики. И вся эта безукоризненность, выражающая «европейские ценности» главной нации Европы, была направлена на производство смерти. В Майданеке не было работы – лишь первые годы узники были заняты постройкой лагеря и осушением болот. Работы выполняли послушные поляки из мобилизованных окрестных жителей.

Майданек нивелировал человеческое достоинство, перечёркивал все представления о мило-

сердии, добре, сострадании. Попавшие в Майданек осознавали себя людьми без веры и надежды. Биомасса, назначение которой – быть отработанным материалом, частью грандиозного эксперимента, порождённого чистым немецким разумом: максимально утилитарно использовать недочеловеков в качестве ресурса. Ничего здесь не пропадало, всё шло на пользу Рейха: одежда узников, их обувь, волосы и даже пепел. Пепел использовали в качестве удобрения – для клумб и грядок овощей.

Среди компьютерных хомячков некоторое время назад было модным постить сентиментальную фразу-рассказ Хемингуэя: «For sale: baby shoes, never used. (Продаются: детские ботиночки. Ни разу не ношенные)». В Майданеке сохранился склад, от пола до потолка битком заполненный обувью узников: и детской, от годовалых малышей, и взрослых, до старческих бот. Всё с немецкой дотошностью отсортировано, поделено. Только не успели вывезти...

Удивительно ли, что в Майданеке узники мечтали о смерти? И легко её находили.

Странно, но в истории Майданека было только два массовых побега, и оба были связаны с побегом советских узников... Удивительно или закономерно?

Неправильно считать Майданек и другие концлагеря порождением сумасшедшего мозга. Нет, они были созданы мозгом расчетливым, трезвым, хладнокровным. И вина тут не в «сумрачном германском гении». Все страшные преступления человечества – и геноцид армян в 1915 году, и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, и уничтожение тутси в 1994 году, и артобстрелы городов Донбасса в 2014–15 годах – всё это совершалось не в помешательстве рассудка, а в результате воплощения вменяемых и одобренных большинством расчетов.

Но всё же в голове не укладывается: как нация, породившая Бетховена и Гёте, Моцарта и Шиллера смогла переступить грань человечности? Как смогла нация высокой интеллектуальной и духовной культуры превратиться

в зверей? В очерке Горбатова приводится такое свидетельство очевидца: «Я видел, – рассказывает свидетель Станислав Гальян, житель соседнего села, мобилизованный со своей подвой на работу в лагере. – Я сам видел, как обершарфюрер Мунфельд (начальник крематория Майданека. – Прим. А. Ч.) взял четырёхлетнего ребёнка, положил его на землю, встал ногой на ножку ребёнка, а другую ножку взял руками и разорвал, – да, разорвал бедняжку пополам. Я видел это собственными глазами. И как все внутренности ребёнка вывалились наружу...»

Только всецелое убеждение всего общества в своей исключительности, превосходстве над другими, уверенность в отсталости всех иных народов может привести культурного человека в состояние бесчеловечного скота. Только убеждение, что они – люди, стремящиеся к вершинам человечности, а другие нации – лишь историческое недоразумение, помеха на пути к этим вершинам. Только уверенность, что эти «вершины/страна – понад усе*...»

Несмотря на абсолютную доказуемость и относительную лояльность союзнической прессы, всё же на Западе после публикации материалов о Майданеке прозвучали голоса о «советской пропаганде». Уж слишком там неприязненно относились к России. Что говорить, когда в 1942 году, во время посещения Людмилой Павлюченко (той самой девушкой-снайпером, которой посвящён нашумевший фильм «Битва за Севастополь») США, журналисты на пресс-конференциях игнорировали её рассказы о подвигах советских воинов и, как вспоминает знаменитый советский журналист Юрий Жуков, с ехидством задавали ей вопросы: «Скажите, дорогая, какое бельё вы носите на фронте?» или «Позволяют ли вам использовать помаду для губ?»

Запад до последнего отстаивал порождение самого себя: немецкий нацизм. Лишь освобождение узников концлагерей во многих странах

* Понад усе (укр.) – превыше всего (прим. ред.).

Европы – Германии, Польше, Прибалтике – окончательно принудило Запад признать и осудить чудовищный аппарат лагерей смерти в Германии. Но, как оказалось, не окончательно.

Все эти десятилетия бацилла нацизма, национальной нетерпимости бережно сохранялась и подкармливалась. Как в Майданеке, где на банках с кристаллами яда «Циклон» была надпись: «специально для восточных областей». Отравление среды этой бациллой оказалось успешным – на Балканах, в Прибалтике, на Украине.

Сложно понять, почему миллионы людей Украины спокойно приняли украинский национализм – кто с воодушевлением, на ура усвоив лозунг «Украина понад усе», кто с равнодушием («Моя хата с краю!»), кто с мерзким эгоизмом («Кого угодно – но лишь бы не меня»). И машина истребления, уже не лагерь, а «страна смерти» заработала: случилась Одесса, бомбардировки городов Донбасса, безжалостные казни военнопленных, насилие над мирными жителями Донбасса, убийство инакомыслящих по всей стране. И всё это под припевочку «Украина понад усе». Всё также нивелировано человеческое достоинство, отвержены права, истребляется свобода слова и даже мысли.

Убийство человека стало оправданным высокими идеалами. Охваченную пожаром Украину стали тушить, как бензином, ненавистью и жестокостью. И стоит ли удивляться, что пожар уносит всё больше жизней? За жертвами Одессы

последовали многочисленные жертвы Донбасса, но смерть дошла и до Киева, унося неугодных политиков. И всем ясно, что Олесь Бузина – не последняя жертва.

Майдан породил Майданек в масштабе одного из крупнейших государств Европы. И смрадное пламя, с трупным запахом, всё чаще беспокоит соседей на Западе. Но они, по привычке, отгородились от него герметическими окнами. Но не только на Западе. Увы, даже в России появилась значительная прослойка людей, наглухо закрывших свои души от трупного смрада из Украины. Помню, в июле 2014 года, когда Луганск обстреливала украинская артиллерия, когда гибли люди, меня, находящегося в Луганске, некоторые москвичи и петербуржцы, из либеральных литераторов, пытались убедить, что войны на Украине нет. Безусловно, им, на расстоянии, виднее. Мне тогда подумалось, что, если бы вдруг узники Майданека вдруг раздобыли телефон и смогли дозвониться в Берлин или Мюнхен своим знакомым, те бы ни одному их слову не поверили.

В одной из своих статей Константин Симон писал, что все люди, пережившие войну, как бы перенесли операцию на сердце. И долго, долго не заживает рана, болит сердце и душа. И хочется крикнуть: «Невыносимо!» Да кто услышит сквозь закрытые окна?

Елена Настоящая

Настоящая Елена Михайловна – поэтесса, прозаик. Родилась в 1984 году в Луганске. Окончила филологический факультет Луганского университета им. Т. Шевченко. Публиковалась в периодических изданиях и сборниках России, Украины, ЛНР. Член редколлегии луганского литературного альманаха «Крылья». Член Луганского клуба фантастики «Лугоземье». Член Союза писателей ЛНР.

УБЕЖИЩЕ

Рассказ

Я шла по тоненькой тропинке к церкви и нервно куталась в тонкий плащ. Святые угодники, первый день осени, а так холодно... А всего два дня назад была удушающая жара...

Мне очень хотелось верить, что небеса чувствуют моё состояние, и эта резкая перемена наступила в унисон смене счастья на отчаянье и холодную решимость, бушевавшую сейчас где-то у меня внутри.

Да они читают мои мысли! – пронеслось у меня в голове, когда раздался оглушительный гром и хлынул ливень. Я поскользнулась на мгновенно размокшей дорожке и упала.

Вот, – подумала я, сидя на мокрой холодной земле. – Вот моё ближайшее будущее... Но если небеса считают, что могут меня остановить таким образом, они ошибаются...

Я встала, пытаюсь закутаться в промокший плащ. Мои волосы разметались по лицу, дождь хлестал по щекам, но я продолжала идти, не зная, что толкает меня вперёд – страх, боль, отчаянная решимость, страсть или что-то другое. *Oh, see the storm is threatening my very life today, if I don't get some shelter, I'm gonna fade away...*

Но вот я дошла до высокого забора, окружавшего церковь.

Храм ждёт прихожан в любое время... Дорога к Богу всегда открыта...

Как бы не так!

Нищие, вечно торчащие под воротами в надежде получить милостыню, попрятались в здании. Ворота были заперты.

Опять!

Я в отчаянье смотрела на казавшиеся хрупкими резные ворота и понимала, что не смогу преодолеть их.

Это... Это железная маска, скрывавшая его от меня. Его лицо... Всегда казалось мне злой маской... Злобный мальчишка... Злой мужчина, возможно, разбойник и убийца ...

Только я нащупывала нить, соединяющую нас, только мне казалось, что он сейчас скажет мне что-то важное, касающееся только нас двоих, как неосторожное глупое слово слетало с моих губ, и его лицо становилось холодным и замкнутым. Так редко и так мало могла я с ним говорить... Чтобы не вызвать подозрений...

Я отвернулась от этого проклятого препятствия.

Сердце бешено стучало, я была просто вне себя от злости. Как подло! Когда я решилась на этот шаг, какой-то кусок железа преграждает мне путь.

Ливень незаметно утихал. Я стояла и не знала, что мне делать – то ли уйти, то ли барабанить в ворота – вдруг кто услышит. Бесполезно... Наверное, у нищих сейчас обед, все послушники накрывают на стол... И он среди них... Трудно представить себе, что он выполняет всю ту грязную работу, которая предназначена только для слуг... Это как если бы у кошки нашей крестьянки среди слепых котят вдруг появился тигрёнок...

Тут я услышала голос вдалеке. Женский, громкий и недовольный.

– Проклятый сорванец! Где тебя носит!.. А ну-ка возвращайся домой! Я тебе устрою, бродяга, еретик малолетний!..

– Да, – горько усмехнулась я, – так ты сына не дозовёшься... Заигрался, наверное, а потом спрятался от дождя в укромном местечке...

Как я любила раньше убегать от всех... Вечером, когда наши люди были заняты делами, я прибегала сюда, подглядывала за нищими, которые делили заработок. Мне было любопытно и непонятно, почему они дерутся за монеты, которыми мой отец мог заполнить церковь доверху...

Как я могла об этом забыть?! Мой любимый тайный ход...

Сорвав капюшон, дрожа от холода, я быстро зашагала мимо церковного забора. Маленький лаз. Для детей и худеньких подростков. Для вечно голодных нищих. Нищих, живущих на пожертвования прихожан. И опять меня обожгли воспоминания...

После молитвы в церкви мы с матерью всегда давали деньги служителям, собирающим подаяния. В этот раз мать заговорила с одной из богатых прихожанок, и деньги пришлось отдавать мне.

Он обходил всех с корзиной для монет, подошла и моя очередь. Я взглянула ему в лицо – и узнала... По его взгляду я поняла, что и он меня узнал. Столько времени прошло! Быть такого не может!.. Как бы мне всё это не показалось... Мы ведь были детьми... Да и за тот короткий миг – разве мог он меня запомнить?!

Я чуть не уронила эти проклятые деньги... Мне казалось, все в церкви смотрят на нас... Но всё обошлось. Он поклонился мне и пошёл дальше.

Уходя вместе с матерью, я чувствовала на себе его взгляд... Мне казалось, он меня ненавидел... За то, что я узнала его. За то, что вспомнила... И не выдала...

Я пролезла в едва заметную дыру в ограждении. Немного ещё пройтись – и я у дверей отца-настоятеля.

Я постучала в маленькую дверцу, расположенную далеко не с парадной стороны церквушки.

Никто не открыл. Моя решимость сразу покинула меня. Какую глупость я совершаю? На что я надеюсь?

Маленький мальчик вдруг появился из-за угла. Это было настолько неожиданно, что я вздрогнула. Мальчишке было лет семь.

– Ты ещё постучи, да погромче, – заявил он.

– Стучите, и вам откроют. Мама мне всегда это повторяет. И святой отец говорит на проповедях по воскресеньям.

– Ты откуда взялся? – спросила я.

– Я потерялся, – серьёзно глядя на меня, сказал мальчик. – Играл с другом, потом начался дождь. Друг побежал домой, а я не захотел.

– И где же ты был всё это время?

– В коровнике. Чужом. Там тепло. А хозяйева в дождь и носа из дому не покажут.

– Иди домой, а то мать уже испереживалась вся.

– Не-а. Нет, она меня исколотит. Я лучше убегу. Ночевать буду в коровниках.

Я не знала, что ему сказать. И вдруг испугалась. Что с ним может произойти?.. Он выберет такой же путь, как тот, к кому я пришла. Если убежит... А если останется?.. Будет вечно гнуть спину на моего отца?

Откуда взялись эти мысли?

– Иди домой, малыш. Мать ждёт тебя.

– Ага, – сказал он, – с ремнём. Ну, я пошёл... Ты постучи всё-таки. Может, они правы, и тебе откроют.

– Ладно.

– А ты красивая, – сказал он мне на прощанье. И исчез в холодном сумраке.

Да, – грустно улыбнулась я сама себе, – не от мальчишки хотелось бы сейчас услышать эти слова...

...Я помню первую встречу. Первую и единственную. Неужели такое возможно? Когда одна-единственная встреча резко пересекает твою жизнь, и ты не в состоянии оставаться тем же человеком. Ты в один миг взрослеешь. И никогда не можешь вернуться назад. Никогда...

В тот день мать приказала мне забрать молоко из коровника. Одна из служанок заболела, а я чем-то провинилась. Мать захотела унижить дочь, уравнивать с крестьянами. Она не раз обзывала меня крестьянским ребёнком. Но разве это унижение? Я понимаю теперь то, что чувствовала лишь интуитивно тогда – некоторые из них, хоть и грубые, хоть и необразованные – куда добрее и мудрее, чем мои родители. Именно за это мать не любила меня и не любит до сих пор.

Я пошла за молоком. Уже подняла кувшин и могла бы его не заметить. Но ему, видно, стало совсем худо, и он, стиснув зубы, застонал от боли.

Я испуганно посмотрела в сторону и увидела подростка, лежащего за какой-то утварью, увидела его белое, как полотно, лицо и тёмные, почти чёрные, глаза. Поставив молоко, я подошла поближе.

Худенький и, похоже, довольно высокий мальчишка лет 16, весь избитый и пораненный, почему-то очутился в нашем хлеву. Я не могла поверить своим глазам. Стояла, смотрела на него и боялась пошевелиться.

Я не знаю, как у меня хватило ума ему помочь. Видно, шатание вместе со святым отцом по окрестностям дало результат. Я видела, как духовник пытался лечить «помилованных» после очередного бунта крестьян, а отец то печалился, то радовался моему увлечению, надеясь вскоре спровадить непослушную дочь в монастырь, да и к тому же мать постоянно жаловалась на меня.

Я перевязала ему раны, принесла поесть. Вряд ли ему было до еды. Сначала он просто наблюдал за мной, потом привстал, опёрся спиной о стену. Затем произнёс:

– Убирайся.

Я опешила.

– Это как? Это мой коровник.

У него не было сил ответить.

Он смотрел на меня с ненавистью, и я вдруг поняла – ему стыдно, что я вижу его слабым, обессиленным, почти плачущим от боли. Принимающим помощь от дочери богатого сеньора. Потерпевшим поражение.

Что за поражение, я узнала чуть позже.

Я оставила его самого. Я знала, что наши слуги ему помогут. Кое-кто из них видел, как я несусь еду.

Он исчез так же внезапно, как и появился. Этот мальчишка – сын обедневшего феодала. Его окрутил нынешний друг моего отца. Спустили всё его состояние. Вдвоём. Потом дали пинка под зад. Он же не друг придворной знати,

зачем с ним знаясь? А тот взял да и повесился. Плюнул на жену и детей – и повесился. А этот мальчишка – его сын – хотел убить того самого друга моего папочки, который всё и придумал.

...Если бы я не провинилась, то не пошла бы за молоком. И не встретила его. Никогда. И никто бы не посмотрел на меня таким ненавидящим взглядом... Как могут пути двух людей пересечься случайным образом и изменить всю жизнь?..

Я только подняла руку, чтобы постучаться, как дверь открылась.

– Добрый вечер.

– Ты пришла... Я знал это... – его грустные мудрые глаза изучали меня.

– Да, я пришла. Впустите меня, святой отец.

– То, что ты задумала – грех.

– Почему это? Я хочу лишь поговорить с ним.

– Он убийца и преступник.

– Кто сам без греха, тот пусть первый бросит в меня камень! Так вы говорили?

– Он был среди тех, кто пытался убить твоего отца год назад.

– Не судите, да не судимы будете. Это тоже ваши слова! И, к тому же... Вы нарушаете тайну исповеди, отче.

– Он сказал это не на исповеди.

– Так почему же вы не выдали его?

– Он попросил убежища у церкви... Я не могу его выдать... Иди, пока ты не совершила грех. Ты хочешь помочь тому, кто будет в аду гореть за свои преступления... Ты его не спасёшь, дитя моё... Не в этот раз...

Он знал... Он знал... От него...

– То, что идёт от сердца, не может быть грехом, святой отец... Впустите меня!

– Я не могу... Я не могу, дочь моя... Я же знаю тебя от самого рождения, уходи! Послушай меня! Ты же всегда слушала...

– Не в этот раз, отче. Вы ведь все эти годы были мне настоящим отцом... Но не в этот раз... Я тоже прошу убежища... Не у вас, у церкви...

Он замолчал. Потом долго всматривался вдаль. Я опустила голову, но всё равно прекрасно знала – он впустит.

– Раз так... Я не могу тебе отказать... Только он не захочет тебя видеть...

– Это моё дело...

Я переступила порог. Мои волосы были всё ещё влажные от дождя, плащ промок насквозь, и мне пришлось его снять.

Я соврала. Я не могла просить церковь укрыть меня. Только у человека я могла просить убежища, только его я могла попросить укрыть меня от всего мира. И он, как и церковь, не сможет мне отказать. *If I don't get some shelter, I'm gonna fade away...*

Александр Мухарев

Мухарев Александр родился в 1976 году в Днепропетровске. Школьником распространял самиздат. В 1992 году был одним из организаторов Днепропетровского клуба фантастов-2. Был активистом литературной жизни в Днепропетровске и Юго-Восточной Украине. Инициировал и принимал участие в различных журнальных проектах: «Артикль» (1991–1996), «Вольный Лист» (1996–2008), «Стых» (2000–2008), «Арт-ШУМ» (2009–2014) и «Литера Днепр» (2010–2014). В 2014 году был вынужден уехать с Украины. Продолжает заниматься литературными проектами. Живет в Кемерове.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА И ЗАПОРОЖЬЯ

Эссе

Волею обстоятельств мне пришлось уехать из Днепропетровска. Прибыл на постоянное место жительства в Кузбасс, откуда мои родители родом: отец из Прокопьевска, мать из посёлка Щезавод Беловского района.

Но родной город не отпускает, ведь ему отдал много сил и времени. Не один только Днепропетровск держится в памяти, вызывая острые приступы ностальгии, но и Запорожье, имеющий также статус областной столицы.

Города живут, когда в их плоскостях, частях, сегментах поэты пишут и читают стихи, выступают и заряжают публику, избавляя её и себя от равнодушия, катализируют общественные процессы.

До недавнего времени я обитал в Днепропетровске и всячески старался, чтоб «космическая столица Украины» не теряла лицо, но имела не общее выражение одного среди городов Малороссии, придерживаясь мировых тенденций и лучших традиций Советского Союза.

Хочу вам представить некоторые штрихи к портретам людей, причастных к днепропетровской и запорожской поэзии – Андрея Поспелова (1963–2015), Владимира Буряка (1944–2011), Влада Клёна (1981–2010), Владимира Шевчука (1978–2015), Игоря Пуппо (1931–2010), Ми-

хаила Селезнёва (1923–2010) и Павла Баулина (1948–2015).

Они ушли в последние шесть лет. Общим знаменателем у них был ощутимый потенциал светлой силы. Реализовался он в разной степени. Рисовал я этюды с близкого расстояния.

Прощай, Андрей!

Единственная книга «Стихотворения и поэмы» Андрея Пospelова, иллюстрированная графическими работами Игоря Коваленко, вышла в начале нулевых, основной же корпус текстов издания датируется девяностыми годами.

Моё сотрудничество с Андреем началось в 1995-м, когда Юрий Малиночка предложил выпускать газету «Плохая весть» (днепропетровский аналог московской газеты «Гуманитарный Фонд»). В первом и последнем номере мы напечатали эссе Андрея о поэте Константине Батюшкове, разместили фотопоэтическую вещь Вилли Мельникова, ещё что-то дали. Весной 1996-го я принялся выпускать «Вольный Лист» и в одном из первых номеров опубликовал стихотворную подборку Андрея Пospelова. С кем бы его сопоставить в днепропетровской поэзии девяностых? Мне кажется, по строгости формы и её классичности он близок филологическому поэту Николаю Левитову.

Кто вообще в то время творил? Собаковод Андрей Жвакин. Олег Климов – журналист газеты «Наш город». Александр Разумный – корреспондент «Днепра вечернего». Максимы: Бородин и Кравец. Поэт с велосипедом, часто встречающийся в центре Днепропетровска – Вольф Бухман, сочинявший верлибры. В конце сороковых он периодически навещался к Борису Пастернаку, когда тот работал над «Доктором Живаго». Вижу перед глазами Аскольда Демерджи – плодovitого мастера поэзии. Аскольд – автор пятидесяти поэтических книг, но все они в рукописном виде хранятся. Издана едва ли тысячная толика его прекрасных стихотворений. Как он сейчас поживает в Днепропетровске? И в мирные-то годы нуждался, голодал. Помогал

ему, чем только мог. А теперь? Будет печально, если взбесившиеся цены возьмут и его за горло.

История днепропетровской литературы девяностых, нулевых и начала десятых годов ещё не написана – написать её предстоит мне. Как участнику событий, как теоретику. Конечно же, особое место в ней займёт и Андрей Пospelов.

Занятно. В 1996–97 годах изредка я гостил у Андрея Пospelова. В квартире под чердаком он жил, на улице Титова по соседству с кинотеатром «Спутник». Помимо чая и книг, он потчевал своими песнями. Каждая песенка энергию несла, комок взрывных образов, заряжающий на день и два. Утром я вдохновлялся магнитофоном, кассетой «Днепро-рок 1994» с записями групп «Зеркало», «Саботаж», «Будда 44». Вечером же можно было пойти к Андрею за творческим импульсом.

В начале нулевых я возобновил визиты к Пospelову, когда он переехал на улицу Рабочую. Невдалеке от ДК Машиностроителей вселился в квартиру тихую в глубине тенистых дворов. Андрей распрощался с поэзией, переключился на музыку и говорил о проекте «Прощай, декаданс!». Песни его потеряли для меня актуальность. Осталась техника исполнения, однако исчезло эмоциональное содержание, обмелела суть проблем. И в мире книг он стал предпочитать переводные сочинения англоязычных авторов. К счастью, до жанра «колдовства и шпаги» не добрался, но был в нескольких шагах от него. Порекомендовал он «Осиную фабрику» Иэна Бэнкса и его же «Шаги по стеклу», странноватое произведение Джонатана Кэрролла «За стенами собачьего музея». Любопытные штуковины, но не имеющие и малейшего отношения к родной идентификации.

Неоднократно Андрей Пospelов участвовал в представлениях альманаха «Стых». Не знаю наверняка, но, вероятно, переход Андрея от стихов к музыке подтолкнул основателя литературной группы «Новый мост» Максима Бородина создать группу отнюдь не литературную, а опять же музыкальную.

О том, что у Андрея Пospelова онкологическое заболевание, услышал года три назад и пообещал взять у него интервью, где ключе-

выми поставил бы вопросы: так в чём же резон предпочтения? Почему не поэзию, а музыку избрал он материалом для творческой реализации. Было бы важно узнать, что думает он и о днепропетровской литературной ситуации. Да и вообще, полезно выяснить было: как формировалось его мировоззрение в нулевые и десятилетия. Не успел спросить. В феврале 2015-го Андрей Поспелов умер. В последний день весны в арт-центре «Квартира» днепропетровские поэты и музыканты проведут «Поспелов-парти». Будут звучать стихотворения и песни Андрея.

Боюсь, что, если бы остался в Днепропетровске, – не пошёл бы на этот вечер. Центр «Квартира» – никудашнее место, источающее волны псевдоискусства, легитимирующие незаконную власть на Украине. Надо ли говорить: общественная жизнь в Днепропетровске бьётся конвульсиями заходящего сознания, сыплется подобно карточному домику. Поэтические и музыкальные инъекции сторонников Киева – паллиатив, плацебо. Сами себе не верят те, кто играет на сцене.

В любом случае, в историю днепропетровской словесности Андрей Поспелов вошёл, и в ближайшие годы его значение в ней определится.

(31.05.2015)

Мистический костёр воображения

Жалею, что не был студентом Владимира Буряка. Не участвовал в учебном процессе под его руководством, не сиживал на лентах*, где неожиданно, загадочно звучали домашние задания, нужно было быстро концентрироваться и выдавать экспромт, видеть вещи каким-то альтернативным взором. Только по рассказам ребят старших и младших курсов живо себе представлял картину занятий. Увы, мой курс попал в зазор, когда Владимир Буряк занимался исключительно научными изысканиями, взяв преподавательский тайм-аут.

* Так на Украине называются занятия (пары) (прим. ред.).

Да, несколько курсовых работ защитил под его опекой и кураторством. Хватало, порой казалось избыточным общение с преподавателем в перерывах между занятиями, в обсуждении сценариев развития университетской литературной студии «Гипсовый сад», которую пестовал Владимир Буряк. В студию я попал будучи выпускником средней школы, меня захватила игровая стихия проведения встреч, ассоциировавшаяся с телевизионным форматом «ток-шоу», когда каждый может высказаться по вопросу, но в отличие от «ящика» мнение воздействовало интерактивно – могло изменить ход обсуждения. Было больше свободы.

«Гипсовый сад» – призрачный, в моём представлении – это собрание фигур из парка культуры и отдыха, которые со своими вёслами, макетами самолётов и подводных лодок в руках, с пионерскими галстуками, в военной форме должны обязательно заговорить – любой ценой рассказать о своём месте в мире, осветить проектором документальной трансляции засеянное полотно дней. В роли таких (отнюдь не молчаливых) «фигур» представляли студенты, приходившие с рассказами, стихами, эссе.

Литературная студия обладала блуждающей природой – кочевала с одного этажа на другой, как таинственный корабль причаливала к порту неясной пока словесности. Она-то и не давала расслабляться в студенческие годы и полагать, что лишь собственные сочинения важны. Нет, прежде всего интересовало Владимира Буряка (после и меня) творчество начинающих авторов. Оно ведь покидало нормативные границы, эволюционировало вне давления или тяготения традиции, как цветок, рождённый не в теплице, а в вакууме. И ещё этот «цветок» был с голограммой какой-то иллюзорностью, чудилось в отдельном куске творчества отражение большей совокупности опусов.

Тут и ломались рамки стилистические, давалась воля экспериментам, напутствовался поиск, и особые надежды возлагались на практический авангард. Ничего плохого в подглядывании за реальным кипением слова нет. Интересное вариво стихов и рассказов, как френдлента ЖЖ, но спроецированная не на плоскость экрана. В пол-

нокровное измерение. Живые поэты и писатели красиво теоретизировали, тогда и проходила обкатка критериев, оценки материала в системе «континуума множественности» по уровню этнического сознания, с точки зрения важности в исторической перспективе. Жанровые и прочие моменты подвергались «экспертной» оценке.

О контексте периода хотелось бы сказать. В начале девяностых «прорвало плотину» – сотни и тысячи запрещённых в Союзе книг, потаённая классика мировой литературы обрушилась на головы (мозги) читателей. Конечно, на 95 % (как обычно) это был словесный мусор. Но среди залежей встречались имена: Генри Миллер, Джеймс Джойс, Жан Жане, Уильям Берроуз и др. Конечно же, и российские представители андеграунда – Владимир Сорокин, Дмитрий Александрович Пригов, Егор Радов, Павел Перштейн и др. Автор, который осмысливал, переигрывал в слове предшественников и новаторов-современников, мог бы заинтересовать читателя (главным образом, вузовского), предпочитающего импортный продукт. Однако внимание потенциальной аудитории не могло быть мгновенным, его нужно было заслужить годами подвижнической, самоотверженной работы.

По этому пути последовал Владимир Буряк. Он воспринял новации XX столетия и преломил их журналистским экономным стилем, в кармане опыта нашёл увеличительное стекло фольклористики, «разболтал» тайные разговоры дачников из пригородных электричек, апеллируя к вечности, добавил специи юмора, иронии, размешал в котле постмодернизма и преподнёс к столу. Но далеко не все смогли отведать блюдо, ибо ингредиенты оказались крепки. Всё равно как любителям пива вместо их напитка влить доброй горилки. Эстетическое горло протестует, но жажда крутых приключений требует: «пей!» Не всякий любитель выпьет, согласитесь. Кулинарные возможности языка и повествования как раз и демонстрирует сочинение «Еротичный мужчина початку тысячоліття», оно же определяет нацеленность автора на XXI век, третье тысячелетие, необъятное будущее, вечность. Много замыслов и планов было у Владимира Дмитриевича...

Запомнился один читательский момент. Никогда не охладевал и не прекращался мой интерес к толстым литературным журналам, хотя их тиражи упали в тысячи раз, очень сложно было доставать (как в советское время заграничные шмотки?). Моя любовь не останавливалась. И сейчас продолжается. Так вот, в 1999-м (возможно, ошибаюсь) взял на пару дней «Иностранную литературу» с нашумевшим романом Дугласа Коупленда «Поколение X» (название спародировал Виктор Пелевин в своей «Генерации П», правда, у московского писателя иные темы всплывали).

Публикация запомнилась любопытной подачей текста: на полях размещались картинки, сноски, комментарии подобно «пузырям» комиксов, а в самом же тексте имитировался компьютерный монитор, где царил разноразмерный шрифт, графических сдвигов, диаграмм, нестройных переносов, гипертекстуальных выделений. Конечно, я показал Владимиру Дмитриевичу журнал и некоторые элементы увиденного «продвинутого» дизайна рассмотрел позже в «Трикнижие». Это иллюстрирует оперативность и чутьё, вкус к новизне и духу времени (хоть и запоздало, с 15-летним отставанием пришло к нам сочинение Дугласа Коупленда), желание эксперимента и конструктивных заимствований – мотивы эти неуклонно присутствовали в творчестве Владимира Буряка. Мне было радостно видеть первую книгу. И последующие. Долгоиграющее, медленное, раздумчивое чтение привлекает, рождает сопричастность к месту и времени, чувство соучастия в художественном процессе. Ведь узнаются персонажи, географические координаты, сюжетные узлы...

Можно сравнить прозу и поэзию ВБ с какой-то внеземной сущностью. Как достигалось это? Активного воображения, скрупулёзного чтения и даже работы ночами над произведениями – мало, видимо, решающее значение всё-таки было за восприятием и открытостью жизни, всем её проявлениям (порой опасным, нешаблонным и предосудительным с обывательской колокольни). Первое же знакомство удивило. Да, этот поэт и в самом деле с Луны свалился! Такие странные метафоры. На Луне в шесть раз меньше гравитация, может, и слово там легче

даётся, обретая новые, неведомые свойства? Селена (то есть Луна) обитаема, хотя бы потому, что люди на ней высаживались, оставили следы и надежду её колонизировать. Владимир Буряк с необыкновенной лёгкостью обращался со словом, даже так, словно и не на Луне прибывал, а в состоянии невесомости. Возвращения на Землю бывали сложными: ментальные мышцы вновь приобретали тяжесть, тело из уютного скафандра рифмованного потока окуналось в пыль, грязь, асфальтовые моря и лужи нелепых домислов и клеветы «друзей». У гроба Владимира Дмитриевича я говорил, что его тексты – антигравитация, они поднимали и спасали многих разуверившихся в своём творчестве людей, также реанимировали души, раздували тлеющие угольки поэтического искусства, разжигали мистический костёр воображения.

7 апреля 2010 в общежитии, в маленькой комнате собрались близкие Владимиру Буряку люди. Как-то исподволь, помимо нашей воли пробивалось минорное настроение, томящее душу предчувствие: это последний день рождения. В мире физическом. Но мастеру Слова всё нипочём. Хочется верить, что в этот день каждый год поклонники, друзья, читатели, студенты, преподаватели, поэты, писатели, филологи, благодарные ученики будут вспоминать ВБ и находить всё новые и новые обороты, темы, неожиданные источники вдохновения в его творчестве. Пусть это станет неугасимой традицией.

(04.03.2011)

Раскалённый Клён

Влад Клён – самый яркий поэт поколения двадцатилетних. Он сочинял в нулевых годах на Украине. Предлагаю несколько фрагментов из моей недописанной книги о нём...

Да, на презентации альманаха «Стых» 2 февраля 2007-го, где гостьей была Евгения Чуприна, киевская поэтесса, услышал впервые Влада Клёна.

В дневнике не отметил впечатление: уж слишком пестра очередь выступающих стихотворцев. Одно лишь сгустилось – чёткая, уверенная

артикуляция и футуристический, рваный ритм обрывков, напомнивший частушку – милый фольклор заветных деревень, затерянных под водой легенд с хлопающими кривыми ставнями, с жителями, встающими с пением петухов. Эквилибристика слов: автор – жонглёр, народный трюкач подбрасывал и кубики ярких обрывков, треугольники, квадраты смешных рисунков, яблоки и груши над рекой, вызывая в тёмном зале литературного музея (представление при свечах) тени улыбок у всезнающих поэтов Днепропетровска.

«Стых» немалую публику собрал – команду журналистов: Гусарова, Климова, Ляскового, Прудченко, Разумного, Рикардо (и они бы могли вспомнить о ВК!), а кроме того: тридцать личностей, не чуждых словесности: авторов, читателей, наверное, имелись и критики. Были ли среди человеческой гущи фанаты творчества Влада Клёна? Боюсь, никто его (за исключением редчайшим) не видел и не знал, как я. Разве что соредатор давал читать подборку, тиснутую в номере. Мы опубликовали его в альманахе, ввели в литературный контекст не только космической столицы Украины, но и других столиц: Киева, Москвы, Петербурга – там читали наше с Максимом Бородиным издание. Не я открыл рифмованные вещи Влада Клёна – Максим Бородин, пусть он и расскажет, как это случилось. Хотя в дальнейшем, когда «Стых» приказал долго ждать (не по моей вине) я продолжал публиковать Влада и настойчиво требовал – присылай тексты! В «Арт-ШУМ» и в «Аркуш», в журнал «Litera_Dnepr», который постоянно напоминал (и будет напоминать) о его бытии после 28 августа. Влад присылал.

Кто запомнился, кроме Влада, тогда – 2 февраля 2007-го? Разумеется, Евгения Чуприна. Вполне допускаю: Артём Заяц, Станислав Бельский. Возможно, Максим Бородин. Мы, журналисты и поэты, дружной толпой ввалились в буфет, и здесь – конкуренция с Владом Клёном: он – большой знаток русской поэзии, сыпал именами, датами, историческими вехами в биографиях официальных и неофициальных классиков.

Артём и Евгения обсуждали «Духлесс» Сергея Минаева. Только через два года прочитаю сей роман, а экранизацию и вовсе не посмот-

рю – достаточно фекальных песен Васи Обломова в ночном ресторане над волнами Днепра. Хотя вагонный список был интересней – Бегбедер, Жердев, Житинский...

Влад Клён – имя щёлкнуло. В реестре минувшего дня. Вспомнил себя, как семнадцатилетним читал стишки свои перед американцами (в октябре 1993-го, тогда Олег Фельдман, он же Ульянов-Левин, которого в последние годы популяризировал Влад Клён, обиделся: отчего не позвал к американцам). Естественно, ничего не понимали заокеанские: улавливали перебивки. Чёточные фразы, зубчатые колёсики с их густым вероломным взрывом. Такая же и у Клёна структура. Для простоты? Синкопы – зияющие котлы энергии.

Кстати, почему «Клён»? Это же фамилия украинского поэта из поколения «расстрелянного возрождения». Было ясно, что и в этом заимствовании Владимир Кандауров наследует независимую традицию и ради поэзии готов побрататься с трагическими долями, ушедшими до срока под снег и траву.

(15.06.2013)

О чём кричали на лужайке?

В конце апреля 2007 года обнаруживаю Влада Клёна в дневниковых записях.

Я переоценил свои силы – типичный момент. Рассчитывал провести в первой половине весны Международный литературный фестиваль «Реликтовый фон» с участием классика-концептуалиста Д. А. Пригова, Игоря Сида, Виктора Ковалёва, главных редакторов из России: Евгения Лесина («Экслибрис») и Александра Гаврилова («Книжное обозрение»).

На власть понадеялся и сам сплошал. Сменилось руководство в Управлении культуры Днепропетровской области. Екатерина Самарец, новый шеф, с порога отрёклась от обещаний прежней администрации. А цена вопроса – смешная. Копеечные 5 тысяч гривен. По современным стандартам – это в двадцать раз мень-

ше бюджета среднего поэтического фестиваля. И даже такой суммы у ЕС не выбил. Возненавидел днепропетровскую власть: обрюзгшие неучи, когда же она исправится?

Каков итог. Дмитрий Александрович умер. Газету «Книжное обозрение» возглавляет не Александр Гаврилов, а его тёзка Набоков. Понятное дело – никто не помог мне, все слова «друзей» – фальшивка. Тем временем на дворе стоял всеукраинский фестиваль «Крик на лужайке», и ввиду собственного символического провала – стал на подхвате, не у стратегического руля, а в техническом обеспечении проекта. Черновой работы не боюсь, поэтому согласился встретить группы поэтов на вокзале, приехавших в Днепропетровск по зову Влада Клёна.

Это героизм – приводить в город караван сочинителей со всей Украины, для Клёна – рядовое событие. Хаос он умело преобразовывал в творческий порядок. Показался Гулливером, который тянул игрушечный корабль с лилипутами-рифмачами. Нет, поэты – не лилипуты. Не микроскопические вихри постороннего происхождения. Что-то в них есть от броуновского движения. В постоянном поиске себя и смысла повсюду.

Тягловая мощь у Клёна, организационная сила (не оружие, а мягкая власть): гармоничная и синергетическая. Влад приобрёл потрясающий опыт быстро, как в серии геометрической прогрессии. Новые знания пригодились ему, харизма дала эффект. Через два-три месяца в Запорожье он сделал фестиваль «Открытый доступ», перешагнувший масштаб Украины, – вовлекший в свою орбиту и московскую поэзию в лице Светы Литвак. Говоря научно: Влад сменил фестивальную парадигму в Днепропетровске и Запорожье, обозначил планку, ниже которой не стоит и замахиваться.

Максим Бородин позвонил вечером 28 апреля: встретить завтра утром Влада Клёна и свиту поэтов! Отвечаю: хорошо, будет сделано! И встречаю, но немного внимания уделяю поэтам, увы. Уж как-то сумели самостоятельно разобраться они в улицах днепропетровских, интуитивно самоорганизовались. Вместо присмотра за поэтами – вояжировал на окраину города

с Александром Моцаром и Андреем Барашом: наведались к Виталию Свободину.

Я убедился тогда: Влад Клён становится центром поэтического водоворота (если кому-то угодно: циклона). Вокруг него бурлили десятки авторов, он их направлял и распределял на лучшие пути. Ещё обратил внимание 29 апреля 2007-го на жанровый сепаратизм. Фантастам глубоко плевать на поэтов. Днепропетровские фантасты слушать не хотели стихи – убежали в соседнее помещение, скрылись в гетто литературного музея, отморозились. А вот поэты, мне кажется, с любопытством их бы послушали – природа текстов-то одного континуума: с бойким ускорителем воображения.

Влад Клён – раскалён. Таким видел его с близкого и дальнего расстояния. О том и написал два года спустя и прочитал на единственном сольном выступлении Влада в Днепропетровске – короткое стихотворение, получившее убийственную критику столичных графоманов. Они посчитали, что чересчур восхваляю Влада Клёна. Ошибались, ошибаются и неизбежно будут ошибаться. Как видел и понимал, так и констатировал, привлекая в стих аллюзии религиозные – их не чурался Клён. И не только религиозные аллюзии.

Мне было радостно, как с февраля по апрель вырос и окреп Влад Клён: оброс ветвями, зазеленел сочными листиками – под его сенью затусовались молодые таланты.

(15.06.2013)

Клёновая формула

В июне 2007-го моя зависимость от производства «Стыха» стала наркотической. Не мог и трёх месяцев утерпеть, чтоб не уколоться (или приколоться?) очередным выпуском альманаха. Работа над изданием стала одержимостью, смыслом жизни. При этом на другом идеологическом полюсе развивал «Вольный Лист», который транслировал иные концепты в художественное пространство Днепропетровска.

На фоне неугасаемого энтузиазма стиралась фигура Влада Клёна: нет, он – герой, привозит

на представление СТХ запорожскую диаспору поэтов, концентрирует юный потенциал в творческом объединении «Водоворот». Клён вытаскивает на сцену поэтическую смену, цитирует Алексея Цветкова (критикуя его атеизм), Бахыта Кенжеева и др.

22 июня 2007 года в музее «Литературное Приднепровье» традиционно представляли «Стых». О том событии хранятся десятки, а то и сотни фотографий в сундуке моего ноутбука: Станислав Кузьмин и Анна Смолякова, Виктория Лобусова и Виталий Свободин, Олег Климов и другие отобразились на снимках. Когда-нибудь, если потребуют историки, над каждым кадром проведу эмоционально-словесную реконструкцию. Из полутора часов представления может случиться книга страниц на двести.

Клён выступил. Обступили его если не фанаты – то симпатизирующие поэты. К сожалению, далеко не со всеми обступившими контактировал я и сейчас не контактирую. На разных платформах стоим. Как солнечные протуберанцы, алгоритмический танец вибрировали его стихи в человеческом аду второго этажа. Девочки улыбались и не уставали: фотографировали, клацали, щёлкали, ещё раз фотографировали Клёна.

(16.06.2013)

Фестивальная поросль

Встреча с Владом Клёном на развилке пятницы и субботы. В полночь 15 мая 2009 года.

С пылу и жару забрал часть тиража, последнего в истории его существования, альманаха «Стых». На обложке – рыбина с разинутой пастью и надпись «Икра». Больше не будет метать икру талантов на литературный стол Днепропетровска, Киева, Москвы, Петербурга и других городов Украины, России, прочих стран издание. Игра в бисер имён прекратилась. Кончился кислород в лёгких, и от мыслей тяжёлых десятилетний альманах испустил финальную конвульсию и лёг в ладони – брошенной из океана

букв брошюрой внушительной. На сто с чем-то страниц.

Днём Влад Клён звонил и договаривался. Условились о времени. Встречаемся без пяти двенадцать. Ночью на перроне центрального железнодорожного вокзала.

– Необходимо последний «Стых» (послышалось: стыд) забросить на фестиваль «Киевские лавры»!

По стечению обстоятельств и днепропетровский «Крик на лужайке» в такие же дни проводится.

У Влада Клёна – своя программа на «Киевских лаврах», называется «Без фильтра». Представление авторов сайта «Литфест» и не только. Формат специальный. Для легитимации фестивальной поросли Украины, сфокусированной в столичном антураже.

День прыгал, как баскетбольный мяч: ударял по темечку, под дых и по рукам. Размножал пресс-релизы для пытливых СМИ, умудрялся забегать в библиотеки – городские и областные, непрерывно звонил поэтам. Точно собака с высунутым языком, петлял улицами Днепропетровска, оставляя энергетические тени организаторской активности.

В назначенное время – тёмный вокзал. Потихоньку остыл и воздух. Сочный запах поздней весны и пульсирующие в жилах нервные сигналы. На общение с Клёном подписался Дмитрий Чашин – личный водитель Влада в Днепропетровске и окрестностях, а также поэт Стас Кузьмин.

Вспоминаю, что не в первый раз Влад Клён приглашал в десять или одиннадцать вечера на вокзал. Вот и прибыл поезд. Вагон перед носом. Около киоска – Влад. Отгружаю в пакет энное количество экземпляров и обсуждаю варианты сотрудничества. Говорю, что собираюсь делать свои литературные журналы. Не архаично ли сейчас подобным заниматься? Он кивает – не против опубликоваться. Речь о Международном альманахе «Аркуш». Первый и последний его номер профинансировал Александр Шишкин из Москвы. Идея витала в атмосфере, и Клён её поддержал. Какой-то был обмен информацией. Сверка ситуации в координатах: Киев – Днепропетровск – Запорожье – Москва.

Завтра, 16 мая – воскресенье, стало сегодня. Действительность новая шагнула, как великан, и принесла волны литературных перемен в края лилипутов с их доморощенным Гулливером. Через пять часов такси вызываю. В Днепропетровске встречаю московских и питерских поэтов. У Влада Клёна миссия – объединить новое поколение поэтов Украины в программе «Без фильтра» в Киеве.

Утро вгрызается зубами света в черноту неба и улыбается исчезающим звёздам.

(03.02.2014)

Виртуальная инерция

В июне – 2006 я опять приехал в Москву и чисто случайно попал на пятилетие сайта «Термитник», проходившее в удивительном зале: чёрный театр, как снаружи, так и внутри – всё было чёрным. Чёрные стулья и столы, колонны, бутафория угольная, декорации. Только люди были белыми, но и на их лица, бледную кожу ложилась какая-то поэтическая мгла. Сумеречный праздник.

Услышал, что сайт родился в Днепропетровске.

– Ничего себе! – подумал я, застеснялся своему невольному и необоснованному причастию к торжеству. – Почему не мой проект в столице нашей Родины собирает литераторов? Не я у истоков словесности новой модификации?

Через три года в Коктебеле на Волошинском фестивале я познакомился с Владимиром Шевчуком – создателем «Термитника». Представил его мне Андрей Коровин, попросив дать слово в рамках презентации альманаха «Аркуш» (первый и последний номер был).

– С удовольствием!

Промелькнуло тёмное воспоминание о Москве – 2006. На сцену выходили – Дмитрий Чашин, Влад Клён, Алексей Торхов и другие. Вышел и Володя Шевчук. Читал он вкрадчиво, даже микрофон с трудом расширил невысокую амплитуду его тембра. Стихи показались

необычными, с большой порцией фирменного днепропетровского цинизма, взорвавшегося акциями утрашения весной – 2014. Самозванцы во власти действовали без тормозов, вцепившись мёртвой хваткой в горло космической столицы. Вспоминаете отморозка Коломойского и его смрадный выводок?

Коктебель – прожорливое место. Чёрная дыра у моря, высасывающая из карманов последнюю мелочь. Опустошает ресурсы не только поэтов, но и журналистов, литературных организаторов. Пришлось и мне просить у незнакомого человека: выручай, Володя! Точней, назвал я его тогда «Валерой», спутав с известным украиноязычным писателем Валерием Шевчуком (и ошибался так часто в первое время знакомства, давало знать о себе запойное чтение украинских «толстых журналов»).

– Валера, одолжи хотя бы пять гривен. Дома, в Днепропетровске, увидимся и верну!

Он без слов и эмоций протянул 50 гривен. Возвращать не пришлось. Встретились мы под ливнем в ненастный октябрь – 2009. Условились на Европейской площади, появилась и такая в Днепре. Он с бутылкой пива, пил и говорил о литературе. Больше я распространялся. Оседлал конька любимого, как отражаются патриотические и либеральные настроения в творчестве современных днепропетровских поэтов. Сверяли векторы интересов...

Предложил Володе Шевчуку выпустить его сборник стихотворений.

– Кто купит?

– Небольшой тираж медленно, но рассосётся. Часть придётся вручить профессиональным критикам, толикой наделить идеологически верных друзей.

Обещал подумать о книжке, но до смерти так и не созрел. Хотя, может, и возникло решение перед финалом, но я уже был в Сибири – ничем помочь не мог.

Признаться, не заглядывал и не читал «Термитник». Предлагал ему ввести рубрику сайта в мои журналы, как это делал Влад Клён, раскручивая свой сайт «Литфест». Не захотел Шевчук.

На разных полюсах мы жили. Я – человек 90-х годов XX столетия с любовью к бумаге.

Привык работать с бумагой: читать иероглифы, иногда торговать ею, что-то царапать на гладкой белоснежной поверхности, имеющее свойство становиться зёрнышком литературного контекста в локальном измерении. Владимир Шевчук – иной полярности, сетевой. Нулевых годов представитель. Он увидел толк в сотворении литературного сайта.

Я приглашал Терми на свои мероприятия – представления журналов «Арт-ШУМ» и «Litera_Днепр», где публиковал его, исключая стихотворения с ненормативной или жаргонной лексикой. Если память не изменяет, Владимир Шевчук был на встречах с Андреем Грязовым (Киев), Платоном Бесединым (Севастополь), Ярославом Карпецом (Киев), Ольгой Брагиной (Киев), Дмитрием Даниловым (Москва), Александром Моцаром (Киев) и другими гостями Днепропетровска, которых я приглашал. Особенно ярко и энергично проявился, когда Юрий Коньков читал стихотворения в Гранд-Плазе. И когда Слава Харченко выступал на той же площадке «Культурной среды» с короткой прозой. Жаль, не дождался в Днепропетровске мы Германа Власова, Евгению Вежлян, Вадима Месяца, Захара Прилепина, Романа Сенчина, Сергея Шаргунова.

Виртуальная инерция довлела над литературным сообществом города, и многие ожидали творческих чудес: появления у нас российских поэтов и писателей, которые бы могли повлиять на уровень местных сочинителей. Форсировал подобные инициативы, пока были возможности.

Февраль и март – 2014 раскидали нас по разные стороны баррикад. Мне так представляется. С моей колокольни – горячее приветствие возвращению на Родину исконных земель, поддержка референдуму. Всячески желал я, чтобы Днепропетровская, Запорожская области поднялись против американских марионеток, впившихся вампирскими клыками в киевскую власть.

Чего хотел Владимир Шевчук? Не знаю, не говорил с ним. Догадывался, как работник городского совета он вынужден пасовать, его точку зрения обуславливают силы государственного переворота. Флюиды террора обволокли сознание Шевчука, сравнивали сопротивление интел-

лектуальное (а было ли оно у него?) катком хунты с её проповедью ксенофобии.

Однажды я организовал Володе авторский вечер в библиотеке Светлова. Пришли ближайшие приятели. Душевно, спокойно, внимательно и тепло читал он стихи. Разумеется, выпивали, чувствовали, радовались.

Знаю, что Володя оказал поэтическое воздействие на Евгения Капшука. Вероятно, на кого-то ещё в Днепропетровске, Кемерове и не только. Время покажет.

Остаётся поэтам и всем ценителям красного слова надеяться, что Днепропетровск воспрянет ото сна. И напишется не ангажированная история литературы девяностых, нулевых и десятых годов, тогда засияют в ней наши имена. Смею думать, что цель моя и Владимира Шевчука была общей – единое литературное пространство. Кое-что сделать успели. Нужно продолжать.

(24.05.2015)

ОГНЕННЫЙ ГОЛОС

На литературную студию к Игорю Пуппо я ходил в конце прошлого тысячелетия. В 1997–1998 годах. Собирались мы в подвале Областной детской библиотеки на улице Дзержинского. Нужно было идти квартал от проспекта Карла Маркса или подниматься вверх от Планетария с поворотом во дворик, откуда доносились подростковые восклицания.

Игорь Петрович Пуппо – низкорослый грек, закалившийся в журналистских и околопартийных интригах. Застойные времена (как некоторые их называют) испытали его на выдержку и прочность: в КПСС не взяли по жалобе кандидата экономических наук Н. Плахтыри. Плахтыря утверждал, что Петр Васильевич – отец поэта, директор совхоза «Заря коммунизма» в Пятихатках в 1942–43-м – прислуживал немцам: помогал отправлять гарных девчат и моторных парубков на каторжные работы. Так или нет – свидетельств не найти.

В автобиографии Пуппо писал: «Отец в начале войны строил оборонительные сооружения и не смог эвакуироваться в связи с болезнью матери.

Пришлось ему скрываться. С 1942 по 1943 год работал директором совхоза «Заря коммунизма» Пятихатского района. После освобождения указанной территории с октября 1943 года находился в Советской армии. В 1946 году осужден военным трибуналом на 10 лет лишения свободы, но через два месяца в местах лишения свободы умер и похоронен в бухте Находка Приморского края. В 1961 году амнистирован».

Пуппо родился в 1931 году, и его доставали вопросами о родителе. Эти допросы пришлось на хрупкий подростковый возраст. Колоссальное давление на психику ощутил парень и всё-таки неуклонно настаивал на своём – отец не мог быть предателем. Точка и аксиома! Незыблемая истина. Иначе жить было нельзя.

Периодически являлся к Игорю Петровичу на посиделки я: задумчивый двадцатидвухлетний. А его девушки окружали – красивые поэтессы: Елена Дон (речная прелестница, ушедшая таинственно и трагично в начале нулевых), Светлана Лагутина (ныне рок-певица), Мария Бондарь (не знаю, где и кто сейчас она) и другие. Разве не приятно в эстетически привлекательном обществе читать стихотворения? Чувство комфорта сопровождало встречи с Игорем Петровичем.

Я читал:

Голодный, как Эренбург в Париже,

Иду совсем невесомый.

Небо становится ближе.

Знакомые угощают водкой. Есть не дают.

Проклятый буржуазный уют!

О столице Франции сочинял, но с пониманием реальности апологетов сюрреализма. При этом слово «голодный» узнавалось аудиторией не только как состояние тела, но и как псевдоним одного из плеяды днепропетровских комсомольских поэтов. На рубеже двадцатых годов прошлого столетия Днепропетровск выстрелил целую обойму чудесных стихотворцев красного толка, и нередкие из них долетели до Москвы. Достаточно назвать Михаила Светлова и Дмитрия Кедрина.

Ещё из парижской серии – был мой парафраз Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...».

В моей подаче звучало так:

*Бродя по улицам Парижа
В последний год эры Христа,
Я видел, что людская жижа.
На удивление густа.
Она лилась из всех расщелин,
И слёзы таяли во рту.
Пусть взгляд мой стенами измерен
Ведомых за свою черту...*

Игорь Пуппо с интересом слушал, и я дарил ему малотиражные изделия свои: «Фетиш судьбы», например. И особенно ему нравились мои тексты с упоминанием сокровищниц греческой мифологии, той ещё: античной литературы. Был там Геннадий Туманов – хороший русский поэт. Он хвалил мою поэму «Бремя алфавита»: «Такое никто бы не сочинил, кроме тебя!»

Игорь Петрович Пуппо был прагматичным идеалистом. В разгар перестройки он клеймил бронебойными стихами разврат, хлынувший с экранов подпольных, а затем и легализованных видеосалонов. Не только бесстыдная эротика и беззастенчивая порнография, но и ужасы с боевиками стали предметом уничтожающей критики.

В помещении будущего литературного музея, принадлежавшего некогда генералу Инзову, который приютил в 1826 году Александра Сергеевича Пушкина, крутили фильмы о Джеймсе Бонде, «Интердевочку», на десерт подавали «Терминатора» и «Зловещих мертвецов». Недалеке от гигантского магазина «Славутич» на проспекте Кирова, в кафе «Родничок», открыла собственный видеосалон прожжённая наркоманка, грядущая хамка или, как на Украине величают её, «газовая принцесса». Если в окрестных видеосалонах вход на сеанс был рубль-два, то в пещере Юлии Владимировны Тимошенко – трёшка или пятёрка. Хочешь посмотреть боевик, искрящую фантастику или фильм ужасов? Трёшка с носа! Тянет к суперэротике или к порнографии? Плати пять рублей да занимай место. Игорь Пуппо клеймил эту погань изо всех сил.

Доставалось от него и эмигрантам в Израиль, которые потекли не ручьём, а масштабным

потоком из Днепропетровска: историческая родина их дождалась.

Кто-то (скорее всего, тот же Плахтыря) приписывал Игорю Пуппо, что он пользуется служебным положением в «Днепре вечером». И что плохого? Во благо ведь! Он стоял у истоков газеты. В 60-е годы был собкором ТАСС в Казахстане, делал репортажи, поэтические зарисовки об освоении целины. За ним – грандиозный опыт, сплав лучших черт советской журналистики с мастерством публициста-стихотворца. И помогал молодым поэтам. Десятки авторов могли бы назвать его «литературным отцом». Он для них – как Державин для Пушкина.

Несоизмеримые аналогии – притянутые за волосы и уши, увы, никто не поднялся к вершинам Олимпа. Поглотила их тряпина зыбкого продажного времени. Период был – сами знаете, какой. Ненасытная алчность олигархов распаивала зловонную пасть на Украине, и творческие личности закрывали нос платком или что-то сочиняли в противовес. Что могли противопоставить? У Юлии Тимошенко – видеосалоны со смрадом, а у поэта в союзниках и за душой – лирика чистой души. Неравная борьба. Но в ней на стороне поэзии до последнего дня выступал Игорь Пуппо.

Я беседовал с ним, провожал домой под арку многоэтажных домов напротив аграрного университета. Это славный дом (один из объектов будущей литературной экскурсии в Днепропетровске, когда город очистится от бандеровской хунты). В нём жил не только Игорь Петрович, но и Михаил Селезнёв. Про него – воспоминания отдельные напишу.

Запомнилось больше всего: горячая душа, огненный голос Петровича, его творческая работа. Несокрушимый боец в кольце хамелеонов. Но блокаду прорывали, побеждали с поэтом его товарищи – «молодая гвардия» сочинителей, поколение миллениума. Он им передал свой огонь.

Где теперь эти беспокойные дети перемен? Они не могут стоять под знамёнами нацистов, снимать на видео пытки в подвалах истязателей. Верю, что в информационной войне они – на стороне правды.

(24.06.2015)

Фронтвик

Михаил Селезнёв читал стихотворения в театре поэзии «Весна» на улице Ленинградской – гражданскую лирику, поэму о Великой Отечественной войне. Один из немногих поэтов-фронтвиков Днепропетровска.

Были да и есть ещё «дети войны», например Александр Дёмин. Мой тёзка бесстрашно представил в мае 2014-го в Русском Центре (официально закрытом губернатором и его псами, но все продолжали его так величать) свою поэтическую книгу «Лицом к огню войны». В книге – честные акценты, веги исторической памяти, горячая боль от зверств нацистов, и эти описания вызвали среди читателей справедливые эмоции. Я поддержал поэта, подарил ему георгиевскую ленточку, как и остальным, пришедшим на презентацию.

А с Михаилом Селезнёвым периодически общался в редакции газеты «Своё мнение», которая размещалась в 2003 году на улице Караева. Фронтвик приносил публицистические материалы с гневом на власть, она потакала европейским порокам.

Михаил Селезнёв – один из виднейших членов национального Союза писателей Украины (или, как говорят на Украине, «спилки письменников»). Он в организации придерживался советской линии, под его влиянием была большая часть писательского актива. Приходилось всё-таки обороняться, а не нападать. Националистические безумцы, подпитываемые канадской и американской диаспорами, поднимали чубы. Он защищал от их сумасшествия простые истины: вояки УПА* – детоубийцы, изверги, отнюдь не «герои», которым полагается сало и слава.

К сожалению, фракция левых постепенно уменьшалась в Спилке – покидали мир закалённые в горниле социалистических побед авторы. Триумфаторами почувствовали себя «свидомые» виршувальники в дни первого оранжевого переворота – в декабре 2004-го и в первые месяцы 2005-го. Авангард национа-

листов из Спилки письменников направился в Киев и склонил колени перед Владимиром Яворивским. Тот им выдал печенки, снабдил директивами. Естественно, этой тенденции сопротивлялся со всей смелостью и отчаянием поэт-фронтвик. Но потенциалы были неравны: махина западной цивилизации против молчания только-только рождающегося Русского мира, который был над схваткой, обрекая миллионы русских подвергать себя унижениям ющенковского беспредела. В Спилке ликовали бездари, графоманы и перекодированный молодняк, лишившийся своих корней.

Нелегко жилось Михаилу Селезнёву и в советское время. У него случались конфликты с заводским начальством. Боролся с лицемерием и обманами. Были партийные наказания. Бои за правду не сломили его, а только подняли общественный авторитет.

В его «Избранном» – три поэтических тома. Есть и сочинения газетного, прозаического формата. Мне выпала честь в июне 2004 года быть напечатанным с ним на передовой полосе газеты «Своё мнение». В республиканском еженедельнике Михаил Сергеевич написал о школьном выпускном 1941 года, когда после бала многие ученики 10-го класса шли в военкомат и записывались добровольцами, набавляя себе возраст. Мой репортаж был о выпускном вечере в любимой школе № 89. Моя родная школа, где я проучился с 1983 по 1985-й, сохранила советский дух, преемственность великих традиций.

Выходило, что и теперешние школьники могут, несмотря на соблазны и морок «клипового мышления», разорванность сознания понимать незыблемые критерии добра и зла. Не до конца их растлила западная цивилизация, соляная кислота мультикультурализма и толерантности. В 2004-м не был ещё растворён и уничтожен концептуальный скелет советской идентификации выпускников.

Жалею, что подарил Михаилу Селезнёву свой литературный сборник «Ревизия совести» – недостойные вещи в нём. Была бы сейчас возможность – сжёг бы весь тираж издания. И над пеплом горько бы рассмеялся. Видно, не понравились мои умонастроения мая 1997 года клас-

* Украинская повстанческая армия (прим. ред.).

сическому поэту Днепропетровска. Никто не поспорит: Михаил Селезнёв – классик днепропетровской поэзии. Но мнение своё он оставил при себе и словом не упрёкнул. Однако прежней откровенности в разговорах у нас не стало.

Михаил Селезнёв за несколько дней до смерти выступал по телевизору. Интересно звучали его монологи. Он размышлял о вечном значении Победы для жителей Украины и всего человечества.

На панихиде в Доме профсоюзов говорили, что знамя фронтовой поэзии теперь некому нести. Но подхватил его Александр Дёмин, и вновь оно цену и смысл обрело в Днепропетровске, повергая в ужас и падучую банды бандеровцев, которых вскормил и расплодил упырь – миллиардер Беня Коломойский со словарным запасом Элочки Людоедки.

Пока знают о Михаиле Селезнёве, Игоре Пуппо – Днепропетровск в состоянии разгромить нацизм. Читайте их стихи, ощущая почву под ногами, а не разрушение основ новоявленными «поэтами» с беспамятной конъюнктурой.

(26.06.2015)

СКВОЗЬ ИЗОЛИРОВАННЫЙ КОСМОС

Литературные новости доходят из Украины, как сквозь изолированный антиматерией космос. Только недавно узнал, что Павел Баулин – заместитель председателя партии «Русский блок» (в начале нулевых годов), а затем и «Русского движения Украины» 7 июня умер. Позна-

комился с ним в мае 2012-го в Запорожье на цветавском фестивале, а в начале октября в Русском Центре Днепропетровска представлял его поэтическую книгу «Возвращение в прошлую жизнь». Он замечательно читал стихотворения, как недавние, так написанные во втором тысячелетии.

В 2014-м я созванивался с Павлом на фоне гражданского противостояния в Днепропетровске, Запорожье, Киеве и других городах Украины. Отправлял ему свои заметки о днепропетровском произволе лже-губернатора, власти самозванцев, харьковских шествиях противников майдана и т. д. Мы договаривались о представлении нового сборника Павла Баулина «Возлюбленный смерти». Несколько раз дата презентации переносилась. Павел периодически ложился на операцию.

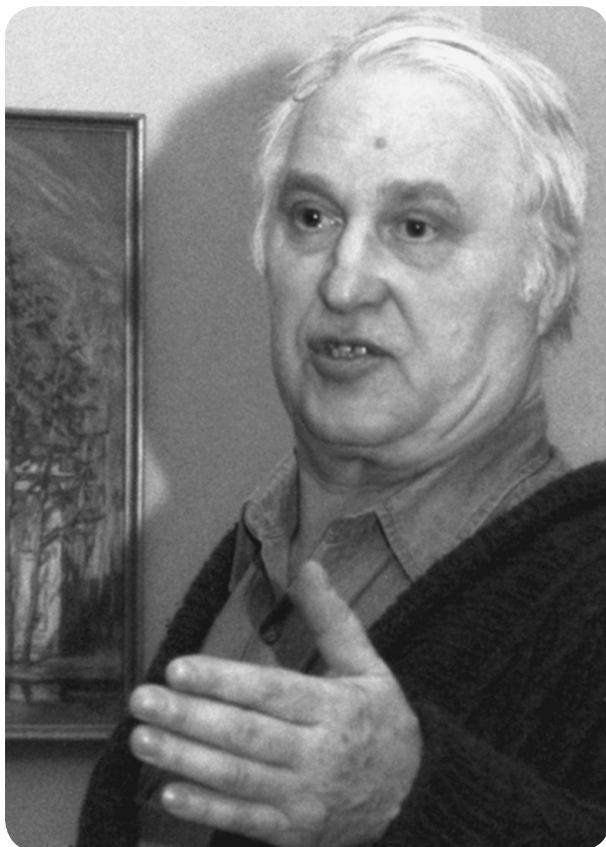
Я буду ещё вспоминать о Баулине, но хотелось бы слышать и других товарищей. Все знавшие этого человека наблюдали любопытный сплав: поэта и политика. Павел заряжался метафорической природой слова, его звёздной энергией и беспощадно разил врагов Русского мира на Украине. С его потерей нам станет сложнее, но трудности все будут преодолены. В наших руках книги – Павла Баулина, Олеся Бузины, Вадима Неготурова. Они – живые и со своих страниц дают нам уверенность в Победе.

Тысячи поэтов, писателей, публицистов, журналистов, блогеров, общественных активистов новых и давно выступающих включены в борьбу. Не все имена имею право называть. Многих вы знаете, но узнаете ещё больше.

Всеми своё время.

(16.07.2015)

Виталий Крёков

Крёков Виталий Артемьевич родился 10 августа 1946 года в городе Бийске Алтайского края. Закончил строительную школу, занимался в литературной студии «Притомье». Работал каменщиком, клал печи и камины. Автор книг стихотворений и прозы: «Лицо твоё», «Цветы картофельных полей», «Соломенный мост», «Деревьев люд смиренный», «Воспитание кривых брёвен». Имеет награды Кемеровской области. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Я постоянно ношу в себе, мысленно перебираю, как бы прочитываю, замыслы будущих произведений. Короткие сюжеты переходят в стихотворную форму. Когда написал поэму «По казачьему тракту», то увидел, что она не вместила в себя все то, что я пережил, не вместила судьбы людей, которых знал, с которыми был близок.

От поколения моей матери, так много сделавшего для России, остались считанные единицы. В свое время я слушал рассказы этих людей, что-то записывал, набрасывал основы будущих повествований.

К прозе меня привела любовь. Любовь к своему городу, который хорошеет год от года. Любовь к родному краю, которого нет красивей на всей земле. Любовь к людям, которые бывают прекрасными и очень хрупкими.

Я назвал свою повесть «Наказание», потому что каждый человек жизнью отрабатывает свой грех. Без греха только лазурное небо. Одних людей наказание озлобляет, затягивает в пучину греха, несет разрушение, другим людям укрепляет и просветляет дух, заставляет оглянуться на прожитую жизнь, обдумать свои поступки, сделать выбор между добром и злом.

НАКАЗАНИЕ

С самого начала моего осознания, что я живу на белом свете – это практика наказания. Да и белый свет, в котором я начинал первые шаги, был не белым, а черно-белым, землистым, пасмурным, где до конца ничего не разглядишь.

Помню день Пасхи у деда Крёкова. Яйца на божничке, там боженьки сурово грозят и даже маленький божененок на руках у матери – тоже вроде сердитый. Тут же на кухне сборок фото-

графий. Запечатлены похороны, мужики с саблями. А один в солдатском рванье, зато наган настоящий, дульцем на человека наставлен. Тут же дед Крёков со своим подружием – Александрой, еще не старые, ясные, будто святители, – снялись после того, как продали на базаре капусту.

В единственной комнате внука Крёковых, дочери Анны дитя, уже играет разноцветными яйцами, любуется апельсинами и еще многим вкусеньким. Я, пятилетний мальчик, совсем равнодушен к этому. Я жду, когда начнут завтракать и снимут с божнички подарки. Луиза – славная девочка, уже давно учится в школе, но угостить не угостит – не положено. Деньги с севера посылают переводом родители. Правда, когда крепко болела ангиной, то втихую звала меня и тогда скармливала мне мед с лимоном, потому что сама не хотела. В комнате висели фотографические портреты дяди Миши, погибшего на финской войне, и его сестры Любы, рано умершей. Поэтому в комнате было всегда как-то прохладно.

За окнами – ворота, калитка, ограда из отходов после штамповки, малинник и развесистая береза. Раньше дед Крёков пахал, крестьянствовал, имел свое хозяйство в деревне Крёково. Деревня была небогатая. Если какому молодцу приходила пора заводить семью, то свататься далеко не ездили. Тут же, в Денисове, – такую же простенькую, к родне поближе. При организации колхозов хозяйство Сыгнея Павловича ликвидировали. Объявили кулаком и, конечно, забрали чугунный котел для варки кормов. Даже за двумя курами (кто-то доказал) в Денисово приехали, когда он с последними махрами к дочери перебрался, с глаз подальше. Так что получил Сыгней Павлович свои килограммы наказания.

Не помню, не уловил, из каких доходов Сыгней Павлович купил перед войной избушку с сенями – кладовками, кухонной комнаткой. Но дочь Анна выехала на север к мужу на деньги, полученные за урожай картофеля. Продали подчистую и уже перед войной сидели голодом.

Дед очень набожен. Перед едой всех (кроме Луизки) заставит молиться. Молятся долго, потом разольют по чашкам постную бурдымагу, где немного капусты, две-три крупинки и дохлая

картошка, так он еще водой из стеклянной крынки разбавит. Богова еда строгая должна быть.

Во дворе у деда – штыри с ржавыми-перержавыми обручами, ящички с ржавыми гвоздями, стоптанные каблуки, крохотные кусочки кожи. Под навесом – штофы, бутылки, на гвоздиках – нанизанные, лишенные всяких прав амбарные ключи от замков. Попробовал поиграть, мать отхлестала берёзовым прутом. И даже не на месте преступления, а на кухне, уже после. Дед был доволен, что наказали, и бабушка, добрая бабушка, не заступилась. Терпеть надо, Бог терпел, нам велел терпеть. Летом в палисаднике зреет малина. Вываливается из палисадин алыми щепотями – бери, ешь. Но я знаю – дело наказуемое.

В раннем детстве я считался городским жителем. Город прежде производил огромные облака. В них могли скрыться, по-моему, целые эскадрильи, а уж потом – огромные территории заводов с красными кубами корпусов, трапециями градирен, фантастическими цилиндрами газгольдеров. Многоотрубная электростанция, будто реклама дорогим папиросам, и вокруг все «стандарты», колонии, нахаловки. Я жил в сад-городе, но садов не видел. Вот соцгород как-то напоминал город. Это двухэтажные неблагоустроенные дома с выгребными ямами и туалетами отдельно, базар с бытовыми услугами, тротуарчики. Соцгород отмеряли с пролетарским размахом: Индустриальная, Интернациональная, Коммунистическая, Совхозная, Рабочая. Улицы широкие настолько, насколько большевики понимали смысл этих слов. Улицы вывели бывшими кулацкими домами. После перевозки на новое место они оказались коротенькими, со ставнями на нижних этажах. Двухэтажные стали полуторными, а пятистенки дошли до хибарок. Зато в войну улицы и спасали. На них можно было заводить большие огороды, сажать капусту и картофель, пасти скот. Скот держали до шестидесятых годов. От снега до снега улицы – выпаса, а зимой из деревни столько сена понавезут по дешёвке. Кругом города – совхозы, а рабочие совхоза всю сенную наличку на живые деньги переведут.

Улица Крупской коротенькая, неширокая, малопродуктивная – много картошки не посадишь. Вот за переездом, за кирпичными заводами, –

копай и сажай, сколько хочешь. Не помню, как там сажала мать и обрабатывала, только урожай возили домой на тележке. Картошка родилась очень мелкая, потому что земля была плохая.

Но, кроме картофельных полей и кирзаводов, на меня большое впечатление произвели лагеря и тюрьмы. В тюрьмах, лагерях, больших огороженных вольерах ходили и спали заключенные с большими наказаниями. Их охраняли солдаты. Эти заключенные когда-то нападали и убивали людей, грабили магазины, имели растраты. Я знал, что у бабушки Александры посадили внучку Машу, дочь тети Любы. Маша работала в магазине, ходила в туфлях на высоком каблуке, в платье голубом крепдешиновом, хорошо пахла духами и была красива лицом. Но ее посадили. Посадили потому, что не доказала на заведующего магазином, скрывая денежную кражу. После суда бабушка Александра плакала по Маше, как плачут по покойнику. Я представлял Машу. Вот она идет коридорами из колючей проволоки в голубом крепдешиновом платье, красивая лицом, с заплетенной косой. Зачем такую наказывать! А колючка, она просто предупреждение строгости. Колючкой огораживают овощные делянки, обивают цементные лари на стройках, усиливают деревянные склады, чтобы не залезали воры. Колючки эти и есть колючки. Отходы от штамповки дороги, много их не бывает, а колючки много.

Лето мое проходило в Ишаново в двухэтажной школе, которую детский сад № 18 (связистов) снимал на лето под дачу. Заведующая Елена Васильевна была женщиной строгой, и порядки были строгие. На всё следовало просить разрешения у воспитательниц. Сходить ли в туалет, ловить ли у озера лягушат. Только в группе, только попарно, взявшись за руки, и не с кем захочешь, а с кем поставят. Но было чистое небо, солнце, цвели цветы. Утром подавались молочная каша, пирожки с зеленым луком и яйцом, какао. Перед едой не молились, но обязательно мыли хлорированной водой руки. Как бы неплохо ни кормили, есть всегда хотелось. Я поедал ласковые травы, головки стеблей подорожника, семена трав, маленькие шампиньоны, молодые побеги тальника, вершинки лопухов.

Режим и основы жизни на даче я понимал так: нужно было кушать, загорать, спать и еще раз спать. Перед тем как загорать или спать, нужно было расстаться с трусами. Все мы становились бесштанной командой. Трусы для меня были – моя крепость и мой оберег. Кто-то из взрослых надоумил меня, что нельзя в речке купаться, щука пisku откусит. А после меня и в маленький ручеек было не затащить. Скажут: «Витька пisku потерял». Я тут же в трусы загляну. Отвечу: «Да нет, она тут». Я верил, что в мире нет неправды, а есть одна только правда. Однажды меня научили, как отвечать лжецам. После того, как мне говорили: «Витька пisku потерял», я отвечал: «Знаете, я такими вещами не занимаюсь».

Спать на ночь укладывали рано. Заставляли снимать с себя все, до последнего. Рамы окон глухие. В спальне жарко, сквозь шторы во всю пробивались столпы солнечного света. То ли съеденные без спроса травы бодрили, но чтобы уснуть, нужно было пройти пытку. Вот воспитательница проверила, все ли сняли трусы. Всё. Уходит. Я тут же восстанавливаю

справедливость. Уткнувшись в подушку, слушаю, как нескончаемым составом стучит сердце. Закрываю крепче глаза. Звёзды ещё не появляются, не хватает темноты. Улицей прогоняют стадо, широко, разноголосо, с хлопаньем бича. Становится прохладнее, сумрачней. На улице играет гармонь, девчата поют песни. Сначала издали, потом ближе, ближе, совсем рядом, потом дальше и дальше, по несколько раз. И уже в одном месте песни плясовые под гармонь.

В то последнее лето моего детсадовского детства нас, группу среднего возраста, повели после обеда на встречу с героями сказок. Герои сказок жили в лесу, и, естественно, нас повели в лес за кладбище. Сначала мы шли сельской улицей, потом полянкой и россыпью березок. Там стояли деревянные кресты и памятники с фотографиями. Я знал, что здесь хоронили шахтеров, с музыкой. Пришлют фезеушников, а они мало что знают в шахтовых делах, их и давит землёй каждый день. Вижу памятник: на фотографии моряк во весь рост, слева: парень развернул аккордеон и улыбается золотыми зубами. А дальше – поляна с неисчислимыми цветами, сосенки и ели.

В лесу нас встречают сама Баба-яга, Василиса Прекрасная и Иванушка-дурачок. Иванушка-дурачок – здоровяк в хромовых сапогах, красной рубашке-косоворотке, без шапки – поклонился, сел на свежесрубленную берёзку и «иго-го-го» – словно жеребец, поскакал в глубину леса. Василиса Прекрасная гладила вислые ветви берёзы. Я запомнил кикю, голубые глаза, щёки, словно новогодние яблоки, ленты, множество бус и красный сарафан с кружевным подзором. Вся красивая, томная, с нею и не заговоришь. Баба-яга была словно электрическая будка. Вся в черном, опрятная, с серебряными зубами. Возле нее стоял сундук. Я спросил: «Что там, в сундуке?» – «Сорок ножей, ослушников резать». Я сразу понял, сразу вспомнился дед Сыгней, его молитвенный угол, где в рамках под стеклом один стоит на обоих коленях, а другой ему, стоя, что-то внушает. На другой картине старик связал, как барана, юношу, и занес над ним выше своего плеча нож, а другой юноша с крыльями решил его отобрать. Но здесь никто не заступится. Иван-дурак – действительно дурак. Носится по лесу на берёзке, гогочет на весь лес. Василиса Прекрасная молчит, улыбается, но от красоты ее не исходит спасение. Тут явился кот. Он что-то мяукал, говорил, тем самым продлевал мучение. Причём Баба-яга постоянно грозила. Кончилось тем, что открыли ящик, и вместо сорока ножей стали дарить подарки: пластмассовых попугаев, львов, карболитовые самосвалы.

Теперь я хорошо усвоил, что подарки не дают просто так. Их нужно отстрадать. Ведь еще зимой, на ёлку, ребятишек одели в зайчиков, лис, клоунов. Дети звали Деда Мороза, рассказывали стихи, водили хоровод вокруг ёлки, устали. Наконец Дед Мороз оповестил дружных ребят, что пора гостинцы раздавать. Долго развязывал мешок. Спели еще раз песенку о добром Деде Морозе. Он поднял мешок, тряхнул, а оттуда посыпались только пустые шишки. Дед Мороз сел на подставленный стул, захныкал: «Эх, лиса мешок подменила! Что делать?» Дети, повытаращив глаза, молчали. Некоторые уже начинали плакать. – «Придется опять в лес идти. Зайчики, за мной!» – За зайчиками побежал и я, в одежде клоуна.

Бескорыстными были сельские мальчишки. Они меня любили: то бичик подарят, то ивовую свистульку, в карман горсть ранеток, живую жабу. Жаб я отпускал в озерцо. Один мальчик подарил жестяной открытый автомобиль.

После Ильина дня я попал под холодный дождь. «Илья пророк в воду напрудил – лету конец», – говорила бабушка Александра. К концу лета и дисциплину мало кто спрашивал, и наказания были нечасты. Заигрался, пошёл дождь. Все забежали в дом. А так как наказывали последнего, отбившегося, то я и оказался им. В дом заходить боялся, стоял, прижавшись к бревнам стены, поливаемый холодной водой с крыши, и вспоминал последнее наказание. По воскресеньям из города в Ишаново приходили родители на свидание с детьми. Обычно они приходили к обеду, когда вся группа в сборе. Я первый увидел мать и с криком: «Мама!» – бросился к ней во дворе. Воспитательница тут же забрала меня со двора, завела в дом и поставила в угол. Я ослушался, не подошёл и четко не попросил разрешения. Я наказан. Но потом, немного погодя, меня отпускают. Мать тихо плачет. Слёзы ее стекают по носу и капают с кончика. Вот почему я и стою под проливным дождем, боюсь наказания.

Наказания не было. Меня заметили, напоили горячим какао, завернули в сухое одеяло. Но всё равно я долго пролежал в изоляторе. Дачный сезон закончился, детский сад распустили, так как он переводился в другое здание. В новом здании, расположенном у переезда, печники плохо сложили отопительные печи. Они дымили, так как из-за отсутствия широких дверок пустили в ход прочистные. Комиссия работу забраковала, и сад долго не был готов к приему детей.

Жили у деда Сыгнея. Сестра Галя гостила в Подонино у материной тётки Капитолины. Дед закрывал окна ставнями на болтах далеко до захода солнца – всё боялся воров. Ругался с Луизой, которая до темноты играла с подругами. Доругались до того, что Луиза пошла по улице Крупской на полотно железной дороги ложиться под поезд. Бабушка за ней, вернулась одна и горько, горько плакала. Дед со словами: «Моду взяли по ночам гулять!» встал к картинкам,

где старик убивает юношу, и начал вечернюю молитву.

Немного погодя и он был наказан. Наказал его милиционер, который одет весь в синее с красными полосами. Вместо нагана походная сумка, много писал. А всё было так. С севера приехала мамина сестра, тетка Тася, со своим мужем Володей. Привезли много мандарин и денег. Приехали утром, стали угощаться колбасой, выпивать. Выпивали и на другой день, пели песни, плясали (и я плясал с бабушкой Александрой). Тетка Тася ходила по магазинам, купила мне книжки, угощала морсом, розовыми сушками. Говорили про Колыму, разбойников, поджидающих в туалетах Магадана отъезжающих на большую землю. Я запомнил, что в туалет ходили семьями, что когда садились на пароход тетя Тася и дядя Володя, то всюду сверкали ножи.

За хорошей выпивкой и едой дед Сыгней забыл про бдительность. Ведь когда приезжал дед Роман со своей Федосьей, мать и домашние ждали мясных наваристых щей. Деньги ходили получать с дедом всей семьей. Я видел, как в сберкассе, что находилась в доме «Искра», деду отсчитывали пачками двадцатипятки, и он их наложил полную дерматиновую сумку. Я просил купить детскую книжку. Не купил. Ходили на базар, приценивались к мясу. Показалось оно слишком дорогим, купили ржавых селедок. Дед находился в отпуске, жил неделю. Всю неделю ели пересоленную селедку с отварной картошкой. После дед купил матери пальто за 550 рублей. В нем мать стала красивой истройной.

И говорит Сыгней милиционеру, просит прощения:

– Прости милосердно! Добродетель милостивый! Не устоял, разнежился.

– А вот, чтобы не нежился, уплати штраф, а вам, – он обратился к дяде Володе с тетей Тасей, – тут же при мне на вокзал, на вербовочный пункт, на шахту. С глаз долой, прописываться.

Старики Крёковы хорошо помогали своей бывшей невестке Нюре – моей матери. Их единственный сын Михаил погиб в финскую войну. Так и писали в письме: «Был тяжело ранен, отправлен в госпиталь», после чего пропал без ве-

сти. Мать рожала от Михаила четверых детей, но они умирали в раннем возрасте. Последний мальчик Борис умер уже шести с половиной лет, в войну, от приключившейся болезни после воспаления легких. Вообще, род Крёковых, кроме самих стариков, был что-то недолговечным.

После войны бывшая сноха, после скитаний, весенней распутицей приехала в Кемерово с двумя детьми: меня в ватном одеяле на руках, сестру Галю за руку. Остановились сначала у родственников Ягуновых. Мать прямо в день приезда, немного отдохнув, отправилась к бабушке Александре. Пришла, попили морковного чаю с хлебушком, заплакали. Мать ничего не просила, просто считала долгом повидаться. «Ты вот что, Нюра, – обратилась бывшая свекровь к бывшей невестке, – сегодня все развезло, все равно не дорога. Завтра по утра пристынет – давай к нам с детьми. Я батьку уговорю. На вот саночки».

Батьку уговорили. Мать прописали. Бабушка Александра сидела с нами столько, сколько было нужно. Мать устроилась на работу санитаркой в терапевтическое отделение больницы к Альшиц. Галю определила в детский сад на круглосуточное. Меня на руках носила и забирала каждый день из яслей на Притомском. И так каждый день – от переезда на Притомский и обратно. Потом были грэсовские ясли, где хорошо кормили и, как говорила мать, не отпускали даже в воскресенье. Во все детские учреждения детей брали при наличии мест. Мест всегда хватало, особенно матерям-одиночкам. Принесут ребенка, послушают, посмотрят справки – всё нормально – оставляй. Если приболеет, в местный изолятор определяют.

Запомнились бани. Я с сестрой и матерью ходили в грэсовскую баню. Бабушка с Луизкой – в городскую, в номера. Дед ворчал: «Моду взяли! Как господа!». Сам же дед ходил на Новую колонию в мехзаводскую банёшку. Говорил, что пар посуше, покрепче. Однажды угорел. В ГРЭСовской бане было всегда много народу (поэтому и не любила Луизка ходить в грэсовскую, на номер денег хватало) и еще нищих старушек. Они скромненько сидели на приступках. Меня стригли в парикмахерской, по-

том, дождавшись своей очереди, шли в моечный зал, где мылись, парились, стояли под душем. После бани сознание пятнилось розовыми сетками при черных заплатках.

По воскресеньям ходили к Георгию Борисовичу Ягунову, дяде матери, на Новую колонию. Новая колония – это бараки и двухэтажные бревенчатые дома с двускатными крышами и сквозными чердаками, где гирляндами висели ржавые веники для бань. К весеннему празднику чисто выметалась улица Стахановская – с пеналами бараков, с широкими стеклянными окнами. Чисто побелены стены бараков, стволы тополей, звенья штакетника. Коксохим низвергает огонь и дымы, азотнотуковый серебристой высоченной трубой поплеывает скромненько пачечками рыжего дыма. И за заводами, ближе к реке, живут люди. И туда устремляется людской поток от конечной трамвайной остановки. Там есть свои магазины, бани, базарчики. Но там, говорят, не вывешивали для просушки выстиранное белье. В миг чёрным станет! Одно хорошо, что сбрасывают в ручей горячую воду и можно хорошо постираться. Оттуда так же на санях, на телегах, на машинах с откидными бортами везут на кладбище за Искитимку покойников.

Как-то мать ходила к Степаниде Бударинной на Новую колонию (Степанида тоже родня матери, вместе выросли), заходила на базар. Там встретила жену дяди Петрована, тоже Степаниду. Они, денисовские, ездили продавать капусту, мороженое молоко, творог. Поговорили. Степанида просила привезти на зиму меня: мясо птицы, молоко, творожок, чистый воздух. Замечу, что Степанида Ивановна и дед Петрован, материн дядя, были особенные люди. В их доме, всегда многодетном, постоянно доживали свой век оставшиеся по воле обстоятельств одинокими старики, сироты. Видно, и поэтому не пропал, не погиб в гражданскую, в годы коллективизации, репрессий Пётр Игнатьевич. Забрали его отца, батьку Гнашу, увезли в Ягуново. Хотели и сына туда же, в яме общей сгноить собрались. Но в правлении колхоза запричитали: кому же тогда работать. Так можно и страну оголодить. Сколько ртов бы не было, но еда у Петра Игнатьевича была всегда. Видно, Господь незаметно

благоволил бескорыстным людям. Гуси высиживали яйца, до одного, без болтунов. До одного гуся дохаживало стадо до заморозков. Корова отменной всех давала молоко. Ребятишки пасли с десятков пуховых коз. Всегда откармливали к новому году пару свиней на закол.

Отправить меня в Денисово договорились с грэсовским коновозчиком, когда будет нужда ему ехать. Видно, у коновозчика были тесные связи с деревней Денисово. Вскоре сообщили, что в воскресенье поведут осеменить корову. В назначенное время ни свет ни заря мы были у коновозчика. Было уже совсем холодно, уже ездили на санях. Во дворе у коновозчика лежали пустые кислородные баллоны. Когда зашли с холода в дом, то узнали, что корова сломала рог и теперь ей не до охоты. Вышла в денник, боднула кучу сухого навоза, а в середине оказался вкопан столб. Семья коновозчика многочисленная, одни ребята, в застиранных до серого рубашках и кальсонах. Завтракали картошкой с разварки, дудонили кипятком с молоком. В избе топили плиту с обогревателем. Лохани с запаренным бельём, пахло мылом. Морщинистые потолок и стены с разноцветными набедами – словно шелуха пасхальных яиц на облуплениях, что оставляла после пиршества с подругами Луиза. Семейный жестяной рукомойник с деревянной лоханью, заполненной захарканной водой. Возвращались домой Интернациональной. Она показалась еще бесконечно шире и длиннее. Мне грезилось, что в её пустынных глубинах заводятся стаи волков, бродят разбойники, таятся душегубы. Сострадая мне, мать зашла в Барабаш (магазин), там купила для меня пару розовых сушек.

В августе 1951 года мне пошел шестой год. Я уже многое понимал. Мне казалось, что когда-то я уже жил, мучился, ушел во тьму и победил её. Я даже спрашивал взрослых: «А как во время войны вы работали? Костры жгли? Ходили с фонарями?» Мне отвечали, что так же светило солнце. Да как же оно могло светить, ведь была война. И вот я опять в этом мире. Как всегда, дед до захода солнца закрывает на болты ставни. Злые уличные мальчишки поют бандитские песни, курят, плюют сквозь зубы. В разговорах взрослых постоянно слышишь, что вчера

кого-то раздели, ограбили дом, убили хозяина, когда пришел с работы, увели корову, проиграли в карты город. Переживаешь все эти страсти. А какая за городом красота, как нежно смотрит лазурное небо на полевые цветы.

Ранней осенью мать устроилась в контору «Горплодовош» уборщицей и сторожем-истопником за 270 рублей. Дед Сыгней за один раз перевёз наши вещи на Угловую. Нелюбимая Интернациональная пересекала узенькую по сравнению с остальными улицами Угловую. Угловая была интересной. Здесь, на Угловой, располагались конторы «Заготскот», «Заготсено», тридцатый детсад, двухэтажные «стандарты». В один конец улицы пойдешь – Дворец Труда с магазином «Колокольчик», дальше остановка «Вокзальная», «Карболит», вокзал, грэсовская баня. В другом краю – пожарка. А в самом конце улицы – аэродром, с которого серебристые самолеты улетают на север, где много денег, рыбы и заключенных. Гудят аэропланы, от которых у бабушки Александры болит голова. Аэропланы никуда не улетают. Поднимутся до самых облаков, притихнут и начинают выпускать черные кашки, которые превращаются в парашютистов.

Ходим в гости к старикам Крёковым. Бабушка Александра рассказывает последние новости. Уличный хулиган Тюриков кидался половинками кирпичей в палисадник. Вернулся кот совершенно здоровым и невредимым. По зиме, будучи в отпуске и получивши сумками денег, дед Роман его наказывал. Кот нагадил в чулане, и дед Роман поучал его тыканьем мордочкой в дерьмо, наступив при этом на хвост. Выбросил во двор. Я только и сказал: «Дедушка Роман, мне котика жалко. Ведь у него только и есть что усы, шёрстка и хвостик», – и пошел за котом во двор. «Пусть не гадит, наука впредь будет», – ответил мне дед, пока я надевал пальтишко. Котик сидел растерянный, испуганный и боялся облизывать свою мордочку. Дед Роман улетел на север, а котик ходил не туда, куда надо. Видно, болел все-таки.

«Я говорю батьке, – продолжала бабушка Александра: “Снеси подальше от дома”. Батька посадил кота в сумку, застегнул ремешком, закинул через плечо и – за Щетинкин лог,

за грэсовские дома, за станцию. Бросил у переправы, где мост начинают строить. Бросил утром, а на следующее утро кот уже в доме появился, есть просит. Я батьке: “Убирай кота, куда хочешь, вези подальше, чтоб никогда не пришел”. Батька мне: “Вот грех. Не беда, а наказание. Ладно, к Шуре поеду”. Сходил на вокзал, взял билет на поезд до Дедюево. Утром кота в сумку. Обещал зайти к Шуре и к моей сестре, к Черкасовым, и обыденкой вернуться. Вечером приехал и говорит, что еще дальше, за три километра от Дедюево, кота в лесу бросил. В конце мая это было, а вот по заморозкам, слышу, кто-то скребётся. Думаю, мышшь или крыса ли какая, пойду, спугну. Посмотрела в кладовке, в чулане – никого. Открыла уличную дверь. Батюшки! А это наш кот. Сытый, гладкий – мявкает».

Мать спрашивает:

– Батька-то как? Не хворает?

– А что ему хворать? Живот твердый, что чугун. Я сама-то прибалывать стала. Наварю похлебки побольше, чтоб меньше канителиться. Бывало, и прокиснет похлебка, пеной пойдет, а он ничего, пальнет плошку вон ту, деревянную. Хлеба накрошит, воды из крынки добавит, помолится на образа, и все схлебает до самой последней капли.

Мать сообщала, что соседка из Сталинска писала о том, что Сережа, брат матери, совсем плох. Корова хоть и дает много молока, но для дома достаются капли. Молоко тёща продает на базаре, а деньги складывает на книжку. Теперь стало понятно, что если матери дед купил пальто, то сыну Сереже – дойную корову и сена на зиму на прокорм. Пей молочко, выздоравливай сынок. Провожанье. Бабушка Александра выходит за калитку, и там еще долго стоят бывшая сноха с бывшей свекровью, разговаривают. Деда отсутствует. Он состоял до самой старости сторожем в инфекционной больнице.

Совсем холодно. Уже на три слоя снега покрыло землю. Мы с матерью и сестрой живем в конторе. Мать кочегарит печи, моет полы. До прихода служащих у нее чисто и тепло. Мы живем в кухоньке. У нас печь с плитой, обогреватель которой уходит на чердак. Там есть комната – вагон. В этой комнате бухгалтерия.

Главный бухгалтер хромает, у него протез. У меня с ним приятельские отношения, всегда чем-нибудь угостит. Мной всё уже изучено. Напротив нашей кухоньки комната. В ней работает Ольга Лукьяновна: отдел кадров и кассир. Если прямо по коридорчику – зала, в ней – прием-сбыт. Из залы еще одна комната, там директор с помощником.

В прием-сбыте работает Арнольд Ивальдович. Престрогий дядя. У него толстая гимнастерка, как у начальника карболитовских стрелков. Он не интересный. Сильно ругал меня, когда я у кошки обкусал усы и брови. Я по-взрослому объяснил, что, когда целую кошку, то усы и брови лезут в нос и щекотят. «Так ты уже совсем негодяй, – ругает Арнольд Ивальдович, – смеешь целоваться с кошкой!»

– Арнольд Ивальдович, так ведь люди целуются. Вот и Иван Петрович с сестреницей в вагончике целовался. Посадит на колени и целует, а я только кошку.

– Это еще какая сестреница, откуда она взялась?

Я теперь узнаю, что проболтался. Иван Петрович часто после работы, в воскресенье, приходил с молодой титястой женщиной. Когда я спросил: «Кто это? Кем она работает?», – он объяснил, что это его сестреница, что нужно быть хорошим мальчиком и никому не рассказывать. Я и не рассказывал никому. Меня сестреница угощала вкусными конфетами и булочками. «Это что за сестреница, – не унимался Арнольд Ивальдович. – Расскажи!» – «Не буду я ничего рассказывать! Ничего не знаю! Вы плохой!» – ответил я. Выручила мать. Она ахнула, схватила меня, шлёпнула хорошо и унесла в кухню. Зачем я обкусал усы у кошки, спрашивал директор, спрашивал заместитель. Я уж тут нашел ответ: а чтобы кошка походила на льва. У львов усов-то нет, не рисуют.

Чтобы я меньше мешал работать служащим, мать ходила со мной по магазинам, к знакомым. Мать часто заглядывала к знакомой, которая работала уборщицей во Дворце Труда. Там было холодно и пусто. Прилично одетые мужчины все время молча играли в шахматы. Мать водила меня по строгим учреждениям, и я видел, как со строгой задумчивостью мужчины из началь-

ников играли в шахматы. Мне казалось, что они совсем не радуются жизни, но играют в шахматы. Этим я поделился с дедом Сыгнеем Павловичем. Я с ним уже вел беседы «по-взрослому». Он поощрял: «Ну ты у меня, паря, совсем мужик». Я ему сообщал, что играть в карты – самое последнее дело. Карточная игра до тюрьмы доводит, но вот как быть с игрой в шахматы? «Это блуд, – ответил он. – В шахматы играют бездельники, гордецы. Молиться Богу надо побольше, а не как кого-нибудь обыграть, а потом гордиться. Хорошего от этой игры ничего не бывает, прости нас, Господи». Крестился.

То, что от игры в шахматы хорошего не жди, я вскоре окончательно убедился. В контору к Новому году приехал с ревизией большой начальник. Галифе и китель у него были намного солиднее, чем у зама и директора конторы. До обеда упорно работали. Мать раза три ходила в «Колокольчик», со мной, конечно. Был чай с колбасой и булочками, пригласили и меня. Большой начальник погладил меня по голове. Я спросил о том, как мы боремся с американцами, что надо за них хорошенько взяться. Так весело убрали стаканы и еду со стола, принесли доску с шахматными фигурами. Играть стал начальник с зам. директора на высадку. Стало тихо, напряженно. Арнольд Ивальдович строгий, как милиционер, стал еще строже. Я незаметно притих. Начальник разыгрался. Он легко выиграл партию, другую у заместителя директора. Развеселился. А директорские фигуры вмиг выросли кучкой на стороне начальника. Директор посопротивлялся и сдался. Обыграли главного бухгалтера. «Ну, кто еще на высадку?» – спросил начальник-ревизор. «Позвольте мне», – сказал Арнольд Ивальдович. Сели. Обменялись многими фигурами, а дальше – никак. Потом Арнольд Ивальдович объявил мат. Взялись за вторую партию, но не закончили. Начальник-ревизор смахнул фигуры, попросил начать с начала. Начали заново. Начальник взял несколько фигур Арнольда Ивальдовича, но вскоре и у начальника фигуры стали таять с доски в закрое Арнольда Ивальдовича. Вскоре, без предупреждения, замерли все фигуры – начальнику объявили мат. Выражение лиц у всех резко поменялось. Начальник-ревизор стал чёр-

ной тучей. Директор с замом в глубоком смущении. Арнольд Ивальдович словно в штаны наложил. Вот и поиграли, повеселились. Арнольд Ивальдович извиняется, объясняет, что, мол, пешки были плохие, что зря не предупредил. Настроение у всех подавленное. «Мне дедушка Сыгней говорил: чем в шахматы играть, лучше Богу молиться», – заявляю я.

Вечерами мать вяжет кружева. Днём ходим по консультациям, в центр на старый базар. Мать ищет подешевле комбижир, свиные кишки, нитки, хозяйственное мыло. В центре много высоких домов. В одном из них мать белила и убирала комнату. Хозяйка этой комнаты, врач, подарила замечательную книжку про негра Джона из Америки. Я очень счастлив, что оказался не в Америке. В Америке Джон живет то в подвале, то в крошечной избушке, а белые люди, словно стаи презлющих, отвратительных крыс – многомясые богачи в пиджаках с хвостом и шляпах-кастриолях.

Нравится мне дом, расположенный на обе улицы, с широким парадом ступенек на углу. На нем, по обе стороны, дозоры красноармейцев. У одного винтовка и развернутое знамя, другой, тоже с винтовкой, трубит сбор. Полы шинелей развеваются, на ногах ботинки с обмотками. На другой стороне – пограничники с собакой и биноклем. Мать, почему-то шепотом, объясняет, что это НКВД. Но почему шепотом? Ведь НКВД охраняет наше государство. В этом здании наверняка не бездельничают, в шахматы не играют.

По праздничным дням в конторе дежурили, сменяя друг друга, сотрудники. Эти дежурства организовывали и в годовщину Октябрьской революции, и в Новый год, и на Первое мая. В такие дни мать была относительно свободна. Может быть, матери надоедала скудная диета, или она любила ездить в гости, но мы часто, и до конторы, ездили на правый берег. И опять я отмерял всю Интернациональную до самой первой поликлиники. Это было одноэтажное с большими окнами при огромных тополях строение, где постоянно толпилось много народу. В ней одно время работала мать. В поликлинике сдавали кровь, желудочный сок, а в большом кресле бордового плюша рвали зубы.

На станции Предкомбинат покупали билеты и садились в узкие зелёные вагоны. В вагонах всегда тепло, имелся кипяток и питьевая вода. Но ни воду, ни тем более чай мы не пили. Мать всегда говорила: «Скоро приедем». Поезд тронулся, едем вдоль заводских заборов, выезжаем на простор. Простор – это разливанное море низеньких халупок, в недрах которых есть мост Сахарник, на нём до войны, ночью, часто встречали. У реки будки с солдатами. Въезжаем на мост. Он вмиг становится живым. Его стальные конструкции шагают ногами исполина. А вот и Правотомск: составы товарняка, платформы с углем, цистерны на линии одна за другой, словно огромные сардельки, переключатели с фонарями, семафоры. И во все эти стеклянные сосуды будто налили крепкий фамильный чай. С Правотомска через пути входим в чёрно-белую пестроту снега и берёзовых стволов до самого Дома культуры.

Квартира Виноградовых в большом парадном доме, окнами на ДК. Виноградов – это муж дочери батяки Гнаши и бабушки Настасьи. Виноградов работает главным бухгалтером лесоторговой базы. Квартира у него с высокими потолками, отдельным туалетом и ванной. У Виноградова двое сыновей, много заводных игрушек. Сначала мать раскладывает кружева, ведёт разговор с тёткой Надей и бабушкой Настасьей. Нас ведут в ванную. Ванна огромная, полированного цемента с белой крошкой, что скамейки в городской бане. Сестра голенькая, пирожком напояет. Непривычно. Но в ванне можно просто плавать, и я забываю про неудобство. Купаемся вдосталь. За нами моется мать. После купания обед. Подают наваристые щи с мясом, ноздреватые кисленькие оладьи со сметаной. Оладьи горькой, сметаны полная вазочка. Мать хлебает щи, за чаем ест два, три оладушка, следит за нами. Я понимаю всё, сестра лишнее не позволит. Нам предлагают угощаться. Сестра говорит «спасибо», выходит из-за стола. «Ну разве что еще чайку мне и оладушек», – говорю я.

Возвращаемся домой, когда в роще совсем синеют снега, бесчисленное многоножие простуженных, куда ни поглядишь, берёзовых стволов. И вновь рельсы, пронзительные свистки

паровозов. За рекой громадные крутины облаков окрашены в алое полоской заката.

Жизнь в конторе продолжается. Матери сделали выговор. Вышел скандал в присутствии милиционера. Всё было просто. Ольга Лукьяновна, как писалось раньше, заведовала отделом кадров. В её ведении находился большой кованый сундук, в котором хранились бумаги. Ежевечерне она плавала в толще печи сургуч и пломбировала сундук печатями. Так как он стоял возле обогревателя, и свет в этой комнате был ярче, то мать со своим бесконечным вязанием садилась на сундук спиной к теплу. И по неосторожности, задев подолом юбки, она сорвала висящую пломбу с сургучом. Сделали ревизию. Ольгу Лукьяновну поблагодарили за бдительность.

Привезли большущий рулон белой бумаги. Грузчики едва втолкнули его в широкую дверь. «Эх, механические ножницы надо было бы», – посетовал директор своему заму. На следующий день Арнольд Ивальдович полосовал бумагу сапожным ножом. Работа трудоёмкая, идёт медленно. Арнольд Ивальдович поминутно правит о брусок лезвие ножа. «В этом деле хорошо бы механические ножницы, Арнольд Ивальдович», – говорю я. «А вот тебя, дружок, я гнал бы механическим венником», – сердится он.

Вот и весна. Уже и Первое мая проводили. На электростанции в это время вспыхивали профили вождей и буквы из электрических гирлянд. В конторе в праздник дежурил главный бухгалтер с сестреницей. Его окончательно разоблачил заместитель директора. Обещал партийное взыскание.

На улице гуляю у тридцатого детсада, у двухэтажных домов. В водокачке живет мой приятель. Мать его отпускает по талонам воду. Водокачка на границе с Интернациональной. Дальше ходить нельзя, могут отлупить. Один взрослый паренёк из двухэтажного дома подарил мне медный паровоз с прицепным вагончиком: это я им в детстве играл, теперь играй ты. И все так просто, так сердечно. «Большое спасибо», – говорю я.

Стало совсем тепло. На глазах полезла трава, на некопаном участке у конторы цвели и облетали белые шары одуванчиков. Контору ликви-

дировали. Уже побелили в комнатах стены и потолки. Матери дали полный расчет. Приезжали тетка Тася с мужем Володей. Они болтались по Ягуновкам, Промышлёнкам, Томусам, всегда пьяненькие. Один раз брали меня на некоторое время в Промышлёнку. Там тоже ходили в баню. Помню, что пил морс. Пила что-то и тетя Тася. Потом шли в темноте ледяными полями. Тетка Тася падала и плакала: «И – и – и». Так же она плакала над фотографией умершего брата Сережи. Выручил знакомый. Он взял меня на руки и подхватил тетку Тасю. Проснулся я в низкой избе. На кухне сохла шахтёрская роба, в углу лежали каски с лампочками. Приезжала и тетя Зоя, младшая материна сестра, с Кургановки. Красивая. Угощала чёрными пряниками. Она уезжала далеко в Курагино, где дед Роман купил избу.

Сестре выдали табель успеваемости и отпустили на каникулы. Мать закрывала нас на замок, а сама целыми днями искала работу и угол. Она мечтала о самой крошечной, самой неприглядной избушке. Приходила поздно, когда становилось уже темно. От нее мы знали, что и в Горняке, и в Забойщике есть работа, но нет жилья, что была она и в Верхотомке, переплыв реку на лодке, заходила в Денисово к дяде Петровану. Бежала скорешенько в город родными полями, на которых еще детьми работали, когда всей семьёй жили единолично, и плакала, плакала.

Весь бесконечно длинный световой день мы с сестрой сидели под замком. Давно был съеден чёрный хлеб, картошка, жаренная на воде с луком, давно перепеты по несколько раз песни, которые я знал: про калину и про донского казака. Мать приходила совсем ночью, голодная, усталая, озабоченная. Попьёт воды и тут же ложится спать.

Наутро приходит хозяин дома. Мать что-то говорит ему, он рассуждает, сочувствует. Мать собирается на правый берег. Я умоляю ее взять меня с собой. Так как воскресенье, Луизка дома, то сестра уходит к Крёковым. Это уже неслыханная вольность. Мать не любит, чтобы лишний раз надоедали людям. Опять Предкомбинат, зеленые узкие вагоны, живой мост, станция Правотомск. Идем к Виноградовым. В роще всю зелень светлой листвы. Ослепляет молочность

пестрых стволов берез, цветут кусты черемухи. Чисто доносятся слова хорошей песни:

*И тонкая березонька листву оденет новую,
И запоет соловушка над синею рекой.*

У Виноградовых меня не купают и не угощают вкусненьким. Бабушка Настасья дома одна. Отрезала по ломтю хлеба, налила по стакану молока, растерянная от оглушающе неприятных вещей. Оказывается, что Виноградов под следствием, и Надя с детьми уехала на передачу. У Виноградова растрата. Все имущество описано и опломбировано печатями, вплоть до детского велосипеда. Мать рассказывает про своё горе. Рассказывает и про Сухую Речку, вторую ферму совхоза «Новостройка», про саманный домик и хороший земельный участок. Бабушка Настасья одобряет. «Ты вот что, милая, – говорит она матери, – пока твое письмо дойдёт, да Роман деньги вышлет, я тебе дам из своей заначки половину стоимости на задаток. Езжай, не мешкай. А эти сто рублей (она отсчитывает четыре купюры по двадцать пять) от меня в помощь».

Виноградова оправдали. Восстановили на прежней работе. Дед Роман прислал деньги, долг был возвращен. А за сто рублей мать подарила прекрасную вязаную скатерть.

Перед отъездом ходили к Крёковым на Крупскую. В палисаднике уже цвела черемуха, яблоня дичка. Луизка, взобравшись на березу и уютившись на ветвях, как в гамаке, читала книгу. Я видел, что ей не совсем удобно. Зато как необычно! Мы собирались уезжать на Сухую Речку, и поэтому я нес деду Сыгнею работу: дырявые валенки. Пообедали ржаными пирожками с кислой капустой, морковью, тушёной на конопляном масле, пили жидкий familial чай. Дед подобрел после обеда. Я к нему:

– Дедушка Сыгней, у меня вот беда. Валенки совсем худые стали. Помогите моему горю. Я тебе, старенькому, хлеба кусочек поднесу.

– А почто не помочь тебе, паря. Давай сюда свою ветошь, вмиг помолодеет.

Достали сундучок с шильями, дратвой, сапожным инструментом. Через некоторое время валенки были обсоюжены кусочками черного хрома, новые подошвы были простёганы. Дед

разрешает мне отблагодарить. Я целую его в бороду, мягкую, широкую, еще не седую. Потом, когда из бороды вышла вся огнистость и она поседела, он сбрил её, оставив только усы.

Мы часто вдвоем с матерью навещали стариков. Приносили гостинцы: батоны, дешёвую колбасу, пили чай, обедали. На улице небо все так же было заряжено аэропланами. Цвели подсолнухи, мальвы, настурции. Летело время, но я не считал, что отплатил свой долг за отремонтированные валенки.

Приезжали на весь сорокадневный отпуск северные люди – Луизкины родители: дочь Анна с мужем Александром. Это было для стариков серьёзным испытанием. Не знаю, как деду Сыгнею, но бабушке Александре доставалось. Зять с дочерью спали долго, вставали далеко за полдень. В это время бабушка готовила еду, что-то стирала. Потом северяне завтракали – обедали и уходили в город. В комнате пахло ароматом духов «Красная Москва», лилась музыка из дорожного радиоприёмника: «Счастье моё, хочу обнять тебя, и любовь как дым». Вечером Новиковы (Анна и Александр) ходили в кино и почти всю ночь, при ярком свете, пили виноградное вино, ели фрукты и при открытых окнах в сад слушали, включив на полную громкость, радиоприемник. Конечно, каким старикам это понравится? Что у них было на душе, особенно у деда Сыгнея после его строгих порядков? И так каждое лето.

По возвращению в Кемерово мы, хотя и нечасто, но навещали стариков. Луиза вышла замуж и тоже уехала на север. Когда я уже работал, собирался на службу в армию, то после очередного наезда северных гостей сердце бабушки Александры не выдержало. Дед овдовел. После похорон стал как-то никому не нужен. Может, кто и доходил бы его до смертного часа, живя с ним, впусти бы он спокойных квартирантов из родственников. Да избу уже записали на зятя Сашу, а тот всё боялся, что к его приезду совсем ничего не останется.

Уже в начале зимы, по первым снегам, у деда было холодно, и он днями лежал в валенках и шапке на кровати в кухоньке-прихожей. Заходил к нему сосед Иван Иванович, тоже пенсионер, топил, как мог, печь. По моему приезду топили

баньку у Ивана Ивановича. Я решил попарить деда Сыгнея. Пока привел в баню да раздел, то хорошо потратил силы. А когда намыл, напарил в душевой бане, да стал одевать, то думал, что кончусь. Довести деда до избы помог сам Бог. Последний раз я видел деда живым по новогоднему празднику. Собрал кое-что из еды да бутылку дешевого портвейна, чтобы по стаканчику. Декабрь был тогда метельный, снегу намело достаточно. Улица Крупской стала снежной пустыней, а изба деда Крёкова с палисадником и вислой березой показалась кладбищенской сторожкой. Все стало ветхим, беззащитным. Калитка не открывалась из-за сугроба, видно, никто не ходил. Я зашел со стороны колодца, где у калитки сугроб белел с пустым пазухом. Жилым не пахло, но по сугробу, по желтым глазкам мочи видно было, что дед мочился прямо с крыльца и был жив.

Дед был дома. Он лежал на кровати по-зимнему одетый. «Я жду смерть, а тут вместо смерти внучек». В угларке лежал уголь и дровишки тоже. Я затопил печь, пошел на улицу, нашел фанерную лопату и стал очищать двор от снега. Сходил за водой, поставил ведро с водой на плиту. Через пару часов в кухоньке стало тепло, и мы под купленные мною пельмени пили портвейн. До самых сумерек я ухаживал за Сыгнем Павловичем. Заставил его парить в горячей воде ноги. Дед жаловался, что приезжала из Зарубина Шура и увезла, что было хорошее, что рылась даже в смертном белье и пенсию выудила пропивать. «Хорошо, что Иван Иванович приходит, наварит на неделю каши. Сын его в алюминиевый бак воды принесет. Вот так и живу». О доме престарелых Сыгней Павлович и разговора заводить не хотел.

В конце марта деда не стало. Ходил по нужде во двор, а когда коряга-корягой – долго ли по холоду простыть. Мать уж и Ивана, и Машу пристыдила, внуков деда Сыгнея, детей дочери Любы.

Хоронили деда веселым весенним днем. Из мужиков собрались: я, Иван, Алексей (Машин муж) и Иван Иванович. После поминального обеда все разъехались по одному. Последние убирали со стола, перемыли в тазу посуду. Спальное ложе деда вынесли на улицу под на-

вес, а все хорошее уже давно вывезено. В избе остались лишь одни фотографии, на которых самыми молодыми были Люба и Михаил.

Но все это случилось позднее, а пока мы готовились к отъезду на Сухую Речку. У матери, очевидно, имелись кое-какие деньги. В предпоследний день мы с матерью ходили в центр на старый базар. Там в стеклянных крынках продавали зелёное конопляное масло. Но самое восхитительное оказалось в универмаге. Мать купила глубокую чугунную сковороду, потом в отделе, где пахло духами «Красная Москва», замечательную шевиотовую фуражку. По дороге домой я часто снимал ее с головы. Внутри она тоже хорошо пахла. Картонный ободок держал форму, в центре красовался фиолетовый ромбик с золотым письмом на темном атласе подкладки. Столько впечатлений, такой праздник! Пошел попрощаться с другом, что жил в водокачке. Его не было дома. Решил пройтись по улице, покрасоваться перед мальчишками. Те не заставили себя долго ждать. Откуда-то появилась тележка. Самый старший, дружелюбно называя мое имя, предложил прокатиться. Меня бодро гурьбой покатали, тележка понеслась, и какой-то злодей смахнул мое сокровище с головы. Я попросил остановиться. Остановили, посочувствовали, посоветовали искать. За какие грехи меня так наказали? Горе мое было велико. Плакал неужели, по-взрослому, так, что мать стала обещать купить новую и еще лучше, от чего я тут же на смерть отказался. Мне хотелось поскорей уехать из города от этих страшных улиц и барачков, от этого интернационала.

На следующий день к конторе на двуконной бричке приехали две сухореченские женщины. Погрузили сундук, узлы. Мать хотела забрать оставшийся уголь, но женщины торопились. Торопиться торопились, зато долго стояли у церкви, где на ее наружных стенах висели иконы, а на перекладине под новой тесовой кровлей висели колокола. В них постоянно звонили. Наконец тронулись, поехали вдоль улиц со старыми домами, где огороды обнесены штамповкой, редкими досками, колючей проволокой. Подъехали к светлой речке. Кони остановились, стали пить воду. Было видно, как стайки мелкой рыбешки снуют зигзагами по течению. А там,

где по самодельным сходням переходили люди с другого берега, сидел пожилой мужик, выставив напоказ зеленую карболитовую ногу. Он кричал, словно заблудившийся в лесу: «Люди, помогите герою гражданской войны, партизану отряда Мамонтова!»

За Искитимкой по одну сторону далеко виднелись деревянные двухэтажные дома, а по другую – роща берез, откуда доносилась траурная музыка духового оркестра. Взобрались на Плешковскую гору. Город оказался внизу, а вокруг простирались чёрные картофельные поля, размеченные белыми колышками. На свободных от пашни местах пасли скот. И вскоре – уже одни поля и цветущие пустоши, берёзовые рощи. А вот и – амфитеатром – лог с огромным вкопанным в землю баком. Меня поражает поросшее мелкой травой пространство с одинокими кустами боярышника.

Вдоль ложка протянулась цепочка крошечных сарайчиков, крытых камышом, с окнами, расположенными вровень с землёй. Мы с сестрой, потрясённые, подъезжаем к глиняной, совсем без крыши сараюшке. Тпру-у. Кони остановились. Разгружайте. Это и есть наш приют. Здесь мы будем жить. У соседней избушки жалобно блеет привязанная к плетню коза...

СУХАЯ РЕЧКА

Сухая Речка – она и есть сухая речка. Ложе её всё в зелёных кочках, поросших осокой. Кусты тальника все чаще и гуще уходят по условному руслу во всё хлюпающее, сырое, что и собирается в тоненький самостоятельный ручей. Там действует водяная скважина, являющаяся основой животноводческого посёлка. А самое начало, где предполагаемый исток – это полуцирк с просторной ареной, в середине которой вкопан посиневший от времени лубяной чан, собирающий воду, и ветхий деревянный желоб – корыто.

До войны и в войну в таких вот местах всегда стояли на сотню голов коровник и несколько убогих землянок. Все поближе к воде, к сенокосу

сам и пастбищам. Местечки так и назывались: Старая База, Новая База, Шагаевка, Нагульный. Например, на Новой Базе бил холодный ключ. Там стоял барак для рабочих поселка, пара скотных дворов. Действовала молокобанка.

Центр поселка Сухая Речка в самом начале второй половины двадцатого века имел несколько беленых известковой домов под красной черепичной кровлей и, конечно же, коровники и телятники тоже под крышами из красной черепицы. Видно, немецкие военнопленные, работавшие в областном городе, что был в пятнадцати километрах, изготавливали её на кирпичном заводе. И белые дома с немецкой кровлей, и скотные дворы, и клуб с магазином, и бараки, и саманная мастерская с жилым подселением в торце, и школа с учительским домом, и Нахаловка с копеечной мелочью жилищного существования – все это разграничено пустырями, на которых растёт то дикая конопля, то лопухи да белена, и полынь. В этих пространствах пасутся стада гусей, кочуют животные мелкого сословия: овцы, козы, да и в большом количестве. И опять же почему? Да ведь не каждому двору положен хотя бы и маломальский покос. Все по занимаемому положению: бригадирам, трактористам, комбайнёрам, возчику-заправщику горючим Чухареву, а водовозу, печникам, скотникам, чувашам да татарам в последнюю очередь. Не колхоз ведь, а государственное предприятие, и всё перво-наперво в интересах казны.

Нахаловка – это улица на одну сторону, с жилищами со всеми видами выживания. Здесь и срубки из тонкомерного бревнышка, горбыльковое, саманное, глинобитное, плетнёвое – камышовое устройство. Продольный склон от избушек до ложа сухой речки занят огородами, в окончании которых обычно сажают капусту. Там же и колодцы, вернее, накопительные ямы для воды. Вода, между прочим, мягкая, хорошо утоляет жажду и промывает волосы. Зимой ямы утепляют кирпичиками твёрдого снега, устраивают шалаши от заносов.

Почему я хочу показать эти формы бедности, предметы нищенского существования людей. Но разве стол тайной вечера был завален яствами? Разве ученики Христовы объедались дели-

катесами? Ведь патриарх Иерусалимской церкви Зосима пошел искать истину не в город Рим, а в общежитное место нищих старцев. Кельи, в которых они молились, тождественны хибаркам Сухой Речки. Всё легче для поступи истины Христовой. Какая-то радость постоянная от созерцания этих бесконечно светлых далей. Вот и полвека прошло. И жизнь поселения этого места проступает уже на небесных свитках, а судьбы ушедших, упокоенных встают во вселенской летописи достойных, и божье наказание томится, густеет над недрами земли. Грех видевшему сие видение промолчать об этом, покарание Господа, показавшего и уразумившего.

Население Нахаловки такое: жены погибших командиров, вышедшие замуж за бывших пленных, бывшие блокадницы Ленинграда, репатрированные, кочевники, раскулаченные, смывшие на стройках первых пятилеток свой позорный чин. Послушаешь их рассказы, и судьбы в этом тонком мире с оранжевыми купальницами и золотистыми вербами в логу, с цветами адониса, клубничниками и гвоздичками встают паче египетских пирамид. Не будь таких потрясений, как война да атомная угроза, а только мир да любовь, то всё вышеописанное сливалось бы в вечное и нетленное во все времена.

Но даже население Нахаловки мало изменило среду обитания. Вдоль телегами накатанных дорог растёт сочный птичий горец. Его полно и на полянках около жилищ, так что стада гусей далеко не уходят. Одно лето посеяли за дорогой овес на зелёнку, скосили, сметали в зароды, так гуси так объели основания, что те рухнули после хорошего ветра. В районе накопительного чана по обеим сторонам на склонах пасут рабочий скот и табун казённых лошадей, но и эти поедали трав жмутся ближе к ложбине, пасутся по низам. Так что и щавеля по весне, клубники в июле и костяники в августе премного, а за Нагульным собирают вёдрами. Коровьи лепёшки и конские кучки не пропадают, не прорастают травой. Обитатели Нахаловки всё подберут на кизяки и удобрение огородов.

Зимой у чана наматает много снега, и он изрыт весь заячьими норами и густо усыпан пометом. Самые первые проталины появлялись

на склонах за Нахаловкой, и первые жаворонки вносили живое звучание. Они пели и тогда, когда неожиданный и всегда густой снег снова засыпал эти проплешины. А потом все чернело, зеленело, желтело, бурело. По зерновым нивам дизельный трактор и пара стальных колёсников таскали комбайн с копнителем. Из последнего интервалом в несколько минут сбрасывалась копна жёлтой соломы. Радиоколокол соседнего поселка Октябрь иногда далеко по всему этому миру разносил прекрасные мелодии музыкальной жизни. С детства я хорошо их запомнил, и как потом оказалось, это были мелодии из «Серенады солнечной долины» Миллера, произведения Гершвина, Дунаевского.

Прошёл год с тех пор, как я живу на Сухой Речке. Я никогда не думал сосчитать, сколько жилищ в этом благословенном месте. Если следовать от центра посёлка, то усадьбы Краснопёрова и Белослуцевых огородами выходят на жилища Нахаловки, а фасадами домов глядят на противоположные, вдоль основной дороги, дома. Но и их раз-два и обчёлся. Прошлым летом от плетня Белослуцевского огорода до жилища Иванова Петра какой-то шустрый мужичонка загородил санями и телегой путь, и, когда Пётр подкатил на тарантасе с разубранной в ленты и цветы невестой, потребовал выкуп. Вышла мать Петра с бутылкой водки и кусками хлеба и сала, набулькала полный гранёный стакан вымогателю. Тот тут же выпил, закусил и освободил дорогу. На открытом воздухе были накрыты столы. К вечеру закипели пляски, и было видно, как молодые женщины трясли полными грудями, да так энергично, что мне казалось, они вот-вот оторвутся. На другой день Пётр с молодой женой, празднично одетые, шли в самый конец Нахаловки. Пётр в чёрном шерстяном костюме, невеста тоже в новом костюме с короткой юбкой и в хромовых сапогах, оставлявших обнажёнными белые полные икры. Шли в обнимку. И что им искать интересного в этом походе? Кузнец Григорий Сухой – самодовольный, скупой. Огневы, так что-то сомнительно. Горифулины – татары, Ивановы – чуваша, голь перекачанная. Бурцев вообще человек несерьёзных занятий, а Пётр всё-таки бригадир овощеводческой бригады.

Первым в порядке домов Нахаловки дом Галяма Галимова. Вернее, не дом, а крепкая изба, крытая листами оцинкованной жести. Но не подумайте, что всё аккуратно, что сработал крышу опытный жестянщик. Железо из бывших в употреблении бочек, и всё прибито гвоздями внахлёстку. У дяди Галяма – горе непроходящее. Спустя четыре года после Победы он похоронил сына-летчика, орденосца. Говорят, что осколок подступил близко к сердцу, что осталась молоденькая черноглазая жена-красавица с маленькой дочкой. Предание о герое равно славе генерала Колпакчи – героя Великой Отечественной войны, похороненного в Москве.

У дяди Галяма – дочь Катерина и сын Миша – ученик четвёртого класса начальной Сухореченской школы. Таких, как Миша, в посёлке более десятка. Эти мальчуганы поступают в школу после восьми-девяти лет, учатся по два года в каждом классе, вступают в пионеры. Потом, повозив зиму на подводе перегной для питательных горшочков, уходят в прицепщики и далее с повышением на курсы трактористов.

Начиная с первой избы дяди Галяма в Нахаловке, что-то немного сбился, скривил линию повествования. Начну же я со своей саманной хижины. Её мы купили за тысячу двести рублей у конюха Новосёлова. У кого под рукой лошадь – это большое дело. Можно огород унавозить и дрова подвести, и травы охапку-другую с будущего покоса выхватить, и глину с соломенной резкой на саман натоптать, что Новосёлов и сделал. На хорошую кровлю денег не хватило. Он сделал крышу плоской, засыпал перегноем и уложил пластами дёрна. Со временем строение как-то обветшало, обросло высокой травой, из которой торчит труба в четверть кирпича со старым ведром без днища на оголовье.

Большая часть жилища построена по навыкам севастопольской обороны времен полуторавековой давности. Забивают колья по всему периметру будущей хибары. Плетут из свежего хвороста двойной плетень и всё тщательно пробивают вязкой глиной изнутри и в середине. Снаружи обильно не обмазывали, и, между прочим, было уютно в этом коробе – своеобразной корзине, где и сени, и стайка для животных – всё заодно.

Так было и у соседки через жилище Ульяны Козицыной. Перебралась она в него по нашей первой сухореченской весне, купив строение у овдовевшего деда Иванова.

Хотя он был и не дед, а красивый пожилой мужчина. Был опрятен, говорил слово «наука», любил строгость, часто вспоминал предания об обучении во времена Ушинского, Богданова-Бельского, когда провинившихся ставили коленями на соль да горох. Его старуха умерла вскоре после нашего приезда. Он достал сундук и представил взявшимся за похоронные хлопоты женщинам всё, что было отложено ею на смерть, со словом «действуйте», а сам пошел на улицу под весеннее солнце. У плетня стояли соседи, вздыхали. Иванов то и дело заходил в избу, скоро выходил и докладывал, как на военном совете:

– Платье одели. Полуботинки надевают.

Для него самого вынимаемое из сундука было открытием. Девчонки из охапок оранжевых купальниц плели косы загодя, надеясь сохранить их в кадке с водой. В полдень следующего дня покойную на телеге с пением молитв повезли на кладбище по дороге вдоль плетня Булослуцевского огорода через поле в проветриваемую ветрами березовую рощу. На могиле сына Галямова, героя-летчика, стоял памятник, окрашенный светло-синей краской, с красной звездой. Рядом маячила в кустах шиповника ржавая железная тумба на могиле бывшего бригадира со Старой Базы Прохорова. На неясной уже фотографии он в дождевике с поднятым капюшоном, усатый и страшный, как бабай. Говорят, в этой тумбе кладовщик Галактионов нашёл рой пчёл и вытащил из неё около пуда дикого мёда. Пчёл переселил в новую колодку, а мёд употребил в пищу.

Не прошло и девяти дней после кончины супруги, как старик Иванов продал жилище Ульяне Козицыной и сошёлся с Анной Ивановной, перейдя жить в плетенку по правую сторону, а может, левую – это как поглядеть. У Анны Ивановны была дочь – учительница начальных классов Кузнецова Галина Прокопьевна, которая жила в Елыкаево, и ещё дочь – рыжая Рая Волкова. Идиллия продолжалась недолго. Старик Иванов переехал к сыну в Новостройку, а рыжая Рая Волкова с матерью поселилась в торце мехма-

стерской в освободившейся комнате. Плетенку купила Арина Дьяконова. У неё была взрослая дочь Сима. Она ходила в крепдешиновом платье, туфлях на высоких каблуках, вся гибкая, вертлявая, играла на гитаре и курила папиросы «Спорт» или «Бокс». Как-то ближе к осени Симка устроила пожар, но плетенка, словно сырой кизяк, пошла дымом, и её успели затушить. Видать, Симка рылась в сундуке с горячей самокруткой. А махорка, она стреляет угольем прилично. Погорели кружева да часть стены.

Наши самые что ни на есть кровные соседи – это супруги Масловы: Ирина Илларионовна и Иван Трофимович да дети их Тамара и Валерка. В тот год, когда я с матерью и сестрой приехал на Сухую Речку, Тамаре шел тринадцатый год. Валерка ещё ползал и постоянно сосал материнскую грудь, вплоть до самой школы. В народе, может, и было слово, определяющее таких детей, но, видно, оно произносилось во времена Аввакума, а во время переворота да колхозного строя, когда постоянно голод, грудью ребенка не раскормишь. Сейчас же при стрессах да нарушенной экологии хорошо бы кормящей матери и до года дотянуть кормление ребенка. Легко назвать такое чадо «сосун», но ведь это слово ещё и занозистое, из разряда слов «растяпа», «засрапец», «соплюн».

Ирина Илларионовна – вдова красного командира, эвакуированная из Сталинграда с маленькой дочуркой. До войны жила в Сталинграде и выехала оттуда, когда всюю шли бои и бомбежки. Добралась до Кемерово. На пункте распределения могла попасть на ГРЭС, Коксохим, азотнотуковый и остаться в городе, но приехал директор совхоза Бакановский и командировал часть эвакуированных в своё хозяйство. Ирина Илларионовна попала на Сухую Речку, где ей было устроено койкоместо в келье барака на Новой Базе. Так до конца войны и в голодные 1946 и 1947 годы – на картошке, семечках, киселях из овсяной дроблёнки. А когда и молока от казённых коров отцедит, да иногда на праздники мяса выбракованных коней выпишут.

Иван Трофимович после долгого изнурительного плена в самой Германии приехал на Сухую Речку после войны. Работал сторожем, заменять

ночного скотника у него не хватало сил. Жил прямо в коровнике бабай бабаем. Ирина Илларионовна заметила Ивана Трофимовича, узнала, что он одного с ней возраста, что до войны так и не женился, работая на стройках в Астрахани и перебиваясь на топчанах в общежитиях холостяков. В первые дни войны забрали его на фронт копать окопы. Там и попал в окружение, так и не надев формы бойца Красной армии. Ирина Илларионовна привела Ивана в свою келью, что на Новой Базе. А так как ему, ставшему полным кавалером после получения должности ночного скотника, полагалось койко-место, то это место он и получил в келье Ирины Илларионовны. Келья была с печью и плитой на один кружок. Ирина Илларионовна из совместных денег скопила на новую фуфайку, нижнее бельё и хлопчатобумажные брюки. Иван стал питаться более-менее нормальной пищей. От этой пищи он вскоре заболел, распух и лежал как колода. Рабочие, что суетились на Новой Базе, говорили:

– Зачем он тебе? Скажи начальству, пусть отвезут в больницу. Сдохнет,

затрат тебе будет меньше, а то одни хлопоты.

– Сдохнет, похороню по-человечески. Выздоровеет – поженимся, – отвечала Ирина Илларионовна.

Иван выздоровел. Ирина Илларионовна вышла за него замуж. Болеть-то Иван начал в начале зимы, а вылечился только на другой год к осени. Всю весну и лето его, как былинку, качало от ветра в разные стороны. Выпросила Ирина Илларионовна ходок-бричку да пару быков. Поехали они по березовым колкам, нарубили потолще берёз. Бакановский выписал полкуба пиломатериалов на окна и дверные косяки. И стала чета Масловых Иван и Ирина городить в Нахаловке свое жилище.

Мы приехали на Сухую Речку вечером. Сгрузили манатки: койку, сундук с бельем, сверток с постелью, кухонный стол, кое-какую посуду, – вот, наверно, и всё. Прогнали стадо. Впереди шли бородатые козы, за ними овцы, за овцами телята, за телятами мелкие коровы, а за мелкими – уже тучные, медленные, каждая с полным тугим выменем. Скоро стало темно. Пришли соседи, посидели за пустым столом,

пожелали лучшей жизни на новом месте. Ирина Илларионовна принесла в крынке удой от козы Белянки, а так как мать из города привезла булку серого пшеничного хлеба и калач, то семья хорошо поужинала. Лампочка горела вполнакала, и света было мало. Затриликал сверчок. В пустой комнате при свежем воздухе, голых стенах его триликанье было особенно пронзительным.

Утро было воскресным. К полудню пришли познакомиться наши сверстники: Огневы, Горифулины, Бурцевы. Я охотно распрощался с жестяным легковым автомобилем и медным паровозом с вагончиком, за что получил большое уважение и внимание. Подружку сестры звали Лена. Гена Огнев держался ближе к девочкам, так как был их одноклассником. Я был с Горифулиным Борисом. Все пошли в поле собирать цветы. Пошли за кочковатый лог в гору, за пахоту на Нагульный. Там был рай. Сердце ликовало. Густой ковёр оранжевых купальниц-огоньков, незабудок, жёлтого горлицы, кукушкиных слёзок. Девочки плели венки, украшали цветами головы. Придя домой, цветы расставили по всей комнате в банки с водой. Заняли цветами и большую кастрюлю.

А день воскресный продолжается. Вот идут трое парней в шевиотовых костюмах. Брюки, по-флотски широкие, скрывают носки ботинок. Идут с гитарой, поют что-то такое: «Человек, человек». Без песен не может никто. Песни как перегретый пар в паровозе. Надо открывать клапан, стравливать. Прислушаешься – тут поют, там поют, везде поют.

Вот двое подростков на одинаковых гнедых конях. Ехали вроде спокойно, разговаривая между собой. Вдруг что-то ударило обоим в голову. Стали хлестать по бокам туда-сюда коней ремёнными удлинителями поводьев. Кони пошли крупной рысью, неуютно подбрасывая ездоков. А те локтями, точно обрубками, встряхивают да встряхивают, точно готовясь к полёту. От хлестанья и пришпоривания каблуками кирзовых сапог кони вынуждены перейти в ленивый галоп, и ещё больше стали встряхивать всадников. А так как они ехали голышом – без седел, то казалось, что должны были вот-вот сорваться, точно призрачные шары в надутых от скачки ветром пузырями рубахах. Доскакав

до конца Нахаловки, повернули коней, поехали шагом обратно в совхоз.

Цветет черемуха, цветут во всю огоньки. Дочь Ирины Илларионовны Тамара сдала последний экзамен в школе и приехала на каникулы со своей городской подружкой. Они ходили на гору, за болото собирать вылезший из земли щавель. Набрали по несколько пучков. Из листьев щавеля сварят зеленые щи, заправят маслом, накрошат яиц и будут хлебать с пресными домашними лепешками. А пока что Тамара со своей подружкой-однокашницей поют модную песню:

*Тихо сидели под веткой сирени,
Слушали песнь соловья.
Щёчки её, будто розы, горели.
И я зарыдал, как дитя.
Вяжите мне руки, вяжите мне ноги
За то, что её я любил.
И мне, как бандиту, расстрел прикажите
За то, что её я убил.*

Ирина Илларионовна, ставшая Масловой, с выздоровевшим Иваном сотворили свою избушку из берёзовых стволов. Иван мало-мало срубил стены, поделив пространство на кухню и комнатушку с одним окном. Стены обили дранкой, то есть половинками хворостин, хорошо умазали и побелили. Половинками берёзовых стволиков накрыли потолок. Внутри обмазали глиной, смешанной с конским навозом, снаружи залили жидкой глиной, заложили дерном. Сложил Иван и печь. Со временем из списанного гнилья устроил холодные сени, в правой половине которых обитала коза Белянка со своим потомством. Она часто была суячной, зимой разрешалась от бремени парой козлят. Потомству давали клички – Январька, Февралька. За лето они набирали вес, и к Новому году козлят кололи. Ирина Илларионовна выделяла козьи шкурки, шила примитивно шапки, душегрейки, носила их дома и походила в этом на Робинзона Крузо.

Некоторое время Ирина Илларионовна сидела с Валеркой. Да и не сидела, а зимой ходила за гору в березняки посёлка Октябрь за топливом. Пилила, колола дрова, варила галушки, щи на сале, пекла лепёшки из помолотой не покупной

муки, варила в мундирах картошку, делала крахмал, готовила кисель из сушеной клубники. Когда стояли морозы и казалось, что землянки не выдержат такой холодной лютости, Ирина Илларионовна с большим трудом открывала в избу набухшую сыростью дверь. В избе было жарко, словно в бане. Иван всегда после ночной работы мечется на койке, весь в поту. От чугуна, в котором варятся какие-нибудь клёчки с картофелем, идёт такой пар, что на кухонном и комнатном окнах, на стёклах, обильный конденсат.

Ирина Илларионовна стремится жить как добрые люди. По её понятию это: завести корову, выкормить к Новому году кабана. Это – стадо гусей, куры, утки. С картошкой, капустой, бобами и горохом у Ирины Илларионовны все в порядке. Картошки полный погреб. Гороха и бобов целый мешок нашелушивает, да мешок подсолнечной и тыквенной семечки всегда имеется. Летом три-четыре клуши запаривают кладки яиц. Кругом во дворе цыплята, но гуси что-то не идут. Гусыни плохо несутся, а что снесут – болтуны. Во всем нужен опыт. А какой опыт, если смолоду в прислугах да горожанкой, женой командира была. Пойдет к соседям, что на «людей» похожи, а там платье новое, глядишь, затевают. На столе отрез тонко-шерстяной ткани раскладывают. Ирина Илларионовна вспомнит молодость, вспомнит, как жила в прислугах у директора сахарного завода на Волге, станет соображать, подсказывать. Женщина, взявшаяся шить платье и промышлявшая этим ремеслом, возьмет и отбреет подсказчицу.

– Ты гляди, какая проворная. Что, модистка, небось? – спросит охваченная обидой Ирина Илларионовна.

– Да, модистка! – гордо ответит баба, взявшаяся шить платье.

Потом Ирина Илларионовна жалуется соседям, что победнее, голь перекатная.

Есть у неё одна подруга. Это Мария Куликова, что живет на Новой Базе. Бывает, на телеге привезёт её муж Бармалей целый выводок бармалят. Посудачат Ирина с Марией, Бармалей с Иваном попытчат самосадам. Выпьют по паре стаканов Иришиной кислужки и поехали опять домой на Новую Базу. У Бармалея сын-жених и дочь

старшая скоро невестой станет, а тут – разрыв, и мелочь пошла. Вторая телега нужна, чтобы всех перевозить. Лицо у Бармалея страшное, ровно горелая головешка. Говорят, он детей строгают. Вон сколько настрогал!

Мне седьмой год, и деторождение я понимал так, что в каждом доме оно происходит по-разному. Те, что самые ладные и красивые, дружат, сходятся, женятся. Потом ложатся на перину за ширму, как у Галимовых, там целуются, обнимаются, молят Бога о спослании им дитя. И, наконец, в роддоме, а то и просто у себя дома появляется на свет человек. Когда жили в городе у деда Крёкова, мне объясняли так: Бог сотворил людей из глины. Налепил, потом оживил, дунув святым духом на неживые фигурки. Те и пошли делать то же самое, начиная лепить, как Создатель, глиняные куколочки и оживлять в животах женщин. Так и отец мой, Чудов Артемий Елантьевич, слепил меня и, ровно горшок в печь, особой магической манипуляцией внедрил в живот моей матери, чтобы я там намокал, разбухал и оживал. То, что Бармалей строгают детей, я понимал в буквальном смысле этого слова. Мне казалось, вот он пришел домой после тяжелой работы на скотном дворе, конечно, умылся, поел картошки с капустой и, уложив детей спать, сидит у печи, подбрасывая в топку хворост, и при отсветах, что проникают сквозь щели топочной дверцы и кружков, угрюмо строгают заготовку – твердое берёзовое полено своего будущего дитя, как папа Карло – Буратино. Мне кажется, что и Иван Маслов так же творил Валерку, как Бармалей, творил долго, видно, имел очень малый опыт.

Зима первого года нашей жизни в Сухой Речке была и метельной, и холодной. Еще осенью приехала тётка Тася со своим Володенькой. Тётка Тася стала печничить, Володенька пошёл к ней в помощники. Вспоминали Томуса, что на юге Кузбасса. Как там ловили рыбу, ели колбу, жарили опята. Рассказывали о том, что у них была комната с отдельным входом, что заедали клопы. Так бы и жили, ловили щук и хариусов в Томусах, да Володька – психованный, поругался с начальством. Вот и приехали на Сухую Речку. Зеку разве угодишь.

У Володи сундучок. В нём напильники, шильца, крючки, дратва. Из медной и алюминиевой проволоки дядя Володя делает на зубы коронки, из проволоки стальной – спицы, вязальные крючки. Мастерство дядя Володи сразу озарило своим светом Сухую Речку. Парни на танцах в клубе притворно улыбаются, обнажая латунные фиксы. Жены комбайнеров просеивали грубую муку квадратными ситами, изготовленными дядей Володей.

Наросли сугробы. Дядя Володя петлями стал добывать зайцев. После удачной охоты – готовить еду, и есть стали отдельно, но топливо было общее. Дядя Володя привозил в плетёных коробах с шахты «Ягуновская» мелкий, точно земля, уголь. Усы его, тщательно лелеемые, становились ледяшками, и, срывая ледяшки, дядя Володя матерился. Обматерил он и Ирину Илларионовну. Распсиховался, когда она, зайдя в гости, на кровать разоблачила Валерку. Психовал дядя Володя припадочно. Раз, ещё до Нового года, он, схватив сундучок с инструментом, ушёл жить к Коротчихе. Но с толстой Коротчихой ему не пожилось, и он пришёл назад. Тётка Тася с дядей Володей, помирившись, лежали, открыто вытянувшись на койке, как два покойника.

В первую зиму, когда на улице совсем рассвело и было за тридцать градусов мороза, сотрясая мерзлую землю, шел вдоль Нахаловки трактор ДТ-54 с просторной платформой не на кованых железом полозьях, а просто на тракторных санях. На санях, ухватившись друг за друга, напряжённо стояли в чистой одежде сухореченцы.

– В цирк поехали, на дневное представление, – объяснила Анна Ивановна, забежавшая попроведывать, а, скорее всего, – перезанять.

– В цирк! И мороза не испугались, – вставила мать.

К обеду в двери хибарок Нахаловки стали стучаться подростки и даже взрослые. Люди так замерзли, что едва дошли до Нахаловки. Они долго отогревались, прижавшись к обогревателям печей или сунув ноги в духовку. Рассказывали, как сломался трактор на половине пути, как мерзли, ожидая исправления поломки. Трактористы жгли солярку на факеле и голыми руками брались за стальные ключи, откручивая и закру-

чивая гайки. Когда все поняли, что безнадежно опоздали, то пошли отмерять эту половину пути домой пешком.

По первой капели ясным утром супружеская чета Козловых, Владимир и Анастасия, погрузив на саночки свое имущество, поехали в город, опять вербоваться на работу.

По первой капели у Козицыных отелилась корова, и Колька, которому пошел восемнадцатый год, пригласил меня есть молозивое молоко. Молозиво – это первый удой после отёла коровы. Молоко густое, его варят, и оно напоминает омлет. У Козицыных меня обильно угощают молоком, спрашивают, что я ем дома. Я охотно говорю, что дома ем фасолевый суп, овсяную кашу, молочную лапшу, что молоко мы берем у Ивановых, и что за пол-литра старуха Иванова ставит маленькую, а за литр – большую палочку, что у Масловых меня угощают картофельными галушками и лепешками.

– То-то у Иры Иван желтый, как репа, – говорит Ульяна, и все хохочут на всю избу.

Ульяна Козицына уже немолодая женщина. Дети её, Николай, Анатолий, Лизавета, произведены во второй, предвоенной пятилетке. Вдовью пустоту как-то понемногу озвучивает бывший узник концлагерей Воцилин. Ульяна дружит с Воцилиной, у которой две послевоенные девочки. Воцилин помогает Ульяне в мелком строительстве, заготовке сена. Врытая в огородный склон банька – дело рук Воцилина. В бане груды круглых камней нагревают костровым огнём, да так, что и соседи не один перемоются. Хорошо, что вода рядом и жар стоит.

О военном лихолетье Воцилин говорит с пафосом, как человек, наделённый большими государственными полномочиями, с большой трибуны, обличающий несознательную вредную толпу. Если он рассказывает про концлагерь, то всё у него стреляющее, лающее, смертельно колючее, топот деревянных колодок заключённых. Ещё мгновение – и оживет, и потечёт по всему видимому пространству в живой действительности всё рассказанное. Вскоре он перешёл жить к Ульяне. Она в своих одежках походила на молодую старушонку. На деревянной кровати с самодельными пружинами, сработанной Во-

щилиным, пара завела дочку. Кольку на другой год забрали в армию. Лизка уехала в город и там вышла замуж. Толику года через четыре выдали белый билет по причине недобора веса. Женился Толик рано, взяв в жёны девицу по фамилии Кашлева.

Конечной землянкой в Нахаловке была землянка Бурцевых. Чем занимался Бурцев на Сухой Речке, я не знаю. Запомнилось только то, что картошку с поля он увозил по снегу на санях россыпью в плетёном коробе. На поле он выращивал сахарную свеклу и варил из неё какую-то хмельную бурдамагу. Жена его, Надя, звала мужа только по фамилии. Я так и не запомнил его имени. «Мой Бурцев», «моего Бурцева», «с моим Бурцевым».

Бурцев сошёлся с Надей, когда у неё было двое детей: сын Митя и дочь Лена. Родилась совместная дочь Валя. И если я пропадал первое лето у Ирины Илларионовны, то сестра моя Галя от Бурцевых не вылезала. Вместе с Леной – куколочки, тряпочка, ягоды, цветочки.

Бурцевы держали больше десятка коз. Был у них и козёл-производитель, специально выменянный на пуховую козу. Надя вязала шали и продавала их на базаре. Митька сидел дома, окончив начальную школу, так как вакансии водителей перегноя и водовозов были заняты. Бурцевы держали двух собак, северных лаек. Весной вычёсывали шерсть, зимой на санях с прибитыми на полозья лыжинами Бурцев заготавливал и транспортировал на собаках краденый в колках «Октября» березняк. Тут же пилил и колол на улице. Поленья складывал и носил на вытянутой руке. А когда кто-то из домашних помогал ему, то на вытянутой руке помощника, того же Митьки, вырастала перед лицом выше головы целая поленница. Это был почти цирковой трюк. Распахивали все двери землянки. Митька спускался в землянку на четыре ступеньки, шёл сенями в виде коридорчика, по сторонам которого были клетки для коз, заходил в избу и у печки обрушивал свою ношу. В эту же зиму у Бурцева жил товарищ детства, однокашник, вместе за партой сидели. Этаким разрисованный дядечка. Однокашник, два класса и один коридор на двоих. И как только все умещались в такой крохотной землянке.

Вот и зима прошла. Уже и лето подкатило ко второй осени моей молодой жизни в Нахаловке. На Сухой Речке я – самая заметная фигура. Ещё бы! Я знал множество песен, знал классиков детской литературы – Корнея Чуковского, Агнию Барто, Маршака. Осенью, когда начинали косить овес и пшеницу на зерно, когда на зерносушилке образовывались желтые кучи зерна, парни-возчики, поймав меня на улице, сажали в бричку и везли на поля. Вот подъезжаем к уборочному агрегату, формированию, так сказать. Формирование останавливается на перекур. Сходят с колесников тракторист, комбайнёр с прицеппиком, рабочие с копнителя. Я даю импровизированный концерт. Читаю с выражением: «И никто даже с места не сдвинется, погибай, пропадай, именинница!» Пою песню «Грустные ивы» про героя-пограничника, погибшего в первый день войны. Меня угощают салом, сметаной, молоком, варёной молодой картошкой. Бывало, начнёт темнеть, станет холодно, а на тебе – только трусы да рубашонка. Закопаешься в теплое зерно и лежишь лицом к небу, рассматривая редкие звезды.

И зима та была морозная, метельная. Мать ходила в город за жирами и крупой и принесла мне лыжи, подаренные дедом Георгием Борисовичем. Он работал физруком. Метель была такая, что мать чуть не сбилась с пути. Хорошо, что шел трактор с санями и немного подвёз. А то в первую зиму в сильный буран потерялась доряка Катя Сироткина. Только в апреле увидел её объездчик. В кармане у неё был скребок для чистки коров и кусок хлеба, завернутый в газету.

А так интересного ничего и не было. К Грифулиным, что жили ближе всех к Бурцевым, придешь, там голые стены, едят одну картошку, запивая водой, и целый базар непонятной речи, что-то: «Сюк, сюк, сюк».

Той же зимой на выборах была драка в клубе. Хорошо, что не в школе, где происходил акт голосования. В драке участвовало много людей. Лопатили друг друга свинцовыми пятаками, ключьями рвали волосы. Отличались Виталька Гутов, Аришка Свиренкина. Ей помяли пятак голову. Её муж Анатолий, краснодеревщик, ушёл подальше, не вмешиваясь в драку. Ариш-

ка за то, что Анатолий не заступился, вдарил по лицу мужа так, что у него изо рта и носа шла кровь.

У Огневых старшего сына Мишку посадили ещё в наше первое на Сухой Речке лето, когда он спёр на матки крыши и потолка казённые брёвна. В то лето они стали строить новую избу. Вообще-то, он был заполошный. Раз свернул брочкой столб с проводами и чуть не загубил лошадей. Катя Огнева, его мать, всегда мочилась при детях и бабах открыто, по-мужски, стоя. У неё кроме Мишки были взрослая дочь Люба, Генка и совсем небольшой не то внук, не то сын Юрка. Постепенно население Нахаловки начало покидать первое поколение своих жилищ, строить жилища второго поколения. Строительный материал был весь старый: это обветшавшие столбы, изношенные полы коровников, гнилые срубы парников. И всё это нужно было приобрести по заявлению – выписать.

Весной 1953 года старший сын Бармалея Куликов Николай не женился. Последнее время он жил у отца на Новой Базе, окончив курсы шоферов. На Сухой Речке обещали посадить на «захара», там же вырешили комнатуху. Ну, чем не молодец! Когда учился на курсах и жил в городе, он познакомился с разбитной девушкой, работавшей на стройке и проживавшей в общежитии. Договорились расписаться и свадьбу справить у родителей на Сухой Речке. День регистрации вышел в самую распутицу и должен был состояться в городе. Невеста клялась и божилась, что встретит его, Николая, в общежитии. Они распишутся и умотают на Сухую Речку.

Рано утром по холодку Николай в дерматиновых сапогах, налегке пошёл в город на регистрацию. У Бармалея готовились к свадьбе. В избу Николая унесли будущим молодым перину, подушки, топчан. На свадьбу пригласили лучших своих друзей Масловых. Ирина Илларионовна с Иваном Трофимовичем шли на праздник, несли подарки: носовые платки и отрез красного штапеля на рубашку. В четыре часа дня пришёл Николай без невесты в расхлупанных сапогах. Невеста, как оказалось, раздумала идти замуж, и регистрация не состоялась. В утешение она поставила Николаю условие, что, если переберётся

он в город и найдёт квартиру, то она переменит своё решение. Так как собрался кое-какой народ, решили сделать выпивку, не пропадать же добру. Подали по полстакана водки, а там уже пошло и домашнее пиво, которое Бармалей разливал по стаканам из чайника. Как потом говорила Ирина Илларионовна, пиво было слабым и кислым, студень, сваренный из ножек и головы пятидесятилетнего поросёнка, жидким, а молочный кисель синим, словно пуп.

А ещё в первое лето надолго задержали зарплату, и женщины Нахаловки больше чем на полмесяца перестали ходить в город за крупой, сахаром и комбижиром. И только когда была смётана в зароды половина травостоя, когда прошла гроза с обильным дождём, к вечеру в контору привезли деньги. Выдавали медленно, народ в прихожей топтал грязь, обильно занесённую с улицы, давился толкучкой, наваливаясь на стол, за которым сидел кассир, приехавший с центральной усадьбы. Неожиданно заработал магазин, отмечавшийся постоянной ревизией. В нём продавались дорогие конфеты, ликёры, крабовые консервы и эстонские шпроты. В Сухой Речке знали все, что крабовые консервы употреблял ветфельдшер-коновал Малютин.

Солнце уже село за Казачий тракт. Осталась лишь красная полоска живого просвета. Дул прохладный ветер, и домой, передав родителям занятую очередь, шли быстрёхонько нахаловские девчонки в лёгких платьицах, холодные, словно ледышки, сравнимые с молодыми вербами. Я знал этих девчонок. Это была Фая, дочь толстой Коротчихи, Валя Краснопёрова и дочь жеребятницы Тани Зайцевой Вера.

Эти хорошенькие девушки жили в начале Нахаловки. Им было не больше четырнадцати – шестнадцати лет. Много весеннего, летучего видел я в их лицах. Все они одинаково сильно нравились, больше чем цветы в поле. Я не видел, с кем бы они дружили, только не с Анатолием и не с Николаем Козыриным, и уж совсем не с Мишкой Огневым, ещё бы этого не хватало.

«На зелёном лугу мы сидели. Целовала Наташа меня», – как-то пел Толька Козицын, но никогда он не провожал их домой и не ходил ни с одной из них.

С дочерью Тани Зайцевой, Верой, у меня завязалось близкое знакомство. Вера жила с матерью в хорошей избе с крытой тёсом крышей. Правда, окна были большими, видно, пошли на них парниковые рамы. В избе чисто побелено, обилие домашних цветов, только герани несколько видов расцветки: от ярко алой, бордовой до голубой. В сенцах – лавка с привинченным сепаратором, глянцевые подойники, глиняная керамика и кислотоватый запах свежего сливочного масла и пахты, много молока. Корову, которую доила Вера, Таня покупала на ГЭСовском подсобном, когда его ликвидировали. Вот и приехала в Нахаловку, чтобы легче было её прокормить. Корова удоиная, всегда по ведру при трёхразовой дойке.

Сама Таня устроилась на конный двор ухаживать за молодняком. У неё зимой сани, летом – телега, а ещё одноколка. Таня свистит, будто разбойник. У кого-то выкупила за бутылку четырёхколенчатый с кистями бич. В мягом синем халате, в кирзовых сапогах. Мне казалось, что Веру она сотворила из густых сливок. В семнадцать лет Вера Зайцева посадила у дома берёзку, и деревце года два мучилось, вращая в землю. Мучение проявлялось в крошечных всё лето зелёных листочках. К осени расцветали у Зайцевской избы китайские розы, бархатцы, георгины. В огороде – буйная картофельная ботва, прущая из унавоженной земли, и густосливочная Вера в коротком белом платье.

Всю зиму до выпасов Зайцева возила на корм молодняку овсяную солому. В денниках её питомцы постоянно яровали* друг друга, кусались, били нешуточно задними ногами, а Татьяна поразбойничьи свистела на них и громко щёлкала многоколенчатым бичом с кистями. Летом она пасла общий табун попеременно с Лёшкой Кошкарёвым, ездила рысью, взбивая подушку казачьего седла своей задницей.

Домашнее хозяйство полностью вела семнадцатилетняя Вера. Она давно закончила семилетку и собиралась поступить в техникум лёг-

* См. словарь В. И. Даля: *ярость* (заярывать, начать ярывать, яриться – о животных). Лошади ярятся, горячатся.

кой промышленности на мастера-модельера, но что-то всё не получалось. Я часто ходил к ней в гости. Она меня называла женихом, угощала рассольным сыром, а то просто пахтой и чёрным хлебом. Я всегда всё с чем-нибудь сравнивал, и Вера постоянно расспрашивала меня. Однажды я сказал, что Катя Галимова очень красивая, и я её люблю.

– Ты что, мне уже изменил? Ой-ой-ой! А как же я? – заохала Вера. – А ну пойдём, посмотрим, кто красивее: я или Катерина.

И она повела меня к Галимовым сравнивать. Катя Галимова была дома. Она сидела на кровати при раздвинутой надвое ширме нарядно одетая.

– Вот, Катька, твой жених, – весело заявила Вера. – Ну, кто красивее, я или Катя?

В Катерине было много торжественного, татарского. Я вспомнил песню «Хасбулат удалой» и козлика из сказки, на которого точили ножи булатные, и ответил Вере, что Катя красивая, но очень булатная.

– А я? – спросила с любопытством Вера.

– А ты, – ответил я, – ты, когда дышишь, то кажется, голуби взлетают высоко в небо, а потом возвращаются в тебя.

Веру я запомнил на всю жизнь в коротком белом платье. Время было беспокойное, после амнистии. В окрестностях бродило много лихих людей. Вот и брала она меня с собой по ягоды, на покос, на окучивание картошки. Мало ли что, хоть прибежит, скажет. Какие стаи белых голубей воображал я, когда она, сняв это белое платье, оставалась в лифчике на узких бретельках и тонких трусиках, окучивая картошку.

На сабантуи Таня Зайцева Веру не отпускала. Как-то Татьяна пришла с работы поздно, а на дверях дома замок. Соседи сказали, что видели Веру с девками, ушла, поди, в клуб. Таня как была в синем халате и кирзовых сапогах с четырехколенным бичом с кистями, так и пошла на вечерку. Первая домой прибежала Вера, а следом – мать с бичом в руках.

Дело то в том, что Ванька Непрозванов – детина, которому пора бы заканчивать службу в армии, – когда после танцев стали расходиться по домам, заграбастал девушку Раю. Она хныкала, а он вёл её в молодую поросль полыни. Парни и

девки только злорадно посмеивались: свой парень повёл чувашку. Так, со смехом, и испортил девку. Она бы и промолчала, но пошли разговоры. Мать наутро – на экспертизу к судебному врачу. Ваньку увезли в город и дали пятнадцать лет, как ни просили его родители Раю простить неразумное поведение сына. Только некоторое время спустя, когда я оказался у Козицыных и кроме Кольки никого не было, он, валяясь в постели, наполовину приоткрыв одеяло, показал мне толстый обрубок, обнажая и закрывая красную куколку, по-молодецки объяснил истинное назначение своего достоинства, то я понял, какая трагедия произошла с Раей.

Во второе лето, после окончания ягодного сезона в садах, мать надумала строиться. Плоская крыша саманки стала протекать, стена дала трещину ещё в первое лето и начала падать в наружную сторону. Собрав кое-какие деньги, мать выписала горбыля. Отобрав деловое старьё от саманки, стали сколачивать себе засыпуху. Горбыль чистить не стали, так как кора на деловой древесине составляла целую треть. Пазухи засыпали перегноем. На жерди и обрешётку пошёл тальник. На кровлю мать серпом нарезала камышовые снопики – тем и покрыли крышу. Приезжала тётя Тася, привезла духовку. Сложили небольшую печь с плитой. Кирпичи на печь пошли старые, да и я, собирая по всей округе, натаскал немало. Осенью тётка Тася со своим Володенькой покинули стройку на руднике, стало холодно спать на открытой веранде, а в жилище, как и в Томусах, заедали клопы. К Зайцевым ходить было запрещено. Пока строили избу, мать не работала, за что Таня-жеребятница упрекнула её принародно и назвала стахановкой.

И уже совсем осенью стала лепить избу Катя Бондарева. Помогал ей в строительстве тракторист Виталька Гутов, а так как Катя была из Маручака, а в Маручаке все бабы ладные, он, бросив на страдания свою первую любовь, перешёл жить к Кате. Ну а дети? А что дети, дети и с той, и с другой стороны – все наши.

Последнюю зиму на Сухой Речке мать работала дояркой. Пошла она работать по первому снегу. Вместе с Ириной Илларионовной я ходил «за гору» в березняки совхоза «Октябрь», и всегда пару хороших палок и прутьев на метлу

я доставал сам. Иван Трофимович из стволиков напильвал небольшие чурочки, раскалывал на плашечки и, нарисовав химическим карандашом точки, превращал в домино. Тюречки из-под ниток распиливали надвое и на расчерченной клетками фанере играли в шашки.

У Ивана Трофимовича было тепло, тесно. В чугушке варились гусиные потроха да домашняя лапша. Всё говорило о том, что в хозяйстве Ирины Илларионовны – подвиг. Она думала о стройке, с теми, кто был подобнее, делилась планами. Говорила о том, что откормит кабана, заколет на мясо и, продав козу Белянку, на все вырученные деньги купит корову. Мечты были весёлые. А в новых избах, по бедности очень просторных, пасмурный март проникал всю своим алюминиевым светом и отражался на алюминиевых чашках, кастрюлях, алюминиевом рукомойнике, на алюминиевом поганом тазу, на плетённых из алюминиевой проволоки хлебницах, вазах, подставках, алюминиевых кружках. Похлёбка в это время была овощная с поджаренным на хлопковом масле луком. И ничего страшного, когда споешь пару-другую песен, пропустишь сквозь себя прекрасный образ, когда ещё начало жизни, а впереди будущее, словно дорога в прекрасном раю.

Весной 1955 года Маслову Ивану Трофимовичу вручили медаль участника выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ). Медаль совпала с днём рождения. Перед майскими праздниками Масловы увели в город на базар козу Белянку и хорошо сторговались. Закололи кабана и удачно под праздник продали мясо. Ирина Илларионовна решила на Первое мая устроить праздник, наварила холодца, наделалапельмений, сварила в четырёхведёрной фляге брагу. Приехали с Новой базы Куликовы. Ребятишки лопали каждый за троих. Бармалей с Иваном, выпив крепкой браги на хмелю, принялись плясать. На гармошке играл Мефодий из совхоза. Он всегда обслуживал нахаловский округ. Места было мало – повыгоняли бармалей. Иван плясать не умел, а так, где по чему стукнет, да и Бармалей тоже. Кончилось тем, что распугали сидевших на гнёздах гусынь. Они, нервно загоговав, пошли на улицу проминаться. Ирина Илларио-

новна говорила достойно о том, что будет строиться, что у Тамары будет своя комната, будет зала, кухня.

Этой же весной Аришка Свиренкина опять разбила мужу в кровь сопатку. Ясное дело – баба горячая, а поработай вилами да потяни вручную соски, продаивая коров – невольно руки-крюки клещами станут. Ну, разбила да разбила – стерпится-слюбится. Но пошёл обиженный Анатолий в стайку проводку налаживать, его возьми и ударь током, да так, что и не откачали. Не знаю, кем приходился Воцилин Анатолию, но, узнав о его смерти, проснувшись утром в постели – а ему сообщили об этом прямо с порога, – плакал неудержимо, до судорог.

В эту же последнюю для меня весну на Сухой Речке ходила по Нахаловке старая сербиянка. Дояркам Маше Кудиновой и Полине Желудовой она набурбила про белые горы, желтые пески да бесплатные арбузы с абрикосами. Те вскоре после полочки умотали в Булунгур к своей знакомой, предварительно обменявшись письмами. Матери моей говорила что-то об огнях и спасении на новом месте. Приедешь, мол, не к худшему, а к лучшему и для себя, и для детей. Мать, осмотрев избу, подумала, что камыш сух, как порох, и намёк пророчицы был ясен. В выходной сходила в центр за «Октябрь», которому и подчинялся этот посёлок. В центре же ожидало самое главное: приличный угол и хорошее топливо. К этому времени вернулась тётка Тася. Она жила с Володенькой в Рубцовске. Вместе работали на стройке и жили в деревянном бараке, и, как всегда, их заедали клопы. Володенька не выдержал, поехал на новое место по окончании договора. На новом месте поругался с мастером, психанул и в психическом состоянии поранил топором обидчика, за что и схлопотал срок.

На первомайский праздник в школе устроили концерт с гимнастической пирамидой. Велико-возрастные болваны-двоечники пели песню о Щорсе:

Шёл отряд по берегу, шёл издалека.

Шёл под красным знаменем командир полка.

Спустя неделю после майских праздников мы уже шагали за телегой, нагруженной домашним скарбом, на новое место.

На новом месте пророчество оказалось правдой. Мать пошла работать дояркой, а животноводам давали всё в первую очередь: жильё, топливо, молоко и мясо под зарплату, только работай. Помню первое лето жизни на новом месте. Я приходил к Масловым погостить. У Ирины Илларионовны была уже дойная первотёлка, отелившаяся бычком. К покосу у Масловых была построена большая хавира – комната и кухня с тёплыми сенями. Потолки были низкими, и, если бы осуществили комнату для Тамары, то изба расплзлась бы, как блин. По случаю покоса Ирина Илларионовна велела Ивану заколоть овцу.

К этому времени Бурцев отбывал срок в Горной Шории в Южжубаслаг. Залетел на воровстве патоки. Сухореченские, все кому не лень, таскали ведрами патоку. Бурцев увёз домой целую флягу, чтобы выгнать на самогон. Судили его показательным судом. У Непрозванова, насильника, судя по разговорам, дело шло по классическому народному сценарию. Говорили, что в Ваню влюбилась дочь начальника тюрьмы. Начальник вызвал Ивана и предупредил:

– Будешь хорошо жить с дочерью – скошу срок. Обидишь – сгною в сырой камере.

С Иваном Трофимовичем ездили не раз на подводе за берёзовыми кольями под Шагаевку. С высокой гривы открывались дали. Синели отроги Салтымаковского хребта, блестела лента реки. С другой стороны пестрели колки берёз и треугольниками чернели шахтовые терриконы.

Хозяйство Ирины Илларионовны становилось все больше и больше. Подростал Валерка, но матери помогать не спешил: всё бы ему конный двор да бичи. Когда я бывал в гостях, то помогал, как мог. И пока я был мал, и меня не брали на серьёзные полевые работы, Ирина Илларионовна просила меня попасть группу телят, обещая заплатить салом и одеть с головы до ног. Имея изобилие домашних продуктов, она работала в совхозе телятницей, стараясь заработать стаж и выйти достойно на пенсию. В совхозе у неё была самая высокая сохранность телят и самые большие привесы. В доме вместо картин висели грамоты в рамках под стеклом, совокупно с Ивановыми. Иван к этому времени оставил

животноводство и подрядился варить битум для кровли, получая жалованье в ПМК.

В это время Сухая Речка стала опытным хозяйством от сельхозстанции. Строили двухэтажные дома на четыре подъезда, обещали красивую жизнь с тёплым туалетом, ванной с горячей водой и изобилие в продуктовом магазине. Ирине Илларионовне как передовой телятнице обещали двухкомнатную квартиру, где она мечтала отдохнуть от постоянного недосыпания и изнуряющего бесконечного труда.

В дни раннего юношества приходилось раз бывать на предвоскресных танцах. Девчонки одевались по тогдашней сухореченской моде в чёрные юбочки и мужские китайские рубашки с подвёрнутыми рукавами. Верховодил всем сабантуем Витька Чухарев, мой ровесник. Он ходил, как-то прищипывая девок, задавая тон, и было видно, что всё от него зависимо. Только одна Валя Степанова пришла независимая, раздольная в разговоре, во внешности, пела песни, привлекая к себе внимание. Но пришёл Мишка Останин, они ушли в живую ночь. И было видно, как мучился Гриша Тимофеев, хороший мальчик. Он даже не остался танцевать, а ушёл тихонько домой.

Вскоре после ухода Валентины в темноту стали просачиваться флюиды рассвета, и в сизой барачной неопределённости продолжались танцы. Было в этой предутренней заиндевелости что-то холодное, но никто не мёрз. Дочь ветеринара Мальцева, почувствовав зябкость и потерявшее всякий интерес гульбище, закапризничала, собралась домой, но схлопотала сильную пощёчину от Витьки Чухарева. Объявили по новому кругу, и пары начали кружиться. Парни держали руки на бёдрах девчонок, а те свои – на плечах парней. Всё было, как положено по чухаревскому уставу. Пары кружились под конец так, что казалось, вот-вот сорвутся с орбиты и полетят в тартарары, и разобьются вдребезги.

Где-то на исходе шестидесятых матери, работавшей в областной больнице, которая обслуживала район, на землях которого стоял город, сухореченские, приехавшие на лечение, сообщили, что Ирина Илларионовна умерла, не дотянув до пенсии четыре месяца. Они же говорили

о благоустроенной квартире, в которой Масловы поселились за полгода до болезни, да отступились от неё. Велела Ирина Илларионовна Ивану подремонтировать старое, чтобы ей там спокойно умереть.

И вот я спустя десять лет после кончины Ирины Илларионовны волею судьбы оказался на Сухой Речке. Ремонтируем отопительные котлы в стоящей на отшибе котельной. От жителей узнаю, что Иван жив, что живёт там же, в Нахаловке. Пошёл попроведывать в старую часть посёлка. Прошёл плотинкой. Дом Юдиных на последних воздыханиях, кругом простор, насыщенный ордынскими быльями. Дом Галимова всё так же крыт бочковой жостью внахлестку. В память о Вере Зайцевой стоит, склонившись, так и не развившаяся, постаревшая берёзка, а избы нет, и огород спрессовался в целик.

Конец лета, августовская особенная тишина. Иван дома. Он сидит на полянке возле новой избы, срубленной из пихтового тонкомера, в швах которой проложена камышовая сечка наполовину с соломой, и правит ржавые гвозди на куске рельса. Я громко здороваюсь, называя Ивана по имени-отчеству. Иван молчит и только правит гвоздь за гвоздём. Я ещё раз здороваюсь. Иван продолжает своё дело. Мне кажется, что вся эта нахаловская пустынь не территория данного совхоза, района, страны, но божий заказник, где в этой ягодной тишине покоится отлетевшая душа Ивана.

– Иван Трофимович, вы меня не узнали? – спрашиваю я Ивана.

– Ну и что, что узнал, – неожиданно отвечает он, окончив работёнку. – Ты чё здесь ходишь?

– Да вот молока хочу купить, – потрясаю я трёхлитровой банкой.

– А что, в посёлке молока нет, чтоб в такую даль переться? – говорит Иван, скручивая папироску.

Ему где-то много за шестьдесят, и я делаю открытие, что он божественно красив в скульптурном замысле, со смягчёнными божьей милостью чертами лица. Видно, Господь и посылает на поля испытаний чад своих возлюбленных, и ходят они до преображения в штопаном, мозолистые, беззубые, в фуфайках, едят по будням

пресные лепёшки, картошку да буряки, а ближе к Царствию Божьему, глядишь, и просияют, воплотятся в небесную чистоту.

– Поля! Поля! – крикнул Иван. Из избы к загородке вышла женщина. Я узнал в ней мать одноклассника Гришки Тимофеенко.

– Поля, – сказал Иван, – принимай гостя да по корми хорошенько.

Иван, взяв палку, пошёл посмотреть скотину, которая беспризорно паслась в районе чана.

– Я уже больше десяти лет как Иванова баба, – говорит Поля. – Вместе с Ирой работали телятницами, группы вели. Сначала доярками, потом пастушками. Сначала за сохранность получали, потом за привесы. И в дождь, и в холод пасём. Ира ещё хозяйство вела. Помню, пришли: Тамарка с девками своими на поляне на одеялах загорают. Иван голову мокрым полотенцем обмотал, гвозди из плах дёргает. Помидоры от жары завяли, капуста не полита. Схватится, бывало, Ира за вёдра – и так всюду одна. Поесть некогда было. Бывало, на собрании то пшеницу жареную, то горох грызёт. Всё говорила: «Ой, Поля, подруженька моя, скорей бы мне на пенсию. Я так устала».

И квартиру благоустроенную дали, да не пожилась. Заболела сильно. Говорила, что рыбная косточка в горле застряла. А на новом месте дверь на петлях не стоит: днём стучатся, ночью стучатся, утром брякают – житья никакого. То подай, то займи. Велела Ивану старую избу подладить. Он подладил, и отступились в Нахаловку, чтоб Ире было спокойно умереть. Когда ей совсем плохо стало, послала она за мной. Я и пришла, как всегда, села около неё, а она уже совсем плохая. Позвала Ивана и говорит: «Вот, Иван, я совсем плоха. Как умру, зови Полю. Она моя надёжная подруга. Она уберёт меня и поминки справит. Пусть тут же и остаётся – живи с Полей. Это моя просьба последняя».

– А Валерка? – говорю я. – Тебе жить надо. Валерку до ума довести.

– Валерку Бог доведёт, – ответила Ира.

Через два дня ко мне пришли из Нахаловки. Говорят: «Иди! Подружка твоя дух испустила».

Похоронила я Иру. Осталась с Иваном век доживать. Сняла деньги с книжки, купила Валерке

пару новых рубаш, брюки. Ивану то же самое. Оказалось, что всё она на городских тянулась. Каждый год на Ирину могилу я поминать ходила, Ивана брала, да он пьяный нехороший. Раз ходили мы с ним к Ире, а Краснопёров свою жену на кладбище поминал. Выпили, конечно. Иван меня к Краснопёрову приревновал, драться полез.

Поля показывала фотографии, где на тонкий высокий крест Ириной могилы облокотились во весь рост Тамарины дочки.

Домой я уходил старой дорогой по уже потерявшему направление Казачьему тракту. Там, за гривой, было садовое товарищество, и от него ходил маршрутный автобус. Я поднимался в гору, шёл травой детства, и на большом просторстве была только трава да одинокие низкорослые боярышники, как попустительство. Ни в Нахаловке, ни в старом посёлке не сажали деревьев. Деревья – это вехи времени: растут, болеют, сохнут, а трава – вечность.

ЦАРСТВО БОЖИЕ

С пенсионки баба Тася перво-наперво брала пол-литра водки и серый зельц. И уже потом – пару пачек растительного сала, минтай и другие «деликатесы», а картошка, капуста, помидоришки, выжившие в озверевших сорняках огорода, давали половину основы питания. Табак баба Тася курила самый дешёвый. Он был крепок, мало дымен, плохо насыщал душу, поэтому курить его приходилось часто.

Последние две зимы баба Тася жила одна и была полновластной хозяйкой ветхой избы, которая стремительно уходила в небытие. Многие избы, что были покрепче, и то смыло время. И всё примерно так, как у Шуры Гайнулиной. Сама умерла, сыновья, и старший и младший, по тюрьмам сидят. А дальше – сломали замки, развалили печь, выбили рамы, сорвали полы, разрушили стены, завалили мусором из больницы. Санитарки выбросили пару анатомирован-

ных собак с перевязанными бинтами лапами. Нижние Заречные снесли как-то враз – и чисто. Всем дали новые квартиры в панельных домах и общежитиях-«семейках». Провели центральную теплотрассу. Там, где кипела весь советский период жизнь, всё стало исчезать из памяти, вместе с вопросом: «А были вы? А жили вы?» И ответом: «И не были! И не жили!».

Баба Тася открывала свои многолетние тайны сестре Анне. Говорила о своём последнем муже, Володеньке. Он у неё в тюрьму и не садился, и мастера не порубил, а просто бросил её тогда в Рубцовске. Рассказала про соседа Фёдора и про не любившую его тещу, которая ненавидела его и бабу Тасю за то, что Фёдор заходил к ней, и они вместе выпивали.

Как-то баба Тася стала худеть и терять силы, всё поговаривая: «Я ем, а меня еда ест». Мать девахи, которая в то время жила у Таси, заметила такое дело и сказала, что её «скурочили», обещала поправить. И поправила молитвами да оберегом, который заставила носить при себе.

Однажды теща Фёдора, копаясь в огороде, на котором не было избы, увидела Тасю и сказала ей:

– Смотри-ка, ещё жива!

– Да, вот, живу, – смиренно ответила баба Тася.

– А я ведь тебе на год делала, – зло заявила теща Фёдора.

И баба Тася вспомнила золу, насыпанную у крыльца, при выходе из калитки и в огороде.

Фёдор, приходивший совместно распить бутылку водки, хмелея, пел песни, а однажды, озверев, с пеной у рта нещадно изломал бабу Тасю и немедленно ушёл. Она обо всём мужественно молчала. И только когда не стало тещи и затерялся Фёдор, проговорила сестре о последней тайне, которая душила её. Это было и последнее лето её жизни.

Первые две недели сентября последнего в жизни бабы Таси года были сырыми и холодными. Уже не пойдёшь по-летнему в пиджачке. Надевай свитер да плащ, лёгкое пальто да кофту. В пятницу второй недели сентября баба Тася ходила в продуктовый магазин «Русское поле» за суповым набором. Там и увидела свою родственницу Степаниду Бударину, тётку по тре-

тёй линии родства, ровесницу своего поколения. Тётка Степанида сообщила, что сын Юрка умер от сердечной недостаточности год назад, приглашала в субботу придти помянуть страдальца. Вы думаете, баба Тася отказалась? Да ничуть! Наоборот, позаботилась прийти пораньше, да и другие лица, которых позвали, никогда не опаздывали, а приходили, как и баба Тася, пораньше и ждали. Так как покойный Юрка жил с матерью Степанидой на первом этаже в однокомнатной квартире, то ждали на лавках во дворе, где накрапывал дождь и было холодновато. Баба Тася, ожидая приглашения к столу, не на шутку перемерзла и была уже не рада ничему. Хотела пойти на проспект да погреться в продуктовом магазине, но наконец позвали к столу.

Воскресным вечером приходил племянник Артемий с Гришей Тимофееenko, вместе учились в далёком детстве. Гриша переживал каприз нынешней своей сожительницы, а так как у неё в настоящее время обитали только что освободившиеся братья-«тюремщики», жить стало совсем невмоготу. Артемий упросил бабу Тасю оставить переночевать Григория, обещая вино и хорошую закуску.

В понедельник баба Тася заболела основательно. Ходила к ней жена Артемия, ходила его мать. Баба Тася говорила сестре, что теперь уже не до выздоровления, говорила, что раньше сколько ни болела – да не так тяжело. Приходила врач, признала двухстороннее воспаление лёгких, но даже в больницу не отправила. Артемий решил попроведывать тётку по окончании рабочей недели. Он рассудил, что да, тётка болеет, кашляет, но ведь к больной ходят: протапливают печь, предлагают горячую пищу. Да и сама больная не хотела умирать внезапно: надо, на худой случай, недельку поболеть.

В четверг перед обедом на территории базы, где работал Артемий, появилась его жена. Артемий понял, в чём дело. На это время душа у него сразу ослабла, стала как у ребёнка от мысли о смерти.

– Что, умерла? – спросил он жену.

– Да, умерла, – ответила она.

Артемию хотелось по первому чувству побежать, засуетиться, дескать, помогите моему

гору. Но голос в пространстве сказал: «У всех умирают, все хоронят и не кричат». Это успокоило Артемия, и он, предупредив начальство и взяв отпуск на два дня, поехал с женой на Заречную.

В избушке на Заречной было тепло и уютно и как-то приятно по приходу с улицы, где сыплет дождь, осенние просветлённые лужицы и бедная смиренная красота. Скончалась баба Тася под утро, незадолго до прихода сестры. Когда сестра трогала, тормошила с вопросом – живали, мертвая, – постель была еще тёплая. Сестра ещё с вечера собиралась остаться с больной на ночь, но та стала отговаривать, мол, если умрет, то что сестра ночью делать станет. Попросила только оставить открытой дверь.

Когда пришёл Артемий, соседки уже помыли покойницу, одели в чистое, бедное, уложили на лавку. Казалось, что это не баба Тася, а причёсанная школьница, собравшаяся учиться жить по-новому. Артемий чуть всплакнул от мысли, что мало пожила баба Тася полноправной хозяйкой в этой ветхой избушке. Обмерив клеёнчатым метром покойницу, поехал к столяру, рядом с которым трудился, заказывать домовину.

Доски просить не стали, а просто пошли со столяром к котельной, которая не работала, а угольный склад около неё был огорожен фрагментами забора. Его расхищали на мелкие нужды с тех пор, как перешли на центральное отопление. За наружной частью забора давили бездомных собак – на унты. То тут, то там валялись ободранные мумии. Доски от забора, прослужившие не менее полутора десятка лет, были серенькие, прокалённые солнцем. Домовина получилась мировая. Только вот Артемий размер взял с запасом, да и столяр дал прибавку, в итоге получилась широкая коротышка. Артемий рассчитался со столяром, попросил своего начальника отвезти домовину. Тот до самого вечера ходил по своим делам, а когда стало совсем темнеть, собрался ехать на своём прорабском грузовичке. Не было креста. Артемий просил выписать немного бруса, но завскладом объяснила, что лес на сторону не выписывают и даже не продают. Ещё за дерзкое хищение досок с забора мастеру не поздоровится.

Гроб и вправду оказался очень широким, необходимо было сужать, стёсывать с основного мас-

сива немалую часть. Но стало темно, и пошёл дождь, решили привести в порядок рано утром и заодно смастерить крест.

Делать крест Артемий пошёл в столярку областного худфонда, что на главном проспекте. Там были и древесина кедровой сосны, брус, толстые плахи значительной ширины. В столярной мастерской работали резчики, багетчики, рамщики. В то утро на месте находилось трое. Договорились, каждому по пол-литра водки с закуской. Послали в спецмагазин Артемия. За время, что ушло на стояние в очереди, благодетели спроворили крест – точную копию креста, на котором страдал Спаситель, а не какую-нибудь крест-часовенку. Артемий поднял крест. Он был немного легче кислородного баллона, а кислородный баллон в армии всегда носил сам и никого не просил в помощники. Крест с проспекта на Заречную решил донести тоже сам, потихоньку, с передыхом. Бесплатно никто не повезёт. А деньги остались очень небольшие: на катафалк да на поминки. С тем и вышел, пересекая полотно проспекта. Подул ветер с мокрой сыпью, крест, обёрнутый плотной бумагой, видом под балалайку, превратился в парус. Артемия водило из стороны в сторону. Сердце сильно стучало. Бумага, державшаяся на канцелярских кнопках, сорвалась крупными клочьями и уже не скрывала столь необычную ношу.

После обеда приехали сёстры из Курагино, Нина и Зоя, по сластолюбию отца, с большим перерывом в возрасте. Последняя моложе старшей сестры где-то лет на сорок. Курагинские привезли мёд, рыбу – крупного хариуса и озёрного линя. Спросили мясорубку – накрутить мясо на фарш.

Сосед, шофёр Володя, договорился с машиной. Галя Шакулова твёрдо пообещала послать своих застоявшихся мужчин с утра копать могилу.

Ко дню похорон баба Тася свяла, как без воды полевой цветок, и Артемий молил хоть что-нибудь довести до погребения. Установилась тёплая прощальной осени погода.

– Место хорошее. Какой простор, – вслух сказала сестра Зоя, что на десять лет была моложе сестры Таси.

На сорок дней баба Тася предстала перед племянником Артемием, которого больше всех любила, в холодном водянистом эфире с такой пронзительной ясностью, которой никогда не было при её земной жизни. Она ничего не говорила, а только виделась.

– Ты чего здесь? – буднично спросил Артемий. – Мы ведь тебя похоронили. Как-то неудобно ходить к нам, маячить.

Видение исчезло. Избушку после сорока дней заняла дочь соседки с мужем. Соседка эта хорошо помогла в похоронах.

Прошло лет десять. Ниже по остаткам Первой Заречной начали строить добротные дома. На остатках Второй, что была ближе к забору областной больницы, всё хирело и ничего не возводилось. Только множились металлические гаражи, поставленные владельцами машин незаконно, нахально. В этих глухих местах вели себя как дома бродяги, наркоманы, выдирая всё огородное, выискивая незрелые головки мака. Дочь соседки уже в избе не жила. У неё ночью с перепоя не проснулся муж, а саму позднее забил зек-сожитель. Так и лежала мёртвая между грядок.

Артемию, племяннику бабы Таси, интересно было бы узнать, что снится по ночам олигархам, когда их мозги не в своей воле. Ведь всего у них в достатке: и детишкам на молочишко, и барбекю на земельных полянах, и бабья при саунах и бассейнах. Но не видел он их, олигархов, не вышло поспрашивать.

Одно дело – воцерковленный народ. Там свет, бессмертное начальство, заслужившее свой чин духовными подвигами, там не речное течение жизни, а океан непреходящий. Кто это понимает, не станет завидовать толстосумам. Много нужно трудов, чтобы быть в этой единой семье, чтобы с упоением в душе перекреститься. И невольно скажешь: «Научи меня, Боже, молиться, научи тебя, Боже, любить!»

Другое дело – Артемий. Всегда перед получкой, когда живёшь на копеечном существовании, когда грызёт нужда, снится работа грязная, неинтересная. Снятся по ночам ветхие избы, по которым плутает из комнаты в комнату, из убогости в убогость, опасаясь быть захваченным

хозяевами. В одном из печальных повторений этих снов и уже точно перед получкой Артемию привиделось погребное кладбищенское существование. И никаким здесь пляжем и не пахло, а люди бродили в непроглядной ночной темноте. Артемий признал бабу Тасю по тихому свету её лица. Она сказала, что все ищут своих, о ком вспоминают. На вопрос Артемия о том, как ей здесь живётся, она поведала, что приставлена к детям на послушание и нет никакого послабления от мучений.

– Было бы легче, если бы Емелька Пугачёв помогал, а не бунтовал и не смущал людей разбойничать.

– А Царство Божие не открывалось? – любопытно спросил Артемий.

– Нет, – ответила баба Тася. – Редко, когда ангел пролетит высоко-высоко, вроде светлее станет. Я тебя попрошу, Артемий, молись за меня. Я ведь тебя всю жизнь любила. Молись!

И опять во время очередного беспокойства от неопределённости при задержании получки Артемию предстала Вторая Заречная. Идёт он по Заречной, где гаражи да редкие уцелевшие избы в непролазном снегу, сугробы сахалинские. Видит соседа Володю и просит у него лопату. Сосед молча принёс лопату, и Артемий по крепкому снегу прошёл до многострадальной избы – избы бабы Таси. Раскопал вход и, так как дверь была не на замке, вошёл в избу. В избе, судя по кружкам плиты, топилась печь, морщинистые стены и потолок покрыты свежим набелом. На сундуке сидела чистая и спокойная баба Тася, будто школьница, готовая к познанию новой жизни. И не хотелось ни спрашивать, ни вспоминать, ни говорить. И хотя окна избы залеплены снегом, в комнате достаточно светло. Артемий зашёл в комнату и увидел под потолком узкую во всю стену щель от того, что где-то ещё держалось, где-то осело от ветхости, от времени. Из щели исходила такая глубокая всечеловеческая лазурь, что у Артемия задрожали губы, и он заплакал. Только тогда баба Тася молвила: «Это ты отмолил мне у Бога благодать, племянничек».

Сентябрь, 2009

ВОРОБЬЁВ

Директор совхоза Лобанов – крупный, крепко сложенный мужчина, широконос и немногословен, летом всегда с букетиком крошечных фиалок, и состав ему подчинённого начальства представлен, словно на правительственном уровне, да такими мужиками в диагоналях, будто это ставка верховного главнокомандующего. (А что удивляться – и те из мужиков вышли). Правда, парторг казался худым, чем-то походил на Суслова – главного идеолога страны. У него болели лёгкие, и в своём парткабинете он отхаркивал на крашенный пол такие «дурочки», что уборщицы быстро проявляли желание идти куда-нибудь, хоть к чёрту на кулички, только не на эту лёгкую работу, оставляя штаб Степана Петровича. Вскоре он умер.

Из генералитета Лобанова трое женаты на сёстрах Кирюшкиных. На младшей – Андрей Барышников, бригадир тракторного парка. А главный инженер Бассенко и веттехник Воробьёв – на близняшках Шура и Клава. Шура и Клава так походили друг на друга! Всегда в одинаковых шерстяных платках или пуховых шалях, плюшевых жакетках, валенках-чёсанках, что знакомые, прежде чем назвать их по имени, заглядывали в зубы. У Клавы, что была замужем за Бассенко, в глубине рта был металлический мост, чем и отличалась она от Шуры.

Бассенко строг, мстителен, ходил в милицеских благородных обносках и ездил на старом форде. Замечателен Воробьёв – осанистый, с барственной поступью. И казалось, что он не работал, а только созерцал эту совхозную жизнь. Летом 1955 года, когда напал ящур, он выглядел по-боевому: в портупях, с планшеткой, на крупном под седлом коне. Но и тогда, в портупях, галифе и планшетке, не чувствовалось порошу, а какой-то весёлый застой, бабье утешение. Говорили, что он шухарит с самой передовой дояркой области Клавой Кириной.

Директор совхоза Лобанов носил сугубо гражданскую одежду: костюмы разных цветов, галстуки, по-партийному. На широких штанинах,

закрывавших носки полуботинок, всегда острая стрелка складки. Зато бригадиры рядились под армейцев, энкаведешников, вохру. Обшивал их всех сторож рабкопа Назаров. Я дружил с его сыном Лёнкой, моим сверстником, и видел, как вышеперечисленные люди, разложив на столе ткань, будто на военном совете, обсуждали раскрой. Назаров объяснял детали галифе, кителей, полушубков, проводя по линиям аршином. Местная элита не ходила к Назарову. Но и в их нарядах виделось что-то земгусарское, раздражительное. Как-то главный зоотехник Головки щеголял в до ехидства скошенных галифе, с такими высокими профилями, ровно белогвардейская контра. Он ездил на первом жеребце-производителе по-спортивному. Вот люди и заметили.

В конце пятидесятых Воробьёв обновил свой наряд. Это уже попущение со ссылкой на не первую молодость: свободный в талии китель, просторные по-армейскому шаровары – широкие в ляжках и утокой в предыкрах. Голяшки хромовых сапог не гармошкой, но крупной волной. В тот год, когда руководство совхоза отправило его на тайный контроль, доярки Симка Ярославцева с подругами зажучили его на месте преступления и всыпали в шаровары овсяной дроблёнки, поправ все осанистые привычки. Вскоре Симка и её две подруги Шемарова и Бошурова уехали в тёплые края, не то в Булунгур, не то во Фрунзе.

У Воробьёва стабильно водилась денежная наличность. Если на Сухой Речке веттехник Мальцев брал в рабкоповском магазине крабовые консервы банками, то в Кузбасском Воробьёв, откушав сии, взял весь ящик. Все, кто находился в магазине, разнесли эту весть по закоулочкам, и запомнился этот случай надолго. Я что-то не верю и сейчас, что еда портит человека, что от неё – холестерин, бляшки всякие, сахар в моче, ожирение, после чего смерть лютая. Еда у Воробьёва была на первом плане. Правда, я не видел, чтобы он курил, и по выходным, играя в клубе в домино, всегда был трезв.

Детей у Воробьёва не имелось. Сколько ни жил с Шурой, ничего не заводилось. Шура, судя по летним любовным компаниям Воробьёва, была

здоровая женщина. И постоянные, и случайные любовницы после любви в город на «конференцию» голяком не ездили. В этих случаях Воробьёв был удобен. И как бы ни шастал Воробьёв, что бы о нём ни говорили, даже предлагали застучать с любовницей, Шура оставалась спокойной, милостивейшей женой. Она не разбиралась, не таила злобы, всегда давала займы с большой отсрочкой своим соперницам, если они собирались покупать что-нибудь остро нужное. Личное подворье Воробьёва большое. Высокоудойная корова, свинья, подвинки, обязательно двухгодовалый бычок, овцы, куры. К штaketнику ограды всегда жалось стадо гусей, уток. И всё это Воробьёв хряпал сам без посторонней помощи. Корова у Воробьёва тагильской породы, и молоко высокой жирности он пил кринками, бычком. Вся кухня по стенам увешана вязанками синего, фиолетового, белого лука. Воробьёв любил свеженину с луком. Искусно приготавливал окорока, обожал пельмени из гусятины. Я хорошо помню, потому что нередко заходил к Воробьёву. Свиные головы, ноги, грудинку Шура продавала по дешёвке дояркам, а внутренности, кроме печени и лёгкого, и бараньи головы предлагала совсем бесплатно.

В самом начале шестидесятых годов Лобанов как директор передового хозяйства получил новенькую «Волгу», голубую, с оленем. Его «Москвич» салатного цвета достался главному агроному, лысому Горячкину. «Уазик» приписали к бухгалтерии, заместитель директора ездил на грузовичке. В общем, все как личности в своих диагоналях, москвичках и китайках потерялись в крытых авто. Головки перевели как специалиста директором нового племхозяйства. Воробьёву достались от Головки крашенный кузбаслаком тарантас и жеребец чистой литовской породы с коротенькой стриженной гривой под Керенского. Ясное дело, что Воробьёв лично следил за здоровьем и устраивал опрятное содержание лошади, проверял исправность экипажа.

Перед автовладельцами он не проиграл, а только усилил свою венценосность, как член элитного английского клуба. Огорчал Воробьёва в одно время вновь прибывший главный ветврач Незерницкий. Он писал диссертацию, занимаясь

ректальными исследованиями на предмет стельности коров, ездил к своему научному руководителю, членкору сельхоз НИИ, за консультациями. Подражая членкору, Незерницкий приходил в дойный гурт и, запустив до самой подмышки руку в заднепроходное отверстие, очищал кишечник животного. После процедуры доярки приносили ведро тёплой воды, он ополаскивал руки, мыл подмышку, всё вытирал свежим вафельным полотенцем. Незерницкий мечтал о профилактике всего дойного стада, так как операция эта приносила положительные плоды. Но всё дело в тонкости и глубоком знании ветеринарного дела. Незерницкий был специалистом с высшим образованием, без пяти минут кандидат наук, интеллигент с длинными и тонкими руками. Посмотрев на мужицкие «грабки» Воробьёва, он мысленно отказался от использования его, поняв, что в этом титаническом труде Воробьёв не помощник, что нужно делать всё самому.

Незерницкий выполнял обязательную работу и проводил исследования всего дойного поголовья самолично. Из Москвы приезжал членкор. Ходили в дойный гурт Юферова. Руки членкора были ещё тоньше и длиннее, и он запускал их по самые подмышки в кишечник то одной, то другой коровы. Было видно, что он очень доволен. Доярки видели в нём высоко представительного интеллигентного мужчину. Потом членкор велел принести ведро тёплой воды и чистое полотенце.

– Ну, поздравляю тебя, неугомонный труженик, с первой учёной степенью, – сказал он, пожимая руку и обнимая Незерницкого. Незерницкого, получившего степень учёного, приглашали в подмосковное хозяйство НИИ как научного сотрудника.

Приехал новый ветврач Янцен. Высокий, белый, благородный, с женой, напоминающей по описанию жену Болконского из романа Толстого и ещё Веру Фирсову, известную в те времена исполнительницу тонкой классики. В отличие от Воробьёва, имеющего свою мыленку с кормокухней, Янцен ходил в общественную баню, стараясь попасть на первый пар. Долго парился, обливаясь ключевой водой, тщательно мыл

данную ему Богом вервь. И мы, пацанва, раз-вращённая жизнью конного двора, представляли, какую ночную тиранию испытывает от мужа наша миниатюрная химичка. Янцен оказался не только хорошим ветврачом, но и чутким человеком. Он отремонтировал джип «форд», на кузовной части которого сидела зелёная будка с квадратными окнами, самодельные двери с ещё большими квадратами. И если бы на такой поставить облучок, протянуть вперёд дышло да запрячь парой рысаков, то покупалась бы настоящая карета. Летом по воскресеньям, если стояла хорошая погода, Янцен выезжал в город. Он, как джентльмен, открывал дверь этой душегубки, за которой скрывалась красивая на лицо, в кружевном жабо и манжетах, его миниатюрная жена. И казалось, что они, как декабристы, приехали не по своей воле.

С приездом Янца и его деятельностью сельчане позабыли кратковременные жительства бывших до него ветврачей. Теперь Воробьёв на глаза животных появлялся не абы как, но в белом чистом халате, делая инъекции рогатому поголовью. С появлением в коровниках Воробьёва животные начинали нервничать, так как помнили о его деяниях. Однажды, увидев, что я болтаюсь без работы на конном дворе, он, запрягая в тарантас литовского мерина, сказал:

– Хочешь хорошо заработать?

– Конечно, хочу, – ответил я.

– Ну так садись, едем к Ильичёву вакцинировать молодняк.

На месте мне выдали белый халат. В белых халатах были Воробьёв, бригадир Ильичёв и пастух Овчинников. Я вскрывал ампулы, наполнял шприцы и подавал Воробьёву. Ильичёв с Овчинниковым загоняли в узкий проход животное, потом почти на выходе заклинивали его спереди и сзади крепкими дрючками. Молодые бычки стояли спокойнее, зато первотёлки, помельче бычков, болтались в проходе, вели себя нервно, наступая копытами на ноги истязателей. Доставалось и Ильичёву, и Овчинникову, да и Воробьёв был не исключение. Наступившую на ногу телку называли босой.

– Эх! Опять босая! – говорил потерпевший, отпуская животное на волю.

Клавдия Кирина всегда нравилась Воробьёву. Она устойчиво из года в год хаживала в передовых доярках. Свою группу коров содержала в большой чистоте. Вымени её подопечных были аккуратно подстрижены, соски постоянно смазывались вазелином. Животные вели себя спокойно. И если многие побросают в кормушки с мёрзлой землёй турнепс – грызите, то Клава всю кучу оттаёт и перемоеет тёплой водой. Делала всё по-домашнему. Вот и получалось у неё от старания большое молочко. И на работе Клава ходила чисто. А всё это шло от любви к жизни, от большой энергии её. В совхозе сложилось устойчивое мнение, что Воробьёв живёт с Клавой. Даже если и жил. А кто видел? Шура не подсматривала за мужем, тем более не бегала жаловаться ни в парткабинет, ни в рабочком, ни самому Береговому. Только три месяца Клава жила на выпасах на Смелом. А так: где спрячешься, когда жила она в доме с общим коридором в клетушке с тонкими стенами и дверьми. Редкие летние встречи, любовь с Клавой проходили для Воробьёва с большой оглядкой, поспешно, как пронзительный ожог, плоточек редкого вина, сладкой единственной ягодкой. Жизнь с Шурой была для него тренировкой для мимолётной встречи со своей любовницей.

Жили Воробьёв с Клавой по-настоящему лишь дня три-четыре во время посещения Выставки достижений народного хозяйства в Москве. В тот год Клаве вручили серебряную медаль участника ВДНХ с посещением выставки. Удостоился и Воробьёв. На поездку уходил весь краткосрочный отпуск того времени. Ехали в плацкартном вагоне, пахнувшем водочным перегаром и грубой едой. В Москве, глубоко вдохнув августовский воздух первопрестольной, Воробьёв, обняв Клаву за талию, как-то просто сказал:

– Ну, будем как муж и жена.

Клава только счастливо прижалась, положив голову на плечо Воробьёва. Не буду подробно описывать, как Воробьёв, забрав у Клавы паспорт, добился заселения в двухместный номер гостиницы. В номере стояли широкие кровати с никелированными шарами, стол под белоснежной скатертью, букет бархатцев в тонком

кувшине с водой. Поскольку Воробьёв с Клавой приехали ранним утром и быстро устроились в гостинице, то ещё целый день был впереди. Во дворе стояли автобусы, организаторы приглашали гостей на выставку. Звучала песня «Величальная Сталину от колхозного вольного края». Москва была большая, забываемая, родная.

*Ты нас песней раздольной встречаешь,
Красотою чаруешь своей.
Ты колхозных гостей принимаешь,
Как любимых своих сыновей.*

Всё это выглядело правдивей правдивого. Когда ходили по выставке животноводства, Воробьёв радовался, что помещения для коров в его родном хозяйстве чистотой ничуть не уступают столичным. Замечательно и то, что не нужно было носиться за покупками по столице. В павильонах виноделия после дегустации вин предлагалось купить недорогое отменное вино, фрукты. Организаторы заходили в магазины своих подопечных гостей. В магазинах за деньги устраивали настоящий коммунизм.

То, что жаждал Воробьёв, то, что ждала в бесконечных, тяжёлых буднях Клава, Бог дал. Воробьёв подарил Клаве шёлковую сорочку с кружевами и мелкими розочками по вороту. Прежде чем дать себя обнять, Клава распустила венки свитых в тугую плетель волос, и как будто несметное количество освобождённых пружинок растеклись по прозрачной ткани подарка.

Утром Воробьёв думал о Шуре. Говорил сам себе: «Пора, скорей!» Он мысленно видел зимние дни, очередные обходы коровников, своё домашнее хозяйство, верёвку с окостеневшими от мороза Шуриными панталонами и его рубашками, которые мешали носить из дома воду и тёплое пойло. После супружеских обязанностей перед Шурой, при минимальном количестве движений в глубокой перине и бледненьких зарницах исхода, оставалось ой-ой как ещё много: жаркая баня, чистое бельё, студень из гусиных лапок и мужики, которые курили папиросы дешёвых сортов, пили самогон с каплями сивушного масла. Можно было даже при таком течении дожить до определённой старости. Воробьёв не курил. Желание подыметь, появлявшееся после

захода в хомутную за сбруей, он быстро подавлял силой своей воли. Дома у Воробьёва всегда находилась коробка дорогих папирос. Иногда в выходной день, особенно к вечеру, он глядел в окно на узловатые вёты, которые, как он помнил, забили кольями на плетель в гнёзда с водой. И ему становилось очень грустно и одиноко, ровно перед ликом Бога с глазу на глаз. Воробьёву хотелось тогда до отчаянья закурить, вспоминая сладко затягивающихся дымом мужиков. Он закуривал и от трёх-четырёх затяжек получал ощутимый удар по своему сознанию. Жизнь казалась безысходной в своей быстротечности, перед которой гасли самые яркие эпизоды.

Шемарова, Бошурова и Симочка Ярославцева, не прожив и года в тёплых краях, вернулись в совхоз и опять поступили доярками, которых всегда не хватало. Рассказывали, что скот там не породистый, надой небольшие, заработки мизерные, а в магазине ничего нет. Зимой холодные ветры, а от кизяков тепла мало, да и кизяки заготавливать надо.

После возвращения из Москвы Воробьёв с Клавой не встречался. Он вступил в партию вместе с главным зоотехником Михайловым, у которого к этому времени умерла мать, запрещавшая вступление до собственной смерти. Воробьёв совсем бросил курить, потому что чувствовал око Божье, хотя и стал партийным. Чтобы не так резко прервать отношения с Клавой после обещанных в тумане вдохновения золотых гор, Воробьёв согласился на праздничную складчину. Во временно пустующей четвертинке общежитного дома доярки из первой бригады решили отметить между дойками день революции. В том, что Воробьёва пригласили в женское общество без жены, не было ничего противоестественного. Всё началось с того, что как-то на 8-е Марта исключительно женское общество пригласило на свой праздник уважаемого директора Николая Александровича, без его жены Лидии Ивановны. Выпив водочки и приятно расслабившись, женщины потихоньку ластились, говорили приятные слова, целовали родному человеку его макушечку, фотографировались. Но это себе разрешали незамужние женщины совхозной элиты: из бухгалтерии, школы, центра осеменения.

У доярок был более узкий круг, и любимец их – Воробьёв. Больше никто и не подходил. Главный зоотехник Михайлов, ветврач Янцен, столяр Астраханцев – всё мужики для одной бабы. Михайлов всегда в штатском. Здоровый мужик, а без струнки. Янцен больно «интеллигентен» и недавний. Астраханцев, хоть и герой, пусть и дела не будет, а Маруся его окна-то побьёт. Как-то раз записался в гулянку немец Лангольф, вроде спокойный мужик, а выпил – такой скандал устроил.

Воробьёв оказался самым что ни на есть подходящим. Всех устраивал. Генерал, он и есть генерал. Поехали за «генералом» прямо в ветлечебницу старые знакомые подруги: Шемарова, Бошурова и Симочка Ярославцева. Воробьёв, молча, поднялся, взял полевую сумку с синим крестом. Молчали и когда ехали, стоя на конной платформе, на которой бригадные скотники вывозили из коровника на полигон жидкий навоз. Ехали быстро, держась друг за друга. Ждали их только женщины, не считая гармонного мастера, и обильный стол: тушеная капуста со свиной, печень трески, шпроты, пироги с черёмухой, студень, водка и много в чайниках крепкой домашней браги с изюмом и без него.

Воробьёв, сидя на почётном месте, вынул из полевой сумки кусок кетового балыка и бутылку грузинского коньяка, стоявшего в сельпо с незапамятных времён. В совхозе среди народа бытовала стойкая уверенность, что коньяк пахнет клопами, и когда Воробьёв предложил коньяк, откупорив бутылку, то женщины рассмеялись, сказав, что и так беда от клопов, уж не знают, чем выводить. Женщины пили помногу: водку стопками, пиво стаканами. Пиво, сваренное из сахара на дрожжах, крепко било в голову. Но эта закалённая гвардия России, крепко выпив, могла ещё провести вечернюю дойку, накормить скот и рано утром начать новый трудовой день.

После тяжёлого питья и песни на память шли тяжело, всё больше про бродяг, разбойников, про могилы и рано умерших дружков: «Черны глазки, куда вы скрылись? Зачем заставили страдать?» – запела Клава, прижимаясь к плечу Воробьёва, но Симочка – Шамиль злодейский, так

кинжально сверкнула глазами, что всем стало не по себе. Не по себе стало и Воробьёву. «Ну, всё, это в последний раз», – подумал он.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, но на пороге неожиданно появилась Шура. Ей сразу нашли место, хотя и поодаль от мужа, но нашли. Налили полный стакан рябиновой наливки. Шура, подняв его, только и сказала: «За вас, подруженьки!». Отбив положенное и спев пару песен, Шура увезла Воробьёва на своей лошади домой, подальше от скандала.

Как-то в конце лета, когда от частых дождей становится неуютно и зябко на летних выпасах, доярки сделали складчину на троих, купив бутылку виноградного вина в передвижном буфете. От выпитого делалось тепло, прибавлялись силы, так помаленьку и грешили. А когда привезли на выпаса аванс и в разъездном буфете появилось в продаже незнакомое вино, слабое, некреплёное, по утверждению продавца, то решили взять каждая по целой бутылке. Вино «Изабелла» оказалось очень вкусным и хорошо туманило голову. Тянуло на самые нежные песни.

Захмелевшая Клава вспомнила молодость, своего молоденького мужа, уехавшего из Новосёлки на заработки, так и сгинувшего в неизвестности. Хотелось сильно любить, навёрстывать положенную человеческому существованию сладость. Увидев Тасю Александрову, приезжавшую на одноколке осеменить коров, наказала: «Найди Воробьёва и скажи, чтоб ехал немедленно. Корова заболела». Через час показался тарантас Воробьёва.

– Ну, где твоя корова? – спросил Воробьёв Клаву.

– На выгоне лежит, не поднимается.

– Что ж, поехали, – вздохнул Воробьёв, принимая выгон как испытание.

Клава встала на приступку тарантаса и вмиг оказалась на мягком сидении. Воробьёв с годами стал внушительным, как бригадный генерал, да и Клава весу прибавила, словом, сидели плотненько. Проехали плотину, но, как в молодости, ничего не закипало. Сознание было бесконечно чистым, как хорошо промытые оконные стёкла, и от этого исходила такая сильная прохлада, что даже тёплый бок Воробьёва ничуть

не согревал. Клаве подумалось, что, когда они подъедут по низинке к кусту боярки на середине выгона, то там их охватит тёплое облако с запахом ромашки, облако любви.

Доехали до боярки.

– Ну, где же твоя корова? – каким-то сытым голосом спросил Воробьёв.

Клава, перехватив левой рукой вожжи, натянув их, остановила литовца и ловко сошла с тарантаса.

– Пошёл к чёрту, старый мерин!

Воробьёв, ничего не ответив, поехал в сторону дороги, ведущей в посёлок. А Клава, ясно понимая, что в её годы любовь создаётся в постоянном общении друг с другом, в стремлении беречь, выпестовать тонкие штрихи данного сокровища, свернула к коровникам. Она понимала, что такого не представится уже до конца жизни. Воробьёв же думал о том, как хорошо пронесло. Он боялся, что после встречи с Клавой откроется бездна, и он увидит жалкое серебро своего существования, исчезающее в этом мире. Но ничего не произошло, и в том была маленькая победа. Воробьёв попытался даже возвратить образ страха, но око Божье не проступало.

ТРЕТИЙ ПРИСТУП

По детским воспоминаниям Дерика, Маша Кудинова была крупной бабой, но казалась какой-то пустой. Пустая, быть может, оттого что имела простоватое лицо. Короткие волосы со следами давнишней химической завивки. Платья, сшитые из дешевого материала по заказу у местных мастериц, мало чем отличались от производственных халатов, выдаваемых на работе.

Когда Дерик с матерью жили в подвале – окна вровень с улицей, – где было светло, а само помещение имело жаркую печь, Маша, вернувшись с Сухой Речки, напросилась к ним в жилички и на другой день после приезда, подав заявление с просьбой о приёме её на работу, пошла на обеденную дойку. В этот период в магазин Маша

практически не ходила, питаясь исключительно картошкой, которой в подполе было не меряно, и вымоченным в уксусе синим луком. Правда, заметно стали убывать комковой сахар и молотый кофе с цикорием, но мать делала вид, что до неё это не доходит.

На Сухой Речке Маша выходила замуж за Хайруддинова. Из её рассказов Дерик запомнил только то, что в сильный мороз Хайруддинов, будучи в фуражке-восьмиклинке, по пути в город поморозил уши и шел, подвязавшись Машинной косынкой.

В то лето мать и Дерик перешли в новый дом на улице Широкой, Маша жила на летних выпасах в фанерном вагончике. В вагончике во время непогоды было сыро из-за отсутствия буржуйки, и Маша стыла там одна. Потом стала жить с уволенным с работы совхозным пекарем. Пекарь не просыхал от вина и всё время сравнивал себя с великими людьми:

– Вот сдохну я в канаве, Маша, как Пушкин, как Лермонтов, как собака худая, и никто не заплачет по мне.

На что Маша отвечала: «Молчи! Буробишь что попало, Пушкин хренов!» Но продолжала жить с ним. Только в конце августа, когда полили почти осенние дожди, управляющий фермой Береговой, увидев бездельного пекаря, приказал ему убраться с территории совхоза за двадцать четыре часа. За пекарем собрала свой чемодан и Маша, надеясь завести на новом месте свежего сударчика, близкого ей по возрасту.

Квартиру в новом доме на Широкой мать получила как незаменимая доярка, проработавшая в совхозе более двух лет и показавшая себя по надоям. Выделили из жилого фонда для животноводов. А иначе – живи в гараже, отапливаемой водокачке, в подвале. Дом на Широкой строился на двух хозяев: каждому по половине. Но и половину разделили надвое, умудрившись поселить в нём четыре семьи. Дерик жил в квартире с проходом через первую четверть – через кухню.

Дом был сдан с недоделками, которые устраняли сами жильцы, кто как мог. Например, перекрытия обмазывали глиной, засыпали опилками,

набирая их на пилораме. Поверх опилок добавляли кто перегной, кто просто землю с приусадебного участка. На разделительные перегородки дома пустили тёс-тонкомер. По идее-то его полагалось обить дранью да оштукатурить, как делали добрые люди, устраивая помощь. Но у доярок не было времени, а мужики, работавшие скотниками, ленивы до смерти. В свободное от работы время только по бабам и таскались. Замесили доярки свежий навоз с глиной, позамазали стены руками. Побелили да стали жить-поживать.

Перегородки нисколько не сдерживали звуков. Все жили, словно под медным колоколом. Чихни кто в первой четвертине одной половины, будет слышно в первой четвертине другой. Так что соседи, уважая друг друга, старались говорить вполголоса, но не всегда получалось.

Соседями Дерика по половине дома были Маша Бондарь и её сестра, школьница Галина. Маша – красивая молодая женщина, передовая доярка. Она старалась следить за собой. Нательное бельё, вывешенное для просушки, украшено тонкими кружевами, вышивкой. Она читала роман «Поругание прекрасной стороны» и часто пела песню со словами: «Ты напейся воды холодной, про любовь забудешь».

Питалась Маруся с сестрой очень хорошо. Тушила домашнюю утку с капустой или картошку со свининой, варила щи с гусятиной – помогали родители.

Выходила Маша на Сухой Речке замуж, но не пожилось. Муж попался заполошный, гонялся с ножом. Как-то вытащил Гошка нож: «Убью!», – а она бежать не стала, прижалась к берёзе со словами: «Убей хоть сейчас!». Он нож мимо её шеи в ствол берёзы ткнул. А она даже не дрогнула и остервенело глядела в его глаза. Рассказывала, как родила от Гошки кольцекудрого мальчика, который вскоре умер.

Осенью, когда Маша Бондарь основательно подмазала на три слоя стены да побелила на два раза, стал появляться у неё демобилизованный моряк Володя Кузнецов. Приходил он к ней регулярно, даже принёс с собой радиолу. Жить стало как-то веселее. Володя садился за стол и

читал районную газету «Вперед», рассказывал, как в море ловил камбалу на заточенный стержень. Потом оставался ночевать. Было слышно, как приходила Маша с вечерней дойки. Погремев тарелками и черпаком в алюминиевой кастрюле, тихо ложилась спать. Всё это молча. Не то, что Васька Усманов, живший по другую сторону комнаты. Васька говорил громко, часто ругал тещу, стучал по чему-то молотком. Свет из Васькиной комнаты проникал в квартиру Дерика звёздами средней величины, а когда звёзды гасли, начинала хрустеть пружинами кровать. Казалось, что Василий после хорошей полочки хрустит новыми денежными купюрами. Потом звёзды опять загорались. Это шла теща в кухню на ведро. Васька ругался на тещу. Однажды теща завопила:

– Зачем, Васька, проводку-то рвёшь? Замыкание будет, пожар устроишь!

– Если ты, мать, будешь ещё в жизнь мою лезть, я тебе такое замыкание устрою, что до самой смерти помнить будешь! – кричал Васька.

Уже перед Новым годом Володя-моряк перестал ходить к Маше Бондарь. «То ли потешился, да надоело, – думал Дерик, втайне сочувствуя Маше. – А ведь Маша-то ничего, и уста сахарные. Что же ей так не везёт?» В конце концов, Дерик остановился на одной причине. Полоторная кровать Маши была в аварийном состоянии. Панцирная сетка, когда на неё ложился один человек, становилась приямком, а если двое, то совсем обвисала гамаком до самого пола.

Свадьбу Володя Кузнецов играл на Широкой. Там и собирался жить со свеженькой подругой. Сидел с невестой на голубых пуховых подушках в кошёвке, погоняя рысака с пристяжной. Маша, увидев его в окно, только и сказала, обращаясь к матери Дерика: «И зачем она, дура, на пуховые подушки села. Когда я шла за Гошу, тоже на пуховых везли, вот и жизнь-то, как пух, разлетелась».

Целый год, как ушёл от Маши Бондарь Володя-моряк, мужским духом в квартире не пахло. Кругом – одни женщины: мать, сестра, тётка Тася, Маша с сестрой Галкой. Так как жильцы второй четвертушки ходили через кух-

ню первой, то уголь был общим. Мать и Маруся выписывали его по восемь центнеров с каждой полочки. Уголь как-то хорошо убывал. В этом помогли Ганашуки – соседи, воруя под утречко, когда женщины уходили на раннюю дойку, а дети ещё спали, не закрыв входную дверь.

По первым оттепелям, после очередной отлучки, появилась Маша Кудинова. Ничего нового на ней не было, разве что мужские валенки с подвернутыми верхами. Такие выдают в леспромхозах. Она тут же напросилась жить вместе и стала варить суп вермишелевый с картошкой.

На конном дворе, на строительстве, на уборке сена мужики много говорили о соединении мужских и женских организмов. Фронтвики, побывавшие в Европе, почти одинаково рассказывали о борделях как о кущах грешной любви.

В быту, в котором жил Дерик, было скучно, ничего красивого. На кухне, да и в комнате, вечно сохли рубахи-перемывахи с атласными ленточками и гармошкой по бокам в талию, байковые, как бы прокуренные, панталоны. Только бельё Маши Бондарь обновилось двумя шёлковыми комбинашками и модельными трусами. В Томск на животноводческую конференцию ездила она как передовая доярка.

В динамике, по первой зелени, звучала музыка Кабалевского, Глазунова, летом – Хромушина, осенью – Николая Ракова. А когда наступала зима, когда стояли лютые морозы, звучала музыка Чайковского и Хачатуряна. Вальс Хачатуряна и в целом музыка из «Маскарада» заставляли задуматься о смысле жизни.

Дерик помнил, что в самый мороз, когда сидели дома и не учились, по радио читали поэму Блока «Возмездие». Маша Кудинова всё спала в койчонке у печного обогревателя, а Маша Бондарь через открытую дверь из кухни в кухню обменивалась с матерью Дерика разговорами. Она собиралась умирать, но как-то ненатурально, напоминая пушкинскую сказку о мёртвой царевне и семи богатырях:

– Я сёстрам наказала, чтобы голова была убрана платком с розами, а косынка из-под платка выступала зубчиками, чтобы платье было с полным рукавом и никакого савана, только тюль.

– Ты чего умирать-то собралась? Ещё успеешь належаться. Думаешь в раю побывать? Да кто тебе скажет, есть ли он, рай, – говорила мать.

– На всякий случай, тетя Аня, – отвечала Маша Бондарь.

В начале декабря во второй четвертушке первой половины дома произошло большое событие: появился настоящий мужчина. А привела его Маша Кудинова. Мужик этот – Малахов Алексей, поступивший около месяца назад скотником в седьмую бригаду, где работала Кудинова, набирая группу первотёлок. Трудная задача – раздаивать только что отелившихся в первый раз молодых коровёнок при ещё неразвитом вымени и сосках-невеличках. Матери Дерика она говорила, что к весне, к лету будет самое молоко, самые денежки.

Дерику было приятно, что в доме ходит мужик, курит махорку, что ремень у него с никелированной бляхой, что, сняв на ночь резиновые галоши с валенок, ставил их сушиться на припечек, обернув на три раза голенища добротными сатиновыми портянками с красными розами по синему полю. А самое главное, Алексей – солдат, фронтвик. И где он только ни был, как оказалось потом – в Польше, и в Финскую кампанию, в Сталинграде, и на Курской дуге.

Дерик хорошо знал, что мужику надо иметь бостоновый костюм и часы. Тогда можно и бабу заводить. У Алексея Малахова были серебряные карманные часы, серый пиджак, фуфайка, поверх которой он носил только что полученный со склада пастуший плащ.

Спать «молодые» легли на пол, постелив все одежки, висевшие в кухне-прихожей на гвоздях. Всё это Маша сверху накрыла бязевой простыней, укрылись байковым одеялом.

Женщины первой половины дома № 8 на Широкой улице в половине шестого ушли на скотные дворы к утренней дойке. У Алексея пересянок – в восемь утра, когда заканчивалась дойка и доярки начинали раздавать корма. После шести на кухне появилась Алексеева, отставшая на его жизненном пути, напасть, а проще – бывшая подруга. Уже всюю играло радио, и Дерик не спал, оценивая женщин, жив-

ших в первой половине дома № 8 на Широкой. Ну, Маша Бондарь была куколкой. Всё, что она надевала, придавало ей приятные формы, и если бы не яма растянутой сетки кровати, то ходила бы с красавцем-моряком Володей Кузнецовым.

Кудинова – ни красивая, ни страшная, а так, расхищенная случайными связями. Вся одежда у неё неяркая, большеобъемная, не прилегающая к телу, что делало её какой-то пустой.

Та, что стояла в кухне, напугала Дерика. Она была не просто прокуренная махоркой, а про-смолённая, жилистая кистями рук и лицом, оскаленная, обнажающая нехватку зубов. Дерик подумал о том, как же Алексей обедал, спал с этой женщиной?

– Ты смотри, развалился, как барин! – начала бывшая Алексеева зазноба. – Смотри, как развалился! Всю совесть потерял. Ну, что, блудная крыночная, потешился с кошкой помойной, пора и домой.

– Не помойная, а моя баба, и ступай отсюда восвояси. Не стану я с тобой жить.

– Слушай, голубчик, – проговорила отвергнутая. – Я ведь самому управляющему пожалуюсь. Береговой дело так не оставит.

Алексей молчал. Он лежал на полу в майке и белых кальсонах с завязками. Брошенная заметила это и, не зная, чем досадить, закричала:

– А ещё в кальсонах моих! Я ведь их не для помойной твоей покупала!

Алексей не ожидал, а она, схватив их тонкими руками, как-то сильно дёрнула и вырвала целую ленту ткани. Потом ещё и ещё. Алексей поднялся и стал выталкивать её из кухни, а пока выталкивал, она сдёрнула всё. Кальсоны оказались гнилые.

Алексей, схватив угольный утюг, что стоял на плите, стукнул слегка по бывшей зазнобе – та отпустила. Алексей ушёл в комнату и обреченно сел на стул. Женщина, очнувшись, схватила малаховские валенки, стоявшие на припечке, и выскочила на улицу.

– Вот беда! Проворонил! – Алексей сдёрнул шпагат, что был натянута для сушки белья, накрутил на ноги разных тряпок и сунул их в галоши. Получилось по-крестьянски, вроде лап-

тей и онучей. С тем и пошёл на работу. Там со склада ему выдали резиновые сапоги, которые он не спешил получать из-за большого размера. Теперь с простёганной ватной накруткой всё было впору. Бывшая прибежала и во второй, и в третий раз, грозила повыбивать стёкла. Маша Бондарь обратилась к управляющему фермой Степану Петровичу Береговому. Он вызвал бывшую Алексееву пассию и строго предупредил, велел принести в контору похищенные валенки. Вечером посыльная вручила их пострадавшему Алексею.

Зима пошла на исход. Тракторными санями всю возили пихтовый кругляк из-за речки. По радио к постоянно исполняемой музыке Хачатуряна добавилось творчество Ивана Семёновича Козловского, который пел арию Ленского, готовившегося к роковому поединку.

Стали Мария Кудинова и Алексей Малахов, не расписываясь в сельсовете, жить вместе, как говорят – сошлись. Стали копить деньги на жизненное обзаведение. Вместо фуфайки Алексею купили «москвичку» с косыми карманами по животу. Ещё Маша набрала белого коленкора, чтобы пошить новое постельное бельё. Копили деньги на кровать, посуду. Алексей часто пил чай с грубым чёрным хлебом из совхозной пекарни, густо смазанным кулинарным жиром, ел с картошкой ржавую селёдку, хотя уже с месяц в магазине под колпаком из оргстекла лежали таймень и истекающий жиром кетовый балык. Маруся часто с полочки брала пряники и сгущённое молоко в пятилитровых банках, на что Алексей говорил:

– Мужика нужно кормить мясом, чтобы баба после удачной ночи на год молодеда.

После сказанного Кудинова едва донесла до дома огромную голову убиённого совхозного хряка, под получку. Стала Маша тушить со щеквиной капусту, варить щи.

Когда собирались женщины и начинали вспоминать войну, мать рассказывала о том, как работала в госпитале и была сыта, а после войны сидели исключительно на картошке и семечках. Кудинова ведала о том, как её послали по призыву работать в леспромхоз, как она закатыва-

ла в штабеля смолистые брёвна, и не было во что переодеться, как гибли на работе молодые девки. Алексей, прошедший две войны и польскую кампанию, вспоминал те места, где он ел досыта. В Польше пил крынками молоко, хлебал сметану, наслаждался куриными яйцами, что выставляли на выездах хutorяне сборщикам на продажу. Несколько раз говорил, как хорошо воевалось в Финскую войну: в том месте, где стояла их часть, было много копчёной колбасы, сала, водки и спирта. Алексей дежурил на КПП. Между караулами в часы отдыха, хлестанув спирту и закусив колбасой, закутывался в армейский тулуп и, завалившись в сугроб-гнездо, спал богатырским сном.

Про Отечественную войну Малахов говорил очень мало, и то когда коллективом просили. Домашние знали, что в Отечественную Алексея кормили исключительно перловой или ячневой кашей с тушёнкой, а остальное было страшным.

– Да, бабы, было так страшно, что и, попрощавшись с жизнью, не избавлялся от этой напасти. Я при орудии заряжающим был. Бывало, заткнёшь ватой уши перед боем и только после боя узнаешь, что жив. После боя никуда не сунься: на снайперскую пулю да на мину нарвёшься.

– Дядя Лёша, а где ваши награды? Столько воевали и никаких наград, – спрашивал Дерик.

– Награды давали тем, кто был ближе к начальству, а о нас – кто помнил, кто записывал?

Алексей говорил женщинам, что вёл на войне дневник, исписал две общие тетради. Этого хватило бы на большую книгу. Говорил, что, когда писал, его застал майор из политотдела. Посмотрел и, отобрав, сказал:

– Воевать надо, а не писать, что попало.

– Дядя Лёша! А вы Евангелие и Библию читали? – спрашивал Дерик.

– Читал.

– И что там написано?

– А всё там написано.

– И что война атомная будет?

– И это тоже, – отвечал Алексей.

– А кто победит?

– Как кто? Мы, русские! Вот это записано точно! – ставил точку Алексей.

В один из дней, да вскоре после того, как всё уладилось и была уже съедена половина свиной головы, Малахов и Кудинова пили чай с карамелью, продававшейся без обёртки в сельском магазине. Дерик читал второй том сказок Афанасьева. Алексей что-то говорил Марусе. Заинтересовавшись, Дерик, прикрыв книгой лицо, стал прислушиваться.

– Вот только теперь я, Маша, стал чувствовать силу. Мужиком стал.

– Вижу, почувствовала, – отвечала Маша. – Вот она, паскуда, до чего тебя довела.

– Да! От крепкой любви баба молодеет. Другой всю жизнь с бабой живёт при хорошем хозяйстве. Она ему и детей понарождает, а он и до первого приступа не часто доводит. А ты как? Ко второму приступу готова? Вытерпишь?

– Я и третий приступ вытерплю. Вот те крест, – перекрестилась Маша.

– При третьем приступе станет слаще вот этой конфеты, – заверил её Алексей и постучал по столу дешёвой карамелькой.

В представлении Дерики Алексей Малахов и Маша Кудинова шли на смертные испытания. От сердечного приступа в декабре умерла мать соседних мальчишек, ровесников Дерики. Дерик ходил прощаться, поддержать своим присутствием сирот, так рано потерявших мать. Запах сырого пихтового леса, исходивший от знаков погребения, креста и необитой крышки гроба, заставлял замирать юную душу. Через несколько дней Малахов заскочил на лошади домой и скинул с конной платформы топчан да хороший навильник сена. Накатилось чувство похорон, которое Дерик постарался вытеснить байками, разговорами, что слушал, притихнув в хомутной на конном дворе. Героем разговоров был Федор Ужун, которому было под пятьдесят, такой шустрый, худощавый, работавший плотником при фермерской столярке. Ходил Ужун в учительский дом с полным плотницким снаряжением. Это было давно всем известно. В одной половине дома жила директорша: высокая, худая, большеногая, а в другой – преподавательница математики, вредная Зинаида. Помогая им по хозяйству, он, оказывается, имел неплатониче-

ский стаж общения с ними, о чем и отвечал простодушно и весело принесшим с вопросами товарищам.

В перерывах между дойками Маша Кудинова приходила домой и набивала матрасовку сеном, на два раза зашивала разрез, ворчала, что Алексей привёз листового, а не мелкостебельчатого сена. Уже глубоким вечером втащили холодный широкий топчан, положили на него набитую сеном матрасовку и застелили белым коленкором. Стало пахнуть похоронами. По радио в это время передавали «Колхозную сюиту», с бесконечными зорями коммунизма.

Ночью Дерик у Дерику снился базар, мясные ряды, где на колодах рубшики мяса с хряканьем рушили на части свиные туши, да так, что Дерик открыл глаза. Спросонья он увидел самоубийц. Маша лежала свиной тушей. Алексей змеем извивался и дошёл до такой степени ярости, что, казалось, добрался не только до третьего приступа, но и до гнева Божьего. Сырой топчан, схваченный короткими гвоздями, вмиг разлетелся по частям. Самоубийцы грохнулись на пол. Проснулись мать и сестра, спавшая с ней. Крутят головами, спрашивают, что произошло. «Это третий приступ, мама, – пояснил Дерик. – Спроси, мама, живы ли остались, а то ведь лежат молча».

Спустя неделю молодые съехали в освободившуюся комнату на Центральной улице, не захватив топчан, который пригодился в хозяйстве. Предыдущая владелица комнаты Симочка убыла на постоянное местожительство в Киргизию.

Дерик ходил к Малаховым в гости. Маша выписывала под зарплату конину, свиные ноги и головы, варила холодец и жарила треску. Алексей пил из пивной кружки густые сливки, которые Маша приносила с фермы в грелке. Но Маша почему-то не молодела. Через год супруги Малаховы уехали в Ульяновскую область, а в комнату вновь вернулась Симочка, которой не пожилось в Киргизии. Через несколько лет мать встретила в городе Машу, разговорились. Маша жила без Алексея на Сухой Речке, вовсю выпивала и принимала шоферню, командированную на уборочную.

28 июня 2009

ВОСПИТАНИЕ КРИВЫХ БРЁВЕН

Галина

Почитай с одиннадцати лет родная мать Галку Сдобникову за взрослую считала. Уже обязательным стало, чтобы в доме было прибрано, натоплено и в кастрюле – либо картошка с разварки, либо, а это ещё лучше, суп с овсяной крупой, с картошкой же. Бывало, насидится в холодном подвале, перебирая картошку, натаскается осклизлого гнилья, налится, раскошегаривая в буржуйках уголь-землю, придёт домой, а дома дочь в пальтишке ходит, сын на припечке сидит, ждёт, когда картофельные пластики на чуть тёплой плите поджарятся. Скрутит мать полотенце и давай маленькую хозяйку через пальто охаживать. А та ей:

– Не дерись! Больно! Побила и хватит! Я давно Фильку за щепками в столярку посылала, а он, твой любимчик, только на растопку принёс.

Посмотрит мать на дочку и видит в её глазах не испуг, а страдание вселенское, и материнское наказание для неё, словно суд Божий, потому что у дочери только начало жизни, и мир ещё не велик. От тугих косиц, натянувших на лбу кожу, её смородиновые глаза особенно выразительны.

– Прости меня, доченька, – скажет мать.

– Мама, ну не всегда же так бывает, – ответит дочь, – я ведь старалась.

Когда Галине исполнилось тринадцать лет, семья жила на новом месте, в новом доме. Мать работала дояркой. В квартире печь топилась преотлично, и уголь разгорался от пучка свитой соломы. Жиденькие волосёнки, обещающие потемнеть к совершеннолетию, она заплетала по-прежнему, туго, и заботы графически выражались на её лице, но и твёрдый характер никуда не исчезал. Вечерние дойки, кормление коров для Галины стали обязательны, а когда мать сходит в баню, то Фильку в тычки – и на ферму. Отдохни, мама! Вдвоём коров подоим. Бывало, мать в доме возьмёт и скажет вслух:

– Вот на неделе надо взять выходной, постираться.

– Ну, ещё чего выдумала, – ответит дочь. – Я сама стираю, хоть завтра.

И смотришь, если воскресенье, то Филиппа в тычки – бери, братец, ведра и таскай с Каптажа воду. Филька ходит два-три раза, а на четвёртый куражиться станет. А сестре хочется, чтобы бельё чистым-пречистым было, свежестью пахло от качественного полоскания. Сходит Филипп в четвёртый раз, а сестра в пятый посылает. Тут уж обязательно – драка, но дерутся, жалеючи друг друга. Если при чужих Галина от обиды и несправедливости смолчит, то при Филиппе горько расплачется.

– Ладно, не реви, – скажет брат. – Но только иду в последний раз.

И топает через посёлок в лог на Каптаж.

В школе, где сверстницы были понаряднее и покрасивее, Галину не осыпали высокими отметками. Здесь она была золушкой. На ней преподаватели совесть свою выравнивали. Раз по весне, когда Галине было уже четырнадцать, девочки-одноклассницы сфотографировались у пронзительного от пустоты берёзового колка на поляне, где царила сухая прошлогодняя трава. Снялась и Галя. Вид её на фотографии говорил: «Запомните меня, люди».

Две Галины

Замуж Галя Сдобникова вышла вовремя, в самом спелом возрасте. К этому времени она сдала на разряд мастера по маникюру, справила драповое пальто кирпичного цвета с песцовым воротником, пуховую шаль и тёплые ботиночки на каблуках-шпильках. Праздник Октябрьской революции Седьмого ноября компаньонка мехзаводской молодёжи решила отпраздновать складчиной у токаря по металлу Лёни Горбадеева. И девки, и парни – все были свои – молодая поросль завода. Лоскутников уже без пяти минут мастером шёл. Красавицу Ольгу Лёня приглашал отдельно, чтобы никаких соперников на гулянке у него не было. Присутствовало ещё двое парней, слесарей нестандартного оборудо-

вания, с которыми фрезеровщица Галя Кирина решила познакомить подружку детства Галину Сдобникову с прицелом на дальнейшую дружбу с исходом замужества.

В двухкомнатной квартире Лёни гудел проигрыватель песнями, типа «Ляльки-Ляльки». Рыбные консервы стояли на столе не в банках, но в чистеньких тарелочках. Парни пили водку из фужеров. Девушки – наливки и мятный зелёный ликёр из маленьких фарфоровых рюмочек. Последние какая-то заботливая невестушка принесла. Всё было хорошо. Молодёжь присматривалась, пела песни «Как вдали за рекой», «Та-чанку», танцевала по-модному, не касаясь друг друга. Парни вели себя хорошо. Часто выходили на лестничную клетку пятого этажа, курили, выпуская дым дорогуших папирос в открытую фрамугу.

Время от времени, среди разнообразия в перерыв на перекур на площадке подъезда, некоторые уходили потихоньку в смежную комнату, ванную туалет, уединялись на кухне. Стало не видно Ольги и без пяти минут мастера Лоскутникова. Ольгу Лёня недосмотрел, отлучившись в кафе за пивом. Обоих обнаружили в темнушке. Нашёл Лёня. Открыл, а его обожаемая Оля на Лоскутникове уже совсем сомлела. Тут и проявил свой характер Лёня Горбадеев. Всех вежливо по-выгонял вон из квартиры с трезвым и строгим лицом. «А хозяин мне понравился», – заявила Галина Сдобникова своей мехзаводской тёзке.

Свадьба была в конце мясоеда. Хотя Лёня Горбадеев и был коммунистом, но говорил, что в пост жениться – жизнь постной будет. А весь промежуток, считай два с половиной месяца, готовился к свадьбе, собирал деньги, гнал в избушке невесты спирт-самогон. Новый год встречал с невестой у родного брата Николая. Ходили кататься с ледяных гор на площадь обкома партии, и какая-то сволочь сорвала с Лёни меховую шапку-баярку. Свадьбу справляли у жениха на квартире. И с той, и с другой стороны народу было предостаточно. Жених гордился тем, что на первый раз всем поставили по полному стакану водки, и только потом пошёл самогон, а не по половине стакана, как на свадьбах брата Николая и сестры Людмилы. Было много рыбного,

тушёная картошка со свиной, пироги, сладкий хворост и замечательные пельмени, и не сотни, а тысячи. Считай, мешок пятиведёрный.

Свадьба закончилась только на третий день, когда до обеда ещё сидело трое-четверо недогулявших, допивая самогон и доедая холодный винегрет. Потом и эти ушли, и были окончательно с мылом вымыты молодой полой.

Вставала стеной будущая жизнь, как строительная площадка брусчатого дома: с порубками топором, древосдиранием, приколачиванием, обязательной любовью и абортками. Из мужа исходило семя и микроскопическая металлическая пыль, отчего Галина ежедневно меняла простыни. Свекровь не любила Галину и сразу дала ей это понять после того, как она назвала свекровь мамой. «Не мамкай! – огрызнулась свекровь. – Ещё не заслужила называть меня мамкой». А когда после сеанса сына, вышедшего из спальни потным, умаявшимся, мать пожалела во всю комнату: «Уработался, сынок!», – Галя подумала, что надо жить под своей крышей. И даже на последнем сроке беременности снохи свекровь не могла успокоиться, с досадой, что сын не женился на Ольге. И красивая, мол, да и в дорогом белье ходит, ну не гнал бы, ну потерпел бы, добивался своего. А Лёня подумает: «И чего бы мать Ольгу нахваливает. Ему и Галка хороша. Допустим, губа коротковата и зубы приоткрывает, и живот талию портит, но это можно не замечать. Ведь какие чудо-глаза, сдобненькие ручончики, и ноги ведь не кривые, не тонкие, а профиль – да еще ой-ой-ой!».

Когда Леониду на другой день свадьбы подали стакан водки как жениху, переспавшему первую брачную ночь, то он выпил и так хлобыстнул его об пол, что стеклянная крупа разлетелась по всей комнате. Хотя и было это как-то несуразно. Гости-то по домам не разошлись и так упились, что спали вповалку и в спальне, и в комнате, и на кухне, и в темнушке. А между женихом и невестой спал племянник из Чимкента, где уж там до познаний друг друга, а до загса невеста всё время в одной кровати с матерью спала.

Другая Галина, Кирина, мехзаводская подружка, вышла только через четыре года. Работала фрезеровщицей, не доедала, как говорят, не до-

пивала, и вместе с матерью скопили деньжонок, купили сносную избу. Тут и жених подыскался – познакомили. Жених и ростом не ниже невесты, стройный, на лицо хорош, но глаза вприщур, и губы верёвочками по лицу, видно, хорошего не жди. Мать Гали почувяла, видно, неладное, да молчала до самой свадьбы. А и будешь молчать, когда за две недели до свадьбы дочь с женихом всю уже спали. Сашке, зятю, пообещали на работе большую комнату в ГРЭСовском доме, и он уже собирался продать избу тещи и купить мотоцикл. На другой день свадьбы, а свадьбу справлял Сашка у сестры в Красновке, жениху подали водку в тонком стакане, да всклень. Ну, Сашку водкой не испугаешь, выпил он да бросил об пол. Стакан лёгкий, видно, был, скользнул по ножке модного стула и приземлился на половик, не разбившись. И на второй раз то же самое. Некоторые гости не сдержались, загыгыкали. И тогда Сашка с тяжёлой взвесью на лице наступил, как на змея ползучего, на стакан и раздавил.

Тёща у Сашки была боевая, не зря в своё время дояркой работала, за корма грызлась не на жизнь, а на смерть. Не хотелось, видно, уходить из избы, хотелось одной самостоятельно пожить. Не вытерпела и выдала перед всем честным народом Горбадееву:

– Лёня! Давай всё прекратим. Бери мою Гальку, живи с ней!

– Так у меня уже есть хомут – жена, – с великодушием в голосе говорит Лёня.

– Сын растёт, и второй барабан намечается.

Избу дочь настояла продать. Мотоцикл купили, а обида, принесённая тещей на свадьбе, обозначилась тёмной взвесью на Сашкином красивом лице, где и глаза, и губы – верёвочками. Родился мальчик. В тот год поголовно мальчишкам давали имя Вадим.

Кирпичи похахатывают

В русском народе всегда, если бедный женится на бедной, говорят, успокаивают – если на столе картошка да капуста, то и в доме не пусто. Если молодец женился на страшенькой, вос-

клицают – с лица воду не пить, да ещё вдогонку: добрая хозяйка да жирные щи – и другого добра не ищи. Женился вот Лоскутников на Ольге ипил с её лица и тела нектары медовые, и не нужны ему были ни жирные щи, ни картошка с капустой. Как начальником смены стал, жилплощадь просторную дали, правда, жена попивать стала, но только вина марочные, дорогие. А вот Лёня Горбадеев первые годы на картошке и капусте, когда из Кемерова на Урал переехал. Потом уже на Волге – яблок и помидоров соленых был целый подвал. А уже на северах – жирные щи да пельмени постоянно были, и икра щучья, и рыба красная, чистота и ухоженность в доме, а всё-таки выдал повзрослевшим сыновьям, как последнее издыхание пострадавшего: «Да, дети, сколько жил с вашей матерью, и никогда её не любил». Но это уже потом было, а пока Галина года два пожила со свекровью в так сказать «разбавленном» виде. Свекровь то с сыном Лёней месяц – другой поживёт, то с внучатами, детьми дочери, поводится. Всё как-то смягчалось.

Жила у Лёни бабушка, мать по отцу, на Урале, около Свердловска, в Ревде. Там историческая вязь Камаганцевых с Горбадеевыми переплеталась. Те всю жизнь мастерами да начальниками на железодзделательном заводе династию вели. Родив сына, основались молодые Горбадеевы на Урале в завещанной Лёне избе. Изба маленькая. Русская печь, два окна на улицу с видом на пруд да запрудные пашенки и леса. Пожили год, и коммунисты железодзделательного завода, на котором работал Лёня, решили помочь ему как передовому боевому товарищу. «Стройся, – говорят. – Цемент, песок привезём. Вон церковь на кирпичи разбирают. Разбирай! Машину на вывоз – пожалуйста!» Из кирпича Лёня коробку девять на девять сложил. Когда разобрал, чуть не завалило. Лёня всё смеялся, что основу церкви раньше разобрали, а ему досталась одна археология.

Мать Галине как могла, так и помогала. Привезёт конопатой бязи, а та и простыни, и наволочки, и занавески, и себе рубахи ночные, и мужу кальсоны понашьёт, чай, не даром на курсы кройки и шитья ходила. На третий год

строительства мать писала сыну Филиппу: «Потолок “осчекатурен”, будем “чекатурить” стены. На зиму должны перейти в новый дом». О том, как достались стропилы, как Лёня плавил нарубленные ели с верховьев пруда да перекладывал сам три раза печь, можно и не рассказывать. Что в этом интересного, когда за весь трёхгодичный период и гвозди, и обрешётку, и горбыльки на потолок Галина по досточке да по досточке, если в ночную смену, за два с половиной километра с лесопилки наносила. Мастер участка, бывало, сам скажет: «Бери, Горбадеева, вот это да это себе на строительство. С государства не убудет».

Уже когда в дом перешли, второму мальчику, Владу, два года было: белый, пучеглазый. Как говорила сестра Лёни: «Весь в камаганцевскую породу вышел». Галя к тому времени на маникюрную работу перешла. В парикмахерском заведении у неё свой столик нашёлся. Там и маникюр, и педикюр. Работа с хорошей денежной заинтересованностью. Лёня – лучший токарь, тоже жену по заработку догоняет. В доме просторно. Старухи съедутся, бывало, поругаются, есть куда разбежаться, не то, что в старой избёнке, где мать Лёни специально ложилась в кухоньке-прихожей, постелив половики и голову на порог вместо подушки. Огород, удобренный куриным помётом, давал хороший урожай картошки. Козы – молоко. Всё вроде бы шло хорошо. Но как-то Галина, проснувшись ночью и полежав некоторое время без сна, прислушиваясь к тишине, открыла неприятную новость. Ей послышалось похихатывание в толщине кирпичной кладки. Похихатывали кирпичи, и в разных местах. От мороза по коже Галина прижалась к мужу и стала, что с ней никогда не случалось, жадно-жадно целовать его.

О ночном происшествии, вернее, о слуховых галлюцинациях, Галина рассказала мужу после заданного вопроса:

– Ты ночью ничего не слышишь?

– Да, будто кирпичи похихатывают, – ответил он.

Ну, ладно, у одного могут гуси в голове лететь, но у двоих одновременно... Стало как-то не по себе. По православному бы – освятили дом,

поставили в передних углах иконы, так ведь Лёня – коммунист, не приведи, Господи, кто-нибудь донесёт. Тут дочь соседней Аня Силоранова приехала с Волги и стала расписывать рай между Самарой и Тольятти. Жигули вы, Жигули! И климат тёплый, и помидоры в начале мая в грунт высаживают, и яблоки, и сливы. Подумал Лёня да съезжать собрался. Он утаил от жены, что, ломая кирпичи на дом, начисто разобрал за алтарной частью склеп, соблазнившись, что склеп-подвал был пуст, и посаженный на известковом растворе кирпич брался хорошо. С три самосвала набралось.

Николай – малина в рот

Поехал Лёня в Жигули на Волгу по стойкому снегу, устроился работать в лесхозе. А в начале весны, взяв отпуск без содержания, перевёз на новое место семью. На выручку от продажи дома Горбадеевы купили садовый участок в шесть соток со всеми посадками, яблонями и шестью рядками малины.

Николай Горбадеев был на пять лет старше своего младшего брата Лёни. Братья жили по пословице: свой своему поневоле друг. Строиться друг другу помогали, не одно лето постную похлёбку хлебали да огородную зелень грызли. Деньги то на строительные материалы уходили, да и то, дом Николая, построенный на его семью и тещу, наполовину из гнилья вышел. Николай кроликов заводил, всё с долгами рассчитывался – на мясо денег не оставалось. Галя Горбадеева не к своему мужу, а к Николаю больше симпатию имела: большой, белый, мягкий. Обнимет сноху крепко-крепенько – благодать.

Николай имел присказку «малина в рот» и хорошо мог соврать. На Волге, когда ничего не надо было строить, когда только отпуск, ягоды, фрукты, козлятина да купание в реке, Николай расцветал: «На будущий год, малина в рот, когда пойду в отпуск, возьму Валюху и с ней поеду в Чимкент, малина в рот». Валюха, жена Николая, работала инспектором в пожарке. И сколько бы Николай ни приносил денег, работая кузне-

цом на мехзаводе, всё ей было мало. А деньги, по словам Николая, были немалые. И премии, и тринадцатая зарплата двух месячных зарплаток стоила.

Николай, как и каждый второй русский человек, склонен к «египтологии». Когда сказали ему, что кирпичи в доме на Урале похотывали, он на глазах домочадцев сначала задумался. Было видно, что в голове своей прокрутил колёсиками, смешивая разговор про найденную якобы в могиле водку с последней информацией, и выдал: «Я, малина в рот, с мертвяками запросто смолоду. Ещё в Чернушке когда мы жили, могилу посылали копать, малина в рот. С нами дед был. Только отбили ломами грунт в мой рост, а там гроб. Ну что делать? Открыли, малина в рот. Там скелет и в ногах бутылка. Дед взял бутылку, откупорил и так приложился, что чуть всю не осушил. Вот, говорит, настоящая водка, при царе разливали, малина в рот. Я тоже попробовал. Нонешняя водка ни в какое сравнение не идёт, ни одно название. А вы кирпичей напугались. Но ничего, и здесь жить можно, малина в рот».

У Лёни жизнь на Волге поначалу началась в бараке. Прозимовал в нём две зимы, а уже осенью половину коттеджа дали. Это одно слово – коттедж. С посёлка Гудронный, что в глубине Жигулёвского заповедника, щитовые бараки разбирать стали и свозить на Солнечную Поляну. Там местечко нашлось, КЦ стали называть. Там этот старый хлам на фундамент ставили да огнеупорным кирпичом на ряд ложком обкладывали. С виду-то красиво получалось, и зелень природная на участках кое-где оставалась. Так и говорили, живём на «кацах». У дома на «кацах» и огораживаться, и хозяйственные постройки, свинарник, погребец, сарай необходимость пристала строить. Галина перед тем, как третьего родить, полгода в отлучке была. В Жигулёвске на оператора котельного оборудования училась. Только по воскресеньям и виделись.

Деньги-то на Волге маленькие. Лёня только и зарабатывает. Платят чуть побольше тарифа, а где калым подвернётся, так самогоном расплачиваются. Только и разница в том, что летом на закуску кислые яблоки из сада заказчика, а зимой сало – вот и всё. На мальчишках всё горит,

особенно обувь. Хорошо, что маменька родная то конопатой бязи, а то, глядишь, фланели или ситца привезёт. В ту пору, когда бедствовали, в Жигулях обильный урожай грибов выдался. Опята крупные да чистые были. Рабочим лесхоза на выходные грузовую машину снаряжали, да и сам Лёня как бы на аварию на неделе ездил, а там, глядишь, короб грибов везёт. На грибные деньги детей в школу отправили и сами кое-какими махрами обзавелись. В это трудное время родила Галина третьего сына, Акимом назвали. Рожала Галина, как всегда трудно, даже врачи обещали летальный исход роженице, но ничего, молитвами слёзными обошлось. Вот оно, течение жизни на Волге.

Филипп, брат Галины, приехал к ним в гости года через четыре после того, как она с семьёй вселилась в дом на «кацах». Еда – картошка да солонина, всё больше помидоры да огурцы. Вечером выставляется ведро яблок штрефель. Дети едят больше десятка, бросая в помойное ведро крупные огрызки. Младший Аким личиком просветлённый, и когда Филипп ходил с ним в парк гулять, то он стоял в пальтишечке несчастный-несчастненький, готовый вот-вот расплакаться. Это старшие братья на картошке да на домашней выпечке развелись, чушканы чушканами.

Горбадеевым, как всегда, денег не хватало, дети росли, на них всё горело. Всё надоело до горькой редьки, всё застоялось в нищете да на низких зарплатах: своей и жены. Жена уже к тому времени в леспромхозовской котельной кочегарила, да только новая работа не спасала от безденежья. Съездил Лёня в Самару да обратился, куда надо. Заявил о том, что он токарь-фрезеровщик при любых полевых условиях, а те потом и звякнули по рации за Васюган. В ответ прокричали, чтоб он ждал вызов. Вызов пришёл через два месяца. В посёлке геологов на реке Вах освободилась жилплощадь, есть школа, можно выезжать с семьёй. Вызвали бабушку Горбадееху, прописали её на жительство для сохранения квартиры, купили ей пару коз на деньги за проданный сад – живи, мамаша! Уже глубокой осенью Влад писал письмо своему дяде Филиппу: «Вах встал. Наша школа находится около заливычка. Дядя, купи мне барабан».

Тюменский край – ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

В посёлке, что на реке Вах, Горбадеевы при хороших деньгах зажили жирно. Уже весной, как только стала лысой делянка, доставшаяся по наследству от бывших хозяев теперь уже горбадеевского огорода, Галина дала команду Лёне – строй теплицу, строй стайку. И пошёл Лёня побираться по редколесью, искать подходящие стволы. Места пойменные, подходящее далеко, да если и дойдёшь, срубишь, спасибо не скажут: сразу для Лёни законник появится. Вот и собирает Лёня болезненные чахоточные произрастания. Чтобы построить из всего этого, надо очень умелые руки. Ритмично, по полгода, живёт у Лёни тёща. Прилетает, когда уже нет комаров, когда высокие сугробы. Вертолёт зависает над сугробом, и пассажиры плюхаются в рыхлый снег. Тёща барахтается со своими узлами. В первую поездку тоже привезла конопатой бязи, но дочь ей сказала: «Мама, больше не вози». Мать пообижалась да перестала. Она была самая старенькая в посёлке, и жители с любовью относились к ней. Первый раз, когда дети были в школе и она одна перемывала посуду, в дом вошла молодая женщина и бросила на пол здоровенную щуку килограммов на пять, сказав: «Это вам на котлеты». И так всё время. Кто сохатины кусок, кто пернатую дичь несёт, а рыбу только чистить успевай. Когда начинала подъедать мошка, мать на пароходе «Зырянов» уплывала к себе домой. Николай – малина в рот все свои отпуска теперь проводил на Волге у своей мамочки. Съедал козий приплод, пил молоко, лакомился вишней, что росла по всему подворью.

За пятилетку, что прожили на Вахе, Горбадеевы заметно прибарахлились, стали похожи на людей с достатком. В отпускное время стали выезжать то на Волгу, то в Чимкент к родственникам мужа. В Чимкент, конечно, не с пустыми руками, с подарками. Когда созрела вишня на Волге, то всем Горбадеевским скопом. Бабушка Горбадееха уже всю себя хозяйкой считала. Сразу косо посмотрела на свою сватью, не приветила и пацанов. У самой две внучки из Кеме-

рова гостят, уже второй месяц. Северяне кинулись на вишню, бесцеремонно хватают, ветки гнут. Акимушка облюбовал самую маленькую вишенку и потихоньку ягодку за ягодкой скромненько ест. «Девкам-то оставьте!» – не вынесла Горбадеиха. Ей не нравились невоспитанные ребята-северяне – её внуки. Яйца сырые ели, молоко пили бычками, нахально бездельничали на глазах. Где-то на третий день пребывания на Волге, проснувшиеся поздно, северяне обнаружили, что вторая половина жильцов, а это были кемеровчане, отсутствует. Маленький Акимушка побежал к заветной вишенке, но вскоре вернулся.

– А где ягодка? – спросил он.

– Вон, бабка всё с девками обобрала. С вишней на базар уплыли, – ответила сыну мать Галина.

Отпуск у северных людей был большой. Звали в Чимкент. Однажды, когда и в Сибири изводила жара, приехала Галина из Чимкента. Со своими парнями там целый месяц провела, десять дней до конца отпуска оставалось. Ребята были загружены основательно. Помидоры, баклажаны, незрелые персики и почему-то полмешка картошки. Когда спросили её – зачем, то она отпарировала – так она же свежая. День был выходной. Филипп был дома. Едва Галина обсохла с дороги, она сразу закричала на Филиппа:

– А ты что сидишь? Что, работы нет? Сейчас найду!

Ребята и Филипп были выгнаны на огород выдирать на картофельном участке осот. На другой день Галина уже белила в избе. Ребята шли подавать документы в учебные заведения.

После переезда в Нижневартовск Горбадеевым стало совсем хорошо. Лёне жилплощадь выделили – две комнаты в заезжем доме – общаге. А это и к лучшему. Есть пустырёк – огород можно раскопать, тепличку построить, баньку, мастерскую.

Влад в Кемерове остался. С большими усилиями набрал проходные баллы в техникум, стал учиться на механика. Михаил подал документы в «юнкерскую школу», да потом раздумал учиться и уехал к родителям в Нижневартовск и в местное ПТУ поступил на электросварщика. Перед армией, а у Михаила на год отсрочка

была (что-то подлечивал), соблазнила паренька молодая разведёнка. Сынишка её постоянно к Горбадеевым носился, ведь коридор общий. Да и сама мама Фая с мамой Галей по простоте души по-приятельски себя ведут. Фая-то чувашка, а чувашки охочие не дай бог, и умом изобретательны. Пока сынишка с Акимушкой играет, Михаилу неотложное дело в своей комнате найдёт, а там походит, подёргается, и халатик нараспашку – кушать подано. Другие страдают, а здесь всё доступно. Влад в Кемерове самый чувствительный, дух Лауры вызывает, а Мишутке от яблок наливных переспелой гнилью любовь запахла.

По сварному делу Миша в большой талант вышел. Перед армией в Кемерово приезжал – совсем мужик, а не ум – умишко. Дядю Николая осудил за то, что выпить племяннику предложил, за то, что тот дорогой водкой решил побаловаться. И вроде с севера приехал с деньгами, а на подарочек близкой родне и копеечки не потратил. Зуб золотой вставил, да не на самом видном месте, а показать, похвалиться хочется. Это ему удаётся, когда нужно унижить кемеровчан. Станут кемеровские что-нибудь про достоинства своего города говорить. Ведь и правда, Кемерово опрятный и богатый город. А Михаил щёку левую к глазу подтянет, выкрит верхнюю губу так, что зуб золотой весь до самого корня засветится, и скажет: «Чему удивили! Вот у нас в Нижневартовске!» А что в Нижневартовске дома как дома, грязь непролазная да огромные лужи, видно, деньгами оправдывал, умирал свою угнетённую душу Михаил.

Новую квартиру улучшенной планировки Лёня Горбадеев получил, когда Михаил служил в армии. На новом месте припомнились хихикающие кирпичи ревадинского дома. Дом, в который въезжал Горбадеев, стоял впритирку к могилам нижневартовского кладбища, возникшего во время раннего освоения горючих недр, где место было посуше и рос тоненький соснячок. При перезахоронении родственники погребённых зарывали в свежие могилы нетленные усохшие тела и снова ещё больше ревели. Безымянных, отпев, свалили в общую траншею.

Когда Михаил отслужил положенный срок и явился домой, то его встретило благоухание родительского жилища: мебель, портьеры, посуда тонкого фарфора, рыба, дичь, мясо, щучья икра, брусника, грибы. Лёня угощал гостей самогоном, воспитанным под коньяк. Были девки, мелькал улыбающийся Акимушка. Михаил говорил как-то малопонятно и опять же – выкривив губу. И всем казалось, что он много знает, да не хочет сказать.

Владлен, средний сын Горбадеевых, поинтереснее своего старшего брата Михаила. Михаил – молчун несусветный, на русского мало похож, чёрный. Гордыней берёт оттого, что сроботает шов, стык нефтепровода можно и не просвечивать. Личное клеймо имеет, вот и гордится. Владлен, этот в камагановскую породу вышел: белый. Глаза чёрные блестящие. Когда на нефтеучастке работал, то мордаха из подшлемника белой опарой лезла. Этот Владлен – большой любитель чтения. Светлый ум с большой любовью к детям. Когда учился в техникуме, то всё свободное время с местными ребятишками проводил. Строил из снежных кирпичиков крепости, а то сядет, наклеит из плотной бумаги бронетехнику, самолёты и разыгрывает с мелюзгой бои с поджиганием. В армию не взяли – вес большой.

Приехал Влад в Кемерово в отпуск, а там проведдали, что он такой молодец, и знакомая завуч общеобразовательной школы смотрины провела. Своих девчонок, выпускниц педагогического колледжа, выставила – выбирай. Вот Снежана есть. Владлен с маху влюбился в Снежану, не стал рассматривать охочих да лягушек со стрелой. Снежана из разряда Наоми Кэмпбелл, Волочковой. В конкурсе красоты участвовала, да вот красота очень обнищенная. Не чувствуется глубины, не видно таинственной бархатистости, но коса обвита под эпоху Возрождения серебряными нитями. Ни дать ни взять – Джульетта Капулетти.

Полюбил Владлен Снежану, и Снежана полюбила Владлена. Пока дружили, Владлен устроился на электростанцию и всех уверил, что будут хорошие заработки, что родители крепки на ногах – без внимания не оставят. Да и личишко

немалую роль сыграло, ведь камаганцевской породы. Будущий тесть так и сказал дочке: «Выходи замуж. Это моё последнее слово». Правда, тёща всё кривилась и всем говорила, что не такого хотела бы дочке. Женишок мелковат – это, в её понимании, чином не вышел. Родители Снежаны слабовидящие. Божий свет туманом в глазах стоит, а Влад так и заявил: «Я вас не оставлю, не беспокойтесь. И Снежану любить буду крепко, и всё будет как надо».

Приехал Лёня из Нижневартовска, договорились, когда свадьбу играть, сколько намечается гостей с обеих сторон. Лёня видел и понимал, что всё придётся брать на себя, что будущие сватья не помощники, и был в таком волнении, что не пилоь и не елось. Лёня вспомнил молодость, вспомнил Ольгу, которую увёл начальник смены Лоскутников, и успокоился тем, что Снежана намного лучше Ольги, и радость грела сознание, обещала счастливое будущее сыну.

На свадьбу папа Лёня, мама Галя, Михаил и Акимушка приехали из Нижневартовска, как будто из Чимкента – со всем своим. Два ведра крепчайшего самогона в канистрах, тридцать куриных тушек да столько же поленьев мороженого судака, ведро брусники, мешок пельменей, – как будто в Кемерове всего этого не нашлось бы. Миша так и сказал в ответ на брошенную Филиппом реплику.

– Так ведь это наше – нижневартовское. У нас в Нижневартовске лучше и дешевле, не смотри, что север.

Мать Снежаны Горбаткиной не хотела, чтобы Влад Горбадеев женился на её «благородной» дочке. Вон предпринимателей сколько, да вот дочь-то в ум не вошла, не умеет покрасоваться, себя преподнести. Ещё ни с кем и не гуляла, не порочна. Поэтому и платье самое дорогущее заказали, и кольца, и цветы, и на подарки намекнули, что деньги немалые стоят. Но жениха не собьёшь с курса. Твердит, как оглашенный: «Мама, это моя судьба!» Михаил за день до регистрации при своих двоюродных сёстрах сказал, мотая головой и усмехаясь: «Нашёл же красавицу. У нас в Нижневартовске таких на каждом углу». И губу выкривил, и зуб золотой показал. Назавтра ему предстояло выкупать невесту, и он

учил, напутствовал двоюродных сестёр, чтобы они были понаглее и действовали и горлом, и плечами.

Акимушка был далеко-далеко от всей этой суеты. Сказались последствия родовой травмы. Школу он оставил после второго класса, едва научившись читать. Как-то замолчал, и всё тут. Но мир его не был пуст. В доме он добивался идеальной чистоты, любил цветы, поливал, протирал мокрой салфеткой листья. Мать окрестила Акимушку в церкви и купила две книги: одну Ветхого, другую Нового завета. И бывало, Акимушка, почитав-почитав, подойдёт и скажет про Иова, что во чреве кита проживал. Скажет, что и не сразу поймёшь, а он отойдёт, радостью сияя. Если заболит бабушка Аня, он и спину ей натрёт, и воды попить подаст. Потом подойдёт к матери, задумается с вселенской значимостью и скажет: «Баба болеет!»

Когда вместе с матерью в Италию ездил, то снялся на память в костюме гвардейца Ватикана, где одна сторона по вертикали желтая, а другая – оранжевая, с алебардой. И всё серьёзно. А когда ездили семьёй на Чёрное море, вышло как-то легкомысленно. И Акимушка, и Лёня вместе и по отдельности фотографировались на фоне моря с одинокой искусственной пальмой в нарядах туземцев острова Папуа с перьями в волосах, в юбках из зелёных растений и с копьями. А кругом валялись искусственные грудные клетки человека и черепа.

КЕМЕРОВСКОЕ СТОЯНИЕ

Жена Филиппа Сдобникова пришла только на регистрацию брака Владлена и Снежаны, и, когда Снежана Горбаткина стала Снежаной Горбадеевой, вручила каждому по иконе: Владлену – икону Спасителя, Снежане – икону Божьей Матери. Иконы были дешёвые, на картоне, но выглядели символично. «Хорошо, что на выкуп невесты не пришла, – подумал Филипп, – а то бы насмотрелась!», – глядя, как лица гостей со стороны невесты задёрнулись в ехидненьких усмешках: ничего себе, чистенькая богомолочка вытворяет!

Двоюродные братья и сёстры Владлена были уже неприязненно настроены на обратную сторону. Выкупать невесту Горбадеевы собирались съестными подарками, вином. Хорошо, что с ходу ворвались на второй этаж невестинного подъезда, но выше уже сгустилась толпа девок и нагловатых парней, требуя откупить проход. Михаил велел подать мешок, где были заготовлены кульки с разными орехами и конфетами, стал предлагать девчатам, а парням разливать по стопкам вино. Но это были первобытные ящеры.

– Ты брось, мужик, – сказали они Михаилу. – Клади на каждую ступеньку красненькую, а орехи раздай своей толпе.

Михаилу было очень обидно, но он положил на первую ступеньку красненькую десятку, подумав, что до конца не хватит и двух северных зарплат. И когда он послушно откупил с братом восемь ступенек, то Снежана летела белым ангелом в объятия жениха, спасая от разорения и смертельного конфликта. Все рассмеялись и обратили конфликт в душещипательную шутку. Только мать Снежаны всё говорила, что не такого зятя хотела.

Свадьбу играли в большой комнате частного дома. Гости, выехавшие заказным автобусом, долго ждали новобрачных: час, другой. Потом по углам веранды стали выпивать и закусывать, ожидая, когда же по-настоящему можно будет сесть за стол. Когда уже совсем обозначился зимний вечер, наконец-то показались пропавшие. Оказалось, что сломалась машина, и молодожёны перемерзли насквозь, пока её ремонтировали. Молодёжь со стороны невесты решила покуражиться, добрать своё, но невеста взяла сторону мужа. Она дала знать, что семья мужа теперь превыше всего. К свекрови она кинулась в объятия со словами: «Мамулечка моя милая! Заждалась?»

Молодые сели в общество отроков и отроковиц, где были фрукты, шампанское и большой в розочках торт. Родня невесты в отдельной комнате, особняком, при открытых дверях. Там правила жена старшего брата Снежаны. Она позаботилась о разнообразной снеди и выпивке для людей, близких ей по духу. Родственникам

жениха ставили в бутылках неразбавленный Лёнин самогон. Это было не питьё – ртуть. Закусывали зажаренными пластами судака, квашеной капустой. Галина всё просила стряпчих, подруг сватки, чтобы те подавали куриц, котлеты. Но стряпчие, хватанув по стопке Лёниной испыталовки, уже ни на что не обращали внимания, и всё пошло самотёком. Пившие шампанское и премиумную водку весело резвились, вертели в танцах бёдрами. Родственники жениха после самогона не могли поднять задниц и шумно что-то говорили. Самый агрессивный сродник невесты, хлебнув стопку самогона, тут же отрыгнул обильной закуской в пустую тарелку и поставил на стол родственникам жениха. Хорошо, что кто-то бдительно тут же убрал.

И опять же со стороны невесты мальчиш-плохиш, нырнув под стол, сорвал с ноги невесты туфельку и потребовал выкуп, зависив стоимость. Снежана, сняв с ноги вторую туфлю, потребовала принести галоши взамен белоснежной пары. Тесть Владлена находился около сватов. Он очень волновался, выходил на свежий воздух, чтобы успокоиться, а придя с улицы, выпивал то, что подавали на стол родственникам свата. Укатив с молодыми домой, он и дома находился как бы в непроглядном тумане. Молодые закрылись в своей спальне на ключ. Когда Снежана осталась в самом тоненьком, обжигая Владлена законной близостью, в дверь стала сильно стучаться тёща. Снежана заругалась на мать, но та сообщила, что отец отдал Богу свою душу.

Не прошло и сорока дней, а Владлен уже готовил железное витьё ворот и калиток будущей садоводческой усадьбы. Землю брала тёща по распределению организации, в которой работала с мужем. О трагически умершем Горбаткине говорили сдержанно, что жить хотел, о здоровье заботился, всегда врачей визитами беспокоил, да, видно, смирился, дочь благословил, молодому хозяину место уступил. Тётка Владлена возмущалась: «Угробили мужика своими выходками. Когда раньше свадьбу справляли, больше половины мужиков разрисованных было, с железными зубами на весь рот, а так не бесчинствовали!»

После свадьбы Владлен питался пельменями, сэкономленными родственниками жены, и курами, потихоньку ненавидя мир за это однообразие. Ненавидел мир, когда друзья Снежаны уже после свадьбы ходили к ней в гости. Владлен предлагал гостям кофе, чай, магазинную выпечку, но вместо нормального разговора было бесовское хихиканье, неразборчивая речь, и казалось, что этому не будет ни конца, ни края. Всё какое-то полублатное. Владлен заходил в туалет или в ванную комнату и бил в звонкую бетонную панель хрущёвки своим лбом. Владлен любил Снежану всей разгулявшейся плотью, а эти бесы своими визитами отвлекали, разрушали ауру.

Когда Снежана забеременела, друзья ходить перестали, но беспокойство за жену осталось. Видно, сдвинул мозги, когда бил головой о бетон. Владлену казалось, что Снежана слишком красива. Он ревновал ко всем мужчинам, которые задерживались на ней взглядом более трёх секунд. Тогда он начинал сжимать кулаки и глядеть исподлобья. Если кто был намного слабее его (здоровяков Влад боялся), то говорил: «Выйдем, я тебе морду набью!»

Дядю Филиппа Владлен презирал, видимо, наслушавшись нелицеприятных разговоров отца и насмотревшись на отношение к нему матери. Владлен навещал бабушку, у которой жил Филипп. Принесут со Снежаной какой-нибудь патиссончик бабушке в подарок, советуют, как приготовить, и глядят на Филиппа. И вид весь говорит – сожрёт ведь обормот.

Как-то Филипп шапку Владлена из стриженного бобра спутал с собачьей, Влад сразу напыжился: «Дядя, я обижусь!». А когда дядя невольно передержал взгляд на Снежане, то пообещал за это открутить голову. Зверел человек!

Сизиновка за школами и жилыми домиками районо сдала в аренду садоводческому товариществу общинные выпаса. Она была просто деревней когда-то, потом долго колхозом и отделением совхоза. Здесь удобно жила крестьянская мелкота. Хороших домов раз-два и обчёлся. Речонка извилистая зимой не перемерзает, вода родниковая. Берега удобные, русло разлива не даёт в весеннее половодье, и домишки разбро-

саны, не соприкасаясь, по руслу, ближе к воде. Вроде и обитатели живут втихушку, бог чем занимаются. Смотришь, где-то далеко маячит скотный двор, водонапорная башенка. Прячется в березняках сушилка, проглядывает зерновой склад. Вот и всё. Когда организовывали колхоз, все веялки, конные сеялки и косилки в один сарай свезли. Курей на общественное питание реквизировали. Когда к совхозу присоединили, то магазин, клубик и порядок жилых домов построили, где на временной привязи у каждого вместо лошадей, верблюдов, точно слоны, стояли зерновые комбайны, большегрузные трактора с тележками, тяжёлые бульдозеры на гусеничном ходу – по времени года.

Однажды весной всю пошла приватизация, когда Бык захватил Ачинский глинозёмный, когда в Тюменском крае начались кидалово да бандитизм. Вся техника, на которой работали сизиновцы, была прочно привязана к оградкам, плетням домов, избушек и сараюшек жителей. И было видно, кто чем занимался в совхозе. Жители коттеджного порядка поставили трактора, большегрузные самосвалы и комбайны. Низинная часть – трактора-колёсники с навесной техникой. Смотришь, у совсем захудалой избушки – тарельчатая сенокосилка, копнитель, а где просто лушильник. Всё в хорошем состоянии, всё, видно, исправное.

К тому времени, как Влад получил участок, завёз строительные материалы, поставил кованые царские ворота, сработанные на мехучастке, техника, полученная сизиновцами за два года как доля от приватизации, растаяла, словно навороченный горой снег. Сначала были сняты колёса, потом выставлены ветровые стёкла, убраны моторы, дверцы, гусеницы. Тарельчатые сенокосилки, прицепные копнители исчезли из вида в первое лето. Филипп пытался отговорить Влада от места, где собирался он построить будущее своей семьи, говорил, что толку не будет. Но Влад не послушался, взял ещё пятнадцать соток под картошку, самонадеянно сказав: «Кто на мой участок залезет, тому голову отшибу!» Да пока никто и не собирался лезть, никто не увёз за зиму и мешка цемента из кладки, что была защищена фанерным домиком. Никто

не сбил замок с пятитонного железнодорожного контейнера, где Влад хранил инструменты и ночевал со Снежаной. Никто не залез в теплицу, где огуречные плети росли так густо, что плодам не хватало места, что всегда сказывалось на урожае.

Филипп стал заложником стройки. Сначала он разобрал и очистил кирпичи Лёниной кладки. Песок был речным и до того чистым и сыпучим, что Лёня добавлял из будущего подпола глину. За зиму цемент в мешках от влаги так уплотнился, почти до камня, но ведь деньги заплачены – не покупать же новый. Добавился ещё один вид работы – размолот и перетирка. Почти бесплатный песок сразу давал осадку, не держал влагу, и кладка становилась мукой. Добавленная глина плохо размешивалась.

Фазенду Влад строил размером девять на девять, на четыре фронтона щипцовой крыши со вторым чердачным этажом. Влад мечтал жить здесь с ранней весны до поздней осени, мечтал купить машину, сдать на права. В Нижневартовске он без прав водил тяжёлый «КАМАЗ», собирая с качалок пробы.

Денежные накопления в перестройку у Горбачевых не пропали. Лёня чувствовал нестабильность, отоваривал вклады, свой и жены Галины, беря, что получше, подороже. Остаток подарил Михаилу. Да тот, от радости хорошо выпив, потерял «до копейки».

Решил Лёня большую деньги заколачивать. Купил токарный и фрезерный станки, построил тёплый сарай, где залил фундамент под станки. Сарай строил, из чего придётся: из фрагментов разрушенных балок, плавника. Дыры залепили смесью навоза и глины. Галина свежие лепёшки в старом Нижневартовске с ведром собирала. Смесью сначала вытаптывала, потом мазала. Михаил как раз на очереди квартирной стоял. Ему как передовику в конторе твёрдо обещали жильё. Парень крепко таился, а молчуном-то был несусветным, но гордость своё взяла. Видно, похвалился кому-то, что вот как, мол, меня любят, что квартиру дадут и деньги хорошие платят. Сумел промычать.

На Новый год пришла к Михаилу с его друзьями дева Юля. Погуляв, друзья ушли, а она

осталась. Заглянула мать, заглянул отец в Мишину комнату, а молодые в обнимку спят. Галина только рукой махнула. Невеста и личиком, и плечиками – разве что на зубок, зато бёдрами в такую ширь раздалась. Свадьбу на один дом играли у жениха. Мать невесты потребовала и на свой дом, да папа Лёня твёрдо отказался, заявив: «Если у вас есть на что, то и веселитесь, а я своё отдал». Через полгода молодые в квартире улучшенной планировки жили: и кухня, и две комнаты такие просторные! Для жены Михаила такая благодать. Раньше, когда жила девкой с братом у матери, не то было. Брат и пил, и наркоманил. Деньги не оставишь – утащит. Теперь и на мужнину получку широко живут.

Со своей женой Юлей Михаил приезжал в Кемерово, погостив в Чимкенте. Молча куражился, выкривив губу и показывая золотой зуб, и было видно, что Юлии Ивановне не шибко-то нравится поведение супруга. Дома молчит, слова не скажет, здесь выхваляется, никого не угостив, не купив и маломальского подарка для приличия. Придёт домой, включит телевизор и смотрит по третьему каналу передачи с подхихоткой. Ну а как не быть самодовольным в его понимании. Деньги приносит хорошие, квартиру заработал, жене шубу купил, словом, – весь набор удовольствий. Только в последнее время, когда Лёня с Галиной подали объявление на междугородний обмен жилплощади (инициатива была Галины, чтобы муж не водился с присохшими к сердцу подружками), Галя заметила, что перестал он довольно ухмыляться. Спросила:

– Что, в семье плохо?

– Плохо, мама! – ответил сын.

Квартиру Михаил поменял с улучшенной на простую хрущёвку с доплатой в виде потрёпанной вазовской восьмёрки. Поселился в садовом домике, где отец тешился с ухажёрками. Юля, пожив со своим одноклассником некоторое время, осталась одна, и когда Михаил с подарками навестил сына и собрался уходить, она, раскинув ручонки, загородила ему дорогу. Даже голос был двойным: голос жены и ангела-хранителя. И не было бы благороднее поступка уступить бывшей жене, простить, но это был глиняный болван с камнем за пазухой.

ДВЕ КОНЧИНЫ

Мать Гали Пантелеевой умерла по второму заходу. По первому не дали, хотя все муки предсмертные до конца вытерпела, а уж сколько стерпела до этого на старости лет, то выйдет море разливанное: до семидесяти лет по магазинам с тряпкой. Пенсию и зарплату дочь до копейки заберёт на семейное процветание, зять бесится, когда туалет займёт по нужде, внук младший карате шибает, пока его не нашибали в пионерлагере.

Оттерпела предсмертные муки, лёгко стало. Вот и старичок весь в белом дочь первенькую, что умерла малюткой, живёхонькую на руках несёт. Но не донёс и со словами «не время!» повернул назад. Дома ведь телефон. Дочь запросила реанимацию, и эта реанимация на диво тут как тут – воскресили старушку. И зачем воскресили? На новое страдание? Посвидетельствовать о старичке с дочерью первенькой? Только через две недели умерла и все две недели обижалась, что воскресили.

Галина мать Варвару похоронила, не сообщив её самой близкой подруге Феклисаде Сдобниковой. Варвара и Феклисада долго работали вместе доярками, нянями в больнице, когда дочери переехали на жительство в город. За маленькие деньги они трудились безупречно, по совести. Коровы у этих тружениц были ухожены до самого лучшего состояния. В лечашем отделении они всеми силами старались облегчить страдания больных чутким уходом, состраданием. Смотришь, совсем безнадежных брошенных старика, старушку, от которых уже дух разложения в последней стадии болезни, помогут, пригладят, причешут – всё облегчение.

После того как сообщили о смерти Варвары и похоронили её, мать и сын Сдобниковы стали как-то чаще говорить о Боге, о кончине. Мать Феклисада говорила, что и не думала доживать до такой глубокой старости. Работая на ферме дояркой, особенно в летнее время, мать, измученная непосильной работой, жаловалась детям, обещая наложить на себя руки, что сильно их пугало.

О Боге она не думала. Это было для неё за-предельно. Икон не продавали, родительских не было, не осталось. Церковь в городе была единственной, маленькой, да и когда выберешься. Есть еду насущную, что Бог дал на день грядущий: постное ли, скоромное, не считала и малейшим грехом. «Я столько постовала, что поста на три жизни хватит», – говорила мать детям. Умереть Феклисада не боялась. Только вот где лежать – была острая проблема. На новом кладбище было захоронено столько миру, столько миру, и все – в камнях, в щебёнке – не мирно! Там лежать не хотелось.

– Я тебя похороню в Денисово, – обещал сын Филипп. – Там земля на взгорке сухая, там вся родня наша, один к одному.

– Нет, не хочу, не хорошо, – отвечала мать.

Ей тоже часто снились сны-видения, еще с детских лет, и они были неприемлемы её жизненно-му существованию. Последний был такой. Вот она со своей почившей роднёй лежат в строгом сумраке, ждут решения небесного начальства и, как на грех, очухавшийся с перепоя мужичонка смертно ругается, лишая всякой надежды на воскрешение. «Тихо! Тихо!» – грозит своему соседу пальцем Феклисада.

Нижевартовск, где жила дочь, при случае не обещал ничего хорошего: сырой торф, промозглость. Филипп успокаивал мать:

– Ты, мама, жизнью своей святая. Тебе Бог сам место выберет!

А хотела мать, чтоб на могилку ягодка лезла, чтоб кругом незабудки да огоньки, любимые с детства, и берёзы лёгкие своим лиственным духом шумели.

Два года прожила старая Феклисада Романовна после инсульта в славном граде Нижевартовске. При хорошем уходе стала самостоятельно ходить по квартире, не будить, как раньше, ни внука, ни зятя, ни дочь. Потом умирать собралась. Стала молить Бога, чтобы вызволил из болотных хлябей, упокоил в сухом местечке. Бывало, как начнёт стонать да жалостливо просить, так хоть из дома беги. На поезде не увезёшь, дорога с пересадками. Самолётом проще. Довёз до аэропорта, погрузил, да и готово. До дома и на руках отнести труда не составляет. Да самолёты не летают.

У Лёни в Нижевартовске дела не пошли. Начал было дело: точить, сверлить, за изделия долларами брать, да кто-то донёс, и адрес домашний засветил. Пришла бумага явиться куда надо, а там и говорят: «Регистрируйте предприятие, несите бумаги за земельную ренту, разрешение пожарного надзора, общества охраны природы и бумаги на металлургию». Рэкетеры – лихие ребята лезут, требуют: «Дядя, плати долю».

Даже когда повыбил остекление сарая, завалил стену, всё равно бумаги шлют, интересуются, как дела идут. Да срань криминальная покоя не даёт, угрожает расправиться. Съездил Лёня в феврале поездом в окружную в Кемерово, а там сестра Людмила сказала, что половину коттеджа продают. Только надумали хозяева. И Лёня тут как тут, денежки наличкой протягивает. Оформили документы. Оформители упрекают, что балуют де городских, дачниками будут. А Лёня им: «Я в данном месте до конца своих дней жить остаюсь». Вернулся в Нижевартовск, а там извещение ждёт на обмен квартиры в Кемерово, причём равный обмен.

Воздушный рейс Нижевартовск – Кемерово возобновили, да только не ежедневный, а раз в десять дней. Зашевелились Горбадеевы. Билеты достали и сразу контейнер на кемеровскую квартиру отправили. Филиппу телеграммы никто не давал. И что мать доставили самолётом из Нижевартовска в Кемерово, сын только догадался, когда в скважине замка его квартиры была обнаружена свитая мелкая бумажка.

«Если дети шлодничали, то бумажка была бы загнана вовнутрь, чтобы не вошёл ключ, – подумал Филипп. – Что бы это значило?».

Наутро, а это было воскресенье, Филипп поехал к Владу. И правда – Снежана, Владлен, его тёща, Михаил и сестра были исполнены священного гнева. Оказалось, что Влад заказал автобус в учреждении, где работала его жена, что старушку привезли в гостинку Филиппа и хотели оставить её на законной площади с заявлением, мол, повозились два года, поносили тяжёлую ношу, а теперь очередь Филиппа. Хотел Филипп что-то сказать, да смутился – кругом молчание, гнев, презрение. «Ладно, я забираю», – промолвил Филипп. А сам подумал: «Как жить? Только работа началась, заказы пошли, а тут сиди».

Это уже потом упросил сестру, на чём единодушно порешили, отвезти мать на новое место в деревню, где воздух легче, и земля под ногами, что Филипп сделает малый заказ и с денежкой в деревню – за матерью ухаживать, сестре в благодарность помогать. Тут и мать из дальней комнатки, где спала, выходит. Сын стал её подбадривать, а она говорит:

– Смерть на меня что-то обиделась, не приходит. Я Бога молю, чтоб он её уговорил, ко мне послал.

– Ладно! Иди домой, – сказала сестра Галина. – Не тревожь мать, не наводи ей мысли.

Галина не сидела, не ждала изменения ситуации, а повезла начинавшую температурить мать. Мать поглаживала в окно микроавтобуса, любовалась полянами, где острыми стеблями начинала расти трава, где уже зацвели золотистые стародубки и запылали оранжевым цветом огоньки, а за километр до селения коридором встречали белизной и душистой зеленью берёзы. Она входила в новый приют дочери, который обещал прочную сытую жизнь. А небо, под которым этот приют находился, охватывало бесконечные луга по пойме речонки, гривы с прочными березняками, низинные густые тальники. Сердце старушки успокоилось, и она совсем не замечала неприбранного двора, неприветливых, голых, запущенных комнат. Мать привезли в деревню в понедельник, а уже в пятницу Филиппу сообщили: «Выезжай в Портки. Мать умерла!».

Еще в детстве, когда он незримой пуповиной был крепко связан всей своей физической жизнью с матерью, она два раза сообщала эту смертельно страшную весть. Филиппа охватывал, нет, пронзал такой ужас безысходности, что он мог тоже умереть вместе с матерью. Он бросался к ведру с водой и, зачерпнув в ковш влаги, предлагал, выговаривая быстро-быстро просьбу: «Попей водички, попей водички, мамаша!» Попив воды, мать отходила. А что умирала мать, то это была настоящая правда. После она говорила, когда ей уже было восемьдесят лет: «Не думала, что доживу до такой глубокой старости. Думала, что так и сдохну в коровнике за кормушками».

Услышав печальную весть, Филипп подумал: «Сейчас очнусь, и придёт то самое чувство, что

когда-то испытывал в детстве – ужас». Он попросил успокаивающих таблеток, хотел выпить, да не стал. Он удивился той тишине, которая вошла в его сознание. Надо было купить билеты и ехать рейсовым автобусом. Вот и всё.

Встретила сестра Галина. Она собиралась в город разгружать прибывший из Нижневартовска контейнер с вещами. Она сказала, что гроб привезут на другой день к вечеру. Потом рассказала о том, как скончалась мать. Пила водичку, потом как-то спохватилась и нетерпеливо запросила ягоды:

– Хочу ягодку! Хочу ягодку! – с тревогой, будто не успеет, просила мать.

– Я взяла засахаренной смородины и промыла в холодной воде. Ягоды были, как свежие. Мать наелась и успокоилась, заснула. Вот уже вечер, а мамаша спит и меня не беспокоит. Я к ней, а она не отзывается. Позвали сестру из медпункта, та и удостоверилась, что мать уже неживая. Жаль, что, как нищенку, придётся хоронить. Всё добро в контейнерах.

– Свет еще не налажен, – сообщила сестра.

– Я целый пук восковых свечей привёз, – успокоил её брат.

Ни креста, ни крышки гроба не стояло при входе в дом. Совсем единицы из сельчан знали, что у новых хозяев запустевшей усадьбы скончалась старушка, не прожив и недели после приезда. Никто не шёл ни час, ни другой. В комнатах, как и на улице, было много света, божьей простоты и никакой другой духовности.

Стояли в банке из-под консервированного компота четыре оранжевые купальницы и пара темно-лиловых первоцветов. Филипп хотел почитать псалтырь. Взял Евангелие, прочёл пару псалмов, да смысл стихов отозвался ненужной тяжестью от наступившей телесности давно прошедшего времени для мирной кончины, для просёлка, для телеги, на которой везли почти невесомое тело на зелёный погост. Неожиданно вышел обмен квартиры, неожиданно возобновились авиарейсы и смирение сестры... После поминального обеда солнце стояло ещё высоко, оставалась уйма светлого времени, когда Филипп мерил даль просёлочной дороги до основной автотрассы.

Горбадеевское царство

Первый год, как переехал Лёня в Портки, хотел на два дома жить – и в городской квартире понежиться, и в сельской тоже в поте лица на земле летом потрудиться. Да не вышло. Время оказалось пакостное. Нужен был досмотр бдительней бдительного. Хороших мужиков и не увидишь, всё больше бесом одержимые. Жить хотят кучеряво, ничего не делая, а если что-то делают, то на малых оборотах. Землю сдали пивозаводчику за комбикорма. Траву на сено – коси, не ленись, да за хозяйством ходить надо, хоть мало-мальски да свежую голову иметь. Как узнали, что Лёня городской и всё с нуля начинает, идут один за другим, и все корма предлагают, да так, что один продаёт, а другой тот же мешок утащить норовит. Кастрюли алюминиевые в первый же год уворовали. Ни днём, ни ночью от одержимых покоя нет. Узнал как-то о Лёне фермер – армянин, что в городе немалую квартиру имеет и не живёт, и предложил свои услуги: уголь, комбикорма, нетель, чтобы вместо денег за проживание дочерей расплатиться. На том Лёня и согласился. В первый год после похорон тёщи при помощи того же фермера привезли целый панелевоз списанных шпал. Распилили каждую шпалу надвое по длине, возвели стены коровника, загон для свиней и птицы. Помогал Лёне брат Коля – малина в рот.

Когда Лёня получил как житель, прописанный в Портках, покос, то от предложения мужиков скосить трактором за ощутимую плату, жалея деньги, отмахнулся, мол де, сами управимся, раньше в Чернушке не на одну корову накашивали. Справили косы, отбили, как положено, Николай-то первый кузнец на заводе. Влад напрочь отказался – на даче дел невпроворот. Приехали Лёня да Николай на велосипедах. Травы выдались густые, высокие, душистые. Взял Николай литовку и со словами «ну, малина в рот» начал косить, загребая траву. За ним Лёня. Уже на третьем прокосе вся удаль вышла. Ну, накосили вдвоём на полторы копны, а нужно на всех травоядных не меньше двадцати копён, а то и еще больше. Это больше недели косить надо до смертоубийства. Порешили не мучиться.

Когда Лёня хорошо огородил свою усадьбу да выставил резные ворота, местные воры-ухари стали высказывать своё недовольство: «Чего ты выпендриваешься, грыжей лезешь. Смотри, живо спалим и тебя пораньше отправим на постоянный отдых. Веди себя так, как мы себя ведём». Завёл Лёня собак. Сука кавказской породы переднюю часть с улицы да денник охраняет, а с огорода кобелёк злобой на нет исходит, такой грызун несусветный. Морды местные ещё злее стали – запросто так по хозяйству не порыщешь. Акимушка кормит собак два раза в день. На него ложится такое послушание – собак кормить. Все внутренности, если Николай – малина в рот половину на пироги не заберёт, собакам скармливают. Бывало, напарят ячменной долблёнки вместе с непорубленными кишками, поставят чугунок, и Акимушка с нескрываемой радостью на лице вытягивает горстью разваренное мясное варево. Зимой, когда нет полива и прополки, Акимушка утром и вечером гуляет вдоль огорода, словно Гвидон Салтанович: одет с иголочки, в глянцевах сапожках, при дорогих часах – самый безобиднейший человек. В своей комнате Акимушка читает Библию, слушает классику, песни Высоцкого. Бывало, подойдёт к матери, к Снежане, к Филиппу и, глядя в пол, поведует:

– Царица Иезавель любопытной была, из окна своего дома на улицу выпала, и её кони растоптали.

– Вот, Акимушка, не хочешь ли ты быть монахом? Жить в монастыре, где церкви с золотыми куполами? Под колокольный звон ходить на молитву, а потом на послух, – спросит Филипп. – Или жениться? Говори!

– Нет, жениться! – ответит Акимушка, хорошо подумав.

Хозяйством своим Лёня гордился. В первый год две свиньи выкормил, к весне ждал от нетели телёнка. Через три-четыре года у Лёни было образцовое хозяйство: две дойные коровы, бык Петька по второму году, восемь овец, куры, мускусные утки. Бывало, Лёня скажет приехавшему погостить Филиппу: «У меня на целый год мясом семья и дети обеспечены, а ты что дал своей единственной дочери?» Филиппу и ска-

зять нечего. Правда, наделил он дочери комнату с балконом в семейном общежитии, ну даст немного денег пригасить нужду. Да она сама и не просит. А то Лёня скажет: «Матери у могилы стол поставил, скамейку. День, будь милостлив, отработай».

Сыну Владу без отработки дачу строить помогает. Тут и кирпич, тысячу-другую, на печь с ограбленного коровника наломал, пиломатериалы на фронтоны купить помог, оконные переплёты сотворил. Живи! Процветай! Ну и обида на сына тоже немалая есть. Сена клочка не купит, ни на цыплёнка, ни на поросёнка денег копеечки не даст. Мать на машину свои кровные отдала, когда пенсионер предложил хорошо сохранный «Комби».

Лёне нравилось подвести сына к парной туше кабана да сказать: «Забирай!», и пойти по своим делам. Я, дескать, выкормил, а ты погрузить да вывезти до дома сам постарайся. Можно было бы, когда замёрзнет туша, распилить по частям двуручной пилой, а ещё лучше – отцовской электрической, но ведь не ездить же в деревню второй раз, бензин жечь. Зовёт Влад Снежану, а та: «Папуля, помоги погрузить!», а тот будто и не слышит. Тут уж Галина делу помогает. Надёрнет фуфайчку, выскочит во двор и кричит мужу, чтобы он помог тушу в машину погрузить. Тут и Влад, и Снежана начеку, чтоб отец в дом не заходил, лишний раз не звать, ждут. Галя мужа в тычки, как когда-то Филиппа за водой посылала, а тот: «Я купил, вырастил поросё, а как сыну забирать – это уже его дело». И дети, и жена напроклинают Лёню, что, мол, совсем сдурел, ума совсем не осталось, надерзил, но в салон «Комби» сообщая тушу затолкнут. Через пару недель, месяц за бараниной для шашлыков да для плова просить едут. Тут уж от Лёни не надо никакой помощи. Супруга и отрубит, и отрежет.

Когда Владлен ухаживал за Снежаной, она на конкурсе красоты в последний раз участвовала. Любила она эту суету, имела поклонников, которые не предлагали ей выходить за них замуж. Вся целомудренной и невинной Владу досталась. Даже после регистрации месяца четыре продолжалась эта «свадьба», от которой муж бился головой о бетонную стену в туалете.

Прошло время, поклонники сгнули. Тёща, недовольная зарплатой зятя, постоянно напоминала ему, что женщина – это дорогое удовольствие для мужчины, а он с красавицей живёт. Нужно не только кормить, но и шубку меховую, да и колечки золотые, серёжки, одежду, бельё соответствующее. И чувствует Влад себя дурак дураком за то, что несёт это поношение от окружающего мира, за то, что сладко спится с красивой женой. Он её в свой цех фиктивно уборщиком производственного помещения устроил и после своей невпроворот работы убирает стальную стружку, метёт и моет полы, чистит засранные туалеты. Это он по настоянию жены взял дополнительный клин земли под будущую дачу для детей, где сажает теперь картошку. Бывало, скажет жена при матери и свекрови, что брат купил своей жене меховую шубу. Теперь она – нутрия. А это для Влада и Галины намёк: доставай-ка из гардероба свою заветную и походи в пальто, пока сын денежки не накопит. Тёща тут же поддакнет, что детям помогать надо. На стенах комнаты, где живёт её сын, фотопортреты Снежаны и сына. Вот сын сидит в дорогом кресле с лицом до краёв сытого счастливого человека. Ни дать ни взять – олигарх! С ним Снежана в улыбке губы свои развалила, в белом подвенечном платье. Этот портрет появился спустя полгода после свадьбы. На свадебных фотографиях Влад глазами на выпучку вышел, будто кто-то сильно его напугал, а Снежана гримасками личико устроила.

Устраивал Лёня горбадеевское царство на приобретённой вместе с половиной коттеджа земле: резные ворота, двор плитами песчаника вымощен, столарка, переходящая в баню, устроена, беседка, перепланировка в жилище, чтоб и туалет в доме, и камин. Камин топится так, что, гляди, как бы горящие поленья из трубы не выпорхнули. Портковские бабы Лёней не налюбуются, заигрывают. Вздумал Лёня настоящую, отдельную баню построить, сладким паром побаловаться. Пошёл с топором в осинник почистить на корню стволы, а потом подсушенные пустить на сруб новой бани. Захватили его за этим занятием мужики. Сразу ему: «Что своевольничаешь?»

Ты здесь никто, давно ли приехал, а мы сами рубить лубяные баньки надумали, так что не одна сотня осин понадобится. Если порубишь, башку твою оторвём. Вон руби кривые да те, что с килой. Это тебе позволяем». Коля – малина в рот привёз из города два швеллера да нарезанные с двух сторон болты. Так и стягивал гайками на сырую Лёня брёвна – горбы выравнивал. Только на третий год после поруба стояло лохматое чудовище вроде мамонта – Лёнина баня, оттого что вместо мха в пазы шла травяная сечка.

Видно, не очень большим уважением пользовался Филипп в семействе сестры, где ориентиры на успех, доблесть, высокую мораль. Что там и около говорят, не оспоришь, а кто под бревном ходит, кто основную тяжесть несёт, плохо усматривается. После того как пришлось уступить Филиппу и отвезти мать в деревню, где она тут же и скончалась, Филипп совсем слинял в глазах племянников. Они и отца уважать перестали, оттого что до движения им самим порождённой инициативы мать его всегда в тычки, в тычки жизнь устраивать толкает. Согласись Филипп оставить мать в общежитии, умерла бы она в гостинке, и не было бы случая посидеть ночь, другую, подумать с ней о вечности. Увезли бы в морг, а оттуда из ритуального зала до могилы, и камнями бы закидали. Вот и видит Филипп сестру свою единственную, когда, постояв с ней на рубеже царства Божия, идут продолжать свою земную жизнь. Сестра уже теперь не только сестра, но и мать сердечная.

– Ты не забывай! Приезжай! – говорит сестра.

– Не забуду, приеду, – отвечает брат.

Вот он и состоялся – отчий дом. И видит Филипп, как идёт он погожим осенним утром, отмеривая уютную даль полей, и янтарный расцвет навевает тепло домашней печи. А вот он и дом, а вот и сестра, похлёбка, чай с молоком, варенье из полевой клубники. Но сестра уже не та, и ездить Филиппу нужно в плохую погоду, в определённое время. Бывало, приедет в полдень, отобедают, отдохнут часок, а потом сестра спохватится и скажет Филиппу: «Ты что сидишь? Что работы не видишь? А ну, полезай в подпол, картошки набери да чугунок ставь». И весь вечер Филипп следит за плитой, перемыш-

ляет посуду, части сепаратора, банки. На другой день и Лёня скажет: «Пойдём, я для тебя работу припас».

И хорошо, когда это работа для одного, как, например, вывозка из денника навоза. А то – заготовка дров. Выйдут Филипп с Лёней к берёзовым стволам, что вдоль забора вытянуты. Тут бы схватить двуручную пилу и зыбай, и радуйся плотному объёму работы. Но нет, Лёня выносит электропилу, потом ищет переносной шнур. Филипп стоит, ждёт работы механизма. Механизм работать не пригоден, капризничает. Лёня приносит ключи, что-то начинает окручивать, потом снимает режущую цепь. Всё на ветру, на морозе, если зимой. Если начало осени, то можно подождать, присев во дворе на лавку. «Ты чего сидишь? – скажет, вышедшая из дома сестра. – Что, работы нет? Сейчас найду!» И пока Лёня чинит пилу, Филипп вытряхивает половики или выбивает пыль из паласа.

Приехал как-то Филипп на годовщину смерти матери. У Галины уже две коровы было. Ну, коровы – это, наверно, громко сказано. Корова – это обилие, а тут так, две коровёнки. Одна пятнадцать литров, другая – десять с натяжкой давала. Галина сыр научилась делать, на сливки пропускала. И если Филипп отольёт от ведра парного молока в кружку, то Галина скажет брату: «Пей вон то, пропущенное». Как-то парных сливок со стаканчик с чаем умял, так Галя с каким-то испугом на всю кухню спросила: «А кто банку сливок ополовинил?» Оказалось, что четвёртая трёхлитровая банка потерпела недолив, оказалась неполной. Уже было так заведено – увозить Владу четыре трёхлитровые банки молочного жира в город на процветание семейства, ведро-другое яиц.

Вот на улице что-то остановилось у ворот, зафыркало, потом въехало во двор и заглохло. В комнату вбегает престолонаследник, с нескрываемым удивлением рассматривая Филиппа. За ним угрюмая Снежанина племянница с сердитым лицом. А вон и Снежана в красном раздельном купальнике. Верхняя часть едва держит тяжёлые груди, и в нижней части не надо догадываться, что там далеко не царапинка. Галина вбегает и торопливо говорит брату: «Чего стоишь?»

Иди, помогай Владу!» А в багажнике Влада – пыльная тара – трёхлитровые банки. Влад недоволено пыхтит, что племенной бык – не ожидал встретить дядюшку. Становится тревожно и неуютно. «А ты чего здесь?» – бесцеремонно, пока нет свекрови, спрашивает Снежана Филиппа. Филипп объясняет ситуацию. «Так хлеба привёз бы. Ведь знаешь, какой здесь хлеб!» – старается посадить Снежана на определенное ею для него место. И не могут скрыть ни Владлен, ни Снежана своего крайнего недовольствия. И кажется Филиппу, что в доме появилась пара водяных амазонских удавов и детки с высоким статусом.

Как-то во времена малых поборов в виде сального кабана, одного-другого барана, полутора десятков гусей, яиц и банок молочного жира замаячила катастрофа горбадеевской цивилизации. Как и раньше писалось и давно говорилось, – не сильно любил Леонид свою Галину. Износилась за тридцать лет совместной жизни жена в беспрестанной борьбе за жизнь, за маломальски человеческое существование – соком истекла, волновать перестала. Это сестра Люда глазищи уральские вытаращит и сказанёт гневно с упрёком Филиппу: «Наши мужики своих баб не бросают! С первого до последнего дня в одном браке живут!» Кто такую праведную жизнь прожил? Кто уравнился с праотцами, Петром и Февронией, Филипп и не припомнит. У Горбадеевых старые свой век без мужей доживают. Все на фронтах перегибли. Разве что Камаганцевы, работая инженерами на механическом заводе, жизни свои сохранили.

Галина третья

Прожил Лёня большое количество лет с Галиной, и никакой сексуальной перемены не происходило. А всё из-за нужды, из-за нехватки денег. Когда большие деньги на севере пошли, то садовый участок Лёня не случайно завёл, но Галина скоренько разоблачила мужа, застав в любовном углу с другой. Молча с неделю походила, выслушивая клятвы мужа на дальнейшую безупречную верность, постыдила, но уже в конце выходного дня вернулась в совместную кровать.

В Портках как только обжились, так местные бабы заохали, захвалили Лёню. Он и возгордился. Кинулся Лёня в тихое распутство. Рогатое стадо пасла ещё молодая баба – Галя Трапезникова. Большая, безбоязненная, коловшая без разбору свиней, быков, с хитрой улыбочкой, где стальные зубы уравнивал клинок меча – кинжала длиной от пупа до колен, в деревянных ножнах, обшитых кожей. По весне, когда ещё нет зелени, а только пустынные луга с перезимовавшей сухой травой, скот далеко уходит в поисках мало-мальски вкусного клочка. Стал Лёня охотно следить за своими коровёнками, а там и Галя Трапезникова скот заблукавший ищет.

У Гали Трапезниковой муж из браги самогон гнал. От этой неочищенной сивухи сердечную недостаточность заработал. Так какая уж тут ему баба – не до бабы. Вот и дошёл Лёня с Галей-пастушкой до неверной жизни. И совсем бояться перестали. Лёня на своём сеновале по весне тайное лежбище устроил. Что там делала Галя-пастушка, когда с жиденькой лестницы из берёзовых жердинок грохнулась? Тут Лёня и предложил своей Галине раздел. Всё зубы заговаривал, что мужику, чтоб для семьи верным быть, нужна сексуальная перемена. Ведь недаром дома терпимости на это придуманы. Да и с дочкой любовницы Лёню на ярмарке районной видели, как Леня вино дорогое покупал и с букетом шашлыков хаживал.

Досталось Лёне упрёков от жены. Приехал Влад со Снежаной, мать-то и рассказала о художествах отца. Рушилось задуманное. Решили наказать Галю-пастушку. Проследили, когда она шла домой мимо Горбадеевых, тут из ворот выскочил Влад. Схватил сзади и позвал своих женщин, чтоб шли расправляться. Те и Снежана, и Галина, за волосы хватаются, ладошками по мордахе хлещут – на вот тебе, злодейка. Пастушка от испуга оправилась, в ярость вошла, дёрнулась да так влепила Владу промеж глаз, что у него искры посыпались, а от Снежаны и от тёзки уйти было малым делом. Больше ловить злодейку Горбадеевы не стали. Влад обещал с Галей-пастушкой рассчитаться. «Смотри, считаешься! – говорила мать. – Вон у неё какой кинжал».

Лёня присмирел. Дочь Гали-пастушки родила сына, как раз по подсчёту, когда Лёня с шашлыком на ярмарке ходил. Но тут и из шофёров намечались предполагаемые соучастники, а кто поусердствовал больше – поди разберись. Только года через три или четыре брат Лёни Николай заметил пробежавшего мальчонку, беленького лицом и с чёрными глазами на выпучку. «Ну, весь Влад! Весь в камаганцевскую породу, малина в рот», – и сразу язык прикусил.

Старший сын Миша-черкес, как ушёл от жены, то в домике на садовом участке жил. Что у него было на душе – одному богу известно – молчал непроницаемо. Когда в домике стало совсем не натопишь, согласился на знакомство с разведенной молодой женщиной. Это была с хорошим ростом и формами женщина из тех, что слова лишнего не скажут. Вся такая благородная, губки маленькие, бледно-розовые.

Нани было её настоящее имя. Дочь грузина и его жены марийки. Первое замужество Нани было обильно зафиксировано фотографиями. Вот она, Нани, на руках шустренького, скрытого под кацо-грузина, татарина. Этот не Миша, этот, видно, за считанные секунды все углы унюхает – усы кинжальчиками. Татарин жил с Нани, как будто в резерве держал. Шустрый, глазами так и зыркает. Перетерпела Нани свидетельство измены своего любимого да враз и отказала. Замолчала, и всё тут.

Сошлась с Михаилом. Тот и мужик работающий, и на любовь вроде бы нормальный, да молчун – не разговорится. Так и жили в Наниной однокомнатной, что отделили родители. Родилась девочка. Миша и на нефтепроводе, и на нефтедобыче работал, отделяя немалую толику от зарплаты, деньги на иномарку скопил. И если у Влада четырнадцать тысяч получка, то Мишаня столько же своему разбойнику алиментов отстёгивает.

Стала замечать Нани, что Михаил стал губу кривить, на жизненное устройство с усмешечкой глядеть. Тяжёлым стал, бывало, весь выходной просидит – сериалы просмотрит, хоть бы о чём поговорил, и в постели так же.

Как-то уехал Михаил на десять дней на вахту. Ходила Нани в торговый центр, там своего

первого муженька увидела. Поздоровались, заговорили по-приятельски.

– Женился? – задала вопрос своему первому мужу Нани.

– О тебе думаю, моя единственная, – отозвался тот.

– Надо же так, – улыбнулась Нани. И чувствует, что сопротивляется сладкой немочи, и только она одна главная в её жизни.

– Может, чаю попьём, – предложила Нани, решившая сделать возмездие Михаилу за затянувшееся равнодушие к ней.

Разбаловал бывший муж, теперь любовник, Нани своим вниманием, любовью неутомимой. И мазал он свой лингам индийской мазью, где смешивались жгучий перец и обезьянья срань с маслами разными. Приехал Михаил и увидел не на фотографии, а наяву татарина с усами кинжальчиками. Перебрался он снова на старое место в домик на садоводческий участок. Звала его к себе жить первая жена – не пошёл.

Как ни старался Владлен Леонидович, как ни увеличивал объём работы, зарплата оставалась одна и та же. Бывало, вызовет начальник цеха Владлена да и скажет: «Вот мы решили сократить на две единицы бригаду ремонтников и на тебя надеемся как на большого специалиста, что ты справишься, как и при прежнем объёме работы». Владлену лестно, что его ценят, что кругом безработица, задержка зарплаты, а у него всё в норме. Правда, после второго сокращения работу уборщика производственного помещения пришлось оставить. Уже сильная усталость одолела, не посидишь, как раньше. Всюду глазки теленаблюдения после очередного сокращения поставили, что не так – сразу заметят, и мастеру выговор.

Снежану одолела страсть борьбы за лидерство. Ну, не набрала нужных очков на звание первой красавицы, так ведь конкурсов разных много. Теперь на лучшую учительницу года заявку не один год подаёт. Уж эти шубы да платья мозги проели, теперь компьютер в кредит взяли, а он две высокоудойные коровы с годовым запасом кормов стоит. Вот и жди, намекай, когда родители догадаются войти в безвыходное положение. На подержанную машину запчасти

нужно покупать, да и бензин дорогой, запросто не наездишься. Старые холодильники плохо сохраняли съестные запасы. Мясо зимой на балконе заветривалось, теряло свой вкус. Пришлось купить два новых, большего объёма, тоже деньги немалые стоят. Завалил отец быка. Мясо взяли вырезкой, чтоб дома не рубить. Родителям кости да рога и копыта остались на холодец.

Красота Снежаны, а что она, красота, если всё для мужа проходные ворота, и ночь не сближает. Сына в лицей учиться отправили, большим человеком задумали сделать. А большие люди – это только юристы да экономисты, и больше никто, ну стоматологи разве что.

С этими мыслями ехал Влад на свою дачу посмотреть, что от неё осталось. Дача стояла на половине пути к сельскому дому родителей. Было начало мая, и грунтовые дороги стали уже проездными. На даче Владлена ожидала картина дополнительного разорения. И как ему показалось, разорение это было настолько, сколько он безвозмездно брал у родителей. Влад подсчитал эквивалент взятого у родителей и сравнил с количеством украденного сизиновскими ворами.

Был разобран пол в доме, начисто сорвана листовая латунь, что пошла на желоба и отмокту крыши, увезена автоцистерна, которую когда-то просил у Влада отец. Вырвали автокраном и ажурные кованые ворота. Почему-то Владлену вспомнилось, как вместе со Снежаной ненавидели дядю Филиппа, всё боялись, что уедет от родителей не с пустыми руками, подорвав тем самым семейную экономику. Филипп же как мог отказывался, если сестра предлагала какие-нибудь куски, ссылаясь, что путь неблизкий и тяжело будет нести. Если что и просил, то пару бочковых солёных огурцов на солянку да капусту «смерть фашистам» на щи. Чувство стыда смягчило ярость Владлена, но и мириться, делиться с ворами последними крохами он не хотел. Нацедив с полбанки бензина, он пошёл и облил чердачные перекрытия, стропила и поджёг. Не доставайтесь гадам! Сел в свою потрёпанную девятку и выехал на главное шоссе.

Шоссе было высокого качества. По нему неслись дорогие автомобили с людьми, жившими

на более высоком уровне жизни, в основном состоявшиеся бизнесмены, юристы, экономисты. Всё это как бы говорило: «Спеши! Догоняй!» И опять на Владлена накатила бешеная ярость, ещё более сильная, чем та, когда он, ревнуя Снежану, колотил лбом о бетонные стены туалета. Владлен, увидев поворот на гравийку, за которой начиналась грунтовая дорога, где вокруг колков ходили трактора, выбрал просёлочную – путь, где сильно било и трясло.

24 марта 2008
Кемерово

НА ДУРНОЕЗЖЕМ

В хозяйстве племзавода на последней неделе июня, пока не огрубела трава, не пошла в дудку, начинали закладывать естественный травостой на сенаж. Брали траву с болотных неудобц всё больше литовками, а где не было кочкарника и поровнее – конными косилками. В первой десятидневке июля начинали валить сеяные травы: костёр, тимофеевку, люцерну. В августе – молочной спелости викоовсяную смесь.

На сенаж требовалось не более четырёх возчиков. Туда зачисляли ребят покрепче, чтобы каждый мог хорошо подцепить и скинуть вилами сырую траву, заехав в силосную яму. В это время распорядитель работ, полевод Лукин Семён Иванович, знал, кого отметить вниманием, кому нужней была копейка. Чаще всего это были ребята-подростки из многодетных семей, уже много чего умевшие. Но и до сенажа, до стогования сена можно было о-го-го как неплохо заработать на прополке турнепса, кукурузы, шкурении стволов берёз и осин на черни, оглобли и другие хозяйственные нужды. Но совхозные отроки считали настоящей работой ту, где непременно участвовала лошадь, а всё остальное было нарушением неписаного протокола. И даже когда ещё свежесрубленные берёзки лежали в слезе, мало кто шёл на шкурение – несмотря на достаточно высокие расценки. Даже мужики охотнее взялись бы за эту работу, чем за низкий тариф на подёнке.

Отроки в это не сенокосное время больше ходились на берегах водопойных прудов, в поездках на рыбалку, а в семьях, что покрепче, носились на отцовских мотоциклах. Бывало, Лукин не сразу и сыщёт охотника топтать глину для обмазки щелей коровников и саманных построек. Но когда начинался сенаж, те, кому и рубль был вторым делом, толпой ходили за бригадиром полеводов и буквально ныли: «Се-мён Иванович, возьмите меня, возьмите меня». Пристально глядели, как он запрягает в дрожки лошадь, даёт последние указания, заглядывая в записную книжку, выкрикивает:

– Пашкевич! Гулевич! Дорошкевич! – И дальше, – Чучалов! Где Чучалов? Живо на погрузку зерна!

Когда начинали стоговать сено, Дерик Чучалов знал, что не надо проситься в первый набор. Бойкие мальчуганы всё равно бы оттеснили на задний план, да и их родители хаживали в маленьких начальниках: бригадиры, механики тракторного парка, агрономы, зоотехники. И пристроить сына, тем более, что он сам просится на дело, чтобы меньше празднично болтался и безобразничал, исполнить желание малого – это святая обязанность отца.

Уже собрали третье звено на стогование сена. Кончалась вторая неделя заготовок. Работа перемещалась дальше, а на первом и втором полях восстановилась полная тишина с зародами сена, обозначавших ещё более глубокое и осмысленное молчание.

Работать на конных граблях, быть копновозом для Дерика считалось большой романтикой, успехом личной карьеры. Ведь и начальствующие отцы счастливых для престижа сажали своих чад на доверенных им выездных лошадей, сами запрягая в свои ходки, двуколки и одноосевые таратайки простых кляч, а то и просто использовали личные средства передвижения – мотоциклы.

Дерик смотрел с завистью, как одна группа, другая выезжали сначала спокойным шагом. А потом, с глаз долой управляющего, полевода и конюха, спускались в лог и, поднявшись на гриву, заросшую молодым березняком, выезжали на полевою дорогу, сначала рысью,

а затем вмах проминали доверенных им красавцев. Удовлетворив личное самолюбие, переходили на скорый шаг.

В эти полмесяца сенокосной страды Дерика посадили на самую большую, гнедой масти, клячу – жеребую Медогонку, таскавшую волоком брёвна на пилораму, теперь топтать смешанную с конским навозом глину для обмазки щелей коровника на целых четыре дня. Счастливики, проезжая мимо, жонглировали фамилией Дерика, называя его и «чудо болотное», и «чудак-рыбак», и «чудилище, поймал дерьмо на удилище». Даже внешне Дерик выглядел чудаковато – будто звёзды считал.

Когда формировали третье звено, где главным был Яков Михайлов, Дерика, как работающему и безотказному, полевод предложил вакансию копновоза: «Что ж, иди, коли так рвёшься на сеноуборку». Но Дерик хитренько отказался. Мол, привык к ошкурению стволов, мол, потерплю. И хотя вся слеза, от которой легко отслаивалась кора, особенно у осины, высохла, предложение Лукина было не очень заманчивым. Лошадей самых резвых уже разобрали молодцы бригад Антона Пашкевича и Егора Ванькова. Когда Дерик сверялся в конторе по нарядам на каждый день, то по бухгалтерским расценкам шкурение стволов ценилось очень хорошо и было сравнимо только с прополкой моркови. В день выходило по три с половиной рубля, когда грузчики, возившие из города комбикорма, зарабатывали всего по рубль сорок – рубль пятьдесят. У местных каменщиков получалось в день по три рубля, так же как и у пастухов. По рубль двадцать в день платили за топтание глины, но там работы было всего на четыре дня.

Дерик работал прошлое лето у Михайлова Яши и хорошо знал, что такое работать у суетливого Яшки-Карбида. На работе Яшка всех подгоняет, орёт утром громко, к вечеру охрипнет, голос потеряет, а не утихает. Сам Яша – коротышка, не то что гигант Антон Пашкевич, а если сам коротышка, то и всё мелкое, короткое. Бабы-накладчицы ленивые, копны кладут мелкие. Антон Пашкевич как начнёт формировать зарод, то копны заставляет возить более центнера. У него и без перекидки треть зарода уже есть, а Яков-то

и на четвертинку не дотягивает. Бывало, заставит копёшками рабочее место, черенок вил на рычаг поставить негде. Так по верхам и суется, пупом работает. Лошади у Яши-Карбида самые ленивые, спокойные, чтоб ребятишки, основная часть его рабочих, не поразбивались. Это была пара высоких большеголовых кобыл по кличке Груша и Галка. На этих клячах Яшкина мелкота выглядела бедуинами на белых верблюдах.

Больше недели после того, как Яшка-Карбид сформировал своё звено, шли дожди. Вроде сухо, вроде вышел момент, навёрстывай упущенное, а начнут основу зарода, тут и дождь посыплет, сено перемочит. До обеда все ждут погоды, авось, за полдень сухо будет, глядишь, часа четыре можно поработать. Ожидавшая ребятня в орлянку играет на расстеленной фуфайчонке, мужики в очко да в ази картишками перекидываются, а шкурить стволы можно и при дождичке.

К этому времени разнотравье уже пущено на сенаж, повалены костёр и тимофеевка. Ждали только безоблачного неба и большого тепла. Тепло наступило. За два дня всё обилие скошенных трав не только просохло, стало при укладке шуметь, терять полезные витамины, превращаясь в малопитательное быльё. По совхозу объявили ударный воскресник до тех пор, пока не будет убрано основное сено. К восьми часам утра, кроме уже задействованных заготовителей, народ шёл, как на сабантуй. Шли строители – из них сформировали два звена. Шли из ремонтно-тракторной мастерской шоферы, слесари, токари во главе с медником Гришей Жеребцовым со своим подручным инструментом. Все рабочие лошади уже были разобраны.

К Дериду полевод подошёл буднично.

– Иди к Ермолаеву, бери Василька, сбрую и к Ивану Рябко на подскрёбки. Грабли стоят в поле. Смотри, тебе Василька доверяю, будь осторожен. Рогов давно на нём не ездил.

Василёк числился прикрепленным к Роману Рогову – заместителю директора совхоза. Василька хотели сделать племенным жеребцом, на весёлую жизнь растили, да главный зоотехник Головка остановил задумку. Нечистокровный! Нечего табун в ублюдков превращать! И жеребчика, уже вкусившего сладость размножения,

кольнув иглой, сделали пробником; но всё равно привилегий у Василька было много. Целый день на ногах на вольном ветре. За два-три года при Рогове еды было вдоволь. Поедет Рогов на выпаса, а там, смотришь, к коровьей еде пристроит, овсяную дроблёнку и жевать не надо. Заглянет на сушилку – там пшеница, ячмень. До города хозяина прокатит – там весь день комбикорма на заежем – жуй, пока с путей на машине до тракторных саней муку в мешках возят. Да мало ли укромных уголков с едой вкусной, только шевели мозгами, припоминай. Сбруя латунным набором вся сверкает. Хозяин в денник заходил с кусочком комкового сахара на вытянутой руке. Потом всё постепенно прекратилось. Василёк видел, как хозяин подъезжал на вонючем самокате, входил и выходил обратно, уезжал в жаркое время, оставляя по дороге густую пыль. В общем, сам не ездил и другому хозяину не передавал. Зимой целый день в деннике с необъезженными лошадьми, на морозе пожуй-ка солону. Солома жесткая, не питательная, мяконька, как травка, редко бывает. А так как Василёк помнил, где наслаждался вкусным поеданьем, то он перемахивал ограждение денника в слабом месте и до вечера шлялся у коровников, зернового склада, где мельник и скотники-разгильдяи оставляли полами ворота, а там всегда есть ларь, куча зерна, и можно было попировать.

В марте, когда стояли солнечные дни, начиналась жизнь. Молодняк то и дело яровал, прыгая друг на друга и награждая обидчиков ударами задних ног, кусал друг другу гривы. У Василька, пока он возил Рогова, была не грива, а причёска, похожая на шлем римского легионера. Грива так и не отросла за время отсутствия хозяина. Когда Василёк прыгал на молодёжь, то всё равно получал сдачи, ровно великовозрастный болван, но он умел хорошо обкусывать хвосты соперникам, вовремя избегая ударов задних ног.

Старший конюх Иван Ермолаев (в посёлке его звали Рыжий) сбрую, в которой ходил Василёк, не выдал, а стал подбирать близкое по размеру. Хомут с обнажёнными клещами, тогда как на директорском была изящная покрышка чёрной кожи. Шлея сделана из сыромятных ремней и такой низкой выделки, что, когда-то раскиснув

под дождём, а потом высохнув, стала костяной, и казалось, что вот-вот изломается от энергичного обращения.

Вместо дорогой спортивной узды с латунным набором, которой можно легко управлять молодым жеребчиком, Рыжий нашёл подобие узды, изготовленной из прорезиненного полотна трансмиссий. Такую узду без барашка приходилось снимать при разнудывании и надевать при ввудывании, что было крайне неудобно. Вдобавок на парадной узде Рогова были тяжёлые ременные поводья, которые приятно пахли дёгтем. При таком снаряжении появлялась уверенность обладания ситуацией при быстрой езде. Здесь же поводьями служил тонкий пеньковый неразмятый канат. Дуга досталась настоящая, директорская. Вожжи Ермолаев выдал новые, тесмённые, из пачки, за что заставил расписаться в журнале, предупредив: «Проворонишь – вычту!» Ермолаев знал, что отдай директорскую сбрую в работу – неприятностей с Роговым не оберёшься. Кожух хомута пошёл бы на обсоюзывание валенок, поводья, гужи – на плетение бичей.

Иван Ермолаев – выше среднего роста, костлявый рыжий мужик. На европейском юге работал на конном заводе. Когда чеченцы поехали семьями из Казахстана на родину, житья не стало, и он с женой-мусульманкой и двумя девочками приехал в совхоз. Девочки подрастали, стали красивыми. Иван мыслил их выдать за самостоятельных мужиков. Таких, как Дерик, Иван презирал, боялся, просмотри, задружат, а потом испортят – вот и вредничал.

Василёк стоял в загоне с молодняком. Он знал, что, когда разберут упряжных лошадей, когда опустеет от телег и повозок площадь, их выпустят на волю пасться. Хозяин не приходил. Васильку хотелось позабавиться, покусать, попрыгать, но никаких знаков на забаву не поступало. Молодняк стоял, сбившись в одну сонную шеренгу, головами к жердям загона, и, ущипнув одну из такой четырёхной личности, можно было получить не один удар парой задних ног. Василёк всегда подходил сбоку и запрыгивал на крайнего с фланга, кусая гриву необъезженного меринка. Молодняк доживал до пятилетнего возраста. Его не объезживали, а берегли

на забой, когда не дотягивали плановую сдачу мясопоставок, когда нужно было подкормить рабочих совхоза. Вот наконец-то случилось для Василька приятное. Молодая жеребушка, подняв хвост, мокро сходила, подрачивая створками заветного входа. Василёк приблизил морду к происходившему и, втянув запах тёплого нутра, приподнял край верхней губы к ноздрям, обнажив бледно-розовую изнанку дёсен. Задрав от полученного блаженства голову, он стал бодать воздух.

В это время с жалким подобием узды к нему и подошёл Дерик. Василёк рассердился, приложил уши и, прищулив глаза, стал поворачиваться задом, чтобы лягнуть задними ногами, но Дерик держался ближе к голове. Кусать Василёк не собирался. Еще в молодости, когда хотел укунуть хозяина, то получил от него цыганский урок горячей с разварки картошкой. Теперь же он хотел убежать подобра-поздорову. Дерик вспомнил, как Василёк шёл к Рогову, когда тот, вытянув руку, звал к себе, соблазняя кусочком комкового сахара. Дерик сбежал за своим сидорком, в котором лежал лук и сдвоенные пластики хлеба, засыпанные на мокро сахаром. Васильку понравилось угощение. Он поверил. Узда была надета. Василёк охотно пошёл за Дериком на простор. Дугу, хомут, седёлку Дерик забросил в тракторную тележку Ивана Рябко. Там же расположились члены бригады. «Ну, что, артель инвалидов, поехали, значит», – бодро сказал Иван Рябко и сел на сиденье своего ДТ-20. Дерик, запрыгнув с подставки на Васильку, поехал до места налегке, стараясь трусить одиночкой. Узда была не строгая, и Василёк, по привычке, стал вольничать, косить то влево, то вправо приплясывающей трусцой. Он и при Рогове всегда шёл приплясом, округляя ноги. Со стороны казалось, что бежит резвый жеребчик, тогда как на самом деле его могла обогнать средняя рабочая лошадёнка. Дерика потряхивало, хотя спина Василька была без костного выступа, с незаметным переходом в холку.

Ещё до шкурения стволов, когда подросткам никто не предлагал никакой работы, кроме прополки пшеничного поля на семена, на конном дворе появился бригадир дойного гурта Давы-

дов. Он попросил Дерика на пару дней подменить заболевшего пастуха, а с пастухами всегда была напряжёнка. Да к тому же и мать Дерика работала дояркой в бригаде Давыдова. Дерик согласился. Давыдов пересадил Дерика на бригадную кобылу и велел ехать на Озерки, а сам пошёл в контору. Бригадная кобыла оказалась резвой, но злой и не сразу позволяла садиться верхом себе на спину. И хотя в бригаде было вдоволь и овсянки, шрота, кукурузного жмыха, она была сухой конституции. Без седла на жаре Дерик три дня пас непослушное стадо. Нежная кожа на заднице была сбита за два первых часа. Место, где была сбита кожа, пылало раскалёнными угольками. Нужно было терпеть, терпеть, сидя на костлявой спине злой лошади. Коровы пастись не хотели и к обеду становились неуправляемыми, разбегались в разные стороны. Дерик носился галопом по кругу, сбивая разбегавшихся животных в стадо, но потом, отчаявшись, всё пускал на самотёк, предупреждая только попытки бурёнок от соблазна выйти на сеяные клевера. В самый жар коровы стояли на мелководье водопойного пруда.

За три дня испытаний, отпущенных Богом Деррику, стадо потеряло тридцать процентов удоя, но зато осталось без потерь и при полном здоровье. Что ж, и это бывает. А сбитую в самом неудобном месте кожу Давыдов посоветовал смазывать техническим вазелином, употребляемым для смазки сосцов при доении коров вручную и предупреждения болезненных трещин. Технический вазелин не парфюмерный, смазки хватало до половины дня.

Случилось то, чего Дерик и опасался. Просёллок, по которому он трусил на Васильке, мнущая мелкие колки, входил в большой берёзовый массив и выходил из него на широкую дорогу и совхозные поля. На дороге Дерика как будто поджидали самые ехидные, самые хулиганистые удалыцы совхозного конного подворья. Это были мётчики из бригады Ванькова – мужики, у которых не кончилось детство ни в заднице, ни в голове: Толька Расстегаев, сын конюха полуцыган Вовка Абаринов, сын объездчика Абрамкин и Тютиков, вечный участник конно-лыжных соревнований. Ну, конечно, все они на простых

лошадях не сидели, и всем, видно, хотелось похулиганить, повольничать. Они радостно окружили ехавшего на Васильке Дерика, хотевшего скромно отстать, удержаться от греха подальше. Стали смеяться, деланно сочувствовать разжалованному выданной конюхом Ермолаевым уздой генеральского любимчика до ефрейторского звания. Да! Такой уздой управлять было трудно. Она годилась разве что на самую худую клячу, стоит ли говорить. Лошади, на которых ехали абреки, имели самое главное – хороший ход. Это всё равно, что остро отточенный инструмент, которым работать легко и безопасно. Простые рабочие кони непредсказуемы, если их разогнать. Тупым инструментом наверняка можно травмироваться. Что-то может соскользнуть, пройти не по назначенному месту. Так и на простой коняге можно умелому ездоку хорошо на землю шарахнуть от неожиданности.

Тютиков ехал на быстроногой кобыле Маруське. Маруська была немного крупнее монгольской лошади. Дерик знал её ход. На Маруське, если она шла и быстрой рысью, можно, как говорят, чай распивать. Тютиков сидел на лошади, свесив ноги на одну сторону, подражая аристократкам девятнадцатого века. На лошади парторга гарцевал Толька Расстегаев, успевший сотворить по дочке двум женщинам. Первую дочку Толька ладил любовнице в прикладбищенских сосёнках, вторую – на брачном ложе с законной женой. Девки вышли близняшками.

– Ну, что, редиски, срежемся! – предложил Толька Расстегаев. Предложение было принято. Абаринов врезал своим трёхколенным бичом по крупу Василька. Василёк занервничал, сильно зарысил, сдерживаемый во всю силу Дериком. Абаринову понравилось, глаза его радостно заиграли бесенятами.

Года четыре назад, при ожидании дневного сеанса, Дерика стравили на драку с младшим по возрасту сыном завскладом Петькой. Дерик, никогда не дравшийся и добрый по своей натуре, старался, как бы без боли, подавить своего соперника. Соперник же, освободившись от объятий Дерика, врезал неожиданно в ухо, а потом в лицо, после чего ретировался в круг Дериковых ровесников. Они его приветствовали как

победителя, в числе радостно хохотавших был и Абаринов. Дерик стало очень обидно, и он потребовал смертного боя, вызвав ещё больший смех. Некоторые, в том числе и Абаринов, демонстративно упали на широкие клубные лавки, стараясь показать, как обессилел их смех. Поэтому Абаринов часто напоминал этот неприятный для Дерики случай. Выбыть теперь из дурацкой затеи, отказаться от смертельно опасной для него скачки означало для Дерики сдачу немаловажных позиций.

Тютиков, всё так же сидевший, свесив ноги на одну сторону, присвистнул, пустив Маруську вмах. Она пошла так легко, будто рысить для неё не составляло никакого труда. Выездная парторговская Белоножка под Расстегаевым приняла скачку, как необходимое испытание, а меринок Абрамкина – как работу. Сын Абрамкина любил выезжать на ближние поля собирать телят нерадивых хозяев, пасущихся на зеленях. Загнав их в денник, а потом и в глухие клетки, отец собирал с владельцев недосмотренного поголовья штраф. А про Абаринова нечего было и говорить. Где отец конюх, там и сын в конюхи собирался, да ещё и цыганских кровей наполовину.

Василька, ходившего при Рогове выплясывающей рысью, что было видно издали, затея со скачками смутила. Его оскорбил удар бича, произведённый Абариновым. Он хотел отлягнуться, но обидчик ушёл вперёд. Получив вторичный обжигающий удар по крупу от Абрамкина, Василёк почувствовал себя среди врагов. Тут уже было не до выплясываний, над которыми смеялись зубоскалы, и Василёк решил показать себя. Когда рабочих лошадей, объединив с молодняком в один табун, стали выгонять пастись в ночь, началась для Василька вольница, а пастухам дополнительные хлопоты. Как-то, отбившись с молодой кобылкой от табуна, Василёк наткнулся на раздавленный мешок викоовсяной смеси. Хорошо подкормившись, он решил гулять, гулять, познавая мир. Нашли Василька днём на Новодеревенских полях, полях совсем другого хозяйства. Пастух, выгнавший на обратную дорогу, хотел излупцевать бичом Василька, но Василёк не допускал сидевшего на вороной кобыле всадника, уносясь от преследователя.

Пошёл вскачь он и сейчас, стараясь этим приёмом освободиться от обидчиков. Дерик увидел, насколько опасно это удалство. Василёк был крупнее всех и, перейдя на сильный галоп, бил задними ногами, даже не вытянув при этом шею, а только сильно опустил голову вниз, будто, собрав всю волю в единое, старался скорее выйти из неприятного положения. Едва выступающая холка исчезла, и Дерик сидел на Васильке, ровно на вытянутой руке, а может, и того хуже – на топоре. Абреки неслись по свеженакатанной конной дороге, а Василька с сидевшим на нём Дериком оттеснили на автомобильно-тракторный путь. Пока шли дожди, техникой путь размесили, а при жаркой погоде он отличался от конного первопутка крупными крепкими комьями ссохшегося чернозёма. Приземлиться на такой грунт да при бешеной езде было смерти подобно. «Жаль, что хомут не надел. Так бы встал ногами на шлею и не сползал вперёд», – подумал молниеносно Дерик. Это спасло на мгновение от панического ужаса в создавшемся положении. «Упадёшь – костей не соберёшь», – подумал Дерик и вспомнил, как три раза тонул, тонул по-настоящему в водопойных прудах. Да, только сам Господь Бог видел эту группу людей, несущихся на лошадях, обрамлённую трагическими картинками, спроецированными сознанием Дерики.

Раньше, когда Дерик тонул, тогда совсем не было надежды, и не спасало подныривание к берегу. Дерик видел безутешную мать, как его везут на подводе в дом, где он проживал, и эта картина была прервана его спасением. Третий раз Дерик тонул от перевернувшейся лодки, дыры которой залепили грязью. Грязь размыло, и лодка, скинув сидящих в ней, сначала пошла ко дну, а потом перевернулась. Дерик в это время не потерял присутствия духа, а, работая руками и ногами, доплыл до лодки и, слегка придерживаясь руками и работая ногами, в одежде, направил лодку к берегу.

Василёк вошёл в раж. Он уже на четверть своего корпуса вышел из враждебного окружения, и сын объездчика Абрамов вдогонку хлестанул плетью. Этого ещё не хватало. Василёк так отбрыкнулся, что Дерик чуть не потерял равно-

весие и сдвинулся вперёд, наезжая на едва проступавшую холку. Ноги Дерика впились в бока Василька костяной хваткой, и он мысленно стал восстанавливать прежнее положение. Василёк, почувствовав, что выходит вперёд, стал спасительно поднимать голову. Это ослабило на какое-то мгновение напряжение воли Дерика, а в ослабевшее опять стал прокрадываться страх. Да, страшно было бы лежать на сельском кладбище такому молодому, не познавшему радости. Он вспомнил школу, в которой ему нелегко училось, где ставили двойки, где стоял в жаркой накуренной канцелярии перед директором навзрыжку. Как таскал носилки с мёрзлым турнепсом, как на нём испытывали силу и ловкость крепкие от хорошей еды, упитанные одноклассники и переростки. Перед глазами Дерика проплывало кладбище, которое недружелюбно щерилось своими памятниками и крестами в зимнее время года. На нём по весне похоронили умершего от приключившейся неизлечимой болезни соседского мальчишку, года на три моложе Дерика. И Деррик, представляя себя на его месте, всеми силами своего сознания старался воскреснуть.

Василёк вышел вперёд и гордо вскинул свою голову. Он нёсся легко, как будто вспомнил своё первоначальное назначение, и ему казалось, что молодая кобылка скачет за ним. Положение изменилось настолько, что Дерик чувствовал себя победившим, а побеждённые, сбавив ход, уходили к местам своей дислокации.

Впереди ждала трудная, грозная, но прекрасная жизнь.

2007, февраль

ФЁДОР ГРИГОРЬЕВИЧ, ДЕРИК И ДРУГИЕ

Счастливым детство было для Дерика тогда, когда после окончания третьего класса его мать, совхозная доярка, отдав половину зарплаты, купила путёвку в пионерский оздоровительный лагерь. Самую дорогую. Имелись путёвки и

за половину стоимости, и вообще бесплатные, но Дерик к числу обездоленных не принадлежал, так как ежедневный, от ранней утренней до густых сумерек вечерней зари, с короткими перерывами между дойками, заработок матери немного не дотягивал до оплачиваемой ставки школьного учителя. Это стало неожиданностью для Дерика. Мать всегда ругала сына, купившего без спроса художественное повествование о первом революционере страны Сергее Мироновиче Кирове «Мальчик из Уржума», вдалбливая, как истину, что было бы куда полезнее, если бы он купил лишнюю булку хлеба или пачку растительного жира. Покупка путёвки стоила подвига.

Лагерь в сосновом бору с протекавшей светлой речонкой в Лебяжье так и хотелось сравнить с Артеком. Еды вволю. Кормили в основном по сельскому уставу. Утром – молочная каша с куриным яйцом, кофе на молоке. В обед – борщ с куском волокнистой говядины либо окрошка с яйцом, зелёным луком и опять же куском говядины. В полдень – ржаные пряники со стаканом свежих сливок. Многие отказывались, так как не могли переносить молочный жир, но Дерик каждый день осваивал по два стакана. Находилось немало удальцов, выпивавших по три – не пропадать же добру. После окончания сезона девчонки, расставаясь, плакали. И мальчишки были грустными, понимали, что это – единственное удовольствие, вспыхнувшее на участке их жизненного пути. «И завтра порой в палате второй начнётся подушечный бой», – пели отдохнувшие пионеры, разъезжаясь на грузовиках, крытых брезентом.

Четвёртый класс, который заканчивал Дерик, находился под мужским началом. Фёдор Григорьевич Серников олицетворял революцию, партию, народ. Мало было сказать, что он учил детишек. Он был для них всевидящим оком Бога.

Фёдору Григорьевичу немного за сорок. У него тонкое интеллигентное лицо, всегда чисто выбритое, волевое, а если ещё точнее – рожимое. В те годы добиться чистого бритья могли только большие начальники. Безопасные лезвия драли кожу до глубокого раздражения, да и отечественные клинки вели себя не мно-

го лучше. Чистое бритье обеспечивала только заграничная сталь. Но до армейского начальства Фёдор Григорьевич не дотягивал. Те были пухлые, равнодушные к простолюдинам, а он ходил и одевался, как сама жизнь, – неопределённо и жутковато. Галифе – не просто синяя чекистская диагональ, но тонкого бостона – соседствовало с армейскими кирзовыми сапогами. Ну ладно, рубашка с галстуком, сочетание синего с красным – это элемент партийности, строгой дисциплины, но приталенная блуза зелёного вельвета с энергичными накладными карманами и мягким пояском из этой же вельветовой ткани смутила бы каждого.

Родился Фёдор Григорьевич в Томской глубинке вблизи острова Назина, учился в Колпашево, проявил себя активным комсомольцем, хорошо рисовал, замечательно играл на мандолине Седьмой вальс Шопена. Да вышло так, что его родителей из беднейшей деревни объявили кулаками как необходимый процент врагов революции. На Фёдоре поставили клеймо, и даже призыв в армию отложили, за недостойностью защищать родину. С неполным средним мог бы и лётчиком стать, и на курсы командиров поступить, да всё разом порушилось, хотя знал, от какого ада случайно уберётся.

В войну мобилизовали в армию, просился на передовые линии – не доверили. Отправили в Монголию перегонять табуны лошадей через Туву, Саяны к Абакану. Попутно, во время перегона, посетил Фёдор Григорьевич Шушенское. Интересовался жизнью Владимира Ильича Ленина в ссылке с рассказов самого Сосипатыча. Всё обошлось хорошо, а то могли бы, узнай начальство, и трибунал устроить за любовь к вождю, за самовольную отлучку.

В совхозе он, Серников, был председателем товарищеского суда, председателем родительского комитета в школе. Везде вёл себя строго. Как-то посадил на пятнадцать суток скотника Василия Усманова за то, что тот праздно матерился в общественной бане. Попросил у банщицы Фени Сидоренко журнал технической записи, вырвал чистый лист и составил докладную с подписями голых свидетелей – коммунистов,

что мылись в бане. Так что и на конном дворе мужики не ругались, пока Фёдор Григорьевич, выбрав упряжь, не убирался восвояси.

Дети Фёдора Григорьевича – их в совместном браке с Анастасией, кроме приёмной дочери, что училась в медучилище в Томске, было двое: девочка Света и мальчик Володя – с ровесниками из посёлка почти что не смешивались – ни в играх, ни на общественных работах вроде прополки или заготовки сена, где можно было заработать копейку. Светка по учению в школе шла как хорошистка. Если на перемене в школе Дерик дразнил Володю «серенький», тот парировал словом «беленький» и, зная, что у Дерика неважно с арифметикой, задира л вдобавок обидчику: «Реши задачку, золотая рыбка». И всё-таки в последних классах начального обучения, после которых принимали на курсы каменщиков и трактористов, у Фёдора Григорьевича удавалось заработать положительную оценку. У любимчиков школы Тэдора и Герасимова, хорошо опекаемых родителями учеников, отметки, как говорил Дерик, походили на кисти красных ягод. У Дерика же шли крушиной. Даже задания по труду иногда были для Дерика пыткой. Как говорится, где тонко, там и рвётся.

Первый бесспорный талант Фёдора Григорьевича – это талант художника. Написание шрифтов, оформление газеты «Семья и школа» – его первостатейные дела. Когда Дерик учился в третьем классе, Фёдор Григорьевич вырезал из бумаги героев сказок Андерсена, укладывал на чёрную копирку, а потом из чёрной копирки на белый ватман – дома, деревья, фигуры героев. Дети вырезали снежинки – дальше не шло. На уроке пения Фёдор Григорьевич играл на мандолине излюленный Седьмой вальс Шопена и «Воспоминания об Альгамбре» испанского композитора.

В третьей четверти учебного года уже четвёртого класса на уроке рисования Фёдор Григорьевич отлучился на некоторое время, а когда вернулся в класс с большой картонной коробкой из-под папирос «Беломорканал», ученики разыгрались вовсю. Пыль стояла, как говорится, до потолка. Железным окриком Фёдора Григо-

рьевича всё было прекращено. В напряжённой тишине, какая стоит только на полосе периметра охраняемой зоны, Фёдор Григорьевич вынул из коробки нечто, что потрясло даже нарушителей дисциплины: выполненный из вагманской бумаги дом – дворец. По цветовому решению он был сочетанием жёлтого с белым. Желтые стены, белое кружево по оконным проёмам с белыми оконными переплётами, белыми дверьми, белыми колоннами главного подъезда.

Но самое очаровательное заключалось в том, что дом просматривался насквозь: заглянув внутрь, дети увидели печь с пылающей открытой топкой. Фёдор Григорьевич объяснил, что такая печь называется камином, и он тем хорош, что даёт и тепло, и свет. «Это вентилирующее воздухоподогревающее устройство с отводом дымовых газов. Запомните! – говорил он, показывая на дымовую трубу. – И ещё. Запомните, что подъезд – это место, куда подъезжают транспортные средства». Попутно он объяснил назначение слуховых окон и под конец урока дал задание всем без исключения сделать то, что сотворил и только что показывал сам. Сделать, проще говоря, макет жилища, кто как сумеет, ориентируясь на данный объект.

Поселковая школа-семилетка, в которой учился Дерик, значительно отличалась от школ-семилеток, расположенных в колхозных деревнях. В посёлке, где жил Дерик, народ был приезжий, преходящий. Люди придут с узлами, расселят их по барачным комнаткам. Они от вольного хлеба да от дешёвого топлива разнежатся, но от тяжёлого труда и взаимных обид – опять в путь по просторам страны, а точнее, в Алма-Ату или во Фрунзе двинутся. Жили одну зиму репатрианты русские с китайской целины, так те совсем нищие: заплатата на заплате. Мальчишка их в школе в шестом классе учился. Рассказывал, что в Китае на перепелов с палкой охотился. Хлеба мало было, так перепелами и жили. Люди из Китая были так изношены бедностью, что работать на животноводстве, где труд с утра до ночи, им было не под силу. Уехали в Казахстан.

В семилетке Дерика стоял щит достижений школы: «Тебе, Родина, наш труд». Отличники

и хорошисты выделялись первым планом под шапкой: «Ими гордится школа». Тут фотографии каждого обрамлялись лавровыми и дубовыми венками – будущее руководство, люди науки. Троечники и двоечники шли как труженики полей и животноводства. Здесь помещались фотографии водовозов, коновозов, пропольщиков. Вот Галья Золотарёва, двоечница, проработавшая всё лето дояркой, кормит телёнка с резинового соска. Снопки злаковых, стебли кукурузы, картошка, свёкла, турнепс в плетёных ивовых корзинах, а где всё остальное, в какой погреб свалено – не известно.

В ту весну, когда Дерик заканчивал третий класс, Фёдор Григорьевич саженью отмерил участок залежи, огороженной жердями школьной пустоши. Поставил Дерика звеньевым над тремя мальчиками из китайской семьи и дал задание на лето – посеять овёс и пшеницу. Две сотки Дерик со своим звеном осилил успешно. Уезжая в пионерский лагерь, наказал прополоть. Те пропололи и вскоре уехали на юг. Урожай вышел неважным: небольшой сноп низкорослого овса и такой же сноп худосочной пшеницы. Остальным больше повезло. У Тэдэра напух самодуром турнепс. У Эмки Чернявской вытянулась кукуруза, правда, без початков. Дерика Фёдор Григорьевич упрекнул при подведении итогов, сказав, что при таком отношении к труду, будь Дерик крестьянином, пошёл бы с сумой по миру. В классе дружно смеялись. Оказалось, что Дерик засеял свою делянку фуражным овсом и несемённой пшеницей. «Я на вашу самостоятельность надеялся», – заключил разбор Фёдор Григорьевич. В соседней семилетке колхозной деревни проявилась другая странная самостоятельность, осуждаемая глубокой критикой. Там те же школьные два гектара вспахивали колёсным трактором, боронили. Школьникам оставалось прорастить отборные семечки подсолнухов и посадить в землю. Урожай, а он был всегда отменным, продавали в городе – рубль стакан. Семечки были крупные, калёные – одно удовольствие. Рассчитывались по системе трудодней, у кого какой вклад.

Через неделю после того, как Фёдор Григорьевич показал свой сказочный дом-дворец и дал

задание, гордость школы, Вова Тэдэр, принёс свою поделку. Это был аккуратный, склеенный из ровного картона дом с разлинованной под тес крыши, со слуховым окном, крылечком, сквозными окнами и лампочкой внутри, работавшей от батарейки. Вовка мигом получил отличный зачёт. Девчонки обещали вышивки на тему «Дом-теремок». На вопрос о том, где взять картон, когда его нигде не найдёшь, Фёдор Григорьевич тут же предложил выход – склеивать клейстером тетрадные листы. К концу второй недели, когда проходил окончательный приём выполненных работ, Дерик принёс нечто. Это была хата, на что Фёдор Григорьевич иронично заметил, вызвав смех одноклассников: «Да тут не хватает лебедей да сладкой парочки». И правда, крышу Дерик оклеил метёлками камыша с аккуратной подстрижкой, окна и двери нарисованы. Стены получились вогнутыми, но оценился труд на три с плюсом. «Ладно, – сказал Фёдор Григорьевич голосом строгим, назидательным. – Когда нет угла, и этот за милую душу сойдёт. Ты бы, мил друг, трубу хоть бы вставил – четвёрку бы себе обеспечил».

Жил Фёдор Григорьевич строго. Только портфель его чего значил: имитация под кожу матёрого крокодила, с накладными карманами, блестящими замками, усиленный двумя бандажками, чтобы от классных тетрадей не развалился. Он казался человеком секретного заведения. Двойки, которые ставил Фёдор Григорьевич, были до того едучие, что девчонки, редко их получавшие, ревели белугами. Мальчишки начинали огрызаться. Как-то получив двойку, Дерик огрызнулся так, что Фёдор Григорьевич вскричал: «С глаз моих долой сию минуту!» После окончания занятий, смертельно обиженный Дерик, дождавшись обидчика у водокачки, прокричал ему вслед: «Титушка дурацкий! Троцкист!» Фёдор Григорьевич, словно линкор, шёл в кирзовых сапогах, ступая в размицканную тракторами грязь, не обращая на выходку внимания.

В шестом классе свою репутацию Дерик безнадежно подпортил неуспеваемостью и отвратительным поведением в школе. Он и сам не понимал, как попал в порочный круг. Тут нужен

глубокий анализ всех обстоятельств. Вот, например. Уже после первого урока Дерик сильно хотелось есть, а тут учительница русского языка диктует: «Пишите: жаренные в сметане караси». Сразу вспоминалось: и даже чёрный хлеб с крупной серой солью был лакомством, но его давали понемногу. Это из детства Репина. Вообще-то, никто в школе не говорил, что еда – это нормальное явление. Поколение Дерика уже пребывало в счастливом детстве, и его укоряли за кусок хлеба «мученики» войны.

Хлеб в посёлке, где жил Дерик, был малопригодным для поедания. С таким куском, куда ни шло, можно было схлебать тарелку наваристых щей, съесть кусок студня. А с тем, что полакомей, вроде сливочного масла, сгущенного молока с чаем, не выходило, портился вкус. Тут бы утром каких-нибудь блинчиков, каши, чаю с молоком и сытёхоньким слушать урок, постигать науку, да всё не так, как надо. Мать к шести часам утра на дойку убежит, какая там варка. Бери хлеб, мажь повидлом да запивай вчерашним кипятком: вот и всё. В классных сочинениях на тему «Режим дня» все школьники пишут о том, что спозаранку пьют чай. И никто не напишет, что, мол, ем гуляш с гарниром, только – чай. Кто пьёт чай, тот скорёхонько на большой перемене домой убежит подкормиться, но большинство, у кого полные семьи, – на месте. Вот девчонки с песнями ходят стенка на стенку. Идка Лангольф наелась гусиных потрохов, кудрявая, мордастая. У них, у немцев, гуси и утки всегда в почёте. До самой весны гусиный фарш на пельмени заводят. Некоторые с утра картошки со свиными шкварками натрескались, молока напились. Вот Витька Шкурин, родители замечательные люди, а он разгильдяй, сильный, плотный. Схватит кого – и на вытянутой руке трясёт. Придёт домой, а дома чего только нет. Витька в руку поварёшку и поварёшкой из кастрюли похлебаёт наскоро да бежит к своему другу – Вовке Ганашуку. Вовка после четвёртого класса не учится. Худой, оттого что курит, да и в карты играет. Лицо у Вовки тонкое, красивое. Ганашучка, мать Вовки, со своим сожителем Яней пропились. Варят кисель из овся-

ной дроблёнки, кашу из кукурузного жмыха на молоке, вроде не бедствуют. Витька уже залез поварёшкой в кастрюлю, оценивая кисель. Скоро будут курить, играть в театр.

Из класса, в котором учился Дерик, самым большим снимком на школьном Олимпе выделялся Вовка Тэдэр. Снимки хорошистов делали помельче, а по успеваемости Тэдэр – круглый отличник и выглядит на фотографии не менее значительно, чем ректор какого-нибудь института, и венки его обрамлял лавровый. Какой-то злодей за время каникул написал на фото под венком две даты. Вовка смутился и велел снять. Ничего, забелили красочкой.

Жил Тэдэр рядом со Шкуриным. И у тех, и у других живности – полная чаша, так что сала, мяса и потрохов по холоду больше чем предостаточно. А когда давали муку, то обе домохозяйки простаивали там, в магазине, в очереди. Мука – это большое дело.

Дерик, похлебав с весовым хлебом капустных щей, бежит звать на улицу Вовку по чистому снежку. И так радостно на его душе, что нет грязи, что обувь, когда обметёшь снег, ещё чище, что не в чем никого упрекнуть. Вовка дома, у него еще не съедена и половина обеда: это котлетки в коричневом соусе. Дерик стоит у порога, так как кухня небольшая, и сразу от порога начинается кровать. Горница тоже небольшая, но как чисто: пуховые подушки в наволочках, кровать с подзором, везде вышивки. Вслед за котлетами Тэдэр уминает пирожки с осердием, после пирогов – розовый пряник с обливной глазурью. Запивает пряник молоком, полоща им рот, словно микстурой, когда болят зубы, усердно, энергично, проглатывая всё в свою утробушку.

В грязь Дерик сюда не ходит. Анастасия Никитична, мать Володи, скоблит от калитки деревянный тротуар и крыльцо до белого косарём и стальной сеткой так, что, если захочешь зайти, то оставляй обувь у калитки. Мальчишки, вызывая Тэдэра, пронзительно свистят. Дерик не может так свистеть, поэтому он крикает.

Как уже говорилось, в шестом классе Дерик стал одним из первых нарушителей дисциплины. Дерик понимал, что ведёт себя дрянно, но

путь к исправлению казался почти не выполним. Возьмём те же сапоги. У мальчишек они были кирзовые, а у Дерика – резиновые. Дерик пропадал на скотном дворе, помогая матери убирать навоз, носить корма в носилках с холодными скользкими ручками. Мать в этом не участвовала. Дерик работал в паре с передовой дояркой области Галей Давыдовой, а та себя не жалела. Следы животноводческой деятельности с резины хорошо смывались, но не всегда была возможность вымыть сапоги. Дерик хотел носить суконные брюки и пиджак, а доставалась только простая ткань и вельвет. Все какое-то малоопрятное. По любому поводу грубил, и учительницы отправляли его на экзекуцию, как говорил Дерик, к директору школы – Шемчуку Петру Ивановичу. А тот накаurit в своей жаркой кандеечке да поставит навитьяжку по стойке смирно. И надо стоять, пока он не спустит свой гнев, как воздух из велокамеры.

Вызывали Дерика два раза на педсовет и в присутствии матери, собирались отдать в воспитательную колонию вслед за нарушителем Тютиковым. А тот, словно в родной дом, туда попал, сразу к лошадям, животным. Из колонии начальство отправило Тютикова обратно через два месяца, мол, не того прислали. Тютиков после колонии, сразу по возвращении, на конном дворе молодняк принял. Пример для Дерика вроде бы и неплохой. Фёдор Григорьевич на педсовете, ровно прокурор, пугает навозом, лопатой, вилами, напоминает о недостойной доли пастуха. Мать ревёт, заливается. Дерик молчит. Он знает, что, где вилы, навоз, лопаты, его люди любят, хвалят, что он – мужичок, любой работы не боится. А это – бригадир Давыдов, управляющий фермой, мужики фронтовые. Как-то Дерик написал стихотворение «Судьба лошади», так эти уважаемые люди говорили, послушав: «Запиши нас, когда вырастешь, у тебя получится». Вот это и давало надежду на большое будущее.

Хотели Дерика отправить в соседнюю деревню Маручак, чтобы как-то сменить атмосферу. Такое практиковалось и давало положительные результаты. В тот год к школе Дерика прикрепили двух великовозрастных болванов из Ма-

ручка. Так, они ездили на занятия на лошади, справной лошади. Как мужики, распрягали её, ставили в заветренное место, покрывали ватным одеялом, давали корм. Туда же, к лошади, на перемене ходили курить папиросы «Байкал». Никого не обижали, довольно смирные ребята. По сдаче экзаменов за семилетку отбыли в свою деревню. Дерика хоть и полагалось отправить в Маручак, но мать расплакалась, причитая, кто будет таскать носилки. Педсовет оставил Дерика в школе. Ходить одному далеко, да и ездить не на чем. Школьной лошади уже не существовало. До Нового года её доконал Пётр Иванович. Как обычно, приехал со своей Капитолиной Ивановной к шурыку на Новостройку, не распрягая её, распахнулся и погнал обратно голодную лошадедку, пока она не упала да не издохла за кладбищем села Берёзово.

Когда Дерик с большим напряжением духовных сил перешёл в седьмой класс, он решил стяжать в себе положительные начала. Сочинял стихи для стенной печати, пел в хоре, рисовал, но это не считалось главным. Главными считались алгебра и геометрия, по которым Дерик уже с начала учебного года обрекался на провал. Физика и химия, родные предметы алгебры и геометрии, в понимании Дерика были вражескими. Дерик мечтал стать художником, поступить в художественное училище. Преподавателям точных наук объявил невидимую войну. Зубрил слова немецкого языка, добил русско-немецкий разговорник. И всё для того, чтобы стяжать репутацию положительного начала.

Фёдор Григорьевич, как всегда, был строгим, требовательным, преподавал рисование и труд, распекал по местному радио родителей нерадивых учеников. Как-то в филиале продуктового магазина, когда в главном была ревизия, а это, почитай, эпоха, Фёдор Григорьевич купил литр водки и несколько ржавых селёдок. Стоявший в очереди сзади, Дерик настолько удивился, что, почувствовав катастрофу, ахнул и, не удержавшись, сказал: «Да куда вы столько, Фёдор Григорьевич!» Дерик знал, что и с бутылки люди звереют. Вон сожитель Ганашучки таскает её за волосы. Только Астраханцев Дмитрий Иванович, отец соклассника Бориса Астрахан-

цева, за стаканчиком кизилового ликёра рассказывает своему брату Петру про боевые схватки да про маршала Баграмяна. Фёдор Григорьевич молча, будто бы и не слышал, спрятал бутылки в дерматиновую сумку и, затянув змейку, вышел из филиала магазина.

Во второй половине учебного года зарисовку Дерика о передовой доярке Давыдовой Галине Прокопьевне напечатали в районной газете. Это не имело положительного значения для продолжения учёбы. Дерик решил как-нибудь дотянуть до конца, а там поступить в культпросветучилище на библиотекаря, что было более чем реально. Быть художником отменялось. Художественное училище было далеко, да и надо было иметь начальное образование, полученное в художественной школе. Но живопись Дерик не бросал – нельзя было оставлять единицы положительного начала.

Перед Новым годом в школе на переменах играли на гармошке. Её купили на общественные деньги, заработанные на копке картофеля. Целую неделю работали всей школой, и вот – результат. Вовка Тэдэр уже не бегал на большой перемене домой поиграть на своей хромке, купленной на два месяца ранее, а тренировался в школе. Плясовые круглый отличник исполнял на «хорошо». И Дерик вприсядку давал по три-четыре круга. Пыль стояла, как говорится, столбом.

После зимних каникул на уроках труда начали строгать школьными шерхебелями и рубанками тёс, снятый с обветшавшей школьной крыши – уже не пиломатериал, а смесь грязи, лишайников и полусгнивших волокон. Всё это хорошо впитывало влагу, надёжно сохраняя её в своём теле. Выдержав доски две недели в натопленной, точно баня, столярке, бывшем кабинете директора, Фёдор Григорьевич решил больше не упускать время, чтобы во второй половине марта встретить день птиц гостеприимными скворечниками. Предупредил, что по выполненной работе будет выведена оценка за год, так что надо проявить старание. Девчонки усердно елозили по мокрым доскам тупыми рубанками, что были давно забиты волокнами обрабатываемого материала. Фёдор Григорьевич просил ребят помочь

девочкам в их работе, проявить своё сознание. Это была беда. Мальчишки сопели, девчонки плакали. Дерик терпеливо довёл доску до требуемого состояния, но когда стал распиливать на нужные детали, она рассыпалась на кусочки. От неудачи Дерик разбил об верстак остатки доски и даже плюнул.

– А плевать-то зачем? – строго сказал Фёдор Григорьевич. Дерик, взяв себя в руки, по-мужски ответил:

– Придётся искать.

– Вот и ищи. Доведи дело до конца, – уже мягче, посоветовал учитель.

Дерик уже увидел сложившуюся ситуацию, где никто не ныл, а искал выход. Многие мальчуганы, у которых «нормальные отцы», принесли свой справный инструмент, гвозди. Сушили доски, прикладывая их к зеркалу печи, а где лопалось по волокну, терпеливо пробивали дранкой. Девчонки надеялись, что в зачёт примут их усердие, и уже никого не просили помочь. Они знали, что отличники и хорошисты и по два скворечника доставят. Тэдэр, сын десятника на стройке, Герасимцев, сын столяра. Сын главного зоотехника Михайлов принёс посиневшую от времени пихтовую плаху. Вторично строгать не стал и завершил своё изделие, словно кепкой, на односкат.

Утром в воскресенье Дерик встал на лыжи, но не затем, чтобы с детворой покататься со склонов в крутом лого. Дерик пошёл на дело: нужно было найти подходящие две доски и этим решить проблему со скворечником. Он знал, что работу выполнит хорошо, и пятёрка за неё не будет лишней. Вот только надо пару подходящих досок оторвать от строения, потому что они просто так не валяются, и вечером, когда уже редко кого увидишь на улице, притащить их домой да распилить на детали. Лишней доски в посёлке не найдёшь. До тайги пятьдесят километров. Там совхозная делянка на поруб. Оттуда на тракторных санях возят пиловочник, и обыдёнкой* не обойтись. Дерик обошёл строения летних лагерей, где содержали молодняк молочного

кормления. И везде, везде был только тонкий горбыль, досточки, собиравшиеся свернуться в трубочку, всё синее и старое.

На другой день поздним вечером Дерик решил поживиться досками с туалета скотного двора, в котором работала его мать. Но хозяин в бригаде, Давыдов Прокопий. И от мысли, что он, Дерик, нарушит порядок, становилось нехорошо. Мучился Дерик, мучился, да и поделился с дядей Прокопием своей бедой. Прокопий выслушал и легко разрешил дело:

– Тут у меня кормушки ремонтировали, остались коротыши. Хотел унести на собачью будку, да, ладно, бери.

Скворечник Дерик сделал на два ската, чистенький, оструганный. Тэдэр с Герасимцевым нашли польый ствол, видно, трактористам, что ездили на лесосеку, заказали. Из него вышло четыре дуплянки. «Ну вот, теперь я вижу, что вы мужиками становитесь, – поощрил работу Фёдор Григорьевич.

Не помогла Дериду борьба за стяжание положительного начала. Брался он круто за математику, учил законы физики и химии, а не лежало к этому сердце. Бывало, запишет: дано, доказать, а доказательства не может представить в зрительном воображении. Записывает алгебраические примеры, а на что их применить – и не знает, не видит пользы. И как бы он не разрисовывал стенные газеты к Первому мая и Дню Победы, какие стихи не сочинял – всё равно не допустили Дерика до финиша, до сдачи экзаменов. Тут и работёнка для него сыскалась – поменять заболевшего водовоза, возившего на паре лошадей в тысячелитровой бочке воду на дальний телятник. Зарплата была не меньше заработка доярок хорошей группы коров. В четырнадцать лет это было здорово. А за то, что помогал матери доить коров, ухаживать за группой, управляющий обещал послать на курсы веттехников года через два, к совершеннолетию.

Прошло более тридцати лет. Фёдор Григорьевич четверть века проработал трудовиком в новой, уже средней школе. Это было новое кирпичное строение с производственными мастерскими и спортивным залом. Школа гордилась своими выпускниками, павшими на остро-

* Обыдёнкой (разг.-сниж.) – в течение одного дня, одних суток (прим. ред.).

ве Даманский, в Афганистане, Чечне. Поколению Дерика повезло. Многие, в том числе Вовка Тэдэр, поступили в технические училища на механиков, слесарей КИПиА. Решили побаловаться, записавшись в аэроклуб. Там учили на пилотов запаса. Отлетав два лета на поршневых Як-18, ребята успокоились и работали, где придётся. Но тут призвали через военкомат на одиннадцать месяцев подучиться на боевых самолётах. Те поучились, присвоили им звания младших лейтенантов. Сказали: «Послужите!» Видно, судьба такая, на сверхзвуковых летать. Эвон, как возгордились. Володя Тэдэр, пока летал в аэроклубе, познакомился с замечательной девушкой, красивой и внутренне, и внешне. Такие и после тридцати обжигают сердца. Собрались его призвать, сказать: «Суши сухари, пора возгордиться», а у него эта красавица дочку родила. Не стали связываться, оставили. Так и прожил Володя всю жизнь в питательной среде. Был бригадиром монтажников химоборудования. Там в управлении и квартиру дали. Получив квартиру, ушёл на калым. Да такой калым, что выпадает не каждому. Зарплата не меньше инженера главка, химический стаж, работа на чистом воздухе в деревне: строй коровники! Жёнушка Люба – главная в расчётной группе Кузбассэнерго. Вырастили двоих детей, умных да воспитанных. В последний раз, когда Дерик был у Володи, Люба жаловалась, что дети лучше их живут. А что значит, по-Вовкиному, жить лучше, Дерик не мог представить. Ранняя денежная пенсия, иномарка, трёхкомнатная квартира, два холодильника, в которых и сёмга, и сыры, из каждой комнаты застеклённый балкон. Что значит – жить лучше? Когда Дерик дарил книгу своих рассказов, Вовка отказался. «К чему, – сказал он, – прошлое вспоминать».

Шкурин, тот всё выпивал и дрался. Его часто сажали в тюрьму. Последний раз сидел на Мангышлаке. Говорил, что сидел за правду, за справедливость, за то, что бил прямо по сопатке начальников-гадов, а что сидел, нисколько не жалеет. Друг Шкурина, Вовка Ганашук, рано ушёл из жизни. Ганашучка со своим зеком Яней бросила группу коров и умотала в Мамай-

ку. Туда же и Вовка с сестрёнками. Деревенские в Мамайке тоже выпить «не любили». Вовка рано связался с бабёнками. Как выпьет, где упадёт на улице в солому, там и проспится. Простудился, пошёл нарывами. Лежал на резиновых кругах. Соседка, жившая рядом с Ганашуками, а потом переехавшая в город и работавшая в больнице нянечкой, рассказывала:

– Бывало, лежит, мается, но жить сильно хотел. Просил пельменей, чтобы сил набраться, выздороветь, зарекался не пить. Раз прихожу утром, а мне сменщица моя говорит, что всё, соседка моя потух. Я до сих пор, как вспомню, так плачу. К сердцу он близко прилегал. К вечеру Ганашучка на санях приехала. В морге тело завернули в засаленное ватное одеяло, прикрыли соломой и в Мамайку, хоронить.

А Дерик, став профессиональным литератором, выпустив четыре книжки стихотворных и две прозаические, уже начиная со второй не считал издания личным успехом. Даже публикации и лестные отзывы в толстых журналах не смогли и доли затушевать, восстановить порушенное катастрофой, которая случилась в четырнадцать лет его жизни. С каждым годом всё печальнее были воспоминания далёкого прошлого. И когда бревенчатую школу, где он учился, снесли, он часто медитировал в сёлах с еще сохранившимися подобными сооружениями. Они были пусты, блестели слепыми стёклами окон, с ветхими крышами, но в них тоже готовились к выпускным экзаменам, волновались, плакали, когда получали свидетельство об окончании школы. Нет, надо любыми усилиями стараться получать хорошие оценки по всем предметам. Надо, чтобы всё было вовремя. Вот специально не учил, а в голову лезут тексты правил из математики, законы физики, химии. Как-то попробовал решить несколько примеров с буквенными выражениями, всё получилось, а ведь бился всеми правдами и неправдами в вечерней школе, добывал аттестат зрелости. Кончил заочно Литинститут, а не было никакого чувства победы.

Дерик помнил, как убирали экзаменационный класс школы молодыми берёзками, ставили в вёдра охапки черёмух и оранжевых купаль-

ниц. Было в этом нечто такое вселенское, что памятно на всю жизнь. Он хорошо представлял, как пили чай и ситро с привезёнными из города пирожными, но ему, Деррику, вход был заказан. А это было бы для победившего Дерика самым важным событием в жизни.

А Фёдору Григорьевичу в последние советские годы предложили создавать летопись боевой и трудовой славы госплемзавода. Выделили под музей помещение в двухэтажном доме. Собрали там старые аппаратурные вёдра, коллекторы, пульсаторы, доильные стаканы и приспособления для их монтажа, телогрейки, халаты. Грамоты, фотографии героев соцтруда, сведения о надоях молока, расширении пахотных площадей, заготовке кормов. Время, в котором жил Дерик, – этот бесконечный океан жизни с передовиками полей и животноводства, со своим культурным слоем, учителями школ, управленцами предприятий – высвечивалось в летописи узенькой полоской чёрно-белых фотографий. Люди, изображённые на них, рассеялись ещё в доорденский период совхоза. Фёдор Григорьевич, заведывая таким ответственным делом, был строг строгостью воспитанного интеллигентного человека. Говорили, что его жена Тася пьёт бурдомагу, что и сын Володя к зелью пристрастился. Глядя на Фёдора Григорьевича, в это никак не верилось. Скорее, можно было бы поверить в то, что он мог прикрикнуть на свою жёнушку Таисью да сына Володеньку. Пожухли бы от страха, как от мороза осенняя листва, от гнева небесного и прекратили бы недостойное поведение. Дружил Фёдор Григорьевич со столяром Дмитрием Ивановичем Астраханцевым, бывшим гвардейцем ставки Верховного главнокомандующего. Дерик, друживший с сыном Дмитрия Ивановича Борькой, слышал, как подвыпивший Фёдор Григорьевич мечтал вслух: «Девку бы мне, хорошую русскую девку!» Это смущало мальчигов, о присутствии которых в соседней комнате он не догадывался.

Получив билет, удостоверяющий, что он, Дерик, настоящий писатель большого многонационального Союза, да издав очередную книжку рассказов, решил по слабости человеческой по-

казать свои достижения. Мол, вот, был скверный ученик, да не совсем пропащий. Учителя Дерика поразъехались и не оставили своих новых координат. Пётр Иванович Шемчук разошёлся с Капитолиной, как только подросли дети, говорили, что совсем спился. Оставался Фёдор Григорьевич. Последнее время он, выйдя на пенсию, получал от госплемзавода ставку работника музея, был почётным старейшиной. Фёдор Григорьевич готовился к юбилейному празднику Дня Победы, подновляя мемориал, подсказывая, где белить, где садить. Поздоровавшись, Дерик долго ждал, пока Фёдор Григорьевич освободится.

– Фёдор Григорьевич, – начал Дерик, – я вот вам решил книжку рассказов своих подарить. Я ведь сейчас литературой себя прокормляю. Вот!

И Дерик показал свой писательский билет с орденом Ленина на обложке. Фёдор Григорьевич посмотрел на билет и, взявши книгу, тут же вернул, не сказав ни слова, продолжил заниматься своим делом. «Вот уж точно сибиряк, ничем не удивишь!» – подумал Дерик.

Позже Дерика рассказали, что Фёдор Григорьевич остался совсем один, что сын Володя умер с перепоя, туда же за ним ушла и Таисья – не выдержал организм. Да и дочь недалеко от них ушла – скитается где-то в городе. Года два мучила Дерика совесть, хотелось подойти к несчастному человеку, старавшемуся давать своей жизнью пример другим. Хотелось обнять его, расплакаться, сказать, что писательство нисколько не улучшает личную жизнь, что прожил до сего дня голодранцем, что долго был посмешищем, да и теперь строит скворечники из ничего. А как сделает, то батянка небесный, не отлагая время, заставляет делать новый и спрашивает не сверху, а грызёт совестью изнутри. Приехал, всё высказал! Фёдор Григорьевич выслушал и вдруг неожиданно сказал:

– Ты говоришь: «Старуха»? Да старуха-то у меня есть. А как без старухи? – И пошёл по чисто убранному дворику своего дома.

Умер Фёдор Григорьевич, видимо, легко, при свете настольной лампы, отложив газету и не успев снять очки.

Кемерово

Русский мир. Диалог культур

Наш вуз провел конкурс литературных эссе учащихся образовательных учреждений Кузбасса «Русский мир. Диалог культур».

В конкурсе литературных эссе приняли участие 42 человека, обучающихся в организациях высшего и среднего профессионального образования, старших классах общеобразовательных школ, гимназий, лицеев городов и районов Кузбасса.

Первое место заняла Ярослава Миклина (МБОУ «Гимназия № 41», Кемерово), второе – Роман Копанцев (ГОУ СПО «Кемеровский горнотехнический техникум»), третье – Елизавета Хорошилова (ГОУ СПО «Кемеровский аграрный техникум имени Г. П. Левина»).

Десять авторов удостоены дипломов Кемеровского областного отделения Союза писателей России.

Мы публикуем работы победителей и некоторых участников конкурса.

*Литературная мастерская***Ярославна
Миклина***Кемерово,**МБОУ «Гимназия № 41»**Руководитель – Ханнанова Галина Владимировна, учитель русского языка и литературы***Роль фольклорных
архетипов в создании
русского характера
в литературе XIX века**

Сегодня русское общество подвержено влиянию западной культуры с её системой ценностей: культом денег, стремлением к карьерному росту и материальному обогащению, что изначально было чуждо русскому сознанию. Поэтому главной задачей современной культуры в условиях глобализации я считаю сохранение коренных свойств национального менталитета.

О роли литературы в сохранении лучших свойств национального характера сказано немало. Мне тоже хочется порассуждать об этом на материале литературы XIX века, так как расцвет русской литературы связан именно с этим периодом, в который её герои стали восприниматься нашим обществом как некий нравственный ориентир.

Ни одна литература не существует обособленно. Русская литература XIX века также использовала западный опыт: формы произведения, тип героя, сюжетные линии. Но, на мой взгляд, не эти заимствования стали определяющими. Архетип героя литературы XIX века – это фольклорные персонажи русского народа.

Проанализируем, какие черты национального героя берут свое начало в героическом эпосе – былинах. Главные герои в них – богатыри. Самые известные из них: Алёша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец. Принадлежат они к разным сословиям: Алёша Попович –

из духовного сана, Добрыня Никитич – из княжеского рода, а Илья Муромец – крестьянский сын. У каждого из них есть свои отличительные черты, но всех их объединяет любовь к Родине и стремление бороться против нечисти и врагов земли Русской.

Самый популярный из богатырей – Илья Муромец, получивший свою силу после того, как пролежал на печи до тридцати лет, наделенный ею самим Богом, что и делает этого богатыря таким родным и любимым.

Герои русских сказок отличались от героев былин. Если в былинах главными героями были богатыри, то спектр героев в сказках значительно шире. Они могут быть представлены мужскими персонажами (Иваном-дураком, Иваном-царевичем, Емелей) и женскими (двумя Василисами – Премудрой и Прекрасной). Героини наделены трудолюбием, умом, красотой (не от того ли женские образы в литературе XIX века часто цельностью своих характеров превосходят мужские?). Мужские персонажи не столь одинаковы. Иван-дурак, как правило, происходит из крестьянской семьи, в которой является третьим сыном. Слово «дурак» не означает отсутствия ума у героя. Оно показывает, что он отличается от других. Иван-дурак выпутывается из неприятностей благодаря своей смекалке. Вариантом Ивана-дурака является Емеля. А вот Иван-царевич – неоднозначный персонаж. Он может быть представлен как отрицательным героем (выступая в этом случае против Ивана-дурачка), так и положительным. Обычно злодеев он побеждал с помощью силы и храбрости.

Какие же черты национального архетипа используются писателями XIX века?

Во-первых, особенность, отдельность героя. Классическая русская литература любит *странных* персонажей. Самыми яркими представителями таковых являются Чацкий, Онегин, Печорин, Обломов, Раскольников. Здесь можно провести параллель с Иваном-дураком. Ведь с точки зрения обывательского сознания эти герои странные. Очень ярко это выражается на примере Чацкого (А. С. Грибоедов. «Горе от ума»). Он умнее окружающих его людей, но они так не думают, его считают безумцем: «Ну что? Не видишь, что он с ума сошел?»

Евгений Онегин (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»), приехав в деревню, внедряет нововве-

дения, облегчает жизнь крестьянам. Его соседи не понимают, зачем он это делает: «И в голос все решили так, // Что он опаснейший чудак».

Во-вторых, персонажи русских сказок были правдоискателями. И какого бы героя русской литературы мы ни взяли, ему присуще это качество – поиски истины. Печорин, герой романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», пытается найти счастье. Но так его и не находит: в XIX веке счастье заключалось не в том, чтобы найти Жар-птицу или освободить царевну от Кощея, но идея о том, что путь к счастью труден и долог, реализуется и в данном романе, и в произведениях других писателей.

В-третьих, многие герои русского фольклора не стремятся к материальному достатку, им жаль тратить силы для ценностей такого порядка. В Обломове, из одноименного романа И. А. Гончарова, легко угадываются традиции изображения Емели. Оба они ленивы: Емеля лежит на печи, а Илья Ильич – на диване. У сказочного героя есть щука, которая исполняет его желания, у Обломова есть Захар. Но герой не случайно наделен именем Ильи, которое отсылает нас и к образу Ильи Муромца. В самом начале романа Гончаров оговаривает, что Обломов – «человек лет тридцати двух-трех от роду», но если в этом возрасте Илья Муромец, благодаря каликам переходим, обрел силу необыкновенную, то Штольц так и не смог сподвигнуть на великие дела Илью Обломова.

Обратимся ещё к одному герою – Тушину из романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Во время Шенграбенского сражения этот невысокий, щуплый капитан в своем воображении создает фантастическую картину мира, в котором он великан, а французы – муравьи, вражеские пушки – трубки, ружейный выстрел – чье-то дыхание. Чем не богатырь?

Формат данной работы не позволяет в полной мере проанализировать, как мифологемы русского фольклора и черты общенародного идеала нашли воплощение в героях русской классической литературы, однако можно с уверенностью заявить, что именно они легли в основу характера положительного персонажа.

А значит, западные ценности никогда не станут основными для культурного, читающего и думающего человека.

Литературная мастерская

Роман Копанцев

Кемерово,
ГОУ СПО «Кемеровский горнотехнический техникум»

Руководитель – Ладанова Людмила Ивановна, преподаватель

Душа матери человеческой

*Вот участь! Вымолить, родить,
Взлелеять, выкормить собою –
И этим сыном оградить
Страну родную от разбоя...*

В. Коржиков

Известно, что любое произведение ценно тем, насколько полно и талантливо оно выражает главную национальную идею, раскрывающую, прежде всего, черты народного характера.

Весь мир веками не перестает удивляться загадочной русской душе. А удивляться есть чему! Долгие зимние морозы позволяли русскому мужику отлеживаться на печи, зато за три летних месяца невыносимо тяжелый труд развил в нем невероятную способность работать без отдыха. Тяжел русский мужик на подъем, но уж если встал, когда беда нависла над Русской землей, несдобровать врагу! В общем, Илья Муромец! А наши красавицы-женщины? Не зря и сегодня их ценят мужчины-иностранцы. Ведь у них таких жертвенных, жалостливых, великодушных представительниц слабого пола совсем нет. А у нас, в России, пол этот и вовсе не слабый. Нет, не выдумали русские писатели своих героинь. Всё от жизни...

Далёкие сороковые годы... В послевоенное время у нас в Кемерове на Руднике, недалеко от шахты «Центральная», работали пленные немцы. Тощие, в обмотках, они постоянно рылись в помойках. И вот моя прапрабабушка, которая не дождалась с войны брата и мужа, стала каж-

дый день выносить пленным литровую банку молока от своей коровы.

Ее внучка, уже рожденная после войны (это моя бабушка), юная комсомолка, услышав эту историю, не поняла такой поступок и, негодуя, осудила свою бабулю. Как она могла подкармливать, может быть, убийц ее мужа? На что получила тихий ответ: «Ведь они же люди, ты бы видела их глаза». Рассказывая эту историю мне, моя бабушка, как бы оправдываясь, произнесла: «Не дай, Господи, когда-либо видеть нам глаза врагов своих! Да, святая была наша баба Маня!»

И вспомнилась мне другая Мария... «Мария остановилась. Сделала еще шаг вперед. Мальчик-немец шевельнулся. Он хотел отодвинуться, втиснуться в угол, уползти в темноту, за кадушку, но обмягшее, бессильное тело не слушалось его... Мария высоко подняла вилы, слегка отвернулась, чтобы не видеть то страшное, что должна была сделать. И в это мгновение услышала тихий, сдавленный крик: “Мама! Ма-а-ма” ...».

Да, это повесть В. Закруткина «Матерь человеческая». Мария видела мужа и сына на виселице, хоронила соседскую девочку, убитую на её глазах, разделяла страдания ленинградских детей. Она люто возненавидела гитлеровцев, а этого немца выходила. Выдумана она Закруткиным? Нет, сами посудите, прочтя воспоминания моей бабушки. А могла бы так же поступить какая-нибудь Магдалина? Навряд ли... Только Мать, перенесшая в годину лихую утрату детей своих, способна встать рядом с Богородицей!

Другая мать в повести Валентина Распутина «Последний срок» Анна тоже потеряла детей, и эта потеря куда тяжелее, нежели физическая. Духовно отдалившись от матери, дети, давно не видевшие друг друга, становятся своими поступками похожими на зверей. Это настоящее горе для нее. Но как велика душа этой старой, больной женщины, стоявшей у порога смерти! Нет, не все ее дети восприняли ее заветы, ее нравственные уроки!

Эта повесть была написана Распутиным давно. Теперь уже эти «дети» вступили в возраст их матери. Это те самые дети войны, которые сейчас у нас в почете. Виновны ли они в том, что стали такими? Я думаю, что нет! Это ожесточила их еще детские души война, неся с собой продовольственные карточки, привязанные шнурком в мешочке на шее, «тошнотики», сделанные

из собранного по весне картофеля с колхозного поля, длинные ночные очереди в хлебный магазин, суп из лебеды. Всего и не перечесать! Наши сибирские дети тех военных лет не видели разрывов бомб, виселиц по деревьям, еврейских гетто, но всё это каким-то трагическим образом отозвалось эхом через тысячи верст и надорвало их слабенькие души. Это было национальное горе, которое и породило их жестокость. Думается, что и дети той Анны всё-таки получили последний урок от смерти своей матери и по справедливости оценили ее нравственные качества, ведь это наши нынешние бабушки и дедушки, которых мы очень любим и которым сегодня совершенно безразличны души их внуков.

Совсем недавно ушел от нас автор этой повести, последний классик русской литературы, продолжатель традиций великих талантов, но хочется верить, что ему на смену придут мастера слова, способные возвеличить и прославить красоту и силу «загадочной Русской Души»!

Литературная мастерская

Елизавета Хорошилова

Кемеровский район,

ГБОУ СПО «Кемеровский аграрный техникум имени Г. П. Левина»

Руководитель – Ельчина Татьяна Викторовна, преподаватель литературы

О русском характере

В современном мире происходит постоянное взаимодействие между представителями разных народов. Иногда русский человек намного лучше знает культуру какой-либо другой страны, нежели своей, но как бы ни были хороши, красивы и привлекательны чужие идеалы, чужая культура, они всегда будут оставаться чужими. Мы не можем жить по чужим взглядам и идеям хотя бы потому, что сами владеем неистощимым кладом знаний.

Отличительной чертой народа является национальный характер. Русский национальный характер – это, прежде всего, патриотизм. В минуты опасности раскрывается до доньшка душа русского человека.

...Темные залы бункера Гитлера. По коридору уверенно идет невысокий, худощавый мужчина. Это гауптштурмфюрер СД Иоганн Вайс. Слава о его преданности делу нацистов легендой ходила среди военных людей Германии. А ещё через несколько лет этот же человек стоял в Главной Ставке Советского Союза. Да, это майор, Герой Советского Союза Александр Белов. Труден был его путь: от простого прибалтийского немца до столь высоких чинов. Мало кто знал о характере Иоганна Вайса. Но многие знали характер Александра Белова. Чуткий по отношению к другим, умный и наблюдательный, он однажды чуть не погубил себя. Когда его «приятель» в СД перелистывал секретные бумаги, мозг Вайса лихорадочно запоминал эти данные, забыв об опасности. Когда Вайс пересказал своему связному текст документов, донесение заняло двадцать листов. А документы видел он всего двадцать пять секунд! Вот это воля и выдержка! Вот это любовь к Родине и настоящий русский характер!

Особенности русского характера интересовали многих писателей и философов XIX и XX веков. Так, поэту А. К. Толстому удалось очень выразительно передать широту души русского человека:

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!*

*Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!*

В рассказе М. А. Шолохова «Судьба человека» описывается простой человек – Андрей Соколов, который своим мужеством дал право на жизнь и свободу Родине. Андрей Соколов –

человек труда, он заботится о семье. Истинное счастье для него заключается в тихих радостях, которые не обходят стороной его дом. В герое обрисованы те нравственные ценности, которые с давних времен присущи людям труда. Прежде всего – совесть, так как только она заставляет задуматься и выбрать правильный путь.

Естественность... Сколько прекрасных человеческих возможностей, достоинств заключено в этом слове! Это значит – доброта, гуманизм, полнота чувств. Это понятие подразумевает у Л. Толстого и близость к народу, любовь к Родине. Когда человек сжигает свой дом, чтобы не отдать его врагу, когда именно «по-русски» танцует Наташа – там, в романе «Война и мир», люди живут искренне. Нет у Толстого человека, живущего честно и в то же время не любящего своей Родины, не уважающего своего народа. Эти понятия нерасторжимы. Ведь чувство Родины веками спасало Россию от вражеских нашествий, много раз угрожавших существованию нашего государства.

Люди, обладающие нравственными качествами, издревле почитались на Руси. В свое время Василий Шукшин назвал главные черты подлинного человека: «Неспокойная совесть, ум, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса “Что есть правда?”». Именно эти качества объединяют героев Распутина, Астафьева, Айтматова. Они призывают жить не по лжи, а по правде.

Современной России предстоит научиться правильно распоряжаться и управлять той силой, что веками накапливалась и зрела, позволяла отражать все нападки злобствующих врагов. Это потребует от нее глубокого осознания русского национального духа и внимательного изучения накопленного исторического опыта. От того, насколько правильно удастся это сделать, будет зависеть будущее.

Время бежит неумолимо и накладывает свои отпечатки на окружающую нас реальность, но основные черты русского национального характера не поддаются изменениям. Только вот нам самим бы не забыть с нашим бешеным ритмом, что мы – люди, мы – РУССКИЕ.

Художник

Евгений Тищенко

Фрагменты росписи Владимирского храма
на территории оздоровительного центра «Каимское», Алтай

Святой князь Владимир

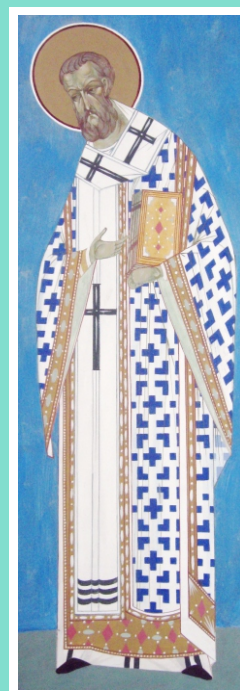
Святой Николай

Престол уготованный

Богоматерь с ангелами.
Престол уготованный и святительский чин

Святой Григорий Богослов

Взятие крепостей князем Владимиром

Спас Нерукотворный

Свержение идолов

Иконописная мастерская

Михаила Прошкина

Художник **Александр Работнов**

Фрагменты росписи алтаря Владимирского (нижнего) храма Знаменского собора в г. Кемерово

Александр Работнов.
Икона «Распятие Христово»

Мастерская Михаила Прошкина.
Новомученики святой Амфилохий и святой Аркадий

Мастерская Михаила Прошкина.
Святительский чин

Мастерская Михаила Прошкина. Тайная вечеря

Мастерская Михаила Прошкина. Пророк Иезекииль

*Литературная мастерская***Николай
Баршатов**

*Юрга,
ГАОУ СПО КО «Юргинский техникум агро-
технологий и сервиса»*

*Руководитель – Кучеренко Елена Ивановна,
преподаватель русского языка и литературы*

**Остаться человеком
в пламени войны**

*Зла за зло не воздавай.
Кривого кривым не исправишь.
Пословицы*

Да, как это ни ужасно, война – это убийство. В публицистической литературе тех «сороковых, роковых» можно встретить прямые призывы к уничтожению врага, воспитывающие ненависть и беспощадность. Поэзия тоже была верна этому направлению. А как иначе? Или они нас, или мы их. Вот и у К. Симонова в стихотворении «Если дорог тебе твой дом» читаем:

*Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

Поэтому в новой, более страшной Отечественной схватке вновь поднялась «дубина войны народной» и гвоздила врага безжалостно – тут не поспоришь. Великий Подвиг не мог состояться без твёрдости, мужества, решительности любой ценой освободить страну от захватчиков. Нет смысла перечислять произведения, которые отразили эти героические годы, а сколько забываемых фильмов снято по книгам тех, кто был свидетелем и творцом нелёгкого времени. Появляются и новые, потому что не перестают волновать людей великие страницы нашей истории.

Размышляя о подвиге моего народа, поражаясь его мужеству и терпению, я преклоняюсь перед теми, кто смог сохранить в себе человека.

Разве не могла Мария из повести Виталия Закруткина «Матерь человеческая» заколоть фашиста, которого обнаружила у себя в погребке? Казалось бы, и дрогнуть не должна! Ведь враги уничтожили её самых близких – мужа и сына, да и дом, землю превратили в пепелище... А она, уже подняв смертельные вилы, всё же не убивает. Его крик «мама» останавливает её как истинную Женщину-Мать, которая должна быть защитницей всегда. К тому же не может она сводить счёты с совсем юным и безоружным, да ещё и раненым! Когда командир эскадрона видит её в окружении семерых ленинградских ребятшек-сирот, он осознаёт степень подвига этой русской Берегини, ведь Мария сохранила не только людей, урожай, колхозный скот, она сохранила самое важное – человечность. Вот почему преклоняется перед ней воин, целует руку. Уверен, что подобные чувства испытывает к Марии каждый, кто открыл для себя «Матерь человеческую». А может, я ошибаюсь, и кто-то усомнится в таком материале?

Не забуду, как разгорелся однажды спор о поступке главного героя, когда мы изучали повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка». Эпизод с пленным немцем – один из ключевых в повествовании.

«Да, конечно, выиграли бы мы войну, если бы так жалели врагов!» – возмущался однокурник, у которого нашлись единомышленники. Мне было близко и понятно решение героя во что бы то ни стало сохранить жизнь немцу. Казалось, случись такое со мной – точно так поступил. Хотя, признаюсь, подумал: «А силы духа хватило бы?» Ведь часто нам нравится представлять себя героями. Но Сашка – настоящий герой. Он, можно сказать, рискуя своей жизнью, защищает право быть Человеком. Ведь слово он дал немцу, да и не может, как Мария, убивать безоружного... В открытом бою – другое дело! Писатель показывает, как истинная убежденность молодого солдата прорвалась к сердцу сурового, но, видно, справедливого комбата. Приказ о расстреле немца был отменён. Победила человечность...

Как-то попала на глаза книга «Люди или не-люди». Название любопытное, и, прочитав её,

ничуть не пожалел: стоящий рассказ! Потом я узнал, что автор, Владимир Тендряков, сам воевал. Значит, ему есть, что сказать: выстрадал войну. Писатель признаётся в том, что со временем привык к трупам, «а когда-то содрогался при виде их...» Ему пришлось испытать это потрясение вновь: когда однажды заметил на бескрайнем поле одинокую лошадь на трёх ногах, «жалость обожгла его сердце». Но на войне требовалось «огрубеть и очерстветь – стать деревом!» Мрачные мысли растревожили сердце автора. Как жить, когда кончится война? Ведь «разучились жалеть, равнодушны до древесности»... Он уверен, что такая страшная война не может выветриться из людей, «навсегда войдёт в душу». А коли так, кому будет нужен он, «отупевший от войны»?

В поисках своего полка с этими невесёлыми мыслями автор наткнулся на землянку, в которой среди спящих вповалку русских солдат обнаружился совсем юный немец Вилли. Оказалось, он заблудился «и с кухней на нашу позицию въехал». Так и прижился. А Якушин стал его защитником. Наблюдая это трогательное единство русских солдат – Якушина и дяди Паши – с немцем Вилли, автор думает: «Война пройдёт, а деревянность и жестокость останутся? Как я был глуп! Война в разгаре, рядом линия фронта, а уже двое врагов забыли вражду», устали от зла и ненависти. Всего полчаса пробыл он в этой душной землянке, а казалось, «надежды набрался на всю жизнь». Не скрою, я был счастлив вместе с героем, горд за человека, способного проявить гуманность даже в середине войны.

К сожалению, встреча с этими героями имеет трагическое продолжение. И вот, как будто мы вместе с ними видим «обледенелый сруб колодца, на толстой наледи – два странных ледяных бугра»... Это не обман зрения – «наглухо запечатанные, стоящие на коленях люди». Самое ужасное произойдёт дальше, когда нам захочется «зуб за зуб!». В одно мгновение «народ» превратился в «толпу», где, как известно, нет места милосердию, люди стали нелюдьми. А вчерашний, ими же обогретый Вилли стал жертвой отмщения. Он «глядел на напивавших людей, на обросшие, искаженные ненавистью солдатские лица». А когда толпа ринулась, «десятки рук вцепились в одежду, Вилли закричал не по-детски, даже не по-человечьи – сипло, каркающее, с захлёбом».

Автор признаётся, что «не сорвал автомат с шеи, не остановил, даже не крикнул. Люди перестали быть людьми», и он их боялся.

Можно ли осуждать его за слабость? Конечно, нет. Очевидно, автор строго оценивает свои поступки, за которые умеет ответить. А как мы сами ведём себя в любой «толпе»? Эти два эпизода убедительно показывают, как легко стать зверем и как трудно остаться человеком... Разве не об этом мы должны помнить накануне любой даты нашей Великой Победы? Перефразируя поэта, лучше жить «с пустым рукавом, чем с пустой душой». Юрий Бондарев так написал о своём поколении: «Наше поколение – те, что остались в живых, – вернулось с войны, сумев сохранить, пронести в себе через огонь этот чистый, лучезарный мир, веру и надежду. Но мы стали непримиримее к несправедливости, добрее к добру, наша совесть стала нашим вторым сердцем. Ведь эта совесть была оплачена большой кровью».

Литературная мастерская

Назар Бурмасов

*Осинники,
ГОУ СПО «Осинниковский горнотехнический колледж»*

Руководитель – Иванова Людмила Георгиевна, преподаватель русского языка и литературы

Звонят колокола Хатыни

*Слышали вы в Хатыни
Траурный перезвон?
Кровь от ужаса стынет,
Только раздастся он...*

А. Белевич

Война... Само это слово говорит о трагедии народа. Великая Отечественная война – страшное событие в истории нашей страны.

В народной памяти всегда будут жить миллионы расстрелянных, сожженных в газовых печах людей. Фашисты совершали жестокие преступления: уничтожали мирное население – стариков, женщин и даже маленьких детей, жгли дома вместе с людьми. Погибло много советских людей, жителей Белоруссии, в том числе и жителей белорусской деревни Хатынь.

Из всех произведений о Великой Отечественной войне очерк Василия Быкова «Колокола Хатыни» произвел на меня самое сильное впечатление. Хатынь... Глухая деревенька стала народным памятником скорби и героизма. При чтении очерка передо мной вставали картины, которые я не видел, но о которых слышал.

Трагедия этого лесного села произошла 22 марта 1943 года. Отряд немецких карателей окружил деревню. Фашисты согнали хатынцев в сарай и подожгли его, а тех, кто хотел спастись от огня, расстреливали из пулеметов. Хатынская земля покрылась кровью. Сто сорок девять человек, из них семьдесят шесть детей, навечно остались в этой адской могиле. Скорбная тишина Хатыни хранит плач детей, дикий крик матерей и грозные проклятия мужчин.

Почувствовав опасность, фашисты дошли до сумасшествия. Плата народа за свою независимость обошлась Белоруссии в два миллиона двести тридцать тысяч человеческих жизней. Погиб каждый четвертый. Но Белоруссия выстояла. Великое братство советских народов помогло ей выстоять в самый трудный час. В одном партизанском строю сражались с врагом белорусы и русские, украинцы и евреи, азербайджанцы и грузины, литовцы и таджики. Сотни тысяч солдат Советской армии отдали свои жизни за освобождение Белоруссии от фашизма.

Ничем не измерить муки людей, оказавшихся в аду. Но не все хатынцы погибли. Три человека выжили, чтобы показать истинное лицо нацистов. В центре хатынского мемориала стоит бронзовая фигура мужчины с мертвым ребенком на руках – символ Непокоренного человека, вставшего живым из огня.

На его устах можно прочесть: «Будь проклят фашизм!». Над могильным холмом – Венец Памяти из белого мрамора. На нём – обращение погибших хатынцев к живым: «Люди добрые, помните: любили мы жизнь и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша

просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить вечный мир и покой на земле. Чтобы огнине нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!». И с другой стороны Венка ответ живых погибшим: «Родные наши! В печали великой, склонив низко головы, стоим мы перед Вами. Вы не покорились лютым убийцам в черные дни фашистского нашествия. Вы приняли смерть, но пламя сердец Вашей любви к Советской Родине навек неугасимо. Память о Вас у нас навсегда, как бессмертна наша земля и как вечно яркое солнце над нею».

В Хатыни было двадцать шесть дворов. Всех их уничтожил огонь. На месте каждого двора чернеют нижние срубы, а над ними возвышаются обелиски с колоколами. Все слышат этот звон, и у каждого – своя память о минувшей войне. То, что произошло в Хатыни, должны знать все, потому что судьба у человечества – одна.

Траурный перезвон хатынских колоколов разносится по Белоруссии. Звонят колокола, напоминая о прошлом. Тревожный крик Хатыни услышал мир. Прежде всего, это память о тех, кто заслужил большое право на жизнь, но их нет с нами.

Прошло семьдесят лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне, но мы не имеем права забыть то, какой ценой была завоевана эта Победа. Я всегда думаю о том, какое счастье, что я не слышу взрывы снарядов и мне не приходится бежать в бомбоубежище.

В наше время в мире очень напряженная обстановка. На Украине идет Гражданская война. Бандеровцы убивают русских и тех, кто выступает против их режима. Митингующие с Куликова поля попытались спастись в здании Дома профсоюзов, потому что их просто без разбору убивали, втапывали в асфальт. Здание забросали бутылками с горючей смесью. Люди горели заживо, а кто пытался выпрыгивать, их расстреливали. Двадцать первый век! Трагедия в Хатыни повторилась. 2 мая 2014 года в Одесской Хатыни погиб поэт Вадим Негатуров. Вместе с другими одесситами он оказался в этом здании, скрываясь от нацистов – бандеровцев.

В центре европейского города сожгли более сорока людей – это можно сравнить только с нацистской Хатынью. Боль и скорбь... Так же горели люди в Хатыни, подожженные пред-

ками тех, кто кричит: «Нации слава». Конечно, это не будет забыто. Каждый получит по заслугам. Все, что происходит за гранью добра и зла, – это фашизм. Обращаясь ко всем людям мира, я хочу сказать: «Люди, берегите мир! Помните, о ком звонят колокола Хатыни».

Звонят колокола, звонят...

Литературная мастерская

Луиза Гергем

Кемерово,

МБОУ «Гимназия № 41»

Руководитель – Ханнанова Галина Владимировна, учитель русского языка и литературы

«Праведничество» как основа русского национального характера

Его «праведники» – маленькие великие люди.

Максим Горький

Русский национальный характер является предметом изучения многих наук: психологии, политологии, этнографии, экономики. Однако, на мой взгляд, именно в литературе сложилось более полное и точное представление о нем. При этом каждый писатель выделяет коренную черту русского героя: у Достоевского это сомнение в вере и осознание невозможности жить без нее, у Толстого – способность к саморазвитию, нравственному совершенствованию, у Гончарова – особого рода духовность, сопряженная, с одной стороны, с напряженной работой мысли, с другой – с ленью. Но я считаю, что ближе всех к пониманию и объяснению души, поведения русского человека подошел Н. С. Лесков. На примере двух его произведений – сказа «Левша» и повести «Очарованный странник» – я попробую доказать, что нравственным фундаментом

личности русского человека является такая черта, как праведничество.

Что же такое праведничество? Праведничество – жизнь по Божьим заповедям, смирение, любовь к людям, к Родине, милосердие, бескорыстие, умение радоваться жизни, непринхотливость и выносливость.

Праведничество Ивана Северьяновича Флягина, главного героя повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», написанной в 1873 году, связано с тем, что он живет в особое, былинное время. Автор даже сравнивает его с богатырем: «Но он был в полном смысле слова богатырь, напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А. К. Толстого». Иван Северьянович – коренной русский тип, в его образе писатель воплотил исконные черты русского национального характера. Герой не противится судьбе, – мотив предопределения является одним из главных в произведении. Самой главной чертой героя Лескова является откровенность простой души. Он честен перед собой и окружающими, потому что, несмотря на совершенные грехи (убийство монашка, татарина), сохраняет младенчески чистое сердце, благодаря чему именно ему открывается божественный замысел. Иван Северьянович абсолютно бескорыстен, добр (в подарок выбирает гармонь, отдаёт девочку матери), наивен и простоват, что позволяет сравнивать его со сказочным, фольклорным героем Иванушкой-дурочком. Девиз его жизни воплощен в надписи на поясе: «Чести моей никому не отдам». Герой очарован красотой мира («Очарованный странник»), обладает тонкой, поэтической душой. Он способен видеть красоту в самых простых вещах (любуется голубками), ценить духовную, внутреннюю красоту человека и даже монашка убивает от восторга перед красотой окружающего мира. Н. С. Лесков подчеркивает и привязанность странника к России, православной вере, которой он не изменяет, даже находясь долгое время в плену, где ощущает себя частичкой крещеной земли, русского крестьянского народа, благодаря чему годы в степи кажутся ему лишь миражом. Крещение татар и подвиг на войне возвышают образ Ивана Северьяновича, показывают его смелость и подвижничество. В словах «мне за народ очень помереть хочется» выражается и авторская позиция, за-

ключенная в том, что Россия держится на людях, подобных главному герою повести, а такие важнейшие черты русского национального характера, как бесстрашие, бескорыстие и самоотверженность являются залогом её существования.

В сказе «Левша», написанном в 1881 году, Н. С. Лесков создает еще один образ праведника. Показательно, что автор даже не наделяет героя именем, что говорит об обобщенности, собирательности данного образа. Писатель подчеркивает контраст между его непривлекательным внешним видом («косой Левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны») и широкой душой, богатым внутренним миром («у него хоть и шуба овечкина, так душа человечкина»). Левша воплощает в себе такие лучшие черты русского национального характера, как сила духа, трудолюбие (закрывшись в избушке, отгородившись от окружающего мира, работает без отдыха), бескорыстие (отказывается от предложения жить и учиться в Англии). Важнейшими качествами героя, определяющими его характер, являются патриотизм и любовь к Родине, которые тесно связаны с его глубокой религиозностью. Перед началом работы мастера идут молиться к «камнесеченой» иконе святого Николая; невозможность жить без православной веры является причиной отказа Левши от приглашения англичан («Мы, – говорит, – к своей родне привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница – старушка, и привыкли в свой приход в церковь ходить»). Левша простодушный, немного наивный, что говорит о его младенчески чистой душе, и очень талантливый русский мастеровой, даже умирая, заботится о выполнении своего гражданского долга – рассказывает, почему англичане побеждают (нельзя чистить ружье кирпичом). Образ Левши у Н. С. Лескова – символ всего русского народа, талантливого, бескорыстного, волевого, не гонящегося за внешним жизненным успехом и богатством, сохранившего младенчески чистую душу, чувство собственного достоинства, трудолюбивого, доброго, верующего и преданного своей Родине.

А. И. Солженицын в рассказе «Матренин двор» продолжает традиции изображения праведничества как основы русского национального характера. Матрена Григорьева, как Иван Се-

верьянович Флягин и Левша, несмотря на бедность, богата духовно: проходя через тяжелые жизненные испытания, остается личностью. В ее образе автор запечатлел светлые стороны русской души, изображенные и Н. С. Лесковым, вслед за которым утверждает, что «без праведника, – по пословице, – не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».

Таким образом, в повести «Очарованный странник» и сказе «Левша» Н. С. Лесков в образах праведников воплотил христианскую концепцию человека: человек изначально, от рождения способен постигать Божественную истину, видеть красоту мира, различать добро и зло. Именно эта естественность, природность, лежащая в основе праведничества, по мнению автора, является основой русского национального характера.

Литературная мастерская

Алиса Кейкуль

*Мыски,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5»*

Руководитель – Триппель Татьяна Ивановна, почетный работник образования РФ, учитель русского языка и литературы

Русский характер

В настоящее время многие зарубежные политики выступают против России. Целью наших геополитических врагов является дестабилизация политической и экономической обстановки в России, а плацдармом для информационного нападения стала Украина. Обвинения зарубежных политиков сопровождаются высказываниями украинского премьер-министра Арсения Яценюка. В интервью немецкому телеканалу он заявил, что современная Россия пытается переписать историю, выдавая себя за спасительницу Европы во время Второй мировой войны, хотя

якобы сама являлась агрессором. Я не могу с этим согласиться, потому что советский солдат – освободитель не только своей Родины, но и народов Европы. Я считаю, что моя работа актуальна особенно в год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Я решила обратиться к произведению советского писателя М. А. Шолохова «Судьба человека» с целью установить точность воспроизведения русского характера, который в полной мере раскрылся в период Великой Отечественной войны.

Заглавие рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека» символично, поскольку это рассказ не только о судьбе солдата Андрея Соколова, но и о народной судьбе. Писатель осознает себя обязанным поведать миру суровую правду о том, какой огромной ценой оплатил советский народ право человечества на будущее. В произведении «Судьба человека» автор нарушает хронологическую последовательность, чтобы показать самые важные для героя жизненные моменты. Рассказ имеет кольцевую композицию: он начинается со встречи рассказчика со случайными попутчиками и заканчивается расставанием с этими людьми, ставшими ему близкими и дорогими. В центральной части произведения повествование ведется от лица главного героя, что позволяет не только проследить за событиями его жизни, но и увидеть их его глазами, осмыслить его собственную оценку совершенных им поступков. Рассказ Соколова можно условно разделить на три части: довоенная жизнь, война, первые послевоенные месяцы.

Рассказ начинается с картины первой послевоенной весны, весеннего бездорожья, когда, несмотря на теплые ветры, зима еще напоминает о себе. Настроение пейзажа создают слова «*трудный, тяжелый, бездорожье...*». Уже на первой странице рассказа возникает образ трудной дороги, который готовит читателя к восприятию тяжелого жизненного пути главного героя. М. А. Шолохов изображает природу, с великим трудом пробуждающуюся от долгой зимней спячки, и с героем рассказа мы знакомимся в тот момент, когда постепенно начинает оттаивать его закаменевшее от горя сердце. Финал рассказа оптимистичен, но этот оптимизм оплачен слишком дорогой ценой, поэтому и завершает

свое повествование М. А. Шолохов упоминанием о «жгучей и скупой мужской слезе». Каким характером должен был обладать русский человек, чтобы преодолеть нравственные испытания, посланные судьбой? Что смог он сохранить в своей душе? Такие вопросы задает своим читателем М. А. Шолохов в рассказе «Судьба человека». Рассказчик становится активно действующим и воспринимающим лицом. Различия между рассказчиком и героем, особенно ощутимые в начале рассказа, постепенно стираются, на первый план выходит единство их мировосприятия, и эпическое повествование органически сменяется лирическим монологом рассказчика, в котором выражена вера в человека, в его способность «все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина».

Кульминацией рассказа стал эпизод разговора Соколова с лагерфюрером Мюллером. Идя на встречу с Мюллером, Андрей осознает, что идет на смерть. Он собирается с духом, чтобы взглянуть на врага и в дуло пистолета отважно, как и подобает русскому солдату. Да и перед лицом лагерфюрера Соколов держится с огромным достоинством. Он, находящийся на грани голодной смерти, не стал пить за победу фашистских войск: «...у меня есть свое, русское достоинство и гордость и... в скотину они меня не превратили, как ни старались». В этой сцене характер Андрея Соколова раскрывается с героической стороны. В психологическом поединке между Андреем Соколовым и лагерфюрером Мюллером победу одерживает Андрей Соколов.

Я думаю, что война калечит не только тела, но и души, и выстоять в этой смертельной схватке с врагом и со своей совестью очень нелегко. А те, у кого это получается, становятся героями.

Одним из доказательств этого служит цитата из английской газеты: «Если вы действительно хотите понять, почему Советская Россия одержала великую Победу во Второй мировой войне, прочтите рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека».

Проанализировав рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека», я убедилась, что русский солдат – стойкий, самоотверженный, непокорный воин, которому присуще глубокое чувство патриотизма. Русский солдат преодолевает все

невзгоды, данные ему судьбой, сохраняет чувство собственного достоинства. Он сражается за свободу своего народа, своей Родины.

*...Мы народ ванек-встанек,
Нас не Бог уберег.
Нас давили, топтали
Столько разных сапог.*

*Они знали: мы ваньки,
Нас хотели покласть,
Но о том, что мы встаньки,
Забывали, платясь.*

*Мы народ ванек-встанек,
Мы встаем, так всерьез!
Мы от бед не устанем,
Не поляжем от слез.*

*И смеется не вмятый
Не затоптанный в грязь
Мужичок хитроватый
Чуть по-ка-чи-ва-ясь.*

(«Сказка о русской игрушке» Е. Евтушенко)

Литературная мастерская

Анна Кислова

*Березовский,
ГБОУ СПО «Березовский политехнический
техникум»*

*Руководитель – Чувакова Ольга Викторовна,
преподаватель*

Персонажи русской народной сказки – архетипы русского национального характера

Русская литература отличается разнообразием жанров и направлений. Читая русскую класси-

ку, вживаясь в образы персонажей, переживая с ними порой нелегкую судьбу, задумываешься о значимых проблемах, о персонажах, которые в большинстве своем отражают качества национального характера. И здесь можно приводить много примеров из произведений М. Шолохова, Н. Лескова, А. П. Чехова и многих других. Я же хотела бы поговорить о русской народной сказке, которая, по-моему, является ярчайшим примером отражения характера национального героя.

Русская народная сказка. Уверена, что для русского человека эти три слова всегда несут в себе особый смысл, перенося каждый раз нас в детство. До сих пор помню, как мама читала мне сказки на ночь, и я, засыпая, представляла себе сказочных персонажей: Иванушку-дурачка, у которого всегда все складывалось хорошо, несмотря на то, что он ничего не делал; видела себя Василисой Прекрасной, за которой на коне приезжает Иван-Царевич; боялась Бабуягу, стараясь теснее при этом прижаться к маме. Я выросла. Сказки отошли на второй план. Но та вера в волшебство, в то, что непременно все приключения героев заканчиваются хорошо, у меня осталась. Сегодня, общаясь с окружающими меня людьми, я иногда ловлю себя на мысли, что некоторых из них я сравниваю со сказочными персонажами: ведет себя, как Баба-яга, умная, как Василиса Премудрая, смелый, как Иван Царевич. И тогда я задумалась, а ведь, действительно, многие поступки, действия людей, их характеры в точности были описаны в русских народных сказках.

Вообще, о русском народе, его характере, культуре, истории пишут давно, говоря «загадочная русская душа». Я считаю эти слова справедливыми, и в характере русского народа раскрываются, с одной стороны, такие качества, как доброта, трудолюбие, справедливость, честность, терпеливость, бесстрашие, и даже в какой-то степени предприимчивость, а с другой – лень, предательство, подлость. Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что в сказках раскрывается характер русского человека.

Рассмотрим это на примере образов некоторых сказочных персонажей.

Одним из любимых героев русской сказки является Иванушка-дурачок. Вот в ком соединились самые яркие черты русского характера – это и нежелание работать, при этом лежа на печи или полатах, и действия на авось, и желание получить все, ничего для этого не делая. Удивительно то, что у него это прекрасно получается. Давайте вспомним сказку «Конек-Горбунок». Разве Иванушка сам добился внимания царской дочери? Разве сам смог выполнить задания? Нет. Ему помогал Конек-Горбунок. Но ведь если задуматься, то можно увидеть и другие качества Иванушки – это и сострадание, и почитание старшего поколения, и послушание, и умение сдерживать свое слово. Еще одним качеством, которым обладает Иванушка, и, как мне кажется, обладает почти каждый русский человек, является желание помочь. Например, Иванушка, будучи голодным, отпускает щуку в море – поступок бессмысленный с точки зрения здравого смысла, а в трудный момент именно она приносит ему яйцо, в котором Кашеява смерть. Поэтому во многих сказках и получается: герой, внешне неприметный, совершающий, на первый взгляд, глупые и ненужные поступки, не стремящийся ни к богатству, ни к славе, которым братья да и отец помыкают, над которым смеются и которого обманывают, в конце сказки превращается в красавца-царевича, умного, храброго, умелого, которому достается и Жар-птица (символ недостижимой мечты), и царевна в жены, а иногда и полцарства в придачу. Именно Иванушку-дурачка принято считать героем народной сказки и победителем своих врагов.

Так и русский мужик мечтает о лучшем будущем, но претворять в жизнь свои мечтания ему лень. Я считаю, что эта исконно русская лень и любовь помечтать о наступлении лучших времен всегда мешала нашему народу. Говоря об Иванушке, нельзя, конечно же, не сказать о героинях-женщинах. Вот кого я считаю идеалом ума, красоты, доброты и всепрощения. Василиса Прекрасная, Василиса Премудрая, мудрая

дева были сильны не только своей мудростью, любовью и терпением, но и хитростью. Если вспомнить сказки, то увидим, что сказочная красота больше была не внешняя, а внутренняя. Часто главные героини изначально кажутся простыми и бесхитростными, но преодолевают все препятствия и всегда добиваются своей цели, уничтожая зло. Вспомним, как героини могли совершить необдуманные поступки, например, сжечь лягушачью шкуру, уничтожить перышки, и тем навлечь на голову героини страшные беды. Или предать, как Финист – Ясный сокол, который улетел, забыл про свою любимую, и женился на другой. Но героиня все прощает ему и хранит верность до конца. Я заметила, что героини изображались не очень лестно, что подчеркивало достоинства героини. У него ничего не получается, а она во всем ему помогает. Меня даже удивило, почему такие мудрые, красивые героини, выбирают Иванушек? Ведь при таких замечательных достоинствах героини никогда не говорят о своих заслугах, всегда остаются в тени героя, помогая ему выпутаться из любых ситуаций. Может, для того, чтобы изменить их, сделать лучше? И не в этом ли иногда видят смысл жизни многие русские женщины?

А если уж мы говорим о наших русских женщинах, то их красота не имеет себе равных («ни в сказке сказать, ни пером описать»), при этом они всегда отличались терпимостью, добротой, преданностью, силою характера.

Еще я заметила, что в русских сказках, как и в русском народе, сильна вера в чудо. Конечно, все волшебные сказки строятся на каких-то необыкновенных событиях, но в них всегда верят безоговорочно. Невольно возникает параллель с днем сегодняшним. Уже сколько лет обманывают русского человека, а он все равно во все и всем верит.

В заключение хотела бы сказать о том, что персонажи русских народных сказок раскрывают все важнейшие стороны русской жизни. Я считаю, что сказка не потеряла своего значения и в наши дни. Она несет добро, понимание справедливости, непоколебимую веру в торжество правды, победу светлых сил.

*Литературная мастерская***Юлия
Ковалева**

*Кемерово,
МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 93 с углубленным изучением отдельных предметов»*

*Руководитель – Котова Галина Федоровна,
учитель русского языка и литературы*

Ради жизни на земле...

Война... Это страшное слово. Оно такое короткое. Но за этим словом кроются горе и слезы, мучения людей и стремление к победе; отнятые годы жизни, смерть и желание выжить; ложь, предательство и умение выстоять. Выжившим и дожившим до наших дней больно и тяжело вспоминать то время. Мир не должен забывать ужасы войны, разлуку, страдания и смерть миллионов. Это было бы преступлением перед павшими, преступлением перед будущими поколениями. Мы должны помнить о войне, о героизме и мужестве солдат, прошедших ее дорогами, а бороться за мир – обязанность всех живущих на Земле, поэтому одной из важнейших тем нашей литературы является тема подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Об этом нелёгком для всей страны времени писали не только в сороковые годы, но и в послевоенное время. С каждым годом менялись характеры персонажей, раскрывались новые подробности, появилось критическое отношение к правительству. Но всё же главная мысль остаётся неизменной и по сей день – только кровь русского воина вернула нам мирное небо над головой.

Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие» (1969) стала одной из самых популяр-

ных книг о Великой Отечественной войне 1960–1980-х годов. Основные события происходят в 1942 году в Карелии. К старшине Федоту Васкову поступили в подчинение пять молодых бойцов. И бойцы эти – девушки. Одна из них, Рита Осянина, обнаружила, что через близлежащие болота идёт диверсионная немецкая группа в составе двух человек. Васков принял решение остановить группу любой ценой. Девушки и старшина были вооружены только трёхлинейками и гранатами, а врагов оказалось не двое, а шестнадцать. Но ценой своей жизни девушки сумели остановить диверсантов.

Обладающие разными характерами и судьбами, но объединённые одной целью – уничтожить ненавистного врага – Маргарита Осянина, Женька Комелькова, Елизавета Бричкина, Галина Четвертак, Соня Гурвич погибли, вступив в неравный бой с фашистами. Автор проводит горькую мысль о том, что совсем не для войны предназначены эти вчерашние школьницы. Им бы жить, воспитывать детей, приносить радость людям. Они, женщины, предназначенные самой природой дарить и продолжать жизнь на Земле, нежные и хрупкие, вступают в беспощадную схватку с жестокими захватчиками. Они, женщины, не требуя никаких скидок для себя и не думая о них, делают все, чтобы остановить врага. И ради этого не жалеют своей жизни.

Единая цель на поле боя уравнивает командира и девчат. Каждый на своём участке фронта должен сделать возможное и невозможное для победы, чтобы зори были тихие. Это и есть мера героического, по Васильеву: «Одно знал Васков в этом бою: не отступать. Не отдавать немцам ни клочка на этом берегу. Как ни тяжело, как ни безнадежно – держать... И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфович Васков, был сейчас ее последним сынком и защитником. И не было во всем мире больше никого: лишь он, враг да Россия».

Для всех читателей трагическая судьба юных девушек, отдавших жизнь за Родину в жестокой схватке с фашизмом, олицетворяет собой то, какой ценой досталась нашему народу победа.

Своеобразно раскрывает тему войны белорусский писатель Василь Быков, его произведения отличает нравственно-психологическая проблематика, бескомпромиссность нравственных требований. Основой его сюжетов является ситуация нравственного выбора. Писатель даёт художественное исследование моральных основ человеческого поведения в их социальной и идеологической обусловленности.

В повести «Сотников» описана трудная зима 1942 года. Партизанский отряд, обремененный женщинами, детьми, ранеными, окружён. Заканчиваются боеприпасы, нечем кормить людей. На разведку посланы двое – Сотников и Рыбак. Они попадают в руки фашистов. Перенеся пытки, Сотников погибает, Рыбак же, ценою предательства, остается жив.

Два типа жизненного поведения, цена подвига и позорный финал нравственного компромисса, истоки героизма и предательства – вот главные проблемы, раскрывающиеся через эти образы. Рыбак – смелый боец, когда за его спиной стоят свои. Но, оказавшись же один на один с врагом, он идёт сначала на компромисс, потом – на предательство и убийство товарища. Анализируя этот характер, Василь Быков приходит к выводу, что истоки предательства Рыбака выходят из детства, когда он шёл на, казалось бы, мелкие жизненные уловки.

Сотников – скромный, незаметный человек, без всяких внешних признаков героя и необыкновенной личности, простой учитель. Почему же, будучи больным и слабым, он пошёл на ответственное задание? Ведь одной из причин того, что они оказались в руках врага, явилась его болезнь: он не сдержал душивший его кашель и этим обнаружил себя и Рыбака.

Измученный пытками, шантажируемый фашистами («Мы всё равно их найдём, а тебя запишем в предатели»), Сотников остается несломленным. Истоками его мужества явилась глубокая убежденность в справедливости той борьбы, которую ведет народ, воспитавший и вскормивший его. Сотников погибает физически, но не духовно. Перед казнью он видит в толпе маль-

чика, встречается с ним глазами и убеждается, что честно выполнил свой долг.

Осенью 1942 года Александр Твардовский начал публиковать главу за главой свою замечательную поэму «Василий Тёркин», названную сначала «Книга про бойца». В поэме создан обобщённый облик советского бойца – фронтовика, рассматривающего свои боевые подвиги как повседневный ратный труд. Но этот труд озарён светом высокой патриотической идеи – идеи защиты от врага. Тёркин – герой, вобравший в себя энергию народной борьбы с фашизмом. Он носитель лучших черт русского народного характера, олицетворение народной смекалки и народной силы. Василий Тёркин исполнен ясного ума, сердечности, жизнелюбия, задорного юмора, душевной теплоты и тонкой грусти. Тёркин – патриот в самом лучшем, самом высоком смысле этого слова. Для него не существует никаких сомнений в том, что победа будет вырвана у врага. Тёркин – собирательный образ. Такие образы встали рядом с реальными героями, воспетыми советской литературой.

«Василий Тёркин» – это поэма-памятник русскому солдату, поэма-гимн русскому «чудо-человеку» – бодрому, несгибаемому оптимисту, способному с шутками и прибаутками колесить по дорогам войны, умирать за друга и Отечество, принимать на войне все как есть, не растерять свою душу. Война не за славу, не за ордена и медали, не за повышение по службе. В заключительной строфе поэмы торжественно звучат слова:

*Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

Одна из выдающихся заслуг русской литературы состоит в том, что она осветила героические подвиги советских воинов, сделала их широко известными, превратила в достояние всей страны и всего народа. Благодаря этому многие такие подвиги были повторены тысячекратно.

Уходят люди, течёт время, нещадно стирая события, имена и даты. Но лучшие произведения о Великой Отечественной войне – нетленный памятник великому подвигу русского народа!

*Литературная мастерская***Павел
Коинов**

*Мыски,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5»*

Руководитель – Драйцева Виолетта Николаевна, учитель русского языка и литературы

Гордость семьи

Ранним утром в воскресенье 22 июня 1941 года фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения: 190 дивизий, свыше 4 тысяч танков, более 47 тысяч орудий и минометов, около 5 тысяч самолетов, до 200 кораблей. На решающих направлениях своего наступления агрессор имел многократное превосходство в силах. Началась Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков. Она длилась 1418 дней и ночей.

История не знает более чудовищных преступлений, чем те, которые совершили гитлеровцы. Фашистские орды превратили в руины десятки тысяч городов и деревень нашей страны. Они убивали и истязали советских людей, не щадя женщин, детей, стариков. Не-человеческая жестокость, которую захватчики проявляли по отношению к населению многих других оккупированных стран, была превзойдена на советской территории. Все эти преступления с документальной достоверностью описаны в актах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и доведены до сведения всего мира.

В результате фашистского нашествия Советская страна потеряла более 25 миллионов человек убитыми, около 30 % национального богатства. Более одного миллиона советских воинов погибло за пределами нашей страны, освобождая народы Европы и Азии от фашистско-милитаристских оккупантов.

Нацистское руководство подчеркивало, что действия германской армии должны носить особо жестокий характер, требовало беспощадного уничтожения не только воинов Советской армии, но и гражданского населения СССР. Солдатам и офицерам вермахта вручили памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай, этим ты спасешь от гибели себя, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься на века».

Я думаю, что память о Великой Отечественной войне живет в каждой семье. С детства мы учимся уважению и любви к тем, кто сражался за нашу свободу.

*О войне любят книжки читать,
И мальчишки в сраженья играют.
Но не дай Бог кому-то узнать,
Как война людям жизни меняет.*

Листая старые снимки, на которых был мой прадед, я решил узнать его историю. Сейчас ее я расскажу и вам!

Мой прадед, Колчин Анфиноген Илупович, родился 18 января 1921 года в селе 1-й Излап Солтонского района Алтайского края. Закончил 4 класса деревенской школы. Потом он закончил курсы учетчика и стал работать в колхозе. В 18 лет призвали в армию, это был октябрь 1940 года. В июне 1941 года принял военную присягу. После начала войны сразу ушел на фронт в звании рядового. Воевал на Западном фронте и в ожесточенных боях 12 ноября 1941 года был ранен осколком в плечо. 24 января 1942 года был выписан и отправлен на тот же фронт. Воевал у реки Висла, за что был награжден орденом Красной Звезды. В 1943 году закончил лейтенантские курсы и стал командовать артиллерийским взводом. Их взвод совершил подвиг: в ноябре, когда стукнул первый мороз, рота, в которой был Колчин, заняла позицию возле реки. Несколько дней подряд шёл сильный снег, и обстановка была довольно спокойная. В ночь на 23 ноября дивизия немцев окружила наших солдат. Отступить можно было только в сторону реки, но она еще не замерзла, соответственно, это было невозможно. Силы были неравные, поэтому идти в открытый бой смысла не было. Немцы же не торопились идти в ата-

ку, ведь они сами не знали, сколько советских солдат было взято в кольцо. У наших солдат заканчивалось продовольствие, а вокруг было сильное давление. Через пару дней бездействия командиры решили начать прорыв по одному из направлений. Командовал этим прорывом лейтенант Колчин. С помощью военной хитрости он смог прорвать это направление при небольших потерях. После этого наши солдаты захватили продовольствие врага и держали оборону еще несколько дней до прибытия основных сил. В течение пары дней в связи с жестокими боями почти все советские солдаты были убиты. Взвод Колчина оставался на своих позициях до конца. Они смогли продержаться и уничтожить большую часть немецких солдат. За этот героический подвиг Колчин А. И. был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. 2 февраля 1944 года в звании лейтенанта получил сквозное ранение в область груди. Но уже через 2 месяца был выписан и отправлен на Урал. Далее он участвовал в освобождении Польши и за проявленное мужество на полях сражений был награжден орденом Красной Звезды. Принимал участие в захвате Берлина. Закончил военную службу в 1946 году в звании лейтенанта. Я считаю его настоящим героем, который смог преодолеть все трудности военного времени. Он всегда показывал положительный пример всем окружающим его людям.

После демобилизации мой прадед вернулся на малую Родину, обзавёлся семьей, и у них в семье родилось трое детей. Работал учителем в школе. В начале 90-х годов переехал в село Атаманово Кемеровской области. Прадед был очень трудолюбивый человек и всегда заботился о близких. Умер 17 октября 1994 года.

Вспоминая историю Великой Отечественной войны, нельзя забывать еще об одной форме героизма, еще об одном подвиге. Это подвиг людей в тылу, которые, не жалея сил, приближали Победу. Старики, женщины, дети, как и их отцы, сыновья, мужья на фронте, сражались с врагом в тылу, не щадя своих жизней.

Сколько сил? Сколько горя? Сколько усилий принесла война? Невозможно точно ответить на эти вопросы! Великая Отечественная война ушла в прошлое, но нам и нашим потомкам никак нельзя забыть тот бессмертный подвиг, который совершил наш народ, каждый солдат в отдельности. Подвиг ради будущего своих детей,

ради мира на нашей планете. Но очень жаль, что для достижения всего этого потребовалось так много жизней и так много подвигов.

Лично я поддерживаю политику нашего президента В. В. Путина, потому что он всеми силами старается сохранить страну в целостности и сохранности. Поднимает престиж страны на международной арене. Человек, который действительно много делает для своей страны, своего народа.

Я верю, что у моей Родины есть будущее, потому что страна с великой историей и великими людьми не может просто так сдаваться и проигрывать.

Мы должны смело идти вперед и строить нашу жизнь и нашу страну.

Литературная мастерская

Антон Колокольцов

*Кемерово,
ГОУ СПО «Губернаторский техникум народных промыслов»*

*Руководитель – Непша Ольга Владимировна,
преподаватель русского языка и литературы*

Основа национального характера героя в русской литературе

Глубинная, впитанная с молоком родной матери, заложенная на уровне подсознания национальная особенность бескорыстного героизма русского человека прекрасно показана ярчайшими классиками русской литературы. Мы искренне гордимся замечательной работой Льва Николаевича Толстого «Война и мир». По сути, ради исторической справедливости именно войну с Наполеоном необходимо считать первой мировой войной, поскольку именно в войне 1812 года против России ополчилось все безумное зло всех государств тогдашней Европы, а Россия, как обычно, была одна и не только выстояла, но и победила наполеоновских «глобалистов – демократизаторов».

Творчество Николая Васильевича Гоголя является духовным богатством русского и украинского народов. В повести Гоголя «Тарас Бульба» очень ярко и мощно раскрыт национальный характер народного героизма, который выковывался и крепчал в непрерывных сражениях с польскими рабовладельческими захватчиками. Простые казаки, крестьяне и ремесленники, не щадя жизни, боролись со злом и несправедливостью.

Лев Николаевич Толстой, Николай Васильевич Гоголь смогли не только увидеть глубинную суть народного героизма, найти духовные корни русского национального характера, но и необыкновенно четко и ярко смогли описать «голгофский путь» становления русской героической идентичности. Толстой и Гоголь проследили путь народного героизма недвусмысленно: войны выигрывались не силой русского оружия, не русской профессиональной армией, не численным превосходством, а осознанием правоты – правильности своего дела. «Наше дело правое, с нами Бог!» – вот так и побеждали. Русские не вели захватнических войн. Все войны были освободительными, где русский народ, олицетворяя чистое добро, бился с имеющим численное превосходство, блестящее оружие и огромные богатства врагом, являющимся чистым злом. И это вселенское западное зло вторглось на русские земли, зло убивало невинных, сжигало города и церкви, порабощало, пытало, насиловало, грабило, запрещало православную веру, насаждало, как и сейчас, ненавистную нам западную эгоистичную, протестантскую идентичность.

Поставленные в равные условия голодом, болезнями западные захватчики – рабовладельцы и герои, народные освободители, по-разному реагировали на боль и страдания. Западные агрессоры ломались, не выдерживали испытаний, они привыкли бить слабых, беззащитных, они не способны на лишения и самоограничения, что, в конечном итоге, и приводит их к поражению. Народные герои потому и выигрывали народно-освободительные войны, что голод и холод знающие о своей правоте герои переносят легче, потому что мотивация у народных героев – правильная. Герои никого не грабят, не насилюют, не сжигают церкви и больницы, не устраивают голодомор и геноциды. Герои защищают родную землю, родную православную веру, свой убиваемый, угнетаемый рабовладельцами народ. Герои борются со злом, защищают

слабых. Дела героев правые – правильные – праведные, поскольку народные герои – на стороне добра. Бог с народными героями, а с западными рабовладельческими захватчиками – зло – дьявол, поэтому все эти наполеоны, гитлеры и бараки абама изначально обречены на поражение.

Лев Николаевич Толстой и Николай Васильевич Гоголь потому и являются классиками русской литературы, что превозносили именно национальный героический характер русского народа, который узнавали в себе читатели и стержнем которого является жертвенное, бескорыстное служение интересам своего народа, вере и Отечеству. Потому и героизм, что он не требует вознаграждения, не нуждается в похвалах и одобрении. Высшим судьей для народного героя является Бог и его совесть, которые требуют, несмотря на боль и лишения, биться с врагами родины до полной победы, а когда это необходимо, то и свою жизнь отдать за правое дело защиты добра от злых сил Запада.

Литературная мастерская

Андрей Лесников

Белово,

ГБОУ СПО «Беловский техникум железнодорожного транспорта»

Руководитель – Атаманова Оксана Михайловна, преподаватель литературы

Тема подвига в произведениях советской литературы (по роману К. Симонова «Живые и мертвые»)

Жизнь – самое дорогое, чем обладает каждый человек. Но каждый по-своему распоряжается ею. Во имя чего можно пожертвовать жизнью? Каждый год, отмечая День Победы, невольно за-

думываешься над этим вопросом. Актуальность темы подвига на страницах художественных произведений о войне определяется тем, что на примерах литературных героев дается документальное исследование человеческого поведения в условиях войны, в условиях постоянной необходимости делать выбор, принимать решение. Очевидно, что выбор темы сочинения не случаен. Обращение к литературе о Великой Отечественной войне оправдано «вневременным» характером.

Именно об этом говорит трилогия К. Симона «Живые и мертвые», в которой рассказывается страшная правда о самых первых, самых горьких, смертельных и беспощадных месяцах войны. Автор одновременно показывает народное сопротивление врагу. Мы видим подвиг обычных, рядовых советских людей, которые еще не до конца осознали, что вот он, враг, совсем рядом, везде. Кругом неизвестность, и страшно даже на секунду примерить выпавшую на их долю страдания. Но долг перед Родиной оказывается намного важнее для них. Ведь это наша страна! И неважно, военный ты или гражданский. Ты должен взять винтовку и пойти в бой. Именно так рассуждали советские люди.

В романе-хронике артиллеристы не бросили свою пушку и тащили ее на руках от Бреста до Москвы. Старый колхозник, ругавший отступающую армию, с риском для жизни укрыл у себя в доме раненую. Капитан Иванов, собрав испуганных солдат из разбитых частей, повел их в бой.

Серпилин, освобожденный в начале войны из лагеря, где находился по обвинению в пропаганде превосходства фашистской армии, не утратил веры в советскую власть. Освободившись, он сразу же оказывается в первых рядах защитников Отечества. Внешне немногословный и даже суровый, он берег солдат и пресекал всякие попытки добиться победы «любой ценой».

Другой герой, военный корреспондент Синцов, выходя с группой товарищей из окружения, принял решение оставить журналистику и присоединяется к полку Серпилина. Он знает, что полк обречён на бой в окружении, если в ближайшие часы не придёт приказ отступить. Вот он, момент познания, момент прозрения, когда наступает время выбора, категорического выбора между легкой жизнью и тяжелой смертью,

своего счастья или счастья товарищей. Они знали, что обречены, но продолжали сражаться.

Таким образом, даже небольшое исследование страниц художественных произведений о войне дает возможность получить ответы на многие вопросы: что чувствует солдат, которому приходится отступать или идти в бой? Что такое война? Каково это – воевать? Что такое страдания? Мы должны осознать, какой ужасной ценой был совершен поистине великий подвиг нашим народом, и как же хорошо, что эти события многим современникам знакомы лишь из книг и фильмов. Спасибо солдатам за мирное небо над головой!

Литературная мастерская

Натаалья Малукова

Кемерово,
ФГБОУ ВО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет)»

Руководитель – Красильникова Оксана Сергеевна, старший преподаватель кафедры «История России»

Листая страницы биографии...

Что можно назвать подвигом? Особенно, если разговор идет о войне. Размышляя над этим вопросом, невольно начинаешь задумываться о том, что подвигом в страшные военные годы была сама жизнь: с ее горестями и разочарованиями, маленькими радостями и искренними слезами счастья на щеках. Из жизни каждого человека рождался подвиг советского народа. Люди, которые жили, трудились и воевали в годы войны, снова и снова заставляют нас удивляться невероятному трудовому и военному подвигу советского человека. Заметки потомков, письма солдат, произведения писателей и поэтов, творчество художников того времени – все носит отпечаток военных лет.

Знакомясь с биографиями кузбасских поэтов-фронтовиков, я заинтересовалась жизнью Мамаева Владимира Михайловича. Удивило меня то, что уже в 12 лет Владимир стал сыном полка и толковым разведчиком во 2-й Гвардейской армии. Его неоднократно отправляли учиться в Суворовское училище, но он постоянно возвращался в часть. В конце концов (после очередного возвращения) командир полка устало махнул рукой и сказал: «Пусть остается. Что толку отвозить, все равно убежит. Поставить на довольствие, зачислить...». С армией он прошёл от Сталинграда, через Украину, Крым, Белоруссию, до самой западной границы. Войну закончил пятнадцатилетним парнишкой, приняв свой последний бой под Кенигсбергом.

Спустя много лет, став профессиональным поэтом, Владимир Мамаев вспомнит эту битву. Своё стихотворение он посвятит поэту-фронтовику Евгению Буравлеву, получившему тяжёлое ранение в бою за взятие этого городка-крепости:

*Кенигсберг. Сорок пятый.
Помнишь, друг мой, тот бой?
Боль и радость той даты
Не забыть нам с тобой...*

Володя Мамаев выжил в той страшной войне. Его никто не заставлял сражаться, это было сугубо личным желанием подростка. Вспоминаю себя в этом возрасте и пытаюсь понять, смогла бы я с таким же упорством рваться на фронт, старалась ли бы оказать свою помощь в местах, где проходили боевые действия? При этом зная, что каждый бой и каждая разведка может стать последней. И было бы это желание не просто минутным детским капризом, а именно непреодолимым стремлением быть сопричастной войне, сделать всё от тебя зависящее, несмотря на свой юный возраст? Я вновь и вновь ставила перед собой эти вопросы, размышляя о подвигах Владимира Михайловича Мамаева. Ведь о них говорят и его награды. Уже в тринадцать лет Владимир получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу». Подвиги юного солдата для меня навсегда останутся примером мужества, смелости и огромного желания сделать всё, на что ты способен, ради победы своей

страны. И сколько не напиши слов – всё равно будет мало...

Но я всё же пишу, так как считаю, что современные дети должны помнить о войне, помнить о героических и трагических страницах истории нашего государства. Это необходимо для того, чтобы они стали настоящими патриотами своей страны. Ведь главной нашей жизненной задачей является сохранение памяти о героях войны и их подвигах. Современные подростки должны осознавать, что когда-то, в те ужасные военные годы, такие же ребята, как они, трудились в тылу у станков, сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Они воевали, не жалея сил, не думая о возможной смерти и ощущая лишь одно – веру в нашу Победу.

Тем, кто вернулся с войны живым, не забыть те суровые времена. Всё, что оставила после себя война, навечно сохранилось в памяти, в сердцах, в душах ветеранов. И я искренне верю в то, что мы тоже никогда не забудем их героические поступки, благодаря которым сейчас живём и радуемся миру вокруг нас. Я уверена, что этот великий подвиг советских людей будут помнить спустя ещё многие, многие годы. И это правильно, ведь память о героях войны должна жить в наших сердцах вечно!

Литературная мастерская

Полина Овзаренко

*Новокузнецк,
ГБОУ СПО «Кузнецкий техникум сервиса и
дизайна имени В. А. Волкова»
Руководитель – Пьянова Елена Ивановна,
преподаватель русского языка и литературы*

Эхо далёких прошлых лет

В жизни каждой страны и каждого поколения есть события, которые оставляют неизгладимый след. В судьбе нашей родины таким испыта-

нием была Великая Отечественная война. Она в корне изменила судьбы миллионов людей, оставила ничем не излечимые душевные раны. Матери сокрушались о том, почему именно их сыновья должны погибнуть. Почему вражеская пуля должна лишить счастливой и мирной жизни их кровинушек? Как тяжело отпускать своих близких, не зная, увидишь ли их вновь... Но отпускали, благословляя их на страшные годы сражений. На мой взгляд, любовь к Родине и патриотизм русских людей являлись основным оружием в борьбе с иноземными захватчиками. Мне очень повезло, что я смогла узнать о некоторых фактах самого кровопролитного периода истории Советского Союза не из страниц учебника, а из уст моего деда, участника Великой Отечественной войны.

Его воспоминания помогают мне представить те страшные годы, почувствовать тот дух самоотверженности, который был присущ бойцам. Дедушка рассказывал, как он потерял своего лучшего друга. Мой дед Николай в то время был молодой и красивый, и у него был друг Арсений – парень-весельчак, и вот они собрались разогреть консервы во время отдыха в землянке. И в это время неожиданно послышались взрывы снарядов. Его товарищ вышел разузнать обстановку, обещав скоро вернуться. Прошло пять минут, десять, полчаса, а его всё нет. И тогда дед Николай вышел из землянки посмотреть, в чем же дело, и в двадцати метрах от землянки увидел своего погибшего друга, лежащего с широко открытыми глазами.

Весь кошмар и ужас войны невозможно передать словами. Среди страшных картин войны лучиком света были бесценные письма из дома, так вспоминал дед-ветеран. Они вселяли советскому солдату надежду на скорое возвращение домой. И казалось всем тогда, что какие-то высшие силы помогали выжить: вера в Бога, в самого себя, а главное – любовь близких людей. Великие события в жизни нашей страны остаются не только в благодарной памяти людей и на страницах учебников, но и в поэтических строчках, звуках музыки и в мраморе. В те незабываемые годы возникли замечательные песни, заставлявшие солдат идти в бой. Их с любовью пели в суровые дни войны, знают и поют сей-

час. А в песнях этих запечатлены трагические и счастливые страницы героических лет, сохранённые для грядущих поколений: легендарная храбрость, душевное мужество и оптимизм русского солдата. Они, как эхо далёких грозных лет, звучат и сегодня, потрясая наши сердца. Мой дед любил слушать эти песни, они рождали в его душе множество воспоминаний, счастливых и трагичных. Еще он вспоминал, как солдаты, сидевшие на деревянных сундучках, вдруг вставали, услышав «Священную войну», гасили самокрутки и, стоя в наступившей тишине, отдавая честь, слушали песню. А с какой теплотой дедушка вспоминал о песне «В землянке», такой искренней и человеческой! Почему же так дорога ветеранам эта песня? Может быть, потому, что в грозной, кровавой битве песня эта помогала воинам выжить, сохранить в себе человечность, не позволяя забыть об удивительном, поистине неистребимом чувстве любви.

Семьдесят лет со дня Победы. Заколосились хлеба на истерзанной фашистами земле, ожили леса. Из руин поднялись города. Но никогда не сотрутся из памяти военные годы. Сколько их, незабываемых дней войны?! Вот всего одна страница истории – из прожитой военной жизни моего деда Николая.

Пока в сердцах людей живет память о ветеранах и участниках Великой Отечественной войны, будут живы подвиги русских солдат и не сотрутся из памяти поколений. Память человеческая – великая сила, и до тех пор, пока мы будем помнить тех, кто сражался за наше будущее, мы будем великим несокрушимым народом!

Литературная мастерская

Ольга Огородникова

*Анжоро-Судженск,
ГОУ СПО «Анжоро-Судженский педагогический колледж»*

*Руководитель – Гуревич Ольга Викторовна,
преподаватель литературы*

Это нужно живым

*Куда б ни шёл, ни ехал ты,
но здесь остановись,
Могиле этой дорогой всем
сердцем поклонись.
Кто б ни был ты – рыбак,
шахтёр, учёный иль пастух, –
навек запомни: здесь лежит
твой самый лучший друг.
И для тебя, и для меня
он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
а Родину сберёг.
М. Исаковский*

Память... Как долго живет память? К сожалению, время властно над ней. Время – вот, что убивает память. Мое поколение не видело войны. Мы знаем о ней лишь из рассказов и фильмов. В этом вся соль. Полагаю, вы согласитесь со мной в том, что ни один фильм не способен передать чувства человека на поле боя. Лично я считаю, что это невозможно.

Когда пытаюсь представить себя на месте советского человека, окруженного запахом сырого человеческого мяса, чьи глаза видят кровь, убитых солдат на окровавленной траве, мне становится настолько страшно, что поглощает панический ужас. Именно в момент погружения в свои мысли понимаю, что такое «подвиг». Каждый солдат совершил подвиг. Главными героями, по моему мнению, являются наши ветераны, которые в 1941–45 годах подарили нам свободу, а за неё отдали свою жизнь. Каждого, кто выдержал хотя бы день в схватке с противником, можно считать героем. В первые дни Великой Отечественной войны тысячи советских патриотов ушли сражаться против немецких оккупантов. И это уже великий подвиг. Сколько слез пролили матери, сколько невинных пало бездыханно от голода, сколько детей осиротело, – невозможно подсчитать. Когда думаю о военном времени, мое дыхание перехватывают терзающие мысли о том, что многие солдаты

умерли лишь от того, что вовремя не получили медицинской помощи и приняли смерть прямо на поле, во время схватки. Я думаю о том, как на сырой, холодной земле несколько десятков лет назад беспомощно прощались с жизнью солдаты. Каждую секунду в небо уходил чей-то муж, внук, брат, сын. А вы когда-нибудь задумывались о том, что такое страх? Ощущали ли этот самый страх умирающие? Какое чувство не давало им покоя? В роковые мгновения перед смертью насколько далеко уносились их мысли? Возможно, многие оказались дома рядом с любимой женой. Может, вспоминали, как приходили уставшие с работы, а на шею кидались дети, счастливые от того, что папа рядом. Как же, вероятно, хотелось вернуть ту бытовую, спокойную усталость. Кто-то, наверное, в последние минуты проклинал эту грязную войну, ненавидел ее всем своим существом. А некоторые, наверняка, гадали, какая же сторона в итоге одержит неистово желанную победу. Быть может, в тот момент они даже забыли о том, что есть страх, просто было совершенно не до него, хотя, кто знает...

Мы слышали о многих подвигах советских людей, но что происходило в душе, что ощущал каждый человек в эти великие и в то же время ужасные годы, можем себе лишь представлять. Потому как, к сожалению, участников войны на земле в живых осталось слишком мало. Я искренне рада за людей, в чьем окружении есть ветеран, который может поделиться своим видением войны.

Современник, не считающий нужным хранить в своей памяти знания о событиях Великой Отечественной войны и подвигах ветеранов, по-моему, перестает существовать как личность, утрачивает собственное «я». Что можно еще сказать о человеке, который нейтрально относится к своей истории, жертвам, горю, боли, подвигам и радостям советских людей?

К великому счастью, мне не пришлось повидать людей, равнодушно относящихся к событиям Великой Отечественной войны. Но с каждым годом мы отдаляемся от суровых военных лет, из нашей памяти стираются поначалу менее яркие события, а после в историю уходят и основные.

Не остыть нашей гордости за подвиги советских людей помогает память. И пусть мы не видели лично подвиги ветеранов войны, мы знаем о них благодаря песням, фильмам, фотографиям тех лет и будем помнить наших героев. А главное – все ветераны живы, пока есть люди, которые о них вспоминают.

Литературная мастерская

Виктория Перожейникова

*Междуреченск,
ГКПОУ «Междуреченский горностроитель-
ный техникум»*

*Руководители – Солодова Светлана Василь-
евна, преподаватель истории;*

*Масалова Ольга Николаевна, преподаватель
русского языка*

Без прошлого нет будущего

*Сколько в человеке памяти,
столько в нем и человека.*

В. Распутин

Семьдесят лет прошло с той поры, как наши доблестные воины разгромили врага. Люди не теряли веры в победу даже в самые тяжелые времена. «Враг будет разбит, победа будет за нами», – эти слова звучали повсюду. Победа досталась стране дорогой ценой. Сколько советских людей полегло в сырую землю, недолюбив, недожив, недорадовавшись? Сколько умерло от ран в первые мирные годы? Сколько пропало без вести? Сколько осталось инвалидами? Мы до сих пор не знаем, сколько по разным причинам потеряла наша страна в Великой Отечественной войне. А знать надо! И сказать святую эту правду всем надо. Более того, надо иметь КНИГУ ПАМЯТИ, где назвать поименно всех участников Великой Отечественной войны.

Почти в каждой семье есть человек, видевший и переживший все тягости войны. Моя семья не

является исключением. Мой прадедушка, Пряжеников Александр Егорович, начал свою службу в Сибирской дивизии, когда ему было всего 18 лет. Первый свой бой он принял в сражении за Москву. Далее в составе батальона лыжников участвовал в боях под Сталинградом, служил разведчиком, брал в плен немецких солдат и офицеров. Мой прадед прошёл всю войну. Был трижды ранен, контужен. Но дошёл до конца! Не испугался, не отступил. Закончил свой славный боевой путь в Кенигсберге. Был награждён медалями «За отвагу», медалью «За взятие Кенигсберга». В народе говорят, что Бог владеет смелым. Господь даровал Александру Егоровичу счастливую жизнь. Он жил, окружённый заботой своих детей, радовался на своих внуков и правнуков.

В День Победы шумит застолье, резвятся дети, шелестят деревья весенней листвой, как будто не было страшных войн и не идёт третья мировая война, ещё подлее, чем предыдущие. Война за души людские на новом поле брани – информационном. Глумятся над Россией, глумятся над спасителями мира от фашистской чумы, как глумились над Спасителем, несшим свой крест на Голгофу. Но наш народ сильнее вражеских фильмов, статей, телепередач. Не зря собираются семьи на могилах своих родных, у Вечного огня. Сбылось то, что когда-то открылось в минуту озарения поэту-фронтовику К. Симонову:

*Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.*

Видно, не напрасно награждали в царской России Георгиевским крестом «За веру, Царя и Отечество». И, по молитвам наших предков, воскресла вера на Руси, и вместе с ней наступает воскресение России, державу которой приняла в свои руки Пресвятая Богородица. Божьим знаменем воссиял над Россией животворящий крест купола храма Христа Спасителя, посвящённого победе русского духа в Отечественной войне 1812 года. Благовествуют колокола звонниц воскресшего храма, воскресение в душах человеческих, воскресение русского народа.

Неотвратимо наступление новой эры – возрождение православия, возрождение непреходящих ценностей, что позволит человеку стать духовно сильным, направит его по пути следования вечным и непреложным законам совести и никогда не позволит прервать нить, связывающую прошлое, настоящее и будущее.

Литературная мастерская

Александр Редько

*Новокузнецк,
ГБОУ СПО «Кузнецкий техникум сервиса
и дизайна имени В. А. Волкова»*

Руководитель – Хлудкова Наталья Вячеславовна, преподаватель русского языка и литературы

Поклонимся великим тем годам...

*...Неугасима память поколений
И память тех, кого так свято чтим,
Давайте, люди, встанем на мгновенье
И в скорби постойм и помолчим...*

А. Фатьянов

Есть в мировой истории события, вечно хранящиеся в памяти человечества. К их числу принадлежит Победа нашего народа в Великой Отечественной войне. Никто не любит войну. Но на протяжении тысячелетий люди страдали, гибли, губили других, жгли и ломали. Завоевать, завладеть, истребить, прибрать к рукам – все это рождалось в жадных умах как в глубине веков, так и в наши дни. Великая Отечественная Война – это огромная душевная рана в человеческих сердцах. Это была самая величайшая война за всю историю человечества. Огромное количество людей погибло в этой войне. Ужасно

подумать, что в этой трагедии принимали участие дети. Люди отдавали свои жизни за судьбу своей Родины, за своих товарищей. Даже городам, которые выстояли весь напор гитлеровской армии, присвоили звание героев. Перед подвигом народным мы должны, обязаны склонить голову! Почти вся Западная Европа лежала под кованой пятой фашистских захватчиков. Все железо гитлеровской Германии, железо танков, самолетов, орудий и снарядов было обрушено на нашу страну. И нужно было быть очень сильным народом, нужно было иметь железо в характере и железо разящее, чтобы противостоять врагу, побороть его несметные силы.

9 мая 2015 года исполнилось 70 лет Великой Победе над гитлеровским фашизмом. Для мировой истории это, может быть, краткий миг, а для людей – целая жизнь. Дети, родившиеся после войны, давно стали взрослыми, и у них уже родились свои и дети, и внуки. Война постепенно уходит в прошлое...

Для многих моих ровесников, родившихся спустя 50 лет после ее окончания, война стала лишь страницами в учебниках истории. Некоторые знакомые мне подростки признаются, что Великая Отечественная для них мало чем отличается от войны с Наполеоном и прочих сражений далеких лет. А есть и такие, кто считает, что ничего страшного не произошло бы, если бы фашисты нас завоевали: «Пили бы мы все вместе баварское пиво!»

Я с ними не согласна! Они просто не знают о планах нацистов: запрет на речевое общение, низведение неарийских народов до уровня животных и т. п. Они мало знают о той цене, которую пришлось заплатить нашему народу за Победу. А цена эта – миллионы и миллионы человеческих жизней...

Война... От Бреста до Москвы – тысяча километров, от Москвы до Берлина – 1600. Итого – 2600 километров. Четыре года! 1418 дней. 34 000 часов и 20 000 000 погибших советских людей (официальная цифра). Мы живем в эпоху больших масштабов, мы привыкли к крупным цифрам. Но двадцать миллионов погибших... Представляете, что это значит? 20 000 000 на две с половиной тысячи километров. Это значит: семь с половиной тысяч убитых на кило-

метр, по 15 человек на каждые 2 метра земли! 20 000 000 погибших за 1418 дней. Это значит 14 000 убитых еженедельно, пятьсот человек в час, 10 человек каждую минуту!!! 20 000 000 в соотношении ко всему населению Советского Союза тех лет, это значит – каждый восьмой. Каждый восьмой житель нашей страны погиб во время войны!

Язык цифр скуп. Но я всё же вдумываюсь в эти цифры и представляю... Если бы мы посвятили каждой жертве по одной минуте молчания, то нам пришлось бы молчать 20 миллионов минут, а это более 38 лет поминальной молитвы! Каким счетом измерить человеческое горе? И разве можно цифрами определить меру героизма советских людей? Разве за цифрой можно увидеть конкретного человека – его лицо, глаза, услышать его голос, смех, понять, о чем он мечтал, к чему стремился?

Из фильмов, рассказов очевидцев мы знаем о блокаде Ленинграда, о Курской дуге, а страшная Сталинградская битва?! Ведь именно победа советских войск в этой битве является крупнейшим военно-политическим событием в ходе Второй мировой войны. Великая битва, закончившаяся окружением, разгромом и пленением отборной вражеской группировки, внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны.

В Сталинградской битве со всей силой проявились новые черты военного искусства Вооружённых сил СССР. Советское оперативное искусство обогатилось опытом окружения и уничтожения противника.

Наш Кузбасс тоже внес огромный вклад в нашу победу в этой кровопролитной войне! 180 героев Советского Союза вырастила земля Кузнецкая, среди них – В. И. Полосухин, И. С. Герасименко, А. С. Красилов, Л. А. Черемнов. Там, где шли особенно тяжелые бои, всегда стояли насмерть сибирские дивизии, 20 из них заслужили право называться гвардейскими. В грозном 1941 году наши земляки защищали Москву, вели бои у стен Сталинграда, пронесли свои боевые знамена от Волги до Эльбы, штурмовали Берлин. И как этого не помнить?!

Время летит, как ветер. Годы текут, как реки. Но бессмертен подвиг народа. Память об этой победе нужна не только тем, кто выстоял, еще нужнее она нам – молодым, чтобы мы знали, что такое жизнь и смерть, война и мир и какой ценой достигается свобода. Ложь и беспамятство рожают людей без роду и племени, без памяти и родства, людей, не достойных свободы. Свое эссе хотелось бы закончить отрывком из поэмы Р. Рождественского «Реквием»:

*Помните!
Через века, через года, –
Помните!
О тех, кто уже не придет никогда, –
Помните!
Не плачьте!
В горле сдержите стоны.
Памяти павших будьте достойны!
Вечно достойны!..
Люди!
Покуда сердца стучатся, –
Помните!
Какой ценой завоевано счастье, –
Пожалуйста, помните!..*

Литературная мастерская

Алиса Селезнёва

*Анжеро-Судженск,
ГБОУ СПО «Анжеро-Судженский политехнический колледж»
Руководитель – Варзарь Галина Петровна,
преподаватель русского языка и литературы*

Живу и помню...

«Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои»... И вот уже 70 лет прошло со Дня Победы. Но «ходит по земле босая Память – маленькая женщина»...

Шел трудный бой, и гибли люди. Неожиданно прервалась связь командного пункта с передовой. Молодой связист Геннадий Черемнов, взвалив катушку с проводом, под бешеным огнем пополз налаживать связь. Место обрыва нашел, но соединить провода не удалось: не хватало всего нескольких сантиметров. Нужно было во что бы то ни стало выполнить приказ. И тогда девятнадцатилетний мальчишка стиснул концы провода зубами. Кругом рвались мины, а он лежал в снегу несколько часов. Это был мой прадед, Геннадий Федорович Черемнов. За этот подвиг его наградили медалью «За боевые заслуги».

*В переплете буден
Пролегли года,
Только не забудет
Сердце никогда.*

*Тем, кто всё же выжил
В той грозе ночной,
Будет вечно сниться
Бой, смертельный бой.*

Позднее он воевал в полковой разведке, ходил в тыл врага, добывал нужные сведения и «языков», был тяжело ранен и долго лечился в госпитале.

В первые же дни войны ушел на фронт из деревни Марьевка и второй мой прадед, Селезнев Николай Иванович.

*Жгут пожары красными свечами,
Прокопченный, черный горизонт.
Сидорки приладив за плечами,
Уходили мальчишки на фронт.*

*Про любовь еще не зная толком,
Не успев еще поцеловать,
Уходили мальчишки с винтовкой,
Уходили Родину спасать.*

Был санитаром, сапером, командовал взводом. Его военная судьба связана с городом-легендой – Сталинградом. Бои, гибель друзей, опять

бои, кровь, грязь... И его последний бой под Варшавой, когда, казалось, солнце погасло навек.

*Он три ребра и правый глаз
В бою оставил под Варшавой.
Взамен торчит и по сей час
В его бедре осколок ржавый.*

*Не раз стояла в головах
С косою костлявая старуха
И говорила: «Спи, солдат,
Земля тебе пусть будет пухом!»*

Назло всем смертям он выжил. Прошла зима, и наступила весна 1945 года. Победа!!!

*Ему гимн жизни ветры пели,
Хотелось шар земной обнять...
Урал грядой назад метнулся,
Шел поезд, весело гудя.
Солдат домой, в Сибирь, вернулся,
Пройдя войну и смерть пройдя.*

Как защитника Сталинграда уже в 1960-е годы его пригласили в Волгоград – жить на той земле, за которую проливал кровь. Прадеду дали квартиру в городе Волжском, на левом берегу раздольной русской реки Волга. Там он и похоронен.

Говорят, «у войны не женское лицо». Но сколько девичьих судеб связано с ней! Ушла «из детства в грязную теплушку» Анечка Пантелеева. Даже не ушла, а сбежала вместе с подругой. Сразу попали они в самое пекло. Полк, в котором воевала Аня, попал в окружение. Кончились боеприпасы, еда, питались мерзлой картошкой и капустными кочерыжками, которые удавалось собрать с заброшенных и замерзших полей. От всего полка осталось несколько десятков больных, исхудавших людей, когда они вышли, наконец, к своим. Аню несли на руках, она была очень истощена и больна. Всех сразу же определили в инфекционный госпиталь. Несколько месяцев понадобилось Ане для восстановления сил. Ее оставили при госпитале сержантом-связистом. Госпиталь шел следом за пере-

довыми частями. Бывали налеты, обстрелы. Однажды осколок разорвавшейся мины пролетел, оставив на всю жизнь отметину у виска. Вместе с госпиталем Аня дошла до Берлина. Там, на стене Рейхстага, она и ее боевые товарищи оставили свои имена. А потом была встреча на Эльбе советских и американских солдат, участницей которой довелось быть и сержанту Советской армии, моей прабабушке, Пантелеевой Анне Михайловне.

После войны в родном Салаире они встретились: Черемнов Геннадий Федорович и Аня Пантелеева. Юношеская любовь закончилась свадьбой. Все документы, фотографии, письма с фронта моих легендарных родственников находятся в краеведческом музее города Салаира Кемеровской области, откуда они были родом, где они жили, учились, работали несколько лет.

А на мемориальной доске «Памяти павших» можно увидеть имя брата моего прадеда – Черемнова Виктора Федоровича, пропавшего без вести. В семнадцать лет он ушел на фронт добровольцем из этого города. Где он погиб? В Берлине или в Праге? А может быть, на подступах к Москве? – мы так и не узнали.

О подвиге моих прадедов помнят в нашей семье. И те стихи, которые я использовала в своем сочинении, написаны моим дедом, сыном Воина, Селезневым Александром Николаевичем.

*Считаю я исчерпанным вопрос:
Кому и как нам о войне писать.
Сын ветерана, среди них я рос
И память их не дам я опошлять.*

*И если снова где-то громом грянет,
Захочет кто-то силу испытать,
Поднимутся российские Иваны
За Родину святую умирать.*

*Не нужно будет нам напутствий броских,
Одно у нас напутствие в груди.
Мы не хотим чужих земель заморских,
Но и свою врагу не отдадим!*

Живу, помню и горжусь историей моей семьи и я.

Литературная мастерская

Людмила Советова

*Кемерово,
МБОУ «Гимназия № 1»
Руководитель – Гапеева Марина Валерьевна,
учитель*

Ценности русского народа: понятие счастья

Русская литература – явление в литературе мировой уникальное и совершенно ни на что не похожее. Потрясающей чертой русской литературы является ее национальный характер: через призму слов и авторских мыслей четко и удивительно точно прослеживаются ход российской истории, изменения социальной среды, развитие и упадок идеологий, а также устно-поэтические традиции того времени. Действующими лицами в этих буйных волнах времени и судеб являются герои, в которых находят свое отражение идеи, ценности и отличительные черты великого русского народа.

Интересно, что русская литература XIX века позволяет рассмотреть все слои общества, выделить их особенности и с математической точностью вычислить, как понимали люди, независимо от своего социального положения, явление счастья. Счастье здесь может рассматриваться не только как радость в сердце, что окрыляет отдельно взятого человека, но и как зеркало национального характера – то, что понимается под счастьем в глазах целого народа, является лучшим и наиболее красноречивым показателем его истинного лица.

Рассуждая об этом, нельзя не опереться на труд всей жизни и, безусловно, шедевр Николая Алексеевича Некрасова – поэму «Кому на Руси жить хорошо?». В каком еще произведении рус-

ской литературы так глубоко была бы затронута тема народного счастья и так точно и честно была бы показана жизнь и быт русских крестьян XIX столетия? В основе произведения лежит путь семи удалых мужиков в поиске истинных счастливых людей. В дороге им встречаются всякие люди: и помещики, и священники, и бедняки, и богачи, люди веселые и люди опечаленные. И для каждого счастье свое, субъективно понимаемое, но некоторые аспекты которого одинаковы для всех: в поэме четко видно, как много русский народ вкладывает, в первую очередь, в слова «богатство», «честь», «покой». Богатство – дар, данный в награду за честный труд для себя и своего народа. Покой – чистая совесть и единение с собой и Русской землей-матушкой. Честь – понятие, возможно, первостепенное для русского народа; это уважение, любовь, христианское милосердие, это характерная черта и гордость русского человека. Кроме того, в произведении прослеживается понятие счастья народного, за которое отчаянно, героически борются народные заступники, революционеры и смелые поэты с кинжалами из острых слов и строчек. В поэме видно, как ценит русский человек свободу, как много для него значат его ближние, как красноречивы яркие ярмарки посреди моря невероятной бедности и бесконечный оптимизм и доброта русского человека.

Особое место образ народа занимает в великом романе Льва Николаевича Толстого «Война и мир». В этом образе полностью воплощен светлый толстовский идеал «простоты, добра и правды», однако очевидна мысль, что отдельный человек ценен, лишь когда он – часть своего могучего народа, его неотъемлемая составляющая. Действие романа происходит во

время Отечественной войны 1812 года, объединившей и сплотившей нацию. Общество охватывает, как сказал сам Толстой, «скрытая теплота патриотизма», и война начинает выступать в роли испытания не только для тела, но и для души русского патриота. Одни проявляют себя лишь в болтовне да в манерных фразах о любви к России, а другие – в поступках, пусть даже бессознательных, ведь движет к их свершению любовь: любовь к Родине, своей стране и своему народу. Множество героев связывают свою судьбу с судьбой нации, становясь с ней единым целым и, как следствие, творя историю. Они готовы на невиданные поступки для защиты своего Отечества. Так, например, купец Ферапонтов призывал солдат разграбить его же лавку, чтобы французам ничего не досталось. Или такие люди, воплощающие в себе главные достоинства русских людей – героизм, простоту и силу воли, – как капитан Тушин, семья Ростовых, Тихон Щербатый, генерал Кутузов и многие-многие другие. И их преданность и любовь к Родине, героическая самоотверженность и патриотический дух – счастье, теплящееся в душе каждого русского человека.

Даже на основе двух этих бессмертных произведений можно сделать вывод о национальном характере русского народа и его счастье. Герои этих книг совершенно разные люди, но все они – дети России и часть русского народа. Они сталкиваются с трудностями, горем, потерями и справляются с этим по-разному, в конце концов познавая счастье. Они находят удовольствие в труде и видят радость в борьбе за процветание и силу родной страны. Счастье русского человека – в покое, достатке и чести для себя и полной самоотдаче и жертвенности во имя Родины и для своего народа.

Поколение Next

Детский пресс-центр «Поколение Next» работает в Центре детского творчества Центрального района города Кемерово.

В Год литературы «Поколению Next» исполняется 15 лет.

На занятиях в пресс-центре реализуется дополнительная общеразвивающая программа «Обучение юных корреспондентов». Существует два основных направления: журналистика и литературное творчество. Ребята участвуют в различных фестивалях и конкурсах, завоевывают звания лауреатов и дипломантов, получают медали.

В рамках реализации направления «Основы журналистики» изучаются жанры журналистики: заметка, репортаж, интервью, обзор, хроника, зарисовка, очерк, памфлет, репортаж, статья, эссе, рецензия, а также различные профессии в журналистике, виды и типы изданий, понятие информации, ее виды, источники, каналы восприятия и передачи, способы получения, обработки, хранения, передачи. Ребята часто работают в жанре фоторепортажа.

На занятиях направления «Основы литературного творчества и стихосложения» изучаются роды и жанры литературы, ее стили. Ребята пишут сказки, рассказы, новеллы, стихи, сонеты, хокку. Пробуют работать над романами и повестями, пьесами.

Руководит пресс-центром педагог дополнительного образования высшей категории Злата Юрьевна Устянина, выпускница филологического факультета КемГУ (1995), победитель II Всероссийского конкурса «Моя педагогическая технология».

Мы публикуем выбранные руководителем пресс-центра «Поколение Next» тексты, написанные ее воспитанниками в течение нескольких лет. Считаем, что читателям стоит познакомиться с творчеством юных кемеровчан, потому что в нем пульсирует жизнь нового поколения.

Некоторые авторы пробуют себя и в стихах, и в прозе, и в публицистике с журналистикой. Мы не стали разделять их произведения по жанрам и видам. Пусть каждый автор будет представлен в полном блеске своих достижений – стихотворных, прозаических, журналистско-публицистических или всех вместе, если пишет и то, и другое, и третье.

Впрочем, сквозь блеск достижений заметен и недостаток профессионализма. Но он – дело наживное. А талант в произведениях юных авторов, даже порой в не очень умело написанных, вполне очевиден. И это – главное.

Андрей Курносов

Андрей Курносов, 10 лет.

Занимается в пресс-центре «Поколение Next» с 2014 года. Пишет анималистические рассказы, которые сам иллюстрирует, обучаясь сразу у двух педагогов ЦДТ Центрального района – З. Ю. Устяниной и Т. А. Кузнецовой.

Хобби: журналистика, плавание, стрельба из духового ружья по мишеням на лодочной станции.

Умеет писать рассказы и сказки, рисовать, плавать, ухаживать за рыбками, котами и собаками, свистеть, колоть дрова. Любимая игрушка – плюшевое сердце, подаренное бабушкой. Любимое занятие – «в компе зависать». Любимые книги: «Белый клык» Дж. Лондона и «Приключения Шерлока Холмса» А. К. Дойла. Зима – самое любимое время года...

Литературная мастерская

Поколение Next

МОЯ МЛАДШАЯ СЕСТРА

У меня есть младшая сестра, которую зовут Лена. Ей семь лет. Она младше меня на три года. У нее длинные каштановые волосы, из которых она делает хвостики. Лена не всегда бывает аккуратной, редко прибирается в своей комнате, потому что там у неё живет маленький ёжик по имени Степашка. Сестренка очень любит Степашку, сама ухаживает за ним, кормит его яблоками, а про уборку комнаты забывает.

Леночка всегда что-то придумывает. Например, неделю назад она нашла папин старый молоток и раскрасила его в розовый цвет.

Зимой в свободное время мы с Леной играем в наши старые шахматы: я – чёрными, она – белыми. Когда сестра была маленькая, я специально делал неверные ходы, чтобы она выигрывала. Теперь, когда Лена подросла, она не слишком огорчается, и я могу играть по-честному. Когда сестренке было три года, я впервые с ней скатился с горки. С тех пор ей это очень нравится.

Летом мы ездим на лодочную станцию, где у нас есть двухэтажный домик, в котором мы проводим выходные дни. Дом стоит на берегу реки, где мы с Леной часто купаемся. Ещё мы катаемся на лодке.

Однажды мы уехали на семьдесят один километр вверх по течению. Там мы ловили рыбу и искали грибы.

Каждый год с начала весны до поздней осени мы кормим щенков, которые живут на лодочной станции. Я говорю «каждый год», потому что Гера, сторожевая собака, ежегодно приносит новых щенков, которых забирают люди. Однажды Гера пропала, а год спустя появились новые щенки. Их подбросили в коробке. Мы с сестрой их очень любим и кормим каждый раз, когда туда приезжаем.

У меня отличная младшая сестра!

Жаль, что её у меня нет, а эту девочку я выдумал. Я – единственный ребёнок в семье...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРЫГ-СКОКА

Приближается Новый год. Все зверята пишут письма Деду Морозу. И зайчонок Прыг-Скок тоже не забыл это сделать. А написал он вот что: «Дедушка Мороз, подари мне, пожалуйста, санки, старые сломались, а новые родителям купить не на что».

У Прыг-Скока были две младшие сестренки Даша и Глаша, которые письмо Деду Морозу так и не собрались написать, потому что всё время играли. И вот праздничный Лисёнок собирает письма с половичков у всех норок, кладет их в свои санки и едет в Великий Устюг.

Сестренки Прыг-Скока вспомнили, что надо написать письмо Деду Морозу, но Лисёнок уже уехал... «Мы не получим подарки на Новый год», – расплакались сестрѐнки. Вскоре к ним в комнату зашел Прыг-Скок и спросил: «Даша, Глаша, что случилось?» – «Мы забыли написать письмо», – всхлипывая, ответила Глаша. «И мы не получим подарки на Новый год», – сказала Даша.

«Ладно, я догоню санки и незаметно брошу туда ваши письма. Ну же, быстрее пишите письма!» – сказал зайчонок. Они написали их, и Прыг-Скок бросился за санями.

Он скакал очень долго и устал. Рядом стояли другие зайцы. Зайчонок спросил у них: «Скажите, пожалуйста, может, вы знаете, каким путем сани с письмами едут в Устюг?» Они ответили: «Да, мы знаем. Сначала сани будут ехать через сосновый бор, а потом в Краснокамск и поедут в степь». – «Может, Лисенок будет кормить коней в Краснокамске?», – спросил Зайчонок. «Будет», – ответили зайцы. «Там я их и перехвачу», – прошептал Прыг-Скок и понёсся дальше.

Он бежал несколько дней через сосновый бор, – и вот долгожданный Краснокамск. Теперь надо найти Лисѐнка. Скорее всего, он поведет коней в местные конюшни. «Проверю-ка я!» Там он и был. Лисёнок как раз расплачивался с хозяином конюшни Бобром. Прыг-Скок незаметно подбросил в так называемый мешок же-

ланий письма и побежал домой, ведь до Нового года осталась всего неделя. Ему нужно было вернуться в норку к этому времени и получить подарки.

Вот он вышел из Краснокамска. Близится сосновый бор. Оставалось всего полдня, чтобы найти дорогу домой. Он шѐл по своим следам обратно, но скоро увидел, что следы были стѐрты прямо перед развилкой на три очень длинных дороги. Он решил пройти их по очереди.

Первая дорога вела к дому медведя, откуда он кое-как успел удрать. Вторая дорога вела к логову волка. И вот он бежит по последней дороге от волка, кое-как добегают до дома за пять минут до начала Нового года, встречает Деда Мороза и получает долгожданные санки. А его сестрѐнки получили «драгоценные» куклы, о которых они так мечтали.

СКАЗ О ТИГРИНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Свой рассказ я поведаю о своих любимых животных – уссурийских тиграх. Речь пойдет о том, как зародилась одна семья тигров. А произошло это так...

Поздней осенью в глухой тайге очень голодная молодая самка переплывала реку. Оказавшись на другом берегу реки, она увидела трёх тигров, склонившихся над тушей задранного лося, которые время от времени дрались за добычу. Тигрица притаилась за кустом. Вдруг мимо самцов пробежал заяц. Это было так неожиданно, что в какой-то момент тигры забыли про лося и побежали за зайцем. И в тот же момент тигрица подбежала к туше, оторвала кусок мяса и побежала прочь. Этот случай спас её от голодной смерти.

Вскоре начался сезон спаривания, к которому тигрица хорошо подготовилась. Выглядела она просто отлично: шерсть была яркая, бока лоснились. Она быстро нашла себе партнёра. Отцом будущих тигрят был крупный тигр со шрамом

на глаз. Через три месяца в самый разгар зимы, в январе, родились три тигренка: две самочки и один мальчик. Долгожданный Амур был самым крупным в потомстве. Было очень холодно, поэтому детеныши тигров зачастую умирали, а выживали только самые выносливые. Амур и его сестренки выжили этой зимой...

Наконец-то проглянул первый весенний луч, все оживало, снег таял.

Тигрёнок Амур со своими сестренками прожили зиму и к весне уже стали подростками. Следующую зиму им, скорее всего, уже будет легче пережить.

За всю свою короткую жизнь тигрята ни разу не выходили из пещеры. Скоро они выйдут оттуда и наконец-то узнают, какой огромный и опасный мир их окружает. Вскоре они вышли и, шурясь на солнце, увидели столько неизвестных и поразительных вещей, что глаза разбегались! К чему же подойти? Одна сестренка побежала за лаской, а вторая – к реке. Ну а Амур полез на дерево за белкой. Он залез на большую ветку и приготовился к прыжку. А белка, не теряя времени, прыгнула на соседнее дерево. Увидев сидящего на ветке Амура, к дереву подбежал любопытный енот. Амур оскалил зубы, спрыгнул с дерева, чтобы погнаться за енотом, но покатился по склону холма и подвернул лапу. От испуга енот спрятался в нору неподалеку.

Близился конец дня. Амур, прихрамывая, побрел в пещеру. Вскоре туда же пришла искусанная лаской сестра, а еще позже – промокшая вторая сестренка. И каждый тигрёнок усвоил свой первый урок: например, одна самочка поняла, что нельзя соваться в глубокие реки, как говорится, не зная броду, не суйся в воду, а другая – что нельзя гоняться за животными, которых не знаешь. Амур понял, что никто не может поймать сразу двух животных, ведь известно – за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Глядя друг на друга в пещере, они поняли многое из того, что нельзя делать в тайге.

Так закончился первый день вне пещеры...

Через месяц мать стала учить тигрят охотиться. Сначала Амур с сестрами пошли за матерью

на луг, где жили мыши-полёвки. Как только тигрята увидели мышью, сразу же погнались за ней, несмотря на то, что мышью уже давно их видела и в любой момент была готова убежать к себе в норку. Мышка бежала от тигрят несколько минут и нырнула в нору, и они остались ни с чем. Они очень устали из-за того, что бежали за полёвкой. Теперь тигрица стала заставлять их ждать подходящего момента, чтобы напасть. Они спрятались за кустами. А полёвка подумала, что тигрят на лугу уже нет, вылезла и стала искать семена, чтобы поесть. Мышь подошла к кусту совсем близко, и тигрята сразу кинулись на нее. Через некоторое время Амур поймал полёвку. Это была первая добыча Амура.

Через несколько дней тигрята уже отлично ловили полёвок и вполне были готовы ловить более крупную дичь. Они продолжали охотиться на том же лугу, но уже за зайцами. Зайцы ели траву, а молодые тигры работали по старой схеме. Они прятались за растительностью, выбирая жертву. Им оказался заяц поменьше и помоложе, так как он был ближе всех, и не был таким сильным, как остальные. Когда заяц встал к охотникам спиной, тигрята ринулись прямо на него. Они бежали за жертвой. Оставалось всего несколько метров до норы, как одна из полосатых сестренок сбила зайца с ног. После того как заяц был убит, тигры приступили к трапезе.

Два месяца спустя молодые тигры стали охотиться на полноценную дичь, вроде оленей. Однажды на охоте Амур с сестренками увидели большого ежа, на которого напал молодой тигр.

Тигр, не зная, что ёж такой колючий, смело ударил его лапой и очень больно укололся. Отдернув лапу, он увидел, что в ней было несколько иголок. В тот же момент Амур понял, как у старого тигра оказался шрам на глазу. Он подумал: «Наверно, отец разодрал глаз об иглы ежа».

Тигрятам хотелось принести домой этого ежа, несмотря на то, что более опытный тигр изувечил из-за него лапу. Но Амур с сестренками боялись тигра и решили тихо удалиться. Они ушли уже метров на сорок, но тигр учуял их, так как

боль в лапе слегка утихла. Гнаться за тигрятами он не стал и ушёл ещё глубже в лес. А тигрята прибавили ходу, продолжая охотиться.

Скоро они вышли на луг. На другом его конце стоял браконьер, который только что подстрелил утку, летящую со своей стаей. Тигрятам опять не повезло, они попытались скрыться, но еще тогда, когда они только вышли на луг, браконьер уже увидел их и теперь целился. Тигрята побежали со всех ног, а на том месте, где были тигрята, стояла тонкая ель, в которую браконьер и попал. Он практически снес её ствол, елка держалась буквально на нескольких хвостинах. Браконьер через несколько секунд встал и побежал за троичей. Пробегая рядом с несчастной ёлкой, он задел её, и её ствол упал прямо ему на плечи, он упал и скатился в канаву, где только что поставил капкан на лису. Так как у браконьера были кожаные крепкие охотничьи сапоги, он обошёлся лишь несколькими проколами в ступне. И тигрята успели убежать домой. Вот такой неудачный день был у них: они не принесли добычу.

Ещё много разных приключений было у тигрят. Но вот прошло чуть больше года, снова наступил октябрь, и тигрятам пришлось расставаться с родителями. Ещё несколько месяцев они будут жить и самостоятельно охотиться на территории родителей, но не пересекаясь с ними. А потом их домом станет вся тайга...

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ

В моём дворе, как и во многих других, живёт много разных бродячих кошек. Они спят на лавочках, залазят в подвал. Кормят их старенькие бабушки из соседних подъездов.

Наступила осень, стало холодно и скользко, и бабушки выходят всё реже. Котам приходится бороться друг с другом за любую подачку.

И вот выходит долгожданная бабуля из подъезда, подходит к рыжей кошке, которая сидит под лавочкой. Кормилица подзывает её: «Кис-кис-

кис. Ну же, хорошая моя, иди сюда! Тебя никто не обидит». Сердобольная бабушка стелет на асфальт газету и кладет туда остатки докторской колбасы.

Тут подкрадывается огромный чёрный кот, забирает у рыжей кошки гостинец и молниеносно убегает. Она, не растерявшись, бежит следом за котом.

Погоня продолжается минут пять. Кот, запыхавшись, остановился на крышке канализационного люка, которая вдруг заворчала, как старичок, и перевернулась, а чёрный демон полетел вниз.

Рыжая кошка вовремя подбежала и в последний миг успела схватить колбасу. Из люка донёсся душераздирающий вой.

Итак, рыжая кошка празднует победу, а из люка вылезает чёрный, мокрый, жадный котьяра, шипит на свою противницу и убегает прочь...

ЧЕРЕПАШКА И БАНКА

Я долго и настойчиво просил маму купить мне черепашку. Кошка у меня уже была. На собаку мама бы всё равно не согласилась. Я видел у какого-то мальчика в ветеринарной клинике черепаху, и мне понравилось это земноводное.

Мама на черепаху согласилась.

Мы пошли в зоомагазин. Там мы забрали последнюю черепашку, посадили её в контейнер и принесли домой. Мы назвали её Василиса.

Она жила у нас пять лет, а потом заболела.

Василисе было очень плохо. Она головой ложилась на пол и не поднимала её, как обычно. Глаза были закрыты. Рядом с ней было что-то белое и мокрое, как будто изо рта что-то вытекало.

Мама посадила её в контейнер и поставила туда банку с горячей водой, чтобы согреть Василису. А на следующий день черепашка умерла.

Мама заглянула в коробку, подняла Василису, а та уже не дышала.

Банка не помогла...

БҮДНИ ДВОРОВЫХ КОТОВ

Повесть

Глава 1. Новый знакомый

Самый разгар лета. На улице жара. Черныш лежит на своем излюбленном месте, под зеленой лавочкой в тени, и отдыхает.

Тут из-за угла выглядывает рыжий Забияка. «Он опять что-то задумал», – подумал Черныш. И тут в самый неожиданный момент из подъезда вылетает маленький дымчатый котенок. Оказалось, что Забияка залез по пожарной лестнице на второй этаж, прокрался в квартиру, добрался до кухни, разодрал там шторы и вылизал всю сметану из упаковки, которая стояла на столе. И потом скрылся.

В этой квартире жили хозяйка дымчатого котенка. Когда хозяйка пришла на кухню и увидела, что её котенок натворил, она выгнала бедного на улицу. Итак, дымчатый котенок оказался в новом, неизвестном для него мире. К нему подбежал Черныш и спросил: «Что с тобой случилось?» Котенок ответил: «Кто-то вылизал сметану и разодрал шторы, а моя хозяйка подумала, что это я».

«Наверное, это был Забияка, он тут все время что-нибудь устраивает», – вздохнул Черныш. «А как тебя зовут?» – спросил он котенка. «Меня – Барсик, а тебя как?» – сказал дымчатый. «Черныш», – ответил Черныш. И с этого дня они стали друзьями.

На следующий день, встретившись с другом, Черныш спросил: «Ты, наверное, хочешь отомстить Забияке?» Барсик ответил утвердительно. И с этого дня война была объявлена.

Единомышленники думали, как бы насолить рыжему коту. Они нашли в подвале клей, булавки, перец и разорвали пакет с перцем прямо около подвала, в котором прятался Забияка.

Потом они перед выходом из подвала протянули веревку к потолку, а на конце веревки под потолком привязали мешок с мукой и убежали.

Вскоре в подвал зашёл Забияка. Он запнулся за туго натянутую веревку, упал и в тот же момент на него упал мешок с мукой. Потом Черныш с Барсиком увидели, как бедный, но злой Забияка кое-как выползает из подвала.

Глава 2. Нашествие крыс

В соседнем, очень грязном, доме развелось много крыс, их начали травить, и они стали искать себе новый дом. В то же время грузчики положили в подвал к Чернышу шесть мешков с овсом для хранения. Через некоторое время в подвал пришел Барсик. Он увидел крысу, выпустил когти и погнался за ней. Он хотел было ударить её сбоку, но зацепился за мешок с овсом и порвал его.

Крыса увидела, что в этом подвале очень много овса, а пока Барсик выпутывался из мешка, она успела выскочить из подвала. Она побежала к своему клану и донесла, что в одном из подвалов горы еды. Крыса рассказала, где находится этот подвал, и весь голодный клан понесся в направлении подвала. Крысы забежали в подвал и набросились на зерно.

К подвалу приближаются Черныш и Барсик. Дымчатый рассказывает, как он в собственном подвале увидел крысу. И тут они увидели, что в их подвал вбегают полчища крыс. Черныш и Барсик хотели было их выгнать оттуда, но крысы оскалили зубы. Коты испугались и побежали от подвала, и крысы закричали им: «Убирайтесь отсюда! Теперь это наш подвал!»

Барсик и Черныш стали обсуждать, как выгнать крыс. Тут к ним подходит Забияка и спрашивает: «Что, крысы совсем замучили?»

«Да, а тебе что?» – промычал Черныш. Забияка с самодовольной усмешкой сказал в ответ: «Да ничего. Вот если бы у вас была крысиная мята, как у меня в подвале...» И Забияка пошел дальше.

Черныш сказал: «Кажется, я знаю, где эта крысиная мята. У него в подвале только в одном месте растет трава, в рытвине, которая проходит под дом». Они пошли как раз к этой рытвине, нарвали там мяты и, когда крысы спали, незаметно подложили ее в овес.

Утром, когда крысы проснулись, у них защипало глаза, они все чесались. Вскоре они увидели мяту, лежащую в овсе. Крысы страшно возмущались. Они, было, попытались вытащить крысиную мяту из мешка, но когда крыса схватила мяту, у нее тут же ужасно зажгло в лапе.

Вскоре крысы поняли, что делать нечего, и убежали из подвала.

Когда все крысы ушли, Барсик и Черныш зашли в подвал и поняли, что их план сработал. Они стали радоваться и выбросили мяту, чтобы не оставалось никаких воспоминаний об этих крысах.

Глава 3. Подкидыш

Барсик с Чернышом решили погулять. И вдруг к ним подбежал мальчик, он схватил Барсика за хвост и стал тянуть к дому. Барсик вырвался. И коты побежали в подвал. «Почему же этот мальчик на меня напал? Я же ничего ему не сделал?» – спросил Барсик. «Наверно, он не любит котов и поэтому издевается над ними», – правильно предположил Черныш.

Прошел месяц...

В одно прекрасное утро, когда солнце сияло, к одному из подъездов подошли высокая женщина и низенький мужчина. В руках у мужчины была открытая коробка. Они поставили её около самой двери и ушли.

Все это видел Черныш. Он подошел к коробке и увидел там крупненького и очень красивого щенка. Щеночек посмотрел на Черныша и спросил: «Кто вы такой?» Кот сказал: «Я – Черныш. И я скоро вернусь». После этого Черныш побежал в подвал за Барсиком, который еще спал. Он разбудил Барсика: «В подъезд подкинули щенка. Что мы будем делать? Ведь если мы с ним не подружимся, наверняка, когда вырастем, покоя нам не будет», – сказал он. «Ну, тогда, может быть, мы пригласим его жить к нам?» – спросил Барсик. «Ладно. Может, так и надо поступить», – сказал Черныш.

Вскоре коты пошли на улицу. Они подошли к коробке и стали смотреть на щенка. Барсик спросил: «Как тебя зовут?» – «Тузик», – отве-

тил щенок. «Почему ты тут оказался?» – спросил Черныш. Тузик ответил: «Меня подкинули сюда мои хозяева. Я слишком плохо себя вел. Вот, например, мне давали мясо, а я тащил его к себе на коврик. И хозяйке очень часто приходилось его стирать. Я все время грыз тапочки хозяина, и он их выбрасывал, а меня ругал. И самое худшее – я драл шторы. Вот хозяева и принесли меня сюда». «Ну тогда живи у нас», – сказал Барсик. Тузик согласился.

Через несколько дней они пошли погулять все втроем. И тут случилось совсем неприятное событие: из подъезда вышел мальчик. Он, насвистывая, прошёл мимо нашей тройцы. Потом повернул прямо на них. Тузик испугался и попятился, но коты оставались на месте. И вдруг мальчик взял за шиворот Черныша и неистово стал его трясти. Тузик осмелел, увидев, как его друга обижают. Он побежал к мальчику с оглушительным лаем и больно укусил его за ногу. Мальчик побежал в подъезд с криками: «Мама!!!»

Глава 4. Переезд

Однажды наши герои увидели, как с пятого этажа дома полетела банка с медом и разбилась прямо на асфальте, а мед растекся в огромную лужу. Так как дворник ушел в отпуск на целый месяц, никто не убирал эту лужу меда. И так, в скором времени на мед налетело немного ос. А ещё позже появились на этой медовой луже полчища этих насекомых, которые уже стали строить осиные гнезда под крышей дома.

Жить в этом доме стало просто невозможно, хотя медовая лужа и исчезла, так как дворник вышел из отпуска. Всех жалили осы: и людей, и кошек, и собак. Поэтому Черныш решил, что надо переезжать, а Барсик и Тузик согласились с ним. И они решили перебраться в другой дом. Они ходили, ходили и увидели дом – небольшой, двухэтажный. Они залезли в подвал дома, и он оказался очень маленьким. Тузик сказал: «Эти подвалы слишком маленькие. Как мы будем тут играть?»

И пошли они дальше искать другое жильё. Прошли они совсем немного и увидели огромное здание, которое было очень высоким и длинным, и было в нем столько этажей, что они даже сосчитать не могли, ведь они умели считать лишь до 15. В этом здании было 37 этажей.

Итак, герои зашли в подвал дома, и там был просто хаос: бегали крысы, валялись мешки с мусором, и пахло там просто омерзительно.

Барсик сказал: «Это не наш вариант. Пойдем отсюда». И друзья пошли дальше. Перешли они через дорогу и увидели третий дом. Дом был очень старый, весь черный из-за пожара и в копоти.

Черныш сказал: «Что же это такое? Это здание скоро снесут, нам нет смысла заселяться». Ближился вечер, и Черныш, Барсик и Тузик уснули прямо около обгорелого дома. Наутро они пошли дальше, осматривали все подвалы в домах, и каждый раз находили крупный недостаток, из-за которого не могли остаться ни в одном подвале.

Они прошли практически весь район, оставался лишь один дом. Они вошли в единственный свободный подвал из трех и осмотрелись. Там было очень чисто, было достаточно света, и подвал этот был такой просторный.

В этом месте было даже лучше, чем в их старом доме.

Глава 5. Незнакомка

Итак, друзья переселились в новый подвал и провели там ночь. Утром, выйдя на улицу, они посмотрели на свой новый двор, детскую площадку, где было много качелей, каруселей, горок. Потом они посмотрели на аллею, находящуюся рядом с их домом. Там был газон, дорога, вымощенная новейшим асфальтом. Пока Тузик и Черныш смотрели на площадку, Барсик перевёл взгляд на прелестную кошечку, которая бежала по газону. Она была чёрного цвета с белыми пятнышками на груди и на животике, и на кончиках лапок тоже. У кошки были большие голубые глаза.

Барсик подумал: «Какая же она красивая!» Он понял – это была любовь с первого взгляда. Барсик испугался, что больше её не увидит, и хо-

тел было уже окликнуть красавицу, но вдруг она свернула к их дому, в соседний подвал. Барсик с друзьями зашел в свой подвал и сказал им: «Видели, какая кошечка?» Черныш ответил: «Брось, мы холостяки в самом расцвете сил, нам всего по четыре года. Тебе это не нужно». – «Во-первых, ты так далеко не загадывай. Во-вторых, я с ней всё равно познакомлюсь», – сказал Барсик.

Через несколько дней Барсик решил познакомиться с кошечкой. Рано утром он вышел на улицу и улегся на скамейку рядом с её подвалом. Через полчаса незнакомка появилась на улице.

Барсик не спеша подошел к кошечке и сказал:

– Здравствуйте. Как Вас зовут?

– Здравствуйте. Меня зовут Дуся. А как зовут Вас?

– Меня зовут Барсик. А Вы заметили, какая сейчас хорошая погода?

– Да, солнце светит, припекает, ветра нет.

– Куда Вы направляетесь, Дуся?

– Да тут бабушка кормит кошек и котов за домом. Не хотите присоединиться?

И они пошли за дом, где увидели бабушку. Рядом с ней стояла огромная миска, окруженная пятью котами. Среди них были большие и маленькие коты, высокие и низкие, чистые и грязные, рыжие, чёрные, трёхцветные.

Когда Дуся с Барсиком подошли к тарелке и хотели было уже есть, вдруг какой-то большой грязный трёхцветный кот оттолкнул кошечку от тарелки. Барсик незаметно подскочил к этому коту и, схватив его за хвост, оттащил в сторону. Но тот вырвался и нанес Барсику оглушительный удар в ухо. Барсик на несколько секунд был оглушен. Но когда пришел в себя, тут же вскочил котяре на спину, обхватил одной лапой за шею, а второй стал лупить его по физиономии. Большой кот сбросил с себя Барсика и убежал мимо аллеи через проезжую часть за дом.

Дуся вместе с победителем стали вместе есть вкусный корм из миски. А потом кошечка поблагодарила Барсика за то, что он за неё заступился. Потом Барсик проводил Дусю до её подвала...

Лето продолжалось, и продолжались будни дворовых котов, наполненные приключениями, радостными и грустными событиями, со старыми и новыми друзьями...

Степан Ягунов

Степан Ягунов, 14 лет.

Занимается в пресс-центре «Поколение Next» с 2012 года. Пишет рассказы в жанре фэнтези о роботах и технологиях будущего, статьи, эссе.

Участник и лауреат многих городских и областных конкурсов. Увлекается современными компьютерными программами из графических приложений. Играет на барабане и балалайке, танцует в школьном ансамбле. Изучает два языка. Любимая книга – «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. Любимый фильм: «Нюхач», все фильмы о Гарри Поттере. Мечтает стать инженером-изобретателем, программистом.

Литературная мастерская

Поколение Next

ХУДОЖНИК

Мне повезло: я живу в доме известного кемеровского художника, члена Союза художников России Ягунова Антона Викторовича.

Здравствуй, Антон Викторович!

Здравствуй, молодой человек!

Начнём с главного вопроса – что для Вас творчество?

Это фантазия человека, выражение его мысли, его души, настроения на сегодняшний день, то есть выражение его личности. Каждый самовыражается по-своему – кто-то на холсте, кто-то на бумаге, кто-то ещё в чём-то, например, в музыке или танце.

А на чём Вы выражаете своё вдохновение?

Прежде всего, на холсте и бумаге, с помощью красок.

Кто может по праву называться художником?

На мой взгляд, любой человек может называться художником. Художник – это ведь не обязательно тот, кто пишет картины. Художник в душе может выражать свои мысли и идеи по-разному. Художник, прежде всего, придумывает, то есть рождает чистый холст в любой работе и начинает претворять в жизнь свои мысли. Художник – это состояние души.

Золотые слова, Антон Викторович, а как Вы работаете над своим произведением от момента зарождения творческого замысла?

Мысль может прийти по-разному, для этого нет определенного времени, особых условий. При этом мысль должна как-то появиться, её появлению должен содействовать какой-то толчок. Произведение – это не просто. Если есть конкретная мысль, то она может родиться и воплотиться сразу. А если она не конкретная, то можно очень долго её обдумывать и долго писать, пока она обретёт форму.

В каком настроении можно писать картины?

Можно писать в любом настроении: грустном, весёлом и т. д. В работе художник изображает именно свои чувства. Если он напишет честно именно то, что чувствует, зритель может почувствовать, что хотел передать художник этой работой. А по тому, что он увидит, он уже может судить о произведении сам. Ну, то есть у каждого рождается своё предположение, что изображает или хотел изобразить художник. Это как раз зависит от настроения самой работы.

Во многих Ваших работах есть ощущение лёгкости и прозрачности, например, в «Турции» и «Ау». Как Вы этого добиваетесь?

Честно? Не знаю. Наверное, это просто изображение с природы, с природы, которая дышит свободно и легко, а может, от прозрачности и лёгкости моего настроения в тот момент, когда писал.

А какие Ваши работы Вам самому больше нравятся?

Вся моя мастерская. Все мои работы. А Вам какие из моих работ понравились больше всего?

Мне очень нравится свой портрет, написанный Вами. На этом портрете у меня очень похожее лицо, красивое, с серьёзным взглядом, чувствуется, что художник воспринимает меня всерьёз. Ещё мне нравится работа «Самурай». В этой работе изображён сильный мужчина, который сидит с мечом и смотрит суровым взглядом на зрителя, а за ним находится цветущая сакура. И мы понимаем, что этот воин защищает красоту этого мира. Спасибо за интервью, Антон Викторович!

Не за что. Дерзайте, творите! Рисуйте свою жизнь.

Вы рисовали свою жизнь?

Я рисовал свои чувства. Пошли обедать, сын, мама зовёт.

Ну, пошли, мама у нас – художник в кулинаруии...

Мне этот разговор не только как с художником, но и с моим папой понравился. После этого интервью я многое понял. Например, что художник выражает в работах своё отношение к тому, что он изображает.

Я стал с интересом относиться к отцу и к искусству живописи как к факту культуры. Поэтому, после прочитанного многие со мной согласятся в том, что произведения искусства создаются сильным характером и талантом!

В ГОСТЯХ У ГЕРОЯ

Эхо войны до каждого докатывается. Рано или поздно. У всех это происходит по-разному, но мы все хоть раз в жизни слышим его.

Недавно я съездил в гости к моему дедушке. Я давно его не видел и ничего о нём не знал, потому что мой дедушка лежал много раз в больнице, и мы не могли к нему ездить, а он переехал в другой дом, а мы не знали, куда. Родители мне ничего не говорили, потому что они сами узнали недавно. И мы не знали, где живёт мой дедушка и какой у него номер телефона. А папа потерял свой телефон, и поэтому мы не знали его номер, а у мамы не было номера дедушки. И вдруг в один день нам позвонили с неизвестного номера телефона, папа ответил и спросил, кто это, и ему сказали, что сейчас вы будете разговаривать со своим отцом, то есть с моим дедушкой.

Я был очень рад, узнав, что мы поедem к дедушке. Ведь последний раз я его видел лишь в 4 года. И мама повезла меня к дедушке на машине. А папа не поехал с нами, потому что ему надо было поехать на работу. Я всё расспрашивал маму о своём дедушке. А мама всё время говорила, что «всё узнаешь, когда приедешь».

Я сидел и представлял его по-разному. Представлял его супергероем, человеком-пауком, рыцарем на драконе, но я понимал, что это неправда, что эти герои существуют только в мультфильмах. Я с нетерпением ждал и, когда мы подъехали к красивой и украшенной гирляндами избушке, немного удивился, потому что я и не знал, что такие избушки есть в жизни, а не только в сказках. Я спросил маму: «Дедушка живёт в сказочной избушке?» Мама ответила: «Нет, сынок, этот домик называется частный дом». И тогда я успокоился, ведь в сказках в избушках живет Баба-яга.

Когда мы вышли из машины, к нам навстречу вышел пожилой дедушка, держа в руке костыль. По его лицу я понял, что этот дедушка и есть мой дед. Он был очень похож на моего папу, или это папа был очень похож на него. И кстати говоря, оказывается, папа тоже приехал, и я был рад, что мы всей семьей собрались в гости к дедушке.

Папа спросил у своего начальника, можно ли ему поехать к отцу, которого он давно не видел. И начальник, которому была знакома эта история и который вспомнил себя, когда он был маленьким и хотел увидеть отца, когда тот вернётся после армии, отпустил моего папу. Он вспомнил, как ждал отца и был очень рад, когда он увидел его. У папиного начальника потекла слеза, и он сказал: «Иди, ты свободен, проведи это время хорошо и скажи, что любишь отца». И папа с радостью быстро собрал вещи и поехал.

И я закричал: «Папа, дедушка! Здравствуйте!» Дедушка очень был рад моему приходу. Ведь он давно хотел увидеть своего внука. И мы все обнялись вместе. Мы начали собирать вещи из машины и относить всё в дом. Мы привезли много еды, подарок для дедушки и спальные.

Когда я зашёл в дом, я чуть не упал в обморок. У дедушки было очень красиво. На полах и стенах были ковры с узором – Жар-птицей. Рядом

с проходом в дом стояла печь, она была белой-пребелой. В других комнатах было очень много фотографий, военных картин и книг. И в одной комнате я заметил самую интересную вещь – это были награды.

В это время родители уехали за дровами и водой, а мы с дедушкой остались дома, и я у него спросил, откуда у него столько наград. И дедушка, едва не заплакав, сказал мне, садясь в кресло: «Внучек, сейчас всё расскажу. Эти награды я получил за войну. Я воевал во время Великой Отечественной войны. Всё началось в 1941 году, когда вдруг внезапно сообщили, что на нас нападают, и меня срочно вызвали на войну. Я быстро собрал вещи, попрощался со своей семьей. Потом я поехал на поезде и отправился воевать. В поезде были многие мои друзья. Я с ними разговаривал, и мы спрашивали друг друга, что будет потом, кто выживет. Мы волновались, и мы приехали в пункт назначения. Мы быстро вышли из поезда и выстроились в один ряд. Наш командир сказал: «Вы пришли сюда, чтобы не развлекаться, а защищать свою Родину!!!». Эту фразу я не забуду никогда, потому что из-за неё я был уверен в себе и боролся изо всех сил. Мы воевали четыре года. Мы были голодными и всегда радовались одному маленькому куску хлеба. Мы писали письма своим семьям. Эти награды, которые ты видишь, это всё за войну. Здесь медали «За освобождение Белграда», «За освобождение Праги», «За взятие Кенигсберга» и многие другие, я тебе и не перечислю все, за что. На войне погибло очень много человек и моих лучших друзей. Во время войны я понял, как больно смотреть на умирающих людей. Я пережил все страдания, которые только можно».

У дедушки вместе со мной немного лились слёзы. Я сказал дедушке, что он герой, и поблагодарил его за то, что он сражался за нас всех. Ведь если бы не он и все остальные люди на войне, то могло бы и не быть меня, папы, мамы и других. Было бы всё по-другому, но мы победили, и я благодарен всем, кто воевал. Я запомнил эту встречу навсегда! И я точно знаю, кто настоящий герой – это мой дедушка.

Теперь я никогда не теряю адрес и номер телефона своего деда и готов защищать и заботиться о моём герое, живущем в сказочной избушке с Жар-птицами на стенах...

ПИСЬМО ВЕТЕРАНУ

Каждый год проходит эта акция, и каждый год трудно подобрать слова, чтобы написать письмо человеку, которого не знаешь, но которому безмерно благодарен. Сегодня люди вообще разучились писать письма, эпистолярный жанр отошел в прошлое, а мы предпочитаем обмениваться краткими SMS-сообщениями или записками по электронной почте.

В любом случае я решил не оставаться в стороне от важного в моём понимании дела и написал такое письмо:

Дорогой ветеран!

Уже прошло 70 лет со Дня Великой Победы! И в этот знаменательный день я поздравляю всех Вас с 70-летием Победы. Вы пережили многие трудности в своей жизни. Вы шли на фронт несмотря ни на что. Ведь каждый человек тогда был героем. Если бы не Ваши труды, нас, нового поколения, возможно, могло бы и не быть.

Я Вам благодарен за Ваши труды, за храбрость, за любовь к Родине. Если наступит снова война, то мы будем защищать Вас, Родину, Россию.

Я желаю Вам здоровья, любви, благополучия, покоя. Честь Вам и низкий поклон.

Учительнице не очень понравилось моё письмо.

Оно и мне не очень понравилось, хотя я написал его от чистого сердца. Впрочем, что на сердце у тринадцатилетнего мальчишки, не знает никто. Но меня всегда очень правильно, на мой взгляд, даже слишком правильно воспитывали дома, и такие вещи, как патриотизм, уважение к старшим для меня не пустой звук. Так что моё письмо ветерану – это просто моё письмо, которое я написал, как мог.

Возможно, вы напишете его лучше – акция-то продолжается!

ОБЪЯСНЯЛКИ НЕОПЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

«Уметь прощать»

Надо прощать людей за многое. Всё, что они сделали, могло быть сделано случайно или они это сделали не подумав. Некоторые люди прощают за что-то, например: «Дай шоколадку, и я прощу тебя!». Да, вы можете согласиться и на это, но если вас мучит совесть за то, что вы сделали, вы должны простить сами себя и попросить прощения, и тут уж надо быть готовым на всё – и на шоколадку, и на мольбы, и даже на деньги.

«Да плюнь ты на всё»

Часто можно в разных ситуациях жизни услышать слова: «Да плюнь ты на всё!». Надо понимать, что это означает. Иногда говорят такие слова, когда ты на что-то обиделся или тебя бросил парень или бросила девушка. Но никогда нельзя говорить эти слова, а то может случиться что-то плохое. Ведь слово «всё» означает всё: жизнь, друзей, учёбу и любовь. Если ты дошёл до того, чтобы плюнуть на всё – вспомни, ради чего ты жил, вспомни о близких.

«Признание в любви»

Признаться – иногда это трудно, но ты готов ради неё на всё, лишь бы она была твоей. Ты покупаешь ей цветы, конфеты, мягкие игрушки, пишешь письма, ухаживаешь, приближая страшный момент, когда она может сказать «да» или «нет». Если скажет «нет», – не плачь, будь мужиком. Попытайся подождать. Просто скажи ей: «Я тебе дам ещё время подумать». А потом всё сначала...

«Найти самого себя»

Многие люди меняются, но, меняясь, ты можешь стать плохим, потерять самого себя. Можешь начать пить, курить, принимать наркотики. Но твои друзья скучают по тебе прежнему, и ради них ты должен снова найти себя. Найди прежнего себя, когда ты был весёлым и добрым, сильным и честным. Не меняйся с доброго на плохого!

«Семейный очаг»

Семейный очаг – это самое главное, это когда ты сидишь со своей семьёй в доме и смотришь фильмы, разговариваешь, играешь. Семейный очаг – это дом, в котором живёт семья.

«Честь фамилии»

Фамилии бывают разные, бывают люди-однофамильцы. Но что означает фраза «честь фамилии»? для меня это означает воспоминания о людях, которые погибли на войне или прошли всю войну, о тех, кого называют ветеранами. Это наши предки. Они защищали всех нас и высокие идеалы. Мы должны их помнить и быть достойными их имён и фамилий, фамилий наших предков.

«Воспитанный человек»

Для меня это человек, который слушает родителей, выполняет задания, одевается правильно, знает семейные традиции и живёт по ним, моется постоянно и делает по утрам зарядку, и многое другое.

«Посмотреть в глаза»

Можно по-разному понимать эти слова. Глядя человеку в глаза, ты можешь сказать ему всю правду о нём, о чём ты думаешь. Если ты считаешь, что человек плохой, скажи ему об этом, глядя в глаза. Скажи ему: «Будь добрее, и люди к тебе потянутся!»

Глядя в глаза, ты можешь признаться в любви. Ведь это так романтично!

И ещё, посмотреть в глаза – это значит быть честным, иногда люди врут, но по глазам можно определить, узнаете вы или честно говорите.

Каждый человек должен иногда задумываться над «расхожими фразами» и наполнять их своим собственным смыслом...

Ольга Попова

Ольга Попова, 14 лет.

Занимается в пресс-центре «Поколение Next» с 2012 года. Ольга совмещает учёбу в двуязычной гимназии с учёбой в музыкальной школе на фортепианном отделении, с занятиями современными танцами и журналистикой, выступлениями в детском театре моды и занятиями в клубе любителей трюковых велосипедов ВМХ в скейт-парке за стадионом «Химик».

Она очень современная девчонка, дома у неё вместо пианино стоит синтезатор.

Литературная мастерская

Поколение Next

НА ОШИБКАХ УЧАТся

Пьеса из школьной жизни

Действующие лица

Полина. Девочка с длинными, прямыми тёмно-русыми волосами и большими карими глазами. Выразительный, немного дерзкий взгляд. Средний рост. Стройные ноги, облегающие джинсы синего цвета, кроссовки, синяя в красную клетку рубашка. Модный рюкзак с американским флагом. Уверенная в себе, весёлая, общительная, умная, добрая. Ученица 8-го класса математической гимназии. Твёрдая хорошистка.

Кристина (одноклассница Полины). Ученица той же гимназии. Тихая, спокойная девочка с большими голубыми глазами, задумчивым взглядом. Светло-русые, чуть выющиеся волосы собраны в хвост. Фигура стройная, среднего роста. Чёрные классические брюки, белая блузка с отложным воротником, белые балетки, однотонная сумка через плечо. Немного робкая, застенчивая, но добрая, милая и, если нужно, смелая и отважная. Твёрдая отличница.

Антон. Учится там же, только в другом классе. Высокий, стройный, крепкий, кареглазый шатен. Улыбчивый и добрый, весёлый, но не смешной, а чуть строгий. Чёрные джинсы, красная рубашка, тёмно-синий галстук, безупречно сидящий пиджак. Хорошист, амбициозен.

Алёна. Старшая сестра Кристины. Студентка 1-го курса педагогического университета. Такие же светло-русые волосы собраны в пучок, голубые глаза. Чёрные джинсы, белая футболка, светлые балетки. Серьёзная, начитанная девушка, мечтающая стать педагогом, добрая и отзывчивая.

Матвей. Друг Антона, одноклассник. Высокий, симпатичный, подвижный, бойкий. Синие джинсы, толстовка. Мечтает понравиться Полине.

I ДЕЙСТВИЕ

Школьный холл

Звенит звонок, и пустое помещение наполняется школьниками, снующими туда-сюда. Кто-то переобувается, кто-то одевается, кто-то просто стоит маленькими группами, что-то обсуждая. Кристина подходит к стенду около лестницы, смотрит на расписание олимпиад, достаёт блокнот, что-то записывает. В это время с другой стороны к окну около стенда подходит Полина. Ставит на окно сумку, смотрит в телефоне заметки. К ней подходит Антон.

Антон (задорно): Привет, Поляка! Классно выглядишь!

Полина (весело, убирая телефон): Спасибо! Ты тоже ничего!

Антон: Какие планы на выходные?

Полина: Как обычно: бассейн, теннис, в воскресенье, может, уговорю твою домоседку сходить в кино. Ты с нами?

Пауза.

(Кристина застыла около стенда с блокнотом в руках. Во время дальнейшего диалога к стенду периодически подходят дети, смотрят на стенд и отходят, а Кристина стоит, не двигаясь.)

Антон (медленно, разделяя слова): Моя... домоседка... это... Кристина?

Полина (смеясь): Ну, а кто же ещё? Вечно у неё (закатив к потолку глаза) или новая интересная книга, от которой никак не оторваться, или (опуская глаза и делая руками движения, как будто играет на пианино) новое произведение на фортепиано задали.

Антон (рассмеявшись): Да, это точно (задумчиво, заглядывая Полине в глаза). Удивительно, вы такие разные, но дружите столько лет и даже почти не ссоритесь. Что вас так крепко связывает?

Полина (улыбаясь, задорно и быстро): Ну, мы обе любим математику, шоппинг и красивых парней!

Антон (с улыбкой): Это ты сейчас про меня?

Полина (смеясь): Какое самомнение! Как будто ты один красавчик в школе!

Антон (серьезно и глядя на Полину): А тебе я, значит, совсем не нравлюсь?

Полина (немного сердито): А с чего это ты должен мне нравиться, если ты Кристинин?!

Антон (с сожалением и чуть обиженно): Я вообще-то свой собственный, а не Кристинин. «Я сам по себе мальчик». Мне что, теперь никому больше нельзя нравиться, что ли?

Полина (рассеянно): Что-то я тебя не совсем понимаю (берёт с подоконника сумку). Ладно, мне пора. Кристина ушла пораньше, ей в музыкальную школу нужно, а я бегу на теннис.

Антон: Нам по пути (уходят вместе, проходя мимо стоявшей около стенда Кристины и не замечая её.)

(Кристина невидящими глазами пытается сложить блокнот в сумку, но все падает мимо, она поднимает и, медленно все сложив, не спеша уходит.)

II ДЕЙСТВИЕ

Комната в доме Кристины

Алёна сидит на диване с книгой в руках. Входит Кристина. Она выглядит расстроенной, но пытается улыбнуться.

Алёна (отрываясь от книги, шутя): Привет, сестричка! Как позанималась, одолела сонату, или Бетховен тебе не по зубам? Выглядишь уставшей.

Кристина (измученно улыбаясь): Да, денёк еще тот, но Бетховен тут ни при чём.

(Кристина садится рядом с Алёной, ставит сумку на пол и откидывается на спинку дивана.)

Алёна (серьезно): Ты что, сестричка? Да на тебе лица нет! (трогает рукой лоб сестры). Ты что, заболела?

Кристина (пытаясь улыбнуться): Нет, я просто немного устала.

Алёна (озабоченно): Первый раз вижу тебя такой подавленной. Может, с Антоном поссорились?

Кристина (хочет ответить отрицательно, но слова льются потоком, почти одним предложением): Мы-не-ссорились, просто-я-нечаянно-

услышала-его разговор с Полиной, и-мне-показалось, что-он-меня-уже-не любит, а пытается заигрывать с Полей. У-меня-в-голове какая-то каша. Мы только вчера с ним держались за руки (смотрит на свои руки), и он говорит мне, что у меня самые красивые глаза в мире, и что-лучше-меня-на-свете-нет-никого!

(Кристина закрывает лицо руками и начинает плакать.)

Алёна (обнимая сестру): Да ты что, сестрёнка? Ведь ничего не случилось, они просто разговаривали. Ведь Антон не признавался же Поле в любви? И про тебя они ничего плохого не говорили? Ведь так? Или говорили?

(Кристина плачет, отрицательно мотает головой, но прислушивается к словам сестры и начинает успокаиваться.)

Алёна: Ведь это твоя лучшая подруга. Вы с ней еще с садика дружите, так? (Кристина кивает.) А Антон твой парень – вы встречаетесь два года, так? (Кристина кивает.) Так почему ты не доверяешь им? Что, им без тебя разговаривать друг с другом нельзя?

Кристина (всхлипывая): Можно, наверное.

Алёна (пытаясь развеселить сестру): Так вот, моя милая собственница. Это называется – ревность, а ревность – это признак неуверенности в себе. Так?

Кристина (задумчиво): Не знаю, со мной такое впервые.

Алёна (бодро): Разве ты сомневаешься, что у тебя самые красивые в мире глаза?

(Кристина пожимает плечами.)

Алёна: Ну-ка, не кисни! Выше нос! Это просто недоразумение, которое, я уверена, скоро разрешится. Смотри, чтобы тебе потом стыдно не было.

Кристина: Почему стыдно?

(У Кристины в сумке звонит телефон. Она достаёт его и отвечает на звонок.)

Кристина: Привет, Поль. Да, пришла (слушает). Завтра? Нет, планов нет. А что? На какой сеанс? (медленно). Да, хорошо (пауза). С кем? (пауза). Нет, не против. Ладно, пока.

(Нажимает на отбой, и тут же снова звонок. Кристина отвечает.)

Кристина: Привет, Антон. Да, звонила (пауза). Я согласна (пауза). Нет, не против (пауза). Спасибо, пока.

(Отключается, кладёт телефон на колени и, задумчиво глядя перед собой, говорит в пустоту.)

Кристина: Кажется, мне становится стыдно.

Алёна: Всё в порядке?

Кристина (глядя на Алёну): Ты была права. Полина рассказала, что они с Антоном болтали после уроков, когда я ушла, а потом вместе дошли до угла школы. Она ему сказала, что хочет позвать меня в кино в воскресенье, а он попросился с нами и предложил взять с собой друга, Матвея Краснова. Я сказала, что не против. А Антон сказал, что выведал у Полины про кино, и если я не против, то он тоже пойдёт, Антон сказал, что Поля нравится Матвею, и Матвей просит его с ней познакомиться. А сегодня после уроков был как раз подходящий случай. Так что мы завтра вчетвером идем в кино.

Алёна: Вот, видишь, как здорово! Я рада.

Кристина (невесело): Да, здорово, только немного не по себе, что я так не доверяю своим друзьям, что могла подумать плохое.

Алёна: Ничего, на ошибках учатся.

(Девушки уходят на кухню.)

III ДЕЙСТВИЕ

В холле кинотеатра

Антон, Полина и Кристина весело смеются, слушая задорный рассказ Матвея, который всё время поглядывает на Полину, явно перед ней красуясь.

Антон: Девочки, знакомьтесь, это мой друг и одноклассник Матвей. (И к Матвею.) Матвей, это моя девушка Кристина, а это ее подруга Полина.

Матвей: (приветственно поднимая руку) Привет, девчонки. Очень рад нашему знакомству!

Кристина: Мы тоже рады с тобой познакомиться.

Матвей: (обращаясь к Полине) Ты поп-корн любишь?

Полина: Конечно! И кока-колу.

Матвей: Я тоже. (Антону и Кристине) Мы с Полиной пошли в буфет за колой и поп-корном, догоняйте!

(Матвей с Полиной отходят.)

Кристина: (Антону) Как ты думаешь, они поладят?

Антон: (весело) Даже не сомневайся! Ну что, давай Полину и Матвея догонять?

Кристина: (смеясь) Побежали!

(Ребята берутся за руки и убегают.)

Занавес.

МОЁ ЛУЧШЕЕ ЛЕТО

В прошлом году мои бабушка и дедушка взяли меня на отдых в санаторий «Кедровый бор». Честно говоря, я мечтала поехать на отдых в креативный лагерь под Новосибирском «Синяя птица». Моя подруга много рассказывала мне о нём, и я уже мечтала о том, как мы будем вместе купаться в Обском море, снимать фильмы, участвовать в спектаклях, но судьба распорядилась иначе.

По большому счёту горевала я недолго. Позапрошлым летом я уже отдыхала там с бабушкой и дедушкой, и мне очень понравилось. Только завести друзей не удалось, потому что было много малышей и совсем взрослых ребят. А если бы были друзья, то было бы совсем другое дело. И вот с надеждой на лучшее я стала ждать начала отдыха. В приятных хлопотах по сбору вещей время пролетело незаметно, и вот...

18 июня 2013 года (вторник)

Ура! День заезда! Подъём в пять часов утра, завтрак, лёгкое волнение, и вот в шесть часов легковой автомобиль мчит меня (я надеюсь) на встречу новым впечатлениям. Живописная Яшкинская трасса, изумительная природа родного Кузбасса, утренний туман клубится над родной рекой Томь, по берегу которой то тут, то там видны палатки любителей отдыха на природе.

И вот мы на территории санатория. Оформляем путёвки, заселяемся в номер (тот же, что и

в прошлый раз). Я выбегаю на балкон, вдыхаю аромат кедрового бора, прыгаю от восторга при виде белочки, весело скачущей с ветки на ветку. Какое здесь всё знакомое и родное! Какие могучие кедры и стройные сосны! Как я жила без вас целых два года? Как я могла сомневаться ехать сюда или в другое место? Даже если я не подружусь ни с кем, то всё равно буду здесь счастлива!

21 июня 2013 года (пятница, 15:00)

Сейчас «тихий час». Мы с дедушкой собирались пойти на озеро, но пошёл дождь. Вчера и позавчера была ясная, солнечная погода. Всё свободное время мы проводили на озере. Уходили после лечения (это ведь санаторий) и приходили только в столовую поесть. С моим дедушкой не соскучишься! В первый же день он стал подначивать меня прыгнуть с вышки. Прыгнул сам, за ним ещё взрослые, потом дети. Шум, гам, визги, брызги! Глядя на эту весёлую кутерьму, я взбежала на вышку и прыгнула. Здорово! Мне понравилось. Дедушка меня похвалил. Я молодец! Я герой!

На следующий день, когда мы пришли на озеро, дедушка снова позвал меня прыгать. Народу в этот день было мало. Кроме меня и деда к вышке никто не подходил. Дедушка прыгнул, а я забралась наверх и в ужасе остановилась. Так высоко! Неужели я вчера прыгала? Постояла я наверху и, как меня дедушка ни уговаривал, прыгнуть так и не решилась. Выходит, что вчера я прыгнула за компанию, даже не успев оценить все риски? Хотя вышка не такая уж высокая – три метра. Завтра настроюсь и прыгну.

23 июня 2013 года (воскресенье, 23:00)

Все два дня были очень насыщенными. В пятницу вечером познакомилась с девочкой. Мы почти ровесницы, ей 13 лет. Она такая же весёлая и неугомонная, как и я. В субботу после завтрака мы с Соней и дедушкой пошли на озеро. Она хотела попробовать прыгнуть с вышки, но боялась. Я предложила сделать это вместе, потому что я-то уже пробовала, и могла дать несколько советов новичку. Я поднялась первая, посмотрела вниз – высокогато, потом на Соню –

она смотрит на меня во все глаза. Надо прыгать! И я прыгнула! Ободряюще помахала Соне. Она тоже улыбнулась и прыгнула. Дедушка обрадовался. Молодцы! В общем, мы прыгали до обеда. И с разбега, и «солдатиком».

И почему-то было совсем не страшно, а даже немного распирало от гордости, что мы такие смелые.

В воскресенье мы с Соней уже с утра и до вечера были как ниточка и иголочка. Правда, мы живём в разных корпусах, но здесь совсем близко, и взрослые спокойно отпускают нас гулять по территории. Вчера, когда мы сидели на детской площадке, к нам подошли два мальчика, очень даже симпатичные. Мы познакомились. Один светленький – Андрей, а другой тёмненький – Антон. Они оба очень весёлые и интересные парни. Им по 13 лет, занимаются спортом и учатся в гимназии с иностранным уклоном. Мы просидели с ними до самого ужина и с большой неохотой расстались. Обменялись телефонами и договорились увидеться завтра, то есть сегодня.

25 июня 2013 года (вторник)

Вчера с самого утра и до вечера я была со своими новыми друзьями. Когда мы утром шли на завтрак, я услышала в кустах какой-то писк. Вдоль дороги к столовой растут кусты сирени, и писк раздавался оттуда. Я чуть отстала от ребят, осторожно раздвинула кусты, а там... Небольшое гнёздышко, а в нём крошечные птенчики! Они очень широко раскрывали свои жёлтые клювики и пищали.

Ребята заметили моё отсутствие и стали громко меня звать, но я приложила палец к губам и помахала им, чтобы шли ко мне. Ребята были в восторге! Никто из нас ещё ни разу не видел гнездо с птенцами реально, только на картинках. Но мы тут же забеспокоились. Гнездо было слишком близко к дороге, и его могли разорить любопытные малыши, и по этой дороге ходил в столовую большой чёрный кот Васька. Мы решили охранять птенцов и разработали целый план. Отошли чуть подальше, чтобы не спугнуть родителей птенцов, и стали совещаться.

В это время к кустам подлетели две маленькие птички: одна – совсем невзрачная, серенькая,

с какими-то насекомыми в клюве – юркнула в кусты, а другая – с красным пятнышком на грудке – села на ветку кедра.

У красногрудой птички в клюве извивался червяк. Когда серенькая птичка выпорхнула из кустов, красногрудая впорхнула внутрь, а серенькая уселась на ветке охранять. Затем обе птички опять улетели.

Мы с ребятами нашли коробку от сока, сделали из неё кормушку и повесили на ту ветку, на которую садились птички. Принесли из столовой хлеба и крошили его, чтобы птичкам было легче клевать. Затем мы пошли на задний двор столовой и попросили кухонную работницу тетю Тамару кормить кота с другого входа. Мы рассказали ей про птичек, и она согласилась, пообещав тоже приглядывать за кустами, где было гнездо.

Вечером я рассказала дедушке про птенцов, и после ужина мы пошли их проведать. Взрослые птички клевали хлеб из кормушки, и дедушка сказал, что это сибирские соловьи. Красногрудая птица – это самец, а серенькая – самочка.

Сегодня перед завтраком мы первым делом заглянули в кустики. Гнездо было на месте, птенцы тоже, кот завтракал на заднем дворе. Всё в порядке, мы пошли на озеро.

30 июня 2013 года (воскресенье, 23:00)

Сегодня к нам в гости приезжали мои родители, и я целый день провела с ними. Всё-таки я немного соскучилась. Тараторила без умолку и про друзей, и про озеро, и про птенцов, показывала фотографии. После обеда мы пошли на озеро. Погода солнечная – жарища! И вот там со мной случился такой казус. Моя мама не умеет плавать, но очень хочет научиться. Я плаваю хорошо – меня бабушка с дедушкой научили, когда я с ними на море ездила, мне тогда шесть лет было. А мама боится, и всё! Она может находиться в воде только тогда, когда у неё ноги твёрдо касаются дна.

Дедушка и папа очень хорошие пловцы. Но маму папа никак научить не мог. Решил попробовать дедушка. Надели на маму мои детские нарукавники и стали её в «лягушатнике» (дет-

ская неглубокая зона) потихоньку учить. Там вода маме по локти, дно она под ногами чувствует. Мама стала плавать вдоль берега, все маму подбадривают и нахваливают. Я тоже рядышком плаваю, радуюсь маминым успехам. И вот я вижу, что мама уплыла чуть подальше, где немного поглубже, но всё равно не очень глубоко. Я подплыла к маме и сказала, что она уж совсем герой и молодец, что заплывает в глубокие места.

В одну секунду мамино счастливое лицо сменилось на гримасу ужаса, а в глазах я увидела страх и панику. Я стала звать папу и деда, потому что мама стала барахтаться в воде, и я видела, что собирается утонуть прямо здесь, на мелководье. Папа помог маме выбраться, а мне так попало от взрослых. Я же не знала, что маму нельзя пугать! Если бы она не знала, что там глубоко, то она бы и плавала спокойно, а как услышала, что дна нет под ногами, так и забыла, как дышать и как плыть. Я тоже за маму сильно испугалась. Но она на меня не обиделась, а только слегка пожурела, но чувствовалось, что это всё любя. Даже потом ещё поплавала немного. А вечером мы их проводили. Завтра снова увижусь с друзьями.

2 июля 2013 года (вторник)

Две недели пролетели, как один день. Как жаль, что время летит так быстро! Вчера мы с Соней провожали наших мальчиков. Они заехали на неделю раньше, и их отдых подошёл к концу. Нам так не хотелось расставаться! Конечно, мы будем общаться в «ВКонтакте» – социальные сети нам в помощь, – но ничто не заменит живого человеческого общения. Ведь Интернет не может передать ни взгляда, ни чувства – только розочки, смайлики, сердечки на бездушном экране.

А мне Антон каждый день приносил из леса цветочек живой и ароматный, пахнувший летом, солнцем и озером. А однажды вечером, когда мы наблюдали за белочками, Антон сказал, что я такая же милая, пушистая и весёлая, как эти белочки. И глаза его при этом светились такой любовью и нежностью, что я даже покраснела...

Наши птенцы уже подросли и выглядят, как маленькие птички. Они подрастут, окрепнут и уже скоро вылетят из гнезда. Вот и мы также разлетимся по разным сторонам из места, где мы нашли друг друга.

5 июля 2013 года (пятница)

Вчера целый день шёл дождь, и дедушка предложил нам поучиться игре в бильярд. Правила игры несложные, мы с Соней всё поняли и начали играть. В комнате для отдыха стоят бильярдный стол и стол для игры в настольный теннис. Мы с Соней стали попеременно играть то в бильярд, то в настольный теннис.

Так что к ужину у нас в головах уже «тук-тук» начался. Хорошо, что дождь кончился, и мы пошли гулять по территории санатория. Как же замечательно пахнут кедровые ветки после дождя! Настоящая ароматерапия. Выглянуло солнышко, птички запели, люди стали выходить из корпусов на улицу. По всей территории санатория на ветках расставлены домики-кормушки для белочек и бурундуков. Кто-то насыпал в домик орехи, и вот люди наблюдают, как белочка, сидя в домике, грызёт их, как в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина: «Белочка при всех золотой грызёт орех».

Люди умиляются, а белочка, никого не смущаясь, занимается своим делом. Вдруг забегает к ней в домик бурундучок и очень шустро начинает складывать орехи в защёчные мешочки. Люди притихли, а белочка от такой наглости даже грызть орехи перестала, а у бурундука только лапки мелькают. Нахомячил уже полные щёки и пустился наутёк.

Белка очнулась и стала дальше грызть орехи. Через пару минут к ней в домик опять бурундук прискакал. Видимо, выгрузил где-то свою добычу и ещё пришёл за новой порцией. Тут уж белочка не растерялась, распушила хвост и на бурундука прыгнула, а воришка, спрыгнув, пустился наутёк. Но через некоторое время мы опять увидели его любопытную мордочку. Он, не спеша, стал подбираться к домику. Взрослые и дети уже достали телефоны, камеры и стали снимать происходящее.

Бурундук запрыгнул на соседнее дерево, а там тоже домик-кормушка, в котором тоже кучка орехов лежит. Бурундук стал складывать орехи за щёчки, но тут белка заметила движение в домике, и, когда бурундук скрылся из вида, она шустро запрыгнула в его домик и начала там грызть орехи. Бурундук вернулся, а его домик занят. Тогда, чтобы не связываться с белкой, он стрелой метнулся в «белкину» кормушку, но белка заметила хитрый манёвр и бросилась к своему дереву. Чем закончилось это представление, я не знаю – нам хоть и нехотя, но нужно было идти на ужин. А когда мы шли из столовой, то в домиках кроме шелухи от орехов ничего и никого не было. Но люди ещё долго обсуждали увиденное, делились фото и видеосъёмкой.

8 июля 2013 года (понедельник)

Вчера вечером мы с бабушкой и Соней ходили на праздник Ивана Купалы, который ежегодно устраивают на озере. Это массовое мероприятие с кострами, конкурсами, музыкой, купанием. Взрослые парни и девушки одевали на голову венки из зелени и цветов и прыгали через костёр, взявшись за руки. Было очень весело, и мы пришли домой за полночь.

Завтра день отъезда, и сегодня я прощалась с моим любимым местом отдыха. Мы с Соней обошли сегодня все наши дорогие сердцу места. Попрощались с птенцами, – они уже вылетают из гнезда. Мы посидели на каждой скамейке, обняли почти все деревья на территории санатория, сходили на озеро.

Мы даже собрали в банку аромат кедрового бора, чтобы зимой в мороз открыть её, вдохнуть запах лета и вспомнить наш отдых. До свидания, Кедровый бор, будем ждать новой встречи!

Мы вернулись в пыльный, душный, шумный город. Постепенно жизнь вернулась в привычное русло, как будто я и не уезжала никуда. С ребятами я созваниваюсь, и иногда мы вместе ходим в кино, на каток или просто гуляем. А в январе, когда были сильные морозы, и мы не ходили в школу, я перечитывала свой дневник, вспоминая каждый день.

А теперь я мечтаю о том, чтобы мы все снова встретились в санатории. Мы с ребятами уже договорились и начали подговаривать взрослых.

Мои бабушка и дедушка не против!..

ОТ УЛЫБКИ ДО УЛИТКИ

Как-то мы с бабушкой пришли на пирс в кедровом бору и увидели на скамейке крупных улиток – их принесла туда маленькая девочка. Они лежали под палящим солнцем. Я понимала, что они обречены на гибель, мне стало жаль их. Я стала брать по несколько улиток в ладошку и уносить с пирса в озеро. Не рассчитав, я поскользнулась и съехала в воду. Испугаться я не успела, так как мой дедушка сразу же нырнул и вытолкнул меня на поверхность.

Я слегка наглоталась воды, но главное – улитки были спасены!

Дед сказал, что это глупо – подвергать себя риску из-за улиток. Но каждый из нас может однажды столкнуться с проблемой выбора – кинуться спасать кого-то или нет. И неважно кого – человека, собаку или улитку – главное – спасти чью-то бесценную жизнь. И тогда мы сможем улыбаться друг другу от счастья – счастья просто жить.

КАК ДЕДУШКА НАД БУРУНДУКОМ ПОДШУТИЛ

Как-то летом мой дедушка отдыхал в санатории «Кедровый бор». Каждый день дедушка ходил на озеро купаться. По дороге к озеру росло много хвойных деревьев: кедры, сосны и ели. Дело было в августе. Кедровые шишки были полны спелыми орехами.

Идёт дедушка к озеру, и вдруг рядом с ним шишка падает. Взглянул дедушка вверх, а на кедре бурундук сидит и смотрит, куда шишка упала. Стал бурундук спускаться с дерева, а де-

душка поднял шишку и спрятался с ней за дерево. Спустился бурундук, смотрит, а шишки нет нигде.

Полез бурундук обратно на дерево, а дедушка в это время шишку на прежнее место положил. Бурундук смотрит вниз – лежит шишка на месте. Он опять стал спускаться, а дедушка снова спрятал шишку. Снова бурундук не может найти свою шишку, опять решил сверху посмотреть.

Тут уже дедушка положил шишку обратно на землю и больше не стал играть с бурундуком. Бурундук забрал свою добычу, уселся под деревом и стал набирать орехи за щеки, а дедушка пошёл купаться на озеро.

Эту историю дедушка очень живописно рассказал мне, а я поведала эту историю вам.

ЗОНТИК

Сказка-грустилка

Лежал в большом шкафу маленький и очень красивый зонтик. А на дворе была зима. И зонтик был очень грустным. Каждый день зонтик считал, когда наконец-то наступит весна, когда наконец-то его достанут из большого шкафа и возьмут с собой, когда начнётся дождь, и зонтик будет очень счастлив!

Зонтик думал, что эти три месяца зимы будут для него очень грустными и печальными. Но в один прекрасный день наконец-то наступила весна и пошёл дождь! И зонтик достали из большого пыльного шкафа и взяли его с собой. Зонтик почувствовал, как хорошо быть полезным, и от этого стал счастливым.

ПОЧЕМУ ОБЛАКА БЕЛЫЕ

Сказка-объяснялка

Как-то вечером пятилетний Ваня гулял со своим дедушкой-священником. День был солнечный, но ветреный и облачный. Большие белые

облака, гонимые ветром, плыли по голубому небу. Мальчик посмотрел на небо и спросил:

– Дедушка, а почему облака белые?

Священник на минутку задумался и ответил:

– Понимаешь, Ваня, когда Господь создал облака, он увидел, что они такие воздушные, невесомые и пушистые, как крылья у ангелов. Тогда Господь решил, что они должны быть непременно белого цвета.

Такой ответ Ваню устроил, и он сказал:

– Я даже не могу себе представить облака другого цвета.

Дедушка молча согласился с ним.

СТРАНИЧКА НЕШКОЛЬНОГО ДНЕВНИКА

Вчера я проснулась очень рано, захотела ещё поспать, но никак не могла уснуть. Встала и сразу же зашла в «ВКонтакте» и «Одноклассники», переписывалась с друзьями, пока мама не видела.

Когда я шла в школу, я увидела Артёма – мальчика, который мне нравится. Я остановилась, и мы с ним поговорили. Целый день у меня было превосходное настроение!

Я пришла в школу рано, ждала, когда кто-нибудь придёт, чтобы поговорить, потому что мне было скучно. Зашла в класс. Начались уроки. Меня вызвали к доске и спросили пересказ мифа Древней Греции. Я заволновалась, и мне поставили «тройку». Мне так хотелось сказать учительнице: «Вы сами бы попробовали пересказать на пятёрку, когда задали много». Но я побоялась это сказать. Настроение сразу же испортилось.

После уроков мы с друзьями погуляли. И я пошла в музыкальную школу. В музыкальной школе у меня были «Специальность», «Хор», «Сольфеджио» и «Музыкальная литература».

После музыкальной школы я пошла домой. Дома сделала уроки, посидела в «ВКонтакте» и «Одноклассниках». Не давала покоя эта «тройка» по истории.

Устала. Лёжа в кровати, допоздна думала о «тройке», которую я сегодня получила. Уснула я поздно, а мысли всё кружились в моей голове.

ХОККУ

(Первые опыты)

О осенний ветер!
Дети прыгают по лужам, но
Очень холодно мне...

О осенний дождь!
Кругом лужи на дороге,
Люди всё спешат...

Небо осени!
Капли дождя слышны за окном,
Очень грустно мне...

МАМИНА СУМКА

Зарисовка

А что бы было, если бы какой-то умный человек не придумал сумку? Где бы мы, женщины, носили все нужные для нас вещи? Каким бы образом дополняли свой туалет?

Ведь сумка может быть аксессуаром – например, сумка-клатч или крошечные, похожие на косметички, театральные сумочки. Для любителей спортивного стиля подходят сумки-рюкзак.

Что ни говори, а сумка – вещь нужная, функциональная и к тому же подчёркивает индивидуальность личности.

У моей мамы есть красивая сумка. Она не большая и не маленькая, а средняя, но маме очень с ней удобно.

Сумка не однотонная, а цветная – тоже плюс, так как подходит ко многим вещам. Там есть чёрный, красный, бежевый и серый цвета. Может быть единственный недостаток – классический стиль, к кроссовкам она уже не подойдёт.

Внутри сумки есть несколько карманов, куда мама складывает всё нужное: ключи от квартиры, документы, косметичку, лекарства, блокнот, визитницу, бумажные и влажные салфетки, помаду.

Как-то летом мы с мамой вышли прогуляться, мама решила не брать сумку, а деньги и ключи положила в джинсы. Мы купили по мороженому, съели, немного запачкали руки и мама «съела» помаду с губ. Ни салфеток, ни помады... Мама сказала: «Без сумки как без рук».

Казалось бы, мелочь, но эти мелочи – часть нашей жизни. Иногда самые простые вещи, которые мы не замечаем, вдруг обращают на себя внимание, и мы понимаем, что без этих мелочей нам совсем не комфортно жить.

Алена Чичкарёва

Алёна Чичкарёва, 14 лет.

Занимается в пресс-центре «Поколение Next» с 2012 года. Начала писать с 11 лет. Пишет очерки, статьи, стихотворения. Рисует, танцует, изучает два языка.

Организовывает и проводит мероприятия в гимназии, проводит акции по профилактике экологической опасности. Хобби: изучение проблем экологии и защиты окружающей среды.

Любимая книга – «Дивергент» Вероники Рот.

Мечтает стать журналистом или экологом.

Литературная мастерская

Поколение Next

Буренки

Шли буренки по проселочной дороге,
По сухой земельке, стадом, не спеша.
Молочного оттенка, темно-бурые,
Свесив книзу острые рога.

Позади бежал теленок,
Молодые копытца волоча.
Молодняк не поспевал за матерью,
Тонко, жалобно мыча.

Пыль разносится от тяжких ног,
От жары всё в горле пересохло.
Прохладный водопой недалеко,
Только тяжело идти телёнку.

Языком корова «треплет» малыша,
Мол: «давай, идти уже недолго»!
Но печальны карие глаза,
И туманно небо сквозь просторы.

Вот и водопой, прохладная водица!
Рыба резво плещется в реке!
Кажется, теленку не напиться
От радости воде!

Закат накрывает голубые просторы.
Алые полосы струятся вдали.
А мама с теленком лежат и любуются
И мечтают о важном они!

Бессонница

Небо, как хрусталь, рассыпается
На тысячу звезд небосвода души.
Отдамся безнадежной бессоннице
И поникну в серой глуши.

Боль пронесит сожаленье,
Сквозь окно моих сомнений.
Снег ложится панацеей
На безмерное неверье.

Ночь объята сладким сном
Только за моим окном.
Бодрость тает в тишине,
Но со мной наедине!

Все машины замело.
Как красив ночной поток!
Одинокую луну
Вяжут звезды поутру.

Словно Ангел вдруг поднялся!
Свет в молчании немом.
И рассвет ко мне подкрался
Алым шёлковым крылом...

Это что за мир?

Плачет душа каплями,
Которые у меня на окне.
Покрылась потоками слез
И плачет на тонком стекле.

Задержите меня хоть на час,
Остановите меня в этом мире.
Я на перепутье сейчас,
Перекрёсток вселенной у меня
в квартире.

Задержите маршрут, я сойду!
Этот мир – он мой?
Если в нем есть он, тогда я задержусь,
Исцеление в нём водой слёз обрету.
Если нет, я упаду, разобьюсь,
стану навек немой!

Вочинение-описание по картине

На причале лодка слегка плавает.
Легкий лесной ветерок.
Облака невесомые падают,
Оставляя солнце за собой.

Волны, покачиваясь, брезжат,
Сверкают, искрятся вдали.
Яблоня ветки свои преклоняет
Перед узкой тропкой меж травы.

Дачный домик в прямом блаженстве.
Рядом взошли изумрудные розы.
Плавает в пруду увиденное в детстве,
И туманят полдень мои девичьи грёзы.

Колодец, нешумно булькает вода.
Сладкий запах чая и малины.
Проходят задумчиво года,
Август треплет синие заливы...

Памятное место

Я смотрю на жёлтые деревья,
Фотографирую увиденное вновь.
Прихожу сюда я от безмолвья,
Хотя мне и так нелегко.

Горы ласкают нежное солнышко.
Небо чистое, словно акварель.
Трава зеленая, колосок на золоте –
Поселился он недавно здесь!

Небеса грозно багровеют.
Три горы, как три орла, над землей.
И деревья под ними темнеют
Под стальным гнетом каменных оков.

Но вот замирает сердечко,
Душа, как клетка для Жар-птиц!

Бутон опадает на землю,
Под голубую сосну.
Лишь один лепесток лепечет,
Кричит во всё горло: «Я не усну!»

Платье прекрасной жницы
Ветер безжалостно рвал.
Мои промокли ресницы,
А он всё бросал и кидал.

Голова закружилась от боли.
Травой всё запахло в саду.
Если бы всё зависело от моей воли!..
А так, я лучше пропаду!

Огонь обжигает ладони,
Я парализована совсем.
А мне улыбнулись бегонии,
Они всегда радуются всем.

Не надо говорить: «Всё в порядке!», –
От этого тяжелее всем.
Лишь маленькой, невзрослой малявке
Вы скажете: «Всё в порядке!
Всё прошло. Совсем!»

Наверное, я схожу с ума,
Разговаривая с садом цветочным.
Мне мерещится рыжая кума
И волк, наступающий шагом неточным.

Ах, это всё не сон –
Это лишь другая реальность!
А где это было и куда ушло?
Загремела посудой проснувшаяся
банальность...

Неужели всё это сон?
Думать – глупое дело...

Осенняя молитва

Завораживает взгляд
Осенняя картина.
Меня притянет, словно яд,
Последняя молитва.

Срывает ветер хрупкие листочки,
Унося их в небо далеко,
Они летят, как жёлтые платочки,
И на душе становится легко.

Природа засыпает в волшебной
колыбели,
И окна замерзают, и замирают качели.
И солнце уходит за голубой горизонт,
И накрапывает дождик на зонт...

Детство

Дорога нам каждая минута,
Проведённая с детством дорогим,
И та любовь, забота,
Что дарит мать детям своим.

Ласка, забота, мечта и любовь, –
Я запомнила детство, как сказочный сон.
Как будто попала в детство я вновь,
В свою комнату, в родной отчий дом.

Моя любимая игрушка,
Картины: скалы, море, пушка,
Мои волшебные мечты
И азбука – от А до Ы...

Слёзы на душе

Слёзы катились по щекам
Медленно и жалко.

Я, как ваза, разбитая с утра,
И на душе так гадко!

Я закрываю страницы
Книжки записной,
Не замечаю знакомые лица
И кричу: «Я хочу быть с тобой!»

Моих зрачков почти не видно
Из-за слёз, и мне так стыдно!..
Неслышная, изменённая,
Никудышная, непокорная...

Открываю глаза –
Вижу только тебя!
Я надеюсь не на себя –
На тебя, Душа!

Отражения

В окнах автомобиля краски играли,
Отраженье блистало на солнце.
Волнами краски по окошку ныряли,
Отражалось солнце в глянце.

Отражаются дали, горы, скалы,
Деревня, луга, в степях шакалы.
Ветки деревьев вечер качают,
На звёздное небо луну он бросает.

В окне могу увидеть слёзы,
Свою обиду, злобу, смех,
Потёртые ладони, грёзы,
Школьный бал, доску и мел.

Могу увидеть отраженье
Надежды мамочки моей:

Во взгляде грустном вдохновенье,
Погладит волосы рукой своей...

В лужах отражаются дождик,
Солнышко нового, ясного дня,
Наш с мамой небольшой огородик,
Но лучшее отраженье – моя родня.

Немного

об окружающем мире

Погляди вокруг,
Улыбнись мне, друг!
Как прекрасен этот мир,
Посмотри!
И как чудесна простота –
Обычные, обыденные дела.
Ведь мы сотворили этот мир,
Гляди!
Каждое деревце выращено нами –
Человеком: мной и тобой!
Были посажены цветы на поляне
Людьми: тобою и мной!
И самый простой лепесток
Выращен трудом и заботой,
Хранит нашу память даже вялый
цветок –
От любви, доброты он живой до сих пор.
И если это всё уничтожить,
Погибнет всё, до последней черты.
Мы злые и непохожие
На друзей своих, любимых и родных.
Храните счастье в душах своих
До последнего огонька света!
Любите, храните, защищайте родных –
И силы добра будут с вами навеки!

МОЯ ДОРОГА К ХРАМУ

У каждого человека есть своя позиция в отношении того, чему он принадлежит, куда идти в случае трудного выбора. Конечно, при рождении судьба самостоятельно избирает людям покровительство и храм, но в процессе жизни мировоззрение может измениться.

Я родилась в России, моим православным мировоззрением я только горжусь. Я считаю, что даром, данным Богом, не разбрасываются. Любой человек имеет право на любовь. А молитва, которая ведет человека на путь истинный, помогает избежать грехов, исцелить душу, излить её священнику, чтобы не чувствовать себя обреченным, помочь себе, принимая все свои попытки нагрешить.

Самые верующие – это люди, которых крестили ещё новорожденными. Их вечные защитники – ангел-хранитель и крестик-спаситель. Родители всю жизнь говорят: «Не снимай цепочку с крестиком, в беду попадешь». На личном опыте знаю, как дорогие моему сердцу люди чудом не погибали, когда остальные были уже мертвы. Скажете: «Это не из-за крестика, просто повезло!» Я не знаю правильного ответа, никто не знает, может, это судьба или же какие-то до-

брые силы защищают человека. Но важно то, что я верю в небеса, в Бога, верю в рай и ад. Я стараюсь не грешить, но какие люди безгрешны?

В древнем мире было множество верований и мифов. Люди верили, что после смерти человек превращается в какое-либо существо в зависимости от своих поступков в «земном» мире, например, если были добрые поступки, человек становился бабочкой. Также хоронили людей с личными вещами: с луком, с кубками, украшениями, любимой лошастью. Сейчас же умершего человека закапывают в землю, его поминают в Родительский день, дети плачут, и слезы каплют на могилу.

Для меня смерть – это безвыходное положение. Смерть за смертью, грех за грехом и лишение крыльев за спиной, разум в плену. Ты потушаешь, оставляя лишь небольшое свечение.

Но мое сердце не умрет, и твое тоже, если в нем есть любовь, милосердие и искренность. Эти светлые качества приносят ЖИЗНЬ! Люди планеты, ЖИВИТЕ, и ангелы будут вас беречь! Молитесь святым, очищайте душу, и станет легче. Не будет родительских мук. Станьте добрее, и ваши друзья поймут ваши ценности. Приезжайте к родителям и плачьте от радости с ними. ЛЮБИТЕ!

Светлана Коптелова

Светлана Коптелова, 15 лет.

Занимается в пресс-центре «Поколение Next» с 2014 года. Писать начала с 14 лет. Сейчас – автор рассказов, повести, стихотворений.

Кроме журналистики и литературного творчества занимается актёрским мастерством, танцами. Любимая книга – «Лукоморье» Сергея Бадея. Любимый жанр в литературе – фэнтези и детективы.

Собирается учиться на экономиста.

КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Приближается 70-летие со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Каждый год на 9 мая нам показывают фильмы о войне. Бывает, старые, бывает, современные. И однажды, просматривая фильм «Мы из будущего», я услышала песню «Кончилась война». Эта песня заставила задуматься, а что чувствовали люди на войне? Что чувствовали, когда им сообщили о том, что война закончилась?

Задавшись этими вопросами, я осознала, что этих чувств мне не понять. Не побывав на войне, я не пойму их. Не пойму той отчаянной надежды, той небывалой решимости, что сопровождали людей в боях и в тылу.

Мне не постичь, каково это – чувствовать, что война закончилась, чувствовать ту смесь легкого недоверия и оглушающего счастья.

Мне не постичь, каково это – встречать родных людей после разлуки. Тогда, когда была реальная возможность никогда их не увидеть, и горя тех, у кого эта возможность осуществилась.

В фантастическом фильме «Мы из будущего» хорошо переданы все эти эмоции. Когда наблюдаешь за героями, создается ощущение, что ты тоже находишься там. И вы вместе ищете путь домой, в своё время. В тишину...

Что меня порадовало, так это изменение характеров героев. С каждым прожитым днём они менялись. И из чёрных копателей они стали настоящими защитниками Родины.

Всем известно, что годы войны – тяжёлое время. Но, посмотрев фильм, не просто видишь – осознаёшь это как реальность. И начинаешь ещё сильнее уважать людей, прошедших войну. Уважать тех, кто отважно сражался и достойно выдержал это испытание.

Этот фильм заставляет понять важные для любого человека вещи. И это не только уважение к ветеранам. Фильм «Мы из будущего» показы-

вает, как важно обещание, слово. Ведь все началось именно с него.

Парни, не особо обремененные понятиями чести, совести, патриотизма, занимаются раскопками. Они чёрные копатели, которые продадут всё найденное. А найденное – это вехи истории, память о погибших предках, защищавших рубежи страны. И вдруг появляется бабушка, которой они необдуманно дают обещание найти вещь её погибшего родственника.

Меня впечатлил этот фильм, потому что он учит любить свою Родину. Учит быть храбрым и достойным. Учит быть человеком. И это обучение происходит исподволь, незаметно, не как на уроке, но в такое же сжатое время.

*В руках автомат, потому что солдат.
Блестят ордена, потому что война.
Вернулся домой, потому что герой.
Вернулся домой живой.*

Игорь Лобанов

ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Приближается 70-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Мы вспоминаем людей, что бились в этой войне. Вспоминаем и тружеников тыла. Но иногда мы забываем военных корреспондентов. А ведь они не менее важны. Это они сообщали информацию из горячих точек, с фронтов и оккупированных территорий, рискуя жизнью. Благодаря фронтовым корреспондентам люди знали, что происходит на войне.

В 1943 году К. Симонов написал «Песню военных корреспондентов». Написал он её по пути с одного фронта на другой, из освобождённого Краснодара в ещё не освобожденный Ростов-на-Дону. И пока Матвей Блантер не написал для песни собственную мелодию, она исполнялась на мотив «Мурки». Оказалось, что по требованию цензуры были заменены некоторые строчки. После всех этих изменений стихотворение стало песней.

Песня была написана специально для военных корреспондентов. Это было давно, но можно ли забыть этих мужественных людей? Людей, что добывали правду в жестокие годы войны. Например, военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Анатолий Калинин.

В сентябре 1941 года он командирован на Южный фронт как специальный военный корреспондент «Комсомольской правды». Работал Калинин в разных жанрах: репортаж, очерк, путевые заметки, портрет.

Этот человек вызывает мое восхищение, ведь, как в песне К. Симонова:

*От Москвы до Бреста нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли,
С «Лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.*

Анатолию Калинин у пришлось побывать в различных опасных ситуациях. Он не понаслышке знает, «как пешком шагали, как плечом толкали, как мы попевали раньше всех».

А. В. Калинин прошел долгий путь как по дорогам, так и по литературным тропам. Так как большую часть своего фронтового пути Калинин прошел вместе с Донским 5-м гвардейским кавалерийским корпусом, в его рассказах они занимают важное место.

В основу романа «На юге», который Калинин пишет в 1944 году, легли боевые действия, в которых принимал участие казачий корпус. А воинской дружбе посвящен роман «Товарищи» (1945). Сам Анатолий Вениаминович был дружен с Виталием Александровичем Закруткиным. Их дружба завязалась на фронте, что, как я считаю, делает её только крепче.

В судьбе А. В. Калинина немалое место заняли бесконечные дороги фронтового корреспондента «Комсомольской правды». Он прошёл этими дорогами и непокорённый Сталинград, и дважды взятый Ростов.

Этот человек действительно заслуживает уважения. Ему недаром присудили множество наград, среди которых орден Ленина и орден Отечественной войны I и II степени.

И я надеюсь, что эти строки из «Песни военных корреспондентов» К. Симонова окажутся пророческими, и таких людей не забудут:

*Вытьем за победу, за свою газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит, кто-нибудь напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой...*

ТАНГО СМЕРТИ

Однажды, гуляя по просторам Интернета, я наткнулась на композицию «Танго смерти» в исполнении Антонио Вивальди. Эта музыка воплощает в себе и надежду, и отчаянье, и какую-то нечеловеческую тоску. Решив узнать об этом впечатляющем произведении побольше, я наткнулась на эту историю.

Во время пыток, истязаний и расстрелов в концентрационном лагере «Яновский» (г. Львов) всегда играла музыка. Оркестр состоял из заключённых, они играли одну и ту же мелодию – «Танго смерти». Автор этого произведения остался неизвестным. В числе оркестрантов были – профессор Львовской государственной консерватории Штрикс, дирижер оперы Мунд и другие... В Яновском концлагере под Львовом во время экзекуций оркестр из заключённых музыкантов играл «Танго смерти». А незадолго до подхода советских войск все оркестранты, прямо во время последнего исполнения этой музыки, ставшей символом ужаса, во главе с дирижёром львовской оперы Мундом и профессором львовской консерватории Штриксом также были расстреляны в духе вагнеровских мистерий и в подражание «Прощальной симфонии» Гайдна. Попытка восстановить звучание этого «Танго смерти» не увенчалась успехом – ноты не сохранились, а несколько уцелевших узников при попытке воспроизвести мелодию по памяти впадали в транс или заходились в рыданиях...

Лучше узнав о Яновском концлагере, я пришла в ужас.

Площадью в 2990 квадратных метров, ограждённый каменной стеной, со сторожевыми вы-

шками с интервалом в пятьдесят метров, этот лагерь был местом пыток, мучений множества людей.

Каждый из офицеров охраны придумывал свои способы убийства и массового уничтожения людей. В лагере существовала «добровольная виселица» для людей, которые уже не могли терпеть издевательства. По моему мнению, это был самый ужасный концлагерь во время войны.

Разыскивая информацию о нём, я нашла стихи, положенные на музыку. Они были написаны Ларисой и Львом Дмитриевыми в 1980 году. Название такое же, как и у мелодии «Танго смерти». Вот некоторые строки:

*Два года – двести тысяч павших.
Под «Танго смерти» шёл расстрел.
И музыкантов, порохом пропахших,
Ждал скорбный, как и всех, удел...*

*Над всей Землёю скрипки всё рыдают.
Под звёздным небом люди умирают...
Опять расстрел! Терзает души «танго».
О «Танго смерти», «Танго смерти»!
Забвенья – нет!*

В 1982 году Игорь Малишевский вместе с испанским режиссёром Арнальдо Фернандесом создал документальный фильм «Восемь тактов забытой музыки». Этот фильм сделал достоянием гласности историю лагерного оркестра.

Я задалась вопросом: «А кто же автор мелодии?» Но однозначного ответа, увы, не нашла. Лишь предположение, что это могло быть переделанное польское танго «*To ostatnia niedziela*» («Последнее воскресенье»).

А в 1992 году на территории «Яновского» был установлен большой мемориальный камень, на котором на трёх языках написано, что в этом месте во время войны находился концлагерь. Это – дань памяти ушедшим. Я думаю, что нельзя забывать тот кошмар, чтобы он не повторился вновь.

«Танго смерти» угнетает, это тяжёлая музыка. Но её нужно слушать хотя бы раз в год, накануне Дня Победы – праздника с сединою на висках. Это нужно, чтобы почтить память павших.

ЧЕРЕЗ ВСЮ РОДИНУ ДО ПОБЕДЫ

За столом сидели мужчина и женщина, о чём-то ожесточённо споря. Мужчина был спокоен и пытался что-то объяснить. Женщина же, напротив, самозабвенно кричала, абсолютно не слыша собеседника.

Вот женщина выскочила из-за стола и, громко хлопнув дверью, выбежала из дома. Мужчина тяжело вздохнул и посмотрел в окно. Сквозь тюль виднелся подёрнутый пылью зелёный луг, на котором паслись животные. Их было немного, всего лишь две овцы да баран, а рядом, в загончике, – несколько кур. Петуха было почти не видно, только яркий окрас позволял выделить его около сарая.

Женщина, что вышла из дома, тоже была видна из окна. Она была немолода, неумолимая старость всё быстрее приближалась к ней. Лицо её уже тронули морщины. Дородная фигура просматривалась через длинный сарафан, достающий до пят. Волосы женщины были запряты под тёмный платок, на котором виднелись какие-то бледно-красные цветы.

Окинув взглядом избу, женщина заметила мужчину, наблюдающего за ней. Он с виду, да и по возрасту, был гораздо моложе стареющей женщины. Одет он был в белую рубаху, на которой заботливой женской рукой были вышиты узоры. Мужчина спокойно и твёрдо смотрел на женщину, не двигаясь и не отводя взгляда. Лишь тёмно-русые волосы шевелились от порывов лёгкого ветерка.

Увидев мужчину, женщина в ярости топнула ногой и, сплюнув, развернулась и быстро пошла прочь. Мужчина снова вздохнул и тихо проговорил: «Ничего ты не понимаешь, Марфа».

Он знал её с пеленок, Марфа постоянно была с ним. Он не помнил ни единого дня из своей жизни, когда её не было бы рядом. Всегда понимающая его с полуслова, ласково зовущая его Сашенькой, она заменила ему погибшую мать. Марфа поддерживала его, что бы он ни делал. И вот сейчас она категорически не желала принять его выбор! Мужчина снова вздохнул.

В это время Марфа зашла в сарай. Пахло скошенным сеном, слышались кудахтавшие куры и редко блеющие овцы. Если прислушаться, можно было различить, как вдалеке хлопают крыльями соседские гуси. Но Марфа, ничего не замечая, сползла по стенке и уткнулась головой в колени. Она вспоминала, как всячески уговаривала своего Сашеньку, но он не желал её слушать. От воспоминаний по её щекам текли слёзы, но Марфа не чувствовала этого. Её родной человек, ставший для неё сыном, не понимал её. И вновь безутешная женщина заливалась рыданиями.

Казалось, только вчера разразилась война. И Александр загорелся идеей уйти добровольцем в солдаты, защищать свою Родину. Поскольку никто не думал, что война будет долгой, мобилизация пока коснулась Александра, ведь он работал на производстве. Но всё равно Александр рвался на фронт. А Марфа, переживая за него, не давала возможности уйти.

Он не понимал, как тяжело всё это для неё, и злился. Злился на то, что она находила множество причин задержать его. Александр не выдержал и решил поговорить, чтобы расставить всё по своим местам. Слово за слово они поссорились. Никто не хотел понять другого, даже родного человека.

Марфа после их разговора поняла, что больше не сможет его удерживать. Её упрямый Сашенька уйдёт. Ну что ж, раз так, то нужно сделать так, чтобы он не ушёл в чём есть. Он может, она знает это. Марфа решила помочь ему. Не понимая и не принимая, она всё же поможет ему. Это решение далось ей с трудом. И она будет следовать своему решению. Поэтому, встав и утерев слёзы, Марфа отряхнула сарафан и пошла собирать вещи для Сашки.

А Александр тем временем только подтверждал догадки Марфы. Он действительно подумывал отправиться прямо сейчас, только в том, что на нём. Но открывающаяся дверь отвлекла его.

В избу вошла Марфа. Они смотрели друг другу в глаза. Продолжалось их противостояние недолго. Глядя в спокойные глаза Саши, Марфа отвела взгляд и сказала: «Я пойду, соберу тебе

вещи». Услышав это, он встал и подошёл к ней. Поцеловав в щеку и обняв, ответил тихим шепотом: «Спасибо».

Женщина едва не начала плакать, но сдержалась. Погладила сына по голове и зашла в комнату. Когда Марфа собирала вещи, несколько слезинок всё же скатилось по щеке, но она решительно провела ладонью по лицу, стирая их. Саша не должен видеть, как она плачет. Ему тоже тяжело, не стоит делать ещё хуже.

Александр зашёл в комнату, когда Марфа уже почти закончила. Неловко потоптался на месте и, когда вещи были собраны, развернулся и пошёл на выход. Но только он сделал шаг, как Марфа схватила его за рукав. С надеждой посмотрев на Сашу, она, затаив дыханье, спросила: «Ты же вернёшься?» Александр сдержанно, но решительно ответил: «Вернусь». Потом, не оглядываясь, вышел из избы.

Марфа кинулась к иконе и начала молиться о благополучии её Сашеньки. Просила святую деву-заступницу, чтобы он остался жив. Слёзы катились, не переставая. До самого вечера Марфа просидела на коленях перед иконой.

Александр не оглядывался, просто шёл вперёд. Он знал, куда идёт, и понимал, что может не вернуться живым. Но парень не сожалел о своих словах. Он действительно постареется, и всё у него получится. Он обязательно выживет и вернётся к матери.

С таким настроением он и стал солдатом. Его определили в пехоту – царицу полей.

На войне было трудно. Настолько, что иногда он хотел больше никогда не появляться в части. Было огромное желание всё бросить, но Александр держался. Ничто не могло сломить его. Даже самое главное испытание в его жизни – смерть друга.

Весельчак, балагур, Петька был душой компании. Всегда поддерживал солдат. И он совсем не верил, что умрёт, даже видя смерть других. Петька просто не хотел верить в это, и другие тоже начали так считать. Он пережил год войны. И всё. Его не стало. Уверившись в своей неуязвимости, ни разу не получивший ранений Петька шёл в первых рядах. И это его погубило.

Всем было жаль паренька, который умел развеселить и поднять боевой дух. Но Саше при-

ходилось хуже всех. Все понимали, что идёт война, что это не первый и не последний погибший. А для Саши этот весёлый паренёк стал другом. С ним Петька делился историями из своей жизни. Саша уже так хорошо знал мать Петьки и его самого, как будто прожил рядом с ними всю сознательную жизнь.

И всё же Александр не сломился после трагедии, он выстоял. Только теперь у него не было друга. Саша боялся, что подобный случай может повториться, поэтому никого не подпускал к себе. Даже письма домой он почти не писал. К тому же его вера в то, что он обязательно выживет, гасла с каждым прожитым днём.

А Марфа верила и надеялась. Сашенька ведь сказал, что вернётся. Она ждала и каждый день молилась. Война затягивалась. Всё чаще приносили в село похоронки и всё реже – письма. Сама Марфа получила лишь четыре письма за год службы Саши. Но она не отчаивалась и делала всё, что можно сделать в тылу для фронта. Марфе казалось, что так она ближе к Сашеньке. И два родных человека трудились на благо Родины, отечества.

Шло время. Всё хуже приходилось людям, всё больше было смертей. Марфа больше не получила писем. Ни единого письма до неё не дошло, потому что во время очередной бомбёжки ей пришлось уехать.

Это было страшно. Снаряды, летящие с неба. Умирающие люди. И не скажешь, что тыл. Это был настоящий фронт. Марфе пришлось всё бросить, чтобы спастись. Избу, вещи, скотину, всё она оставила позади. А через неделю очередной снаряд уничтожил её дом. И пути назад не осталось. Некуда...

Александр к этому времени уже успел получить крещение первым ранением. Нечаянная пуля попала ему в ногу. Солдата просто зашили и оставили отлёживаться в лазарете. С непривычки Саша хромал, но со временем он привык, и его хромота была практически незаметна. Раненая нога начала ныть к дождю, служа предсказателем погоды.

Саша и Марфа больше не могли общаться, но поделаться они ничего не могли. Им оставалось

лишь надеяться, что после войны они смогут найти друг друга.

Многое пришлось пережить каждому человеку во время войны. И после тоже. Не всем удавалось найти родных. Некоторые находили лишь могилы. Марфе повезло – Сашенька сам нашёл её. Пройдя через всю страну туда и обратно, он прошёл ещё все этажи сельских райсоветов в поисках эвакуированных жителей родного села и разыскал приёмную мать.

Он прислал письмо, чтобы встречала его на вокзале соседнего села.

Сначала она не узнала его. На щеке появился шрам, взгляд стал суровым и жёстким. На лбу залегла складка. Когда Саша подходил к ней, она заметила, что он немного хромает.

Марфа нерешительно сделала первый шаг, а потом бросилась к Саше. Обняла его, а Саша неловко ответил на объятие. Она неразборчиво шептала: «Вернулся... Живой... Молилась...».

Почувствовав тепло Сашкиного тела, Марфа поняла, что это не сон, что они всё-таки встретились. Слезы полились, делая мокрой рубашку Саши. Слезы радости. Марфа была счастлива снова увидеть Сашку, своего названного сына. Пусть хромым, но живым. И на мгновение показалось, что по щеке Сашки тоже скатилась слеза. А может, это свет так падал. Кто знает?

ВСЁ К ЛУЧШЕМУ

Был обычный день только наступившей весны. За окном, как и последние два дня, шёл дождь. На семейной трапезе присутствовали все: отец семейства Роберт де Вьен, старший сын – Арман, второй сын – Филипп, третий сын – Гильом и последний, четвёртый сын – Арно. Матери у них не было, она скончалась, когда Арно было 4 года.

Арно де Вьен был невысокого роста, с тёмно-рыжими волосами и карими глазами. Его можно было назвать худошавыми и слабым, но Арно был жилистым. Он был очень похож на отца, только родинка на щеке (от матери) и молодость отличали его от главы семьи. Несмотря на то, что

владений у отца было немного, Арно надеялся на неплохое наследство после смерти Роберта. Однако обстоятельства сложились иначе...

За столом стояла тишина. Все были заняты едой, которой было предостаточно для пяти мужчин. Основным блюдом была рыба, а напитком – вино. На столе стоял поднос с разнообразными пирогами с начинками из мяса, яиц, овощей. Хлеб на столе был хорошего качества, что свидетельствовало о высоком положении их семьи.

Арно казалось, что Арман и Филипп как-то странно себя ведут. Они были напряжены, внимательно наблюдали за отцом.

К концу трапезы Роберт внезапно свалился со стула. Когда Арно и Гильом бросились к нему, Арман и Филипп лишь наблюдали за ними, не пробуя помочь. У Роберта покраснела кожа, из горла вырывались лишь хрипы. Ни Арно, ни Гильом не смогли ничего сделать. Роберт де Вьен умер.

Младшие сыновья искренне жалели об этой утрате, они любили отца. Ни один из них не знал, что старшие братья уже год вынашивали планы устранения отца, они не знали, что недавно старшие братья приобрели белладонну, яд, что убил их отца. Им стоило немалых трудов найти знающего человека. Этим человеком оказалась девушка, которую подозревали в колдовстве.

Братья пообещали ей защиту в обмен на нужное растение. Но своего обещания они не сдержали. Как только в их руках оказалась белладонна, они, боясь разоблачения, сдали несчастную в руки церкви.

Когда её забирали, она обернулась и посмотрела на них. Среднего роста, с тёмными, почти чёрными волосами, она была немым укором их поступка. В глазах, наполненных слезами, виднелась радужка, которая у неё была, как у настоящей ведьмы, – практически неотличимая от зрачка. Но братья равнодушно отвернулись от обреченной девушки. Их больше не заботила её судьба.

Пока убитые горем Гильом и Арно пытались свыкнуться с мыслью, что отца больше нет, Филипп подошёл сзади и вонзил в спину Гильома нож. Арно в замешательстве посмотрел на Фи-

липпа. Он не мог понять такой подлости. Тем временем Гильом умирал. Это было неотвратимо, – видимо, были задеты жизненно важные органы. Его было уже не спасти. Но в попытках хоть как-то помочь, Арно вынул кинжал, сделал только хуже. Пошла кровь. К сожалению, это лишь ускорило смерть. Не прошло и минуты, как Гильом скончался.

Арно не был глуп, он уже начал догадываться, кто виновен в смерти отца, убийство Гильома лишь подтвердило эти догадки. Но он также понимал, что ему нужно бежать, скрыться. Умирать так рано он не хотел.

Надеясь на удачу, Арно бросился бежать. Его бегство не осталось незамеченным. Но братья решили, что Арно не представляет опасности. И действительно, что он мог сделать? Ничего.

Арно бежал, пока не выдохся. Он практически достиг границ земель, на долю которых когда-то надеялся. Но дела ему до этого не было, его больше занимало будущее. Что ему делать? Он остался один, в вещах, неподходящих по погоде, лишь с кинжалом, что сжимал в руке. На кинжале остались следы крови Гильома, не до конца смытые дождем.

Арно не был настроен долго рассуждать о том, что случилось, и философски размышлять на эту тему. Главное, что он жив, остальное поправимо! Примерно так он думал. У него начал созревать план действий. У него есть оружие, пусть это всего лишь кинжал, но он острый. В их замке всегда заботились об оружии на случай нападения соседей. Отец говорил им, что всегда нужно присматривать за оружием, ведь неизвестно, как сложится ситуация. И так, у него есть кинжал, но нет подходящей для странствий одежды. Зато есть сила и ловкость. Что из этого следует? Арно понял, чего можно попробовать добиться с этим. О дворянской чести он даже не задумался. И действительно, какая честь, если на кону его жизнь, его будущее?

План был прост. Даже слишком. Всего лишь выйти на дорогу, напасть на путника, а дальше по обстоятельствам. Это было необдуманно, рискованно и, в конце концов, глупо. Но Арно, охваченный азартом от предстоящей авантюры, не понял этого...

Дождь уже закончился, когда Арно затаился у дороги. Дело не заладилось с самого начала. Арно ждал до сумерек, успел проголодаться, продрогнуть, хотя после дождя его одежда успела подсохнуть. Никого не было. Ни один человек не прошёл по дороге.

Азарт уже успел покинуть парня, и Арно отчаялся. Мысли его постепенно переходили на его незавидное будущее. Он успел придумать себе уже несколько смертей. От голода, холода, болезни.

Когда Арно собирался уходить, ему пришлось делать разминку, настолько затекли его конечности. И вот, покончив с этим, парень уныло бредет по дороге от замка. Не замечая ничего вокруг, он вышел на середину дороги. Он не слышал ни конского ржания, ни стука копыт. А они были, это был гонец, направляющийся к Петру Пустыннику.

Следующие события произошли молниеносно. Лошадь быстро мчалась. Когда её заметил Арно, было поздно уходить с дороги. В попытке защититься, Арно загородился рукой. Парень не пострадал, всадник успел повернуть лошадь и избежать столкновения. Но не до конца. Лошадь напоролась на кинжал, что был у юноши в руке. Рана пришлась на ногу. Лошадь рухнула. Следом с нее свалился гонец.

Оглушённый ударом, он замер. Арно бросился к нему. Сначала он хотел помочь, но после вспомнил про первоначальный план. Гонец стал для него объектом ограбления. Поэтому вместо помощи он получил удар рукояткой кинжала в висок. Арно не был готов убивать, поэтому он лишь оглушил бывшего всадника коротким ударом.

Обыскав гонца и его поклажу, юноша забрал деньги, оружие, плащ. А также флягу с водой. Это было кстати, после всех событий ему хотелось пить.

Суму гонца Арно забрал себе. Сложил в неё деньги и уже пустую фляжку. Услышав какой-то звук со стороны гонца, Арно поспешил укрыться в зарослях у дороги.

После недолгих раздумий он решил утром направиться в ближайший город. Уже темнело, к тому же Арно устал, поэтому он торопливо

начал обустривать место для ночлега. Для этого нужно было забраться в заросли еще глубже, найти там подходящее место и натаскать веток для лежака. Закончив с этим, Арно весь вымок. На листьях еще оставались капли закончившегося дождя. Усталость взяла своё, и парень быстро уснул, с трудом устроившись на неудобном лежаке.

Проснувшись, Арно почувствовал, как затекли ноги и спина. Еле двигались руки. Шея отзывалась болью на любое движение. Ему пришлось разминаться, чтобы хоть как-то привести тело в форму. После тренировки ему стало легче, его конечности стали нормально работать. И парень отправился в город.

Идти ему пришлось долго. В городе Арно услышал речи амьенского монаха Петра Пустынника, чьего гонца он ранил и ограбил. Монах призывал к освобождению священного города Иерусалима и Святой земли от мусульман. Арно был весьма просвещённым юношей. Он знал, что Иерусалим – торговый центр Востока. В его голове промелькнула мысль о том, чтобы нажиться на этом походе. К этому времени у него остались весьма расплывчатые понятия о чести, так что к решению он пришел быстро.

Пётр Пустынник был талантливым оратором и проповедником, на его призывы откликнулись несколько десятков тысяч бедняков и мелких рыцарей. Но это было большей частью неорганизованное полчище. О какой организованности можно говорить, когда безоружные крестьяне брали с собой жён и детей? В марте 1096 года монах повёл за собой многотысячную толпу. И Арно отправился с ними.

Путешествие протекало для него трудно. Не лучшие условия жизни, плохое питание и тяжкие думы делали путь хуже, чем он предполагал. Размышления о предательстве братьев, о смерти отца и брата, о том, что не смог помочь им – все это давило на Арно.

Пытаясь отрешиться от этих мыслей, он начал больше тренироваться. Хотя он и до этого уделял время на укрепление мышц, сейчас Арно увеличил нагрузку и время тренировок. Отец растил своих детей если не воинами, то хотя бы теми, кто может постоять за себя. Раньше он был

просто жилистым, теперь стала прорисовываться мускулатура. На него стали заглядываться девушки, что путешествовали вместе со своими семьями. Арно было всё равно. Какое-то время его даже занимали мысли о мести, но он отбросил их. Он решил начать всё с чистого листа.

Во время похода Арно иногда разбойничал. Это не составляло труда. За людьми не следили. Так что он иногда отставал и занимался своими делами. Потом он нагонял товарищей по походу. Со временем он купил лошадь, и его разбойные нападения стало ещё легче осуществлять.

Понемногу сумма накоплений росла. Его сбережения позволяли ему сносно питаться и иногда покупать одежду. Также он обновил оружие, однако кинжал был с ним всегда. Арно тщательно ухаживал за ним и считал его чем-то вроде талисмана. Ведь с его помощью он ещё жив.

К сожалению, путешествие ему значительно портили крестьяне. Арно де Вьен когда-то был, хотя лишь безземельным наследником, но дворянином. Ему претило путешествовать с необразованными бедняками. У них отсутствовал такт, и они часто ненароком били по больному месту юноши. Чувство вины и так душило его, а тут ещё и крестьяне подливали масло в огонь. Они как будто нарочно поминали его семью и спрашивали, почему он один. Но крестьяне не получали внятного ответа. Иногда Арно их резко одёргивал. Они же в отместку нелепо шутили. Всё это раздражало парня.

Неудивительно, что после разграблений в Болгарии и Венгрии Арно отстал от похода и больше не вернулся.

Это спасло его, ведь в крестьянском крестовом походе погибло множество человек. А те, кто выжил, попали в плен (в основном молодые юноши и девушки) и были проданы на мусульманских базарах Малой Азии.

Арно узнал об этом спустя месяц. Примерно тогда начались массовые преследования евреев. Но он не поддавался антисемитскому настроению. Это было воспитано в нём отцом. Тот был терпим к евреям и тому же учил сыновей. Поэтому Арно не спешил убивать людей иной веры, даже иногда помогал им. Правда, услуги он оказывал далеко не бесплатно.

Так прошло ещё четыре месяца. Сбережений у Арно понемногу становилось больше. Но всё равно этого было мало для хорошей жизни в комфорте. И Арно продолжал работать, накапливая деньги.

Все чаще у него возникала мысль: «А что дальше? Как жить?». Планов не было. У него не осталось ни мечты, ни какой-либо цели в жизни. Были, конечно, желания. Но они касались лишь бытовой части жизни.

Во время таких размышлений Арно неожиданно понял, что ему надоело быть одному, что хочется найти товарища, который его поймёт. И, чем чёрт не шутит, сможет заменить брата!

И вот, снова рассуждая о дружбе и товариществе, Арно ехал на лошади, подкованной совсем недавно. В глаза било находящееся в зените солнце. Поэтому Арно заметил чумазого мальчишку только тогда, когда чуть не наехал на него. Мальчик лежал на дороге и не подавал признаков жизни.

Арно спешил и подошёл к нему. Вдруг мальчишка резко подскочил и попытался стащить поклажу. Но только попытался. Арно успел схватить его за прохудившуюся тунику.

Воспользовавшись возможностью, он решил рассмотреть мальчика. Тощий, все лицо перемазано сажей, на нём была выдавшая виды одежда. На руках сквозь грязь просматривались трудовые мозоли.

Пожалев мальчика, Арно начал его расспрашивать. Узнал, что мальчика зовут Алан. После пожара, в котором погибли его родители, он остался одиноким сиротой, идти ему было некуда. Наследства почившие родители после себя не оставили. Родственников, к которым можно было бы пойти, не нашлось. В поселении ему жизни не было. Про это он не рассказывал, а Арно не настаивал. Вот и решил Алан выйти на дорогу в поисках поживы.

Арно это напомнило его собственную судьбу. Он тоже сирота. Тех людей, что убили отца, братьями назвать язык не поворачивался. Так что он тоже одинок. Вспомнил Арно и своё неуклюжее нападение. Подумав, что Алан может помогать ему в пути, Арно решил позвать его путешествовать вместе.

Мальчик явно обрадовался этому предложению и, для вида помолчав, согласился. Потом Алан вроде хотел что-то сказать, даже начал говорить, но оборвал речь на полуслове. И, робко потоптавшись, мотнул головой, мол, ничего. Арно пытался понять, что тот хотел, но у него не получилось сделать это сразу. А вот понаблюдав за Аланом, он понял, что мальчик голоден. Алан практически не отрывал взгляд от сумы с едой и фляги, где находилась вода...

Накормив и напоив мальчика, Арно посадил его на свою лошадь. Сам он пошёл рядом, ведя лошадь под уздцы. Алан начал так увлечённо вертеть головой по сторонам, что едва не свалился. С первого взгляда было понятно: мальчик впервые оказался верхом на лошади.

В это время Арно понял, что не рассказал Алану, как добывает средства на жизнь. Сам он привык к этому, разбой уже не волновал его. Но его беспокоила реакция Алана. Вдруг он отвернётся от него, так и не успев стать товарищем? Да, он понимал, что мальчик сам чуть не ограбил путника, то есть Арно. Только вот сделал Алан это от отчаяния и безнадёжности. Как он отнесется к грабежу, если он станет постоянным источником дохода?

Чем больше возникало вопросов, тем страшнее становилось Арно. Он ещё не успел привыкаться к Алану, но ему не хотелось терять на это надежду.

Пока Арно размышлял, Алан начал замечать его угрюмое выражение лица. Мальчик был оптимистом, хотя такого слова и не знал. Поэтому он попытался как-то развеселить Арно.

Видя потуги мальчика, Арно начал улыбаться, и его дурные мысли отошли на второй план. Ему уже не казалось, что всё так безнадежно. И он понемногу начал выяснять отношение мальчика к разбою и грабежам, изредка спрашивая, как бы между делом. Мальчик и не замечал, что его расспрашивают. Видя интерес со стороны Арно, Алан рассказал ему всё, что тот спросил, и даже немного больше. Его ответы окончательно успокоили Арно.

Мальчик не был благородным и не видел в разбое и грабежах чего-то очень уж плохого. Гораздо хуже для него была работа на земле.

Алан был крепким, поэтому в его поселении мальчика не стеснялись нагружать тяжёлой работой. И именно от этого у него было множество мозолей на руках, прохудившаяся и грязная одежда. Алан рассказал, как трудно ему было. Что, когда он заканчивал работу, у него не было даже сил хоть как-то очистить одежду от грязи, скопившейся за день.

И Арно решился. Он тоже рассказал про свою жизнь. Всё. И про братьев-предателей, и про поход, и про разбой, и про помощь евреям.

Мальчик не осудил его. Может, он просто не понимал всей серьёзности ситуации. Всё-таки Алан был не слишком просвещённым, местами даже глупым. Ведь никто не ставил себе цель учить его. В итоге мальчик принял такой образ жизни.

Арно и Алан постепенно привыкали друг к другу. Арно начал учить мальчика грамоте и наукам. Он обучал его всему, что знал сам. Для него Алан стал братом.

Алан был признателен Арно за всё, что тот для него делал. В глазах мальчика Арно был чуть ли не героем. Даже увидев, как он добывает средства на жизнь, Алан не перестал им восхищаться. Наоборот, ему хотелось стать похожим на Арно. Таким же мужественным, ловким и сильным. Мальчику не пришлось долго уговаривать Арно тренировать его. С тех пор для Алана начались занятия с оружием.

Алан быстро учился, в том числе и обращению с острыми ножами и кинжалами. И всего через год Алан смог стать партнёром Арно в тренировке. А ещё через полгода он стал помогать Арно на дороге. Сначала он просто подстраховывал его, а потом, привыкнув, был полноценным соратником.

Отношения их также изменились. Всё чаще они называли друг друга братьями. Поначалу остерегаясь, они очень быстро привыкли к этому.

Внешность у них была немного схожа, отношения братские. Вскоре все, кого они знали, были уверены, что Алан и Арно братья. Они не возражали. Со временем они тоже начали так считать. Мрачное прошлое забывалось перед ярким настоящим и позитивным будущим.

Арно и Алан много путешествовали – род занятий вынуждал: они не могли надолго оставаться в одном месте. Благодаря этому они знали множество людей и маршрутов.

И однажды дорога вывела названных братьев к замку. Арно поначалу даже не узнал его. Запущение, голая земля вместо живописной зелени. Всё это делало замок неузнаваемым. А ярко светившее солнце лишь подчёркивало мрачность этого места.

Спрашивать, что случилось с владениями, не приходилось. Зная своих братьев, Арно предположил, что они, дорвавшись до власти, обирали собственные земли и поднимали собственное благополучие. Окружая себя роскошью, какой только могли, они заботились о настоящем, не делая ничего для будущего. И теперь земли в упадке.

Но он немного ошибался. Больше не было братьев. Филипп, второй сын, не пожелал делиться. И тем же ядом, белладонной, он спустя несколько дней убил Армана. Тот, ничего не подозревая, принял из рук убийцы еду.

Спустя некоторое время Филипп потучнел, обрюзг. С лица его не сходило презрительное выражение, как будто ему противно всё на свете.

Арно смог увидеть его, когда Филипп ехал куда-то. Арно, несмотря на то, что стал обычным разбойником, чувствовал себя гораздо более достойным человеком, чем Филипп. Даже с виду тот был мерзким, и его злой взгляд только усугублял впечатление.

Видя человека, который был ему когда-то братом, Арно в глубине души пожалел о том, что долгое время считал себя виновным во всём, что случилось с его семьёй. Со временем это ощущение притихло, но не прошло. А сейчас Арно чувствовал облегчение и смог взглянуть на ситуацию со стороны. Смог понять, что прошлое он не хочет возвращать. Не хочет снова быть одной семьёй с таким братом. Ему хорошо сейчас. Легко и просто вместе с Аланом, который уже заменил, нет, не заменил, а стал новым, гораздо более родным его братом. Арно понял, что всё, что с ним произошло, было к лучшему...

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА

«У вас опухоль головного мозга», – сказал врач. Мать, стоящая рядом, отводила глаза, в которых стояли слёзы. Отец мужественно держался, но по крепко сжатым зубам было видно, что это даётся ему с трудом.

Прошло уже несколько лет, а это воспоминание всё никак не даёт ей покоя. Она знает, что жить ей уже осталось меньше месяца, но всё никак не может смириться. Столько усилий она приложила для того, чтобы выжить. Столько денег было потрачено на её лечение. Но как ни старались врачи, ни от чего не было толка.

И всё время у неё было ощущение, что что-то она упустила, чего-то не сделала. И лишь сейчас, когда смерть подошла совсем близко, она поняла, что нужно сделать. Нужно написать последнюю записку.

Она долго собиралась с силами. И вот, собравшись, села и положила перед собой листок и ручку. Обычный листок, выдернутый из тетради, с неаккуратными, рваными краями. И старенькая ручка, что служила ей ещё тогда, когда она ходила в школу.

Сначала она просто смотрела на чистый лист перед собой. Никак не могла подобрать слов. Не знала, как начать. Потом взяла ручку и робко начала писать:

Мама, папа, знайте, я вас люблю и ни в чём не виню. И сами не смейте себя винить. Всё, что вы могли сделать, вы сделали. Мама, не смей плакать, тебе это вредно. Я знаю, что ты в положении, слышала ваш с папой разговор. Знаешь, я думаю, что будет мальчик. Представь, как это будет здорово! Я хочу, чтобы ты отдала всю нежность и любовь, которыми ты окутывала меня всегда, своему будущему ребёнку. Папа! Поддержи маму, ей будет очень тяжело. Я не думаю, что тебе будет легче, но ты мужчина, опора семьи. Ты справишься. Не можешь не справиться...

Вроде всё сказала. Или не всё? Задумалась. Нет, это не всё. Но сейчас ей не хватит сил на-

писать обо всём и закончить. Поэтому она отложила листок и ручку. Потом, побоявшись, что записку найдут, припрятала её, как смогла.

На следующий день она не притронулась к листку. И потом ещё один день. И ещё. Так продолжалось две недели.

Спустя некоторое время она поняла, что ещё может им сказать, как хоть немного утешить. И снова она несмело взялась за ручку.

P. S. Мама, ты веришь в Бога? Да, веришь, в последние годы ты молишься каждый день, постоянно ходишь в церковь. Верь, мама. Верь, что смерть ещё не конец. Верь, что потом меня ожидает рай. Пожалуйста, верь. Так мне будет легче. Папа, ты тоже верь. Я помню, что ты считаешь всё это глупостью. Но ты тоже, пожалуйста, верь. Так всем будет легче.

Теперь всё? Внимательно перечитала. Нет. Это снова не конец. Есть ещё что-то. Но что? В раздумьях она провела весь оставшийся день.

С утра ей стало хуже. Но она всё равно взяла ручку и начала писать. На этот раз это были последние слова. Немного, но они были нужны.

Вот и всё. Прощайте и не забывайте меня.

Как только она закончила писать последнее слово, стало совсем плохо. Она почувствовала, что это всё – конец, смерть. Но она улыбалась, ведь она успела закончить своё последнее, самое важное дело.

ГАДЖЕТЫ?

Я всё чаще замечаю, что жизнь людей, тем более подростков, тесно переплетена с гаджетами. Даже в школе, на уроках, чтобы узнать время, многие достают телефоны, а не смотрят на часы. Я и моя подруга не исключение.

Учимся мы в разные смены. Я в первую, а Аня во вторую. Она немного рассеянная, поэтому часто опаздывает или забывает что-то сделать. Например, задали ей как-то сделать реферат по теме «Гаджеты», а она забыла. И мне пришлось её выручать.

Дело было вот в чем. Её учитель, Михаил Александрович, разрешал читать рефераты и

доклады с телефонов и планшетов. Он понимал, что иногда ученики делают всё в последний момент и не успевают распечатать или переписать материал. И вот этим Анька беззастенчиво воспользовалась. Она перед уроком позвонила мне и предупредила, как намерена действовать. Она должна была писать мне СМС с вопросами, а я бы на них отвечала. Пока она не начала реферат, я немного поискала информацию в Интернете, чтобы было полегче. Ведь делать всё нужно будет быстро, чтобы Михаил Александрович ничего не заподозрил.

Это выглядело так:

Аня: Что такое гаджет?

Я: По Википедии: Гаджет (англ. gadget, приспособление, прибор) – устройство, недавно появившееся на рынке, которое содержит значительную долю развлекательных функций, предназначено для развлечения. Примером реальных гаджетов могут служить смартфоны, музыкальные плееры, и т. д.

Аня: Чем полезны? Чем вредны?

Хорошо, что я немного подготовилась. Немного информации уже было.

Я: В первую очередь, это помощь школьникам. Согласитесь, найти информацию в Интернете и создать по ней доклад или презентацию весьма полезно и познавательно. С помощью различных игр и приложений можно улучшить реакцию и внимательность. Но важно не забывать делать перерывы каждые 20 минут, чтобы глаза отдохнули.

Вот, я скопировала, что смогла, сейчас найду еще что-нибудь. Потяни там пока время.

Аня: Быстрее, я и так как могу тяну время.

Я вообще не представляю, как она умудрялась одновременно рассказывать материал, переписываться да ещё и время тянуть.

Я: Вот: Развивается общительность. Общение в сети укрепляет связи школьников со сверстниками. Регулярно проявляя свои эмоции в сети, они получают опыт, который может оказаться очень полезным в их реальной повседневной жизни.

Аня: Теперь минусы давай.

Минусы я искала недолго, но все же мне пришлось такое СМС: «Скор, я уж должэт рассказ...»

Видимо, всё совсем плохо, раз она слова сокращает!

Так что я постаралась всё сделать ещё быстрее. И срочно отправила сообщение.

Я: Малоподвижность. Просиживая с телефонами и прочими гаджетами, подростки мало двигаются, что может сказаться на здоровье. Если не следить за глазами, зрение может ухудшиться. Увлёкшись интересной игрой, забываешь про перерывы. Это может привести к негативным последствиям. Разрыв между школьниками и старшим поколением. Не всегда взрослые могут понять подростка, и наоборот. Они утрачивают взаимопонимание, отдаляются друг от друга.

Решив, что на этом моя работа закончена, я прикрыла глаза, расслабилась. И тут новое сообщение: «Вывод?»

Немного повозмущались про себя, неужели всё мне делать? Но это так, для тонуса, всерьёз я на неё не сердилась. Мне её даже немного жаль стало, она ведь перед публикой не очень выступать любит, к тому же неподготовленной. Так что, думаю, она мало что сейчас соображает.

Быстро набросав вывод, отправила.

Я: На основе этого можно смело сказать, что множество людей пользуется гаджетами. Большинство, конечно, подростки, активно пользующиеся телефонами и планшетами. А стоит ли оно того? Я считаю, что каждый решает это сам, рассматривая минусы и плюсы. Конечно, я привела не все стороны использования гаджетов. Но уже на основании этих доводов можно решить для себя, будете ли вы активным пользователем или же, наоборот, сократите использование различной техники.

Практически одновременно мне пришло сообщение от Ани: «Долго!»

Я подумала, что вот он пример, как мы сами активно используем гаджеты. Удачно совпала тема, ничего не скажешь. Думаю, учитель здорово бы повеселился, узнай он про это.

Уже когда мы встретились, Аня мне рассказала про всё. За реферат она получила четыре. Особо Аня не расстроилась, изначально она ведь думала, что вообще получит два. Послушав её,

я поняла, что учитель что-то заподозрил, сказав: «Раньше у детей были слова-паразиты, а теперь технические паразиты. Что ж, это цена прогресса!» Мы так и не поняли, догадался он или нет. Ну, что ж, пусть это останется под завесой нашей маленькой тайны на троих.

Под конец Аня сказала, что это было даже весело. И я с ней согласилась. Поскольку мне всё очень напоминало игру на время, меня захватил азарт. И, действительно, было весело.

Всё произошедшее заставило меня задуматься на эту тему. Заставило оценить роль гаджетов в нашей жизни. В моей жизни они важны. Они действительно мне помогают. Иногда даже просто избавиться от скуки. А разве этого мало?

Здания - коробки

Окружают они нас, здания-коробки.
И, если застрял ты в пробке,
Оглянись вокруг.
Они везде, здания-коробки.
Куда ни выйди, они рядом,
Смотрят злобным взглядом,
Замыкая свой квадратный круг.

От них нет и не было спасения.
И, лелея своё заблуждение,
Выход не ищут, потому не найдут.
Люди спокойно по делам идут,
Не обращая ни на что внимания.
В них не найдёшь понимания.
Им на всё – всё равно.
К сожалению, уже давно.

И я не знаю, как это исправить.
Может, в лес их всех отправить?
Но это не в моей власти,
Это по совести части.
А зданий-коробок всё больше.
Но так же совсем не лучше!
Лучше ли это природы,
Дарующей просторы свободы?

Придёт весна

Я жду, когда придёт весна,
Чтоб поболтать ногами в лужах.
Я жду, когда придёт весна
Без заботы о злых стужах.
Я жду весну,
Что что-то никак не наступит.
Я жду весну,
Что придёт, когда зима ей уступит.
Я представляю, как весна
Вернёт зелёные нам травы.
Я представляю, как весна
Оденет листьями дубравы.
Она придёт, я это знаю.
Но как же долго я ждала!
Уже я зиму проклиная,
Что весне прийти не дала!
Снег ещё лежит на земле,
Летают хлопья-снежинки.
И неужели только в апреле
Проложит весна тропинки?!

Погасли эмоции и чувства

Ненависть. Отвращение.
Любовь. Прощение.
Что есть что? Как угадать?
Как выбрать и не проиграть?
Жалость. Сострадание.
Расставание. Прощание.
Что и как назвать?
Что делать? Как не пострадать?
Масса эмоций, чувств.
И вдруг – внутри ты мёртв.
Такой разброс в душе
Закончился ничем.
Эмоции прошли.
И чувств вдруг не осталось.
Спокойствие нашли
Те, кому мечталось.

Летаю

Мне часто снится,
Что я лечу, как птица.
Лечу меж домов,
Пролетая мимо дворов.
Летаю в вышине,
В спокойной тишине.
Облака задеваю
И про всё забываю.
И под утро, проснувшись,
Я хожу, улыбнувшись.
А под вечер, засыпая
И в мечтах утопая,
Снова я на вершине парю
И в полёте встречаю зарю.

* * *

На ветках деревьев иней,
Хотя уже март на дворе.
Не спорю, это красиво.
Но лучше бы так в декабре

Природа побаловалась.
А я бы с огромным желанием
На подснежники полюбовалась,
Пробившиеся во дворе.

Фантазия

Закрой глаза и на мгновение
представь...
Да не халтурь, считай, что это – явь!
Итак, расслабься и мечтай!
Реальность новую себе ты загадай!
Там можно всё, что пожелаешь.
Ведь ты же это понимаешь?
И на страшных драконах полёты,
И с врагами давние счёты.
Светские рауты, балы
Или ожесточённые бои.
Ты можешь это воплотить,
На бумаге всё вместить.
Поделиться с другими своими мечтами,
Чтоб они перестали быть врагами.

Дарья Семёнова

Дарья Семёнова, 17 лет.

Занимается в пресс-центре «Поколение Next» с 2014 года. Пришла, чтобы подготовиться к поступлению на факультет журналистики, мечтала стать радиожурналистом и вести постоянную рубрику, стала лауреатом областного конкурса среди старшеклассников, а в итоге решила получать высшее экономическое образование.

Пишет стихи и статьи. Может взять интервью у любого человека.

Любимая книга «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Любимый фильм «Заплати другому».

Литературная мастерская

Поколение Next

СТЕНА

Одной из стен, изменивших историю целого народа, стала Великая Китайская стена – постройка, видная из космоса. Считается, что она была построена для защиты от кочевников, вторгавшихся в Китай с севера. История показывает нам, что Китайская стена стала абсолютно бесполезным сооружением, при постройке которого погибло множество людей. На сегодняшний день существует легенда, которая гласит, что, если приложить ухо к стене, можно услышать жалобные стоны тех, кто погиб при её постройке.

Трагично известным периодом мировой истории является раскол Германии на две части: Восточную – ГДР и Западную – ФРГ. Некоторым жителям ГДР не нравилось жить под влиянием советской власти, и они иммигрировали в ФРГ. 13 августа 1961 года была построена Берлинская стена. Многие европейцы восприняли новую государственную границу в виде стены протяжённостью 155 километров как символ ограничения гражданской свободы.

Возведение стены породило недовольство со стороны народа. 192 погибших, 200 раненых, 3 тысячи арестованных – такова цена за эту стену. Самыми известными случаями побегов из ГДР считаются полёты на дельтапланах, воздушных шарах из нейлоновых фрагментов, люди даже пытались таранить стену бульдозером. Трагикомичной стала история одного юноши, о котором писали газеты, в частности Deutsche Welle. Он спрыгнул со стены, а позже выяснилось, что его любимая оказалась по ту сторону баррикады, и они никак не могли быть вместе. Этот случай поднял много шума, и через пару недель девушка получила визу на въезд в зону ГДР.

Под влиянием демонстраций и народных мятежей стена рухнула, но восстановить единство нации было не так-то легко. За двадцать восемь

лет раздробленности люди стали чужими друг другу. Если до застенного периода Германии люди относились к своим соотечественникам, как к родным, то после падения ГДР и ФРГ западные берлинцы относились к восточным, как к гостям. Гости в своей же стране! Люди, которые боролись за единство своей страны, за единство истории, за единство нации, стали ей посторонними!

Берлинская стена должна была стать, как сказал персонаж фильма «Семнадцать мгновений весны», «новым способом воевать: не сжигая и без жертв». Так началась холодная война, но для немцев характерна чистоплотность, именно поэтому им удалось разрушить ненужную громадину в центре Берлина, скинуть её, как мусор, в корзину печально известного прошлого.

В нашем цивилизованном обществе в июне 2014 года Игорь Коломойцев предложил поставить стену на границе России и Украины. Он не видит ничего плохого в том, чтобы два соседних государства были отделены железной решёткой с колючей проволокой.

Нельзя исключать вероятности установки этой стены, учитывая современную ситуацию на Украине. В таком случае, как в Берлине в период с 1961 по 1989 год, одно из государств назовут «зоной» («die Zone» – именно так называлось государство ГДР среди немцев). Возникает справедливый вопрос – какое из двух государств? Этого никто не знает, но ясно одно: люди по обе стороны стены увидят решетчатое небо и будут чувствовать себя загнанными, как маленькие дети в углу, а при освобождении из такого рода заключения поведение взрослых людей напомнит пятилетних детей, которым после строгого наказания предоставили свободу, и начнётся время человеческой вседозволенности.

Возвращаясь к великим строителям-китайцам, можно сказать, что исторический опыт всего мира наглядно показывает нам, что искусственно построенные стены в большинстве своём бессмысленны и приводят к напрасной гибели людей. Смерть за идею одного политика, который пока ещё не лишён власти, – вот итог страшных исторических построек, стен на человеческих костях.

У слова «стена» много смыслов. Для кого-то это простая перегородка, для кого-то – отчуждение от окружающего мира, а кто-то пытается разрушить созданную самим собой или кем-либо другим глухую преграду. Способствовать её возведению могут разные факторы: любая грубость, насилие, человеческое равнодушие выстраивают кирпичик за кирпичиком железобетонное ограждение вокруг наших душ. Но, в конечном счёте, мы признаём ненужность стены, её бесполезность. Парадокс заключается в том, что стены строятся для того, чтобы их разрушить, а трагизм – в том, что вместе со стеной исчезают и человеческие жизни – «маленькие ниточки в бесконечной пряже человечества...» (Борис Васильев «А зори здесь тихие»).

На сегодняшний день перед нами стоят риторические вопросы: нужна ли нам ещё одна стена? Нужны ли напрасные войны и противостояния? Нужно ли из целого народа делать целую зону заключённых? Ответ очевиден – нет!

*Наш мир спасённый помнит все страшные
события.*

И вы, героев дети, не дайте повторить их!

Необходимо, чтобы знания истории, прошлого своего народа, прививались с самого детства. Юным гражданам современных государств важно знать опыт старшего поколения.

Все ветераны, участники военных событий обеих сторон просят нас об одном – не допустить повторения страшных событий истории, сохранить хрупкий мир, не строить стену, которая повернёт ход истории вспять.

СУШКИ С МАКОМ С ЮРИЕМ ЧИВКИНЫМ

Есть журналисты, которых мы читаем, есть те, кого видим на фотографиях и сразу же узнаём, есть те, с чьим голосом мы засыпаем поздно ночью и просыпаемся ни свет ни заря. Но есть журналисты – «люди за ширмой», и зачастую

всё держится именно на них, они своеобразные «пчёлки-помощники». И к таким важным для журналистики людям относится Юрий Чивкин.

Этого трудягу я для себя нашла совершенно случайно. Утром самого обычного будничного дня я слушала любимую радиостанцию Кузбасс FM, и в голову ко мне закрался вопрос: «А кто же стоит за всем этим? Не может же огромная радиостанция держаться лишь на плечах ведущих». Вечером этого же дня я отыскала сайт Кузбасс FM и заочно познакомилась со всеми его работниками.

Пока я читала самопрезентацию с сайта Кузбасс FM, улыбка не сходила с моего лица: самоирония и бесконечный юмор прослеживались по всей статье. Ну, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать (в нашем случае – прочитать).

«Юрий Чивкин.

Из неопубликованной характеристики на сотрудника ГТРК с 1995 года Чивкина Юрия, звукорежиссёра (служба радиовещания): Истинный мариец, хотя и не весь. Характер не нервический, но моментами противный. С некоторыми товарищами по работе поддерживает приятельские отношения, основанные на пристрастии к пиву. Постоянно выполняет свои служебные обязанности, бывает, что и хорошо. Беспощаден к сыру и сушкам с маком. К спорту равнодушен, особенно к чемпионату NBA (Эн – Би – Эй) и играм NEBL (Североевропейская баскетбольная лига), но лишь как телезритель. Кое-где был, кое в чём участвовал, кое к чему привлекался, но надолго его не хватало. Связей, порочащих его... да боже ж мой, о чём говорить, – конечно, ДА! В коллективе выполняет роль «человека за ширмой» – почти не виден, изредка слышен, но свои «холодные руки» успеваешь погреть на эфирной сетке ежедневно. Радио слушает в случае крайней необходимости, разве что под дулом пылесоса. Консерватор от бога. Ко всему новому относится с подозрением, ко всему старому – с презрением. В музыке ничего не понимает, и потому горячо любит те песни, которые любит. Незаслуженно пользуется славой компьютерного вируса, чем беззастенчиво пользуется. Пытается быть с компьютерами на «Ты, гад!..» и думать головой, но не всегда получается. За время

работы в ГТРК слишком много напортить не успел, потому отмечен выговорами и премиями руководства».

Не долго думая, я тут же составила тринадцать вопросов, которые задала ироничному звукорежиссёру в «ВКонтакте». Ответы меня приятно удивили и порадовали, и я готова разделить эту радость со всеми.

Как Вы срабатываетесь с Владом Сушляковым? (Есть ли у Вас деление по сменам или Вы работаете вместе)?

Вместе, параллельно.

Действительно ли вы принадлежите к марицкому племени?

Бабушка родом из Мари-Эл, но русская.

В каких странах Вы побывали? Какая страна и чем Вам запомнилась больше всего? (Национальные костюмы, кухня, архитектура, исторические памятники, чудеса современного дизайна, транспорт и т. д.)

Таиланд, Турция. Таиланд – это сказка! Турция скучна и предсказуема.

Слушаете ли Вы зарубежное радио? В оригинале или в переводе?

Radio Caroline. То самое, история которого послужила основой фильма «Рок-волна». Там перевода не требуется.

В каких проектах ГТРК Вы участвовали в качестве разработчика? (Разработчика или участника).

Да всего и не упомнишь...

В каких студиях (секциях) Вы сами участвовали, когда были подростком?

КЮМ «Романтик».

К участию в каких крупных проектах, форумах, программах Вы привлекались на ГТРК Кузбасс?

Повторюсь – всего и не упомнишь.

С кем из сотрудников ГТРК Вы связаны работой, а с кем – дружескими отношениями?

Отношения, в основном, рабочие, приятельские. Друзья у меня из других кругов.

С кем Вам легко работать, а с кем – дружить? (По каким принципам Вы строите общение на работе и вне её?)

А как сложится. Каких-то основополагающих принципов, тем более, жёстких – нет. Тут не угадаешь.

Почему Вы слушаете радио только под дулом пылесоса? Неужели то, что Вы делаете как профессионал, настолько плохо?

Мне радио и на работе хватает, чтоб я его ещё и в свободное время слушал. Да и любимая музыка не совсем совпадает с контентом станции. Про другие – вообще промолчу.

Приведите пример выговора за то, что не успели навредить, или пример премии за то же самое.

Без комментариев.

Каким блюдом кроме сушек с маком Вас балует жена?

Сыром.

Какие любимые песни играют у Вас на Новый год на семейном празднике?

На Новогоднем празднике место любимых песен уверенно занимает телевизор.

Когда я общалась с этим человеком, для меня открылась простая, но весьма важная истина: люди, которые кажутся нам зачастую недостижимыми, иными словами, сверхлюдьми, на самом деле такие же, как мы.

Они просты и понятны, они любят свою семью и друзей, хотят с пользой проводить каждую минутку свободного времени, живя взахлёб, мечтают о путешествиях к дальним берегам и достигают этого, ведь они мечтают, стремятся и именно поэтому добиваются желаемого, в то время, как дома их ждёт надёжный тыл с чаем и сушками.

Знакомство с Юрием Чивкиным помогло мне понять простые вещи: слава и известность далеко не главное в работе журналиста, главное в этом деле – чистота сердца, любовь к профессии и умение работать «за ширмой».

ЗНАЙ НАШИХ

4 октября 2014 года по всему миру прошли мероприятия, посвящённые защите животных. История этого праздника берёт своё начало в Итальянской провинции, в городе Флоренция. Этот праздник был утверждён в 1931 году. На проходившем Международном конгрессе

сторонники движения в защиту окружающей нас природы утвердили 4 октября «Международным днём защиты животных».

И кстати, дата была выбрана не случайно: день защиты животных совпадает с днём памяти Франциска Ассизского, который умер 4 октября 1226 года. Этот святой католической церкви издавна считается покровителем животных.

Жители северных стран считают, что любовь к братьям нашим меньшим помогает человеку выдержать напряжение современной жизни. И вправду, как приятно приходить домой и видеть на пороге спящего щенка или котёнка, который весь день скучал по вам. Эта преданная пара глаз способна одним лишь радостным взглядом откинуть все ваши проблемы на второй план. А также в истории человечества известны неоднократные случаи, когда домашнее животное лечило своих хозяев. Например, кошки способны прогнать головную боль своим завораживающим мурлыканьем, а утренние и вечерние прогулки с собакой помогают людям бороться с проблемой городского жителя – гиподинамией.

Таких нужных и важных для нас созданий жестокий человек выгоняет на улицу, издевается или, что ещё хуже, – убивает. К великому сожалению, история насчитывает огромное число вымерших и вымирающих животных.

По вине наших предков, потомки никогда не увидят своими глазами птиц Додо, ламантин, слоновых черепах, смеющихся сов, сумчатого и японского волков, кваггу и других вымерших животных. Все эти виды животных были истреблены человеком в результате освоения новых территорий, разрушения экосистемы, желания людей съесть вкусный кусок мяса или исцелить свои болезни. Издавна змея считается символом медицины. Изображение чаши со змеей появилось ещё до нашей эры в Риме и Греции. Следовательно, животные играют огромную роль в медицине. Давным-давно из змеиного яда делали лекарства. В XXI веке ушли в историю лекарства со змеиным ядом, как и в мировой медицине исчез символ чаши со змеей. Остался он только в России.

Во всём мире известны такие животные лекари, как: собака-поводырь – собака, которая

живет с незрячим человеком, не имеет права на свою собачью жизнь. Таких питомцев обучают не меньше, чем полгода, и потом в течение двух недель происходит передача собаки незрячему человеку. Все эти две недели будущий хозяин живет на территории питомника, обучается работать с собакой. Роль такого помощника для незрячего человека огромна. Собака чувствует препятствие задолго до того, как его почувствует человек, и спасает ему жизнь. Не менее нужны человеку пираньи, мини-пиги, пчелы и другие животные, населяющие нашу планету.

Покопавшись в истории исчезновения некоторых животных, я для себя поняла, что порой человек совершает нечеловеческие поступки. И кто из нас, спрашивается, зверь?!

В один из увлекательных школьных дней на уроке английского языка мы проходили замечательного писателя Льюиса Кэрролла. И моя учительница завела речь о прекрасных додо. Большая часть класса подумала, что эту птицу выдумал автор сказки «Алиса в стране чудес». Немногие мои одноклассники знали, что эта сказочная птичка имеет не сказочную историю.

На живописных и безлюдных островах, затерянных в Индийском океане, жили птицы додо – представители подсемейства дронтовые. Постепенно все дронтовые разучились летать, их хвост превратился в малюсенький хохолок, а от крыльев осталось лишь несколько жалких перьев. В таких идеальных условиях дронтовые достигали приличных размеров: их средний рост был около метра при весе в 20–25 килограмм. Живот дронтов практически волочился по земле, из-за чего передвигались они крайне медленно. Их идиллия закончилась с появлением на островах европейцев.

Охотиться на доверчивых и непуганых птиц было проще простого: достаточно подойти поближе и стукнуть подходящую добычу по голове палкой.

Дронты не только не оказывали сопротивления, но и не убегали. Да и не смогли бы они это сделать с их-то весом.

То, что оставалось после людей, безжалостно уничтожалось завезёнными с кораблей крысами, кошками, свиньями и собаками. Беззащит-

ные птицы не могли даже спасти собственных птенцов, так как гнезда они располагали прямо на земле – идеальное лакомство для голодных хищников.

Моряки считали этих птиц глупыми и прозвали их «додо», что в переводе с португальского означает «глупый». Однако, кто из них на самом деле был глупым, показало время.

Разве можно назвать умными людей, которые бездумно уничтожали уникальных птиц? В защиту ума дронтовых можно вспомнить один факт из истории: когда пару додо увозили с их родного острова во Францию, обе птицы роняли слезы, словно понимая, что никогда не увидят родной край.

Всё это заставляет задуматься и понять, пока не поздно: додо, конечно, не оживёт с картинок, но мы можем спасти многие вымирающие виды.

В Российской Федерации есть Красная книга, в которую занесены редкие виды животных и птиц, растений и грибов, благодаря принятию Федерального закона «О животном мире» 22 марта 1995 года, где регламентировалась важность создания Красной книги. После этого Правительство РФ 19 февраля 1996 года признало Красную книгу официальным документом.

В Англии же в 1959 году было создано «Всемирное ОЗЖ» по инициативе Королевского общества Великобритании и Массачусетского общества США. Общество проводит акции по спасению отдельных видов животных в мировых масштабах, акции по оказанию помощи животным в различных регионах мира в случае природных катастроф, национальных бедствий (война). Большое внимание уделяется Обществом программам гуманизации законодательства, гуманизации образования, сокращения числа бездомных животных с помощью стерилизации. Центры Всемирного общества находятся в Лондоне и в Бостоне, США.

Дата 4 октября выбрана не случайно, ведь осенью животные особо уязвимы, они готовятся к долгой зиме и выводят потомство. Весной запрещено отстреливать птиц, так как одни из них только-только прилетают с дальних краёв, а другая часть выводит потомство.

1 апреля весь мир будет отмечать «Международный день защиты птиц». Цель праздника предельно проста – люди хотят сохранить как можно больше видов диких птиц. Традиционно в это время в ожидании прилета пернатых развешивались скворечники, гоголятники и прочие «птичьи домики».

Мы, люди, были созданы для того, чтобы оберегать братьев наших меньших, ведь человек, в первую очередь – старший брат животных, который заботится о своём маленьком народе: о животных и птицах, растениях и грибах. А кто, если не мы?!

* * *

Босиком по холодному полу,
Замерзают так медленно пальцы.
Точно так же холодной зимою
Мне не хочется снега касаться.

Лишь хочу спрятать красные руки,
Поругаться: «Забыла перчатки!»
И, смеясь, укутать в тужурке
Ледяные, замёрзшие цапки.

* * *

И живут же за стенкой люди,
Совершенно чужие друг другу.
Разделяют омаров в блюде,
Окружающим врут с испугу.

На себя надевают маски,
Позабыв, что не нужен пафос.
Видят только серые краски,
Порождая тем самым хаос.

* * *

Мы говорим с тобой на разных языках
О вечно сокровенном, но забытом.
Мы видим клятвы на чужих губах,
Смеёмся и прельщаем их визитом.

Мы говорим на разных языках,
Пытаемся понять с тобой друг друга.
И обсуждаем дам, что ходят в кружевах,
Не в силах скрыть ужасного испуга.

Но всё-таки на разных языках
Понять друг друга мы не в силах.
И крутим нашу жизнь на трёх кругах,
В которых всё ведёт в могилу.

* * *

Не мешай мне сходить с ума,
Интересно мне это занятие:
Не болит по утрам голова,
И не действует ведьмы проклятие.
Не мешай мне сходить с ума.

Интересно мне это занятие:
По утрам в полшестого утра
Я творить все силы утратила
И хочу отойти от холста.
Интересно мне это занятие.

Не болит по утрам голова,
Если ночью соплю в подушку,
Да к тому же, наверняка,
Я во сне увижу подружку.
Не болит по утрам голова.

И не действует ведьмы проклятие,
Что наслали Вы на меня,
Без причины, во время объятия,
Но колдуньи боятся огня,
И не действует ведьмы проклятие.

Не мешай мне сходить с ума.
Хоть разок в этой бешеной жизни,
Отойди от меня дня на два,
Чтобы мысли меня догрызли,
Не мешай мне сходить с ума.

* * *

Мне кажется, что я тебя теряю,
Забыв твои пустые обещанья,
И по ночам себя я уверяю:
«Нам ни к чему красивое венчанье».

Мечты о доме, о прекрасной сказке
Оставляю для кого-нибудь другого.
Обоим нам не нравится развязка,
Хотелось бы чего-нибудь иного.

Простого счастья и бурлящей жизни,
Чтоб искренне всё, без обмана,
Но ты ушёл на зов Отчизны,
Перечеркнув все наши планы.

Я полночи боюсь. Скрываю,
Как в позабытой с детства сказке,
Увы, с тобой себя я потеряю.

24 декабря 2014 года

Надежда

Когда вокруг ночная мгла
И спит всё в мире,
Бал начинается Сатана
В невластии Миссии.

Котёл с огнём бурлит, шипя,
Слетаются всё ведьмы.
И, мантией прикрыв себя,
Девушка входит к бледным.

По их губам течёт вино,
На кровь оно похоже.

Она не с ними заодно –
Определил по коже.

В соседней зале Сатана
Уж час ликует.
Всю ночь красива и юна
Для них танцует.

На голове венок надет,
Однако в сердце пусто.
Она невинна и стройна,
В глазах испуга сгусток.

И ведьма старая, ворча,
Забрать её хотела,
Но неприкаянна душа
Уже летела...

Стремилась ввысь сквозь все круги
Дурного ада.
И наспех сбросила силки,
Уйдя из стада.

Но путь архангел преградил:
«Грехи тебя здесь держат!»
На землю путь ей освятил
И подарил надежду.

С рассветом место мятежа
Мгновенно растворилось,
И кровь пролитая свежа
Навечно искупилась.

Окончен бал, сбежала тьма,
Раскрылись вежды.
В то время молвили уста:
«Даруйте нам Надежду».

26 марта 2015 года

Елена Ушакова

Елена Ушакова, 18 лет.

Занимается в пресс-центре с 2014 года, пришла подготовиться к поступлению на факультет журналистики. Мечтает о тележурналистике, о своей авторской программе.

Пишет стихи и статьи. Увлекается театральным искусством.

Любимая книга «451 градус по Фаренгейту» Рэя Бредбери. Любимый сериал «Сверхъестественное». Считает, что в жизни есть чудеса, нужно уметь их видеть и учиться творить.

Литературная мастерская

Покажение Next

ВТОРОЙ ФРОНТ ВО ИМЯ МИРА

Наша жизнь состоит из парадоксов. Мы можем видеть их буквально во всём. Каждое утро мы не высыпаемся и клянём себя за то, что не легли пораньше. Но почему-то мы упорно не хотим лечь раньше хотя бы на полчаса. А задумывались ли мы над тем, почему мы встаём каждое утро? Почему мы спокойно собираемся и идём по своим делам? Почему мы живём под мирным небом? Потому что семьдесят лет назад наши прадеды боролись и отдавали за нас свои жизни.

Великая Отечественная война – одно из самых трагических событий, изменивших историю всего мира. И ни для кого она не прошла бесследно. Миллионы людей погибли, миллионы лишились своих родных, миллионы судеб были сломаны. Множество стран самоотверженно противостояли фашистам. Антигитлеровская коалиция – тому доказательство.

Сформировалась коалиция ещё в июле 1941 года, сразу после нападения гитлеровцев на Советский Союз, однако лидеры участвующих стран могли общаться только в переписке.

Сталин – создатель тоталитаризма в СССР и Черчилль и Рузвельт – выходцы из буржуазного западного общества – должны были найти общий язык и решить судьбы своих стран и народов.

Интересно проследить, как менялось отношение Рузвельта лично к Сталину. Аристократы Белого дома, зная о происхождении Иосифа Виссарионовича, не воспринимали его как равного. Рузвельт относился к нему, скорее, снисходительно, но после личной встречи всё изменилось. Сын американского президента в книге «Его глазами» приводит его мнение о Сталине: «Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним – одно удо-

вольствие. Никаких околичностей. У него густой низкий голос, он говорит не спеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив – в общем, производит сильное впечатление».

Так что же заставило глав трёх государств объединиться?

Для «Человека в цилиндре» – Уинстона Черчилля поддержка СССР была крайне важна, учитывая обстановку в Великобритании. Голод и экономический спад заставили его прибегнуть к помощи И. В. Сталина. Что касается самого Сталина, то здесь всё ясно. Нашим войскам, как воздух, нужна была дополнительная мощь. Рузвельту же просто «хотелось повоевать», ведь Америка не имела отношения к делам, происходившим на другом материке.

Инициатором встречи был И. В. Сталин. Ему нужно было выбрать выгодное место, чтобы не уезжать далеко из страны, и он настоял на иранском варианте – городе Тегеране.

Разумеется, главной целью политиков была разработка стратегии борьбы против Германии. Они должны были остановить распространение «фашистской заразы» по миру. В своё время человечество поражали такие болезни, как чума, холера, инфлюэнца, оспа. Но «инфекция» фашизма оказалась гораздо страшнее.

Главным вопросом, обсуждаемым Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, был вопрос об открытии «второго фронта». Наконец, Сталин с раздражением обратился к Молотову: «У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается». Тогда Черчилль, опасавшийся того, что конференция может быть сорвана, пошёл на компромисс. Политики договорились открыть совместное наступление на втором фронте 6 июня 1944 года.

«Второй фронт» не подвёл. После битвы на Курской Дуге ход войны кардинально изменился. Шансов на победу Германии практически не осталось.

Немцам нужен был новый перелом в войне, и они решили совершить нечто неординарное: убрать всех трёх глав коалиции разом. Конечно, этого следовало ожидать, ведь не могли же мы надеяться, что Гитлер ничего не предпри-

мет. План имел название «Длинный прыжок», что, несомненно, соответствовало масштабам операции. Руководил ею знаменитый немецкий диверсант Отто Скорцени. Кстати, именно ему удалось освободить из тюрьмы арестованного в Италии фашистского лидера Бенито Муссолини. Отто Скорцени руководил целым отрядом спецназа. Казалось бы, план сработает без малейших препятствий. Но не тут-то было! О готовящемся нападении стало известно. Тогда и проявил себя ещё юный Геворк Варганян – будущая легенда Советской разведки. Ему было 19 лет, но, несмотря на возраст он, командуя группой таких же юных разведчиков, сумел остановить грандиозное покушение. Таким образом, план убийства лидеров антифашистской коалиции остался лишь планом.

Конечно, до окончательной победы было ещё далеко, но ни у кого не было сомнений в том, что мы победим. Все верили в то, что мы освободим мир от фашистов, и они заплатят сполна за все свои преступления перед человечеством.

Мужество и готовность каждого человека пожертвовать собой ради будущих поколений вселяла веру в скорую победу и в то, что жертвы не напрасны. И вот, спустя много лет, мир спасённый может с гордостью вспоминать те великие события.

Только сегодня становится отчётливо ясно, какую роль антигитлеровская коалиция сыграла в Великой Отечественной войне. Есть русская пословица: «Один в поле не воин». С этим трудно не согласиться, ведь если ты сражаешься не один, то шансы на победу увеличиваются в тысячи раз.

Если посмотреть на все человеческие войны, то можно увидеть, что это вечное противостояние Добра и Зла. Ещё с древних времён существуют две чаши – Хаос и Гармония, но одна то и дело перевешивает другую на весах судьбы человечества. Очень важно поддерживать хрупкое равновесие.

В современном мире коалицией, отвечающей за это равновесие, является ООН – Организация Объединённых Наций. Сегодня всё человечество выступает единым фронтом за сохранение

мира во всём мире, за то, чтобы дети не знали страданий и лишений, которые несут с собой войны...

Меня всегда привлекала культура индейцев Северной Америки. Они испокон веков считались мудрым народом. Их философия существенно отличается от европейской, и в этом есть своя прелесть. Совершенно другая культура, другой образ жизни и мышления. Но высказывания индейцев ничуть не хуже афоризмов европейских философов и мыслителей. Их смысл дошёл сквозь века и актуален даже в наши дни.

МУДРОСТЬ ИНДЕЙЦЕВ

Как-то в школе заболел учитель, и у нас образовалось «окно» – целый портал из двух уроков. Зашла в школьную библиотеку и взяла с пыльной полки книгу пословиц и поговорок народов Мексики и Америки. Начала читать и нашла мысли, созвучные своим, давно выстрадавшим.

К сожалению, мы часто сталкиваемся с такими ситуациями, когда родители навязывают ребёнку своё мнение. «Ты будешь юристом!» – восклицает мама. «Я вижу тебя инженером», – вторит ей отец. А сын мечтает стать космонавтом... Как же доказать взрослым, что человек волен сам выбирать свой жизненный путь? На этот счёт у древних индейцев были свои мысли.

«Человек должен сам сделать свои стрелы», – говорили старейшины племен ацтеков. И они правы. Никто и ничто не может сделать за человека то, что надлежит совершить ему самому. Часто в сказках мы можем прочесть о том, что каким-то чудесным образом человек получает всё, что захочет. Сделает ли это за него Золотая рыбка, фея Крёстная, или всё произойдёт «по щучьему велению» – не важно. Главное, чему учат сказки – такое волшебство обманчиво. Если кто-то сделает твою стрелу за тебя, она может сломаться или не достигнуть своей цели.

Также и с выбором будущего. Если кто-то сделает выбор за тебя, он может сломать твою жизнь, и ты не достигнешь поставленных целей.

У древних майя была пословица: «Если ты заметишь, что скачешь на мёртвой лошади – слезь!»

На сегодняшний день в любое время можно встретить на улице поток вечно куда-то спешащих людей. Разумеется, у всех неизмеримо важные дела, которые необходимо сделать в ближайшее время. Но если присмотреться получше? Куда спешат все эти люди? Кто-то покупает кофе начальнику, кто-то торопится на работу, которую не любит, в музыкальную школу, которая ужасно надоела. Все эти люди делают то, что им не нравится, то, что уже не может принести им радость. Но несмотря на это они продолжают спешить, с каждым днём увеличивая темп.

Заметили ли вы, что сегодня человечество одержимо коммуникационными технологиями? От скорости Интернета и качества мобильной связи зависит настроение, а без компьютеров и телефонов просто не обойтись. Всё это, конечно, действительно нужно, но порой люди утрируют значение этих гаджетов. Мы привыкли к тому, что нужно всегда быть на связи, нужно бежать по важным делам. Привыкли настолько, что во всей этой суматохе не замечаем, как проходит жизнь. И кажется, будто сам Земной шар вертится быстрее. Почему бы не перестать делать то, что давно уже не приносит удовольствия, то, что якобы «надо»? Ведь, как гласит одно из высказываний племени инков: «Надо» – лишь умирать».

Есть ещё кое-что, чему древние индейцы научили меня. «Всё на Земле имеет свою цель, каждая болезнь – лекарство, которое лечит её, а каждый человек – предназначение». Я уверена, что каждый из нас пришёл в эту жизнь не случайно. Кто-то – прирождённый врач, кто-то – спасатель, инженер, писатель, актёр и т. д. Все мы можем внести свою лепту в развитие человечества. Как ни странно, даже преступники – это задумка мироздания.

Читая высказывания мудрых людей, как-то невольно начинаешь задумываться: «А всё ли я делаю правильно? Слушаю ли я свой внутренний голос?» При выборе дела всей своей жизни очень важно не совершить ошибку. Для этого нужно прислушиваться к себе, а не к окружаю-

щим людям, потому что только своё сердце может дать правильный ответ.

Существует современное выражение: «Мама плохого не посоветует». Но, к сожалению, часто именно мама запрещает ребёнку следовать за мечтой. Конечно, она думает, что знает, как ему будет лучше, и желает лишь добра, но тут приходит на ум ещё одна общеизвестная поговорка: «Благими намерениями вымощена дорога...»

Получается, древние люди были мудрее нас. Почему? Мне представляется, потому, что они жили медленнее, наслаждались каждым прожитым мгновением. Именно прожитым, а не просуществованным. Я думаю, что они, в отличие от нас, по-настоящему ценили жизнь и слушали своё сердце.

Может быть, и нам стоит притормозить наш бешеный ритм жизни и прислушаться к самим себе? Тогда мы поймём, что жизнь – это не гонка, а путешествие, и нужно им наслаждаться!

ОПЛОТ – ГАЗЕТА

Без чего невозможно представить жизнь современного человека? Многие скажут, что без телефона, компьютера или ещё каких-либо гаджетов. Безусловно, это так, но есть ещё кое-что, без чего людям неудобно жить в наше время. Это газеты.

Газеты для нас стали привычным явлением. Читая их, мы узнаём последние новости. Но когда появились первые газеты? И что было до них?

Предшественниками газет принято считать новостные сообщения Древнего Рима. Они повествовали о событиях, происходивших в городе. На площадях вывешивались рукописные свитки под названием «Acta diurna populi romani» (Ежедневные дела римского народа). Также эти свитки доставлялись политикам и знатым горожанам.

Первые газеты, похожие на современные, стали появляться в XVI веке в Венеции. Название пошло от дешёвой монеты, на которой была нарисована сорока и которая была стоимостью

дешёвых информационных листков. Оттуда и пошла поговорка «Сорока на хвосте принесла».

Как и во многих тогда вещах, Россия отставала от Европы в печатании газет. Всего на 100 лет. В конце царствования Алексея Михайловича Романова, в 1670-е годы, появились «Куранты» – первый рукописный свод иностранных новостей, созданный для Алексея и царского двора.

Благодаря Петру I, «прорубившему окно в Европу», в 1703 году в России стала выходить первая печатная газета «Ведомости».

С тех пор во многих городах стали появляться свои печатные издания. Разумеется, у нашего края и города Кемерово тоже есть своя областная газета.

Её название – «Кузбасс» – очень символичное и говорящее само за себя. «Кузбасс» – первая газета в Кемеровской области. Вернее сказать, газета существовала ещё до того, как сама область появилась. Первый выпуск вышел 7 января 1922 года, тогда как сама область образовалась в 1943 году.

В газете имелись рубрики: «Отовсюду», «На руднике», «По району», «В деревне», «Наука и техника», «Уголок матери и ребёнка».

Штат газеты, состоящий из редактора, корректора, заведующего конторой, экспедитора и рассыльного, работал в тяжёлых условиях. Бумаги не хватало, в помещениях было холодно. К тому же сотрудникам часто угрожали за критику. Поэтому первый редактор газеты, Василий Степанович Усов, подписывал свои работы под псевдонимом Дядя Вася.

«Псевдоним» в переводе с греческого означает вымышленное имя. Псевдонимами пользуются люди, имеющие публичную профессию (писатели, актёры, режиссёры, политики, журналисты и т. д.), когда хотят по каким-либо причинам скрыть свой автоним (настоящее имя). Псевдонимы появились ещё в древности вследствие того, что людям, чтобы оградить их от злых духов, давались двойные имена. Одно имя знали все, а второе – только родители, священнослужители и сам человек.

Как уже говорилось, псевдонимами пользовались и журналисты газеты «Кузбасс». И несмотря на критику, газета процветала. Оформление, темы, специальные выпуски – всё это ставилось в пример другим газетам Западной Сибири. В 1972 году «Кузбасс» был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а в 2003 году наша областная газета стала обладателем «Гран-при» фестиваля и награждена дипломом Союза журналистов России.

На сегодняшний день «Кузбасс» продолжает радовать нас обсуждением актуальных социальных тем и последними новостями нашей области. Сейчас в «Кузбассе» можно встретить такие рубрики, как «Экономика», «Общество», «Присшествия», «Спорт», «Культура» и «Вопрос-ответ». Радует, что в этой замечательной газете столь обширный кругозор, ведь в ней всегда найдут что-то интересное для себя и бизнесмен, и спортсмен, и деятель культуры. И на вопрос: «Что же объединяет таких разных людей?» – ответ прост: Кузбасс! Региональная газета объединяет людей, потому что отражает проблемы и события, которые волнуют всех кузбассовцев. Газета словно стала оплотом всех жителей в едином информационном пространстве между городами нашего края.

Мне очень нравится рубрика «Общество», потому что в ней пишут не только о талантливейших людях нашей области, но и о братьях наших меньших, о тех животных, которые ищут себе хозяев. Читая эту рубрику, я понимаю, что в нашем регионе есть равнодушные люди.

Также мне нравится рубрика «Культура», в которой освещены все новые культурные события области.

Газета – это люди, которые в ней работают. Сразу видно, что штат газеты «Кузбасс» укомплектован настоящими профессионалами. По результатам V Межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь. ПРО», в 2010 году лучшим автором печатных СМИ был назван Игорь Алёхин, журналист газеты «Кузбасс».

Я вижу много интересных и актуальных тем для журналистов и надеюсь вскоре пополнить их ряды в нашей областной газете.

Друг

Я прошу, ты скажи, милый друг,
Почему же ты так далеко?
Неужели тебе не досуг
Написать мне хотя бы письмо?

Ты скажи, неужели забыл,
Как нам было с тобой хорошо?
Значит, ты меня не любил,
Раз покинул меня и ушёл?

Но ты знай, я надеюсь, мой друг,
Что когда-нибудь вспомнишь меня
И о том, что тепло наших рук
Согревало не хуже огня.

* * *

Как хорошо на свете жить!
Искать, терять, вновь находить
И ненавидеть, и любить,
Страдать и вновь счастливым быть!

Забывать и вспоминать,
Прогонять и снова звать,
Быть одиноким или нет,
Так уж устроен этот свет!

Мы сами можем выбирать:
Кем нам не быть, а кем нам стать,
Молиться или проклинать,
Глумиться или помогать.

Судьба зависит лишь от нас,
Так вот! Не упускай свой шанс!
Пойми же, наконец, что ты
Исполнить можешь все мечты!

Всё это, наконец, пойми
И будь счастливым! И живи!

Осень

Люблю я осень за её листву,
Шуршащую под нашими ногами,
И за таинственную красоту,
За небо серое с седыми облаками.

Пусть осенью природа засыпает,
Замёрзнет пруд, и поредет лес,
Но в это время года оживает
Душа, ведь осень – время для чудес.

Как там у Пушкина – «Унылая пора»,
Ну что ж, зато – «очей очарованье».
Что осень – лишь печаль и холода...
Но в этом ведь и есть её призванье.

Дыханье осени – это туман с утра
И в небе стая птиц, на юг летящих.
Такая уж осенняя пора –
Пора печали и пейзажей спящих.

* * *

Его можно сравнить с небом –
Бескрайним, безгрешным и чистым.
Озаряет своим светом,
Словно солнцем, тёплым, лучистым.

Его можно сравнить с морем,
Таинственным и прекрасным,

Но в нём не утопишь горе,
Не расстроив его напрасно.

Его можно сравнить с ветром –
Натура непостоянна.
Вот сейчас от тебя в метре,
Спустя миг – ты один... Как странно!

Его лик так красив и наивен,
Но в душе он как будто суров,
Человек, словно ангел, невинен.
Постоянный гость моих снов.

* * *

Ты прекрасна, как роза, но, милая,
Не гонись за земной красотой!
Ты, одной красотой одержимая,
Сохранишь лишь облик пустой.

Сохранишь синих глаз ты сияние,
Алых губ сохранишь красоту,
Но есть ли в глазах понимание?
А в душе ты найдёшь доброту?

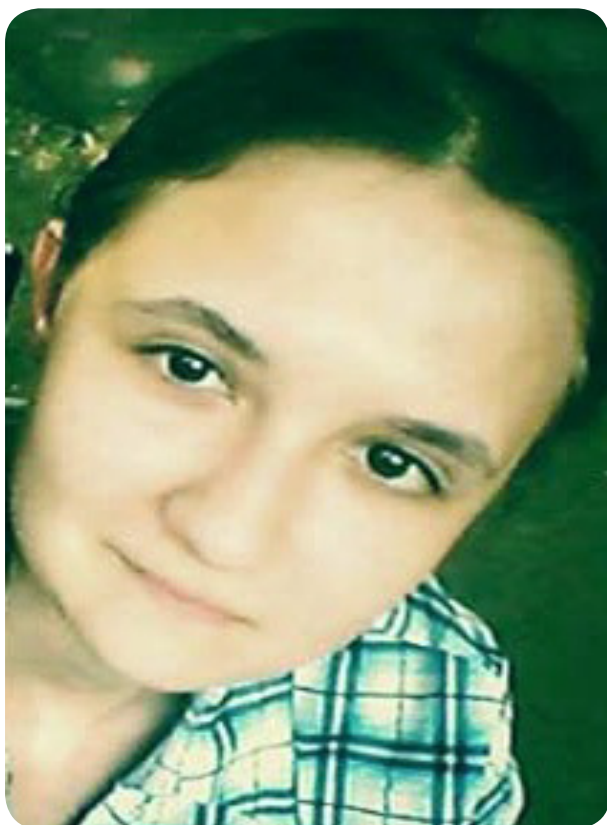
Ты прекрасна, как роза, но знаешь
ведь –

В этом мире прекрасней всего
Чистота души – вот она, исповедь.
Сохрани и запомни её!

Сквозь череду угасших дней
Кто вспомнит о красе твоей?

Мария Куртакова

Мария Куртакова, 17 лет.

Сказать о ней, что она «занимается в пресс-центре», нельзя. Это жемчужина в раковине. Сама в себе. Её первые стихи были написаны так рано, что она не сразу осознала себя поэтом, а когда осознала, «захлопнулась» в своём внутреннем мире.

Мария – человек глубоких и максималистских убеждений. Собирается стать экономистом, но писать не перестанет, потому что «пишет, как дышит...»

Литературная мастерская

Покажение Next

* * *

Цените мир над вашей головой,
Склоняясь в памяти о доблести и славе
Тем людям, что в молодости седой
Войну и смерть внезапно повстречали.

За вашу жизнь тогда платил другой,
Иной судьбы потомкам лишь желая.
Учи урок, преподанный войной,
Благодари солдат, что мы ее не знаем.

Любите день, что стоил сотни жизней,
Слез овдовевших одиноких матерей.
Средь опаленных конфликтов наших
дней
Столь шаткий мир, прошу вас,
сохраните!

* * *

Я прожигаю свою молодость,
Все свои лучшие года.
Топчу и режу свою совесть,
Не стать ей чище никогда.

В унынье, злости и печали
Бреду на край я каждый миг,
И сердце сковано из стали.
Я не ребенок. Я старик.

Я не таю надежд хрустальных
И обещаний не даю,
Ведь знаю я, то, что реально,
Стать может прахом твоих рук.

И ничего нет лживей клятвы
И слов людских, порою сладких.
Я так юна, но, знай, распята
За доброту, что вами взята.

* * *

В ночной тишине, при скрипе пера
 Рождаются строчки, готовые плакать.
 Рождаются мысли, приходят слова,
 Несущие смысл внутри своих знаков.

В ночной тишине при свете свечи,
 Пока люди спят, я пишу эти строчки.
 Не надо шептать, ты послушай, молчи
 И сможешь расставить, где хочется,
 точки.

Нет сна, как у всех, есть огонь
 рассуждений,
 Что снова обжег мою грудь изнутри.
 Я снова кричу из молчащих творений.
 Последние строчки ты вслух повтори.

Подумай о том, кто родился из пепла,
 Чтоб так же, как я, пару строк написать.
 Подумай о том, чья жестокая вера
 Заставит его всё лишь ей отдавать.

Подумай о том, кто от грязи зависим,
 Кто может летать, только крылья
 сломал,
 Кто сжег слишком много творений
 и писем,
 О тех, кто для них это все написал...

Я так же сижу под крылом летней ночи,
 Пишу этот стих, чтобы дать вам понять
 О том, что, сменив знакомый всем
 почерк,
 Не сможешь ты сжечь своей жизни
 тетрадь.

* * *

Хочешь, я узнаю правду,
 Растворюсь дымом серым во мгле.
 Если это то, что нам надо,
 То я дам это только тебе.

Но на все есть цена, и есть плата.
 Что ж, бери с меня то, что должна,
 Чтобы совесть не мучала завтра,
 Чтоб не мучала меня тишина.

Это не лирика, это лишь жертва.
 За все, что ты дал, – расплатись.
 Ты же не трус. Плати свою цену,
 Уйти не выйдет, остановись.

Хочешь, скажу тебе всю суть падений,
 Когда ты потерял роль палача?
 Сегодня судья, а завтра расстрелом
 Тебя наградят те, кто рядом летят.

* * *

Театр чувств. Иллюзия жизни.
 Зрители верят, но им не понять,
 Что то, в чем они не видели смысла,
 Кому-то весь мир будет вновь
 составлять.

Актеры играют немymi речами,
 Надев свои маски, скрываясь от всех.
 Лишь старый суфлер седыми ночами
 Не держит свой громкий отчаянный
 смех.

Смесь ярких одежд в ночи декораций
 Совсем неуместна при трауре дней,
 Но зритель слепой вновь готов
 восхищаться,
 Заставив смеяться прохожих людей.

Унылые речи записаны в книгу,
 Что будут читать опять и опять,
 И снова родится чужая интрига,
 А наших детей будут ей обучать.

Уроки игры без права победы,
 Которую купишь, закрыв свои мысли.
 Артисты и зрители под куполом неба
 Меня приглашают в иллюзию жизни.

* * *

Один, второй, пусть будет третий,
Кто платит счастьем за тупик.
Один, которого не встретит
Его последний ученик.
Один на смерть, он третий лишний,
Не нужен тем, кого любил.
Один за жизнь, он третий лишний,
Запомнит все, что ты забыл.
Где счастье двух – сгорает третий,
Один из тех, кто видел всё.
Он жизнь ведёт к одной лишь смерти,
К ней мир разрушенный несёт.
Один, второй, расчет окончен,
По парам встали и вперед,
А третий снова этой ночью
В свои мечты один идёт.

* * *

Ты бежал от себя
Столько дней, столько лет
Утром теплого дня,
Там, где бури и снег.
Ты бежал от всего,
Что могло поломать
Твою злость и добро
И заставить страдать.
Ты бежал от других,
Кто всегда помогал,
И в объятиях чужих
Сладко ты засыпал.
Ты бежал от меня,
Возвращаясь опять
В это царство огня,
Чтобы снова бежать.
Но однажды придешь –
Не откроется дверь,
И куда ты пойдешь,
Чтобы плакать, теперь?

* * *

Цена, что мы платим за жизни уроки,
Равна нашей силе подняться с колен,

Не плакать над тем, что осталось
осколком,
Не сдаться, забывшись, в спасительный
 плен.

Цена, что мы платим за эти ошибки,
Все выше растет, и нам нечем платить,
Но это пустяк. Мы заплатим улыбкой,
Которую скоро придется забыть.

Цена – это день, цена – это опыт.
Послушай себя, ты же знаешь, зачем
Ушедшие вещи вернуться не могут.
Они принесут только больше проблем.

Цена – это время в раздумьях
проклятых,
Терять его зря слишком жалко, поверь.
Мне лучше бежать в тенях злых,
горбатых,
Чем молча стоять при буйстве потерь.

Цена – это солнце, что снова угаснет,
Но если ты сможешь, – засветит опять.
Судьба, или ты настолько невластен,
Что больше не можешь отсюда бежать?

* * *

Я нарушу священный завет.
Меня вспомнят матерным словом.
Эй, казни меня, весь белый свет,
Как казнил бы любого другого!

Я сорвусь, я убегу,
Но терпеть твоих игр не стану.
Я уйду, лучше умру,
Чем всю жизнь проживу лишь обманом.

Ты прости, но я не как ты,
Не закрою глаза на бессилье.
И в погоне за светом мечты
Обойдусь без слепого насилия.

Уж пусть будет на мне сто грехов
И поломанных принципов ваших,

Чем пустота и жизни, и снов,
И сердец, навеки спящих.

Мне дороги нет в рай, но я не стремлюсь
Обеспечить комфорт после смерти,
Пока здесь, среди живых ли, еще
нахожусь,
Нарушая все ваши запреты.

* * *

Я не давала клятв, рождаясь на этот
свет,
Жить честно, знать свое место.
Я лишь живу минутой раньше,
чем запрет
Мне свои когти вонзят прямо в сердце.

Я умирала сотни раз за свою правду.
И кто же я теперь? Мудрец или глупец,
Что все убьет за немое право
Сказать, что он лишь прав, что видел
все беглец?

И отчеканивая шаг, как мне сказали,
Я все равно ни в чем тебе не поклянусь.
Миллионы клятв их обладателей
сжигали,
А я на это никогда не подпишусь.

* * *

Там, где сражается за деньги
с человеком человек,
Где на лица невинных льются грязь
и кровь,
Зарождается новый, мною проклятый
век,
Отрицающий правду, светлый путь
и любовь.
За кусок, как собаки, сколько тысяч
дерутся,
Будто лучшего в жизни они не увидят.

И порой есть желание вообще
не проснуться,
Чтоб не слышать, как все свою жизнь
ненавидят.

Не ценят до мига, когда она быстро
Скроется за горизонтом в черном
тумане,
Когда все изменит один в висок выстрел,
И смерть засмеется в пьяном угаре.

В блестящем обмане, гениальном,
всем нужном,
Совсем не простым, как наивная правда,
Зародился идеал, и мы, как игрушки,
Стоим и кричим, что нам все это надо.

Надеть эти маски, глаза ослепить!
Ваш новый век обещает быть вечным,
Ведь многим сначала надо убить,
Чтоб хоть на минуту стать человеческим.

* * *

Поэты-романтики, лирики, пленники
Чувств своих, мыслей, владельцы огня,
Что видите вы в тех людях, что ценники
Весят на всех, мир измеряют в рублях?

Что же вы слышите, братья и сестры,
В словах тех, кто мило вам в лоб говорит
Прекрасную ложь, из зла обороты?
К ним тянет доверия вечный магнит.

Что же вы поняли из дней, что прожили?
Чему научили ошибки всех вас?
Скажите, скажете мне, что их учили,
Что вы не закрыли на опыт свой глаз.

Нам столько еще предстоит оступиться,
Пугаться не надо, ведь это закон.
Чтоб что-то понять, надо снова
родиться,
Ведь права на это никто не лишен.

Ни ты и ни я, мой друг по раздумьям,
Ценить не умели до тех пор, пока
Нас наша судьба не обманула,
Мечту не сломала твоя же рука.

Поэт, не сдавайся! На то ты рожден,
Чтоб все пережить и стать только умней.
Поэт, если этот стих – всего только сон,
Пусть он станет вещим как можно
скорей.

* * *

Срывая маски вместе с кожей
С лиц лживых, пьяных дикарей,
Ищу я то, что вам дороже
До дыр затертых ста рублей.

Продать себя за жизнь на сцене
Немого театра для слепых
Ты предлагаешь мне за цену
Моих талантов, век живых.

Ты сам продался. Мир продажен.
Повсюду звон и бой монет
О то, что ты считаешь важным,
Что красит светом весь твой бред.

И, позабыв о всех раздумьях,
О чем так долго ты мечтал,
Увидев на таланте сумму,
Его б ты запросто продал

И врал бы всем, что не продажен,
Что это лишь забава сказки.
Ты стал фальшив, обезображен,
За что с тебя сорву я маску

Вместе с кожей, с твоим миром.
Что уж там теперь искать?
Ты подумай, в этом сила:
Не вздумай сердце продавать.

* * *

Ты всё планируешь азартно,
Расписан четко каждый миг,
Но кто бы знал, что будет завтра:
Улыбка, ступор или крик.

Жизнь изменяется мгновенно,
За пять минут все может стать
Совсем иначе. Неизменно
Лишь только правило: «Не ждать».

У кого-то четкий график:
Сегодня это, завтра то.
Но у него не вечный трафик,
Непрочны планы, как ничто.

Все так уверены, что годы
Пройдут лишь так, как надо им.
Потом поймут, насколько плохо
Надеждам жизнь давать пустым.

* * *

Ты мечешься снова в диком отчаянии
Из-за того, что хочешь, но люди
не примут.
Я знаю, что в этом вечном мечтании
Ты будешь всегда, как часть лжи
в интриге.

В клетке из принципов и стереотипов,
Связанный крепко чужим самомнением,
Ты миру не скажешь святое «Спасибо»,
Погрызнув в его чистом зле и сомнении.

Ты знаешь, я верю, что все
возвращается,
Жизнь ходит по кругу, над нами смеясь.
Без наказания никто не останется,
Из чьих-то кошмаров опять возвратясь.

Мечты? Что мечты? Половина сгорает.
И я не романтик, чтоб об этом кричать.
Я знаю одно, то, что время стирает
Способность кого-то вокруг замечать.

Галина Карпова

Карпова Галина Ивановна окончила Кемеровский государственный университет, филологический факультет, кандидат филологических наук, доцент.

Она разработала пять фундаментальных лекционных курсов («Устное народное творчество», «Литература народов СССР», «История русской литературы 1950–80-х годов», «История русской литературы конца XIX – начала XX века», «История русской литературы 1920–50-х годов»), пять факультативных лекционных курсов («Литературные связи А. Блока», «Драматургия начала XX века», «Проза Серебряного века», «С. Есенин и поэты его круга», «Поэтика рассказов И. С. Шмелёва»).

Много лет активно сотрудничает с писательскими организациями Кузбасса, библиотеками, организатор шести научно-практических конференций школьников и студентов «Киселёвские чтения», двух Баяновских и Небогатовских конференций в Топках и Гурьевске, круглых столов для учителей «Опыт изучения региональной литературы в школе». Живет в Кемерове.

Литературоведение, критика

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ КУЗБАССА

В современном школьном учебнике «Литература. 11 класс. Ч. 2» (авторы Виктор Чалмаев, Сергей Зинин). – М.: «Русское слово», 2013, на странице 411 сказано: «Василий Фёдоров был моральной опорой, неофициальным лидером русской *гражданственной поэзии*, противостоящей и “эстрадной” поэзии, и отчасти внесоциальной “тихой” лирике». Высокая и справедливая оценка.

В 1950–60-е годы центральными темами в поэзии В. Д. Фёдорова стали судьба народа, родины, социальной справедливости. В 1956 году поэт из Марьевки в поэме «Проданная Венера» талантливо и пронзительно изобразил драматическую и одновременно героическую судьбу Наташи Граевой. Как и многие её современницы, деревенская красавица в годы Великой Отечественной войны «с шестипудовыми мешками на перекошенных плечах» трудовым подвигом приближала Великую Победу. В знаменитой фёдоровской поэме определилась активная гражданская позиция поэта:

*Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения,
И горе одного двора.*

В 1961 году в стихотворении В. Д. Фёдорова «О Русь моя!..» была показана цена всех политических игр:

*Народ,
Извечный, как земля,
Кто б ни играл судьбой,
Все вековые векселя
Оплачены тобой.*

Идя в понимании поэтического служения вслед за Пушкиным, Некрасовым, Есениным, Твардовским, поэт у В. Фёдорова «не может быть счастливым / В тревожные для мира дни», он постоянно помнит, что «всё несовершенство мира лежит на совести его». Поэт-пророк из Кузбасса тревожится: «Сердца, не занятые нами, / Не мешкая, займёт наш враг». Эта высокая нравственная позиция поэта-гражданина прозвучала в стихотворении В. Д. Фёдорова «Рабская кровь», в поэме «Седьмое небо», где шла битва за человека, в поэме «Женитьба Дон Жуана», где шла битва за семью. Они актуально звучат именно сейчас.

18-летний Пушкин в оде «Вольность» написал: «Хочу воспеть свободу миру, / На тронах поразить порок». У Фёдорова найдём примеры обличения несправедливой власти. Стихотворение «Возвращение» (1958). Купец Афанасий Никитин говорит: «Бояре наши и вельможи / Вельмож индийских не добрей» и призывает хранить Русскую землю. Одно из лучших патриотических, программных стихотворений В. Фёдорова «С тобой, Россия» (1966). В нём прозвучали нравственные заветы поэта: не склоняться перед всевластьем силы и тьмы, не ожесточаться, чувствовать ответственность, «сил не тратить зря» и др. Слово поэта В. Фёдорова было действенным. Сказал поэт: «Коровники кирпичные, а клубик деревянный», – и сейчас в Марьевке стоит прекрасный Дом культуры. К слову поэта прислушивались. Из цикла миниатюр «Заметы»:

*Отдам народу
Сердце,
Руки,
Но только пусть не говорят,
Что я слуга народа...
Слуги
Всегда с хозяином хитрят.*

Лозунг «Депутат – слуга народа» тут же убрали.

Мощно и талантливо прозвучали в 1960–70-е годы гражданские мотивы в поэзии Игоря Киселёва. Вспомним описание жизни голодной послевоенной деревни в стихотворении «Конь», приезд туда на сытом коне безучастного к стра-

даниям и бедам людей «представителя из райкома». И финал стихотворения:

*Долго,
Пристально,
Тяжело,
Вплоть до леса за выпасами
Провожало его село
Непрощающими глазами.*

Здесь активная гражданская и нравственная позиции идут в тесной связке: нельзя быть безучастным к народному страданию, поэт живёт с народом общей жизнью. Мы знаем, как мощно прозвучала гражданская антивоенная позиция Игоря Киселёва в поэме «Яблоко», тревога за мир в стихотворениях с экологической тематикой: «Молитва лани», «Лось», «Я не люблю охоту», «Благодарю, Земля, благодарю». Тревога за возможные утраты, которые могут обернуться катастрофой для человека, прозвучала в стихотворениях «Есть женщины, похожие на пламя» («И я боюсь, что сильный ветер века / Вот-вот погасит эти огоньки», 1970), «Поединок» («Мне этот бой проигрывать нельзя», 1970). Поэтический голос Игоря Киселёва из 1970-х годов обращается к нам в XXI век:

*Если крика души не послушаем,
Если скажем ей:
– Дальше спеши!
Обернётся она равнодушием,
Эта вечная гонка души.*

< . . >

*Я со временем нашим не спорю,
Но тревога – морщинкой у рта.
Доброта!
Ты со скоростью в споре!
Я стою за тебя, доброта!*

Это строки из стихотворения Игоря Киселёва «Скорость». Есть все основания говорить о том, что поэты Василий Фёдоров и Игорь Киселёв внесли значительный вклад в русскую классическую литературу. Это классики кузбасской и, думается, русской литературы.

Кузбасская поэтическая школа заявила о себе в Советской России. С 1940-х годов создавали гражданскую лирику поэты-фронтовики Евгений Буравлёв и Михаил Небогатов. Из стихов Буравлёва 1943 года:

*Я не ищу ни славы, ни награды,
Ни для известности большого друга.
Я счастлив так, с простонародьем рядом, –
Быть рядом с ним – высокая заслуга.*

Чувство, что ты поделил с народом общую судьбу, рождало и чувство, что «ты Отчизне нужен» («Раздумье», 1943). «Мне обо всём поведать надо, / Мне дело есть до всех проблем», – написал Буравлёв в 1971 году в стихотворении «Не нужен мне блокнот с собою...». Поэт у Буравлёва – «душа, локатор планеты», в его поэзии запечатлён «огонь волнений вселюдских». У такого поэта всегда есть «критики-умники». К таким критикам обратился Буравлёв в стихотворении «Когда бы не были поэты...»:

*Откуда знать им, как ранима
Любой бедою, ложью, злом
Душа поэта-гражданина,
Как негодует совесть в нём!*

*Откуда знать им, что немногим
Дано пророков ремесло,
Чтоб протрубить сигнал тревоги –
Едва затлеет где-то зло?*

В стихах Михаила Небогатова 1943 года ярко звучала гражданская позиция. Образ солдата-пехотинца, который «только помнит об Отчизне и забывает жизнь свою» («Ответ с фронта», 1943), в лирике Небогатова одновременно обретает богатырский размах в стихотворении «Русский человек» (1943):

*Стоит, бессмертия достоин,
Непобедимый грозный воин –
Великий русский человек.*

В стихотворении «Жизнь» (8 января 1944 года) Михаил Небогатов в одическом стиле вос-

пел чувство гражданского долга, укоренённого в «душе российского народа»:

*Мне славы не надо, не надо и чести.
Я просто горжусь тем, что совесть чиста,
Что в грозное время я с Родиной вместе
Не бросил вручённого её поста.*

В 1970-е годы поэт из «провинции по имени Кузбасс» написал:

*Да, счастье – быть
Причастным к миллионам.
Народ в расчёт и тех солдат берёт,
Кто в самом малом
Пункте населённом
К большой Победе
Сделал шаг вперёд.*

Гражданские мотивы обозначились у поэтов, чьё детство пришлось на военное и послевоенное время: Виктор Баянов, Валентин Махалов, Владимир Поташов, Геннадий Юров. Виктор Баянов воспел своих земляков, людей труда (дедушка Игнат, машинист Иван Петрович), которые стали для поэта высоким примером, по которому он измеряет свою жизнь:

*Признаться, мне подарка и не надо,
А только б знать – достоин ли его.*

О наследовании вековых традиций талантливо сказал в стихотворении «Кольчуга» (1965) Валентин Махалов:

*Мой храбрый предок, мудрый предок,
Живым прошедший сквозь бои,
Я помню все твои победы
И поражения твои.
И я, наследуя, приемлю
Отвагу дерзкую твою.
Я, как и ты, в родную землю
Как будто вкопанный, стою.*

Поэт из Пскова, Владимир Поташов, именно в Кузбассе в конце 1970-х годов создал одно из лучших своих стихотворений «По небу птичья клинопись», где есть пронзительные строки:

«И некуда от родины / Единственной лететь». Важнейшей темой в поэме «Нулевое биение» Владимира Поташова стала тема корневой связи с Отечеством:

*Мы стебли от славных корней,
Мы дети той песни высокой,
Мы в землю опустимся с ней!*

В 1970–80-е годы звучали гражданские мотивы в поэзии Геннадия Юрова: в поэме «Мы все перед рекою виноваты» (1975), в стихотворениях «Вторая природа» (1982), «Совесть» (1981):

*На планете, где войны,
Где кромешно от бед,
Если совесть спокойна,
Значит, совести нет.*

Если «совести больно», то рождается и чувство ответственности перед ушедшими поколениями и перед грядущими потомками. А ощущение связи времён формирует у человека желание «Земле оставить добрый след. / Быть нужным. / Не сойти на нет». Это строки из поэмы Геннадия Юрова «Последнее представление Кемеровского цирка», глава «Полёт» (1980).

В 1990-е годы, в период перестройки, развала Советского Союза, смены приоритетов в сознании людей, может быть, сильнее, чем у других кузбасских поэтов, гражданские мотивы звучали в лирике Любови Никоновой, в её книге «Чтоб воскреснуть на этом лугу». В книге 1997 года стихотворения были напечатаны на самой дешёвой жёлтой бумаге, чего она стыдилась, но это была настоящая гражданская лирика. Кстати, творчество Л. А. Никоновой до сих пор не отмечено ни одной литературной премией. Как гражданский поэт Никонова заявила о себе в начале 1970-х годов стихотворениями «Родина» («Чем больше человек, тем больше Родина, а значит, и понятие о ней»), «Безответная любовь» (о встрече с «пугливой ящеркой», которое завершают слова тревоги человечества за будущее: «Вернувшись бесстрашно, играя с огнём, кого ты застанешь на месте моём?»). В стихотворениях Л. Никоновой «Сон 3 мая

1993 года», «Пасхальная ночь», «Прощание с 90-ми», «Русский посев» звучал голос большого гражданского поэта:

* * *

*Ты был расстрелян, Белый Град,
и обращён в горящий ад.
И тот, кто в этом упражнялся,
перед компьютером смеялся.
Торжествовал уничтожитель:
погибла ангелов обитель!
Но на другом конце земли
об этом думали иначе.
Там свечи светлые зажгли
и головы склонили в плаче...*
(«Сон 3 мая 1993 года»)

* * *

*Нет ни лучших, ни худших времён –
есть одно Воскресенье Христово!*
(«Пасхальная ночь»)

* * *

*Раскололась огромная льдина.
Мы плывем на отдельных обломках.
Вот великой реки середина –
Здесь мы вспомним о наших потомках.
Здесь решится судьба не прибывших,
Не зачатых еще, не готовых,
Наших будущих маленьких нищих,
Наших русских, по-своему новых.*
(«Прощание с 90-ми»)

* * *

*И вот лежит таинственно земля
Вне времени, не зная дня и часа,
Несбыточную думу затая
По поводу Хозяина и Спаса...
Её работники, простейшие сердца,
Опять посеяли загадочное семя.
В пространстве, не имеющем конца,
Им нужно время.
Нужно только время.*
(«Русский посев»)

Надежда на то, что при всяком лихолетье Россия выстоит, звучит в лирике Любови Никоно-

вой: «земля не потеряна, не потерян на ней человек» (строки из стихотворения «Кто вратами отважится узкими»).

Осознание общей вины за происходящее в России в конце XX века прозвучало в стихах Александра Каткова («Поколение»), Валерия Зубарева («Уроки истории»), Николая Колмогорова («Храм не храм, а как будто бы облако...»), «Ни трав, ни цветов – только полдень сырой...»). Звучит и надежда, что «страшному жребии Бог не отдаст и эти забытые дали».

Звучит эта надежда и в лирике Владимира Ширяева 1990-х годов. В стихотворении Ширяева «Откуда есть всё пошло (Хроника временных лет)» представлена попытка осознать произошедший слом жизни:

*Рухнули старые авторитеты,
Провозгласились суверенитеты.*

*Ну, а теперь – не пойму я, хоть тресни –
Брат мой живет за границую – в Бресте.*

*Тесть за границей – на Украине.
Вот навязали! Вот накрыли!*

Выход из ситуации раскола, размежевания поэту подсказывает природа:

*Осыпает меня листьями...
Надо мной – в золотом сиянье –
Улетают куда-то стаи –
Нераздельны и несляпанны.*

*Если даже простые птицы
К самой главной причастны тайне,
то не стыдно ли нам толпиться,
Путь себе пролагать локтями?..*

Дело поэта и человека – созидание, какие бы ни были времена. Об этом стихотворение В. Ширяева «Посадка кедров»:

*Придёт какая ли беда,
Шалют ли нервы, –
Не унываю: я тогда
Сажая кедры.*

Национально-патриотические мотивы ярко прозвучали в лирике Виталия Крёкова 1980–90-х годов: «Поле Родины» (1983), «Поле Куликово» (1988), «Когда в унынье ум и сердце ропщет» (1994), «Если станет с деньгами по-лучше...» (2000). Все они вошли в книгу стихов «Деревьев люд смиренный» (2005). О проблеме духовного недокорма – стихи Тамары Рубцовой, вошедшие в книгу «В золотой колыбели у Бога» (2008): стихотворение «Сиротство» (о «детях, забытых в детских домах»), «Поколение Каинов, / Судеб нераскайных...», «Очередь» (об отношении к инвалиду-афганцу). В стихотворении «Среди жаргона молодёжного...» звучит надежда поэта, что «окончится содом, и Русь вернётся в Отчий дом».

К гражданской лирике смело можно отнести лирику Бориса Бурмистрова рубежа XX–XXI веков. Это и стихотворения из сборника «Поклонись Земле русской» (1992): «Родова», «Я сын любви, я внук раздора», «Погорельцы». И более поздняя яркая зарисовка последствий эпохи перестройки в стихотворении «Бомж» из книги «Сквозь сумерки времён» (2011):

*Ни угла, ни калиточки нету,
И в кармане давно ни гроша.
Одиноко гуляет по свету
Позабитая всеми душа.*

В стихотворении «На дворе 1998 год» – переживание последствий процесса американизации русской жизни. Поэт почувал эту опасность для России, когда русские забыли, что они русские.

*В своей стране мы не свои,
В чужой стране совсем чужие.
Да где ж вы, русичи мои?
На сердце раны ножевые.*

Поэт рисует трагический образ России, страны, которая нуждается в возрождении. В стихотворении «Я покидаю с горечью тебя, – Москва, Москва – нерусская столица...» звучат горькие строки: «Мне, русскому, хаят здесь и грубят». Завершают стихотворение слова покаяния поэта:

*Москва, Москва, прости мне этот стыд
За всех, за всё и за моё молчанье
Прости меня...*

Что делать? Каким путём идти дальше? Путём сострадания ближним:

*Мы разучились плакать,
А надо бы уметь,
Среди житейских тягот –
Страдать, любить, жалеть.*

Выход, который видит православный поэт-гражданин, – в стихотворении Б. Бурмистрова «Голоса людей, как птицы...»:

* * *

*Голоса людей, как птицы,
Разлетаются по свету.
Никакой такой границы
Между нами в мире нету...
Голос твой всё выше, выше...
Есть одно у нас пространство, –
Где мы все друг друга слышим.*

Уметь слышать другого, ценить написанное другим, радоваться художественному слову другого писателя, а не бахвалиться своим. Такой пример дал нам Иван Бунин в романе «Жизнь Арсеньева». Основная тенденция современной поэзии – уход в себя. Свой внутренний мир интересует поэтов больше, чем окружающая действительность. Общество устало от политики и идеологии. Однако гражданская лирика прорывается и у интеллектуальных, и у философствующих лириков. Чем не гражданская лирика стихотворение Дмитрия Мурзина «Носитель языка»? Поэтические таланты в Кузбассе не перевелись. Хотя многим стихотворцам нужно учиться самокритике.

Среди новых книг, изданных в Новокузнецке в 2014 году, – книга «Вечные чувства в стихах современных поэтов» с подзаголовком «Хрестоматия для старшего школьного возраста». В ней опубликовано стихотворение В. Д. Фёдорова «Совесь», а окружают его множество стихов самодеятельных авторов, порой не выдерживающих эстетической критики. Так как

слово «хрестоматия» с греческого означает «хороший, полезный» и «знание», то, если издание включает низкопробные стихи, называть новое издание хрестоматией не следует. А вот пополнить школьные библиотеки изданиями лучших профессиональных писателей Кузбасса необходимо.

ВЫМЫСЕЛ И ПРАВДА ЖИЗНИ В ПОЭМАХ В. Д. ФЁДОРОВА «СЕДЬМОЕ НЕБО» И «ЖЕНИТЬБА ДОН ЖУАНА»

Жизнь и творчество Василия Дмитриевича Фёдорова (1918–1984) пришлось на советский период русской истории. Уже один этот факт позволяет говорить о литературоцентричном сознании писателя и благоговейном отношении к книге. В. Д. Фёдоров был девятым ребёнком в семье Дмитрия Харитоновича и Ульяны Наумовны Федоровых, уроженцев деревни Марьевка Судженского уезда Томской губернии, читать научился ещё до школы. В автобиографическом эссе «О себе и близких» (1973) поэт писал: «Братьям же, Андрею и Петру, я обязан ранним знакомством с настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло. Ставшие комсомольскими, а затем партийными работниками, призванными в города, они торопились восполнить недостаток образования, особенно Петр. Если в разговоре с ними какой-нибудь эрудит называл неизвестного им писателя или поэта, они по-крестьянски старались не подать вида, что не знают их, зато в тот же вечер шли в библиотеку. В отпуск братья приезжали с тюками разнообразных книг, которые потом оседали в нашем доме» [4].

В поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» (1959–1967) авторитет художественной литературы как хранилища духовно-нравственных основ

жизни непререкаем: «Студентами, / Стремясь к героическому, / Чужую мудрость жадно пьем. / По Пушкину, / По Маяковскому, / По Циолковскому живём» [5, с. 26–27]. В иронической поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» (1973–1977) необходимость книг-воспитателей внутреннего мира читателя, существование книг-учителей жизни автором не отрицается. В финале поэмы названы значимые для читателей советской эпохи книги: «Мы мужеству учились на «Разгроме», / На том пути, «Как закалялась сталь» [5, с. 332].

Читательский опыт В. Д. Фёдорова отразился в автобиографической поэме «Седьмое небо». Главный герой фёдоровского романа в стихах Василий Горин не только курсант аэроклуба, позднее техник Иркутского авиационного завода, но и читатель. Свою возлюбленную Марьяну, курсантку сибирского аэроклуба второй половины 1930-х годов, он прозвал Аэлитой. Автор «Седьмого неба» пояснил читателям поэмы, что имя литературной героини из одноимённой повести А. Н. Толстого «Аэлита» (1937) «привилось» в жизни. Среди писательских авторитетов, знатоков «высшей Правды», названы в поэме «Седьмое небо» «суровый Дант», Шекспир. Упомянуты шекспировские герои – Лир, Макбет, Гамлет. Короля Лира напоминает Василию Горину режиссёр самодеятельного театра в Иркутске. С образом Гамлета ассоциации значительно масштабнее: «Но жив народ – извечный Гамлет. / Быть или не быть? / Подай ответ».

Сравнение народа с героем знаменитой трагедии Шекспира связано с осмыслением в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» трагической судьбы народа, находившегося в ситуации экзистенциального выбора в разные периоды советской истории: гражданская война, политические репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война на фронте и в тылу, трудности послевоенного времени. Народ в годы революций, политических репрессий, Великой Отечественной войны вынужден был решать гамлетовский вопрос. Поэма В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» – одно из лучших поэтических произведений, отразивших эпоху политических репрессий 1930–40-х годов, наряду с «Реквиемом» (1935–1940) А. А. Ахма-

товой, поэмами «За далью – даль» (1950–1960), «По праву памяти» (1967–1969) А. Т. Твардовского. Работа над поэмой «Седьмое небо» совпала с периодом реабилитации несправедливо осуждённых в период сталинского тоталитарного режима. Рассказать о бескорыстном служении Родине, народу многих людей, ставших жертвами несправедливых политических репрессий, – было одной из важных задач создателя поэмы «Седьмое небо» (1959–1967).

Роль искусства в жизни человека не главная тема поэмы «Седьмое небо». Напротив, там есть пример вмешательства жизни в художественное произведение. В самодеятельном театре в Иркутске в конце 1930-х годов ставят спектакль «Горе от ума». Роли Чацкого и Софьи играют Василий и Дина. После утраты вышедшей замуж возлюбленной Марьяны Василий Горин так входит в роль Чацкого, в «чужую любовь», что происходит необычное:

Своя печаль была обычна:

Без слов любил,

Без слов страдал.

А здесь я Чацкого играл.

А здесь я милую карал

Своею дикцией трагичной.

Не говорил –

Спускал курки,

Испепелял высоким жженьем.

И Софья, пьесе вопреки,

Ко мне метнулась

С утешеньем...

Кардинальную корректировку судеб героев пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» зрители спектакля (они же одновременно и читатели книги, включенной в школьную программу) принимают с восторгом:

Зал

Ликовал.

Лишь режиссер,

Как Бог в своей первейшей драме,

Во гневе длань свою простёр

И, осудив,

Расстался с нами.

*Шёл снег.
Настроенные грустно,
Мы по задворкам и задам
Из рая вечного искусства
Брели, как Ева и Адам.*

Отсылки читателей поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» к библейским и литературным сюжетам и персонажам являются свидетельством значимости книги для советского народа. Книга как носитель и хранитель нравственного идеала выполняет миссионерскую функцию: объединяет народ вокруг высших духовных ценностей. Однако читатель книг из народной среды способен порой не принять авторский замысел. Главный герой поэмы Василий Горин свой поиск истины ведёт не только по художественным книгам.

По воспоминаниям Б. В. Иванова, который в 1971 году слушал поэму в авторском исполнении, В. Д. Фёдоров сказал слушателям: «Ну, вот и всё. Главную свою работу завершил» [2]. Думается, что в определение «главная работа» поэт вложил надежду на то, что поэма «Седьмое небо» станет полезной книгой для будущих читателей.

Последняя эпическая поэма В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» завершается надеждой автора на то, что его книга станет нужной читателю:

*И если бы
При виде тяжких мук
Обиженному другу верный друг
Сказал однажды, поздно или рано:
– Из многих книг, а их хоть пруд пруди,
Ты книгу, если есть она, найди
И перечти «Женитьбу Дон Жуана»! –
Тогда б я и за гробом верил страстно,
Что жизнь свою
Потратил не напрасно!*

Поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» и «Женитьба Дон Жуана» были высоко оценены критикой 1970–80-х годов. Автор эпических поэм в 1968 году стал лауреатом Государственной премии РСФСР, а в 1979 году – лауреатом Го-

сударственной премии СССР. Критики М. Числов, Ю. Л. Прокушев и другие отметили правдивость и философичность поэтической диалогии В. Д. Фёдорова: «точно следует правде жизни» (М. Числов), «каждая из семи её иронических песен-глав – музыка правды, музыка жизни» (Ю. Прокушев). Эту мысль поддерживает и Л. В. Полякова. Литературовед отмечает, что «Женитьба Дон Жуана» В. Д. Фёдорова – «бесспорно, крупное явление литературной жизни наших дней», в котором «максимально использованы возможности поэмого жанра. Драма и фарс, миф и детектив, сатира и трагедия, романс и тюремная песня, свадебный обряд и публицистика, лёгкая мелодрама и истинно великие страсти, дидактика и философские этюды, сцены жизни авиационного завода, заботы тещи, смерть, бесшабашная бравада беспечной молодостью, рождение сына и вместе с ним нового героя – всё связано диалектическим взаимопроникновением, создаёт художественную иллюзию достоверности, доподлинности, реалистичности» [3, с. 204].

Л. В. Полякова убедительно обозначила байроновско-пушкинскую традицию в поэме: «Фёдоров более всего, думаю, приближает свою поэму к байроновскому “Дон Жуану”. Она построена по тому же принципу “эпической” поэмы, как определял своё произведение Байрон, по принципу романа в стихах, где бытовая тема становится основой создания социально-философских обобщений, а обращение к легендарному герою – способом раскрытия злободневных проблем современности». Ценными являются следующие наблюдения исследователя: «Как и Байрон, Фёдоров не следует литературной и мифологической традиции, смело порывает с ней: в поэме не только Жуан преследует женщин, но и они его. Имя фёдоровской героини Аделаиды, спасительницы Дон Жуана, сходно с байроновской Аделиной, вздумавшей “спасти” его, “безотлагательно женить”. Байрон собирался женить своего соблазнителья, у него же появился и мотив чадолюбия Дон Жуана, спасшего ребёнка» [3, с. 202]. Заметим, что поэма В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» не была включена в книгу: Дон Жуан русский: антоло-

гия / сост., предисл. и примеч. А. В. Парина. – М.: Аграф, 2000. – 576 с. Составитель, вероятно, опасался, что соседство иронической поэмы В. Д. Фёдорова с современной иронической комедией Л. А. Корсунского «Женитьба Дон Жуана» развеет у читателя мнение об оригинальности замысла произведения Л. А. Корсунского, пьесу которого смело можно отнести к массовой и коммерческой литературе.

В поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» размышления о роли литературы в жизни человека являются первостепенными. В самом начале поэмы «Женитьба Дон Жуана» заявлено:

*Все мы цитатчики,
Все мы богаты
Не на свои слова,
А на цитаты.*

Уже при описании главных героев, Наташи и Жуана, активно использованы цитаты. В обрисовке Наташей Кузьминой процитирована строка из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» («Служенье муз не терпит суеты...»):

*Мне Пушкин по душе,
Сказавший здраво:
«Прекрасное должно быть величаво».*

При обозначении судьбы Жуана использована неточная цитата из Священного Писания: «От больших знаний / Больше страданье». В Ветхом Завете, в Книге Екклесиаста или Проповедника, сказано: «Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (гл. 1, 18). В пятой главе песни при описании жизни Жуана в тюрьме на помощь автору приходит строка из трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта»:

*И не было печальнее на свете,
Чем были для него
Минуты эти.*

Окультуренное мышление автора-творца поэмы выдаёт в нём внимательного читателя книг, знатока «мировой культуры», литературных

«бродячих сюжетов». Он знает, как Дон Жуан «соблазнял по Мольеру», как его «по Байрону – в серале наложницы султана соблазняли».

Чужое слово представлено эпиграфами в каждой из семи песен иронической поэмы В. Д. Фёдорова. Четыре эпиграфа – это цитаты из художественных произведений: Байрон Д. Г. «Дон Жуан» (1818–1824), Пушкин А. С. «Каменный гость» (1830), Лермонтов М. Ю. «Ребенка милого рожденье...» (1839), Есенин С. А. «Может, поздно, может, слишком рано» (1925). Чужое слово Байрона, Пушкина, Лермонтова, Есенина выступает у В. Д. Фёдорова в позиции «чужое как своё», определяя читательские приоритеты автора поэмы.

Эпиграфами ко второй и пятой песням стали русские пословицы. Эпиграф к первой песне «У Бога мёртвых нет» обозначен как «древняя мудрость». Он относит читателя к Библии, в частности, к Евангелию от Луки: «Бог же не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (ЛК: 20, 38). Эта мысль была зафиксирована в догмате «Символ Веры», а в русской поэзии прозвучала в стихотворении Н. И. Гнедича «У Бога мертвых нет» (1819):

*Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность,
годы,
Но некогда весна бессменная придет.
Жив Бог! Жива душа! И, царь земной природы,
Воскреснет человек: у Бога мертвых нет!*

При выборе эпиграфов в один ряд со словом Священного Писания и народной словесной мудрости поставлено авторитетное художественное слово, что подтверждает ценностную значимость художественных книг. Вслед за Д. Г. Байроном и А. С. Пушкиным В. Д. Фёдоров в поэме «Женитьба Дон Жуана» талантливо продолжил разговор об опасностях и пользе книг в жизни человека. Отметим, что в отличие от Василия Горина из поэмы «Седьмое небо» фёдоровский Жуан не выступает в роли читателя книг, правда, он сочиняет и поёт романсы и песни. Заметим, что Дон Жуан Д. Г. Байрона художественных книг не читает и стихов дамам не пишет.

*Жуан имел поверхностное знание
Литературы – и учёных жён
Экзаменом, похожим на дознание,
Был крайне озадачен и смущён.
Предметом изучения и вниманья
Войну, любовь и танцы выбрал он... [1].*

Недоверие байроновского Дон Жуана к литературе объяснено следующим образом:

*Познав людей, он ясно понимал,
Что трезво их никто не описал.*

Дружбы с псевдописателями (их «десятки сотен») байроновский Дон Жуан не заводит, так как трезво осознаёт:

*«Великих литераторов» сейчас
Любой журналчик расплодил у нас.
Раз в десять лет «великие поэты»,
Как чемпионы в уличном бою,
Доказывают мнительному свету
Сомнительную избранность свою...*

Байроновский Жуан не доверяет таким книгам. Автор-повествователь в иронической поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» знает, что «жизнь старше книг», но этого не знает его героиня. Ученье жизни по книгам вредит красавице Наташе Кузьминой:

*Ей слово клятвы –
Не словесный хлам,
Она была хозяйкою словам,
В них голос сердца был и голос крови.
Её учил учитель и поэт,
Что если слова нет, то жизни нет,
Всё в этом мире держится на слове.*

Полное доверие к художественным произведениям о благородных героях мешает наивной Наташе увидеть, что объект её первой любви, Вадим Гордеев, лишён благородства литературных персонажей. Начитанность приводит героиню к глупым поступкам и ироничной авторской оценке:

*Иные скажут: «Цельная натура».
Натура – да,
Но дура, дура, дура!*

Как и пушкинские героини (вспомним Марию Гавриловну из «Метели»), Наташа примеряет на себя модель поведения книжных героев, не ощущая несовпадение книжной и жизненной ситуации. Такое «книжное» поведение героини получает отрицательную авторскую оценку:

*Обидно зло,
Обидней во сто крат
Любовь и благородство невпопад,
Самовнушённые по школьным книгам,
Меж тем, когда читаем книги мы,
То лишь щекочем слабые умы
Мечтаньями великих о великом,
Иначе бы – Толстого прочитал,
Так сразу бы
Философом и стал.*

В интервью газете «Советская культура» от 13 ноября 1979 года В. Д. Фёдоров так прокомментировал судьбу Наташи Кузьминой: «Её школьная клятва Вадиму, по существу, клятва всему возвышенному, воспринятому из литературы – из Пушкина, из Лермонтова, из Байрона. Знай она, что её Жуан – тот самый, воспетый этими великими поэтами, она не поступила бы так опрометчиво. Она, как и многие, оказалась нравственно недоучившейся, что и привело её к трагическому финалу».

Упоминание имён Франчески и Паола, Тамары и Демона, Марии Магдалины и Христа подсвечивает историю Наташи Кузьминой. В «Божественной комедии» Данте подчёркнута искусительная роль книги в сближении Франчески и Паола («Ад», песнь V): Франческа признается, что «повесть победила нас», чтение «сладостного рассказа» о Ланчелоте подтолкнуло героев к поцелую. Л. В. Полякова справедливо замечает, что «в судьбе Наташи мы узнаём судьбу Тамары, смерть которой принёс горячо любящий Демон. В описании заболевания Наташи и самочувствия Тамары перед гибелью есть сходные интонации» [3, с. 204].

В четвертой песне «Женитьбы Дон Жуана» В. Д. Фёдорова герою «бродячего сюжета» ставится в вину, что он сам «породил Вадима, собравшего в себе твоё хламьё». Сибирский вариант Дон Жуана XX века оказывается сниженной пародией литературных героев Д. Г. Байрона и А. С. Пушкина. Речь автора в защиту своего героя-друга на суде обращена к читателю, которого он предупреждает, что не надо судить о жизни и людях «книжно»:

*Историю, когда она подвижна,
Судить не надо
Запоздало книжно.*

*Мы к новому
С поспешностью возможной
Всегда подоспеваем с меркой прошлой...*

«Бродячие» сюжеты в XX веке существенно скорректированы. В третьей главе-песне рассуждение о сводничестве Поэта и Музы завершается сопоставлением сюжета фёдоровской поэмы с сюжетом «Фауста» И. В. Гёте:

*Так Мефистофель, дьявол знаменитый,
Свел Фауста
С невинной Маргаритой.
А мы, наоборот,
Жуану в милость
Подсунули коварную невинность.*

В первой песне фёдоровский Жуан сравнивается с Онегиным. Оба литературных героя попали в сходную ситуацию. Инженер-конструктор на сибирском авиазаводе, Жуан благородно отказывается влюблённой в него Аделаиде:

*– Вы хороши... Я недостойн Вас!.. –
И прочее... Ну, словом, как Онегин...*

В обрисовке главного героя поэмы автор-повествователь прибегает к поиску литературных прототипов. Среди литературных прототипов фёдоровского Жуана не только Дон Жуаны Байрона, Мольера, Пушкина, Есенина, но также Гамлет и Онегин. Сопоставление с ними вы-

свечивает ещё один «бродячий» сюжет – сюжет утраты героем возлюбленной/жены. В финале поэмы В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» герой-вдовец вновь не женат.

Литературное мышление автора-творца иронической поэмы многообразно представлено. Например, в обрисовке эпизодических персонажей. Портрет сокамерника Жуана: «Худой и тонкокожий, лицом на Грибоедова похожий». В третьей главе-песне для оправданий запоя Жуана автор использует примеры из литературы, фрагментарно цитируя «Незнакомку» А. А. Блока:

*Испанец обрусевший
Пил горькую, как истинный русак.
Припав к стакану, друг на скользком дне
Искал всё ту же
Истину в вине.*

Правдивость литературного примера далее подтверждена автором примером из жизни:

*Когда-то Герцен с болью признавался,
И здесь его признания важны,
Что долго после гибели жены
Он этому пороку предавался.
А между прочим, как и в песне нашей,
Его любимая
Звалась Наташей.*

Правда книг подтверждена в «Женитьбе Дон Жуана» В. Д. Фёдорова живучестью литературных персонажей, их обнаружением в новом времени. Это не только два варианта образа Дон Жуана: Жуан и его пародийный двойник Вадим. Образ Марфы Тимофеевны, матери Наташи и тёщи Жуана, подтверждает правдивость образа Матрёны Тимофеевны, запечатленной Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Этот тип русской женщины, носительницы многовекового опыта народа, ещё не исчез из жизни в XX веке. В системе персонажей иронической поэмы В. Д. Фёдорова образы матери и дочери противопоставлены: Марфа Тимофеевна – носительница жизненного опыта и вековой народной мудрости, Наташа – носительница книжного багажа. У Марфы Тимофеевны есть не только

женский, но и мужской литературный прототип – Шерлок Холмс. Как и знаменитый сыщик А. Конан Дойла, она лучше МУРа распутывает амурные дела Наташи и Вадима Гордеева.

Иногда автор-повествователь в поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» не конкретизирует героев художественных произведений, позволяя читателю выстроить их ряд, опираясь на свой читательский опыт:

*Ведь на земле всё та же маята,
Хотя века над миром пролетели.
О, сколько женщин!
Как они глядели
В холодные речные омуты!*

Кроме отсылок к художественной литературе, культурное поле поэмы включает музыкально-песенный пласт. Это и знаменитая пионерская песня «Картошка», и любимая народом песня «Славное море – священный Байкал...», и солдатская строевая песня «Мы, как лётчики, как лётчики, крылаты». Большинство песен поёт главный герой иронической поэмы. В первой главе Жуан исполнил для автора-друга исповедальный романс «Обманутый в жизни судьбою зловещей...». Второй романс-серенаду «Радость, нежность и тоска...» герой поэмы поёт на своей свадьбе для Наташи. Завершается он словами: «Я не скоро разберусь, в чём твоё очарование». В третьей главе, потрясённый внезапным уходом молодой жены, фёдоровский Жуан уже без гитары поёт романс «Моё сердце, молчи, как молчат в одинокой квартире...». В пятой главе в душе Жуана звучит тюремная песня «Долго ждать не могу, помани – прибегу...». В шестой главе Жуан, после героической борьбы с лесным пожаром, оказался запевалой строевой песни «Гей-гей, шевелите ногами, шагайте вперёд веселей...». В седьмой главе герой поёт колыбельную песню «Спи-засни, мой сыночек...».

Роль песен, которые исполняет главный герой поэмы, заключается в том, что они помогают автору дорисовать психологический портрет и показать внутреннее перерождение героя, простившего измену жены, благодарного Наташе за рождение сына. Текст сентиментальной тюрем-

ной песни, возможно, навеян стихотворением Э. Асадова «Я могу тебя долго ждать...» и ироническим к нему отношением автора и героя. В песне фёдоровского Дон Жуана содержание асадовского текста вывернуто наизнанку, превращено в антипод.

Во второй главе-песне, уходя со свадьбы, автор-друг Жуана слышит всего одну строчку песни из виктролы: «О Марианна!..» Комментарий к популярной песне поможет нам обозначить время, описанное в поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана». В 1957 году в СССР вышел на экраны приключенческий фильм-спектакль «Дон Сезар де Базан», в котором много песен исполнили танцовщица Маритана и главный герой, попавший, как и Жуан, в тюрьму. Песни из фильма стали популярны, имя «Маритана» легко заменили на «Марианна». Этот факт позволяет нам понять, что события, изображённые в иронической поэме В. Д. Фёдорова, происходили не ранее конца 1950-х годов.

Среди вставных текстов можно назвать экспромт, сочинённый автором-повествователем в милиции и записанный дежурным милиционером «с голосом весёлым» не в протокол, а для себя:

*Скажу,
Невзирая на лица,
Маяковский лжёт.
Моя милиция меня
Не бережёт!*

Поэтическая импровизация отсылает к строчке В. В. Маяковского «Моя милиция меня бережёт» из поэмы «Хорошо!» (1927). Фёдоровский экспромт о милиции сегодня в интернет-изданиях употребляется как частотно цитируемые плакатные строки без соотнесения с произведением и автором.

В иронической поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» образы сотрудников советской милиции представлены многообразно. Это весёлый и человечный дежурный милиционер. Это и начальник тюрьмы («бравый подполковник»), который увлекается «стихами» и соглашается оставить на стене камеры рисунок обнажённой «дамочки» в духе Ренуара «в пристойной

позе / И с улыбкой кроткой». Это и начальник колонии, разрешивший заключённым спеть песню после тушения лесного пожара. Милиционерам, любителям поэзии, противопоставлены старший лейтенант с «праведным бесстрастьем», молодой следователь-стажёр, прокурор на суде, которые не вникают в «судьбы человека» и не интересуются искусством. Можно сделать вывод, что образы милиционеров в «Женитьбе Дон Жуана» вносят коррективы в безупречно-положительный образ советского милиционера «Дяди Стёпы» С. В. Михалкова и одновременно вступают в спор со сниженным образом милиционера в стихах Д. А. Пригова.

Среди известных советских писателей в поэме фигурируют А. Сурков, Н. Погодин. Когда автор в «Женитьбы Дон Жуана» иронически замечает, что преступникам, с которыми находится Жуан в советской тюрьме, пригодился бы Погодин, то автор намекает не на знаменитую пьесу о В. И. Ленине «Человек с ружьём» (1937), а на агитационную комедию «Аристократы» (1934), в которой чекисты перевоспитывают уголовников на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Тема перерождения преступников в пьесе Н. Ф. Погодина получила облегчённое решение, стала на многие годы хрестоматийным примером «перевоспитательного» процесса. Ирония автора-повествователя «Женитьбы Дон Жуана» связана с оценкой слабых возможностей идеологизированной советской литературы в деле перевоспитания масс, так как в конце 1950-х и в 1960-е годы в советских тюрьмах продолжают сидеть воры, мошенники и другие преступники.

В «Женитьбе Дон Жуана» В. Д. Фёдорова немало упоминаний деятелей изобразительного искусства: Рембрандт ван Рейн с «Ночным дозором», И. К. Айвазовский с «Девятым валом», П. О. Ренуар, скульптор С. Т. Конёнков и др. Упоминание произведений словесного, музыкального, изобразительного, театрального искусства и их создателей направлено на осмысление роли искусства в жизни, проблем их взаимодействия. В поэме «Женитьба Дон Жуана» В. Д. Фёдорова примеров активного перетекания жизни в искусство не мало. Суд воспринимается автором-героем «драмтеатром», судебное заседание – «спектаклем»:

*Суд – не игра,
А всё же, всё же, всё же
Пружины их невидимые схожи.
Хоть на суде поглубже скрыт азарт,
Зато в страстях не меньше интереса.
Почти весь ход судебного процесса
Напоминает чем-то драмтеатр,
Где впечатляет голый жизни фактор,
Где гениален
И бездарный автор.
Здесь каждую написанную роль
Диктует непридуманная боль,
Душою пережитая и плотью.*

Вспомним у Д. Г. Байрона в «Дон Жуане»: «Конечно, жизнь комедии сродни». Жизненные судьбы оказываются порой замысловатее и трагичнее выдуманных литературных судеб:

*Я горько плачу...
Милые, доверьтесь
Моим слезам над выдумкой моей.
Нет, выдумайте собственных детей,
Жените плохо, а потом и смейтесь!
Не до игры, сама игра порой,
Дойдя до слёз,
Не кажется игрой.*

Жизнь перечеркнёт намеченные автором-творцом известные ему литературные схемы и направит его к изображению «правды жизни». Какой должна быть нужная читателю книга? Во второй песне Муза даёт установку творцу поэмы: «Вот и твори, на горькой правде зрея». Д. Г. Байрон в поэме «Дон Жуан» неоднократно подчеркивал, что его книга правдива: «Мой стих правдив – и тем уже хорош», «Но муза неподкупна и вольна, / Она с газетой дружбы не водила», «Открыто правду говорю я вам». В поэме Байрона главная установка автора – сказать правду, высветить Истину, даже если правдивость осложнит его жизнь:

*Не скоро миру явится всему
Свет истины. Пока я принуждён
Смириться, пребывая в ожиданье;
Я с Истиной делом почёт изгнанья!*

О правдивой художественной литературе байроновский повествователь рассуждает и в четырнадцатой песне «Дон Жуана»:

*Как помогли б правдивые романы
Познанию жизни, мира и людей!*

Однако автор осознаёт ограниченность возможностей познать Истину даже гениальными писателями:

*Ещё пытливость наша не сумела
Решить проблему вечности, и нам
Невнятна суть вещей ни здесь, ни там.*

В третьей-главе песне «Женитьбы Дон Жуана» В. Д. Фёдорова представлен сниженный образ поэта-пророка, который не становится для Наташи таким авторитетом, как Христос для «библейской Магдалины»:

*А нынче у безбожного поэта
Такого всё же
Нет авторитета.*

Авторитет автора-творца поэмы о новой судьбе русского Дон Жуана возрастает по мере его постижения и приобщения к сути Творца. В начале поэмы В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон Жуана» были противопоставлены два образа: творящего «художника – полубога» и «Влюблённого – Бога». К концу поэмы не только герой Жуан, но и автор преобразуется, избавляется от излишней самоуверенности («судьба героя нам всегда видней»). Обращаясь к читателю поэмы в финальной песне, автор-повествователь прозревает и понимает суть замысла созданной им книги:

*Но я писал без мысли, чтобы легче,
Нет, не Стихи, а Судьбы Человечьи
В мучительных исканиях путей,
В исканиях Любви – до понимания
Её, как высшего
В нас достоянья.*

Противостояние жизни и искусства окончательно снято в седьмой главе-песне. Рукопожа-

тие автора-повествователя и Жуана завершается признанием «равенства и братства» героя и автора: герой «тащит» своего автора, а автор оживляет вечного героя в новом столетии. В. Д. Фёдоров во вступительной статье к своей итоговой книге «Поэмы» (1983) отметил: «У поэмы большая достоверность событий, особенно у поэмы характеров. Герои поэмы контролируют материал, принимают или не принимают то, что предлагает поэт – и в смысле поступков, и в смысле их словесного выражения. <...> Работа над поэмой требует от поэта много, но и много дает. По существу, рабочий процесс над ней – это процесс познания жизни» [5, с. 6]. Культурный багаж помогает автору поэм «Седьмое небо» и «Женитьба Дон Жуана» постичь внутренние законы человеческих взаимоотношений в дружбе, любви, семье, обществе.

Многочисленные отсылки к античным, библейским, литературным сюжетам отличают поэму «Женитьба Дон Жуана» от поэмы «Седьмое небо». Однако литературная поэма В. Д. Фёдорова о Дон Жуане – это одновременно и поэма о правде жизни, и гимн радостям жизни. В лирических отступлениях прославляется и воспевается природа (море, реки Сибири), труд, семья, женщина. Особо воспеты родильный дом, блюда сибирской кухни (пельмени, рыбный пирог), тёща и т. д.

В иронической поэме В. Д. Фёдорова важной темой разговора автора с читателем стал вопрос о роли книги в жизни человека. «Женитьба Дон Жуана» В. Д. Фёдорова не просто новая обработка «бродячего» сюжета, а самобытное произведение о русской жизни и русских читателях в XX веке.

В конце 1970-х годов в авторской иронии «Женитьбы Дон Жуана» начали звучать и тревожные звоночки о начинающемся кризисе литературоцентризма. Отсюда и желание поэта Василия Фёдорова «уйти под защиту народа»:

*Мне б,
Не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.*

*Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну хотя бы до восхода.
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.*

Русский поэт советской эпохи Василий Фёдоров твёрдо знал, что «поэту прежде всего принадлежит человек, а в человеке – весь мир», если человек читает книги [5, с. 10].

Литература

1. Байрон Д. Г. Дон Жуан / пер. с англ. Т. Гнедич // Байрон Д. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон Жуан. – М., 1972. – С. 609–610. – (Библиотека всемирной литературы, т. 67).
2. Иванов Б. В. Именно такой // Иванов Б. В. Свой метр и ритм. – М.: Советская Россия, 1974. – С. 155.
3. Полякова Л. В. Конец героя – возрождение героя («Женитьба Дон Жуана» Василия Фёдорова) // Русская литература. – 1987. – № 1.
4. Фёдоров В. Д. О себе и близких // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1988. – Т. 4: Наше время такое... О поэзии и поэтах. – С. 33.
5. Фёдоров В. Д. Женитьба Дон Жуана // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1988. – Т. 3.

МОТИВ СУДА В ПОЭМЕ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «СЕДЬМОЕ НЕБО»

В 1982 году в предисловии к книге «Поэмы» Василий Дмитриевич Фёдоров отметил, что «добрую половину всей моей поэтической продукции представляют поэмы» [10, с. 3]. К работе над автобиографической поэмой «Седьмое небо» (1959–1967) В. Д. Фёдоров приступил, имея опыт создания пятнадцати поэм. Книга «Лирическая трилогия», положившая начало его поэтному творчеству, вышла в Новосибирске в 1947 году. В 1968 году, в год своего 50-летия, В. Д. Фёдоров стал лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького, поэма «Седьмое небо» получила высокую оценку в критике

1960–70-х годов. По воспоминаниям Б. В. Иванова, который в 1971 году слушал поэму в авторском исполнении, В. Д. Фёдоров сказал слушателям: «Ну, вот и всё. Главную свою работу завершил» [4, с. 155].

Через пятнадцать лет после издания поэмы автор так оценил свою работу: «“Седьмое небо” – это произведение о моем поколении с его довоенной романтикой и суровой реальностью войны. Это поэма о годах нашей юности с их взлетами и социальными издержками. Я писал ее в пору, когда новое поколение открыло космическую эру и Гагарин совершил свой первый звездный полет. Известие о его полете совпало со временем работы над четвертой главой с названием «Земля и Вега», в которой мой герой Василий Горин рассказывает о своем фантастическом пребывании на далекой звезде. Реальное событие стало продолжением сна. <...> В “Седьмом небе” мне, на мой взгляд, в какой-то мере удалось реализовать свою давнюю мечту о многоплановой поэме с эпическими героями. Не каждый герой дает возможность рисовать социальную картину мира, а вот Горин, Марьяна и Борис с их сложной любовью даже и не мыслились вне социальных потрясений» [10, с. 6–7].

Поэма «Седьмое небо» состоит из десяти частей: «Вместо эпитафии», «Первая высота», «Чужая жизнь», «Лирическое отступление», «Земля и Вега», «Память века», «Москва, Москва...», «Смертная высь», «Крылья на полдень», «Эпилог прощания». Как и в книге «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского, каждая глава «романической поэмы» «Седьмое небо» завершена. По мнению известного московского критика И. В. Денисовой, «каждая глава – самостоятельная поэма (а может быть, и поэтическая новелла), вновь подтверждающая, что Василий Фёдоров справедливо считается несравненным мастером современной компактной драматической поэмы» [3, с. 60]. Основных глав с эпическими героями семь, что соотносится с заглавием поэмы «Седьмое небо». Глава о Дине названа автором «Лирическим отступлением», так как история о ней, по словам создателя поэмы, «явление частное».

Заглавие поэмы «Седьмое небо» связано с представлением о седьмом небе рая. Небо,

по Аристотелю, состоит из семи сфер. Самое высшее седьмое небо в средневековых представлениях было обиталищем ангелов у Престола Божия. Выражение «быть на седьмом небе» означает быть безгранично счастливым. Критик журнала «Наш современник» А. Романов так интерпретировал заглавие фёдоровской поэмы: «Седьмое небо – метафора народная. Это предельная высота человеческого духа», «поиски “седьмого неба” есть поиски самого себя, истинного, не кажущегося, обретение своего нравственного сознания и душевного очищения» [7, с. 171].

Как верно подметил В. Панков, в биографическом сюжете поэмы главным оказывается «биография души героя» [6, с. 326]. Василий Горин ищет путь к «седьмому небу духовного совершенствования» [6, с. 330]. Читатель, вовлечённый в духовные борения героя, осознаёт, что к седьмому небу пробиваются не только на ракетах, его надо достигать открытой душой: «Кто хоть однажды был крылатым, / Приписан к небу навсегда» [9, 128–129].

Важен в поэме «Седьмое небо» мотив испытания Василия Горина дружбой, любовью, трудом: «Земным, но трудным испытанием / Меня испытывал завод. / Огнями, / Громом, / Грозной силищей, / Усладой, / Мукою труда. / Он был и адом, / И чистилищем, / И даже раем иногда» [9, с. 43]. Б. А. Леонов указал на связь мотива испытания героя с мотивом прозрения [5, с. 237]. Как заметил В. Панков, Василий Горин «не просто рассказывает о минувшем. Он снова всё вновь переживает. Его занимает не одна своя жизнь, а свое время в движении» [6, с. 342]. Мотив прозрения связывает героя и автора. Л. О. Абакарова в кандидатской диссертации «Поэмы Василия Фёдорова» отметила, что автор и герой поэмы «Седьмое небо» – «люди одного поколения, как и Тёркин» [1, с. 19].

Как и у А. Твардовского, авторский голос в фёдоровской поэме носит предельно обобщающий характер. Например, философские раздумья о русском народе, о духовной миссии России, выигравшей Вторую мировую войну: «Мы небо / На плечах несли, / Чтоб мир / Не одичал во мраке» [9, с. 137]. Образ Советской России, её силу и правду В. Д. Фёдоров, по мнению

П. С. Выходцева, «видит в силе духа и воли народа, который – всему закон, «всему судья» [2, с. 308]. В стихотворении «О Русь моя!..», вошедшем в книгу «Лицо века» (1960–1961), поэт писал: «Народ, / Извечный, как земля, / Кто б ни играл судьбой, / Все вековые векселя / Оплачены тобой» [14, с. 235].

Как и в поэзии А. Т. Твардовского, в поэмах В. Д. Фёдорова передан «народный взгляд поэта на вещи и явления» [2, с. 310]. В афористически ёмких авторских рефлексиях в поэме «Седьмое небо» звучит опыт народной житейской и духовной мудрости. В статье «Слово – жизнь» В. Д. Фёдоров так определил назначение поэзии: «Поэзия – синтез духовной жизни народа» [11, с. 238]. Фёдоровская концепция поэтического слова отражена в статье «Магнитное поле стиха»: «По существу, что такое стихи? Это один из способов передачи духовной энергии от одного человека к другому. Сначала она познаётся поэтом, а через него и другими. Исходный материал – слово. Слова в стихе – энергетическая цепь. Слова должны быть составлены так, чтобы они контактировали друг с другом и в общей цепи сохраняли ту энергию, которую в силу своего контакта извлёк из них поэт. Каждое слово само по себе уже таит дремлющую духовную силу» [12, с. 76]. Духовной энергией слова пронизана одна из лучших поэм В. Д. Фёдорова.

Молодые герои поэмы «Седьмое небо» – Василий Горин, Марьяна, Дина, Борис – представляют судьбу поколения времени политических репрессий и Великой Отечественной войны, сохраняя этический максимализм, душевную чистоту, презирая компромиссы (уход Дины от Горина). Как отметила И. В. Денисова, фёдоровские герои и в «тревожный век» не оставляют «упорных поисков Истины – в большом и малом, – в решении общенародных задач и в личном, интимном» [3, с. 75]. Поиском слияния Истины, Красоты и Добра озабочены автор и герой поэмы «Седьмое небо»: «Любовь! / Горят её костры, / Мудреют люди в добром свете. / Любовь и Правда – / Две сестры, / Идущие через столетья...» [9, с. 42].

В. Панков точно отметил: «В сюжете поэмы многие строфы выделяются словно самостоятельные лирические стихотворения. <...> Это

и стихи-раздумья, воспоминания и стихи-признания, связанные с сюжетом, они становятся не обособленными, но внутренне самоценными миниатюрами. И чаще всего они оказываются ключевыми строфами, освещающая сюжет внутренним лирическим светом» [6, с. 338]. В поэме «Седьмое небо», считает критик, В. Д. Фёдорову «удалось добиться органического соединения эпики и лирики», когда эпические и лирические потоки повествования, «сюжетные и лирические куски не разделены, составляют единую цепь» [6, с. 341–342].

Мотив суда в эпическом (историческом) и лирическом (любовном) сюжете поэмы «Седьмое небо», на наш взгляд, является ключевым. Мотив суда в поэме многообразен. Мотив несправедливого суда реализован в историческом сюжете поэмы и связан с темой сталинских политических репрессий: трагические судьбы брата Василия Горина Андрея, учителя музыки Марьяны, авиаконструктора Владимира Петлякова и самого автора-героя поэмы. В лирическом сюжете поэмы «Седьмое небо» мотив суда осложнён мотивом мщения: месть Бориса, Василия, Дины. Суд над Василем Гориним на Веге вводит в поэму тему самосуда героя во сне. Значим для осмысления мотива суда религиозный подтекст поэмы, оппозиция небесного и земного. Духовное становление главного героя поэмы Василия Горина связано с уходом от суда над ближними и осознанием своей греховности. Путь познания мира и процесс самопознания даёт возможность обрести «крылатость» и открывает путь к «седьмому небу».

Глава «Первая высота» не только о первых полётах в аэроклубе, объяснении в любви Марьяне фигурами высшего пилотажа и первом крушении на По-2 из-за «излома» винта (разработчик учебного самолёта Николай Поликарпов). Василий Горин берёт первую высоту в духовной жизни, уступает возлюбленную земному сопернику – другу Борису: «Я был готов на отречение / От счастья – / Что она жива». Борис на такое самопожертвование не способен. Он в гневе судит друга, не щадя больного: «Я видел руки, в гневе сжатые, / Такие руки насмерть бьют, / И никогда однажды взятое / Назад уже не отдают [9, с. 18].

В первой главе поэмы заявлены тема политических репрессий 1930-х годов. Сторожиха лесспромхоза, мать Марьяны, растит девочку одна. Школьный учитель музыки в лесспромхозе – «какой-то старенький Орфей, / Судьбой неласковой заброшенный / В лесное царство глухарей. / Учил почти с благодарением / Не самой трудной из судеб. / Он рад был, / Что не дров пилением / Там зарабатывал свой хлеб» [9, с. 9].

В главе «Чужая жизнь» служба на военном заводе в Иркутске усиливает размолвку друзей. Борис, женившись на Марьяне, прощает «воздушного лихача». Но теперь земной суд вершит Василий, обвиняя друга в «грехопадении»: карьеризме, страсти к обогащению, послушании перед начальством: «И, увлекаемый / Презрением, / Горчил я мёд: / – Как почему? / Ты отбегаемый, / Почти как этот самолёт» [9, с. 28].

В главе «Лирическое отступление» начинается звучать суд повзрослевшего Василия Горина над собой: «И сам я в жизни рикошетил / И сеял зло, / Марьяне мстя, / Пока в несчастье не встретил / Ещё несчастнее себя» [9, с. 34]. Женитьба на Дине – это месть Марьяне, которая отказалась уйти от Бориса. Любя Василия, она пытается спасти Бориса: «У жизни он чужой в плену... / Кто выведет его из плена?» [9, с. 33]. Уход Дины – новое испытание самолюбия Горина, позднее Дину он простит. Правда, и здесь проявляется гордыня от своей возвышенности, как и в главе «Первый полёт»: «Намучась, / Думал я в гордыне, / Когда наш самолёт взлетал: / Не так ли и бескрылой Дине / Высокие я крылья дал» [9, с. 49].

Полёт Василия Горина в «стальном ковчеге» на Вегу во сне можно рассматривать как самосуд прозревшего героя, который озабочен судьбой Земли, а не выяснением только личных взаимоотношений: «Всё отошло. / И милую не жаль. / Ни перед кем / Не чувствую вины я. / Обида, / Ненависть, / Тоска, / Печаль – / Понятья исключительно земные» [9, с. 52–53]. Испив «звёздное причастье», герой теперь умеет «беседовать без слов». В сновидении, войдя в ирреальный мир, Василий признаёт правоту жриц «звёздного суда». Осознание, что «не из большой любви, / А из соблазна / Любил, / Страдал / И тратил

жизнь свою» [9, с. 56], ведёт далее героя «Седьмого неба» к покаянию.

Глава «Память века» начинается с темы политических репрессий накануне Великой Отечественной войны, которые коснутся и главного героя поэмы. Суд над братом – несправедлив: «Брат Родину любил. / За это / Врагами был он оклеветан / И на крови тюремных плит / Был именем её убит. / Что из того, что честный воин / Погиб не в тысячном строю! / Он тех же почестей достоин, / Как и погибшие в бою» [9, с. 68].

В открывшихся Кремлёвских расстрельных списках, на которых стоят личные подписи И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, есть фамилия брата В. Д. Фёдорова Андрея Дмитриевича Фёдорова, 1901 г. р., начальника политотдела Урало-Рязанской железной дороги [13, с. 36]. Расстрелян 12.09.1938 г., 1-я категория. г. Саратов – Рязано-Уральская железная дорога (АП РФ, оп.24, дело 418, лист 191). Реабилитирован посмертно.

В поэме «Седьмое небо» вина брата тенью ложится на Василия Горина. Он испытал отчуждение бывших друзей, «боязливых человечков»: «– Брат негодя нам не брат! / Мне и Борис руки не подал. / Багровой, чем варёный рак, / Скривился: /– Брат врага народа / Потенциально... тоже враг... [9, с. 70].

Горину пришлось пережить клевету Бориса на общем собрании: «Из-за преступного лихачества / Разбил советский самолёт», «И снова / Краской чёрной, / В себя омакивая кисть, / Чужой, / Постыдной и позорной / Изображал мою он жизнь» [9, с. 72]. Мстительность Бориса связана с жаждой самоутверждения. Не предала Василия только Марьяна, крикнувшая Борису: «Ложь! Ложь!». Предложение любимой уехать вместе в родные места Василий отклоняет, но не из гордости, а из опасения за судьбу Марьяны: «О том лишь думал, чтоб она, / Как ни мала моя вина, / Не становилась / К ней причастной» [9, с. 78]. Этот поступок – новая духовная высота Василия Горина.

Тема политических репрессий продолжится в главе «Москва, Москва...». В конце 1940 года Василий Горин едет в Москву на демонстрацию нового самолёта – пикирующего бомбарди-

ровщика Пе-2. Для автора и героя поэмы «Седьмое небо» примером духовной высоты становится образ выдающегося авиаконструктора Владимира Михайловича Петлякова (1891–1942), оклеветанного и репрессированного в 1937 году, но и в тюрьме (в КБ на Лубянке) работавшего на страну: «Он даже там, / Навету вопреки, / Отращивал стране / Большие крылья» [9, с. 89].

Создатель выдающейся технологичной машины, которую назвали «оружием победы», Сталинскую премию 1-й степени раздал тем сотрудникам, кто не был награждён. В поэме «Седьмое небо» реальный исторический герой заслуженно поставлен в ряд лучших сынов России – Чкалова, Громова, Гагарина: «Не видевший / Ни звёзд, ни облаков / И страху и безверью / Не подвластный, / Его творил / Лобастый, / Коренастый, / Твой сын, Москва, / Владимир Петляков» [9, с. 88].

Вспоминая встречу в Москве с Диной на годовщину ёлке накануне 1941 года, Горин судит себя за ревность, «порыв зла», заносчивый кураж: «Чужим весельем не пьянея, / Сказал, предавшись куражу: / Я с женщинами не дружу, / Я женщин лишь любить умею... / Так я сказал, / Прощаясь с нею, / Весёлый покидая зал. / Теперь до боли сожалею, / Что так заносчиво сказал. / Теперь иное откровенье, / Иная правда мне видна. / Любовь способна к перемене, / А дружба более верна» [9, с. 95]. В главе «Москва, Москва...» неоднократно возникают думы о несправедливо осуждённом брате. В поиске правды Василий идёт в мавзолей к Ленину: «Я шёл к нему / С судьбою братовой, / Который так его любил» [9, с. 101]. В финале главы, обращаясь к Москве, которая творит земной «высший суд», автор призывает: «Известна прежде / Кривостью своей, / Сильна поныне / Жёсткой директивой, / Москва, Москва, / Будь с каждым днём прямой, / Москва, Москва, / Будь с каждым днём / Правдивей» [9, с. 103].

Мучительно, медленно Василий Горин взрастает духовно, пройдя через примирение с Диной, в главе «Смертная высь» в нём растёт «раскаянье и сожаленье» перед Марьяной [9, с. 109], и, наконец, прощение Бориса, погибшего при авианалёте: «Душа, омытая огнём, / Достояна моего прощенья» [9, с. 120].

В главе «Крылья на полдень» Василий Горин вынужден вместе с комиссаром взорвать Пе-2, чтобы он не достался немцам. Геройский поступок он совершает, уведя немецкий Storch («Аист») на нейтральную территорию. Обстрелянный зенитчиками, сбитый другом на «И-16», чуть не отданный «в распыл» комиссаром, Горин чудом остался в живых, благодаря вмешательству высших сил: «Земную силу и небесную / Я заклинал заклятьем слов: / – Ты пронеси меня над бездною! / Ну, пронеси! – / И пронесло» [9, с. 132]. Молитва к небесной силе Творца спасает Василия Горина. Глава завершается странными для советского поэта размышлениями: «Прав и неверующих суд, / Но правдой очень поздней меры, / Которую солдаты веры / Своей борьбою пронесут» [9, с. 136]. В. В. Сорокин в интервью 28 декабря 2011 года сказал о любимом учителе, когда-то благословившем его на крестный путь поэта у памятника М. Горького: «Он мог быть великим религиозным деятелем по своему мировоззрению, мироощущению» [8].

В поэме «Седьмое небо» удивительно много религиозной лексики. Даже в «Эпilogе прощания»: «И горько, что не почтены, / Как памятники той эпохи, / Те Лаги, Яки, / Пусть не боги, / Пусть только ангелы войны» [9, с. 139].

В эпilogе уже нет темы суда, в финале звучит мотив прощенья: «Марьяна, милая, прости! / Теперь в конце / Вся жизнь видна. / Однажды сказано правдиво: / Любви несчастной нет, / Она, / Какой бы ни была, – / Счастлива» [9, с. 143]. Василий Горин поднимается к «седьмому небу», обретая главное, что жить надо с любовью к людям, даже если кажется, что они творят тебе зло. Отказ Марьяны в финале вызывает у героя только чувство собственной вины перед ней. Финал поэмы – обращение к читателю: «Всё-таки вокруг / Людей крылатых / Стало больше!» В выражении «крылатые люди» можно увидеть платоновский миф о крылатости души. Образ «высокой любви» главного героя поэмы вписан в христианскую систему координат. Василий Горин не забыл о своей небесной прародине и постоянно устремлён к достижению духовного идеала, «седьмому небу». Духовный подвиг невозможен без смирения и покаяния.

Уход от осуждения других к видению своих грехов и раскаянию – вот крестный путь спасения главного героя поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо». Мотив праведного «звёздного суда» в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» противопоставлен несправедливому земному «высшему суду». Василий Горин прозревает, пройдя путь смирения и покаяния.

Литература

1. Абакарова Л. О. Поэмы Василия Фёдорова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2007. – 21 с.
2. Выходцев П. С. Певец красоты человеческой (литературный портрет В. Фёдорова) // Молодая гвардия. – 1971. – № 5. – С. 299–311.
3. Денисова И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 192 с.
4. Иванов Б. В. Именно такой // Иванов Б. В. Свой метр и ритм. – М.: Советская Россия, 1974. – С. 142–155.
5. Леонов Б. А. Над небом – небо // Молодая гвардия. – 1970. – № 6. – С. 285–289.
6. Панков В. О книге Василия Фёдорова // Третьи петухи. Седьмое небо. – М., 1970. – С. 319–346.
7. Романов А. «Ради высшей человечности» // Наш современник. – 1978. – № 11. – С. 166–173.
8. Сорокин В. В. До последнего дня. О поэте Василии Фёдорова [Электронный ресурс]. Автор сюжета – Владислав Цилёв. – URL: <http://video.yandex.ru/external/4611686018922863968/view/90932939/?cauthor=molokols> (дата обращения: 19.01.2012).
9. Фёдоров В. Д. Седьмое небо // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1988. – Т. 3. – С. 5–146.
10. Фёдоров В. Д. От автора // Фёдоров В. Д. Поэмы. – М., 1983. – С. 3–10.
11. Фёдоров В. Д. Слово – жизнь // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1988. – Т. 4. – С. 236–243.
12. Фёдоров В. Д. Магнитное поле стиха // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1988. – Т. 4. – С. 76–77.
13. Фёдоров В. Д. О себе и близких // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1988. – Т. 4. – С. 6–47.
14. Фёдоров В. Д. О Русь моя!... // Фёдоров В. Д. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Современник, 1987. – Т. 1. – С. 235–236.

ТВОРЧЕСТВО ВИКТОРА МИХАЙЛОВИЧА БАЯНОВА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Поэт В. М. Баянов (1934–2011) окончил начальную школу в д. Дедюево, школу в с. Топки, ГПТУ-53 (железнодорожное училище) в г. Топки в 1951 году. Стихи писал в школе и в армии: «пока стоишь в карауле – целая поэма в голове» (цит. по [5, с. 7]). В. Баянов служил в 1953–1956 годах в немецком Вюнсдорфе, близ Берлина [4, с. 6]. Первая публикация – в армейской газете «Советская армия в Германии». В 1957 году стихи В. Баянова напечатала газета «Комсомолец Кузбасса», была опубликована историческая поэма о создании колхоза «Трудная весна» в сборнике «Молодые голоса» (1959).

Первый поэтический сборник В. М. Баянова «Росы» вышел в 1963 году, когда был опубликован и первый сборник рассказов В. М. Шукшина «Сельские жители» (1963). В 1965 году В. М. Баянов и В. М. Шукшин были приняты в члены Союза писателей СССР. Поэтические сборники В. М. Баянова «За рекою Талиновой» (1965), «Моя земля» (1967) были изданы в одно время с появлением книги Н. М. Рубцова «Звезда полей» (1967) с программными стихотворениями «Тихая моя родина...», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», созданными в 1963–64 годах. В. Баянову было близко творчество его современников – Н. Рубцова, В. Шукшина. Как отметил Н. В. Карлагин, поэты баяновского круга – это поэты, для которых «творчество было отражением народной судьбы, национальных этических и эстетических идеалов»: С. Есенин, В. Фёдоров, Н. Рыленков, М. Исаковский, М. Небогатов, а из поэтов XIX века – Н. Некрасов, А. Кольцов, И. Суриков [9, с. 63]. Главную тему у В. М. Баянова формируют ряд программных для него стихотворе-

ний, которые написаны в 1960-е годы. В сборник «Росы» (1963) вошло стихотворения «Моя земля» (1962):

*Не знаю, в восемь или в семь лет,
А может быть, чуть-чуть позднеей
Я полюбил вот эту землю
И всё цветущее на ней.
Иные равнодушны к рощам,
А мне бы снова в дебри те,
Где я учился, между прочим,
И красоте, и доброте.*

Позднее заглавие было автором снято, в сборнике В. М. Баянова «Поле» (2000) первая строка изменена: «Теперь не знаю – в шесть ли, в семь ли...». Критик А. Ф. Абрамович высоко оценил стихи В. М. Баянова о военном детстве «Мальчишки плачут редко» (1960), «Мы в детстве смотрели немое кино...» (1962): «очень правдивы в раскрытии мальчишеской психологии <...> В стихотворении «Мальчишки плачут редко» тема разорённого войною детства поднята уже на трагическую высоту» [1, с. 4]. Позднее заглавие первого стихотворения будет снято, публикуется по первой строке «В двенадцать лет мальчишкам редко...». Эти стихотворения можно читать со школьниками при изучении рассказов А. Платонова 1940-х годов «Никита», «Возвращение». Стихотворение «Мальчишки плачут редко» вместе со стихотворением «Дом как дом. Цветы да занавески...» («Струны», 1964) вошло в репертуарный сборник «Сторона заветная» (1965, составитель Г. Е. Юров).

А. Ф. Абрамович отметил, что у В. М. Баянова есть свой «сибирский» угол зрения в пейзажных стихотворениях «Салаирские соловьи» (1962, позднее «Салаир, Салаир...»), «Сторона любимая, приметная...» [1, с. 10]. «Первая книжка была настолько зрелой, что можно было заявить о появлении нового поэта. Правда, в некоторых его стихотворениях нетрудно было уловить то кольцовские, то есенинские интонации. И в то же время что-то свежее, самобытное, оригинальное пронизывало его строчки», – писал один из первых исследователей творчества В. М. Баянова [1, с. 3]. Во второй сборник стихов «За рекою

Талиновой» (1965) вошли стихотворения «Песнь о хлебе» (1964), «Водопад» (1963), портретные стихи «Крутой подъём» (1964), «Старому шорцу», «Таёжник». По мнению А. Ф. Абрамовича, «Крутой подъём» написано сильно, «по метким деталям портрета мы хорошо воспринимаем характеры героев», машиниста и его молодого помощника [1, с. 12–13]. Критик отметил мастерское использование фольклорных образов и языка, размеров народной песни и частушки. В третий сборник «Моя земля» (1967) поэт включил стихотворения «Родник» (1965), «За речкою – подать рукой – моя поляна-самобранка...» (1966):

*Она кормила сараной,
Калину со снегов хранила.
С моей родною стороною
Ещё сильнее меня сроднила.
От молодых берёз светла
Далёким сердце мне тревожит.
Она мне выжить помогла.
Она мне дальше жить поможет.*

«Главная сила, питающая поэта, – обострённое чувство малой родины, – писал о В. М. Баянове критик Н. В. Карлагин [9, с. 6]. В стихотворении «Родник», по мнению исследователя, «поэт увидел родник чуткими, бережными глазами наших предков <...> Родник внешне безмятежен, но он воплощает в себе и ранимость, и память, и чистоту <...> ёмкий символ недремлющей совести» [9, с. 9]. Н. В. Карлагин отметил умение поэта создать совестливые народные характеры сибиряков: «Чем глубже в человеке чувство малой Родины, тем меньше в нём эгоцентризма. Эта мысль – во многих стихотворениях поэта» [9, с. 19].

В 1966 году В. М. Баянов побывал с делегацией молодых писателей России в ГДР. В 1968 году за три поэтических сборника ему была присуждена премия «Молодость Кузбасса». В 1969 году поэт-машинист окончил в Москве двухгодичные Высшие литературные курсы, опубликовал книгу лирики «Берёзовый сок» (1969) в издательстве «Советская Россия». Из новых стихотворений в неё вошли: «О сибиряках» (1966), «Зима, как

прежде, удивила...» (1965). В 1971 году вышла книга прозы В. М. Баянова «Не красным летом» (повесть и два рассказа). В новой книге очерков А. Ф. Абрамовича «Романтика мужества» (1975) исследованы не только новые стихи, поэмы, но и проза В. М. Баянова [2]. Пятый сборник стихов «Лирика» (1972) представил поэнное творчество: малая поэма «Машинист Иван Петрович» (1969) и поэма «На родине» (1970):

*А мать, чтоб был приветней дом родной,
Хотя околевали мы от стужи,
Берёзы не сгубила ни одной.*

Миром светлых чувств наполнена любовная лирика В. М. Баянова, например, стихотворение «Запорошило снегом плечи...» (1965) из книги «Лирика»:

*Запорошило снегом плечи,
И всё вокруг белым-бело.
Я жду тебя, хоть время встречи
Давным-давно уже прошло.
Бегут минуты – восемь, девять...
Дубеют шапка и пальто,
Куда пойти и что мне делать –
Не посоветует никто.
Вдали трамвай простукал жёстко,
А я всё жду и жду, и жду.
Вдруг – ты!.. Бежишь по перекрёстку
У постового на виду.
И всю-то снегом опушило,
И вся лучиста, как всегда.
И важно то, что ты спешила,
Что опоздала – не беда.*

В 1972 году в издательстве «Современник» в Москве вышел шестой сборник «Томь-река. Лирика», а в Кемерове – седьмая книга стихов «Гость» (1976). Научное издание стихов В. М. Баянова выполнила Т. И. Махалова. В книге В. М. Баянова «Зазимок» (1984) представлены даты создания стихотворений, собрана библиография, включено основательное послесловие редактора о личности и творчестве поэта [10]. В книгу включено новое стихотворение В. М. Баянова «Изба на горе. Па-

мяти В. Фёдорова» (1973, 1980). По мнению критика А. П. Казаркина, «“Зазимок” – наиболее зрелый сборник стихов Виктора Баянова. Величальная песня Сибири здесь соседствует с новыми мотивами: горечь утраты, сожаление о невозвратно потерянном. Явилась новая для песенного мира антитеза: гармоничный мир природы – и угроза всей жизни»:

*Ты б к роднику сейчас приник?
Он, вспомни, здесь, средь чернотала,
Но трактор траки вмял в родник –
И он заглох,
его не стало [8, с. 43].*

В 1984 году В. М. Баянов побывал в с. Сростки Алтайского края, по впечатлениям от поездки на родину В. М. Шукшина было написано три стихотворения, два из них 18 августа 1984 года он читал по телефону поэту М. А. Небогатову. Два стихотворения памяти В. М. Шукшина «Покатый взлобок. Голь. Потрава...» и «На берегу у глыбы каменной...» вошли в сборник В. М. Баянова «Какой земле принадлежим» (1994). В сборнике «Поле» (2000) опубликовано стихотворение «До Шукшина – далеко». Стихотворение «Покатый взлобок. Голь. Потрава...» (одно из заглавий «На горе Пикет») учителя часто включают в разработки современных уроков по рассказам В. М. Шукшина. Например: «Урок внеклассного чтения в 9-м классе по рассказу В. М. Шукшина «Волки» Л. Н. Пудовой, «Вечер памяти В. М. Шукшина «Калина красная» А. А. Сабатаевой (на сайте «Фестиваль педагогических идей “Открытый урок”»)), «Урок литературы в 7-м классе «Жил человек родом с Алтая. В. М. Шукшин и его рассказ «Дядя Ермолай»» Г. А. Рыбальченко (на сайте КГОУ ДПО «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования»), «План-конспект урока по литературе (11 класс) на тему «В. М. Шукшин. Очерк жизни и творчества» Т. А. Зубрицкой из г. Барабинск (на сайте «Социальная сеть работников образования nsportal.ru»).

В 1995 году В. М. Баянов вместе с Б. В. Бурмистровым и С. Л. Донбаем съездил на праздни-

вание 100-летия со дня рождения С. А. Есенина в с. Константиново, присутствовал на открытии памятника Есенину на Тверском бульваре в Москве. Стихотворение «Константиново» (1995) опубликовано в журнале «Огни Кузбасса» № 1–2 за 1996 год. А. П. Казаркин в 1985 году так определил место В. М. Баянова в русской поэзии: «Он шёл той тропой русского стиха, которой шли Кольцов, Клюев, Есенин, Прокофьев» [7, с. 35]. В лирике В. М. Баянова, как и у С. А. Есенина, считает литературовед, «каждое стихотворение просится в песню» [7, с. 55], а «из образа малой родины вырастает обобщение – душа России» [7, с. 42].

В 1986–88 и 1999–2003 годах В. М. Баянов – главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Он был редактором книг кузбасских писателей, для которых, как и для самого Баянова, «деревня и земля остались почти единственной темой» [8, с. 41]. Поэтических книг, которые редактировал В. Баянов, немало: «Майский снег» (1966), «Лето» (1981) М. Небогатов, «Красно яблоко» А. Томилова, «Деревенское утро» (1980) Н. Пискаева, «Хвойный дождь» (1987) Л. Гержидовича, «Таёжных рек разлив» (1989) А. Пинаева, «Деревенский мотив» (1999) А. Иленко, «Полуденный костёр» (1984), «Сугробчик» (1998) А. Раевского, «Вселенские мелочи» (1989) Б. Рахманова, «Тонкорунные снега» (1988), «Скажи мне «да» (1992), «Заря любви» (1993) А. Козлова и др. В рецензии на последнюю прижизненную книгу В. М. Баянова «Поле» С. В. Самойленко справедливо отнёс классика кузбасской поэзии к поэтам-традиционалистам: «В. Баянова с полным правом можно причислить к поколению шестидесятников, давшему немалое количество ярких имен, которые до недавнего времени и определяли положение дел в литературе и искусстве. <...> Вспомним Куняева, Тряпкина, Рубцова. Виктор Баянов стилистически близок именно к этому направлению отечественной поэзии: демонстративная традиционность формы, отсутствие излишних броских метафор, негромкая проникновенная интонация вкупе с ненавязчивой дидактикой – все в его поэзии ориентирует читателя на эту поэтическую школу» [12, с. 119]. Критик отметил не только стихи о деревне и детстве,

но и прекрасную любовную лирику, выделив стихотворение В. М. Баянова «Год назад стоял такой же вечер...», любовные переживания в поэме «На родине»:

*Луна пригласла, тополь содрогнулся,
Когда впервые я, молокосос,
Однажды летним вечером коснулся
Её метельно вьющихся волос.*

Как считают авторы современного пособия «Литература Кузбасса XX – начала XXI века» (2013), «основной темой поэзии В. М. Баянова является тема Родины во всех её проявлениях. Это сибирская природа от описания малых сибирских речек, деревьев и цветов до образа «моей земли» как символа единого корня, давшего жизнь и воспитавшего не одно поколение сибиряков. Понятие Родины – это и социум: деревенский (малая родина, голодное военное детство, дом как святыня, деревня как образ соборного существования) и городской или, связанный с основной профессией поэта, железнодорожный, путевой (мир бесконечных дорог, поездов, полустанков, пассажиров, встреч и разлук). С восприятием Родины связана и индивидуальная философия поэзии Баянова – осмысление и понимание себя как личности, воспоминания о детстве, о любви, размышления о важности человеческих чувств» [3, с. 27].

В 2011 году была учреждена Всероссийская литературная премия имени Виктора Баянова. Вручение премии состоялось в июле 2012 года в Центральном доме литераторов г. Кемерово. А кузбасские поэты А. Раевский, А. Иленко и другие плетут поэтический венок Виктору Баянову. В 1994 году, на шестидесятилетие поэта Виктора Баянова, Александр Раевский написал стихотворение «На юбилей поэта», подчеркнув значимость поэтического слова «сибирского соловья»:

В. М. Баянову

*Куда б дорога ни вела, –
Поэт в пути не застоится:
Талант – он и в тайге талант,
На зависть суетным столицам.*

*И как бы трудно ни жилось,
Ни горевалось, ни тужилось,
В краю, простуженном насквозь,
Судьба прекрасная сложилась.*

*Среди задымленных ветвей
Всё чище, чётче и чудесней,
Чистейших пушкинских кровей! –
Поёт сибирский соловей...
И легче жить под эти песни.*

*Вчера, сегодня, навсегда,
Вся в тихих росных переливах
Горит, горит его звезда...
Как это всё же справедливо [11].*

К восьмидесятилетию Виктора Баянова Анатолий Иленко создал пронзительное стихотворение «Его нам горько стало не хватать...», опубликованное во втором номере журнала «Огни Кузбасса» за 2014 год:

Памяти В. Баянова

*Его нам горько стало не хватать,
Да и тогда, при жизни, не хватало.
Поэтов много – некуда девать,
Таких, как он был, к сожаленью, мало.*

*Доверчиво вплелась его строка
В венок судьбы признательной России.
Надёжная рабочая рука,
Глаза зеленовато-голубые.*

*Белёсый чуб. В парнях гордился им
В ревнивом балалаечном угаре.
Но после, став известным и седым,
Сомненья ведал в снизошедшем даре.*

*Совсем не для себя писал стихи
Промытыми живой водой словами.
Прощал оплошки наши и грехи,
Чтобы потом порадоваться нами.*

*Лишь только время в силах осознать
Всю глубину постигнувшей потери.
Он что-то нам хотел ещё сказать,
Чуть постояв у приоткрытой двери [6].*

Поэзия Виктора Баянова нужна читателям XXI века, его творческое наследие достойно научного исследования и изучения в современной школе.

Литература

1. Абрамович А. Ф. Лирика Виктора Баянова // Абрамович А. Ф. На своей земле. Очерки творчества кузбасских писателей. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1968. – С. 3–28.
2. Абрамович А. Ф. Стихи и проза Виктора Баянова // Абрамович А. Ф. Романтика мужества. Очерки творчества кузбасских писателей. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1975. – С. 27–53.
3. Ащеулова И. В., Карпова Г. И., Ходанен Л. А., Алексютина В. А. Литература Кузбасса XX – начала XXI века: учеб. пособие / отв. ред. И. В. Ащеулова; ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2013. – 184 с.
4. Баянов В. М. О себе // Баянов В. М. Поле. – Кемерово: Сибирский писатель, 2000. – С. 5–6.
5. Глебова Л. В. «Я полюбил вот эту землю...» // Баянов В. М. Лирика. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1972. – С. 6–16.
6. Иленко А. П. Его нам горько стало не хватать... (Памяти В. Баянова) // Огни Кузбасса: журнал писателей России. – Кемерово, 2014. – № 2. – С. 64.
7. Казаркин А. П. Родословная – песня (Виктор Баянов) // Казаркин А. П. Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1989. – С. 34–56.
8. Казаркин А. П. Литературное краеведение в Кузбассе: учеб. пособие. – Кемерово, 1993. – 82 с.
9. Карлагин Н. В. Какой земле принадлежим... Литературно-критический очерк о творчестве Виктора Баянова. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1989. – 70 с.
10. Махалова Т. И. «Я пил прохладный сок берёзы...» // Баянов В. М. Зазимок. Стихотворения, поэмы. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1984. – С. 161–166.
11. Раевский А. На юбилей поэта (В. М. Баянову) // Раевский А. Стеклоянная лестница в небо. Стихотворения. – Кемерово, 2011. – С. 227.
12. Самойленко С. В. Поэтическое поле Виктора Баянова: о сборнике Виктора Баянова «Поле». – Кемерово: Сибирский писатель, 2000 // Сибирские огни. – 2001. – № 1/2. – С. 119–120.

«И НЕКУДА ОТ РОДИНЫ ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЕТЕТЬ» (Образ России в поэзии Владимира Поташова, младшего современника и последователя Александра Твардовского)

Александр Трифонович Твардовский был авторитетным литературным наставником для многих младших своих современников. Среди них были и поэты земли Кузнецкой: Василий Дмитриевич Фёдоров, Евгений Сергеевич Буравлёв, Михаил Александрович Небогатов, Виктор Михайлович Баянов. Известно письмо А. Т. Твардовского от 16 апреля 1947 года В. Д. Фёдорову с конкретными советами по доработке поэмы «Марьевская летопись» и ответное письмо молодого поэта от 2 мая 1947 года о том, что он сделал [6, с. 53–54, 381].

С 1955 по 1960 год кемеровский поэт-фронтовик Михаил Небогатов получил пять писем от А. Т. Твардовского, два рукописных и три машинописных. Письма А. Т. Твардовского представляют собой литературные консультации с критическими оценками и наставническими советами сибирскому поэту. Все они, по словам М. И. Твардовской, «решали задачу вполне конкретную, консультативную» [6, с. 460–461]. М. И. Твардовская отметила Небогатова среди поэтов, за судьбой которых автор «Василия Тёркина» следил на протяжении нескольких лет.

Опубликовано письмо А. Т. Твардовского кемеровскому поэту Е. С. Буравлёву от 1 ноября 1961 года – отзыв о поэме «Красная горка», которая впервые появилась в восьмом номере журнала «Сибирские огни» за 1960 год, а в 1961 году была издана в Кемерово отдельной книгой [6, с. 233, 442].

Из воспоминаний Б. Т. Смердина известен факт, что А. Т. Твардовскому отсылал свои стихи Владимир Поташов. Возможно, что именно через Твардовского стихи В. Поташова попали в редакцию журнала «Наш современник», где были опубликованы в 1969 году. Нет документальных сведений о переписке, личных встречах В. Поташова с А. Твардовским, не известны читательские пристрастия В. Поташова, но считать поэта Владимира Поташова продолжателем Александра Твардовского, на наш взгляд, основания есть.

В. Т. Поташов родился в апреле 1941 года в Пскове. Отец, Тимофей Ефимович Поташов, погиб в Великую Отечественную войну. С матерью, Анной Ивановной Поташовой, грудным ребёнком оказался в фашистском концлагере, в 1945 году вернулся в Псков. В 1946 году мать и тётя погибли в автокатастрофе, Володя воспитывался в Ашевском детском доме Беженицкого района Псковской области. Учился в ремесленном училище в Ленинграде, служил на Северном флоте, на атомной подлодке, награждён знаком «Отличник ВМФ». Освоил около десятка профессий, работал грузчиком, электриком, бригадиром монтеров связи, начальником радиостанции.

Впервые опубликовал стихи в 1961 году во флотской газете. В 1969 году три стихотворения Владимира Поташова, монтера связи из Пскова, издал журнал «Наш современник» [3]. Редактором журнала был С. В. Викулов, заместителем главного редактора – В. А. Чалмаев. Журнал вышел 145-тысячным тиражом. 1970-е годы в жизни и творчестве В. Поташова связаны с Кузбассом. В середине апреля 1972 года на областном семинаре молодых поэтов Кузбасса он представил вполне зрелые стихи, почти готовую книгу. Его творчество высоко оценил поэт Игорь Киселёв, руководитель поэтического семинара. В 1970-е годы подборки стихов В. Поташова публиковались в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово) и «Сибирские огни» (Новосибирск). Первая поэтическая книга

Владимира Поташова «По небу птичья клинопись» вышла в Кемеровском книжном издательстве в 1981 году.

Владимир Поташов мог бы сказать словами Сергея Есенина: «Чувство Родины – основное в моём творчестве». Как и в поэзии С. А. Есенина, у поэта В. Т. Поташова (1941–1979) есть две главные темы: любовь к России, к родной земле и служение Поэзии. Любовь к женщине всё-таки где-то после них. Продолжая традиции русской патриотической лирики вслед за Сергеем Есениным, Александром Твардовским, Михаилом Исаковским, Владимир Поташов в своём творчестве запечатлел те «глубинные архетипы русской души», о которых применительно к поэзии Сергея Есенина писал Ю. Мамлеев.

Одна из особенностей лирики Владимира Поташова – «высокость», а также чистота его поэтического слова. При всём при том, что его поэзия тесно связана с реальной жизнью и бытом, раздумья поэта о высоких темах: не столько о себе, сколько о России, о родимой земле, о её людях. В стихотворении «Средь земляничника весёлого...» (1969) он так обозначил задачу поэта:

*И с простотою первородною
Среди хлебов и облаков
Наедине с самой природою
Мечтать и думать высоко* [3, с. 60].

Высокая миссия поэта – сказать Правду о мире. Об этой важнейшей задаче народный певец Александр Твардовский писал в своей знаменитой Книге про бойца «Василий Тёркин»:

*А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька* [5, с. 160].

Владимир Поташов вслед за А. Т. Твардовским на рубеже 1960–70-х годов принимает эстафету быть правдивым поэтом. Об этом он написал в стихотворении «Земле»:

*Беру ту Правду за основу
Всего, что мне предложит рок,
Пушкой суровым будет слово
И трудным будет мой кусок [4, с. 13–14].*

В «Василии Тёркине» у Твардовского, в главе «О потере», Россия – это «мать-старуха» с более чем тысячелетней историей, которую «нам терять нельзя никак. / Наши деды, наши дети, / Наши внуки не велят» [5, с. 214]. Этот образ исторической России есть и в лирике В. Поташова, вскормленного псковской землёй. В стихотворении «Псковщина» Владимир Поташов фиксирует, как «заповедную Русь» разрушает беспощадное время:

*От посадской стремнины за Гельдтову баню
До стены крепостной –
заповедная Русь.*

*Уголок старины.
Молчаливые камни,
Невозможные чувства, заветная грусть.
Сколько скажется здесь потаённого,
отчего...*

*Осыпается бой со стены плитняка,
Осыпается труд безымянного зодчего –
Лебединая песнь из того далека.
Уголок старины – уходящее прошлое...
Типовые дома обступают окрест... [4, с. 72]*

Однако время не способно уничтожить «ключевое начало», «потаённый» дух «горлицы-Руси». Вековой русский дух жив, одним из его носителей является лирический субъект:

*Сторона моя горькая,
Матерь опальная,
Всё приемлю, что есть
И что было когда-то:
Колыбельную песню, и речь повивальную,
И призывную медь вичевого набата!
Ведь я русский
и духом, и плотью, и кровью –
Я рождён на Руси и по-русски крещён,
И твоим молоком,
И твоею любовью,
И в твоей колыбели вспоён и возвращён!
И молитвы, и тайны твои исповедую –*

*Твою добрую землю и гулкую высь,
Потому как люблю эту явь заповедную!
Потому как люблю,
благодарствую жизнь! [4, с. 73]*

Как тут не вспомнить знаменитые строки Александра Твардовского: «Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле». В Книге про бойца образ России является сквозным, так как ей служит, её сохраняет Василий Тёркин, ставший образом героического народа России. Основные лики России в главной книге Твардовского следующие: «мать-Россия», «Россия – мать родная», «мать-старуха», «больна родина», «родная сторона», «мать-земля моя родная», «мать-земля родная наша», «ты <...> Россия». Россия – мать и одновременно вся Русская земля и каждый с русским духом человек. Духовное единение нации, высокое фронтовое братство, воспетое Твардовским в «Василии Тёркине», – всё это составило образ исторической России, хранящей себя в веках.

В стихах Владимира Поташова также воспета историческая Россия, объединяющая всех живущих на Русской земле в разные времена высокой духовностью. Россия В. Поташова в одноимённом стихотворении стремится каждого «поднять на крыло», учит, как постичь и разгадать небесный язык «птичьей клинописи».

*Одним – камелёк для покоя,
Другому – кипенье огня.
Но что нас равняет такое,
Тебя и его, и меня?*

*Какая высокая птица
Подхватит, закружит, умчит:
И тех, кто лучиной лучится,
И тех, кто пожаром горит.*

*И тех, не поросших травой,
А с нимбом, обвившим чело,
Студило крыло снеговое,
Твоё роковое крыло [4, с. 139].
(«Россия»)*

Устремлённость России к «вечному началу», её «крылатость» заставляет и «птенцов» России

эту крылатость обретаешь, жить высокими помыслами. В стихотворениях В. Поташова, посвящённых России, не случайно обилие образов птиц: горлинка, лебедь, кувекушка, воробышек, чибис.

*По небу птичья клинопись,
Земля с теплом рассталась.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.*

*И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.*

*И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь [4, с. 137].*

Образ «родины единственной», которой остается верен «нахохленный воробышек», а с ним и сам автор, поражает, по словам критика журнала «Сибирские огни» Н. Бейлиной, «безоглядной лиричностью» [1, с. 169]. Один из первых критиков книги В. Поташова «По небу птичья клинопись» (1981) поэт Игорь Киселёв подчеркнул, что обаяние его поэзии состоит в следующем: «Если быть кратким, поэт обращает внимание на самые неприметные детали жизни и быта, мимо которых все мы часто проходим, не задумываясь, и наполняет их либо горькой печалью, либо глубокими раздумьями о родной земле, её истории и её вечной красоте» [2, с. 6–7].

Красота и чистота исторической России органично воплотились в стихотворении В. Поташова «И приветливость во взгляде...» в образе белого лебедя. Картина, на которой «лебедь белая плывёт», в доме вдовы сороковых годов – рядом с портретом мужа-военного – все эти три словесных портрета взаимосвязаны друг с другом. Они формируют сложный комплекс ассоциаций, связанных с развитием мотива лебединой верности. Высокое служение Родине и супружеская верность оказываются равновеликими так, что женщина, сохранившая чистоту, духовную красоту, ассоциируется с самой Россией. С той Рос-

сией, которая сумела превозмочь все испытания и сохранить свою сокровенную суть:

*Говорят: мол, жизнь не птица,
А мелькнула, как во сне...
Нервно дёргаются спицы,
Рвётся нитка мулине.*

*И на всём печать покоя:
Стены, старенький комод...
И сквозь всё пережитое
Лебедь белая плывёт [4, с. 49].*

Эта способность выстоять, сохранив себя, воплотилась ещё в одном образе России Владимира Поташова – рябине («На бабьем лете, в царстве паутин...» [4, с. 127]). Способность всё «перенести», всё превозмочь – вековая черта исторической России – ярко запечатлена во многих эпизодах Книги про бойца А. Твардовского. Знаменитые слова Василия Тёркина «Перетерпим. Перетрём...» сказаны на века и в двадцать первом столетии звучат современно. По ключевым позициям поэтических установок (правдивость, народность, гражданственность) Владимира Поташова можно считать продолжателем поэтического служения А. Т. Твардовского, одним из его талантливых последователей.

Литература

1. Бейлина Н. Год активного солнца, или Моментальная фотография четырнадцати сибирских поэтов [в т. ч. о творчестве В. Поташова] // Сибирские огни. – 1983. – № 3. – С. 163–169.
2. Киселёв И. И плакалось, и пелось, и Родиной звалось... // Поташов, В. По небу птичья клинопись...: стихотворения. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1981. – С. 5–10.
3. Поташов В. «По избам, на стенах заветных...», «Средь земляничника весёлого...», «Просека»: стихи // Наш современник. – 1969. – № 7. – С. 60–61.
4. Поташов В. По небу птичья клинопись...: стихотворения / [вступит. ст. И. Киселёва]. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1981. – 143 с.
5. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1977. – Т. 2.
6. Твардовский А. Т. Письма о литературе. 1930–1970 / сост. М. И. Твардовская. – М., 1985.

СТИХОТВОРЕНИЕ М. А. НЕБОГАТОВА «РУССКИЙ ПОКЛОН»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Стихотворение Михаила Александровича Небогатова «Русский поклон» впервые было опубликовано в сборнике «Моим землякам» (1958). В сборнике «Лирика» (1961) представлена вторая текстовая редакция. Поэт изменил некоторые строки в третьей и четвертой строфе:

*И до чего ж я удивился (1957)
И удивился я, не скрою (1961)*

*Наверно, просто обознался,
Небось, в подпитии слегка (1957)*

*«Наверно, принял за начальство
Или в подпитии слегка»... (1961)*

Две финальные строфы были подвергнуты М. А. Небогатовым кардинальной переработке. Назидательный финал первой редакции стихотворения «Русский поклон» (поклон как форма вежливости) сменился философским обобщением о сути характера русского народа, воспитанного тысячелетней православной культурой (поклон как отсутствие гордыни):

*Но нечем было мне гордиться.
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?...»*

*Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»*

*Подчас не бросит даже взгляда
Тот, кто с тобой знакомство вёл.*

*Да. Всем, пожалуй, знать бы надо
Обычай старых русских сёл (1957).*

*Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой (1961).*

Больше над финалом поэт не работал. В дневниковой записи от 11 октября 1973 года отметив, что концовки стихотворений «смолоду» ему удавались, М. А. Небогатов обозначил своё поэтическое кредо: «Мой принцип: заключительные строки должны быть ударными, самыми крепкими во всех отношениях – и технически, и поэтически, по образности, по чувству и настроению. Пока с этим всё в порядке» [3].

В мае 2011 года в Москве, в год 90-летия со дня рождения М. А. Небогатова, профессор Московской Духовной Академии Алексей Ильич Осипов в своей публичной лекции «Нравственность и власть», которая транслировалась на православном телеканале «Союз», прочитал стихотворение «Русский поклон»:

*Случилось то в селе далёком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком –
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое –
Сады в черёмушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я –
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вот опять – поклон земной.
Мол, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, мой родной.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,*

*Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.*

А. И. Осипов дал следующую интерпретацию стихотворения М. А. Небогатова «Русский поклон»: «Вот она – красота души человеческой, вот она, если хотите, та духовность, вот та основа, на которой жил наш народ и созидал. Какая красота души человеческой показана здесь! Недаром один из великих православных святых говорил: “Я не видел ни на небе, ни на земле ничего более прекрасного, чем душа человеческая”» [4].

В дневниковой записи от 10 декабря 1959 года М. А. Небогатов отметил: «Духовная жизнь – вот в чём суть всякой творческой личности» [3]. Интересны ответы поэта на вопросы анкеты, сохранившиеся в дневниках поэта: «Ваша любимая добродетель? – Искренность, сердечность», «Отличительная черта вашего характера? – Противная самому себе кротость». В стихотворении «Русский поклон» образ «садов в черёмушном дыму» ассоциативно сопоставлен со светлыми душами стариков, цветущими в человеческом саду. «Время золотое» (пора весеннего цветенья) соотносится с «золотым характером» народа.

«Русский поклон» поэт включил в сборники «Свет в окне» (1969), «Спасибо сентябрю» (1972), «Земной поклон» (1976), «Перепёлка» (1988), «Вечерние огни» (1989). Публикация стихотворения в коллективном сборнике «День поэзии» (Кемерово, 1964) идёт без разбивки на строфы. В сборнике «Свет в окне» (1969) М. Небогатов ставит дату – 1957 год. В этом варианте «Русского поклона» образ старика приобретает степенность и значительность:

*И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.*

В московском сборнике «Перепёлка» (1988) изменена строка в пятой строфе: «И вот опять – поклон земной» вместо «И вновь – почтительный поклон». Можно предположить, что изменение является редакторской правкой В. Н. Рахманова, поэта и книгоиздателя. В сборнике «Вечерние огни» (1989) прежний вариант строки «И вновь – почтительный поклон» автором восстановлен.

Среди вариантов строк можно отметить 16-ю: «Живи и здравствуй, в мир влюблён» (1958, 1961, 1969, 1972, 1976, 1989) и «Живи и здравствуй, мой родной» (1988, 1991). Над книгой «Времени река» (1991) поэт работал ещё сам, хотя книгу не увидел. Можно предположить, что вариант строки из московского сборника «Перепёлка» (1988), не учтённый в сборнике «Вечерние огни» (1989), М. А. Небогатов утвердил в сборнике «Времени река». Среди вариативных строк можно назвать 21-ю: «Я шёл и сам себя стыдил» (1958, 1961, 1969, 1972, 1976) и «А после – сам себя стыдил» (1988, 1989, 1991). Вариант строки, появившийся в московском сборнике, был автором оставлен в последнем прижизненном сборнике.

Интерес представляет контекст, в котором оказывалось стихотворение «Русский поклон» в сборниках М. А. Небогатова 1958–89 годов. В сборнике «Моим землякам» (1958) стихотворение «Русский поклон» окружают стихотворения: «Перед экзаменом» (поклон учителю) и «Мать» (поклон матерям). В сборнике «Лирика» (1961) контекстообразующим мотивом станет поклон человеку труда: «Кузнец», «Русский поклон», «Пути-дороги» (о шофёре). В сборнике «Свет в окне» (1969) – поклон солдатам-фронтовикам: «Годы, годы. Ах, как они мчатся...», «Русский поклон», «Старый солдат». Постепенно контекст стихотворных портретов представителей народа сменится контекстом стихотворных размышлений о сути национального душевного облика. Так, в сборнике «Земной поклон» (1976) за стихотворением «Русский поклон» следует стихотворение «Что-то главное, своё, есть у каждого народа...». В последнем прижизненном сборнике М. А. Небогатова «Вечерние

огни» (1989) контекстуальным философским мотивом станет «а у величья скромное обличье...»: стихотворение «Насильно замуж выдали её...», «Русский поклон», «Нет ничего безликого на свете...». Предваряющее «Русский поклон» стихотворение – о стариках, муже и жене, принятии ими своей судьбы, прощении стариком жены, в молодости любившей другого человека. Образы старика и старухи, их внутреннее величие дорисовываются в «Русском поклоне» и завершаются философскими умозаключениями последующего стихотворения:

*А у величья – скромное обличье:
На нём морщины чёрного труда.
И поучать не станет нас величие,
Лишь дать совет решиться иногда.*

Исследователь кузбасской литературы 1970–80-х годов А. П. Казаркин в статье «Величанье Сибири» (1985) верно определил суть поэта М. А. Небогатова: «Поэт, сложившийся в конце пятидесятых, всем литературным формам предпочитает одну – лирический эскиз, зарисовку с натуры. Миниатюра эта схватывает сиюминутное состояние, но за ним – ощущение лет, текучести бытия. Главным и наиболее ценным в этой лирике мне видится неподдельное чувство красоты, священнодействия жизни» [1, с. 79]. Критик Николай Карлагин точно подметил особенность поэтического мира М. А. Небогатова: «В поэзии Небогатова присутствует особая красота – красота ненарядности. Его поэтическое зрение обращено, прежде всего, на эту неприметную красоту, мимо которой проходишь каждый день, не замечая её. Чувствовать рядом присутствие необычного, собирать по крупинкам непрехотливую радость, рассыпанную родной природой – редкое свойство поэта и человека, и невольно хочется повторить про себя вслед за ним: “Как мало надо сердцу человека, / Чтоб многое на свете полюбить”» [2, с. 67]. У замечательного русского поэта М. А. Небогатова, по точному определению Н. Карлагина, есть «образ тихой радости – как сквозное окно в его поэзии, стихийная и вместе с тем обладающая глубоким нравственным дыханием сила» [2, с. 66].

«Русский поклон» М. А. Небогатова включил в подборку стихотворений, которая была опубликована в журнале «Наш современник» за 1986 год, № 11 и отмечена премией журнала. Известно, что редактор журнала С. В. Викулов, представляя подборку членам редколлегии журнала, прочитал два первых стихотворения «О России» и «Русский поклон», высоко их оценив. Стихотворение «Русский поклон» стало визитной карточкой поэта. Его включили в сборник «День поэзии» (1964), сборники кузбасской поэзии (1979, 1998), хрестоматию кузбасских писателей (2007), «Антологию сибирской поэзии» (2008).

Литература

1. Казаркин А. П. Величанье Сибири. Русский поклон // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1985. – № 3. – С. 79–81.
2. Карлагин Николай. «Чтоб многое на свете полюбить...» // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1982. – № 4. – С. 66–67.
3. Небогатова М. А. Поэт. Дневниковые записи. – Кемерово, 2006.
4. Осипов А. И. Нравственность и власть. 29 мая 2011 года [Электронный ресурс]. – URL: video.yandex.ru/users/sus-11/view/263

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ И АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В автобиографии «О себе» (1966) Михаил Александрович Небогатова отметил: «Мой любимый современный поэт – Александр Твардовский. Его считаю своим учителем» [1, с. 84]. А. Т. Твардовский родился 8 (21) июня 1910 года на хуторе Загорье (ныне Смоленская область), М. А. Небогатова – 5 октября 1921 года в г. Гурьевске (ныне Кемеровская область). Оба участвовали в Великой Отечественной войне. Возрастная разница двух поэтов незна-

чительна: Твардовский был старше Небогатова на 11 лет. Разница вхождения поэтов в литературный процесс (конец 1920-х годов у Твардовского и конец 1940-х годов у Небогатова) определила «учительскую» позицию одного и позицию читателя-друга и ученика другого. Когда в 1952 году вышел первый поэтический сборник тридцатилетнего кузбасского поэта «Солнечные дни», Твардовский был уже признанным писателем, лауреатом Сталинской премии, известным не только в СССР автором поэм «Страна Муравия» (1936), «Василий Тёркин» (1945), «Дом у дороги» (1946).

С 1947 года стихи М. А. Небогатова достаточно часто публиковались в журнале «Сибирские огни», с 1949 года – в журнале «Сталинский Кузбасс» (с 1955 года «Огни Кузбасса»). В апреле 1950 года М. А. Небогатов вместе с А. В. Косарем и А. Н. Волошиным побывал в Москве на Совещании молодых литераторов Советского Союза. Появилась возможность встретиться с автором «Василия Тёркина». Однако помешала скромность сибиряков. Об этой упущенной возможности личной встречи с «учителем» М. А. Небогатов напишет в 1974–76 годах стихотворение, посвящённое памяти А. Т. Твардовского.

С 1949 по 1960 год М. А. Небогатов переписывался с А. Т. Твардовским. М. И. Твардовская отмечает Небогатова среди поэтов, за судьбой которых автор «Василия Тёркина» следил на протяжении нескольких лет. Опубликовано четыре письма А. Т. Твардовского М. А. Небогатову: от 30 сентября 1955, 28 июля и 25 сентября 1958, 19 августа 1960 года. Все они, по словам М. И. Твардовской, «решали задачу вполне конкретную, консультативную» [4, с. 460–461].

Одно из писем М. А. Небогатова Твардовскому – читательский отклик на подборку стихов знаменитого поэта в журнале «Огонёк» за 1955 год, № 43. В письме к «учителю» сибирский поэт отправил подборку собственной лирики, а в 1958 году – свой третий поэтический сборник «Моим землякам», куда были включены стихотворения с упоминанием Твардовского и его прославленного литературного героя.

В стихотворении «На улице героя» дважды Герой Советского Союза Афанасий Шилин назван «кузбасским Тёркиным». Ранее в стихотворении «Мои друзья», опубликованном в сборнике М. А. Небогатова «Солнечные дни» (1952), в ряд любимых литературных героев из произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова поставлен и герой А. Т. Твардовского. В портретной лирике А. Т. Твардовского и М. А. Небогатова представлены сходные типы литературных героев. Все они – выходцы из простонародной среды, люди труда. Поэт из «провинции по имени Кузбасс» упорству в творческой работе учился у Твардовского. Этому посвящено стихотворение М. А. Небогатова в сборнике «Моим землякам» (1958). В 1955 году А. Т. Твардовский дал положительную оценку небогатовским стихам: «Приведённые в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг “великих”, что, конечно, Вы сделали по доброте, молодости и сгоряча. С Вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать. Ваш А. Твардовский» [4, с. 54]. Отзыв о книге «Моим землякам» в письме от 28 июля 1958 года содержит наряду с доброжелательной оценкой и критические замечания и советы: «Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного – вроде Ваших “пародий” или стихов, написанных явно “ко дню”» [4, с. 80].

Редактор «Нового мира» рассматривал даже возможность дать рецензию на книгу кузбасского поэта в столичном журнале, сделав при этом важное замечание: «Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны» [4, с. 80]. Позднее М. А. Небогатов осознал, что Твардовский-редактор считал излишним публикацию в «Новом мире» стихов поэта своей школы.

В письме от 25 сентября 1958 года прославленный советский поэт отметил, что М. А. Небогатов в лирике «обрёл уверенность в форме, естественность выражения»: «Новые Ваши сти-

хи по словесной и ритмической структуре почти безупречны» [5, с. 137–138]. Критикуя своего последователя в «очень уж скромном объёме содержания стихотворений», А. Т. Твардовский пояснил, что для столичного журнала надо «собрать запас повесомее». Сам Твардовский в это время работал над поэмой «Тёркин на том свете» (1954–1963).

12 января 1960 года М. А. Небогатов неожиданно получил из Москвы от литфонда денежный перевод на 1000 рублей, не будучи принят в Союз советских писателей [2, с. 41]. Позднее ему сообщили, что о помощи ходатайствовал перед Правлением 29 декабря 1959 года сам Твардовский. В статье «О родине большой и малой» (1958) выходец из Смоленска указал на то, что «в творениях подлинных художников – и больших и более скромных по своему значению – мы безошибочно распознаём приметы их малой родины» [6, с. 26]. Творчество М. А. Небогатова А. Т. Твардовский ставил в ряд поэтов, которые, воспевая родные места, «утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краёв, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен...» [6, с. 26].

В письме от 19 августа 1960 года А. Т. Твардовский негативно оценил неопубликованную поэму М. А. Небогатова о журналистах, написанную «онегинской строфой»: «Использование такой исключительно индивидуальной, с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа, – дело безнадежное. <...> Как бы Вы не исхитрились, всё равно поэма Ваша звучит пародийно, и тем самым «серьёзное» её содержание погашается. Советую Вам воздержаться от опубликования её в печати, если даже будет такая возможность. Не огорчайтесь, бывает» [4, с. 144]. Об уроках Твардовского М. А. Небогатов написал в 1976 году небольшую критическую статью, в которой привёл некоторые письма «учителя».

Уроки Твардовского не прошли даром. Сборники М. А. Небогатова 1960–70-х годов «Лири-

ка» (1961), «Родные просёлки» (1963), «Майский снег» (1966), «Свет в окне» (1969), «Спасибо сентябрю» (1972), «Земной поклон» (1976) получили высокую оценку в сибирской критике 1960–80-х годов (А. Абрамович, Н. Карлагин, А. Микешин, А. Казаркин и др.). В творчестве М. А. Небогатова 1960–70-х годов уже нет внешне различимых следов влияния поэзии А. Т. Твардовского, поэт обрёл творческую самостоятельность. В 1962 году М. А. Небогатов стал членом Союза писателей СССР. С 1963 года профессиональный поэт сам давал литературные консультации молодым кузбасским поэтам на страницах областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса». С 1969 по 1986 год М. А. Небогатов бесценно вёл в газете рубрику «Факультет молодого литератора», продолжая в масштабах Кузнецкого края дело А. Т. Твардовского.

В 1990 году вдова поэта М. И. Небогатова получила от С. В. Викулова письмо с высокой оценкой творчества М. А. Небогатова: «...Да, мы с Михаилом Александровичем так и не познакомились, но я с удовлетворением думаю сейчас о том, что в огромном потоке стихов, поступавших в «Наш современник» я разглядел-таки настоящее дарование и представил его русскому читателю, в первую очередь русскому, ибо он был русским поэтом» (см. [3, с. 135]). Лирическое «я» поэта из Кузбасса – духовно сильная личность. Истоки её таятся в глубинах русского национального характера – сквозной темы в поэзии М. А. Небогатова. Способность русского человека жить по высокой нравственной норме показана М. А. Небогатовым в стихотворениях о Великой Отечественной войне, участником которой с 1941 по 1943 год был молодой поэт.

В сборнике «Свет в окне» (1969) М. А. Небогатов в стихотворении «О простоте» (1966) обоснует свою приверженность к традиционной поэтике, защищая тем самым свою поэзию и поэзию своего «учителя» А. Т. Твардовского. Завершается стихотворение размышлением о том, что за внешней простотой скрывается духовное величие и сила. Родство душ двух русских поэтов XX века – М. А. Небогатова

и А. Т. Твардовского – определяла любовь к Родине, русскому народу, родному слову. Для сборника «Земля моя добрая» (1984) М. А. Небогатов взял в качестве эпиграфа первую строфу из стихотворения А. Т. Твардовского «Спасибо, моя родная...» (1955). Оба поэта продолжали традиции русской патриотической лирики. Однако поэзия А. Т. Твардовского была более публицистичной, с ярко выраженной позицией поэта-гражданина. Поэзия М. А. Небогатова более лирична, с «теплотой сердечного патриотизма».

Преемственность от А. Твардовского вела М. Небогатова к С. Есенину, И. Бунину, А. Кольцову, Н. Некрасову. Стихи поэтов XIX века М. А. Небогатов с детства слышал от матери. Клавдия Степановна Небогатова привила своему тринадцатому ребёнку любовь к поэзии, научила «хорошо чувствовать живое поэтическое слово» [1, с. 82].

В дневниковых записях М. А. Небогатов привёл оценку своего творчества, данную известным журналистом, редактором его первого сборника П. И. Бекшанским (1902–1982): «...после смерти Твардовского остался у нас не подражатель, а самобытный продолжатель его поэзии – Михаил Небогатов» [2, с. 210]. Литературные связи А. Твардовского и М. Небогатова очевидны: общие творческие темы, сходные эстетические и духовно-нравственные оценки. Поэзия А. Т. Твардовского и М. А. Небогатова запечатлела глубинные свойства русской души и несокрушимого русского духа.

Литература

1. Небогатов М. А. О себе // Небогатов М. А. Майский снег. – Кемерово, 1966. – С. 82–84.
2. Небогатов М. А. Поэт. Дневниковые записи разных лет / сост. С. М. Небогатова. – Кемерово, 2006. – 300 с.
3. Небогатова М. И. Как научиться жить? (Воспоминания вдовы поэта Михаила Небогатова) / публикация Н. М. Инякиной (Небогатовой) // Огни Кузбасса: журнал писателей России. – Кемерово, 2012. – № 2. – С. 135–146.
4. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / прим. М. И. Твардовской. – М., 1983. – Т. 6: Письма (1932–1970). – 681 с.

5. Твардовский А. Т. Письма о литературе. 1930–1970 / сост. М. И. Твардовская. – М., 1985.

6. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1980. – Т. 5: Статьи и заметки о литературе. Речи и выступления (1933–1970). – 463 с.

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО В. М. ШУКШИНА В ОЦЕНКАХ КЕМЕРОВСКИХ ПОЭТОВ (М. А. Небогатов, И. М. Киселёв, В. М. Баянов, В. М. Ширяев)

На вопрос анкеты: «Кто Ваши любимые прозаики?» – кузбасский поэт Михаил Небогатов ответил: «Чехов, Бунин, Шолохов, Шукшин» [6, с. 299]. М. А. Небогатов внимательно следил за многосторонним творчеством талантливого сибиряка – актёра, режиссёра, писателя. М. А. Небогатов «после просмотра какого-то фильма, то ли прочитав один из рассказов В. М. Шукшина», написал писателю «взволнованное письмо», в котором выразил своё восхищение и попросил прислать книгу с автографом [6, с. 43]. С письмом кемеровский поэт, член Союза писателей СССР с 1962 года, отправил свой новый, седьмой поэтический сборник «Майский снег» (1966).

13 августа 1966 года пришло ответное письмо от В. М. Шукшина, автограф которого хранится в Государственном архиве Кемеровской области: «Здравствуйте, Михаил! Спасибо! Весьма окрыляющая это штука – доброе слово земляка. Порой, – делаешь – и одолеет сомнение: попадётся, думаешь, на глаза земляку-коллеге, и он

скажет: “Какого ты там!..” Ещё раз – спасибо! Книжек-то у меня, Михаил, маловато – две. И тех – тут надо поверить – нету: раздал все по пьяной лавочке, а теперь нету. Будет, пришлось обязательно. Задумал я, Михаил, одно большущее дело – словарь (разговорный) сибирский. Чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно-давно пора открыть и выгрести всё добро и раздать. А насколько мне известно, никто не пробовал это сделать. По-моему, надо! Не Вам мне рассказывать, как говорят наши люди. Помогите! Много уже сделано, но одному это не под силу. А не будет времени у самого, может, найдутся охочие люди – дайте адрес мой. 5–10 слов – и то слава богу! Вы же сосед мой – кемеровский. До свиданья. Пишите в любом случае. Шукшин. 3 авг. 66 г.» [7]. Неполный вариант письма был опубликован писателем в областной газете «Кузбасс» 29.01.1975 года. 14 августа 1966 года М. А. Небогатов записал в дневнике свои впечатления от шукшинского письма: «Видимо, и в жизни Шукшин простой, как его герои. Письмо его дружеское, откровенное, без церемоний: называет меня как старого знакомого – Михаилом...» [6, с. 43]. Дневник М. А. Небогатов 1966 года хранится в фонде Кемеровского областного краеведческого музея: КОКМ. ОФ 21325/10. Дневники 1973–80-х годов находятся на хранении в Государственном архиве Кемеровской области: ГАКО.Ф. № Р-1250. Оп. № 1.

10 декабря 1973 года М. А. Небогатов прочитал подборку рассказов В. М. Шукшина в девятом номере журнала «Наш современник». Читательские оценки привёл в дневнике: «Особенно понравился мне рассказ «Жил человек», в котором Шукшин размышляет о смерти. Хочется кое-что выписать оттуда: «Значит, нужно, что ли, чтобы мы жили? Или как? Допустим, нужно, чтобы мы жили, но тогда зачем не отняли у нас этот проклятый дар вечно мучительно и бесплодно пытаться понять: «А зачем всё?» Вон уж научились видеть, как сердце останавливается... А зачем всё, зачем?!» [6, с. 32].

Внезапная смерть В. М. Шукшина была пережита кемеровским поэтом, как личная утрата.

В дневниковой записи от 17 октября 1974 года М. А. Небогатов написал: «2 октября скоропостижно скончался Василий Шукшин. Вот чья кончина поистине потрясла меня. Сорок пять лет ему было всего. Правильно сказал о нём один писатель в «Комсомолке», что в последнее время во многих журналах мы видим его волшебные россыпи – рассказы. Талант необыкновенный, многогранный. <...> Но в памяти народа он останется прочно, как истинно народный художник. Пожил бы подольше, мог бы стать, не побоюсь этого слова, великим, как Шолохов, как Твардовский. От природы он был наделён именно великим даром...» [6, с. 236]. Переживания от ухода из жизни В. М. Шукшина были столь сильны, что М. А. Небогатов сделал первую запись только спустя две недели после печального дня. А через месяц, 28 ноября 1974 года, в дневнике появилось признание: «От смерти Шукшина не могу опомниться до сих пор, всё думаю о нём, ищу в «Лит. России», в «Лит. газете», в журналах его рассказы и то, что писали и пишут о нём. Сегодня выговорился о нём Свете, а когда Мусик попросила почитать то, что я написал, – еле дочитал до конца – перехватило горло от слёз. Моё состояние передалось и ей – и она тоже всплакнула» [8]. Смерть Шукшина тяжело переживала вся семья кузбасского поэта – жена (Мусик), дети – Светлана, Александр, Владимир. Далее в дневниковой записи от 28 ноября 1974 года М. А. Небогатов размышляет о смерти В. М. Шукшина как о национальной трагедии: «После ухода из жизни Исаковского и Твардовского смерть Шукшина – самая огромная потеря для России. Я даже выше Твардовского его ставлю – по той самобытности, которую он проявил буквально во всём, что успел сделать в литературе и кино. Твардовский лишь в одном «Василии Тёркине» сумел в полной мере остаться самим собой, а Шукшин буквально во всём, что создал – до самого простенького по форме рассказа» [8]. Далее поэт рассуждает об уникальности личности В. М. Шукшина: «Все, конечно, стремятся к самовыражению, но не у всех что-то есть за душой. А Шукшин – удивительно редкостная

натура, личность, общение с которой безмерно обогащает, безгранично заинтересовывает. Он единственный в своем роде художник (причем первоклассный), который смело, прямо, твердо говорил только то, что думал и чувствовал. <...> Чего не знал, не боялся признаваться в этом. Не форсил красивыми словами, ни у кого ничего не заимствовал, никому не подражал, в самой малой мелочи оставался самим собой. В этом его исключительность. Народную душу он понимал и знал, как никто другой. И потому народ любил его. 160 тысяч было отправлено со всех концов страны его семье и в Комитет кинематографии в первые же дни, как все узнали, что Шукшина не стало. Золотые слова сказал Сергей Герасимов: «Главное наследие Шукшина – его натура...» [8; 6, с. 236–237].

10 января 1975 года М. А. Небогатов, по его словам, «отвёл душу – написал стихотворение о Шукшине». Стихотворение памяти В. М. Шукшина «Сокровенное слово» поэт прочитал во Дворце культуры «Заря» дважды, по просьбе слушателей. В дневниковой записи М. А. Небогатов отметил интерес молодежи к личности и творчеству знаменитого писателя-сибиряка: «Выступление я начал именно с этого стихотворения. Под конец встала какая-то девушка и от имени своих подруг сказала: «Нам очень понравилось стихотворение о Шукшине. Прочтите его ещё раз. И расскажите, были ли Вы знакомы с Шукшиным...». Я охотно прочитал ещё раз, рассказал о письме Шукшина ко мне, вообще, поговорили о нём. Такая реакция слушателей очень обрадовала меня» [6, с. 65]. Стихотворение «Сокровенное слово» было опубликовано в газете «Кузбасс» 29 января 1975 года:

*Он умер, играя солдата,
От дома вдали, на Дону.
Ушёл. И не будет возврата.
Как вправду ушёл на войну...
Похож на алтайца обличьем –
Скуласт и немного раскос,
Он внутренним скромным величьем
Был русский до корня волос.
В свою золотую Жар-птицу*

*Он верил – надежда была,
За тем и приехал в столицу
Простой паренёк из села.
Не думал стоять у подножий
Высоких и славных имён –
Он верил, что милостью Божьей
И сам кое в чём наделён.
А вера – всей жизни основа.
Он ждал, караулил свой миг,
Когда сокровенное слово
Вдруг скажет не хуже других.
Для снобов был парень-рубаша,
И вот ни с того, ни с сего –
Такой глубины и размаха
Явились работы его!
А шаг этот вовсе не странный,
Всё было оправдано в нём:
Раскрылся талант многогранный
Во всём своём блеске живом.
Придя от земли, от народа,
Искал он не то, чем берёт
Крикливо-хвастливая мода,
А то, чем живёт наш народ.
Он верен был жизненной правде,
В ней видел всего идеал.
Какой-нибудь Насте и Клаве
Земной свой поклон отдавал.
Такая душевная слитность
С народом – любого спроси, –
Такая во всём самобытность –
Великая радость Руси...
Да будет он жить, как создатель
Творений, достойных вершин,
Актёр, постановщик, писатель
Василий Макарыч Шукшин [5, с. 4].*

В поэтическом портрете М. А. Небогатов отметил ключевые грани личности В. М. Шукшина – «внутреннее скромное величье», «душевная слитность с народом». Главнейшее качество Шукшина-писателя, по Небогатову, – верность жизненной правде. В газетной публикации стихотворение памяти В. М. Шукшина М. А. Небогатов предваряет размышлением о «неиссякаемой творческой энергии на редкость самобытнейшей человеческой личности

В. М. Шукшина, которого за непродолжительное время его работы в искусстве и литературе успели полюбить миллионы людей. Горько сознавать, что не сыграна им до конца роль солдата Лопихина в фильме “Они сражались за Родину”, что не увидим мы фильма “Степан Разин”, в заглавной роли в котором собирался выступить сам создатель этого фильма – Шукшин, что не прочтём задуманный им капитальный труд – сибирский разговорный словарь... Много, очень много, что могло бы стать драгоценным духовным богатством нашего народа, оборвала внезапная смерть. После ухода из жизни А. Т. Твардовского и М. В. Исаковского кончина В. М. Шукшина лично для меня – самая тяжёлая потеря» [5, с. 4]. В одном из вариантов 1976 года стихотворение «Он умер, играя солдата...» (первоначальный заголовок «Сокровенное слово» был снят) М. А. Небогатов завершил строками о всеобщей любви народа к В. М. Шукшину:

*Не всё он успел. Но успели
Его мы навек полюбить.*

14 июля 1976 года М. А. Небогатов писал сыну Александру, журналисту краевой молодежной газеты «Молодой дальневосточник» (Хабаровск), о своих впечатлениях от просмотра фильма В. М. Шукшина «Калина красная»: «С неделю назад Люда специально для нас брала в клуб “Красную калину”. До чего же талантлив был Шукшин – и как писатель, и как режиссёр и актёр! Диву даёшься, откуда что бралось у него. Много открываешь заново, взять хотя бы сцену: “Народ к разврату готов”. Собрались всякие морды, охочие погулять на чужой счёт, и никому в голову не пришло: а может, эта гулянка на ворованные деньги? Ненавидел Шукшин город, его обывателей. Егор в этой сцене, вор-рецидивист, гораздо выше их всех. Он – человек, ищущий праздника души, а они – просто животные. И таких сцен, мыслей с глубоким подтекстом в фильме – уйма. На ближайшее время заказал Люде ещё несколько фильмов: “Печки – лавочки”, “Ваш сын и брат”, “Живёт

такой парень”. Смотреть их можно по десять раз...». Под впечатлением от неоднократных просмотров фильмов В. М. Шукшина появилось неопубликованное небогатовское стихотворение:

*В «Калине красной» – сострадание
К судьбе, что нету тяжелей,
В Степане Разине – воззвание:
Для воли жизни не жалеи!*

*И над безвременной могилею –
Не скорби лживой торжество,
А сильные особой силою
Родные «чудики» его.*

Автограф стихотворения «В “Калине красной” – сострадание...» находится в личном фонде М. А. Небогатова. – ГАКО. – Ф. № Р-1250. Оп. № 1. За творчеством В. М. Шукшина его кемеровский «сосед» следил и в 1980-е годы. Свои читательские оценки М. А. Небогатов зафиксировал в дневниковой записи от 26 марта 1980 года: «Три дня жил в мире шукшинских героев (книгу его рассказов принёс мне Вова). Этот мир настолько интересный, многообразный, глубокий, что создаёт иллюзию, будто ты побывал где-то в другой жизни; то, что предлагает Шукшин как своё творчество, ничуть не слабее по воздействию на душу реальной жизни. Обращает на себя внимание вот что: во многих рассказах – где смутно, где явственно – просматривается главное в раздумьях Шукшина: это стремление понять смысл жизни (зачем мы родились, зачем живём – зачем приходим и уходим?) Такое впечатление, что у Василия Макаровича было какое-то обострённое предчувствие раннего конца своего, и оно, это предчувствие, рождало искренность, смелость, бесстрашие (страшнее смерти ничего нет), и выплёскивал он из души всё самое сокровенное, всё до капельки, ничего не тая, ничего не оставляя про запас. Перефразируя название его романа “Я пришёл дать вам волю”, можно сказать, что всей своей жизнью он как бы говорил людям: «Я пришёл рассказать и показать вам самих себя, какие вы

есть – и глупые, и умные, и добрые и злые, и хорошие, и плохие. Вот вы здесь – на этих страницах, под моим пером”. Душевная обнажённость Шукшина поразительная, по-есенински беспощадная к себе. Кстати, про Есенина один из персонажей (это, конечно, сам Шукшин) говорит: вот, мол, сокрушаются, что Есенин мало прожил. Нет, мол, не мало, а ровно со свою песню. Короткая? Ну, что ж, хороших длинных песен не бывает. А жил бы Есенин дольше – не была бы его песня такой щемящей. Чувствуется, что эту мысль Шукшин подсознательно относил и к себе. Сила Шукшина, как я почувствовал сейчас, залпом прочитав множество его рассказов, не только в огромном таланте художника, но и в его философском даре, в даре мыслителя: он так проникает в душу, что невозможно просто расстаться с ним, лишь восхищаясь этим талантом, нет, он заставляет думать, много и углублённо размышлять о жизни вообще и о своей в частности. Таких писателей очень и очень мало, он в чём-то главном выше даже Горького. Это самородок редкостный. И напрасно сейчас некоторые – даже именитые – литераторы пытаются писать “под Шукшина” – он такой – один, может быть, лет на пятьдесят вперёд. Даже манеру его письма перенимать – бесполезное, безнадёжное дело, потому что эта манера – не какой-то оригинальный литературный приём, а сама душа его, сама его человеческая суть – и это никому не дано повторить. Никакому самому искусному имитатору» [9; 6, с. 36]. В оценках М. А. Небогатова личности С. А. Есенина и В. М. Шукшина равноценны по своей значимости, оба – великие русские национальные писатели. Примечательно, что Шукшина М. А. Небогатов в 1980 году ставит выше М. Горького, культового писателя в СССР, и даже выше А. Т. Твардовского, которого в 1966 году назвал «своим учителем» [10, с. 84].

Боль утраты В. М. Шукшина не прекратилась и через восемь лет после его ухода из земной жизни. В стихотворении «Некрологи» (1982) кемеровского поэта Владимира Ширяева (1949–2002), члена Союза писателей России, родившегося в селе Романово Алтайского края,

личность В. М. Шукшина поставлена в один ряд с деятелями мирового масштаба:

*Я в смятении опять и в тревоге:
мне от них не укрыться нигде.
Некрологи плывут, некрологи
по весенней узорной воде.*

*Различаю: Неруда, Шукшин,
Сартр, Лаврентьев...*

*Прощай, академик!
А какой-нибудь сукин сын,
а какой-нибудь пошлый бездельник*

*расцветает, как розовый куст!
Так обидно бывает порою!
Ну, а после подумаешь: «Пусть
расцветает себе на здоровье!»*

*И поэтому ратую я
среди этой клокочущей шири
не за то, чтоб плохим – умирать,
а за то, чтоб хорошие – жили!*

*...Ну, а вестники новой беды
снова в глушь добиваются эту.
Я газету достал из воды.*

Мне заглядывать страшно в газету [11, с. 42].

Высокую оценку личности и творчества В. М. Шукшина высказали ещё два других кемеровских поэта – Игорь Киселёв (1933–1981) и Виктор Баянов (1934–2011), члены Союза писателей СССР. Стихотворение «Утверждают, что творчество – отрочество...» с посвящением «Памяти Василия Шукшина» И. М. Киселёв написал в 1975 году. Впервые оно было опубликовано женой поэта И. А. Киселёвой в 1983 году в первом номере журнала «Огни Кузбасса» и сборнике стихов «Благодарю, земля, благодарю...» (1983). В московском поэтическом сборнике И. М. Киселёва «Под солнцем и ненастьем» (1989) была издана вторая редакция стихотворения. Сам поэт считал, что с ним ещё нужно поработать.

Памяти Василия Шукшина

*Утверждают, что творчество –
отрочество,
Говорят, мол, талант и пророчество.
Мне подобная краткость смешна.
Просто, если о творчестве думаю,
Вспоминаю фигуру угрюмую,
Чуть сутулую – Шукшина.*

*Был стремителен взлёт его вешний,
Был наполнен он силой такой –
Не назвать эту силу нездешней,
Только здешней! И только людской!*

*И в характере, взгляде, натуре
Отразилась, вольна и чиста,
Родниковая свежесть Катуня
И сибирских людей доброта.*

*И любое неправое дело
В книгах, жгущих, как плач, как вина,
Несмываемо багровело
От пощёчины Шукшина!*

*Ну, а если внезапно и зыбко
Чей-то свет возникал из-под век, –
У него появлялась улыбка:
Ведь улыбкою жив человек!*

*И недолгим таким – не с тоски ли! –
Был рассвет его в нашем краю,
Что все беды, все судьбы людские
Пропускал он сквозь душу свою!*

*Мы пройдем по бессмертному следу
И в своей разберёмся судьбе.
Он ушёл, завещав нам победу
В справедливой и грозной борьбе! [4, с. 195].*

В стихотворении Игоря Киселёва «родниковая» чистота души В. М. Шукшина равно влекла писателя и на борьбу с «неправым делом», и на сострадание «судьбам людским». Просветление душ человеческих – вот что заботило И. М. Кисе-

лёва, уроженца с. Павловское Алтайского края, и его земляка В. М. Шукшина. С поэтической исповедью И. М. Киселёва, которая звучит в его первом сборнике стихов «Перецвет» (1966), думается, согласился бы и В. М. Шукшин:

*Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя беда,
А где – чужая.*

*Быть может, оттого
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего... [3, с. 65].*

Стихотворение Виктора Баянова «Покатый взлобок. Голь. Потрава...» (одно из заглавий «На горе Пикет») учителя часто включают в разработки современных уроков по рассказам В. М. Шукшина. Например: «Урок внеклассного чтения в 9-м классе по рассказу В. М. Шукшина «Волки» Л. Н. Пудовой, «Вечер памяти В. М. Шукшина «Калина красная» А. А. Сабатаевой (на сайте «Фестиваль педагогических идей «Открытый урок»), «Урок литературы в 7-м классе «Жил человек родом с Алтая. В. М. Шукшин и его рассказ “Дядя Ермолай”» Г. А. Рыбальченко (на сайте КГОУ ДПО «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования»), «План-конспект урока по литературе (11-й класс) на тему «В. М. Шукшин. Очерк жизни и творчества» Т. А. Зубрицкой из г. Барабинск (на сайте «Социальная сеть работников образования nsportal.ru»).

*Покатый взлобок. Голь, Потрава.
Свистящий ветер верховой.
Мне так и видится застава,
Казачий пост сторожевой.
И ныне холм в краю предгорном,
Где сказочно земля щедра,
Стал совести постом дозорным,*

Пикетом Правды и Добра.
 Высь Шукшина...
 Хлеба резные,
 Лесок, покос, родник во мху.
 Да что там степь, ему – Россия
 Вся на виду и на слуху!
 В подлеске ветер быстр и юрок.
 След сапога росой не смывает.
 Он был здесь только что. Окурок
 В сырой траве ещё дышит.
 Где ж уголок его сугрева,
 Тепла, которым дорожил?
 Спуститесь вниз, а там – налево, –
 Кивает некий старожил.
 Тропинка на зелёном ворсе.
 В низине – дом. И он в дому.
 Но не спускаться надо вовсе,
 А подниматься нам к нему [1, с. 66].

Мысль о нравственной высоте В. М. Шукшина, человека и писателя, защитника высшей Правды и Добра, которая составила основу стихотворения В. М. Баянова «Покатый взлобок. Голь. Потрава...», помогает учителям завершить урок на высоком эмоциональном подъёме. В некоторых разработках учитель предлагает ученикам выучить стихотворение кемеровского поэта В. М. Баянова наизусть.

В с. Сростки Алтайского края было написано В. М. Баяновым стихотворение «На берегу у глыбы каменной...» о любимом шукшинском образе, давшем название киноповести «Калина красная».

На берегу у глыбы каменной
 До петухов – гармонь, галдёж.
 Лишь ты в своей косынке пламенной
 Напрасно ждёшь,
 Напрасно ждёшь.
 Вот ветка дрогнет, заколышется –
 Но это ветер. Так всегда.
 Вот говорок вблизи послышится,
 Но это – полая вода.
 Вот на тропе, едва намеченной,

Тень закачается слегка.
 Но то – причуды ночи месячной
 Да молодого ивняка.
 А ты – одна.
 Привыкла к горечи.
 Всего и счастья, что видна
 Вон из того, на малой горочке,
 Всегда закрытого окна.
 Над яром, над водою плавною
 Ты подожди ещё, постой,
 Светясь красою своенравною,
 Своей любовью непростой.
 А грянет горе, беды разные –
 Перегорюй, перестрадай.
 Но никогда, калина красная,
 Не увядай,
 Не увядай [1, с. 67].

Образ калины красной в стихотворении В. М. Баянова стал образом русской души, духовная сила которой позволяет претерпеть все невзгоды и вновь цвести. В. М. Баянов в 1980–90-е годы не раз приезжал на Шукшинские чтения в Сростки. В поэтический сборник В. М. Баянова «Поле» (2000) вошло стихотворение «До Шукшина – далеко», вероятно, созданное в начале 1980-х годов. Описывая полёт на «самолётике местных линий» на родину В. М. Шукшина, поэт ощущает, что летит к нему, как к большому другу:

Суется, в окно глазею,
 Будто ждёт он, друг большой,
 В эту жизнь влюблённый всею
 Золотой своей душой [2, с. 172].

Образ «золотой души» В. М. Шукшина, писателя и человека, сформировала родная земля Алтай, родной дом, родные души близких ему людей:

Правда – громче,
 Раны – глуше
 Возле матери в дому.

*И до дна родные души
Раскрываются ему.*

*Нет ни зависти, ни сглазу
В гуще кепок и платков.
Там он свой.*

*Его не сразу
Разглядишь средь земляков.*

В заглавии стихотворения «До Шукшина – далеко» речь не только о дальности расстояний от г. Кемерово до с. Сростки, но прежде всего о духовно-нравственной высоте личности В. М. Шукшина, так талантливо реализовавшейся во всём его творческом наследии и ставшей для многих людей Сибири и России нравственным ориентиром. Для кемеровских поэтов М. А. Небогатова, В. М. Баянова, И. М. Киселёва, В. М. Ширяева личность и творчество В. М. Шукшина ярко запечатлели глубинные свойства русской души и несокрушимого русского духа. В. М. Шукшин в XXI веке многим читателям и зрителям помогает в «своей разобраться судьбе» [4, с. 193].

Литература

1. Баянов В. М. Какой земле принадлежим: стихотворения. – Кемерово: Ковчежек, 1994. – 80 с.
2. Баянов В. М. Поле. Стихи. – Кемерово: Сибирский писатель, 2000. – 192 с.
3. Киселёв, И. М. Перецвет. – Кемерово, 1966. – 95 с.
4. Киселёв И. М. Под солнцем и ненастьем: стихотворения. – М.: Советская Россия, 1989. – 223 с.
5. Небогатов М. А. Сокровенное слово // Кузбасс. – 1975. – 29 января. – С. 4.
6. Небогатов М. А. Поэт. Дневниковые записи разных лет / сост. С. М. Небогатова. – Кемерово, 2006. – 300 с.
7. Письмо В. М. Шукшина – М. А. Небогатову от 3 августа 1966 года. Личный фонд М. А. Небогатова. – ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (ГАКО). Ф. № Р-1250. Оп. № 1.
8. Небогатов М. А. Дневник 1974 года. 28 ноября. Личный фонд М. А. Небогатова. – ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (ГАКО). Ф. № Р-1250. Оп. № 1. Л. 30–35.
9. Небогатов М. А. Дневник 1980 года. 26 марта. Личный фонд М. А. Небогатова. – ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (ГАКО). Ф. № Р-1250. Оп. № 1. Л. 72–76.
10. Небогатов М. А. О себе // Небогатов М. А. Майский снег. – Кемерово, 1966. – С. 82–84.
11. Ширяев В. М. «Расскажу без прикрас». Поэзия, проза, об авторе. – Кемерово, 2008. – 408 с.

Людмила Оленич

Оленич Людмила Владимировна окончила Кемеровский государственный университет, филологический факультет. Преподает в КемГИК, в других вузах Кемерова искусствоведческие и культурологические дисциплины. Научную деятельность сочетает с общественной. Регулярно участвует в работе Епархиальной архитектурно-церковной комиссии в качестве эксперта. Является автором десятков научных публикаций, кураторских выставок и каталогов к ним. Сфера профессиональных интересов – современное церковное искусство (архитектура, иконописание), творчество художников Сибири. Член Союза художников РФ. Живет в Кемерове.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР В ЦЕРКОВНОМ ИСКУССТВЕ 2015 ГОДА

В нашей истории совсем немного тысячелетних дат, имеющих общекультурное значение. 2015 год несет в себе память о кончине святого князя Владимира десять веков назад. Это событие стало поводом для строительства новых Владимирских церквей, создания пластических изображений крестителя Руси. И, судя по всему, великий князь до сих пор привносит в жизнь потомков созидательное начало, вдохновляя художников к творческим свершениям.

Трудно найти в отечественной истории личность, сравнимую с равноапостольным князем в той энергии духовного обновления, которой была пронизана его деятельность. В сущности, князь Владимир – это символ благотворных начинаний. Но при этом храмов и памятников, ему посвященных, на территории России было сделано меньше, чем должно быть. В последние двадцать лет большинство построенных Владимирских церквей именуются так не столько ради памяти крестителя Руси, сколько в честь их настоятелей или заказчиков. Однако 2015 год меняет эту ситуацию в сторону почитания самого князя Владимира. Это хорошо просматривается на территории Кузбасса и соседних регионов.

В 2013 году известный кемеровский мастер Евгений Тищенко получил заказ на выполнение убранства нового Владимирского храма, построенного в живописном месте неподалеку от Горно-Алтайска. Сначала были выполнены четыре мозаики на внешних стенах западного фасада церкви*. Как живописцу Е. Тищенко

* См. иллюстрации на обложке (с. 2, 3) и на вклейке.

очень удаются образы из смальты (кусочков непрозрачного стекла). Используя древние приемы византийского набора «по графье», художник строго следует иконографическим образцам, выкладывая двухметровые фигуры Спасителя, Богородицы, архангелов Михаила и Гавриила. При этом он предельно раскрепощен живописно и добивается импрессионистической игры цвета. Фон мозаик не монохромный, а заполнен многоцветными смальтами с мягким переходом живописных пятен.

Позднее, уже в 2014 году, Е. Тищенко получил заказ и на создание росписей для этого же Владимирского храма. Художнику хотелось, чтобы белокаменная церковь, безупречная по пропорциям, доминирующая в прекрасном ландшафте, стала и духовным центром небольшого поселка. Воплощая эту идею, он весьма взыскательно подошел к программе будущей росписи, отбору самых важных персонажей и сюжетов в виде объектов изображения. Как ни странно, достаточно полных образцов программ церковно-владимирских росписей существует немного. В основном, это довольно поздние примеры академической живописи во Владимирских соборах Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, Севастополя, Архангельска.

Е. Тищенко стремился сохранить стилевое единство с архитектурным решением церкви, поэтому его роспись могла иметь преемственность только с древнерусской художественной традицией. Для этого художника идеалом монументальной церковной живописи всегда остаются свершения Дионисия. И в своей интерпретации великих фресок Ферапонтова кемеровский мастер каждый раз открывает что-то, еще не известное в них. Но самое главное в церковном искусстве, считает художник, – приобщение к Божественному через постижение гармонии, достигнутой и сохраненной в живописном опыте гениальных предшественников.

И тут гармония обязательно «алгеброй повеяется». Е. Тищенко на редкость ответственно относится к созданию всего комплекса подгото-

вительных материалов. Он тщательно готовит цветные эскизы, до сантиметра точно соизмеряя их с размером стен и сводов; затем создает картоны (рисунки в натуральную величину), переводя их на стену, не прибегая к проектору. Это всегда вознаграждается безупречной сомасштабностью сделанных композиций и церковного интерьера.

В чередование сюжетов, медальонов, декоративных обрамлений заложена идея развития главных событий из жизни князя Владимира. Для этого изучены не только житийные тексты, летописи, но и научно-исторические публикации. Из всех материалов выбраны важнейшие эпизоды, связанные с Крещением Руси: беседа с философом, выбор веры, крещение Владимира, крещение народа, свержение кумиров, строительство церквей, взятие вражеских крепостей, смерть равноапостольного князя, вручение мученических венцов князьям Борису и Глебу. В трактовке образов мастер сохраняет предельную отвлеченность. Жесткие границы формы, выверенная безупречность линий образуют почти формулы лиц и фигур, что позволяет автору быть отстраненным, избегать эмоциональной окраски. Несколько лиричнее только образы небесных сил, возвышенную красоту которых всегда очень выразительно претворяет этот мастер. Общая интонация росписи формируется благодаря изысканной декоративной гамме, очень светлой, праздничной, с преобладанием белых и голубых тонов. Меньше чем за год Е. Тищенко один, без помощников, создал живописный ансамбль площадью более 150 кв. м. И эта роспись – одна из лучших в длинном перечне выполненных мастером церковных заказов.

Еще один живописный ансамбль, посвященный крестителю Руси, появился в июле этого года в алтаре нижнего Владимирского придела Знаменского кафедрального собора в Кемерове. За очень короткий срок, в три месяца, группа мастеров, организованная руководителем иконописной мастерской Кемеровской епархии Миха-

илом Прошкиным, заполнила росписью обширную площадь алтарных стен около 200 кв. м.

Этот храм был освящен еще двадцать лет назад, но оставался без монументального убранства, был украшен только резным по камню «византийским» иконостасом и отдельными иконами. Тематика алтарных росписей, в основе своей, весьма устойчивая; в виме всегда присутствуют сюжет Евхаристии с Престолом Уготованным, образы Спасителя и Богородицы, апостолов, святителей, преподобных. В данном случае мастера дополнили это евангельскими сюжетами со страстями Иисуса Христа и образами новомучеников, в том числе и сибирских святых. Центральное положение занимают большие фигуры святого Владимира и равноапостольной княгини Ольги, хотя размещение их в алтаре не совсем типично, но в этой ситуации просто необходимо.

Художникам удалось решить задачу росписи «неудобного» интерьера с невысоким плоским потолком, сложным членением полукруглого пространства. Учитывая, что в цокольном этаже собора мало дневного света, роспись сделана легкой по тону, с преобладанием теплых красок. Поскольку над росписью работало десять человек, поначалу живописное единство не достигалось: слишком ярко проявлялась индивидуальность каждого из мастеров. Но завершилось все вполне стилистически целостно. В процессе создания композиций происходила коррекция цвета и форм. Все много импровизировали, но сообща двигались в сторону усиления динамичности изображения и его «очеловечивания», особенного сближения горнего и дольнего. Все персонажи как бы «здесь и сейчас» обращаются к людям. Это концептуально важно для М. Прошкина, поскольку он считает, что в такой росписи нужно было рядом с духовными смыслами подчеркнуть и историческое значение всех действующих лиц, усилить их достоверность, не уходя от древнерусских традиций.

Декоративные элементы росписи поддерживают общую идею историчности, изначальной связи с Византией, где в храмовом убранстве

было много мраморных деталей. Каменный пол алтаря хорошо сочетается с живописной имитацией мраморных плит в нижнем ярусе росписи. Все элементы убранства храма, и старые, и новые, созвучны друг другу. Эта коллективная работа показывает тот высокопрофессиональный творческий уровень, который достигнут иконописцами за восемь лет существования кемеровской мастерской.

Рядом со Знаменским собором в Кемерове 28 июля 2015 года открыт и памятник крестителю Руси, выполненный молодым московским скульптором Дмитрием Левиным. Весь процесс работы, включая создание первых эскизов, занял около восьми месяцев. Художник сам, без участия архитектора, вполне удачно определил соотношение среды и монумента. Сказывается его опыт работы и как ландшафтного дизайнера. Скульптура вместе с постаментом достигает пяти метров. Не самые крупные размеры такой пластической формы позволяют соединить в ней монументальную торжественность и несколько камерный характер изображения. Памятник окружен постройками во главе с собором, поэтому виден только на сравнительно небольшом расстоянии от него. Но здания вокруг создают богатый фон для скульптуры, дающий разнообразие художественных аспектов при круговом рассмотрении.

Д. Левин весьма взыскательно подошел кбору материала, изучая не только историко-культурные тексты, но и уже существующие памятники. И здесь для скульптора было очень важным приобщиться к традиции пластических изображений князя Владимира, созданных и в XIX, и в XX веках на территории России. В сложившейся иконографии князя не так уж много вариантов. И нетрудно заметить, что русские скульпторы (и академики, и реалисты) обязательно вводили символический компонент в образ этой исторической личности.

Особенно свое внимание Д. Левин обратил на монумент крестителя Руси работы В. Клыкова в Севастополе. Как видно, были учтены не

только достоинства памятника, поставленного в 1994 году, но и то, что можно совершенствовать. Фигура князя с византийским венцом на голове (а не в шапке Мономаха, как часто его изображают) динамична, наполнена внутренней энергией. Правая рука направлена назад, к большому, но ветхому щиту, языческие знаки на котором уже не могут быть защитой Руси. В левой руке у князя – высокий крест, воздетый очень торжественно. Ногой князь Владимир попирает низвергнутого идола Перуна, примкнутого к постаменту. Сочетая два материала, металл и камень, мастер точно расставляет смысловые акценты. Темная бронза, из которой отлита фигура, контрастирует с более светлым гранитным постаментом. Это несколько утяжеляет статую, но придает ей эффект соприсутствия, приближения к тем, кто вокруг. Тут можно видеть общность подходов к образу у Д. Левина и М. Про-

шкина, что не случайно, ведь они сотрудничают в совместных проектах.

Скульптор не считает свою работу до конца завершенной. Ему хотелось бы гравировать на постаменте слова из молитвы князя Владимира: «Боже, сотворивший небо и землю, призри на новых людей и даруй им, Господи, уведать тебя...». Кроме того, Д. Левин мечтает о полном благоустройстве всей площади вокруг памятника, что вполне осуществимо. И люди ожидают этого.

Все представленные мастера, создавая свои живописные и пластические ансамбли, решали самые разнообразные художественные задачи, но самая важная из них имеет синестезийный характер. Нужно было самоумалиться, отвести на второй план свою индивидуальность ради полноты творческих созвучий, достижения художественного синтеза.

Валерий Плющев

Плющев Валерий Андреевич окончил Сибирский технологический институт в Красноярске и два курса филологического факультета Кемеровского государственного университета, учился на курсах и в школах PR, в частности, Парижской школе PR, Лондонской школе PR.

Работал на инженерных должностях на заводе «Прогресс» (г. Кемерово), вел комсомольскую работу, был лектором областного партийного комитета, журналистом областных газет, занимался бизнесом, возглавлял службу PR в Кемеровском областном Совете народных депутатов и ОАО «Кузбассэнерго». Член Союза писателей России, литературный критик, публицист. Автор газетных и журнальных публикаций по самым разнообразным темам. Автор книг по проблемам энергетики в Кузбассе, сборников журналистских работ, а также книги литературной критики «Привычка к ежедневному чтению: О писателях и книгах» (2012). Лауреат Всероссийского литературно-критического конкурса «Читают все!», лауреат журнала «Огни Кузбасса» за публицистические издания. Лауреат литературной премии «Энергия творчества». Научный сотрудник НИИ межкультурной коммуникации КемГИК.

МУЗЫКАНТ ИЗ КЕМЕРОВА

Интервью с Марком Фуксманом

Марк Фуксман поездил по разным странам. В том числе с концертами. В настоящее время он проживает с семьей в США. Но в областном центре Кузбасса иногда появляется. Последние его появления связаны с печальным событием – смертью отца, известного всему музыкальному Кемерову Владимира Фуксмана, устройством посмертных дел. Отец любил чтение и книги, имел немаленькую, хорошо подобранную библиотеку – на книжной почве мы поначалу и познакомились с его сыном, Марком. Конечно, говорили о жизни, самых разных проблемах. Марк очень интересный собеседник. А потом у меня родилась идея сделать интервью с человеком, занимающимся музыкой и параллельно бизнесом, связанным напрямую с музыкальной культурой.

Кто Вас учил, кого Вы считаете своими настоящими учителями, как Вы начинали в музыке?

Я начал очень поздно, чтобы стать профессиональным музыкантом. Мне было 11 или 12 лет. Обычно начинают в 5–6 лет, в крайнем случае – в 7, мое начало – очень позднее. Я пошел в музыкальную школу, занимался у преподавателя Ишковой, это было недолгое время, может, полгода или что-то около этого.

После этого я начал учиться у Натальи Николаевны Лоскутовой – она очень хорошо ко мне относилась и была замечательной женщиной. Нет, она и сейчас есть, дай ей Бог здоровья, просто сейчас в Кемерове не живет, как я знаю – проживает в Новосибирске. Она окончила Ленинградскую консерваторию, училась с такими выдающимися музыкантами, как Григорий Соколов, Филипп Хиршхорн – великий скрипач, гениальный.

После школы я пошел в училище, где занимался у своего отца, Владимира Мееровича Фуксмана все четыре года училищных.

После этого – в Новосибирской консерватории занимался у Бикеса, брал из-за травмы академический отпуск, после чего, вернувшись в Кемерово, устроился в Кемеровскую областную филармонию.

Так получилось, что Новосибирскую консерваторию я оставил и стал ездить в Московскую консерваторию, где, работая в Кемеровской филармонии, учился у совершенно фантастической и гениальной личности – Льва Николаевича Наумова. Одно время он был одним из любимых ассистентов Нейгауза. Проучился я у него до самого отъезда в Израиль. У Наумова занимались очень многие из известнейших пианистов, такие как Андрей Гаврилов, Лексо Тарадзе, Андрей Диев, Сергей Бабаян, Сергей Тарасов – всех трудно перечислить. Это был педагог в самом высоком значении слова.

В Израиле я обучался у Михаила Богуславского – он очень известная личность, большой пианист и замечательный человек, нас с ним

связывают глубокие разговоры, мы вместе провели очень много времени. Ещё один мой учитель – Виктор Деревянко, я его очень ценю, ещё была легендарная израильская пианистка Пнина Зальцман – просто фантастическая. Такой язык, такое остроумие, как у неё, трудно вообразить. Достаточно сказать, что с 9 лет она училась у Корто – знаменитого французского пианиста. Она голосом старой курильщицы могла сказать о Яли Вагмане, – ему уже было за 70, и он говорил, что когда-то был вундеркиндом, – так вот, она с тлеющей сигаретой таким своеобразным голосом произносит на иврите, по-русски перевод будет таким: «Он никогда не был вундеркиндом... И никогда уже не станет...» Это был её своеобразный стиль мышления. Она была замечательной. Она говорила на английском и немножко русский знала.

А языком Вы быстро овладели?

Я в первый год, когда приехал, вообще не учил иврит, а потом, когда нужно стало, начал овладевать. У них в стране интересная система, называется «Ульпан» – это студия, в которую приходишь ежедневно на 5 часов в течение пяти дней в неделю. Плюс домашние задания: каждый день учить по 50 новых слов. После второй недели голова не то что опухла – просто разрывалась. Это обучение, как я сейчас вспоминаю, для меня было каким-то кошмаром. Как будто в тебя ногой вату напихивают под завязку, после такого обучения через полтора месяца я уже абсолютно свободно говорил.

Всегда, когда начинаешь учить язык, есть такой переход плавный из одного языкового поля в другое. Это идет мало-помалу. С английским у меня был такой переход: сколько его муржили, мусолили в школе. А тут, как я себя помню, один день не знал иврита, а на следующий ты уже свободно говоришь.

По английскому также были курсы. Мне повезло, у меня соседи по комнате были из Шотландии, они только на английском разговаривали. И я тоже с ними говорил. Так постепенно и освоил.

Конкретная работа музыканта началась в Кемерове?

За пять, а может, лет за шесть я объездил всю Кемеровскую область, доехав до Шерегеша, с концертами.

А в Израиле?

Там тоже я играл в разных местах, выезжал в Голландию, где какое-то время жил, в Амстердаме играл. В Германии играл. Но, в принципе, такой большой исполнительской деятельности в те времена не было. Хотя играл.

А когда началась концертная деятельность за рубежом?

Определенно трудно сказать.

А что значит деятельность для жизни, для профессии?

Это ещё одна часть самовыражения.

А педагогическая работа?

Тоже какая-то часть самовыражения.

Есть ли любимые ученики?

У меня все любимые. Я не разделяю учеников на любимых и нелюбимых. Когда к этому серьезно относишься, а я очень серьезно отношусь к педагогической деятельности, они все, как твои дети, и поэтому, даже если какие-то из детей ущербные, ты все равно их любишь, как и всех остальных.

Вы профессор?

Я профессор в Италии. Это уже такие условности. Я преподавал в университете Аризона, сейчас мы уехали в Юту, и так получилось, что моя жена сейчас работает в университете, а я предпочитаю на этом этапе своей жизни не соединяться с каким-то учебным заведением, а быть свободным художником и делать то, что мне нравится.

Получается, Вы, как Василий Аксенов, который любил дорогу, менял университеты, обожал поездки.

Вот-вот, это мне больше всего нравится. Ездить по городам, где-то сыграть, где-то мастер-классы, где-то какие-то фестивали. Вот это меня гораздо больше привлекает, чем от кого-то зависеть.

В Кемерове тоже мастер-класс давали?

Каждый раз, когда сюда приезжаю, все мои друзья об этом знают. Меня знают в училище, всегда приглашают, я соглашаюсь позаниматься со студентами. Ведь обмен опытом чрезвычайно важен. У меня была такая привилегия – учиться во многих местах, выбирать, что учить, думать не какими-то штампами, которые есть в одной конкретной системе. Есть разные системы мировоззрения, их впитываешь, и тогда другое отношение к каким-то музыкальным процессам.

Я называю это панорамным взглядом.

Да-да, я учился в Израиле у выдающихся педагогов: Богуславского все знают, Деревянко играл и записывал пластинки с самой Марией Юдиной, его жена – дочь Петра Абрамовича Бондаренко, который был ассистентом у Давида Ойстраха. Это такой пласт, это такие корифеи русской культуры! Я приехал туда, но докторской степени там не было. Мне очень хотелось поехать в Америку, чтобы, во-первых, получить докторскую степень, а, с другой стороны, ещё и впитать в себя иной принцип музыкального мышления и общественного мышления, естественно. Любое явление в искусстве есть отражение каких-то социальных вещей. Мой педагог там – Роберт Хамилтон учился у Горовица. У меня получилось своеобразное эклектическое наложение музыкальных пластов: русский – Гольденвейзеровская школа от моего отца, после этого Нейгаузовская школа Наумова, затем французская школа от Корто, Михаил Богуславский учился у Виссариона Слонима, который учился у Калантаровой, в Америке я занимался с учеником Горовица – вот так собрал свою музыкальную палитру.

Вы себя считаете гражданином какой страны, а, может, гражданином мира?

Очень трудно сказать. Я сюда приезжаю в Кемерово и не знаю жизни: всё изменилось, я здесь не был много лет. Но чувствую себя здесь как дома. Поеду в Израиль – и там как дома.

А паспорт у Вас какой, или паспорта?

Паспорт у меня израильский, я сюда в этот раз приехал и получил (восстановил) свой российский

ский паспорт, потому что, когда уезжал, у меня был ещё советский паспорт.

А в Штатах грин карта?

В штатах грин карта.

Кто является Вашим другом в музыкальном мире? Вы активно концертрируете, занимаетесь музыкальной педагогикой. Расскажите о своих друзьях?

Сейчас, если посмотреть телевидение, то можно услышать такие модные разговоры: кто-то говорит о дружбе с принцем Монако или был, например, на приеме у бельгийской королевы. Друг – это такой близкий человек; два-три таких есть за всю жизнь – уже нормально. Мне довелось в музыкальном мире пообщаться с очень большими, великими музыкантами. Если говорить о том, кто на меня произвел самое серьезное музыкальное впечатление из людей, с которыми я общался, первыми я бы назвал, кроме, естественно, своих учителей, выдающихся дирижеров Виктора Наумовича Барсова (кемеровчане его хорошо знают), Дмитрия Лисса, Людвиг Яновицкого; со всеми мне довелось тесно пообщаться и поиграть, они мне очень много дали, это люди высокого интеллекта. В Иркутске был дирижер Илмар Лапиньш – выдающийся человек, мы с ним очень много времени провели, в Италии вместе преподаем на фестивале. Назову пианиста Александра Слободяника, с которым мы были очень близки, – высочайшей души человек, таких – чрезвычайно мало. Я у него часто бывал дома в Нью-Джерси, в Морристауне, или когда он приезжал в Нью-Йорк – у него там квартира. Много и плодотворно я общался с выдающимся пианистом Владимиром Фельцманом, сыном Оскара Фельцмана. Он давно живет в Америке. В день перед отъездом Владимир мне позвонил по своим делам – я штук 12, а может, 15 его компакт-дисков выпустил с разными фирмами. Дорожу дружбой с Сергеем Бабаяном – замечательный пианист, выдающийся музыкант, потрясающий человек. Лексо Тарадзе – у него на фестивале мне довелось играть первый концерт Чайковского. Выдающийся пианист Александр Корсантия – я его тоже запи-

сывал, когда занимаешься звукозаписью, очень тесная, особая работа – совместная.

У Вас есть фирма записывающая, так?

Скажем, что это не фирма, а компания. У меня она не звукозаписывающая, я вообще люблю менять род деятельности. С детства я не только музыкой увлекался, но ещё и электроникой. Особенно, помните, в советские времена ни усилителей, ни магнитофонов не было нормальных. Все мы были мастерами, я выписывал и читал журнал «Радио», очень много подобной литературы перелопачивал, мне это нравилось – мастерить. А когда приехал за рубеж, там можно было всё что угодно приобрести. У нас радиодетали были мечтой, я собирал, когда ездил в Питер, в Москву, на барахолках приобретал, эти детали, наверное, на радиозаводах воровали, а потом продавали. Я приобщился к техническому творчеству. Когда приехал в Израиль, микрофоны были ужасно дорогими – китайской дешевой продукцией рынок ещё не наводнили, стоили эти необходимые для музыканта вещи по тысяче долларов, а то и дороже. А я ведь – студент, денег не было. Поэтому на Центральной автостанции Тель-Авива, где была своеобразная барахолка, необходимое приобреталось поначалу там. Я микрофонами заинтересовался, и сейчас у меня компания производит именно микрофоны и занимается их ремонтом, а также звукозаписью.

Какие композиторы самые любимые для исполнения?

Невозможно однозначно сказать. Вот, какой у вас самый любимый автор?

Я могу назвать несколько.

Это когда читаешь, то здесь всё несколько иначе. А когда исполняешь, через себя всё пропускаешь, интерпретируешь, эта исполняемая музыка, скажем так, должна стать твоим вторым «я». Играешь произведение композитора, а это же, как твои дети или друзья.

А музыка каких композиторов больше на душу ложится: старых, классических или современных?

Мне очень нравится современная музыка, есть очень интересные ультрасовременные композиторы Майкл Финесси или Лигетти – каждый исполнитель хочет идти в ногу со временем, исполнять современное. Но в своих предпочтениях исполнительских я более консервативен: что-то до Прокофьева, может быть, до Шостаковича. Из старых – это, конечно, Бах, романтическая музыка, русская музыка. Ультрасовременную я не исполняю, но если что-то заинтересует, то обязательно сыграю.

В работе, в жизни музыкальные фестивали какую роль играют?

Очень большую. Я много раз ездил на фестиваль к Владимиру Фельцману, играл на фестивале у Лексо Тарадзе, сейчас преподаю, являюсь профессором на Международном фестивале в Италии, в Тироле, в итальянских Альпах. Директор этого фестиваля Баграм Саранджан – это мой друг, гениальный виолончелист, лет десять, наверное, учился у Ростроповича, фестиваль – это совершенно другая музыкальная атмосфера. Туда Брусиловский, великие музыканты Миша Майский, Наталья Гутман приезжали к нам, Лиана Исакадзе, Захар Брон, Владимир Ланцман – величайшие имена. Некоторых мы не знаем, они успели уехать, когда их объявили «врагами народа». Фестиваль – это тесный музыкальный круг общения, это и ученики, студенты, у которых свой круг общения, у них группы, но мы часто собираемся вместе. Если спрашиваете, какое место занимают фестивали в моей жизни, я отвечу одним словом: «Огромное!»

А какие-то увлечения у Вас немusикальные по жизни ещё есть?

Кроме работы, кроме моей компании, моё главное увлечение – это мои дети. Особенно в моем возрасте иметь двух маленьких детей – одному 4,5 года, другой – только годик недавно исполнился (запись сделана в феврале 2013 года, обновлена – в августе 2015 года. – *В. П.*) – это уже совершенно другое отношение, чем в 20 лет.

А какой Ваш возраст?

Нескромный вопрос (смеется) – сорок семь. Поэтому у меня никаких увлечений и хобби не может быть, кроме моих сына и дочери.

Поговорим о литературе. Ведь читается же что-то?

Что-то читается. Сейчас читаю немного, раньше гораздо больше читал.

На каком языке предпочитаете читать, каких авторов?

На русском языке в Америке очень трудно достать современную литературу. Ну, если только иногда, когда в большие города приезжаешь: в Нью-Йорке на Брайтон Бич или в Лос-Анджелесе, где есть русские книжные магазины, захожу, сразу стопку книжную приобретаю, чаще всего – это русская классика, приобретается для перечитывания, для того, чтобы было. У меня сейчас английский можно назвать вторым родным языком – и всегда хотелось больших писателей почитать в подлинниках: Сэлинджера, Драйзера, Бернарда Шоу, Оскара Уайльда – всю классику английскую и американскую. Очень часто читаешь, а смысл совершенно другой. Вот однажды один из моих друзей дал на Фейсбуке фразу – перевод Пастернака, я прочитал, значение вообще противоположное.

Классики ведь так и переводили. Помните знаменитое: «To be or, not to be: that is the question», Пастернак переводит: «Быть или не быть, вот в чем вопрос», а там буквально: «Это есть вопрос». У Пастернака более глубокий смысл, но он о несколько другом.

Да. Мне хочется развивать свой английский. Так его не выучишь, нужно читать художественную литературу на английском. Поэтому, когда я приехал в США, я много читал американских литературных классиков, смотрел телевизор, чтобы вжиться в язык изнутри.

Мы, когда общались с Вами по телефону, я обратил внимание на то, что построение фразы у Вас непривычное для русского уха.

Я всегда в Кемерове встречаюсь с друзьями. Они меня поймали на фразе: «Мне нужно взять автобус». На английском: «Take a bus». Но это все-таки редко выскакивает.

Любите ли вы кино?

Очень люблю. Помню, когда у нас детей не было, мы с женой все новинки смотрели. Сегодня, к сожалению, очень редко бываем в кино-

театре. У нас были абонементы, чтобы брать новые фильмы для просмотра дома. Мы смотрели по 3–4 фильма в неделю. Классические фильмы мы все пересмотрели. А телевизор не включаем.

У нас очень большие позитивные перемены в видеопродукции, можно запросто на DVD посмотреть некассовые фильмы авторского кино, серьезные фильмы, приобщаться и думать, оценивать критику, которая не так оценила, как представляется тебе.

Вы, конечно, знаете, кто такой Владимир Горовиц? Он говорил по-английски, я переведу на русский: «Критики, что внухи, они знают, как это должно быть, но сами не могут». Но все-таки есть избранные, которые могут.

А какие отношения у Вас с изобразительным искусством?

Я достаточно много путешествую и всегда, когда куда-то еду, в первую голову смотрю музеи.

Значит, итальянское Возрождение в подлинниках видели?

Вот как раз в Италии у нас времени нет свободного, приезжаем в Больцано, наш городок ещё минут 20 езды от Больцано, и потом мы окунаемся в нашу фестивально-музыкальную жизнь, а кругом ничего нет из прославленной в веках живописи. У нас по два концерта в день, организационные хлопоты просто пожирают время.

Могу сказать, что в Чикаго великолепный музей, в Нью-Йорке «Метрополитен», он поскромнее по сравнению с нашими «Русским музеем» в Петербурге, «Третьяковкой» в Москве. Я в Нью-Йорке часто бываю, почти каждый приезд захожу в «Метрополитен».

В Нью-Йорке есть ещё очень хороший музей современного искусства, называется МОМА – это тоже на Манхэттене.

Очень люблю парижский Лувр.

А как у Вас с энергетикой после посещения модернистских музеев? Мой опыт печальный: выходишь из здания, где сконцентрировано колоссальное количество экспериментального искусства, и болен на голову, выпотрошен энергетически.

Нет, я привычен. В Лондоне Национальная картинная галерея бесплатна. А мы недалеко жили, на Кенсингтон, буквально пять остановок на двухэтажном автобусе, и я туда каждый день ходил, по 2–3 зала в день выпитывания и осваивания.

В Бостоне замечательный музей. Я уже не говорю о Лувре и Амстердаме.

Теперь личные вопросы, касающиеся семейной жизни. На каком языке разговариваете в доме, кто Ваша жена – американка?

Моя жена – американка финского происхождения. Родилась в Хельсинки, но в три месяца с родителями переехала в США. У них в семье разговаривали по-фински, это её родной язык. И английский, естественно. В Финляндии к окончанию школы они знают пять языков, включая своих работодателей шведов, плюс немецкий и французский. Они после школы говорят на всех этих языках, не просто, как у нас – пишем в анкете: «Читаю и перевожу со словарем», а сами ни бум-бум. Мы с ней говорим на английском. Она знает русский, учила специально, знает французский и испанский. У моего сына первые два языка – финский и русский. Он пошел в садик, и я с ним говорю только по-русски, а он отвечает мне на английском. Я отвечаю, что, дескать, не понимаю, но он вот так старается. В два с половиной года он русский знал лучше, чем сейчас.

Какой прогноз на будущее развитие окружающего мира можете дать? Ведь каждый человек об этом время от времени думает, у Вас большой опыт нахождения в самых разных странах. Я, к примеру, от того, что мы стали свободными, получил много: можно читать то, что раньше было нельзя, можно ездить по миру, к культурам разнообразным приобщаться. Но есть тревога: возьмем нашу интеллигенцию – одна часть рефлексит по поводу сворачивания свобод, не дай Бог, отберут, другая – ностальгирует по прошлому.

Мне трудно сказать про прогнозы, потому что я чувствую себя как дома в Кемерове, в этой

квартире, где прожил всю жизнь. В чисто политическом плане мне трудно сказать. Я интересуюсь политикой, но постольку-поскольку. Я много лет уже в другой системе, здесь же даже телевизор не включал, и мнения своего нет.

А каково Ваше отношение к малой родине? Есть ощущение, что здесь, в Кемерове – малая родина?

Само понятие Родины закладывается в детстве. Я здесь рассматривал старые документы, увидел старые тетрадки, клятву пионера – любить свою Родину. За время, что с тех пор протекло, само понятие Родины много раз менялось.

Уточню. Я до сих пор вижу во сне свой рабочий поселок, который был, наверное, напоселен «сидевшими» людьми, бывшими эками разных национальностей, которых туда согнали в свое время для лесозаготовок. Вижу во сне природу, что-то загадочное, красивое.

Такой ностальгии, как у русской интеллигенции после революции, – не могу жить без России – у меня нет. Наверное, потому, что в сознание впечатано: могу приехать сюда в любой момент. Вспоминается даже не столько Кемерово, сколько обстановка, мои друзья. Я, когда сюда приезжаю, в первый же вечер обзваниваю всех своих друзей, одноклассников. Они говорят, что никогда не собираются. Только, когда я приезжаю. Я не был в Кемерове с 1995 до 2005 года, не собирались 10 лет, а сейчас каждый год приезжаю и собираемся. Вот как бы не Кемерово – город родной, а всё вместе: Притомская набережная, парк, друзья. Это, можно сказать, такое комплексное восприятие и воспоминание. Аура, когда я не отделяю место от людей.

*Беседовал
Валерий Плющев
г. Кемерово*

